ВЪ ПОИСКАХЪ

ЛУЧШАГО БУДУЩАГО.

СОЦІАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

И. И. ЯНЖУЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. КАРБАСНИКОВА.
1893.

16

Пров 1965
Пр.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ
711
30

Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая № 27.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Отъ автора V

Посвященіе VII

Практическая филантропія въ Англіи:

I. «Народный дворецъ» 1

II. Университетское поселеніе въ восточномъ Лондонѣ. . 19

III. Національзація университетскаго образованія . . . 54

Будущій вѣкъ. Новая фантазія на старую тему 85

Въ трущобахъ Англіи. 151

Сосѣдскія гильдіи. Новый путь къ соціальной реформѣ . . . 207

Эдемъ труженицъ. (Американки статистики—объ американкахъ-работницахъ). 232

Соціальный вопросъ и единый налогъ. Открытое письмо Генри Джорджа къ папѣ Льву XIII 257

Пьянство какъ соціальный недугъ и борьба противъ него . . 298

ОТЪ АВТОРА.

Настоящая книга составляетъ сборникъ статей, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ, большею частію, за послѣдніе три года. Всѣ почти очерки или этюды здѣсь помѣщенные, несмотря на разнообразіе ихъ содержанія, имѣютъ своимъ предметомъ одну общую цѣль — описаніе различныхъ плановъ и попытокъ для улучшенія экономическаго, умственнаго и нравственнаго положенія человѣчества. Большая часть новѣйшихъ опытовъ для достиженія означенной задачи, далекихъ притомъ отъ всякой соціалистической окраски, имѣли мѣстомъ дѣйствія преимущественно Англію и Америку и представляютъ собой безспорно знаменательнѣйшее явленіе нашего времени. Послѣдній этюдъ посвященъ изслѣдованію исторіи и мѣръ уменьшенія пьянства, какъ соціальнаго недуга, которымъ также человѣчество страждетъ цѣлыя тысячелѣтіи. Несомнѣнно, что до тѣхъ поръ пока оно неизлечится отъ этой болѣзни совершенно, всякій дальнѣйшій прогрессъ человѣчества значительно тормазится и задерживается, какъ бы не были даже остроумны и широко задуманы самыя мѣропріятія, имѣющія своей цѣлью общій подъемъ и усовершенствованіе современнаго быта или улучшеніе одной изъ его сторонъ. Вотъ почему данный очеркъ и включенъ также въ нашу серію прочихъ этюдовъ, посвященныхъ поискамъ *лучшаго будущаго*.

С.-Петербургъ,
27-го октября 1892 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЕЛИЗАВЕТѢ НИКОЛАЕВНѢ

ОРЛОВОЙ

ВЪ ЗНАКЪ ИСКРЕННЯГО И ГЛУБОКАГО УВАЖЕНІЯ АВТОРА

КЪ ЕЯ ФИЛАНТРОПИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛАНТРОПІЯ ВЪ АНГЛІИ.

I.—«Народный Дворецъ».

Каждому извѣстно, какъ рѣдко сбываются наши сны; еще рѣже того превращаются въ дѣйствительность грёзы или воздушные замки, которые такъ любитъ строить юность о лучшемъ будущемъ. Одинаково же рѣдко, наконецъ, сбываются и фантазіи на подобныя темы, которыя пишутъ поэты и беллетристы. Тѣмъ не менѣе бываютъ такія счастливыя исключенія, когда мысль, высказанная въ видѣ пожеланія, получаетъ удовлетвореніе—выполняется; когда вымыселъ художника, диктуемый его поэтическимъ воображеніемъ и любовью къ человѣчеству, переходитъ въ дѣйствительность и становится реальнымъ фактомъ. Къ такимъ-то рѣдкимъ случаямъ принадлежитъ одна фантазія современнаго англійскаго романиста Вальтера Безанта.

Осенью 1882 года вышелъ въ Англіи его романъ подъ названіемъ «All Sorts and Conditions of Men» («Люди всякаго рода и состоянія»). Главнымъ образомъ его содержаніе вращается около двухъ молодыхъ симпатичныхъ героевъ: Анжелы (миссъ Мессенджеръ) и Гарри. Первая изъ нихъ представляетъ собою молодую эксцентричную дѣвицу, которая, получивъ послѣ смерти своего отца колоссальное состояніе, нажитое имъ пивовареніемъ въ восточномъ Лондонѣ, рѣшается, подъ вліяніемъ чувства высокой филантропіи, употребить свои милліонныя средства на пользу и благо того же народа, съ котораго онъ ихъ нажилъ; желая ближе узнать этотъ народъ и избрать для наилучшаго достиженія послѣдней цѣли и лучшія средства, милліонерша превращается въ простую швею-портниху и поселяется въ маленькой квартиркѣ въ этой восточной части Лондона, населенной бѣднымъ рабочимъ людомъ. Судьба Гарри нѣсколько иная: выросшій и воспитанный въ зажиточномъ дворянскомъ семействѣ и получившій хорошее образованіе, Гарри, 23 лѣтъ отъ роду, узнаетъ къ своему ужасу, что

онъ не болѣе, какъ пріемышъ плебейскаго происхожденія, сынъ сержанта изъ того же восточнаго Лондона. Тогда, сбросивъ съ себя свое общественное положеніе, какъ ему болѣе не принадлежащее, Гарри пользуется тѣмъ, что выучился когда-то для забавы столярному мастерству, изъ джентльмена превращается въ простого столяра и поселяется въ той же самой бѣдной части города, гдѣ и Анжела. Естественно, они случайно сходятся, знакомятся и любятъ другъ друга; но для насъ не въ этомъ дѣло. Однажды, гуляя по улицамъ и разговаривая объ окрестностяхъ, Гарри коснулся въ своей бесѣдѣ миссъ Мессенджеръ, какъ богатой наслѣдницы, владѣющей по близости множествомъ домовъ, нисколько не подозрѣвая ея тождества съ скромной швеей Анжелой Кеннеди. И вотъ молодые люди начинаютъ мечтать на ту тему, что̀ бы они сдѣлали для блага бѣднаго народа на мѣстѣ этой богачки.

Гарри прежде всего высказывается за необходимость устроить для населенія на Уайтчапелѣ театръ и концертный залъ. «Ежели молодая наслѣдница дѣйствительно захотѣла бы сдѣлать что-нибудь доброе,—добавляетъ онъ,—то должна прежде всего здѣсь устроить увеселительный дворецъ для народа!» Анжела сочувственно поддакиваетъ ему и рядомъ другихъ вопросовъ старается выпытать болѣе подробно его мнѣніе по этому предмету. Гарри продолжаетъ далѣе фантазировать, указывая на потребность для восточнаго Лондона, еще болѣе существенную, — на недостатокъ школъ для юнаго поколѣнія этой части города. «Нужно, по крайней мѣрѣ,—восклицаетъ онъ,—открыть здѣсь полдюжины школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ!»—Да, это очень хорошая мысль»,—соглашается Анжела.—«Затѣмъ, при народномъ дворцѣ должны быть библіотека, читальня, клубы».—Разумѣется,—поддерживаетъ его фантазію Анжела:—слѣдуетъ завести также музыкальный залъ для концертовъ».—«Мало того: музыкальную школу!»—восклицаетъ онъ.—«Не забудьте также школу для танцевъ»,—скромно замѣчаетъ она, и т. д., и т. д. Воображеніе молодыхъ людей постепенно все болѣе и болѣе разыгрывается, вмѣстѣ съ ходомъ развитія плана. Воздушные замки строются и ростутъ; къ увеселительнымъ цѣлямъ прибавляются образовательныя заботы о поднятіи бѣднаго народа на болѣе высокій уровень умственнаго развитія и наилучшаго воспитанія и подготовки къ труду.

Анжела продолжаетъ упорно носиться съ своей фантазіей и любитъ, при послѣдующихъ свиданіяхъ съ Гарри, возвращаться къ этому плану, приглашая его къ дальнѣйшей разработкѣ. Молодая фантазія населяетъ свой волшебный замокъ всевозможными для народа развлеченіями, увеселеніями и средствами для обученія лицъ обоего пола,

всякаго возраста и всѣхъ состояній. Здѣсь будутъ всевозможныя игры, забавы и виды спорта, начиная съ бѣганья на конькахъ, катанья на велосипедахъ и національныхъ танцевъ, кончая стрѣльбой въ цѣль, игрой на сценѣ, декламированіемъ и т. д. безъ конца. Почти всѣ виды искусства и наукъ здѣсь будутъ представлены—особенно имѣющіе прикладное значеніе для промышленности, начиная съ рисованія и живописи по фарфору, точенія по дереву, по кости, костюмерному и кулинарному искусствамъ и т. д. и кончая умѣньемъ вести дѣловую корреспонденцію—и въ томъ числѣ даже умѣньемъ писать любовныя записочки, что̀, въ глазахъ влюбленной парочки, представлялось дѣломъ не малой важности!..

Романъ кончается, разумѣется, практическимъ осуществленіемъ этихъ фантазій. Бѣдная швея Анжела отдаетъ лишь приказаніе своему alter ego—милліонершѣ Анжелѣ, и вотъ возникаетъ волшебный дворецъ для народа, созданный ея воображеніемъ совмѣстно съ ея возлюбленнымъ и населенный всѣми развлеченіями и учебными принадлежностями, которыя только были придуманы ихъ пылкой фантазіей; она ведетъ туда своего удивленнаго жениха, показываетъ ему дворецъ со всѣми его чудесами, цѣликомъ воплотившими ихъ планы, и въ заключеніе обѣщаетъ этому счастливцу отпраздновать свою свадьбу въ тотъ день, когда дворецъ окончится постройкой и широко и гостепріимно раскроетъ свои ворота для всей лондонской бѣдноты.

Прошло со времени появленія этого произведенія Вальтера Безанта менѣе двухъ лѣтъ, а плодотворное зерно его фантазіи начало превращаться въ плодъ, и вымыселъ—въ дѣйствительность... Еще не всѣ даже успѣли прочесть трогательную исторію Анжелы и Гарри, какъ въ 1884 г. въ англійскихъ, а затѣмъ въ иностранныхъ газетахъ появилось извѣстіе о новомъ обширномъ филантропическомъ проектѣ въ восточномъ Лондонѣ; вмѣсто фантастической молодой милліонерши ея планами проникся одинъ солидныхъ лѣтъ филантропъ—сэръ Эдмундъ Гей Кёрри, который и постарался осуществить на практикѣ идею Безанта о народномъ дворцѣ (People's Palace). Для этой цѣли понадобилось, конечно, большое количество денегъ; по первоначальному уже разсчету на постройку и первое обзаведеніе новаго учрежденія необходимо было не менѣе семидесяти-пяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ богатой Англіи, гдѣ романъ Вальтера Безанта только что передъ этимъ возбудилъ всеобщее вниманіе къ лондонской бѣдности и ея нуждамъ своей фантазіей, нашлось тотчасъ же значительное число сочувствующихъ жертвователей изъ всѣхъ классовъ общества на доброе дѣло. Открылась подписка для осуществленія этой филантро-

пической затѣи, и со всѣхъ сторонъ посыпались крупныя пожертвованія. Управленіе такъ называемаго благотворительнаго фонда Бомонта (Beaumont Trust) подписало на «Народный Дворецъ» (People's Palace) 12½ тысячъ фунтовъ. Королева Викторія оказала немедленно свое высокое покровительство и подписала 200 фунтовъ. Богатый цехъ суконщиковъ пожертвовалъ прямо сорокъ тысячъ фунтовъ; управленіе общественной благотворительности (Charity Commissioners), въ виду благихъ цѣлей учрежденія, удовлетворяющихъ задачамъ самаго управленія (помощь всякаго рода бѣднымъ), обязалось давать ежегодно на содержаніе Дворца двѣ съ половиною тысячи фунтовъ. Затѣмъ отъ отдѣльныхъ лицъ поступили не менѣе богатые дары уже съ какою-либо спеціальною цѣлью; напр., извѣстный лордъ Розберри взялся устроить на свой счетъ при Дворцѣ обширную купальню и школу плаванія. Сэръ Эдуардъ Гиннесъ (Guinness) вызвался открыть на собственный счетъ зимній садъ при Дворцѣ, стоимостью въ девять тысячъ фунтовъ. Дайеръ Эдвардсъ подарилъ Дворцу огромный дорого стоющій органъ для концертнаго зала; были и другіе жертвователи, менѣе крупные. Какъ бы то ни было, лѣтомъ 1886 года уже три четверти проектированныхъ суммъ было собрано, что̀ уже составило приблизительно около одного милліона русскихъ бумажныхъ рублей. Уже можно было начать постройку, и вотъ 28-го іюня 1886 года на улицѣ Майль-Эндъ-Родъ (Mile End Road), составляющей продолженіе знаменитой Уайтчапель (Whitechapel), въ самомъ центрѣ восточнаго Лондона, принцъ и принцесса Уэльскіе торжественно совершали закладку «Народнаго Дворца» (People's Palace). Менѣе чѣмъ черезъ годъ, а именно 14-го мая 1887 года, королева Викторія лично пожелала присутствовать при открытіи Дворца, причемъ любезно подала свою руку во время процессіи скромному поэту, фантазія котораго всего пять лѣтъ передъ тѣмъ родила самую мысль и дала первый толчокъ этому совершавшемуся великому событію въ народной жизни лондонскаго рабочаго класса...

«Народный Дворецъ» (People's Palace) лежитъ на разстояніи получаса ѣзды отъ Англійскаго Банка и слѣдовательно отъ средоточія всей торговой дѣятельности Сити Лондона, этого богатѣйшаго въ мірѣ города. Мѣстоположеніе Дворца какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ его назначенію: онъ находится на большой улицѣ, нѣкогда даже большой дорогѣ, связывающей Сити съ загородными окрестностями. Нынѣ онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ бѣднѣйшими кварталами Лондона, каковы: Гакней (Hackney), Шордичъ (Shoreditch), Бетналь-Гринъ (Bethnal-Green), Поплэръ (Poplar) и Степней (Stepney), не говоря объ

Уайтчапелѣ; въ то же время мимо его воротъ проходятъ конно-желѣзные омнибусы, а недалеко лежитъ и станція подземной желѣзной дороги. Такимъ образомъ, положеніе его для массы рабочаго люда восточной части города—центральное, а сообщеніе отовсюду удобно и дешево. Главное зданіе Дворца расположено на дворѣ, нѣсколько шаговъ отступивъ отъ улицы, и отдѣлено отъ нея рѣшеткой: оно носитъ названіе «Королевиной залы» (Queen's Hall) и представляетъ собой огромный, красивый залъ, сто-тридцати футовъ длины, семидесяти-пяти ширины и шестидесяти высоты, вмѣщающій въ себѣ двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ и предназначенный для концертовъ, праздничныхъ увеселеній и отчасти картинныхъ выставокъ. Съ обѣихъ сторонъ идутъ галереи, поддерживаемыя каріатидами, а простѣнки между огромными окнами украшены двадцатью-двумя статуями «добрыхъ королевъ», начиная съ Эсѳири Персидской и кончая Луизой Прусской; на одномъ концѣ залы помѣщается большая статуя королевы Викторіи, а на противоположномъ—величественный органъ. По бокамъ расположены меньшія комнаты, служащія для разныхъ собраній и цѣлей административныхъ. Въ непосредственной связи съ «Королевиной Залой» лежитъ обширный, съ верхнимъ свѣтомъ, читальный и библіотечный залъ, напоминающій, конечно, въ уменьшенномъ размѣрѣ, извѣстный читальный залъ (Reading Room) Британскаго музея. Непосредственно рядомъ возвышается прекрасное зданіе «техническаго училища» Дворца, съ его мастерскими, лабораторіями и классами. Затѣмъ эти главныя постройки окружены со всѣхъ сторонъ отдѣльными зданіями, частью постоянными, частью временными и занимающими обширное пространство земли. Все еще видимо находится въ періодѣ зиждительства и, кромѣ первыхъ строеній, смотритъ чѣмъ-то недоконченнымъ или подлежащимъ передѣлкѣ. Тѣмъ не менѣе, быстрота всего этого огромнаго сооруженія, на мѣстѣ бывшаго здѣсь лишь три года назадъ пустыря, съ жалкимъ рабочимъ домомъ, наконецъ, само «идейное» происхожденіе его изъ головы поэта,—все это представляетъ явленіе въ высшей степени необычайное и странное, даже для Англіи, при всѣмъ извѣстной оригинальности и энергіи ея жителей!..

Посмотримъ же поближе, какимъ образомъ и въ какихъ формахъ осуществилась счастливая мысль англійскаго поэта. Народный Дворецъ является филантропическимъ учрежденіемъ совершенно новаго типа, ибо единовременно преслѣдуетъ три цѣли помощи народу, которыя обыкновенно бываютъ раздѣлены, а отчасти, до послѣдняго времени, не всѣ и получали должное признаніе. Цѣли эти, во-первыхъ, доста-

вленіе народу разнообразныхъ здоровыхъ и дешевыхъ развлеченій, которыя не только отвлекали бы его отъ кабаковъ и вообще порочнаго времяпрепровожденія, но и будили бы въ молодежи пытливость, давали матеріалъ для бесѣдъ и размышленія, развивали бы въ народѣ малоизвѣстное ему чувство изящнаго, вырабатывали бы вкусъ къ прекрасному и создавали вообще у народа новыя потребности къ развлеченію, до сихъ поръ неизвѣстныя и которыя у невѣжественной толпы ограничиваются вездѣ больше ѣдой да питьемъ! Короче, Народный Дворецъ стремится доставить рабочимъ классамъ тѣ развлеченія, которыя были доступны до сихъ поръ, почти исключительно, однимъ богатымъ, и, мало того,—онъ желаетъ пріучить народъ къ этимъ менѣе грубымъ и болѣе облагораживающимъ увеселеніямъ.

Вторая цѣль Дворца состоитъ въ содѣйствіи народному образованію, разумѣя его здѣсь во всѣхъ видахъ, а не одну грамотность, и на первомъ планѣ стоитъ разнообразное техническое образованіе, способное не только дать юношѣ техническую ловкость руки, вѣрность глаза и подготовить его къ той или иной промышленной профессіи, но и доставить уже взрослому работнику, въ часы его вечерняго досуга, возможность пополнить свои свѣдѣнія въ той или иной отрасли знанія или даже искусства. Наконецъ, третья цѣль Дворца для народа заключается, такъ сказать, въ соединеніи первыхъ двухъ—въ развитіи у массы бѣднаго люда чувства общительности, чувства мало ему знакомаго и мало доступнаго, одинаково какъ по бѣдности, такъ и невѣжеству, а между тѣмъ крайне важнаго для правильнаго общежитія и даже успѣшнаго умственнаго развитія.

Сообразно этимъ тремъ цѣлямъ, дѣятельность учрежденія выражается въ столькихъ же направленіяхъ. Здѣсь преслѣдуются три задачи: 1) увеселительная; 2) образовательная и 3) соціальная. Но чтобы должнымъ образомъ оцѣнить значеніе каждой изъ нихъ, необходимо, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, остановиться, охарактеризовать предварительно населеніе восточнаго Лондона, т. е. ту арену, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Изъ милліона населенія этой части громаднаго города около одной трети, или болѣе тридцати процентовъ, принадлежитъ къ бѣднякамъ, жизнь которыхъ проходитъ въ непрестанной борьбѣ съ нуждой и отсутствіи всякаго комфорта. Согласно новѣйшимъ статистическимъ изслѣдованіямъ по этому предмету, около ста тысячъ изъ нихъ находятся даже въ состояніи постоянной нужды: дурно одѣтые, дурно питаемые, кое-какъ перебиваясь изо дня въ день, эти послѣдніе, конечно, постояннаго заработка и, слѣдовательно, платы не имѣютъ; иногда они сильно голодаютъ, иногда получаютъ временное средство

къ заработку или пособіе, и обыкновенно съ полнѣйшей безпечностью истрачиваютъ тотчасъ же что̀ получаютъ, за что̀ едва ли, впрочемъ, возможно строго осуждать людей въ ихъ положеніи. «Непредусмотрительность бѣдныхъ, — справедливо говоритъ извѣстная мистриссъ Вудсъ, — имѣетъ свое широкое основаніе и оправданіе»... «Жизнь была бы нестерпима, еслибы бѣдняки всегда—по ея картинному выраженію—должны были созерцать ту бездну лишенія, на краю которой они постоянно находятся». Вообще значительная часть населенія восточнаго Лондона (болѣе трехъ сотъ тысячъ) пользуется самою низкою степенью матеріальнаго довольства, представляя собой обратную сторону той роскоши и богатства, которая такъ поражаетъ глазъ иностранца въ недалекомъ разстояніи, на центральныхъ улицахъ Сити или въ Вестэндѣ *).

Особенно является неутѣшительнымъ положеніе молодежи среди этого бѣднаго населенія: къ недостатку средствъ пропитанія для него присоединяется также и недостатокъ средствъ образованія; несмотря на принудительность въ этомъ отношеніи, установленную англійскимъ закономъ, многіе изъ нихъ учатся тамъ кое-какъ и кое-чему, т. е. не идутъ дальше простой грамотности и не получаютъ никакой профессіональной подготовки, вслѣдствіе чего увеличиваютъ и безъ того слишкомъ обширную массу «неискусныхъ рукъ» (unskilled hands), годную только для такъ называемой черной работы, вездѣ низко оплачиваемой. Положеніе въ этомъ отношеніи городского напр. мальчика, по словамъ Вальтера Безанта, гораздо хуже деревенскаго: въ томъ возрастѣ, когда обыкновенный городской мальчикъ,—говоритъ онъ,—вступаетъ въ жизнь съ умомъ, отчасти уже развитымъ школой, а больше жизнью, и неискусными, ничему необученными руками, то его пытливому уму прежде всего для разрѣшенія является тотъ страшный вопросъ, что онъ помощью этихъ рукъ ничего не умѣетъ сдѣлать и слѣдовательно ничего не умѣетъ заработать... Деревенскій парень между тѣмъ каждый день своей жизни узнаетъ что-нибудь новое; онъ научается постепенно, ежедневной практикой, какъ употреблять въ дѣло свои руки и свои физическія силы. Въ восемнадцать лѣтъ нерѣдко онъ уже очень искусный земледѣлецъ; онъ уже знаетъ и можетъ сдѣлать много весьма полезныхъ и необходимыхъ вещей; городской же парень, если не учился ремеслу, не знаетъ ровно ничего; онъ никогда не будетъ имѣть шансовъ хорошо устроить свою жизнь; онъ заранѣе какъ бы осужденъ на нищету и никогда не будетъ имѣть ни малѣйшей независимости. То

*) См. новый превосходный трудъ по этому предмету: Labour and Life of the People. Two vols. East London. Edited by Charles Booth. 1889—91.

же самое, vice versa, относится и къ женскому полу: городская дѣвочка, обратно съ своей деревенской сестрой, если опять-таки не обучалась какому-нибудь ремеслу, то въ возрастѣ, положимъ, тѣхъ же восемнадцати лѣтъ и въ лондонскомъ рабочемъ классѣ большею частью не знаетъ ровно ничего въ видахъ заработка; при той несчастной и бѣдной обстановкѣ, при которой она выросла, ее мать не успѣла, да и не могла научить, — напр., хотя сколько-нибудь владѣть иглой или съумѣть приготовить самое простое кушанье; позднѣе работа на фабрикѣ или въ заведеніи, гдѣ все дѣло сводится большею частью на какія-нибудь однообразныя, не требующія искусства движенія, не дастъ ей въ этомъ отношеніи ровно ничего, кромѣ голаго и ничтожнаго заработка, лишая ее въ то же время особенно важной для нея въ юномъ возрастѣ семейной обстановки, разлучая часто съ матерью *).

Помимо недостатка обученія въ смыслѣ профессіональной подготовки, лондонская молодежь рабочаго класса терпитъ также не мало отъ недостатка полезныхъ и здоровыхъ развлеченій. Все ихъ дѣтство и юность имѣетъ цыганскій характеръ, проходитъ на улицѣ, съ ея физической и моральной грязью; они рано пріучаются видѣть лишь дурную сторону жизни и рано усвоиваютъ себѣ всѣ недостатки и пороки взрослыхъ. Сближеніе между двумя полами происходитъ преждевременно и браки заключаются въ самомъ юномъ возрастѣ: очень нерѣдко можно встрѣтить въ рабочемъ классѣ восемнадцатилѣтнія женатыя парочки, тогда какъ въ среднемъ, въ болѣе зажиточныхъ классахъ англійскаго народа, браки заключаются несравненно позже (для мужчинъ средній брачный возрастъ 28,2, для женщинъ 25,9 лѣтъ) **). Такимъ образомъ къ двадцатипятилѣтнему возрасту подобные супруги, можетъ быть, имѣютъ уже полдюжины ребятъ, рожденныхъ въ бѣдности и лишеніяхъ, для подобной же жизни крайней нищеты, холода и голода, неимѣнія труда и неумѣнья трудиться...

Съ цѣлью именно устраненія всѣхъ этихъ описанныхъ золъ и неправильныхъ явленій устроенъ Народный Дворецъ: онъ предназначенъ, главнымъ образомъ, для молодежи обоего пола рабочаго класса и имѣетъ своей ближайшей задачей удалить ее съ улицы отъ всѣхъ соблазновъ и искушеній (кончающихся подобными неразумными браками), сдѣлавъ это путемъ устройства развлеченій, доступныхъ массѣ бѣдной молодежи. Народный Дворецъ стремится въ то же время напол-

*) См. *Walter Besant's* „The People's Palace“ въ „Contemporary Review“. 1887. Febr.

**) The Elements of vital statistics, dy *Arthur Newsholme*. London, 1889, стр. 47.

нить головы молодежи знаніемъ, а руки сдѣлать искусными и сильными во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ промышленнаго труда, которому они себя захотятъ посвятить, дабы не оставаться всю жизнь въ положеніи чернорабочаго. То же имѣется въ виду и для женской половины молодежи, съ добавленіемъ еще сюда нѣкотораго обученія женщинъ обыкновенному рукодѣлію и кулинарному искусству, въ размѣрахъ, необходимыхъ для ихъ положенія, какъ будущихъ женъ и матерей.

Народный Дворецъ есть зданіе публичное, слѣдовательно доступное для осмотра каждому со всѣми его учрежденіями, увеселеніями за ту или другую небольшую входную плату (обыкновенно два пенса, а иногда даже одинъ, т. е. отъ пяти до десяти копѣекъ). Но для того, чтобы постоянно пользоваться разнообразными учрежденіями Дворца и при томъ всякаго рода и возможно дешево, необходимо сдѣлаться его членомъ, которыхъ теперь и насчитывается около пяти тысячъ человѣкъ (четыре тысячи двѣсти молодыхъ людей было въ концѣ 1888 года), а по заявленію управленія ихъ было бы гораздо больше, если бы позволяло мѣсто. Члены эти, обоего пола, пользуются привилегіей свободнаго, т. е. безплатнаго входа во Дворецъ на всѣ его выставки, игры, въ гимнастическій залъ и на нѣкоторые концерты (по четвергамъ безплатно); многія же другія учрежденія имъ доступны по пониженной, сравнительно съ посторонними посѣтителями, платѣ. Кромѣ того, лишь члены института (какъ они называются) могутъ быть избираемы въ члены различныхъ клубовъ и обществъ, связанныхъ съ Дворцомъ; дѣйствительными членами имѣютъ право сдѣлаться лица отъ шестнадцати до двадцати-шести-лѣтняго возраста; лица старше этихъ лѣтъ въ члены не принимаются, а моложе (отъ тринадцати до шестнадцати лѣтъ) поступаютъ въ такъ называемое младшее отдѣленіе или секцію (Junior section) Института съ особыми правами. Первые, т. е. взрослые, платятъ за членство три шиллинга за четверть года, или десять съ половиною шиллинговъ въ годъ — мужчины, и полтора шиллинга за четверть года, или пять шиллинговъ за годъ—лица женскаго пола, съ однообразной платой за регистрацію или запись по одному шиллингу въ каждомъ случаѣ. Мальчики въ младшемъ отдѣленіи платятъ четыре пенса регистраціи и четыре пенса помѣсячно членской платы; за это, кромѣ тѣхъ же выгодъ, какъ взрослые, они получаютъ право безплатно посѣщать спеціальные для нихъ классы рисованія, стенографіи и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, и кромѣ того спеціально для нихъ устраивается разъ въ недѣлю какое-нибудь чтеніе или другое развлеченіе. Въ виду массы ребятъ, желающихъ сдѣлаться членами этого отдѣленія, число

ихъ пришлось ограничить комплектомъ въ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ.

Такимъ образомъ, первый принципъ, который лежитъ въ основаніи всей дѣятельности Народнаго Дворца, выражается въ томъ, что народу доставляется возможность пользоваться этимъ учрежденіемъ отнюдь не задаромъ, но за плату, хотя умѣренную и общедоступную. Англичане думаютъ, что доставлять народу что либо—будь то развлеченіе, или обученіе, или образованіе—совершенно безплатно, значило бы принижать до нѣкоторой степени тѣхъ лицъ, которыя пользуются этими общественными одолженіями, и, кромѣ того, даровое пользованіе учрежденіями не безъ вреда дѣлу привлекло бы многихъ лицъ, которыя не будутъ ими серьезно дорожить и въ нихъ нуждаться. Поэтому, какъ правило, въ Англіи всѣ подобныя учрежденія, кромѣ немногихъ государственныхъ, отнюдь не даровыя, и съ помощью небольшой платы стремятся развить въ публикѣ чувство независимости и сознанія о необходимости жертвовать чѣмъ-нибудь посильно для поддержанія общаго дѣла, которое этой публикѣ дорого *).

Отчетъ за первый годъ дѣятельности Народнаго Дворца (1887-88), представленный сэромъ Эдмундомъ Кёрри въ управленіе благотворительнаго фонда Бомонта (полученный нами на мѣстѣ), сообщаетъ полную картину этого новорожденнаго великана, призваннаго на свѣтъ забавлять и поучать лондонскій бѣдный людъ; на первомъ планѣ въ отчетѣ стоитъ секція увеселеній, и первое мѣсто между ними занимаетъ музыка. Каждую недѣлю въ Королевиной залѣ два раза (по четвергамъ и субботамъ) въ теченіе года давались концерты, охотно посѣщаемые бѣдной публикой. Количество посѣтителей среднимъ числомъ доходило до двухъ съ половиною тысячъ, т.-е. зала была переполнена; сверхъ того, по воскресеньямъ, два раза въ день, дается органный концертъ духовной музыки, причемъ часы концертовъ оба раза приноровлены такъ, чтобы отнюдь концерты не совпадали со временемъ церковной службы и начинались въ то же время немного раньше открытія кабаковъ,—конечно, съ цѣлью отвлеченія отъ нихъ.

Другое, затѣмъ, развлеченіе, практикуемое Народнымъ Дворцомъ,

*) См. напр. протестъ противъ безплатнаго обученія извѣстнѣйшаго англійскаго педагога проф. Лори: Occasional Adresses on Educational subjects, by SS. *Laurie*. Cambridge 1888. Извѣстная книжная фирма въ Лондонѣ Griffith, Farran and C° недавно сдѣлала даже школьному управленію любопытное предложеніе: ради аккуратнаго посѣщенія классовъ обложить всѣхъ учениковъ добавочнымъ сборомъ въ 1 пенни, взимаемымъ съ понедѣльника. Если ученикъ посѣщалъ школу аккуратно, то пенни ему возвращается въ пятницу, или зачитывается для будущей недѣли; въ противномъ случаѣ остается въ пользу школы.

заключается почти въ непрерывно другъ за другомъ слѣдующихъ выставкахъ всевозможнаго рода и базарахъ самаго разнообразнаго характера. Такъ, въ теченіе года перебывали слѣдующія выставки: первая изъ нихъ—выставка птицеводства и голубей—происходила въ октябрѣ 1887 года, затѣмъ спеціальная выставка: цвѣточная,—растенія изъ семейства златоцвѣтныхъ (Chrysanthemums). Въ декабрѣ принцъ Уэльскій открылъ во Дворцѣ выставку лондонскихъ ремесленныхъ учениковъ, преимущественно по столярному дѣлу, гравированію и художествамъ, по металлическимъ издѣліямъ; многіе ученики при этомъ въ костюмахъ XVI-го в. работали при публикѣ свои издѣлія. Затѣмъ слѣдовали выставки; въ мартѣ—собакъ, въ апрѣлѣ—кошекъ и кроликовъ, въ маѣ, почти единовременно,—двѣ выставки: такъ называемая выставка рабочихъ (Workmens Exhibition) и выставка цвѣтовъ; далѣе послѣдовали двѣ въ разное время, раздѣленное равными мѣсяцами: выставка картинъ и выставкаословъ и лошадей; наконецъ, послѣдняя, за отчетный годъ, была выставка пѣвчихъ птицъ *).

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ выставокъ, осенью былъ устроенъ спеціально осенній праздникъ, продолжавшійся цѣлыхъ шесть недѣль, единовременно съ выставкой цвѣтовъ и новѣйшихъ картинъ, и заключавшійся въ разнообразныхъ увеселеніяхъ членовъ и посѣтителей. Такъ, образованный во Дворцѣ изъ членовъ хоръ и оркестръ дали цѣлый рядъ концертовъ, а гимнастическое общество, изъ молодежи—небольшой гимнастическій турниръ, сопровождаемый призами, причемъ въ представленіи особо участвовало и женское отдѣленіе гимнастическаго общества. Всѣ зданія были убраны по праздничному, разукрашены флагами и китайскими фонарями. Въ теченіе этихъ шести недѣль число посѣтителей превзошло *триста тысячъ* человѣкъ, причемъ для лицъ, особенно бѣдныхъ, вмѣсто двухъ пенсовъ (десять копѣекъ) допущенъ былъ входъ по одному пенни, и масса посѣтителей, и взрослыхъ, и малолѣтнихъ, наполнявшая выставку, судя по ихъ крайне скудному наряду, принадлежала къ такимъ слоямъ пролетаріата, который никогда и нигдѣ не показывается и не допускается на выставкахъ и другихъ торжествахъ.

Къ увеселительному отдѣленію Дворца принадлежатъ также—хотя и не совсѣмъ, можетъ быть, правильно — читальня и обширная ку-

*) Въ августѣ 1889 г., когда мы лично посѣщали Народный Дворецъ, тамъ единовременно происходили выставки: картинъ, перенесенныхъ туда изъ Burlington House (Лондонская академія художествъ) и выставка обезьянъ (болѣе шестисотъ штукъ) разныхъ породъ, переведенныхъ сюда изъ Alexandra Palace—для великаго удовольствія всего юнаго поколѣнія Восточнаго Лондона.

пальня, устроенная на средства графа Розберри. Мы уже говорили о роскошномъ зданіи читальни; ее съ начала же основанія предполагали открыть безплатной для всѣхъ желающихъ; но это въ состояніи будутъ привести въ исполненіе лишь позднѣе, такъ какъ она лежитъ въ глубинѣ двора и нельзя предупредить ея посѣтителей отъ допущенія также въ остальныя отдѣленія Дворца. Библіотека образуетъ собой высокое восьмиугольное зданіе, въ семьдесятъ-шесть футовъ въ діаметрѣ, съ мѣстомъ для двухъ-сотъ-пятидесяти тысячъ томовъ; пока до сихъ поръ имѣется около двадцати тысячъ—большею частью пожертвованныхъ книгъ, съ числомъ ежедневныхъ читателей отъ девятисотъ до тысячи человѣкъ. Управленіе сдѣлало опытъ, противный англійскому ригоризму — открыло читальню по воскресеньямъ, и въ результатѣ получилось двойное число посѣтителей, сравнительно съ буднями; во время же осеннихъ праздниковъ число ихъ было до того велико (превосходило шесть тысячъ), что управленіе Дворца не могло справиться, не прибѣгая къ помощи добровольныхъ и, конечно, безплатныхъ услугъ самой публики. Какъ и вездѣ на свѣтѣ, лондонская читающая публика, изъ бѣднѣйшихъ слоевъ народа, больше всего спрашиваетъ беллетристику, и любимѣйшіе ея писатели — Энсуортъ, Диккенсъ, Браддонъ, Ридъ, Маріеттъ и Жюль Вернъ. Помимо того, спрашивается значительное количество сочиненій по путешествіямъ, исторіи, прикладнымъ наукамъ, технологіи и проч.

Наконецъ, для дѣтей, по временамъ, устраиваются спеціальные праздники, состоящіе въ соотвѣтствующихъ ихъ возрасту развлеченіяхъ и выставкахъ (фокусники, театръ маріонетокъ, ученыхъ собакъ и проч.), что̀ привлекаетъ, разумѣется, многія тысячи малютокъ бѣднѣйшаго населенія, не имѣвшихъ прежде почти для себя никакой забавы въ этой части города.

Въ заключеніе слѣдуетъ добавить, что къ увеселительной секціи управленія принадлежитъ также завѣдываніе постояннымъ буфетомъ, который имѣется при Дворцѣ и торгуетъ разными напитками, за исключеніемъ хмельныхъ, и съѣдобнымъ, соотвѣтствующими вкусу и карману рабочаго.

Второе отдѣленіе, или секція, Народнаго Дворца, какъ мы сказали, завѣдуетъ народнымъ образованіемъ и выполняетъ эту задачу двоякимъ образомъ: доставляя профессіональное образованіе малолѣтнимъ въ своихъ техническихъ *дневныхъ* школахъ и давая, въ то же время, возможность взрослымъ рабочимъ пополнять или совершенствовать ихъ познанія во всевозможныхъ отрасляхъ науки и искусства, въ свободное отъ ихъ обязательныхъ занятій время, т.-е. въ

будни, по *вечерамъ*, и по субботамъ, когда въ англійскихъ мастерскихъ, въ большинствѣ случаевъ, работы заканчиваются къ обѣду, или послѣ обѣда—отъ часу дня и позднѣе.

Цѣль техническихъ школъ Дворца заключается во всестороннемъ развитіи всѣхъ способностей мальчика путемъ систематическаго курса техническаго и ручного обученія; школы не намѣреваются научить его всецѣло ремеслу, но просто доставить для каждаго мальчика нужное образованіе, какъ для головы, такъ и для руки. Культивируя способность наблюденія и здравость сужденія, школа имѣетъ въ виду такъ обучать мальчика, чтобы онъ былъ наилучшимъ образомъ приспособленъ ко всякому ручному труду, которому онъ себя посвятитъ. «Наше намѣреніе,—говорилъ руководитель Народнаго Дворца одному нѣмецкому путешественнику,—состоитъ въ томъ, чтобы доставить наилучшимъ образомъ ребятамъ большую часть необходимаго техническаго образованія, послѣ того какъ они оставили начальную школу и раньше нежели поступили въ обученіе въ мастерскую. Мы твердо убѣждены, что мальчикъ, который пробылъ два года въ хорошей технической школѣ, оканчивая ее, будетъ имѣть одинаковую ловкость въ обращеніи съ орудіями своего ремесла, все равно какъ бы онъ пробылъ все время въ современной мастерской, да вдобавокъ еще къ тому онъ будетъ владѣть хорошимъ научнымъ образованіемъ для своего ремесла и сродныхъ съ нимъ занятій. Только когда мальчикъ работаетъ въ школьной мастерской, можно сказать, что онъ дѣйствительно чему-нибудь научается, тогда какъ на фабрикѣ, а часто и у ремесленника, онъ совершенно предоставленъ себѣ, и объ немъ никто не заботится... Другая, наконецъ, выгода этихъ техническихъ школъ состоитъ въ томъ, что мальчики еще въ ней испробуютъ свои силы и свою пригодность для того или другого ремесла» *)...

Сообразно этимъ задачамъ приноровлена къ указаннымъ потребностямъ и вся программа преподаванія дневныхъ классовъ для малолѣтнихъ: такъ, курсъ перваго года—общаго характера, и нѣкоторая спеціализація наступаетъ лишь во второй годъ обученія, для чего имѣются при училищѣ извѣстныя мастерскія и лабораторіи. Условія поступленія въ техническія школы Дворца слѣдующія: мальчикъ долженъ быть старше 12 лѣтъ отъ роду, кончить курсъ, по крайней мѣрѣ, въ пятомъ классѣ (Fifth Standard) народнаго начальнаго училища, или выдержать соотвѣтственный экзаменъ. Родители мальчика—

*) Der Volks Palast in Ost London, von Dr. Wilhelm Bode, въ журналѣ проф. Бёмерта: „Der Arbeiter Freund". Zeitschrift des Central-Vereins fur das Wohl der arbeitenden Klasse. 1888, стр. 175.

если онъ не сирота—получаютъ не болѣе двухсотъ фунтовъ въ годъ доходу, т. е. дѣти болѣе зажиточныхъ людей не допускаются и, наконецъ, менѣе чѣмъ на годъ ученики не принимаются. Плата за обученіе полагается шиллингъ въ недѣлю, или 10 шиллинговъ за школьный терминъ, которыхъ четыре въ году, и слѣдовательно около двадцати русскихъ рублей за круглый годъ; такова была назначена плата за первый годъ открытія школы; въ будущемъ же ее хотятъ понизить вдвое. При этомъ изъ ста-шестидесяти-шести мальчиковъ, поступившихъ въ школу, семьдесятъ-пять принято стипендіатами, а къ концу года все число учащихся мальчиковъ перешло за четыреста человѣкъ.

Уже въ настоящее время (1890 г.) школа имѣетъ четыре отдѣленія, а постепенно предполагается открытіе и новыхъ; нынѣ имѣются: 1) плотничье и столярное отдѣленіе; 2) механиковъ и машинистовъ; 3) слесарей и металлическихъ рабочихъ; 4) рисовальщиковъ. Съ настоящей зимы (третьяго академическаго года школы) должно послѣдовать еще открытіе химическаго отдѣленія училища. Число недѣльныхъ часовъ для всѣхъ классовъ 30, и кромѣ того отъ одного до двухъ часовъ въ день домашнихъ занятій; по субботамъ уроковъ нѣтъ. Во всѣхъ трехъ классахъ училища, кромѣ математики, физики и частью химіи, преподаваемой всѣмъ обязательно, ученики проводятъ не менѣе четырехъ часовъ въ мастерскихъ и обучаются не менѣе двухъ часовъ одному изъ иностранныхъ языковъ, рисованію и—всѣ обязательно—гимнастикѣ и плаванію.

Вечерніе классы предназначены, какъ было сказано, преимущественно для взрослыхъ, хотя посѣщаются также и тѣми мальчиками, которые заняты днемъ въ лавкахъ, или конторахъ, или мастерскихъ, и желаютъ воспользоваться вечеромъ для пополненія своихъ познаній. Кромѣ всѣхъ тѣхъ же предметовъ, которые преподаются въ техническихъ школахъ днемъ, здѣсь имѣется масса другихъ предметовъ, преподаваемыхъ по выбору желающимъ. Классы открыты одинаково лицамъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, и всѣ учащіеся въ вечернихъ классахъ, какъ и мальчики въ дневныхъ, пользуются привилегіей взноса половинной платы для записки въ члены Дворца. Всѣ преподаваемые въ вечернихъ классахъ предметы можно раздѣлить на шесть разрядовъ: 1) *практическіе промышленные* классы, куда входитъ обученіе разнообразнѣйшимъ ремесламъ, начиная съ ремесла каменщиковъ и портняжнаго дѣла и кончая лабораторной практикой, электрическимъ освѣщеніемъ, книгопечатаніемъ. Плата за эти уроки разнообразилась отъ 4 до 6 шиллинговъ въ учебную сессію (за 3 учебныхъ мѣсяца); 2) *вечерніе научные* классы, въ которыхъ преподаются: ма-

тематика, физика, механика, черченіе и постройка машинъ. Плата разнообразится отъ 4 до 15 шиллинговъ въ сессію, вмѣстѣ съ практическими упражненіями въ лабораторіяхъ и кабинетахъ; 3) *отдѣленіе искусства* и *рисовальные* классы, куда принадлежатъ всѣ виды рисованія и живописи, кончая лѣпкой, рѣзьбой и гравированіемъ; плата отъ 5 до $7^1/_2$ шиллинговъ за четверть года; 4) *вечерній классъ музыкальный* и *вокальный*, разные виды пѣнія, въ томъ числѣ хоровое, и игра на разныхъ инструментахъ; плата отъ 2 до 9 шиллинговъ за 4 мѣсяца; 5) при вечернихъ классахъ имѣется еще *отдѣленіе* такъ называемаго *общаго обученія* (General classes), куда входятъ самые разнообразные предметы знанія, нужные одинаково для обоихъ половъ,— начиная съ бухгалтеріи и новѣйшихъ иностранныхъ языковъ и кончая приготовленіемъ ко всевозможнымъ государственнымъ экзаменамъ (для чиновника акцизнаго, таможеннаго, телеграфиста, почтмейстера и т. д.), къ экзаменамъ университетскимъ и даже такимъ занятіямъ, какъ топографическіе съемки и нивелированіе земель, шекспировскимъ классамъ и врачебному уходу за больными!.. Наконецъ, при Дворцѣ имѣются вечерніе классы спеціально для женскаго пола, въ которыхъ преподается практически шитье платьевъ, бѣлья, домашнее хозяйство и кухонное искусство подъ руководствомъ извѣстной въ этомъ случаѣ спеціалистки г-жи Шарманъ. Эти послѣдніе классы усердно посѣщаются молодыми дѣвушками и замужними женщинами. Уроки домашняго хозяйства имѣютъ своею цѣлью развить въ нихъ сознаніе о необходимости и привычку содержать и вести въ должномъ порядкѣ и чистотѣ свое собственное хозяйство. Уроки же по приготовленію кушанья знакомятъ съ значеніемъ и дѣйствіемъ различныхъ питательныхъ веществъ на тѣло и важностью правильной кухни, которая должна равно избѣгать какъ значительной траты средствъ, такъ и неудобоваримости приготовленнаго кушанья. Ученицы разсказываютъ, что онѣ по возможности выслушанное въ школѣ на урокахъ пробуютъ у себя дома въ кухнѣ, и если что не удается, то обращаются къ учительницѣ, которая поправляетъ ихъ ошибки и даетъ требуемое объясненіе. Многіе кухонные рецепты составляются въ классѣ и тутъ же пробуются на кухнѣ, гдѣ все ведется и приготовляется руками ученицъ *).

Въ смыслѣ успѣха, вечерніе классы, очевидно, удовлетворяя назрѣвшей потребности, пріобрѣли большую популярность среди молодежи рабочаго и отчасти торговаго классовъ. Въ первый же годъ число учащихся въ этихъ классахъ дошло до трехъ тысячъ семисотъ

*) «Der Arbeiterfreund» (вышеуказанная статья Вильгельма Боде), стр. 183.

шестнадцати человѣкъ обоего пола по всевозможнымъ предметамъ и, не останавливаясь, увеличивается до настоящаго времени. Всѣ усилія управленія, въ виду такой удачи, направлены въ настоящее время на то, чтобы еще болѣе удешевить и популяризировать образованіе для бѣднаго населенія. Съ этою цѣлью упомянутыя выше платы для техническихъ дневныхъ классовъ уже понижены вдвое, а существующую теперь разнообразную плату для вечернихъ классовъ предполагается сдѣлать однообразной и также значительно уменьшить.

Обзоръ дѣятельности Дворца по народному образованію былъ бы неполонъ, если бы мы еще разъ не обратили вниманія на содѣйствіе его къ преподаванію, въ интересахъ народнаго здравія, гимнастики. Дворецъ имѣетъ даже обширное особое помѣщеніе и за умѣренное вознагражденіе ($1^1/_2$ шиллинга за $^1/_4$ года—мужчины, 1 шиллингъ—дамы и дѣти — безплатно) всѣ желающіе, подъ руководствомъ преподавателей, соотвѣтствующаго пола, не только обучаются общей гимнастикѣ, но пользуются также, по желанію, и уроками по различнымъ видамъ атлетическаго спорта (фехтованію, боксированію и проч.) и военной гимнастики. Въ теченіе года въ гимнастическій классъ записано полторы тысячи мужчинъ и четыреста молодыхъ женщинъ. Не только теперь вся техническая школа обучается обязательно гимнастикѣ, но для будущаго сдѣлано распоряженіе объ обученіи во Дворцѣ гимнастическимъ упражненіямъ дѣтей изъ сосѣднихъ начальныхъ школъ, единовременно съ своими собственными классами.

Третья задача Народнаго Дворца—какъ мы сказали—*соціальная*, общежительная, и заключается въ содѣйствіи къ общенію между членами—путемъ устройства клубовъ, всевозможныхъ собраній, вечеринокъ, невинныхъ игръ и т. под. Всякій членъ Института, или Дворца, коихъ теперь насчитывается около пяти тысячъ, тѣмъ самымъ получаетъ право сдѣлаться путемъ избранія также и членомъ одного или нѣсколькихъ изъ многихъ клубовъ или обществъ, состоящихъ при Дворцѣ. Такихъ клубовъ насчитывается теперь 21; клубъ шахматный, клубъ діалектическій (для дебатовъ или упражненія въ краснорѣчіи), драматическій, литературный, бильярдный, клубъ боксированія, клубъ велосипедистовъ, клубъ лоунъ-теннисъ (игра мячемъ на воздухѣ), клубъ игроковъ въ крикетъ, клубъ игроковъ въ мячъ, клубъ рисовальщиковъ, клубъ стенографовъ, клубъ пловцовъ, общество хорового пѣнія, общество военной музыки, другой клубъ оркестровой музыки, соціальный клубъ для молодыхъ дѣвицъ, фотографическое общество и друг. Всѣ эти многочисленные клубы, преслѣдующіе столь разнообразныя цѣли, помѣщаются въ стѣнахъ Дворца и ведутся на

Библиотека

сборныя деньги, сохраняя впрочемъ свои средства въ общей кассѣ. Клубъ для дѣвушекъ состоитъ изъ семи комнатъ въ нижнемъ этажѣ, имѣетъ свой особый входъ и совершенно отдѣленъ отъ остальныхъ помѣщеній; здѣсь есть комната музыкальная, комната для шитья, читальный залъ и пр., гдѣ по выбору молодыя дѣвушки могутъ проводить свои вечера съ пользой и удовольствіемъ, занимаясь бесѣдой, музыкой или шитьемъ подъ руководствомъ почтенной матроны. Мужскіе клубы помѣщаются въ верхнихъ этажахъ съ особымъ входомъ и большимъ количествомъ комнатъ.

Сверхъ всѣхъ этихъ, такъ сказать, постоянныхъ собраній, устраиваются еще по временамъ общія собранія, или reunion, для всѣхъ членовъ института; такъ, въ январѣ прошлаго года были двѣ такъ-называемыхъ чайныхъ вечеринки (two teas) по случаю пріема пяти сотъ новыхъ членовъ въ общество; затѣмъ въ теченіе года были устроены четыре собранія съ музыкой и танцами членовъ и ихъ друзей для тѣхъ же цѣлей сближенія и общаго увеселенія въ Королевиной залѣ, и, согласно отчету сэра Эдмунда Кёрри, оба эти народные бала прошли въ замѣчательномъ порядкѣ и приличіи; такихъ же два танцовальныхъ вечера было повторено, по желанію членовъ, въ гимнастическомъ залѣ во время осеннихъ праздниковъ, при чемъ число посѣтителей каждый разъ превосходило тысячу человѣкъ, и тѣмъ не менѣе поведеніе народа было образцовое и не вызывало никакихъ недоразумѣній съ полиціей.

Вся младшая, юная часть членовъ учрежденія наслаждалась въ теченіе года разнообразными играми, для нихъ приспособленными въ изобиліи, не только въ залахъ Дворца, но и въ отдаленіи отъ него. Такъ, городское управленіе Сити-Лондона (Corporation of the City of London) предоставило, ради пользы юнаго поколѣнія своихъ гражданъ, въ распоряженіе Народнаго Дворца превосходное поле въ нѣсколько акровъ, недалеко за городомъ, гдѣ Дворецъ расчистилъ и устроилъ мѣсто для игры въ крикетъ и мячъ (Football). Правленіе главной восточной желѣзной дороги (Great Eastern Railway), около которой это поле лежитъ, немедленно съ любезностью согласилось выдавать членамъ Народнаго Дворца билеты на проѣздъ по значительно пониженному тарифу.

Но о пользѣ дѣятельности Народнаго Дворца въ соціальномъ отношеніи лучше всего можно судить по конечнымъ результатамъ, т.-е. количеству посѣтителей, которыхъ онъ успѣваетъ привлекать въ свои стѣны; число ихъ въ теченіе перваго отчетнаго года составило громадную цифру въ *полтора милліона человѣкъ*, кромѣ постоянныхъ

членовъ и учившихся. Огромное большинство этихъ посѣтителей принадлежало къ бѣднѣйшему населенію англійской метрополіи, и тѣмъ не менѣе,—замѣчаетъ офиціальный отчетъ,—во все это время при такомъ наплывѣ бѣднаго народа *не было ни одного скандала или даже малѣйшаго нарушенія порядка.*

Такова разнообразная дѣятельность великаго филантропическаго учрежденія на пользу общую, и замѣтимъ, что благотворное вліяніе Народнаго Дворца на населеніе восточнаго Лондона чуть не ежедневно ростетъ и увеличивается вмѣстѣ съ распространеніемъ его извѣстности и популярности. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и, можетъ быть, сбудется и второе предсказаніе Вальтера Безанта: около воротъ Дворца будутъ толпиться не сотни, а многія тысячи мальчиковъ, съ тѣмъ, какъ выражается поэтъ картинно, чтобы Дворецъ «заперъ передъ ними ворота земного ада невѣжества, горькой зависимости и нищеты и открылъ двери въ земной рай знаній, искусства, довольства и человѣческаго достоинства» *).

Само собою разумѣется, какъ ни плодотворна дѣятельность Народнаго Дворца въ его борьбѣ съ человѣческимъ невѣжествомъ и бѣдностью, тѣмъ не менѣе она все-таки недостаточна для быстраго достиженія своихъ цѣлей—и чтобы удовлетворить въ данномъ отношеніи всю энергію англійскаго общества. Потребуется два, три такихъ дворца, для громаднаго города, дабы въ теченіе цѣлаго поколѣнія сгладить наиболѣе вопіющія проявленія его ненормальнаго соціальнаго положенія. Но рядомъ съ учрежденіями для помянутой борьбы *нужны люди, необходимы дѣятели*, которые находятся и создаются много труднѣе, чѣмъ самые дворцы; между тѣмъ потребность именно въ такихъ людяхъ сознается въ великомъ дѣлѣ человѣколюбія въ Англіи, какъ и повсюду. Вотъ какъ описываетъ, напримѣръ, тотъ же самый восточный Лондонъ—замѣчательный современный филантропъ, священникъ Барнеттъ. «Уайтчапель (центральная и бѣднѣйшая часть восточнаго Лондона) имѣетъ много своихъ настоятельныхъ и спѣшныхъ нуждъ. Въ немъ встрѣчается много невѣжественныхъ мужчинъ и женщинъ, которые, работая цѣлый день, безъ праздниковъ и отдыха, почти забыли грамоту; они нуждаются въ образованныхъ друзьяхъ, которые бы научили ихъ, какъ лучше устроиться, чтобы поднять свой заработокъ, которые познакомили бы ихъ съ невинными и разумными развлеченіями и возбудили бы интересъ къ общечеловѣческимъ потребностямъ. У насъ много тамъ даже интеллигентныхъ рабочихъ

*) *Walter Besant*: The People's Palace, въ „Contemporary Review“ за 1887 г. Febr., стр. 232.

и приказчиковъ, но которые желали бы знать болѣе о томъ свѣтѣ, среди котораго они живутъ: они нуждаются въ учителяхъ, которые въ воскресенье или по вечерамъ, въ классѣ или аудиторіи, доставляли бы имъ это необходимое знаніе легко и удобно, съ простотой и человѣческой симпатіей... У насъ много дѣтей, которыя кишатъ на улицахъ, досаждая другимъ, нанося лишь вредъ себѣ; они также нуждаются, чтобы кто-нибудь о нихъ позаботился, свезъ бы ихъ въ деревню подышать въ первый разъ въ жизни свѣжимъ воздухомъ, научилъ бы ихъ разумнымъ играмъ и забавамъ на открытомъ воздухѣ и руководилъ бы ими все ихъ дѣтство и юность. У насъ много бѣдняковъ, часто лежащихъ на одрѣ болѣзни, всѣми забытыхъ; они нуждаются также въ людяхъ, которые вспомнили бы и разыскали ихъ, терпѣливо выслушали ихъ и, послѣ изслѣдованія, не только оказали бы имъ помощь и накормили, но и научили, какъ сдѣлаться свободными отъ нужды и независимыми. У насъ, наконецъ, много себялюбивыхъ, грубыхъ, отчаянныхъ; они также нуждаются косвенно въ людяхъ; имъ нужно познаніе Бога, что́ измѣнило бы всю ихъ жизнь. Но это опять-таки возможно не черезъ раздачу благочестивыхъ книжекъ, а черезъ такихъ людей, которые пожелаютъ узнать о нихъ истину путемъ терпѣливаго изученія и ознакомленія съ ними, съ чувствомъ состраданія и симпатіи *).

Итакъ, во всѣхъ поприщахъ филантропіи *люди*, пригодные для дѣла, не менѣе, а можетъ быть *еще болѣе нужны, чѣмъ самыя учрежденія и* тѣ *матеріальныя средства*, которыя требуются для ихъ содержанія. Жатва филантропіи обильна, но жнецовъ мало. Спрашивается: гдѣ же ихъ взять и что для этого нужно дѣлать? На этотъ нелегкій вопросъ получается опять фактическій отвѣтъ въ другомъ англійскомъ учрежденіи подобнаго рода, также недавно возникшемъ, и въ томъ же восточномъ Лондонѣ, полчаса ходьбы отъ описаннаго «Народнаго Дворца». Оба учрежденія преслѣдуютъ почти тѣ же самыя цѣли, но имѣютъ и большое внутреннее различіе.

II.—Университетское поселеніе въ восточномъ Лондонѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того же Уайтчапеля, недалеко отъ того мѣста, которое прославилось звѣрскими убійствами женщинъ, до сихъ поръ неоткрытыми, проходитъ довольно грязная улица

*) „Whitechapel". by *Samuel A. Barnett.* „The New Review", October, 1889.

Commercial-Road, или-Street, на которой стоитъ церковь св. Іуды. Рядомъ съ нею небольшая дверь, со скромной надписью на доскѣ: «Toynbee-Hall», черезъ узкій проходъ приводитъ на небольшой дворъ, на которомъ возвышается передъ глазами удивленнаго посѣтителя обширное и величественное готическое зданіе, скорѣе напоминающее по своему стилю университетскія зданія коллегій Оксфорда и Кембриджа, нежели обыкновенный типъ бѣдныхъ построекъ этой части Лондона.

Отъ церковнаго сторожа, который введетъ васъ въ это зданіе черезъ тотъ входъ, или даже любезно предложитъ пройти прямо чрезъ церковь, имѣющую внутреннее сообщеніе съ зданіемъ, вы услышите въ отвѣтъ на свой вопросъ то же самое, что прочли на дверяхъ: что это Toynbee-Hall, т.-е. «зданіе или учрежденіе Тойнби», и что оно иначе называется «университетскимъ поселеніемъ въ восточномъ Лондонѣ» (Universities' Settlement in East London). Этотъ отвѣтъ васъ, конечно, мало удовлетворитъ: кто же такой этотъ Тойнби, и что́ это за учрежденіе, столь солидное по своей наружности и въ такой бѣдной, злосчастной части города? Можетъ быть, этотъ Тойнби былъ богатый филантропъ, въ родѣ знаменитаго Пибоди, пожертвовавшаго милліоны на разныя благотворительныя постройки? Нѣтъ—вамъ отвѣтятъ: Арнольдъ Тойнби былъ бѣдный человѣкъ, конечно, въ англійскомъ смыслѣ этого слова, жившій скромнымъ жалованіемъ тьютора, или воспитателя балліольской коллегіи при оксфордскомъ университетѣ. Можетъ быть, онъ былъ великій ученый или громкій общественный дѣятель? Въ отвѣтъ опять получится тоже: нѣтъ—и нѣтъ. По своему общественному положенію тьютора—нѣчто въ родѣ нашего приватъ-доцента въ университетѣ—наконецъ, по самому своему возрасту (онъ умеръ тридцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду), Арнольдъ Тойнби не имѣлъ времени сдѣлаться ни громкимъ, ни виднымъ дѣятелемъ и написалъ всего лишь одинъ небольшой томъ журнальныхъ статей и публичныхъ лекцій средняго достоинства, и тотъ—изданъ уже послѣ его смерти. Итакъ, Тойнби не былъ ни богатъ, ни знатенъ, ни особенно ученъ, занималъ очень скромное положеніе на общественной лѣствицѣ, и тѣмъ не менѣе его именемъ окрещено одно изъ самыхъ замѣчательныхъ филантропическихъ учрежденій нашего времени, какимъ только можетъ гордиться нашъ девятнадцатый вѣкъ. Кто же такой былъ, наконецъ, этотъ Тойнби и почему пріобрѣло такую популярность его имя, сдѣлавшееся за послѣдніе годы общеизвѣстнымъ чуть не каждому образованному европейцу, какъ по этому учрежденію, такъ и по многимъ серьезнымъ и интереснымъ

экономическимъ изслѣдованіямъ, издаваемымъ на счетъ «фонда Тойнби» (Toynbee Trust), очевидно, связаннаго съ памятью о томъ же самомъ скромномъ дѣятелѣ.

Для того, чтобы должнымъ образомъ оцѣнить это филантропическое учрежденіе, требуется обстоятельное ознакомленіе съ личностью самого Тойнби.

Арнольдъ Тойнби былъ сынъ Джозефа Тойнби, извѣстнаго лондонскаго врача, и родился въ 1852 г. Отецъ его умеръ, когда мальчику было всего лишь четырнадцать лѣтъ отъ роду, а потому некому было, повидимому, заботиться о надлежащемъ, правильномъ его образованіи. Подобно многимъ мальчикамъ, онъ обнаруживалъ въ дѣтствѣ склонность ко всему военному, почему мать и отдала его въ военное училище, въ которомъ впрочемъ онъ оставался лишь два года и долженъ былъ его покинуть, вѣроятно, по слабому состоянію своего здоровья. Затѣмъ Тойнби больше не поступалъ ни въ какую общественную школу, а обучался лишь дома, причемъ довольно рано, 18-ти лѣтъ, получилъ почти полную свободу заниматься какъ и чѣмъ онъ хочетъ. Въ это время у него развился большой вкусъ къ занятію исторіей, почему, наскоро приготовившись въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ поступилъ въ оксфордскій университетъ (Balliol College) и попытался даже держать экзаменъ на стипендію, по англійскому университетскому обычаю, избравъ предметомъ для конкурснаго экзамена именно новѣйшую исторію. Экзаменъ былъ неудаченъ: Тойнби, что называется, провалился; но, тѣмъ не менѣе, по словамъ его біографа, оксфордскаго профессора Джауэтта (Jowett), нѣкоторыя части его отвѣта до такой степени поразили экзаменаторовъ своей оригинальностью, что они старались его ободрить, приглашая продолжать занятія наукой.

Сильная болѣзнь, какъ результатъ крайне нервной организаціи, прервала на время его университетскія занятія; поэтому, когда онъ вернулся впослѣдствіи въ Оксфордъ, то уже долженъ былъ отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ на стипендіи и отличія, посвящая занятіямъ не болѣе часа или двухъ въ день. Тѣмъ не менѣе, по словамъ его учителя Джауэтта, рѣдко кто изъ студентовъ въ Оксфордѣ провелъ четыре года съ большею пользой для себя и другихъ, чѣмъ этотъ весьма болѣзненный юноша.

По окончаніи курса ему тотчасъ предложено было остаться при университетѣ тьюторомъ при студентахъ-стипендіантахъ индійскаго правительства. Тойнби считалъ себя счастливымъ не только потому, что успѣлъ занять извѣстное общественное положеніе, но и по той причинѣ, что оно давало ему возможность остаться въ той же самой

университетской коллегіи, продолжать занятія наукой и приносить посильную пользу 30 или 40 человѣкамъ своихъ студентовъ и товарищей. Его здоровье къ этому времени какъ будто нѣсколько улучшилось, и Тойнби съ жаромъ обратился къ изученію политической экономіи и статистики, чтобъ быть болѣе полезнымъ своимъ питомцамъ. Въ 1879 и 1880 гг., когда это происходило, какъ извѣстно, наука политической экономіи уже переживала тотъ кризисъ, который въ ней продолжается и въ настоящее время. Вѣра въ стройное зданіе науки, воздвигнутое усиліями Смита и Рикардо съ ихъ послѣдователями, была поколеблена и не замѣнена новой. Старые боги были низвергнуты, но алтари ихъ оставались пусты—никѣмъ не замѣщены. Съ страстнымъ полемическимъ пыломъ молодой ученый бросился въ критику холоднаго абстрактнаго ученія политической экономіи Давида Рикардо, стараясь доказать, что крайнею отвлеченностью своихъ положеній, построенныхъ чисто дедуктивнымъ способомъ, безъ обращенія должнаго вниманія на требованія и условія дѣйствительной жизни, безъ изученія историческихъ особенностей разнаго времени и у различныхъ расъ, наука эта принесла болѣе вреда, нежели пользы. Многіе ея принципы, созданные при англійскихъ условіяхъ жизни, цѣликомъ прилагались по тому же шаблону къ чуждымъ и далекимъ формамъ общежитія Индіи, нанося ей тѣмъ крупный, неизгладимый ущербъ. Онъ предостерегалъ своихъ учениковъ, будущихъ администраторовъ и правителей этой послѣдней страны, отъ подобныхъ пагубныхъ ошибокъ въ дальнѣйшемъ будущемъ. «Абстрактная политическая экономія,—говорилъ онъ,—особенно много грѣшила своими поспѣшными обобщеніями и заключеніями въ сферѣ экономической политики и своимъ небреженіемъ ко многимъ существеннымъ сторонамъ соціальнаго вопроса. Старая политическая экономія учила о производствѣ и распредѣленіи народнаго богатства при дѣйствіи сильной конкурренціи, какъ бы вездѣ возможной. Между тѣмъ извѣстно, что не только въ восточныхъ странахъ, подобныхъ Индіи, но и во многихъ частяхъ самой Англіи такой конкурренціи въ извѣстныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства можетъ совсѣмъ не существовать. Міръ вообще покоится на разныхъ ступеняхъ прогресса въ различныхъ отрасляхъ труда, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ политическая экономія, въ своихъ положеніяхъ, всѣ эти степени прогресса какъ бы считала всегда однѣми и тѣми же. Она учила о принципѣ «наибольшаго богатства», который совпадаетъ далеко не одинаково съ интересами всѣхъ классовъ народа и обусловливаетъ одностороннее и колоссальное развитіе существующей мануфактурной промышленности. Она проповѣдывала о производствѣ и накопленіи наиболь-

шаго богатства, не обращая вниманія на его распредѣленіе. Она учила важности свободы труда и святости договора, забывая о тѣхъ условіяхъ, которыя уничтожаютъ фактически возможность свободнаго выбора, предоставляя нерѣдко рабочему лишь одну свободу—голодать».

Въ виду такого скептическаго отношенія къ методамъ и результатамъ старой политической экономіи, Арнольдъ Тойнби ставилъ на видъ своимъ ученикамъ прежде всего необходимость изучать какъ исторію народа, дабы въ ней подмѣтить законы, управляющіе экономическими явленіями, такъ и дѣйствительную жизнь и положеніе бѣдной его массы въ настоящее время, дабы знать народъ не по однимъ лишь газетнымъ слухамъ и быть готовымъ помогать ему во всѣхъ настоятельныхъ нуждахъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. «Новая политическая экономія,—говорилъ онъ,—должна стоять ближе къ фактамъ; она должна учить обязанностямъ такъ же, какъ и законамъ явленій; она не должна довольствоваться знакомствомъ съ доктринами ренты или денежнаго обращенія; но она обязана примирять гуманность съ знаніемъ, разумъ людей съ ихъ чувствами... Старая школа экономистовъ показывала опасность правительственнаго вмѣшательства; новая—покажетъ—*какъ* и *когда* правительства должны вмѣшиваться» *).

Еще въ бытность Тойнби студентомъ произошло одно событіе, которое оказало огромное вліяніе на весь строй послѣдующей умственной и душевной жизни впечатлительнаго юноши, а также и на его будущія воззрѣнія: каѳедру исторіи искусства въ оксфордскомъ университетѣ занялъ знаменитый Джонъ Рёскинъ, и Арнольдъ Тойнби сразу сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ его учениковъ. Джонъ Рёскинъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ дѣятелямъ современной Европы, хотя его громкая извѣстность болѣе ограничивается предѣлами своей страны; внѣ же Англіи, особенно у насъ въ Россіи, онъ почти неизвѣстенъ. При полномъ уваженіи, котораго заслуживаетъ эта свѣтлая и гуманная личность,—справедливость однако заставляетъ сознаться, что знакомство съ его произведеніями, въ особенности новѣйшими, невольно наводитъ каждаго читателя на мысль о томъ общеизвѣстномъ сближеніи геніальности съ безуміемъ, которое дѣлаетъ итальянскій ученый Ломброзо. Необыкновенное трудолюбіе соперничаетъ у Рёскина съ не менѣе удивительной разносторонностью его ума и познаній: въ теченіе его продолжительной жизни (ему нынѣ болѣе 70 лѣтъ) онъ написалъ нѣсколько десятковъ названій сочине-

*) Lectures on the Industrial Revolution in England by the late *Arnold Toynbee*. A Short Memoir, by *B. Jowett*, Rivinctons. 1884, XIV.

ній по самымъ различнымъ наукамъ и общественнымъ вопросамъ, и нѣкоторыя изъ сочиненій содержатся въ пяти, шести толстыхъ томахъ. Главная его спеціальность — исторія и критика искусствъ; но онъ написалъ много произведеній по естественнымъ наукамъ, по архитектурѣ, поэзіи, воспитанію, и, наконецъ, съ шестидесятыхъ годовъ занимается преимущественно соціальными науками и политической экономіей, по которымъ уже и выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько книгъ, возбудившихъ къ себѣ самыя противорѣчивыя отношенія публики, но во всякомъ случаѣ имѣвшихъ крупный успѣхъ. Въ своихъ произведеніяхъ Джонъ Рёскинъ является то блестящимъ оригинальнымъ мыслителемъ, который умѣетъ подойти къ разрѣшенію вопроса крайне своеобразными путями и умѣетъ освѣтить его совершенно новымъ свѣтомъ, то онъ поражаетъ читателя своимъ вычурнымъ, фигурнымъ языкомъ, сопоставленіями, аллегоріями, метафорами, по временамъ напоминающими Карляйля; то, наконецъ, приводитъ въ удивленіе неожиданными и почти необъяснимыми парадоксами, коихъ не въ состояніи разрѣшить и усвоить человѣкъ съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ.

Далѣе, Джонъ Рёскинъ, получившій въ наслѣдство огромное состояніе (болѣе ста-пятидесяти-семи тысячъ фунтовъ стерлинговъ) однѣхъ денегъ, т. е. болѣе полутора милліона русскихъ рублей, роздалъ его все, преимущественно для добрыхъ цѣлей, оставивъ себѣ лишь 12 тысячъ, и въ то же самое время общій успѣхъ его сочиненій и дѣятельности былъ такъ великъ, что Рёскинъ — обратно, вѣроятно, со всѣми писателями въ мірѣ (исключая, впрочемъ, поэта Броунинга)—дождался чести заживо видѣть себѣ монументъ самаго почетнаго свойства и характера: основано уже нѣсколько лѣтъ «Рёскинское общество», спеціально для изученія, толкованія и пропаганды его воззрѣній! При обществѣ существуетъ спеціальный журналъ и выпускаются отдѣльныя изданія *).

Въ области общественныхъ наукъ и спеціально политической экономіи, воззрѣнія Рёскина отличаются самостоятельностью и независимостью: они не подчиняются какому-либо принятому, ходячему шаблону. Такъ, въ политикѣ онъ себя называлъ иногда консерваторомъ, тогда какъ его, по справедливости, многіе причисляли скорѣе къ радикаламъ, между прочимъ, за его нелюбовь ко всякимъ полумѣрамъ

*) The Ruskin Reading Guild Journal. Изъ многочисленной литературы о Рёскинѣ см., напр., Life and Teaching of John Ruskin, by J. *Marshall Mather*; также The Round Table Series III. John Ruskin Economist. Edinburgh, 1884.

или компромиссамъ въ законодательствѣ Англіи, которыми, какъ извѣстно, оно характеризуется. Точно также въ политической экономіи Рёскинъ не принадлежитъ ни къ одной изъ существующихъ школъ; онъ расходится съ каждой изъ нихъ въ чемъ-нибудь, хотя и сближается въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ: сужденія его въ этой области вообще отличаются большою рѣзкостью и крайностью,— онъ рѣшительно критикуетъ всѣ основы современнаго экономическаго строя, стараясь, подобно своему учителю Карляйлю, все подвергнуть этической оцѣнкѣ; онъ, напримѣръ, ненавидитъ «*конкурренцію*», эту основу теперешняго народнаго хозяйства, и противопоставляетъ ей «*кооперацію*», которую и желаетъ сдѣлать великимъ закономъ, предназначеннымъ управлять всѣмъ производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ. Но и самое понятіе кооперації Рёскинъ опредѣляетъ весьма своеобразно, разумѣя подъ ней вовсе не извѣстную экономическую комбинацію отдѣльныхъ предпринимателей или промышленно-торговыхъ фирмъ, но товарищества, распространенныя на цѣлыя націи. Въ то время, какъ общепринятая политическая экономія изслѣдуетъ законы и изучаетъ способы удовлетворенія человѣческихъ потребностей или желаній, не входя въ разсмотрѣніе природы или сущности ихъ,—Рёскинъ, обратно съ этимъ, стремится раздѣлить понятіе «нужды» отъ понятія «желанія», предлагая наукѣ имѣть дѣло лишь съ первымъ, т. е. принимать въ основу сужденія только дѣйствительныя потребности человѣка, а не фиктивныя. Другими словами, экономисты въ основѣ человѣческой дѣятельности кладутъ, по его мнѣнію, одинъ такъ называемый «экономическій мотивъ», т. е. себялюбіе, *эгоизмъ*; онъ же старается поставить рядомъ съ нимъ «*законъ любви*», какъ онъ выражается: т. е. широкая симпатія къ человѣку должна, по его мнѣнію, одинаково служить для руководства индивидуальной дѣятельности человѣка и точно также исходнымъ пунктомъ всякой коллективной политики. Эта альтруистическая струя глубокой симпатіи къ человѣку, окрашенная религіознымъ мистицизмомъ, проникаетъ всѣ произведенія Рёскина и побуждаетъ его искать и признавать въ каждомъ человѣкѣ прежде всего «брата», интересы котораго должны быть всѣмъ одинаково дороги, не въ теоріи только, но и на практикѣ; чистые принципы христіанскаго ученія онъ старается повсюду слить, «обратно существующему», съ обязанностями каждодневной жизни.

Понятно, какое громадное вліяніе долженъ былъ получить такой искренній филантропъ на умы и сердца своихъ слушателей, ставъ профессоромъ въ Оксфордѣ. Безъ всякаго даже его личнаго старанія, Рёскинъ сдѣлался идоломъ молодежи, центромъ, около котораго вра-

щалось все лучшее въ умственномъ и нравственномъ отношеніи въ университетскомъ городѣ; его моральныя воззрѣнія производили сильнѣйшее впечатлѣніе на убѣжденія и даже на весь житейскій habitus его учениковъ. Наплывъ на его лекціи былъ такъ великъ, что скоро не нашлось ни одной достаточно помѣстительной аудиторіи, и пришлось перенести ихъ въ городской театръ, гдѣ онѣ одно время и читались, и это, надо замѣтить, несмотря на отсутствіе у Рёскина всякаго внѣшняго ораторскаго таланта. Еще болѣе лекцій, въ смыслѣ сближенія и вліянія на молодежь, глубокіе слѣды оставляли его частныя бесѣды съ ними: любимой темой, между прочимъ, разговоровъ Рёскина съ его въ большинствѣ аристократическими слушателями было развитіе въ нихъ уваженія къ физическому труду на пользу своихъ ближнихъ бѣдняковъ. Поэтому, вмѣсто столь распространеннаго между англійскими студентами, разныхъ видовъ, спорта и игръ, профессоръ отправлялся со своими учениками чинить хижину какой-нибудь бѣдной старухи или, осыпаемый градомъ насмѣшекъ всѣхъ проходящихъ, поправлять дорогу въ деревню Хинкси (Hinksey), близъ Оксфорда. Тойнби сдѣлался скоро самымъ горячимъ его адептомъ, и, какъ сознается его біографъ и товарищъ Монтэгю, Рёскинъ оказалъ самое глубокое впечатлѣніе на весь складъ его убѣжденій, хотя онъ съ нимъ и не соглашался, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ частностяхъ *). Ему, можетъ быть, онъ обязанъ отчасти своимъ непріязненнымъ отношеніемъ къ старой ортодоксальной школѣ экономистовъ, но всего сильнѣе, нѣтъ сомнѣнія, Рёскинъ развилъ у него чувство симпатіи къ бѣдной массѣ народа, стремленіе ближе узнать и лично познакомиться съ ней, оказать возможную помощь къ умственному и моральному поднятію ея и улучшенію ея матеріальнаго быта. Въ этомъ то отношеніи, какъ справедливо, хотя и иронизируя, замѣчаетъ Монтэгю, на людей, подобныхъ Тойнби, общеніе съ профессоромъ Рёскинымъ оказало крайне сильное воздѣйствіе, которое навѣрное просуществовало гораздо долѣе, нежели плохо починенная ими сообща дорога близъ Оксфорда.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній и обстановки своей университетской жизни изъ Тойнби выработался горячій поборникъ интересовъ

*) Во время этихъ оригинальныхъ экспедицій оксфордскихъ студентовъ подъ начальствомъ Рёскина для починки дорогъ, послѣдній настолько уже высоко ставилъ Тойнби предъ другими его товарищами, что при производствѣ этихъ работъ возложилъ на него обязанность *десятника* (foreman)!.. См. Arnold Toynbee, by *F. C. Montague*. John Hopkin's University Studies, Seventh Series. I. Baltimore. 1889, стр. 14.

рабочихъ классовъ, и, готовясь къ профессурѣ, онъ преимущественно посвящалъ себя изученію всѣхъ сторонъ собственно народной жизни,— напримѣръ, законодательства о бѣдныхъ, фабричнаго законодательства, законовъ о заработной платѣ и проч., т. е. такихъ вопросовъ, которые именно болѣе близко связаны съ благосостояніемъ всей массы народа. Но мало того: онъ порывался всегда лично познакомиться съ этимъ самымъ народомъ, и особенно съ его бѣднѣйшими представителями. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что одна денежная помощь не сопровождаемая знаніемъ и симпатіей, отнюдь не достаточна для того, чтобы улучшить положеніе бѣдныхъ. Эти чувства, по его мнѣнію, могутъ явиться и вырости лишь чрезъ продолжительное и тѣсное общеніе съ народомъ, пріобрѣтаемое совмѣстною съ нимъ жизнью. Еще студентомъ, во времена своихъ вакацій, онъ переселялся нерѣдко изъ Оксфорда въ Уайтчапель, въ Лондонѣ, въ какія-нибудь скромныя меблированныя комнаты, населенныя рабочимъ людомъ, и предлагалъ свои услуги или мѣстному благотворительному обществу, или м-ру Барнетту, викарію церкви св. Іуды, извѣстному филантропу и впослѣдствіи одному изъ главныхъ основателей Toynbee-Hall. Получивъ, такимъ образомъ, нѣкоторую официальную санкцію и помощь своимъ филантропическимъ стремленіямъ, Тойнби по цѣлымъ мѣсяцамъ, часто при самой неблагопріятной для житья обстановкѣ, проживалъ на Уайтчапелѣ, среди своихъ бѣдняковъ, и только вѣчно слабое состояніе его здоровья и другія обязанности заставляли его покидать этотъ крестъ, на себя возложенный, и возвращаться въ Оксфордъ, къ своимъ товарищамъ и занятіямъ. Онъ весь отдавался въ Уайтчапелѣ выполненію своего нравственнаго долга: дѣятельно посѣщалъ бѣдныхъ, знакомился съ ихъ біографіями, узнавалъ исторію жизни каждаго, помогалъ совѣтомъ, хлопотами, деньгами и, главное, старался разсѣять столь сильное въ Англіи предубѣжденіе бѣдныхъ противъ богатыхъ; какъ выразился о немъ одинъ писатель, онъ старался «засыпать соціальную пропасть путемъ своей безконечной душевной симпатіи къ людямъ и словами горячаго, искренняго убѣжденія». Для этого, между прочимъ, онъ охотно посѣщалъ клубы рабочихъ, заводилъ разнообразныя между ними знакомства; много и подолгу спорилъ съ ними по разнымъ вопросамъ экономическаго и религіознаго характера. Въ то же время онъ болѣе и болѣе убѣждался на опытѣ, что въ современной филантропіи и вообще въ отношеніяхъ образованныхъ классовъ къ народу мысль и знаніе, по своему значенію, играютъ нынѣ даже болѣе важную роль, нежели одно чувство. Иначе говоря, лишь общеніе и личное знакомство образованныхъ людей съ бѣдняками — съ одной сто-

роны, и поднятіе степени образованности этихъ послѣднихъ—съ другой, могутъ служить гарантіей полезныхъ результатовъ филантропической дѣятельности и вообще серьезнаго прогресса въ положеніи народа.

Неутомимо преслѣдуя единовременно нѣсколько задачъ, начиная съ помощи бѣднымъ и кончая своими учеными трудами и занятіями тьютора съ учениками, Тойнби расшатывалъ свое здоровье и утрачивалъ силы, а между тѣмъ, казалось, все было налицо для того, чтобы обезпечить ему продолжительную, счастливую жизнь; въ 1879 г. онъ женился вполнѣ счастливо, по сильной привязанности, къ которой только былъ способенъ, и, казалось, даже самое его здоровье на нѣкоторое время, какъ будто, нѣсколько укрѣпилось. Съ другой стороны, по общимъ свидѣтельствамъ всѣхъ, которые его помнятъ, никто въ Оксфордѣ не пользовался никогда такой общею любовью и симпатіями всѣхъ его окружавшихъ и никто такъ не заслуживалъ эту всеобщую любовь, какъ Арнольдъ Тойнби. По однообразнымъ отзывамъ двухъ его біографовъ—бывшаго наставника и начальника Джауэтта, а также и его товарища Монтэгю,—Тойнби былъ необыкновенно привлекательною личностью, который нравился всякому, съ кѣмъ лишь вступалъ въ отношенія *). Онъ былъ, по выраженію Монтэгю, «человѣкомъ всему симпатизирующимъ и достойнымъ симпатіи въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ сочувствовалъ искренно страданіямъ людей, ихъ интересамъ и задачамъ, и скорбѣлъ объ ихъ ошибкахъ и проступкахъ. При сближеніи съ людьми, его не останавливали никакія постороннія соображенія: ни бѣдность, ни неудачи, ни заблужденія, повидимому, не уменьшали цѣны человѣка въ глазахъ Тойнби. При томъ онъ отнюдь не ограничивался однимъ состраданіемъ, а старался немедленно, безъ дальнихъ словъ, быть полезенъ, чѣмъ только могъ; онъ изучалъ дѣла своихъ друзей,—а таковыми были почти всѣ, съ кѣмъ онъ входилъ въ сношенія,—какъ будто это были его собственныя дѣла; онъ давалъ теплое и сердечное ободреніе лицамъ колеблющимся, мягко и деликатно порицалъ заблуждающихся, и въ то же самое время онъ никогда не ожидалъ ничьей благодарности. Изъ малаго запаса жизни и силъ, которыя держались въ его слабомъ тѣлѣ, онъ щедро осыпалъ одолженіями всѣхъ окружающихъ. Съ этимъ евангельскимъ милосердіемъ онъ соединялъ самую широкую симпатію дру-

*) Новый романъ: «Robert Elsmere», г-жи Уордъ (въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ «Отщепенецъ») пользующійся нынѣ такою огромною популярностью въ Англіи и Америкѣ, нѣтъ сомнѣнія, прототипомъ своего симпатичнаго героя имѣетъ личность Арнольда Тойнби.

гого рода; всѣ товарищи-студенты были его братья; онъ удивлялся талантамъ всякаго рода каждаго изъ нихъ, и наслаждался всякимъ успѣхомъ, который улучшалъ жизнь отдѣльнаго лица или всего народа. «Вообще, еслибы Арнольдъ Тойнби жилъ въ тринадцатомъ вѣкѣ, то, конечно, поступилъ бы въ какой-нибудь строгій монастырскій орденъ, еслибы только раньше не сожгли его, какъ еретика. Въ девятнадцатомъ же столѣтіи онъ жилъ для того, чтобы показать, какъ много добра можетъ сдѣлать для всѣхъ окружающихъ своими единичными усиліями человѣкъ, котораго общество признаетъ бѣднымъ» *).

«Тайна вліянія Тойнби на всѣхъ окружающихъ,—поясняетъ другой біографъ, профессоръ Джауэттъ,—заключалась прежде всего въ его необыкновенной искренности. Никто не могъ никогда замѣтить въ немъ малѣйшихъ слѣдовъ тщеславія или самолюбія. Онъ былъ также всегда совершенно равнодушенъ къ получкѣ денегъ, если только въ состояніи былъ удовлетворить своимъ скромнымъ потребностямъ, и одинаково равнодушенъ къ мнѣніямъ о себѣ постороннихъ. Можно утвердительно сказать, что едва ли во всю жизнь онъ сдѣлалъ что-нибудь достойное серьезнаго порицанія, и былъ неспособенъ оказывать малѣйшее къ кому-либо нерасположеніе; поэтому сомнительно даже, чтобы Тойнби имѣлъ въ теченіе жизни хоть одного врага. Къ этому присоединялась необыкновенная очаровательность его бесѣды: онъ имѣлъ рѣдкій даръ говорить увлекательно съ лицами всѣхъ классовъ общества» **). За нѣсколько лѣтъ до смерти, онъ открылъ въ себѣ еще новый талантъ: крайне ясно, плавно и свободно вести продолжительныя рѣчи предъ большой публикой.

Къ сожалѣнію, этотъ даръ краснорѣчія, по словамъ его біографовъ, косвенно и ускорилъ его смерть. Дѣло въ томъ, что страстное желаніе бесѣдовать и поучать народъ заставило его, со времени этого открытія, съ 1880 года, прочесть цѣлый рядъ публичныхъ лекцій для народа по разнымъ вопросамъ дня. Между тѣмъ нервное напряженіе, которымъ сопровождался этотъ новый трудъ, замѣтно ослабляло его силы и разрушало безъ того надломленный организмъ. Въ январѣ 1883 года онъ вздумалъ прочесть передъ обширной и весьма смѣшанной аудиторіей лондонскихъ рабочихъ двѣ лекціи о трудахъ извѣст-

*) Arnold Toynbee by *Montague*. Baltimore. 1889, стр. 13 и 31. Не слѣдуетъ забывать при этихъ словахъ, какъ презрительно въ англійскомъ и американскомъ обществѣ относятся къ бѣднымъ.

**) Lectures on the Industrial Revolution in England, by the late *Arnold Toynbee*. 1884.

наго Генри Джорджа, къ нѣкоторымъ положеніямъ котораго онъ относился критически.

Небольшая часть аудиторіи принадлежала къ крайней партіи, которой не нравились нѣкоторыя замѣчанія оратора; поднялся шумъ, и лекціи по временамъ прерывались. Не нужно объяснять, какъ это должно было глубоко поражать и дѣйствовать на сердце впечатлительнаго энтузіаста. 13-го января того же года, почти умирающій, уже съ большимъ трудомъ прочелъ Тойнби вторую лекцію, на которой произошелъ описанный безпорядокъ. Послѣ лекціи онъ слегъ. Страшное нервное возбужденіе произвело у него продолжительную, на нѣсколько недѣль, безсонницу; это состояніе разрѣшилось воспаленіемъ мозга и въ семь недѣль свело его въ могилу; ему было менѣе 31-года отъ роду. Послѣднія мысли умирающаго вращались около той идеи, которой онъ посвятилъ свою короткую жизнь,—около тѣхъ бѣдствій, несчастій и бѣдности, которыя удручаютъ міръ *).

Лекція 13-го января 1883 года была не только послѣднимъ публичнымъ словомъ Тойнби, но и его предсмертнымъ завѣщаніемъ, заповѣдью для его многочисленныхъ товарищей и учениковъ, такъ сильно его любившихъ. Задыхаясь, прерывающимся голосомъ, вотъ что̀ обѣщалъ Арнольдъ Тойнби окружавшимъ его въ послѣднемъ собраніи: «Мы, представители средняго класса въ Англіи, — говорилъ онъ,— мы до сихъ поръ пренебрегали вами; вмѣсто справедливости мы предлагали вамъ подачки благотворенія, а вмѣсто симпатіи мы давали вамъ часто одни лишь жестокіе и неосуществимые совѣты; но я думаю, что мы теперь начинаемъ измѣняться къ лучшему. Еслибъ только вы захотѣли повѣрить намъ и на насъ положиться, я думаю, что многіе изъ насъ готовы посвятить жизнь свою на служеніе вамъ. Вы должны, говорю я смѣло, оказать снисхожденіе и простить намъ наши несправедливости; мы пагубно грѣшили противъ васъ,—правда, не всегда сознательно, но все-таки грѣшили, и въ этомъ намъ приходится сознаться; но если вы насъ простите,—нѣтъ, даже независимо отъ того, простите вы или нѣтъ,—мы обѣщаемъ служить вамъ, мы посвятимъ всю нашу жизнь на вашу пользу,—бо́льшаго, конечно, мы сдѣлать не можемъ. Мы, люди науки—мы желаемъ помочь вамъ, и лишь не знаемъ, какъ это лучше исполнить. Мы готовы пожертвовать

*) Умирая, онъ все бредилъ о несчастіяхъ, господствующихъ въ мірѣ, и о средствахъ ихъ устранить, просилъ постоянно пустить въ комнату больше свѣта и перенести его на солнце. „Свѣтъ все очищаетъ“,—лепеталъ умирающій, напоминая слова Гёте—„солнце сжигаетъ зло, уничтожаетъ всякія несчастія.. Дайте свѣту!...“

для васъ, для народа, благомъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ сама слава и общественное положеніе. Мы готовы отказаться отъ образа жизни, къ которому мы привыкли; мы готовы бросить наши книги и жизнь среди любимыхъ нами людей. И мы сдѣлаемъ это; только и мы, въ свою очередь, просимъ васъ объ одномъ. Помните, что мы работаемъ въ надеждѣ, что когда вы добьетесь, наконецъ, при нашей помощи лучшей жизни и лучшаго матеріальнаго положенія, то *вы дѣйствительно будете вести лучшую жизнь*. Скажу яснѣе: когда вы достигнете матеріальнаго прогресса, помните, что онъ не составляетъ самъ по себѣ конечной цѣли человѣческой жизни. Помните, что человѣкъ, подобно деревьямъ и растеніямъ, держится корнями земли, но, подобно имъ, долженъ всегда расти вверхъ и обращаться къ небесамъ. Если только вы будете придерживаться любви къ вашимъ собратьямъ и стремиться къ великимъ идеаламъ, тогда мы найдемъ нравственное удовлетвореніе и счастіе въ награду за наши усилія и жертвы для помощи вамъ,—иначе же наше искупленіе будетъ напрасно!» *).

Безвременная кончина Тойнби произвела сильное, горестное впечатлѣніе на всѣхъ его многочисленныхъ друзей, а таковыми были всѣ лица, сколько-нибудь его знавшія. Немедленно открылась подписка на памятникъ Тойнби и собрана крупная сумма денегъ; колебались лишь, какое наилучшее назначеніе, достойное памяти покойника, сдѣлать изъ этихъ денегъ **). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ его кончины, извѣстный намъ мистеръ Барнеттъ, викарій церкви св. Іуды въ Уайтчапелѣ, давно знавшій покойнаго Тойнби, въ тѣсномъ кругу своихъ бывшихъ товарищей въ оксфордскомъ университетѣ прочелъ по этому предмету особый отчетъ. Слѣдуетъ замѣтить, между прочимъ, что Барнеттъ является самъ однимъ изъ весьма крупныхъ общественныхъ дѣятелей въ Англіи, въ сферѣ благотворительности. Человѣкъ очень богатый, и не только образованный, но даже ученый, какъ многіе изъ духовенства этой страны, онъ принялъ на себя скромную обязанность священника въ бѣднѣйшей части города, побуждаемый исключительно мыслью наилучшаго выполненія своего пастырскаго христіанскаго долга

*) „Progress and Poverty". A. Criticism of M. Henry George, being Two Lectures, delivered in St. Andrew Hall, Herman Str. London, by the late *Arnold Toynbee*, London, 1884.

**) Изъ многочисленной, большею частію летучей литературы, появившейся о Тойнби, послѣ его смерти, упомянемъ, кромѣ много разъ цитованныхъ уже книгъ Монтегю и Джауэтта (мемуаръ послѣдняго въ посмертномъ изданіи сочиненій самого Тойнби): I. Hopkin's University Studies, 5 Series. 1887. Herbert *Adams*. Notes on the Literature of Charities, стр. 19. Далѣе, „Good Men and true" by *A. H. Japp*. (Біографіи 10 филантроповъ, въ томъ числѣ и Тойнби).

въ отношеніи ближнихъ. Удаленный отъ круга своихъ оксфордскихъ друзей и обычнаго ему образа жизни, онъ, по личному выбору, уже 17-ть лѣтъ проживаетъ въ самомъ грязномъ и несчастномъ кварталѣ Лондона, дѣятельно занимаясь, со своей достойной, высокообразованной женой, дѣломъ милосердія, затрачивая на это значительныя суммы изъ собственныхъ средствъ.

Въ своемъ отчетѣ *) м-ръ Барнеттъ развивалъ далѣе, высказанную Тойнби въ его послѣдней лекціи, мысль объ обязанности образованныхъ людей служить бѣднымъ, знакомиться съ ними и помогать имъ. Для ближайшаго осуществленія этой цѣли Барнеттъ совѣтовалъ основать въ восточномъ Лондонѣ поселеніе университетскихъ воспитанниковъ, сначала хотя бы въ наемномъ домѣ, а затѣмъ, если дѣло пойдетъ хорошо, то завести собственный университетскій домъ. Затѣмъ, онъ подробно развивалъ какъ планъ устройства этого новѣйшаго ученаго монастыря, посвященнаго дѣлу благотворенія на новыхъ широкихъ началахъ, такъ и самую организацію служенія бѣднымъ. По его проекту въ общежитіи поселяются питомцы университета, уже кончившіе въ немъ курсъ, съ означенною цѣлью приносить посильную пользу дѣлу милосердія и сближенія съ народомъ. Кто не можетъ постоянно жить тамъ, тотъ приглашается для временнаго пребыванія или является лишь днемъ для выполненія принятыхъ обязанностей, живетъ же гдѣ-нибудь въ другой части города, считаясь сочленомъ общежитія (associate). Во главѣ учрежденія состоитъ предсѣдатель или директоръ, избранный изъ лицъ съ высшимъ академическимъ образованіемъ, завѣдомо одушевленныхъ любовью къ человѣчеству и доказавшихъ это на дѣлѣ. Онъ не только руководитъ дѣятельностью общины, ободряя и направляя силы каждаго сочлена на то или иное, полезное въ духѣ учрежденія, дѣло, но и завѣдуетъ также общимъ хозяйствомъ. По правилу, каждый изъ членовъ обязательно долженъ оплачивать какъ свое помѣщеніе, такъ и содержаніе. Въ члены принимаются лица со всякимъ университетскимъ образова-

*) Первоначально напечатанъ въ „Nineteenth Century“ за 1884 г. и затѣмъ перепечатанъ въ сборникѣ статей г-на и г-жи Барнеттъ. См. Essays on Social Reform. Practicable Socialism. London. 1888. Названіе статьи: „University Settlement“.

Американскій писатель Боукеръ (Bowker), въ своей замѣткѣ о Toynbee-Hall, помѣщенной въ майской книжкѣ журн. „Century“ за 1887 годъ, опредѣляетъ время этого отчета почему-то весной 1884 г., что едва ли, по многимъ соображеніямъ, вѣрно, и противорѣчитъ прямому свидѣтельству нѣмецкаго ученаго Вильгельма Бодэ въ его статьѣ по тому же предмету, помѣщенной въ журналѣ „Arbeiter Freund“, 1889 года—Zweites Vierteljahresheft, стр. 172.

ніемъ: учителя, адвокаты, врачи, богословы, и каждому пріискивается соотвѣтственное его спеціальности и вкусамъ занятіе. Они имѣютъ одну связь, которая ихъ собираетъ и держитъ вмѣстѣ: это ихъ общее стремленіе, какъ выразился онъ, «*не умретъ безъ дѣлъ и безплодно*», а содѣйствовать посильно поднятію и улучшенію быта народа. Труды каждаго въ общежитіи должны направляться, смотря по его силамъ, способностямъ и желанію: кто занимается обученіемъ, кто—заботой о бѣдныхъ и другими дѣлами благотворенія, кто посѣщаетъ больныхъ, кто старается одухотворить и влить новую жизнь въ дѣла церковныя и иныя общеполезныя учрежденія; другіе дѣлаются членами въ различныхъ ассоціаціяхъ, сберегательныхъ кассахъ и клубахъ для рабочихъ, дабы путемъ своего высшаго знанія, опыта и добраго желанія содѣйствовать ихъ улучшенію, а гдѣ нужно, основанію и распространенію такихъ полезныхъ учрежденій; наконецъ, это академическое поселеніе людей образованныхъ, одушевленныхъ одной и той же идеей общаго блага для народа, среди бѣдноты можетъ принести ей разнообразную пользу во многихъ отношеніяхъ, которыя даже трудно предвидѣть и пересчитать. А такъ какъ истинная бѣдность преимущественно поконтся на различіи и отдаленіи классовъ народа другъ отъ друга, то, помимо всего прочаго, уже самое существованіе такого поселенія въ бѣднѣйшей части города будетъ служить болѣе солиднымъ пѣлебнымъ средствомъ для дѣла, нежели существующая нынѣ дешевая филантропія подачекъ.

Предложеніе Барнетта немедленно разрѣшило недоумѣніе относительно памятника Арнольду Тойнби. Всѣ его друзья согласились, что такое «Университетское поселеніе — въ Восточномъ Лондонѣ» будетъ наиболѣе подходящимъ и приличнымъ монументомъ въ честь покойнаго. Поэтому собранными для данной цѣли деньгами распорядились слѣдующимъ образомъ: часть ихъ, по желанію большинства друзей, должна составить вѣчный капиталъ или фондъ, называемый «фондомъ Тойнби» (The Toynbee Trust), для изслѣдованій по различнымъ вопросамъ прикладной политической экономіи: была разсчитана сумма, достаточная для того, чтобы каждый годъ одинъ молодой экономистъ проводилъ зиму въ какомъ-нибудь изъ промышленныхъ центровъ страны, читалъ лекціи рабочимъ, и въ то же время собиралъ матеріалъ для изслѣдованія, которое печатается упомянутымъ обществомъ друзей Тойнби *). Другая же часть собранныхъ денегъ, вмѣстѣ съ новой

*) До сихъ поръ фондомъ напечатано четыре экономическихъ изслѣдованія весьма солидныхъ, по разнымъ сторонамъ прикладной экономіи.

подпиской, поступила на устройство проектированнаго «Toynbee-Hall» или «Университетскаго поселенія въ Восточномъ Лондонѣ». М-ръ Барнеттъ сдѣлалъ немедленно весьма крупное пожертвованіе, а именно: подарилъ кусокъ земли, стоимостью въ одну тысячу семьсотъ фунтовъ стерлинговъ, лежащій непосредственно около церкви св. Іуды, гдѣ и выстроено это учрежденіе. Для постройки употреблены частью раньше собранныя на памятникъ деньги, какъ мы говорили, частью понадобились новыя суммы, покрытыя подпиской (м-съ Барнеттъ пожертвовала, напримѣръ, весьма значительную сумму); наконецъ, часть денегъ на расходы была добыта займомъ подъ залогъ земли.

Такимъ образомъ, весьма скоро было воздвигнуто величественное готическое зданіе «Университетскаго поселенія» посреди грязныхъ и бѣдныхъ построекъ этой части обширнаго Лондона. Таковъ памятникъ въ честь скромнаго тьютора балліольской коллегіи Оксфордскаго университета,—памятникъ, который не уступитъ многимъ монументамъ въ честь болѣе громкихъ дѣятелей и героевъ, выставленныхъ на площадяхъ города и въ Вестминстерскомъ аббатствѣ *).

Ассоціація «Университетскаго поселенія», или, точнѣе, поселеніе отъ университетовъ, т. е. Оксфорда и Кембриджа (Universities' Settlement Association), какъ оффиціально себя назвало общество, которымъ основанъ «Toynbee-Hall», опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ задачи своего существованія и условія принятія въ члены. Параграфъ III такъ объясняетъ цѣль общества: «содѣйствовать образованію и средствамъ развлеченія и удовольствій для народа въ бѣднѣйшихъ частяхъ Лондона и другихъ большихъ городовъ; изслѣдовать положеніе бѣдныхъ и споспѣшествовать всѣмъ проектамъ, имѣющимъ цѣлью поднять ихъ благосостояніе». Членами ассоціаціи принимаются всѣ лица, которыя вносятъ не менѣе десяти шиллинговъ въ общую кассу. Члены или поселяются «на свой счетъ» въ зданіи «Toynbee-Hall» въ общежитіи, или же, если они не могутъ удѣлить всего своего времени, то лишь участвуютъ своимъ трудомъ въ свободное время, а живутъ внѣ учрежденія, считаясь товарищами (associates). Одинъ изъ участниковъ ассоціаціи, въ своемъ мемуарѣ о дѣятельности «Toynbee-Hall»,

*) Toynbee-Hall посѣщенъ нами въ августѣ 1889 года, во время извѣстной стачки рабочихъ на докахъ, почему мы не нашли въ учрежденіи никого изъ его жильцовъ, кромѣ любезной и словоохотливой экономки, которая насъ водила по зданію и показывала все. Всѣ жильцы или резиденты въ это время, по ея словамъ, были заняты съ ранняго утра до поздней ночи внѣ дома. О пожертвованіяхъ м-ра Барнетта съ его супругой мы сообщаемъ съ ея словъ.

такимъ образомъ, болѣе обстоятельно, нежели голая оффиціальная формула устава, опредѣляетъ задачи этого замѣчательнаго общежитія: «въ послѣдніе годы въ нашихъ университетахъ пробудился все болѣе и болѣе увеличивающійся интересъ къ положенію бѣдныхъ и созрѣло убѣжденіе, что задачи будущаго въ этомъ отношеніи могутъ быть разрѣшены лишь путемъ практическаго опыта, чрезъ болѣе тѣсное сближеніе и симпатію съ самими бѣдными. Одна изъ главныхъ трудностей жизни бѣдныхъ въ городахъ, гдѣ рабочіе сосредоточены большими массами, заключается въ томъ, что они имѣютъ слишкомъ мало друзей и помощниковъ, которые пожелали бы изслѣдовать и облегчить ихъ затрудненія; что они имѣютъ чрезвычайно мало точекъ соприкосновенія съ идеалами нашего вѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, и вообще бѣдный людъ не имѣетъ своими сосѣдями людей воспитанныхъ и образованныхъ, а лишь такихъ же невѣжественныхъ бѣдняковъ, какъ онъ самъ (какъ извѣстно, въ Лондонѣ богатые классы живутъ въ совершенно отдѣльныхъ отъ бѣдныхъ частяхъ города). Между тѣмъ каждый годъ университеты выпускаютъ кучу молодежи, которая поселяется въ Лондонѣ и, будучи свободна отъ многихъ узъ и препонъ ихъ позднѣйшей жизни, можетъ вполнѣ удобно для себя устроиться между бѣдняками и, отдавши имъ часть своей жизни, постараться наполнить эту соціальную пропасть». Такимъ образомъ, цѣль «Университетскаго поселенія» состоитъ въ томъ, чтобы связать университетъ съ Восточнымъ Лондономъ и направить человѣческую симпатію, энергію и общественное мнѣніе Оксфорда и Кембриджа на помощь наличнымъ условіямъ городской жизни для массы бѣднаго народа. Не мало было попытокъ и раньше со стороны образованныхъ лицъ сблизиться съ народомъ, узнать его и оказывать посильную помощь; но ихъ одиночныя усилія, вслѣдствіе самой разрозненности, приносили въ большинствѣ неудовлетворительные результаты. Другое дѣло теперь, при существованіи ассоціаціи: при общей жизни, связанные во-едино своею преданностью благополучію бѣдныхъ классовъ, эти товарищи-соработники, отдавая на благое дѣло все свое время или хотя бы досугъ, нѣтъ сомнѣнія, много выиграютъ для достиженія тѣхъ же цѣлей, благодаря уже простому соединенію силъ и взаимной поддержкѣ другъ друга, и, наконецъ, получатъ практическое руководство, котораго недостаетъ изолированнымъ и неопытнымъ филантропамъ.

Дѣятельность университетской молодежи, преимущественно наполняющей это общежитіе, связывается со всѣми разнообразными сторонами народной жизни. На первомъ планѣ стоитъ помощь народному

образованію, которая можетъ достигаться устройствомъ лекцій, уроковъ, чтеній и даже цѣлыхъ курсовъ. Наконецъ, одно частое общеніе бѣднаго класса со своими образованными и даже учеными сосѣдями не можетъ остаться безъ прямыхъ благопріятныхъ послѣдствій для ихъ умственнаго кругозора. Отчасти съ тою же цѣлью образованія, сколько и съ видами экономическими, резиденты или члены Toynbee-Hall могутъ устраивать тамъ различныя промышленныя и художественныя выставки и что особенно важно для бѣдной массы—являться на нихъ для указаній, объясненій и научныхъ демонстрацій разнаго рода. Они могутъ устраивать кооперативныя общества, сберегательныя кассы, содѣйствовать устройству клубовъ, такъ-называемыхъ дѣтскихъ колоній за городомъ, различныхъ здоровыхъ и раціональныхъ увеселеній; но еще важнѣе: образованные и добросердечные люди, поселившіеся среди бѣдняковъ, самымъ своимъ присутствіемъ могутъ оказать благодѣтельное вліяніе на всѣ мѣстные органы самоуправленія и администрацію; они могутъ также сдѣлаться членами мѣстныхъ попечительствъ о бѣдныхъ, членами благотворительныхъ обществъ, санитарными чиновниками, и во всѣхъ этихъ обязанностяхъ, прямо или косвенно, содѣйствовать той же благородной цѣли—улучшенію быта и положенія бѣдныхъ *).

Общежитіе Toynbee-Hall быстро наполнилось жильцами: свыше пятидесяти человѣкъ перебывало въ его гостепріимныхъ стѣнахъ за первые четыре года (съ 1884 по 1889) резидентами, и ихъ пребываніе продолжалось отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до нѣсколькихъ лѣтъ включительно. Въ августѣ 1889 года, при нашемъ личномъ, напримѣръ, посѣщеніи этого учрежденія, тамъ насчитывалось 22 постоянныхъ жильца изъ разныхъ университетовъ, между которыми было нѣсколько человѣкъ, поступившихъ туда съ самаго основанія и, слѣдовательно, отдающихъ свое время и свой трудъ бѣднякамъ уже болѣе пяти лѣтъ сряду. Каждый живетъ на свой собственный счетъ, уплачивая за помѣщеніе (двѣ небольшія комнаты) одинъ фунтъ стерлинговъ и за содержаніе съ прислугой—около двадцати-пяти шиллинговъ въ недѣлю, т. е. въ среднемъ, жизнь въ Toynbee-Hall обходится *около шести шиллинговъ* или *трехъ рублей въ день на человѣка*. Товарищъ (associate) или экстернъ, въ домѣ не живущій, которыхъ состоитъ постоянно около сотни, платитъ лишь одинъ небольшой членскій взносъ. Тѣмъ не менѣе, при учрежденіи имѣется нѣсколько комнатъ для го-

*) См. The Work of Toynbee-Hall, by *Philip Lyttelton Gell*, въ книгѣ Монтэгю: Arnold Toynbee. 1889, стр. 57 и далѣе.

стей, гдѣ могутъ всегда заночевать и провести нѣсколько дней друзья, знакомые или посѣтители, желающіе присмотрѣться къ дѣлу общины. При этомъ тамъ находятся также обширныя столовыя комнаты и гостиныя, помимо разнообразныхъ классныхъ и аудиторій, и въ нихъ, въ случаѣ надобности, члены общежитія могутъ одинаково принимать за трапезой или бесѣдой цѣлыя сотни навѣщающихъ ихъ бѣдняковъ всякаго рода. Предсѣдателемъ совѣта или завѣдующимъ въ учрежденіи состоитъ, съ самаго основанія, почтенный от. Барнеттъ, столько потрудившійся и пожертвовавшій для его осуществленія своихъ денегъ; помощникомъ его—также пасторъ—Гардинеръ.

Мы видѣли, какъ опредѣляетъ уставъ учрежденія его цѣль; въ значительной степени она напоминаетъ тѣ цѣли, для которыхъ существуетъ и Народный Дворецъ, позднѣе основанный; но есть и серьезное различіе отъ него: во-первыхъ, къ цѣлямъ образовательной, увеселительной и соціальной, въ которыхъ выражается вся дѣятельность Дворца, здѣсь, въ Toynbee-Hall, присоединяется также обширная благотворительность разныхъ видовъ, которая совсѣмъ не входитъ въ прямую задачу сравниваемаго учрежденія; затѣмъ, главный центръ тяжести, такъ сказать, въ Toynbee-Hall заключается въ поселеніи университетскихъ воспитанниковъ, одушевленныхъ чувствомъ любви къ народу и желаніемъ ему помогать. Слѣдовательно, Toynbee-Hall не только доставляетъ народу школьное образованіе разнаго рода, но и является высокою практическою школою филантропіи для образованныхъ и богатыхъ классовъ общества; онъ учитъ ихъ великому дѣлу служенія народу, даетъ лицамъ этого класса факты, добытые путемъ личнаго наблюденія, по соціальному вопросу, которые могутъ принести плоды впослѣдствіи, когда вся эта университетская молодежь, собранная въ стѣнахъ Toynbee-Hall, однимъ лишь мотивомъ—гуманностью — пробьетъ себѣ жизненную дорогу, сдѣлается, можетъ быть, законодателями, судьями и администраторами Англіи; разнообразное духовное воздѣйствіе этой стороны учрежденія, разумѣется, нѣтъ возможности выразить въ статистическихъ таблицахъ, или просто даже расчесть, или написать на бумагѣ. Какъ справедливо замѣчаетъ пятый ежегодный отчетъ учрежденія, «эта внутренняя сторона труда «Университетскаго поселенія», будучи крайне важной, но въ то же время дѣятельностью личной, молчаливой, не поддается внѣшней отчетности и не можетъ вылиться въ печатныя формы». Достаточно, впрочемъ, и того разнообразнаго матеріала, чтобы судить объ огромной пользѣ этого общежитія, который заключается въ послѣднемъ отчетѣ

учрежденія. Къ ознакомленію съ его богатымъ содержаніемъ мы прямо и перейдемъ *).

«Что такое скорѣе напоминаетъ собою Toynbee-Hall? — спрашиваетъ Rev. Barnett въ своемъ годичномъ отчетѣ: — учебный College или клубъ?» — Въ отвѣтъ на это онъ поясняетъ, что Toynbee-Hall пока, въ настоящее время, напоминаетъ и то, и другое, хотя нельзя предсказать, разумѣется, во что онъ можетъ выработаться въ будущемъ. Въ виду того, что въ немъ идетъ обученіе въ разнообразныхъ классахъ и аудиторіяхъ, и что, мало того, какъ мы знаемъ дальше, при College'ѣ живетъ большое число настоящихъ студентовъ, Toynbee-Hall можетъ быть, пожалуй, названъ обширнымъ учебнымъ заведеніемъ; съ другой стороны, онъ похожъ на клубъ, потому что въ немъ живутъ и собираются люди извѣстнаго университетскаго образованія, которые принимаютъ тамъ своихъ друзей, устраиваютъ разныя собранія и даже забавляются иногда со своими многочисленными нерѣдко посѣтителями изъ бѣдныхъ музыкой и разными играми, какъ въ настоящихъ клубахъ. Въ то же время Toynbee-Hall ширится распространить свою дѣятельность внѣ стѣнъ, чего не дѣлаютъ ни колледжи, ни клубы: онъ стремится вліять на устройство и веденіе городскихъ школъ, на мѣстное управленіе, на развлеченіе для народа, санитарныя мѣропріятія и даже самую религію Восточнаго Лондона, заботясь, чрезъ своихъ членовъ изъ духовенства, поднять религіозный и моральный духъ бѣднаго населенія. Благодаря всему этому, Toynbee-Hall, или группа зданій близъ Уайтчапеля съ ихъ аудиторіями, классами, обѣденными комнатами, гостиными и проч., является не только простымъ центромъ, гдѣ производится воспитательный и образовательный трудъ, въ которомъ читаются лекціи, происходятъ концерты, собранія, конференціи, но въ то же время Toynbee-Hall *служитъ исходнымъ пунктомъ для труда многимъ лицамъ, которыя совсѣмъ даже въ дѣйствительности не заняты работой въ его стѣнахъ.*

Это значеніе труда сочленовъ учрежденія внѣ его стѣнъ замѣтно ростетъ и усиливается съ каждымъ отчетнымъ годомъ: такъ, зимой 1888 года пятнадцать человѣкъ изъ жильцовъ или просто товарищей Toynbee-Hall были облечены ради своихъ цѣлей слѣдующими обязанностями: 6 человѣкъ были директорами или завѣдующими начальными школами; 6 были членами комитетовъ для устройства вечернихъ классовъ для рабочихъ; 3 были членами въ Восточномъ Лондонѣ судовъ

*) *Toynbee-Hall Whitechapel.* Fifth Annual Report of the Universities' Settlement in East London. 1859.

одного стараго рабочаго цеха или гильдіи (Ancient Order of Foresters); 4 были членами комитета благотворительнаго общества; 2 были такъ называемыми раздавателями милостыни «при обществѣ вспомоществованія отъ несчастій»; лѣтомъ 5 человѣкъ изъ членовъ были дѣятелями по устройству такъ называемыхъ дѣтскихъ лѣтнихъ колоній (Children's Country Holiday Fund); *одинъ* былъ избранъ попечителемъ о бѣдныхъ; 9 были членами различныхъ рабочихъ клубовъ въ Восточномъ Лондонѣ того или иного рода, и два члена спеціально отдавали свое время и свой трудъ устройству различныхъ кооперативныхъ предпріятій и товариществъ; всѣмъ членамъ нашлось, такимъ образомъ, дѣло или внѣ, или внутри учрежденія.

Въ дѣлѣ благотворительности Toynbee-Hall поставилъ себя въ самую тѣсную, неразрывную связь съ мѣстнымъ комитетомъ призрѣнія бѣдныхъ, который воспользовался трудами его членовъ и получилъ неожиданно такихъ образованныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ, какихъ до «Университетскаго поселенія» не могъ, конечно, имѣть. Не только многіе члены Toynbee-Hall изъ жильцовъ и товарищей состояли членами комитета призрѣнія бѣдныхъ, но даже почетнымъ секретаремъ этого комитета сдѣлался одинъ изъ нихъ. Комитетъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ говоритъ объ этой помощи со стороны университетскаго учрежденія слѣдующее: «комитетъ всегда терпѣлъ, спеціально въ Восточномъ Лондонѣ, отъ недостатка лицъ, имѣющихъ досугъ и въ то же время способныхъ и желающихъ изслѣдовать и заботиться о бѣдныхъ въ томъ или иномъ случаѣ. Едва было основано поселеніе, какъ эта потребность получила полное и щедрое удовлетвореніе. По образцу его въ сосѣдней мѣстности была примѣнена такая же «система добровольцевъ» по дѣлу обнаруженія и вспомоществованія бѣднымъ, и съ значительнымъ успѣхомъ». Обязанности членовъ поселенія, сдѣлавшихся членами комитета призрѣнія бѣдныхъ, выражались въ слѣдующемъ:

1) Принятіе бѣдныхъ, которые просятъ о помощи; допрашиваніе и заботливое анализированіе обстоятельствъ каждаго просителя и донесеніе комитету.

2) Посѣщеніе бѣдныхъ съ видами дальнѣйшаго знакомства съ ихъ положеніемъ и возможностью помощи.

3) Раздача пособій, когда это требуется, и дальнѣйшая дружественная помощь бѣднымъ въ формѣ, соотвѣтствующей характеру каждаго отдѣльнаго случая.

Вообще,—говоритъ отчетъ,—благодаря учрежденію «университет-

скаго поселенія», вся организація помощи бѣднымъ много улучшилась и усовершенствовалась.

Самое помѣщеніе Toynbee-Hall сдѣлалось мѣстомъ собранія для многихъ благотворителей данной части города, и благодаря этому обстоятельству возникли многія новыя мѣстныя учрежденія съ цѣлью пособія бѣднымъ, которыхъ прежде не было. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ цѣлью помощь въ настоящихъ нуждахъ бѣдняковъ, другія— путемъ поощренія сбереженій или инымъ образомъ предупрежденія будущихъ несчастій. Наконецъ, третьи (и это самыя многочисленныя) имѣютъ своимъ предметомъ то или иное обученіе и воспитаніе дѣтей и юныхъ поколѣній. Въ связи съ этимъ въ помѣщеніяхъ же «Университетскаго поселенія» происходили другія, не менѣе важныя для бѣдныхъ, движенія, напримѣръ организація новыхъ обществъ воздержанія отъ хмельныхъ напитковъ и обществъ распространенія практическихъ свѣдѣній по гигіенѣ. Въ обширныхъ же залахъ Toynbee-Hall собираются многія, разнаго характера, благотворительныя общества этой части города, и члены знакомятся и сближаются другъ съ другомъ; а иногда читаются какіе-либо доклады по вопросамъ о благотворительности, и происходятъ соотвѣтственныя пренія. Вообще вся благотворительная дѣятельность, какъ видно изъ отчета, съ учрежденіемъ Toynbee-Hall, въ Восточномъ Лондонѣ настолько оживилась, что туда начали даже переселяться рабочіе изъ Вестэнда, и изъ нихъ же мѣстному комитету удалось навербовать дѣятельныхъ и свѣдущихъ агентовъ по дѣлу пособія бѣднымъ, чего прежде, безъ помощи такихъ образованныхъ сотрудниковъ и посредниковъ, мѣстное управленіе не въ состояніи было сдѣлать.

Не касаясь непосредственной, прямой дѣятельности «Университетскаго поселенія» на пользу народнаго образованія въ его стѣнахъ, его сочлены оказываютъ, какъ видно изъ отчета, разнообразныя благодѣтельныя вліянія въ этомъ отношеніи: на первомъ планѣ тутъ слѣдуетъ поставить то движеніе въ пользу разныхъ измѣненій въ организаціи народнаго образованія, которое возникло и родилось именно въ Toynbee-Hall. «Съ тѣхъ поръ,—разсказываетъ одинъ изъ его членовъ, — какъ м-ру Макдональду, одному изъ жильцовъ поселенія, удалось пройти и занять мѣсто въ лондонскомъ школьномъ управленіи (London School Board), у насъ образовалась немедленно «Лига реформъ образованія» (Education Reform League), предметъ которой заключается въ томъ, чтобы при содѣйствіи рабочихъ классовъ постараться влить больше жизни въ сухой остовъ теперешней системы начальнаго

образованія». Программа лиги перечисляетъ слѣдующіе пункты, на которые будутъ направлены ея главныя усилія *):

1) Возможность полученія университетскаго образованія для учителей начальныхъ школъ.

2) Возможность для всѣхъ дѣтей къ дальнѣйшему усовершенствованію и развитію, сообразно ихъ способностямъ, въ видѣ продолженія ихъ образованія техническаго, интеллектуальнаго и физическаго.

3) Усовершенствованіе въ системѣ инспекціи за школами.

4) Всеобщее пользованіе школьными зданіями и мѣстами для игръ на открытомъ воздухѣ, ради народнаго блага.

Лига этой реформы развивается, продолжая вербовать себѣ новыхъ членовъ, распространяя свои планы въ обществѣ и постепенно завоевывая сочувствіе своимъ цѣлямъ.

Учрежденію «Университетскаго поселенія» удалось также помѣстить нѣсколько своихъ членовъ въ директора или завѣдующіе городскими школами, черезъ что все болѣе и болѣе расширяется и становится тѣснѣе связь учрежденія со всѣмъ учебнымъ міромъ, учителями и учениками народныхъ училищъ. Первымъ, какъ мы увидимъ, Toynbee-Hall даетъ возможность получить, при желаніи, высшее образованіе, и вообще болѣе способнымъ мальчикамъ — продолжать его далеко за предѣлы начальной школы. Для тѣхъ и другихъ, наконецъ, «Университетское поселеніе» сдѣлалось желаннымъ мѣстомъ дружбы, симпатіи и удовольствія, гдѣ и взрослые, и малые имѣютъ свои клубы, игры, концерты, гимнастику, экскурсіи за городъ и всевозможныхъ видовъ иныя развлеченія. Одинаково въ интересахъ содѣйствія образованію, членамъ общества удалось открыть нѣсколько вечернихъ классовъ при трехъ сосѣднихъ городскихъ школахъ, съ преподаваніемъ гимнастики, рисованія, лѣпки изъ глины, выдѣлки корзинъ и иллюстраціями посредствомъ волшебнаго фонаря по исторіи и географіи. Такіе классы усердно посѣщаются народомъ, и они дали толчокъ къ образованію подобныхъ предпріятій съ различной программой въ другихъ частяхъ города.

Заботясь о распространеніи знаній въ народѣ, «Университетское поселеніе» не забываетъ и еще болѣе существенную сторону жизни, а именно—народное здоровье. Члены общества изъ врачей обратили бдительное вниманіе на дѣятельность санитарнаго комитета въ Уайтчапелѣ и значительно подтянули и увеличили его энергію, что выра-

*) *Toynbee-Hall Whitechapel.* The Work and Hopes of the Universities' Settlement in East London. Oxford, 1887, 17.

зилось не только устраненіемъ различнѣйшихъ санитарныхъ нарушеній, но и въ болѣе бдительномъ надзорѣ за домовладѣльцами въ этомъ отношеніи и въ особенности за ночлежными домами. Точно также, въ интересахъ народнаго здравія, Toynbee-Hall принимаетъ очень дѣятельное участіе въ устройствѣ дѣтскихъ лѣтнихъ фермъ или колоній. Въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Лондонъ, масса дѣтей родится и выростаетъ, никогда не видя деревни, не имѣя представленія ни о поляхъ, ни о зелени, ни о свѣжемъ воздухѣ. И вотъ, подъ предсѣдательствомъ самого Барнетта, директора учрежденія, основано для этой цѣли спеціальное общество, которое собираетъ для того необходимыя средства, организуетъ это дѣло устройствомъ помѣщенія въ деревняхъ, соглашеніемъ съ родителями, желѣзными дорогами и проч., и отправляетъ цѣлыя партіи дѣтей, подъ надзоромъ кого-нибудь изъ своихъ довѣренныхъ лицъ, въ неизвѣстную для нихъ деревенскую благодать — на воздухъ и солнце, которые въ туманномъ, закопченномъ Лондонѣ для многихъ изъ дѣтей знакомы едва не по наслышкѣ. Лѣтомъ 1888 года обществу при Toynbee-Hall удалось совершить нѣсколько такихъ временныхъ переселеній для 1,600 бѣдныхъ дѣтей (въ этомъ году всего разными обществами въ Лондонѣ отправлено за городъ до шестнадцати тысячъ дѣтей обоего пола). Блѣдныя и хилыя при своемъ отъѣздѣ, дѣти возвращались съ замѣтнымъ запасомъ здоровья, загорѣлыя и румяныя, на радость своимъ роднымъ, вербуя «Университетскому поселенію» вѣрныхъ друзей и горячихъ поборниковъ въ рабочемъ классѣ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Еще Арнольдъ Тойнби когда-то обращалъ огромное вниманіе на важность развитія духа кооперації или ассоціаціи между рабочими, и прочелъ по этому поводу рефератъ «о воспитаніи кооператоровъ» на съѣздѣ этого рода обществъ въ маѣ 1882 г. въ Оксфордѣ. Учрежденіе его имени натурально поддерживаетъ эту мысль и старается способствовать устройству между рабочими всякаго рода союзовъ и кооперацій, какъ помогая уже существующимъ обществамъ, такъ и стараясь устраивать новыя, и пропагандировать кооперативныя идеи въ обществѣ. Оба главные вида ассоціацій, потребительныхъ и производительныхъ, имѣютъ для рабочихъ серьезное значеніе. Первыя даютъ возможность избѣжать эксплуатаціи лавочника, вторыя же—получить въ свои руки всю сумму прибыли предпріятія. Прежде всего Toynbee-Hall старался пріютить у себя кооператоровъ, чему способствовало, между прочимъ, одно случайное обстоятельство: сгорѣлъ домъ, принадлежавшій одному крупному лондонскому потребительному обществу, и Toynbee-Hall предложилъ немедленно даровое помѣщеніе

для собраній въ стѣнахъ учрежденія; то же сдѣлалъ онъ относительно другого исключительно женскаго кооперативнаго общества. Этимъ путемъ сразу установилась связь между дѣятелями-кооператорами и жильцами «Университетскаго поселенія», и Toynbee-Hall сдѣлался центромъ кооперативнаго движенія для всей восточной части Лондона. Вслѣдъ затѣмъ тамъ организовался такъ называемый «кооперативный образовательный союзъ» (Cooperative Educational Union), съ цѣлью поощренія и развитія идей о важности и полезности устройства различныхъ ассоціацій; чтобы подать личный примѣръ рабочимъ, члены и товарищи Toynbee-Hall немедленно записались въ ближайшую *потребительную* (Tower Hamlets Distributive Society) и, тѣсно связавъ ее со своимъ учрежденіемъ, навербовали ей новыхъ членовъ, болѣе семисотъ человѣкъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, и открыли два отдѣленія. Такое же участіе принимало учрежденіе и въ болѣе трудной задачѣ устройства *производительныхъ кооперацій*, и былъ сдѣланъ рядъ попытокъ въ этомъ смыслѣ для образованія различныхъ предпріятій на новыхъ артельныхъ началахъ. Всего же больше въ дѣлѣ кооперацій участіе Toynbee-Hall выразилось въ устройствѣ разнообразныхъ лекцій и бесѣдъ съ народомъ для распространенія въ немъ идей о важности и полезности всякаго вида артельнаго или товарищескаго принципа, какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи продуктовъ и закупки сырья.

Въ борьбѣ своей съ бѣдностью путемъ поощренія кооперацій Toynbee-Hall стремился и къ изслѣдованію самихъ причинъ этой бѣдности, дабы болѣе сознательно относиться и къ самому устраненію ея поводовъ. Въ этихъ видахъ ассоціація «Университетскаго поселенія» предпринимала не разъ или самостоятельныя изслѣдованія той или иной стороны экономическаго положенія различныхъ классовъ рабочихъ, или помогала трудомъ своихъ членовъ постороннимъ изслѣдованіямъ, достойнымъ такой помощи. Такъ, по случаю стачки въ 1888 году рабочихъ на крупной спичечной фабрикѣ гг. Bryant and May, было произведено тщательное изслѣдованіе этого несогласія, и благодаря вмѣшательству Toynbee-Hall и этому изслѣдованію, выяснившему положеніе дѣла, произошло миролюбивое соглашеніе. Солидный статистическій трудъ о положеніи бѣдныхъ Восточнаго Лондона, подъ редакціей м-ра Charles Booth (намъ уже извѣстнаго), произведенъ съ помощью членовъ учрежденія, и нѣкоторые отдѣлы его прямо написаны въ Toynbee-Hall. *)

*) Labour and Life of the People. Vol I. London (East), 1887.

Еще болѣе серьезное воспитательное, равно какъ и экономическое значеніе имѣетъ другая сторона дѣятельности членовъ «Университетскаго поселенія», а именно, поощреніе развитія между рабочими общежительности путемъ клубовъ и собраній, гдѣ они не только находили бы отдыхъ послѣ своихъ тяжелыхъ занятій, но и здоровыя развлеченія и образованную компанію изъ числа членовъ Toynbee-Hall. Съ этою цѣлью была принята политика такого рода: жильцы и товарищи учрежденія старались проникать членами въ разные существующіе уже рабочіе клубы, и путемъ вліянія и совѣта, гдѣ нужно, матеріальнаго содѣйствія, улучшать ихъ понятія и весь обиходъ, изгоняя, напримѣръ, пьянство и азартныя игры и поставляя взамѣнъ болѣе невинныя и полезныя развлеченія, въ родѣ музыки, физическихъ упражненій, чтеній и т. п. Это имъ удалось сдѣлать за прошлый годъ въ шести клубахъ. Другой способъ вліянія на общительную сторону жизни рабочихъ заключается въ томъ, что учрежденіе прямо беретъ въ свои руки существующій клубъ, дѣлая ему значительную матеріальную помощь, устроиваетъ его вблизи Toynbee-Hall, какъ это было съ двумя клубами, и производитъ тѣ измѣненія въ его устройствѣ, которыя находитъ желательными въ интересахъ рабочихъ. Наконецъ, Toynbee-Hall прямо устроило нѣсколько новыхъ клубовъ для рабочихъ, гдѣ главными дѣятелями являются его члены. Таково извѣстное собраніе подъ именемъ Лольсуортскаго клуба (The Lolesworth Club), основанное въ 1887 году, представляющее собой, по выраженію отчета, «небольшой клубъ съ большою жизненностью»; онъ ведется на началахъ самопомощи и принципахъ строгаго воздержанія, т. е. безъ продажи хмельныхъ напитковъ. Всѣ развлеченія для членовъ заключаются въ постоянной смѣнѣ концертовъ, лекцій, преній, семейнаго характера вечеринокъ съ танцами, съ угощеніемъ чаемъ, и лѣтомъ—загородными экскурсіями и прогулками. Въ добавленіе, для дѣтей въ клубѣ по воскресеньямъ утромъ происходитъ спеціальная церковная служба съ соотвѣтственною проповѣдью, а послѣ обѣда—даровые воскресные классы. Вообще этотъ клубъ имѣетъ вполнѣ цвѣтущій видъ и обязанъ своимъ существованіемъ всецѣло «Университетскому поселенію». Другой клубъ устроенъ тѣмъ же поселеніемъ и носитъ названіе Сиднейскаго соціальнаго атлетическаго клуба (The Sydney Social and Athletic Club); главная задача его состоитъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, которыми съ такимъ удовольствіемъ занимается вся англійская молодежь.

Помимо этихъ общежительныхъ или соціальныхъ клубовъ, основаніе Toynbee-Hall породило и плодитъ множество иныхъ клубовъ и

обществъ, преслѣдующихъ ту или иную спеціальную цѣль. Большинство изъ нихъ собирается въ томъ же помѣщеніи: иные же имѣютъ другія мѣста для совѣщаній или для своей дѣятельности, но поддерживаются и руководятся членами учрежденія, доставляя исходъ научнымъ силамъ университетской молодежи и рабочихъ, съ ними близкихъ, или просто служа для нихъ предметомъ разумныхъ развлеченій. Назовемъ лишь нѣкоторые изъ нихъ: Toynbee-Шекспировскій клубъ; Toynbee-философское общество; Литературное Елизаветинское общество (для изслѣдованія шестнадцатаго столѣтія); клубъ Адама Смита или экономическое общество; Toynbee-общество естественной исторіи; Toynbee-клубъ путешественниковъ (совершающій поѣздки и не только по Англіи, но и за границу); отдѣленіе Рёскинскаго общества. Каждое изъ этихъ клубовъ или обществъ имѣетъ въ виду не только ученыя засѣданія съ чтеніемъ докладовъ или изслѣдованій, но также устройство чтеній и лекцій по соотвѣтствующимъ предметамъ, посѣщеніе музеевъ, галерей, ботанизированіе за городомъ, визиты въ зоологическій садъ, съ объясненіями и демонстраціями, и т. п. Вездѣ на первомъ планѣ стоитъ здѣсь привлеченіе участія болѣе образованныхъ рабочихъ, преимущественно изъ многочисленныхъ посѣтителей и слушателей всевозможныхъ курсовъ, лекцій и уроковъ, читаемыхъ въ стѣнахъ учрежденія. Одною изъ симпатичныхъ, между прочимъ, задачъ Toynbee-Hall, при устройствѣ всѣхъ этихъ клубовъ и обществъ, является его забота о дѣтяхъ бѣдныхъ классовъ, для которыхъ и основано также нѣсколько клубовъ и обществъ. Во-первыхъ, въ 1885 году принцъ Эдуардъ Уэльскій открылъ Уиттингтонскій клубъ мальчиковъ (Whittington Boys'Club), получающихъ не только обученіе, но частью и содержаніе; они образуютъ, по англійскому обычаю, батальонъ кадетовъ-волонтеровъ, обучаются военной выправкѣ и муштровкѣ и участвуютъ иногда даже на смотрахъ, вмѣстѣ съ другими военными училищами. Вмѣстѣ съ нимъ существуетъ и Уиттингтонскій клубъ гребцовъ и спеціальный клубъ мальчиковъ для гимнастическихъ упражненій и обученія бокса.

Гораздо важнѣе, можетъ быть, заботы «Университетскаго поселенія» о Pupil-Teachers («ученики-учителя»), какъ называются въ англійскихъ школахъ лучшіе ученики, а равно и ученицы, помогающіе своимъ наставникамъ въ обученіи товарищей и впослѣдствіи дѣлающіеся обыкновенно помощниками учителя въ классныхъ занятіяхъ (Assistant-Teachers). Положеніе этихъ дѣтей, будущихъ учителей, въ лондонскихъ школахъ было крайне неудовлетворительно въ смыслѣ общенія съ другими лицами. Pupil-Teachers всегда стоятъ одиноко: они отстали и не

участвуютъ въ забавахъ и развлеченіяхъ другихъ учениковъ, а по своему возрасту и положенію не могутъ войти въ компанію и учителей. Toynbee-Hall взялся сплотить и сблизить эту массу наилучшихъ учениковъ и будущихъ педагоговъ изъ разныхъ школъ вмѣстѣ, столько же съ цѣлью общенія и удовольствій, сколько съ цѣлью наилучшаго ихъ образованія. Для этого въ Toynbee-Hall, во-первыхъ, составился такъ-называемый кружокъ для учителей-учениковъ (Pupil-Teachers Centre), и они, если такъ выразиться, получивъ право гражданства, могутъ сближаться другъ съ другомъ и проводить вмѣстѣ время въ разныхъ невинныхъ развлеченіяхъ: они имѣютъ, напримѣръ, свой особый клубъ гребной гонки, общество для диспутовъ, для игры Lawn-Tennis и, наконецъ, что̀ всего важнѣе, они могутъ посѣщать разные уроки и лекціи, даваемые въ Toynbee-Hall по вечерамъ, и тѣмъ совершенствовать и пополнять свои познанія. Эти-то Pupil-Teachers составляютъ главный образовательный матеріалъ для Toynbee-Hall: выбирая изъ этихъ мальчиковъ наиболѣе способныхъ, его руководители даютъ имъ возможность дальнѣйшаго образованія, или техническаго, или даже университетскаго.

Но «Университетское поселеніе» сдѣлалось центромъ не для однихъ только будущихъ учителей, а также и для людей самаго разнообразнаго званія, образованія и общественнаго положенія, сходящихся и сближающихся исключительно во имя человѣческой симпатіи; оно сдѣлалось, можно сказать, центромъ всей соціальной жизни Восточнаго Лондона. Въ его стѣнахъ, по словамъ отчета комитета, завѣдующаго учрежденіемъ, сходятся нынѣ слѣдующія лица: «учителя, кооператоры, члены рабочихъ клубовъ и просто рабочіе, студенты, политики, люди науки, уличные мальчишки, швеи, полицейскіе, желѣзнодорожные носильщики и, наконецъ, филантропы. Всѣ эти категоріи лицъ, можетъ быть, въ первый разъ сталкиваются другъ съ другомъ и всматриваются; завязывается дружба, доставляются взаимныя удовольствія; наконецъ, усиливаются, если не родятся только, узы симпатіи между лицами такихъ классовъ, которые всегда были раздѣлены другъ отъ друга. Они сближаются и знакомятся съ той огромной выгодою, которая для нихъ взаимно проистекаетъ отъ этихъ собраній и дружескихъ бесѣдъ съ лицами, прежде отъ нихъ далекими!..» *)

Каждый годъ многія тысячи лицъ посѣщаютъ всевозможныя собранія, вечеринки, конференціи, даваемыя въ стѣнахъ Toynbee-Hall своимъ бѣднымъ сосѣдямъ. Угощеніе, которое происходитъ изрѣдка на

*) Universities' Settlement in East London. 1889, 24.

подобныхъ собраніяхъ, крайне просто и незатѣйливо. Гости сначала стѣснялись своихъ хозяевъ; но все окружающее въ Toynbee-Hall имѣетъ такъ много новаго, невиданнаго и въ то же время привлекательнаго для бѣдняка, обращеніе съ ними этихъ университетскихъ людей такъ мягко, добро, человѣчно, что бѣдные скоро забываютъ разницу своего общественнаго положенія и начинаютъ съ интересомъ бесѣдовать со своими хозяевами, разсматривать фотографіи на столахъ, картины, въ изобиліи помѣщенныя на стѣнахъ; съ видимымъ—не то удивленіемъ, не то удовольствіемъ—прислушиваются къ незнакомымъ имъ звукамъ Шумана, Бетховена и Моцарта, которыми ихъ угощаютъ музыкальные члены общества; нерѣдко на подобныхъ собраніяхъ происходятъ чтенія поэтовъ, сцены изъ Шекспира, устраивается импровизированное пѣніе, и счастливая на нѣсколько часовъ и довольная бѣднота разноситъ по всему «Восточному Лондону» разсказы о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, и послѣ испытанной ими людской симпатіи — сердце ихъ становится мягче, а житейская тяжесть легче...

Но самой главной и важнѣйшей задачей является все-таки народное образованіе. Ему-то и посвящены заботы большинства товарищей этого новѣйшаго университетскаго монастыря, построеннаго во славу науки и гуманности. Самая важная часть этой стороны дѣятельности Toynbee-Hall заключается въ устройствѣ у себя такъ-называемаго общества распространенія университетскаго образованія (University Extension Society) *). Вотъ уже болѣе 14-ти лѣтъ въ Англіи происходитъ въ высшей степени оригинальное и крайне плодотворное образовательное движеніе, которое заключается въ распространеніи благъ высшаго образованія внѣ стѣнъ университетовъ — всѣмъ желающимъ лицамъ обоего пола и всякаго званія, заявившимъ лишь о своемъ намѣреніи заниматься наукою и имѣющимъ нѣкоторую, необходимую для того, подготовку и маленькія средства. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: при всѣхъ почти главнѣйшихъ университетахъ страны организуется изъ профессоровъ и лицъ вообще близкихъ университету центральный комитетъ для этой цѣли, съ которымъ входятъ въ сношенія мѣстныя общества, составленныя изъ лицъ, желающихъ учиться въ томъ пунктѣ страны, гдѣ нашлись для этого охотники. Каждый можетъ штудировать или отдѣльный предметъ, или цѣлую серію однородныхъ предметовъ; занятія его, кромѣ слушанія лекцій по отдѣльнымъ предметамъ, домашнія, — чтеніе соотвѣтствующихъ сочиненій

*) См. въ настоящемъ сборникѣ слѣдующій этюдъ о національзаціи университетскаго образованія.

при помощи подробной программы или краткаго конспекта науки (такъ-наз. syllabus), составленнаго опытнымъ спеціалистомъ, причемъ каждый такой студентъ имѣетъ право извѣстное число разъ въ году сноситься съ профессоромъ избранной имъ науки, чтобы получить должное наставленіе и исправленіе своихъ работъ. Въ извѣстное время, когда при университетѣ происходятъ экзамены, туда являются и всѣ такіе добровольные студенты, и если только удовлетворяютъ извѣстнымъ, предусмотрѣннымъ закономъ, условіямъ, то сдаютъ экзамены и получаютъ аттестатъ.

Естественно, это движеніе въ пользу бо́льшей популяризаціи университетскаго знанія, такъ сказать, демократизированія науки, скорѣе всего нашло своихъ сторонниковъ и работниковъ въ «Университетскомъ же поселеніи», съ которымъ прямо или косвенно связаны два лучшихъ университета Англіи. Съ самаго основанія въ Toynbee-Hall открыты университетскіе классы этого рода, и число студентовъ быстро увеличивается и ростетъ, достигая въ настоящее время свыше шестисотъ человѣкъ, преимущественно изъ рабочаго класса и всего болѣе изъ лучшихъ Pupil-Teachers и учителей начальныхъ школъ. Съ помощью новыхъ пожертвованій и подписокъ «Университетское поселеніе» постаралось пріобрѣсти зданіе, лежащее рядомъ съ Toynbee-Hall, Уэдгэмъ-Гоузъ (Wadham House), и завело тамъ студенческое общежитіе, гдѣ около ста человѣкъ, готовящихся подъ ближайшимъ руководствомъ резидентовъ Toynbee-Hall къ университетскимъ экзаменамъ, проживаютъ за умѣренную плату (существуютъ и стипендіаты) и занимаются наукой. Остальные студенты—приходящіе. Для пользованія тѣхъ и другихъ существуютъ лабораторіи и прекрасная библіотека, залъ которой, впрочемъ, свободно открытъ для всей посторонней публики. Дѣло это особенно близко и дорого членамъ Toynbee-Hall, давая возможность лучшимъ силамъ изъ народа не глохнуть, а, напротивъ, выдвигаться и, получивъ высшее образованіе, явиться въ будущемъ важнѣйшими и надежнѣйшими помощниками ихъ въ служеніи тому же самому обществу.

Въ этомъ оригинальномъ, реформированномъ университетѣ для народа можно насчитать четыре факультета, называемые группами, — каждая подъ особой литерой,—три научныхъ и одинъ для искусствъ, мало соотвѣтствующіе, можетъ быть, принятой въ университетахъ группировкѣ, но предметы несомнѣнно читаются въ размѣрахъ высшихъ наукъ и часто университетскими же профессорами. Группа *A* заключаетъ, напримѣръ, преподаваніе слѣдующихъ предметовъ на *зимній семестръ* 1889—90 гг.: библіи, психологіи, политической эко-

номіи, англійской и всеобщей литературы и исторіи (въ отдѣльныхъ монографіяхъ), и, сверхъ того, извѣстный оксфордскій профессоръ Гардинеръ читаетъ исторію семнадцатаго вѣка, а Уикстидъ (R. H. Wheeksteed) — курсъ лекцій по соціальнымъ вопросамъ. Группа *B*, чисто лингвистическая, заключаетъ въ себѣ три новыхъ языка (французскій, нѣмецкій и итальянскій), два древнихъ, и все это сопровождается чтеніемъ и изученіемъ классиковъ, какъ новыхъ, такъ и старыхъ, соотвѣтствующихъ литературъ. Группа *C*—естественныхъ наукъ, куда входятъ *въ упомянутый зимній семестръ*: физика, физическая географія, ботаника, біологія, физіологія и химія; между прочимъ, извѣстный ученый, профессоръ Лондонскаго университета, Вивіанъ Льюисъ въ ту же зиму читаетъ для этихъ студентовъ курсъ въ десять лекцій «О принципахъ химіи», а докторъ Пай (W. Pye)—курсъ изъ десяти же лекцій по общественной гигіенѣ. Наконецъ, группа *D* посвящена почти исключительно искусству: въ ней желающіе обучаются пѣнію, музыкѣ, рисованію, стенографіи и шведской гимнастикѣ.

Сверхъ университетскихъ лекцій и занятій со студентами, при Тоупбее-Hall существуетъ множество различныхъ классныхъ чтеній (Reading Parties), по англійскому обычаю, для лицъ обоего пола и разныхъ возрастовъ по всевозможнымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Прошлый годъ такихъ чтеній разнаго рода насчитывалось *до пятидесяти*. Въ добавленіе къ нимъ, зимой въ Тоупбее-Hall каждую субботу и воскресенье происходитъ регулярно чтеніе различныхъ популярныхъ лекцій, иногда лицами весьма извѣстными въ наукѣ и общественными дѣятелями. При этомъ, обратно съ прочими лекціями, эти двѣ категоріи бо́льшею частью безплатны. Нынѣшнею осенью, напримѣръ, читался цѣлый курсъ безплатныхъ лекцій по воскресеньямъ «о великихъ учителяхъ человѣчества». По субботамъ же профессоръ Нетльшипъ, оксфордскаго университета, читалъ «о нравственномъ значеніи литературы»; профессоръ Сиджуикъ—о Теннисонѣ; профессоръ Александръ Гиль—«о нашемъ мыслительномъ аппаратѣ»; знаменитый капиталистъ лордъ Томасъ Брассей 14-го декабря прошедшаго года долженъ былъ начать чтеніе подъ названіемъ «уроки послѣдней парижской выставки»; другіе дни недѣли точно также изобильно наполнены публичными лекціями разнаго характера, платныхъ и безплатныхъ, въ формѣ курсовъ или отдѣльныхъ чтеній. Напримѣръ, по понедѣльникамъ вечеромъ нынѣшнюю зиму читается курсъ изъ тринадцати лекцій, спеціально для рабочихъ, м-ромъ Грэмъ Уолласъ: «исторія англійскихъ рабочихъ классовъ съ 1766 года по 1866»; курсъ лекцій съ волшебнымъ фонаремъ и другими иллюстраціями по физи-

ческой географіи профессора Бутлера; курсъ изъ 10 лекцій профессора Прайса «о практическихъ приложеніяхъ электричества»; лекціи профессора Бернарда Макдональда (12 въ зиму) «о краснорѣчіи»; лекціи, въ двѣ недѣли разъ, «объ итальянскомъ искусствѣ»—м-съ Фарнель, въ связи съ будущей поѣздкой клуба путешественниковъ «Университетскаго поселенія» въ Италію, на святой недѣлѣ 1890 г.; далѣе, два курса для начинающихъ по физикѣ и географіи съ демонстраціями, и т. д., и т. д. Въ заключеніе упомянемъ, что при Toynbee-Hall, кромѣ того, существуютъ двѣ школы: во-первыхъ, ремесленная съ преподаваніемъ тамъ столярнаго, декоративнаго дѣла, точенія и разныхъ металлическихъ работъ, и затѣмъ элементарная школа для мальчиковъ. Добавьте къ этому массу всевозможныхъ научныхъ клубовъ и обществъ, нами выше перечисленныхъ, съ ихъ засѣданіями, преніями, конференціями, рефератами и докладами, и тогда, все-таки, съ трудомъ можно составить себѣ понятіе о размѣрахъ того умственнаго оживленія, которое господствуетъ въ Toynbee-Hall!! По словамъ Бутса, всѣ эти лекціи, курсы и проч. имѣютъ въ сложности свыше тысячи посѣтителей въ теченіе недѣли.

Но лучше всего привести для наглядности мѣсячный календарь Toynbee-Hall, т. е. распредѣленіе въ немъ *вечерняго* времени за одинъ мѣсяцъ, помимо всѣхъ дневныхъ классныхъ занятій и чтеній. Возьмемъ сентябрь мѣсяцъ 1889 года, до 15-го числа вакаціонный и, слѣдовательно, гораздо менѣе оживленный, чѣмъ позднѣйшее зимнее время, я опять-таки, повторяю, не считая школьныхъ занятій *):

Сентябрь:

3-го, 8 ч. — м. — Собраніе одного изъ дружественныхъ обществъ взаимнаго вспомоществованія рабочихъ.
5-го, 8 » 15 » — Концертъ.
10-го, 8 » — » — Вечеръ кооператоровъ-печатниковъ, данный въ честь «Лондонской производительной ассоціаціи».
» 8 » — » — Лекція доктора Макдональда для учителей.
12-го, 8 » 15 » — Концертъ.
» 8 » — » — Засѣданіе Toynbee-Шекспировскаго общества.
14-го,— » — » — Полугодовое засѣданіе рабочихъ клубовъ.
15-го,— » — » — Объявляется начало зимняго семестра.
17-го, 8 » — » — Первая изъ курса двѣнадцати лекцій «о краснорѣчіи», профессора Бернарда Макдональда.

*) The Toynbee Record, September 1889. Vol. 1.

17-го, 8 ч. 15 м. — Концертъ.
19-го, 8 » — » — Предварительное собраніе соединенныхъ классовъ профессора Вильсона по строительному искусству.
24-го,— » — » — Концертъ.
28-го, 8 » — » — Первое собраніе общества распространенія университетскаго образованія. Рѣчь доктора Абботъ.
30-го, 8 » — » — Первая лекція изъ курса «о принципахъ химіи», профессора Льюиса.
» 7 » 45 » — Первая лекція изъ курса «практическія приложенія электричества» профессора Прайса.

Такова разнообразная и разносторонняя дѣятельность, центромъ которой является «Университетское поселеніе» въ Восточномъ Лондонѣ и которая ведется въ духѣ и по завѣту Арнольда Тойнби. Согласно воззрѣніямъ этого послѣдняго и вполнѣ гармонируя съ національнымъ характеромъ англичанъ, разрѣшеніе столь труднаго соціальнаго вопроса должно заключаться вовсе не въ какихъ-либо переворотахъ, сопровождаемыхъ насиліемъ, а въ мирномъ поступательномъ реформаторскомъ движеніи сверху внизъ: измѣняется законодательство страны, альтруистически усовершенствуются идеи высшихъ образованныхъ классовъ, а вслѣдъ затѣмъ совершается и дружественное, братское поднятіе массъ народа до пользованія всѣми истинными сокровищами нашего времени. Обратно съ тѣми утопистами, которые предполагаютъ устранить существующія соціальныя невзгоды путемъ ломки учрежденій, оставивъ людей такими, какими они до сихъ поръ были, англійскіе друзья народа думаютъ совершенно иначе. Они убѣждены, что *всякая ломка составляетъ прежде всего зло,* какими бы добрыми цѣлями и соображеніями она ни вызывалась, и что истинный ходъ великой реформы этого рода долженъ состоять отнюдь не въ пониженіи высшихъ классовъ до умственнаго и нравственнаго уровня низшихъ, какъ о томъ фантазируютъ нерѣдко филантропы иныхъ обществъ, а въ совершенно обратномъ дѣйствіи. По ихъ мнѣнію, мирный, нормальный, а потому единственно желательный путь къ разрѣшенію соціальнаго вопроса долженъ прежде всего выразиться въ стремленіи образованныхъ классовъ поднять до своей высоты бѣдную массу двумя путями: увеличеніемъ ея образованія и культуры, и затѣмъ личнымъ примѣромъ искренней безкорыстной человѣческой симпатіи,

доказываемой на дѣлѣ, а слѣд. улучшеніемъ и поднятіемъ уровня собственной нравственности.

Какъ всякое серьезное моральное движеніе времени, Toynbee-Hall является благодѣтелемъ отнюдь не для однихъ рабочихъ «Восточнаго Лондона», для которыхъ онъ прежде всего предназначается, но и для самихъ тружениковъ общежитія, и для тѣхъ университетовъ, изъ которыхъ они вышли. «Настоящіе жильцы Toynbee-Hall,—говоритъ оксфордскій профессоръ Джэль, усердный сочленъ того же учрежденія,—мы надѣемся,—являются піонерами постояннаго движенія, имѣющаго совершенно измѣнить между достаточными классами чувства ихъ гражданскихъ обязанностей. На собраніяхъ, которыя происходятъ въ тѣхъ или другихъ университетскихъ коллежахъ, для поддержки этого предпріятія, интересъ учащихся постоянно привлекается къ соціальнымъ вопросамъ, той или иной борьбой съ которыми заняты ихъ представители въ Уайтчапелѣ. И вотъ сѣется сѣмя въ сердцахъ юныхъ поколѣній, которое принесетъ свой плодъ съ годами, когда они сдѣлаются администраторами, землевладѣльцами, журналистами, законодателями, составятъ наконецъ «общественное мнѣніе» ихъ времени. Позднѣе, когда они покидаютъ университетъ, Toynbee-Hall предлагаетъ имъ случай личнаго прямого опыта въ рѣшеніи соціальныхъ задачъ и средство для выраженія своихъ соціальныхъ симпатій. Вотъ тѣ прямыя выгоды, которыя движеніе приноситъ университету. Но для другой стороны,—добавляетъ профессоръ Джэль,—выгоды еще значительнѣе и выражаются въ разнообразномъ добрѣ, которое наши товарищи-сограждане пожинаютъ въ своемъ образованіи и просвѣщеніи, въ соціальныхъ стимулахъ, въ реформѣ мѣстной жизни и устраненіи мѣстныхъ золъ и невзгодъ. Принципъ личнаго служенія обществу, личнаго знакомства и личной симпатіи останется памятнымъ на всю жизнь каждой изъ участвующихъ сторонъ. Каждая изъ нихъ пріучается оцѣнивать другую лучше, нежели прежде, и многочисленныя связи сердечной и глубокой дружбы, основанной на общихъ вкусахъ, общихъ ассоціаціяхъ и общемъ трудѣ для блага ближнихъ, неразрывно связываетъ теперь вмѣстѣ лицъ изъ такихъ классовъ, которые иначе оставались бы чужды, а можетъ быть сдѣлались бы врагами» *).

Но примѣръ Toynbee-Hall не остается въ то же время безъ подражаній, и дѣло продолжаетъ расти; такъ, по словамъ Бутса, по

*) The Work of Toynbee-Hall, by *Pl. Gell*, въ книгѣ Монтэгю: «Arnold Toynbee». Baltimore, 1889.

его образцу уже возникло въ Лондонѣ другое учрежденіе аналогичнаго характера въ средней части города, подъ именемъ «Oxford House», а дамы-студентки основали свое «женское университетское поселеніе». Но мало того: этотъ новый крестовый походъ противъ человѣческихъ бѣдствій и невѣжества находитъ откликъ сочувствія и за предѣлами Великобританіи. Въ Нью-Іоркѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ сообщаетъ Charles Stover, по тому же примѣру образовалось филантропическое общество *) (The Neighbourhood Guild) изъ лицъ обоего пола и разнаго общественнаго положенія, основанное м-ромъ Coit'омъ, бывшимъ сочленомъ Toynbee-Hall. Правиломъ дѣятельности этого учрежденія является слѣдующій эпиграфъ, стоящій во главѣ его устава: «порядокъ—нашъ базисъ, улучшеніе—наша цѣль, и дружба—нашъ принципъ»; оно стремится теперь преобразоваться и еще болѣе приблизиться по уставу и устройству къ своему англійскому прототипу. Наконецъ, нѣмецкій ученый Вильгельмъ Бодэ, упоминая объ описанныхъ нами лондонскихъ учрежденіяхъ на пользу меньшей братіи, съ видимымъ сокрушеніемъ соболѣзнуетъ объ отсутствіи чего-либо подобнаго для рабочихъ массъ Германіи, несмотря на ея могущество и соціальные законы Бисмарка, неспособной, однако, создать или даже вызвать такое высокое альтруистическое движеніе на пользу народа въ своихъ университетскихъ кругахъ **). Между тѣмъ, просматривая списки членовъ «Ассоціаціи университетскаго поселенія» въ различныхъ коллегіяхъ Оксфорда и Кембриджа, мы встрѣчаемъ, рядомъ съ многочисленными именами неизвѣстной молодежи, всѣ свѣтила науки, которыми гордятся оба университета и вся страна, начиная съ знаменитаго филолога Макса Мюллера, юриста Дайси, натуралиста Лёббока, историка Гардинера, и, кончая экономистами—Сиджуикомъ, Прайсомъ и многими иными учеными свѣтилами Великобританіи, не меньшей величины. Всѣ лучшія научныя силы, слѣдовательно, сочувствуютъ и поддерживаютъ, какъ матеріально, такъ и нравственнымъ своимъ авторитетомъ, это новое филантропическое движеніе. Понятенъ отсюда успѣхъ, которымъ сопровождается дѣятельность Toynbee-Hall, и то оживленіе, которымъ онъ отличается ***).

*) «The Neighbourhood Guild in New-York», приложеніе къ книгѣ *Монтэгю*: «Arnold Toynbee. Baltimore, 1889 г. См. дальше статью «Сосѣдскія Гильдіи» въ настоящемъ сборникѣ.

**) Toynbee-Hall, eine Hochschule für Arbeiter. «Der Arbeiterfreund», XXVII Jahrgang. Zweiter Vierteljahresheft. Berlin. 1889.

***) Въ указанной уже статьѣ Вильгельмъ Бодэ заявляетъ: «никто не выполняетъ свою благородную миссію болѣе своеобразно и въ то же время основательно, какъ Toynbee-Hall»...

Достойно замѣчанія при этомъ, что члены университетскаго общежитія отнюдь не стараются поддѣлаться къ рабочимъ во внѣшнемъ образѣ своей жизни, т.-е. ни въ костюмѣ, ни въ манерахъ, ни въ суровости обстановки. Съ этой стороны Toynbee-Hall является просто университетскимъ клубомъ, устроеннымъ посреди бѣднаго населенія «Восточнаго Лондона». «Университетскіе люди», какъ привыкъ народъ здѣсь называть ихъ, имѣютъ комфортабельныя, хорошо убранныя комнаты, съ частными библіотеками и вообще тѣми удобствами студенческой жизни, къ которымъ они привыкли въ колледжахъ Оксфорда и Кембриджа. Рядиться въ бѣдность, подражать бѣдности и дѣланному аскетизму, ее сопровождающему, значило бы, по ихъ мнѣнію, прибѣгать къ пустой аффектаціи. Идеи членовъ Toynbee-Hall заключаются въ томъ, чтобъ перенести университетскую культуру въ самое сердце «Восточнаго Лондона» соціальными, цивилизующими и реформирующими путями. «Рабочіе люди отнюдь не худшаго мнѣнія,—справедливо замѣчаетъ американскій профессоръ Адамсъ,—объ этихъ мужественныхъ, хорошо сложенныхъ молодыхъ людяхъ потому лишь, что они живутъ, какъ джентльмены. Напротивъ, населеніе Восточнаго Лондона гордится своими новыми сосѣдями, и навѣрное пошлетъ ихъ въ парламентъ, какъ представителей своей рабочей партіи, когда получитъ всеобщее избирательное право (plebescite)...» «Toynbee-Hall, говоритъ онъ далѣе, имѣетъ всѣ выгоды современнаго англійскаго клуба, и всѣ добродѣтели бенедиктинскаго монастыря; онъ составляетъ центръ обученія и цивилизаціи въ дикой мѣстности (Восточный Лондонъ); онъ является блестящимъ образцомъ благоустроенной соціальной жизни» *).

III.—Національзація университетскаго образованія.

Въ семи стахъ миляхъ къ западу отъ Нью-Іорка, въ штатѣ того же имени, лежитъ небольшое, но очень красивое озеро, съ веселыми, живописными берегами, посреди значительныхъ холмовъ, составляющихъ водораздѣлъ двухъ величайшихъ рѣкъ Сѣверной Америки—Миссисипи и св. Лаврентія. Если перенестись мысленно—въ двадцатыхъ числахъ августа мѣсяца любого года, за послѣдній десятокъ лѣтъ,—въ эту мѣстность, то глазамъ представится весьма любопыт-

*) См. John Hopkins' University Studies. Fifth series, VIII. Notes on the Literature of Charities, by *Herbert B. Adams*. Baltimore, 1889, стр. 21.

ное и въ то же время странное зрѣлище: на одномъ изъ угловъ озера (оно все шириной не болѣе четырехъ съ половиною верстъ, а длиной около тридцати) расположено селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ хижинъ и одного большого зданія, по наружности—отеля. Тутъ прежде всего поражаетъ наблюдателя множество народа, который кишитъ въ селеніи и его окрестностяхъ, составляя, очевидно, лишь временное населеніе деревни. Вдоль берега и по сосѣднимъ холмамъ разбросано нѣсколько сотъ палатокъ всевозможнаго вида и величины; не мало понастроено временныхъ балагановъ и прямо шалашей, и все это, видимо, назначено для того же излишняго временнаго населенія; тамъ и сямъ курятся огоньки, но нигдѣ не видно ни военнаго мундира, ни характерной фигуры столь обыкновенныхъ въ Европѣ цыганъ: очевидно, что это не военный лагерь и не цыганскій таборъ. Первому, впрочемъ, противорѣчитъ уже и то обстоятельство, что значительная масса публики, которая бродитъ около селенія, по берегамъ озера,—въ нѣсколько десятковъ тысячъ,—принадлежитъ къ женскому полу и особенно много дѣтей. Но вотъ на колокольнѣ селенія ударилъ большой колоколъ, публика заволновалась и двинулась на одинъ изъ сосѣднихъ холмовъ, гдѣ издали виднѣется огромное зданіе амфитеатра, прислоненнаго одной стороной къ холму, а съ другой—совершенно открытаго. Раздаются торжественные звуки органа и пѣніе тысячъ голосовъ, и эта многолюдная толпа, разряженная по праздничному, кончивъ молитву, выходитъ чрезъ нѣсколько времени изъ амфитеатра и направляется въ маленькую сосѣднюю рощу старыхъ дубовыхъ деревьевъ. Между ними бѣлѣется довольно обширное зданіе, состоящее изъ одной колонады съ крышей, съ надписью на фронтонѣ: «Храмъ (или залъ) философіи» (The Hall of Philosophy»), нѣсколько напоминающее собой аѳинскій Парѳенонъ. Впереди толпы идутъ сотни маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, съ лавровыми вѣнками на головахъ и съ корзинами, полными цвѣтовъ; непосредственно за ними выступаетъ группа людей (около тысячи человѣкъ) самаго различнаго возраста, съ особыми значками на груди и съ веселыми, радостными лицами.

Процессія встрѣчается музыкой; затѣмъ слѣдуетъ привѣтственная рѣчь, обращенная къ означенной выше группѣ лицъ, и раздача имъ печатныхъ листовъ бумаги и пергамента, съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ количествомъ печатей, различнаго цвѣта и формъ, и разнаго рода значковъ; при вручѐніи ихъ, музыка играетъ тушъ. Чѣмъ большее количество печатей на этихъ, очевидно, документахъ и притомъ разнаго цвѣта, тѣмъ бо̀льшими овацiями встрѣчаетъ толпа счастливцевъ,

ихъ получающихъ. Нерѣдко можно видѣть такія сцены: мужъ, жена и нѣсколько дѣтей подходятъ вмѣстѣ къ эстрадѣ, гдѣ происходитъ раздача отличій, и таковое получаетъ каждый изъ членовъ семьи. Вся дорога, гдѣ двигаются эти очевидные виновники торжества, усыпается цвѣтами, колокола все время продолжаютъ звонить. Наконецъ, раздача наградъ кончается, снова слышится торжественное пѣніе гимна многими тысячами голосовъ всѣхъ присутствующихъ, и огромная толпа медленно и мирно расходится по своимъ постояннымъ и временнымъ жилищамъ, а поѣзда желѣзной дороги съ ближайшей къ описанному пункту станціи развозятъ въ этотъ день тысячи счастливыхъ семействъ въ разные концы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и сосѣдней Канады.

Читатель, естественно, интересуется знать, что это за странное собраніе, нами описанное,—и весь этотъ праздникъ съ массой народа на открытомъ воздухѣ, нѣсколько напоминающій намъ праздничныя игры въ древней Греціи? Это мѣсто, т. е. озеро и селеніе, носитъ варварское, индѣйское названіе «*Шотокуа*», хотя неправильно пишется по англійски Chautauqua, а описанное торжество представляетъ собой день раздачи наградъ или «торжественный актъ» (Recognition Day) здѣшняго «народнаго университета» (Popular University), какъ его называютъ въ просторѣчіи, или «литературно-научнаго кружка», какъ онъ называется офиціально (Literary and Scientific Circle) *).

Если мы обратимся къ уставу этого любопытнаго учрежденія, то изъ параграфа перваго мы узнаемъ, что цѣль кружка заключается «въ развитіи привычки къ чтенію и изученію природы, искусства, науки и литературы, какъ духовной, такъ и свѣтской, въ связи съ теченіемъ обыденной жизни» (спеціально для тѣхъ, которые были лишены возможности правильнаго образованія). «Далѣе, задача его состоитъ въ томъ, чтобы помочь выработать общій взглядъ образованнаго человѣка на свѣтъ и на жизнь и развить способность связнаго и правильнаго мышленія». Достигаются эти цѣли, главнымъ образомъ, двумя путями; важнѣйшій изъ нихъ и для большинства членовъ чуть ли не единственный способъ —*домашнее чтеніе* и усвоеніе соотвѣтствующихъ научныхъ сочиненій, по указанію и программѣ, доставляемой этимъ обществомъ; и затѣмъ, краткіе лѣтніе курсы наукъ, читаемые каждый годъ въ означенномъ селеніи Шотокуа въ теченіе шести или восьми недѣль. На помощь домашнему чтенію является устройство *мѣстныхъ*

*) Описаніе этого дня торжества въ Шотокуа (Recognition Day) можно почерпнуть каждый годъ въ мѣстномъ органѣ «Chautauqua Assembly Herolda» Правила же и программу—въ изданіи администраціи учрежденія: The Chautauqu. Literary and Scientific Circle. New-York.

кружковъ (Local Circles), составленныхъ изъ лицъ, занимающихся или учащихся подъ руководствомъ того же своеобразнаго университета.

Такимъ образомъ, шотокуайскій литературно-научный кружокъ является обществомъ поощренія образованію лицъ двухъ категорій: или такихъ, которыя не получили совсѣмъ настоящаго средняго образованія, или хотя и прошли въ теченіе юности среднюю школу, но житейскія заботы и время привели къ тому, что познанія эти значительно ослабѣли и утратились. У многихъ людей въ зрѣломъ возрастѣ, глядя, напримѣръ, на своихъ подросшихъ дѣтей, является горестное сознаніе большихъ пробѣловъ въ своемъ собственномъ образованіи и желаніе ихъ пополнить. Въ этомъ случаѣ взрослые люди поставлены въ гораздо болѣе безпомощное положеніе въ каждой культурной странѣ, нежели малолѣтніе, для которыхъ имѣется повсюду такой большой выборъ разнообразныхъ учебныхъ заведеній. Куда обратится взрослый для своего обученія, — даже попросту за совѣтомъ? Правда, онъ можетъ читать научныя книги, но въ томъ то и дѣло, что «онъ не знаетъ, что̀ ему читать». «Свѣтъ полонъ книгъ, но кто можетъ гарантировать, что человѣкъ читаетъ лучшую книгу въ данномъ отношеніи, а не теряетъ попусту время?» *). Вотъ для подобныхъ-то людей шотокуайское учрежденіе и является крайне спасительнымъ: заплативъ всего на всего пятьдесятъ центовъ, т. е. около одного рубля, каждый желающій дѣлается его членомъ, получаетъ программу для чтенія, выработанную опытнымъ и свѣдущимъ лицомъ, даже съ указаніемъ цѣны нужныхъ книгъ и гдѣ ихъ купить. Встрѣчается у него при чтеніи сомнѣніе или просто недоумѣніе, — онъ можетъ во всѣхъ случаяхъ обратиться за разъясненіями къ тому же кружку. Наконецъ, въ извѣстные сроки, если лицо, такимъ образомъ занимающееся въ свободныя минуты (по правиламъ кружка, необходимо употреблять не менѣе сорока минутъ въ день, чтобъ успѣть прочесть все положенное въ теченіе года), пожелаетъ себя провѣрить, то къ его услугамъ извѣстныя экзаменаціонныя правила. Онъ высылаетъ по почтѣ свои письменныя работы или отвѣты на вопросы, предложенные профессоромъ въ кружкѣ, и получаетъ за особое, конечно, вознагражденіе то или иное удостовѣреніе о своихъ успѣхахъ. Такихъ заглазныхъ экзаменовъ происходитъ вчетверо больше, нежели экзаменовъ на-лицо въ самомъ Шотокуа, а всего около пяти тысячъ въ годъ. Если въ томъ мѣстѣ, гдѣ подобное лицо имѣетъ жительство, находятся другіе уче-

*) Chautauqua. — A Popular University, by *I. H. Vincent*. «Contemporary Review». 1887, May, стр. 727.

ники литературно-научнаго кружка, то они разумѣется, могутъ сходиться по временамъ вмѣстѣ для общаго чтенія, бесѣдъ и дебатовъ по обще-интересующимъ ихъ предметамъ. Наконецъ, если такое лицо имѣетъ лѣтомъ свободный мѣсяцъ или другой, то можетъ отправиться, вмѣсто дачи, въ Шотокуа, соединяющій въ себѣ многія прелести деревенской жизни съ существованіемъ тамъ самыхъ разнообразнѣйшихъ учебныхъ заведеній для дѣтей и взрослыхъ и учителей всякаго рода въ избыткѣ въ теченіе лѣтняго времени, начиная съ гимнастики, плаванія, стенографіи, музыки, танцевъ, прикладного электричества и кончая многими науками чисто университетскаго преподаванія. Многіе изъ лучшихъ профессоровъ американскихъ университетовъ, напримѣръ Адамсъ и Эли (F. Ely) изъ балтиморскаго университета Джона Гопкинса, принадлежатъ къ высшей администраціи кружка и проводятъ лѣто тамъ же.

Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы шотокуайскій литературно-научный кружокъ мечталъ замѣнить своей системой чтенія и краткими курсами настоящее правильное университетское образованіе. Напротивъ, онъ держится въ этомъ случаѣ иной политики. Какъ утверждаетъ знатокъ этого учрежденія, Фитчъ,—по обычаю Шотокуа не принимаетъ даже настоящихъ университетскихъ студентовъ, конечно пока они не кончатъ курса, въ члены кружка и вообще сторонится всякой конкуренціи съ постоянными и правильными академическими учрежденіями. Хотя по американскому обычаю, и выдано даже шотокуайскому кружку право на раздачу ученыхъ дипломовъ (первой степени, т.-н. Bachelor of Arts, соотвѣтствующее нашему кандидату), но совѣтъ общества мудро до сихъ поръ воздерживался отъ раздачи этихъ дипломовъ, ограничиваясь выдачей простыхъ удостовѣреній съ печатью, или точнѣе—печатями, соотвѣтствующими тѣмъ наукамъ, изъ которыхъ экзаменовался желающій. Такой дипломъ, хотя бы для самаго наилучшаго студента или сочлена коллегіи свободныхъ искусствъ (College of Liberal Arts), какъ называется высшее университетское отдѣленіе литературно-научнаго кружка, не имѣетъ ровно никакого практическаго значенія, кромѣ личнаго удостовѣренія въ извѣстныхъ познаніяхъ, и отнюдь не замѣняетъ аттестата на ученую степень *).

Такимъ образомъ, шотокуайскій литературно-научный кружокъ, существующій съ 1878 года, нѣтъ сомнѣнія, играетъ важную роль для

*) The Chautauqua Reading Circle, by *I. H. Fitch*, «Nineteenth Century», October, 1888.

образованія своей страны и отчасти даже за ея предѣлами, въ видахъ пополненія и подновленія *преимущественно средняго образованія.* Въ этомъ смыслѣ данное предпріятіе имѣло огромный успѣхъ: число всѣхъ учениковъ или студентовъ, какъ ихъ называютъ, литературно-научнаго кружка простирается въ настоящее время до 125,000; хотя большинство ихъ американцы, но многіе ученики разсѣяны по всему міру и встрѣчаются даже въ Россіи, Китаѣ, Японіи и проч. Каждое лѣто въ Шотокуа съѣзжается отъ шестидесяти-пяти до семидесяти-пяти тысячъ народу, и многіе, въ виду ничтожности селенія, прямо пріѣзжаютъ со своими палатками, чтобъ провести мѣсяцъ-другой на бивакахъ, занимаясь отчасти наукой, отчасти прогулками и иными деревенскими развлеченіями. Цѣлыя семейства иногда проводятъ здѣсь лѣто по этому способу. Отецъ и мать слушаютъ науки средняго или высшаго образованія, посѣщаютъ лекціи и работаютъ въ лабораторіяхъ, а ихъ дѣти, сообразно возрасту, пристроены въ дѣтскіе сады и различныя школы, такъ что днемъ сходятся вмѣстѣ лишь для ѣды и для увеселеній, которыми Шотокуа также изобилуетъ.

Тѣ недостатки общественнаго строя и образованія, которые вызвали въ Америкѣ созданіе шотокуайскаго литературно-научнаго кружка, встрѣчаются, конечно, и во всѣхъ государствахъ старой Европы. Изъ нихъ въ странѣ, родственной Соединеннымъ Штатамъ по языку и происхожденію, въ Англіи, эти недостатки именно вызвали даже цѣлый рядъ учрежденій, нѣсколько и наружно похожихъ на шотокуайскій кружокъ, но, сообразно мѣстнымъ и національнымъ особенностямъ, съ большими отъ него внутренними отличіями. Въ виду того, что наша главная задача состоитъ въ ознакомленіи читателей именно съ этимъ новымъ любопытнымъ движеніемъ Великобританіи, — мы и привели выше въ краткомъ изложеніи американскую попытку этого же рода исключительно для того, дабы лучше и рельефнѣе выдѣлить всѣ весьма значительныя отличія ихъ другъ отъ друга.

Какъ это ни странно, англійское движеніе — въ смыслѣ бо́льшаго распространенія высшаго образованія въ народѣ—на нѣсколько лѣтъ старше американскаго и, какъ увидимъ дальше, ведется тверже, солиднѣе и обѣщаетъ богатые плоды въ будущемъ. Наконецъ, Англія находится въ Европѣ, а Шотокуа за Атлантическимъ океаномъ, 12—15 дней пути отъ Европы, тѣмъ не менѣе, извѣстность американскаго научнаго эксперимента распространена рѣшительно повсюду, и члены кружка, согласно послѣднему отчету учрежденія, встрѣчаются даже въ такихъ полудикихъ мѣстахъ, какъ въ Сіамѣ и глубинѣ нашей Си-

бири *), тогда какъ молва объ англійскомъ движеніи распространенія университетскаго образованія (University Extension Movement) начинаетъ только теперь расходиться по Европѣ, и то случайно привлекая вниманіе публики...

Англійская попытка распространенія высшаго образованія въ народѣ отличается отъ американской уже прежде всего своею внѣшней обстановкой: никакого поэтическаго уголка и лѣтней резиденціи, предназначенной для этой цѣли, въ родѣ шотокуайской академіи, Англія не имѣетъ—этому не способствуетъ ни климатъ страны, ни національный характеръ англичанъ, ни самое, наконецъ, происхожденіе этого великаго движенія въ Англіи въ данномъ случаѣ. Обратно опять-таки съ Америкой, это движеніе въ Англіи пріурочено къ различнымъ старымъ умственнымъ центрамъ—университетамъ, и при общихъ цѣляхъ и задачахъ каждый центръ распространенія высшаго образованія въ народѣ имѣетъ свою особую исторію. Затѣмъ, въ Шотокуа движеніе родилось и выросло изъ существовавшаго съ семидесятыхъ годовъ въ этомъ селеніи съѣзда такъ-называемыхъ воскресныхъ учителей библіи, т.-е. преподавателей закона Божія протестантскаго вѣроисповѣданія въ воскресныхъ школахъ, имѣвшихъ обыкновеніе проводить свои лѣтнія вакаціи на озерѣ. Къ чтенію и курсамъ богословія постепенно присоединялись другія науки, и съ 1878 года шотокуайскій литературно-научный кружокъ изъ лѣтняго мѣстопребыванія методистовъ превратился въ тотъ обширный и оригинальный умственный центръ, какимъ онъ является нынѣ, сохраняя впрочемъ на себѣ и до сихъ поръ нѣкоторый церковно-протестантскій отпечатокъ.

Происхожденіе того же движенія въ Англіи совсѣмъ иное — и прежде всего чисто свѣтское. Около двадцати лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ этой страны существовали такъ-называемыя дамскія образовательныя общества (Ladies' Educational Associations), исключительно предназначенныя для чтенія лекцій и вообще научныхъ занятій между однѣми лишь дамами. Эти лекціи обыкновенно читались лицами, принадлежавшими къ университетамъ, и имѣли значительный успѣхъ. Затѣмъ они послужили уже образцами для организаціи подобныхъ же вечернихъ курсовъ въ рабочемъ классѣ и въ низшихъ слояхъ средняго, обыкновенно занятыхъ цѣлый день другимъ трудомъ. Популярность и польза отъ такихъ чтеній была настолько велика и ощутительна, что явилось уже желаніе во многихъ пунктахъ страны сдѣлать такія чтенія болѣе постоянными и доступ-

*) См. The Chautauqua Literary and Scientific Circle, 1889, стр. 34.

ными для всѣхъ желающихъ, доставивъ возможность людямъ съ небольшими средствами слушать хорошихъ и свѣдущихъ лекторовъ по разнымъ интересующимъ ихъ наукамъ. Опытъ обнаружилъ, что въ обществѣ существуетъ три категоріи лицъ, лишенныхъ благодѣянія высшаго образованія и въ то же время, при извѣстныхъ условіяхъ, желающихъ его получить. Первая категорія состоитъ изъ женщинъ средняго класса и вообще взрослыхъ лицъ достаточныхъ и обладающихъ досугомъ и охотой чему-нибудь поучиться. Вторая категорія—лица, занятыя въ теченіе дня различными родами торговой, промышленной и профессіональной дѣятельности. Наконецъ, третій классъ—это рабочіе, между которыми въ Англіи за послѣднюю четверть вѣка, вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ политическихъ правъ, замѣтно проснулась потребность образованія и чувство неудовлетворенности полученіемъ его лишь въ видѣ однихъ начатковъ.

Піонеромъ въ новомъ движеніи выступилъ городъ Ноттингэмъ, управленіе котораго обратилось офиціально къ Кембриджскому университету съ просьбой доставить ему лекторовъ по разнымъ наукамъ и выработать планъ высшаго образованія для народа. Почти одновременно къ тому же университету поступили аналогичныя просьбы отъ другихъ провинціальныхъ городовъ Англіи. Старый Кембриджъ нѣсколько колебался въ разрѣшеніи этого, совершенно новаго, вопроса, но затѣмъ, однако, въ 1872 году, назначилъ спеціальную коммиссію, названную *синдикатомъ*, для изслѣдованія означенныхъ прошеній и ихъ возможнаго удовлетворенія. Профессорскій синдикатъ рѣшилъ сдѣлать опытъ: устроить лекціи и классы на два года въ нѣсколькихъ, наиболѣе людныхъ пунктахъ страны, откуда поступили прошенія. Опытъ блистательно удался: желающихъ посѣщать курсы, даже подвергаться испытанію въ прослушанномъ — явилось множество, и черезъ два года изъ временныхъ—эти лекціи начали превращаться въ постоянныя, и *синдикатъ* Кембриджскаго университета—такъ съ тѣхъ поръ называется завѣдываніе этими лекціями (или администрація курсовъ) — выработалъ тотчасъ нѣкоторыя ихъ правила, кои, съ тѣми или иными измѣненіями, существуютъ и донынѣ въ тѣхъ пунктахъ страны, которые получаютъ свою, такъ сказать, умственную пищу отъ Кембриджскаго университета. Лекціи читаются лицами уполномоченными отъ университета, научная компетентность которыхъ, такимъ образомъ, гарантируется высшимъ учрежденіемъ. Послѣ каждой лекціи, въ одинъ изъ послѣдующихъ дней, происходитъ такъ-называемый «классъ» (иногда это дѣлается раньше лекціи, по усмотрѣнію лектора), въ которомъ даются слушателямъ всѣ необходимыя деталь-

ныя объясненія по поводу предварительно прочтеннаго и могутъ рѣшаться разнаго рода практическія задачи, относящіяся къ данной наукѣ. Еще раньше перваго чтенія каждый слушатель получаетъ печатный «силлабусъ» каждаго курса, т. е. краткій конспектъ читаемаго, съ указаніемъ литературы и иногда съ вопросами, относящимися къ предмету чтенія. Слушатель, если предполагаетъ подвергнуться испытанію, даетъ письменные отвѣты на всѣ эти вопросы, и во всякомъ случаѣ обязательно уже посѣщаетъ описанные выше «классы». Въ концѣ курса производятся экзамены особыми лицами, назначаемыми синдикатомъ, и выдержавшимъ выдается удостовѣреніе.

Такимъ образомъ началось это движеніе на пользу высшаго образованія народа: примѣру Ноттингэма послѣдовали уже нъ 1873 году многіе иные города, какъ Ливерпуль, Шеффильдъ, Лидсъ, Брадфордъ, Галифаксъ и другіе. Огромный успѣхъ лекцій доказывалъ, что онѣ служатъ для удовлетворенія созрѣвшей въ народѣ потребности. Очевидно, необходимо ихъ было поставить на болѣе твердый базисъ и обезпечить на будущее; но здѣсь препятствіемъ являлся недостатокъ средствъ. Кембриджскій университетъ соглашался учреждать тѣ или иныя лекціи въ городахъ только на условіи, что городское управленіе гарантируетъ, помимо вознагражденія лектору, путевыя издержки и его содержаніе, а также удобную и приличную аудиторію. За слушаніе первоначально взималась весьма высокая плата, которая препятствовала большему распространенію пользованія лекціями, и тѣмъ не менѣе сборы были едва достаточны, чтобы покрыть даже первый расходъ на лекторовъ; часто приходилось въ добавленіе прибѣгать къ подпискѣ. Но всего чаще затрудняло удобное и постоянное, въ извѣстные часы, помѣщеніе для чтенія, недостатокъ котораго нерѣдко разстраивалъ самый курсъ. Здѣсь пришла на помощь щедрая благотворительность отдѣльныхъ капиталистовъ; такъ, уже въ 1874 году городской совѣтъ Ноттингэма получилъ отъ неизвѣстнаго жертвователя сумму въ десять тысячъ фунтовъ спеціально для постройки зданія аудиторіи и помѣщенія для лекторовъ читаемыхъ въ городѣ университетскихъ курсовъ; въ Шеффильдѣ для той же цѣли было пожертвовано цѣлыхъ двадцать тысячъ фунтовъ; затѣмъ, благодаря подобной же щедрости и въ другихъ городахъ, не только постоянное существованіе курсовъ было обезпечено во многихъ мѣстностяхъ Англіи частными средствами, но воздвигнуты въ нѣкоторыхъ пунктахъ собственныя университетскія коллегіи съ весьма обширными аудиторіями, лабораторіями и снабженныя иногда физическими кабинетами.

Послѣ того дѣло высшаго образованія въ районѣ дѣятельности

Кембриджскаго университета быстро пошло въ ходъ. Всѣ предметы, читаемые въ этихъ многочисленныхъ новыхъ университетахъ, начали распредѣляться, соотвѣтственно спеціальности, на *двѣ группы* или факультета, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ употребляется это слово у насъ и въ Германіи. Первая группа *A* обнимаетъ естественно-математическія науки: химію, физику, физіологію животныхъ и растеній, сравнительную анатомію, зоологію, анатомію растеній, ботанику, геологію, физическую географію и минералогію. Вторая группа *B* заключаетъ въ себѣ науки историческія и общественныя—англійскую конституціонную исторію, политическую экономію, логику, всеобщую исторію, исторію церковную, англійскій языкъ и литературу, законовѣдѣніе и философію. Рядомъ съ простыми удостовѣреніями въ прослушанномъ стали потомъ выдавать такъ-называемыя «вице-канцлерскія» удостовѣренія для лицъ, которыя прослушали и удовлетворительно выдержали изъ шести предметовъ одной группы или изъ четырехъ — одной, и двухъ — другой. Полный курсъ былъ установленъ опытомъ въ шесть семестровъ, или три года. Въ 1889 — 81 гг. въ районѣ Кембриджскаго университета состояло *тринадцать* центровъ или кружковъ для распространенія университетскаго образованія и читалось *тридцать-семь* курсовъ съ количествомъ посѣтителей въ *четыре тысячи триста шестьдесятъ девять* человѣкъ, изъ коихъ экзаменовалось *пятьсотъ семьдесятъ два*. Черезъ пять лѣтъ, т. е. въ 1886 — 87 гг., число центровъ или кружковъ дошло уже до *сорока пяти*, курсовъ—до *ста*, слушателей *до десяти тысячъ четырехсотъ девяноста четырехъ* (10,494) и, экзаменующихся *до тысячи трехсотъ сорока одного*. Наконецъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ за 1889—90 гг. число центровъ достигло уже до 47 за осенній семестръ, число курсовъ до 125,—слушателей до 11,595 человѣка обоего пола; экзаменующихся—до 1,732 человѣкъ въ годъ *). Каждый годъ приноситъ многія сотни новыхъ слушателей, движеніе ростетъ и ширится...

Этому быстрому успѣху большой толчокъ былъ данъ закономъ, прошедшимъ въ 1886 году. Вслѣдствіе нѣсколькихъ петицій и меморій, поданныхъ разными учеными учрежденіями, поддержанныхъ общественнымъ мнѣніемъ всей Англіи, Кембриджскій университетъ рѣшился на весьма серьезную мѣру, обезпечившую въ значительной степени дальнѣйшій прогрессъ всего этого движенія. Онъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе постановленіе сената своихъ профессоровъ объ *аффиліаціи*, или *усыновленіи*, нѣсколькихъ городскихъ

*) См. Eighteen Years of University Extension, by *R. D. Roberts*. 1891, p. 130.

курсовъ для университетскихъ чтеній или колледжей, выполняющихъ извѣстныя, выработанныя университетомъ, условія и подчиняющихся его контролю. Такимъ образомъ, вновь устроенные колледжи Ноттингэма, Шеффильда и многихъ иныхъ городовъ со своими постоянными университетскими курсами превратились, вслѣдствіе этого распоряженія *какъ бы въ отдѣленія* Кембриджскаго университета, гдѣ бы они ни находились, даже внѣ предѣловъ Великобританіи. Условія для этого «усыновленія», при существованіи которыхъ университетъ и даетъ его мѣстному «обществу», состоятъ, конечно, прежде всего въ обезпеченіи постоянства этихъ курсовъ и назначеніи лекторовъ и экзаменаторовъ именно даннымъ университетомъ. Каждое лицо, чтобы пользоваться правами университетскаго «усыновленія», должно пробыть въ колледжѣ не менѣе двухъ лѣтъ и подлежать всѣмъ тѣмъ испытаніямъ и занятіямъ, которыя университетъ время отъ времени признаетъ нужными. Добавочное постановленіе распространило «аффиліацію» не только на тѣ города, которые построили у себя колледжи, но и на тѣ «мѣстные центры» (Local Circles), которые, по усмотрѣнію университетскаго синдиката, удовлетворяютъ по своей солидности требуемымъ условіямъ. Короче, это постановленіе объ университетскомъ «усыновленіи» какъ бы раздвинуло стѣны Кембриджскаго университета на многія сотни верстъ вокругъ, включивъ въ нихъ десятки городовъ современной Англіи, гдѣ устроены этимъ путемъ подобныя своехарактерныя отдѣленія университета, вмѣсто прежнихъ нѣсколькихъ сотенъ студентовъ имѣющія нынѣ *болѣе десяти тысячъ* лицъ обоего пола, разбросанныхъ по всей Англіи!

Во всѣхъ, нынѣ многочисленныхъ, усыновленныхъ отпрыскахъ Кембриджскаго университета (ихъ *пятьдесятъ шесть*) чтенія, какъ было упомянуто, происходятъ по *двумъ группамъ*, что требуетъ отъ студента—при послѣдовательной серіи курсовъ, лекцій и классовъ—собственно не менѣе *трехъ* лѣтъ для прохожденія. Для послѣдняго требуется прослушать и удовлетворительно выдержать испытаніе (посѣщая (какъ лекціи, такъ и классы) по *шести* предметамъ одной группы и *двумъ* другой *), причемъ студентъ одинаково нуждается въ одобреніи не только экзаменатора, но и лекторовъ, въ томъ, что онъ исполнялъ всѣ недѣльныя работы и задачи удовлетворительно, а равно и посѣщалъ лекціи и классы (пропускать не дозволяется больше одной

*) The Universities in Contact with the People, by *Churton Collins*, стр. 561 и слѣд. въ «Nineteenth Century», October, а также: The University Extension Scheme as the Basis of the System of National Higher Education, by *Roberts R. D.*, Aberystwyth, 1887, стр. 14.

трети). Если затѣмъ такой «усыновленный» студентъ пожелаетъ перейти въ университетъ самого Кембриджа, то передъ посторонними имѣетъ въ видѣ привилегіи одинъ лишній годъ, т. е. можетъ держать экзаменъ на ученую степень въ Кембриджѣ, вмѣсто трехъ лѣтъ, черезъ два, подвергаясь лишь легкому предварительному испытанію въ одномъ древнемъ (латинскомъ) и одномъ новомъ языкѣ и математикѣ (Эвклидъ—книги отъ I до III, и алгебра до квадратовъ) *).

Понятно, что весь описанный контроль, какъ и экзамены, обязательны только для лицъ того желающихъ или намѣренныхъ сдѣлаться настоящими студентами Кембриджскаго университета; остальные же слушаютъ что̀ и какъ хотятъ и никакимъ испытаніямъ не подвергаются иначе, какъ по собственному желанію. Домашнее чтеніе, какъ мы видимъ, играющее главную роль для студентовъ Шотокуайскаго народнаго университета, здѣсь отведено на задній планъ: главнымъ являются лекціи и ихъ усвоеніе, и лишь съ перваго января 1889 года синдикатомъ Кембриджскаго университета приняты мѣры съ цѣлью поощренія «домашняго чтенія» (Home Study). Для этого синдикатъ обратился съ циркулярнымъ посланіемъ какъ ко всѣмъ мѣстнымъ кружкамъ распространенія университетскаго образованія, находящимся въ его вѣдѣніи, такъ къ экзаменаторамъ и лекторамъ, намѣчая въ общихъ чертахъ всю важную пользу домашняго чтенія и изученія предмета въ добавленіе къ усвоенію лекцій. Для наилучшаго достиженія этой цѣли синдикатъ прежде всего рекомендуетъ образованіе такъ называемыхъ «студенческихъ обществъ для чтенія» (Students' Association), которыя уже и входятъ въ сношенія съ синдикатомъ о содѣйствіи и помощи къ руководству за ихъ чтеніемъ. Въ такомъ случаѣ синдикатъ взимаетъ съ желающихъ членовъ такихъ обществъ по установленной таксѣ плату и возлагаетъ на лекторовъ или другихъ членовъ университета обязанность, во-первыхъ, давать студентамъ совѣты и всякія указанія по поводу и способамъ чтенія; во-вторыхъ, отвѣчать до извѣстныхъ предусмотрѣнныхъ предѣловъ на письменные запросы, обращенные къ нимъ членами такого студенческаго общества, и, наконецъ, въ-третьихъ, разсматривать и писать свое мнѣніе обо всѣхъ письменныхъ работахъ студентовъ—извѣстной величины. Наконецъ, для нѣкоторыхъ (замѣтимъ, не для всѣхъ) предметовъ допускается подобное же содѣйствіе синдиката или членовъ университета и въ отношеніи лицъ, не принадлежащихъ ни къ какимъ указаннымъ студенческимъ обществамъ. Очевидно, что универ-

*) Прежде требовался экзаменъ всего изъ шести предметовъ, какъ мы раньше видѣли, а не изъ восьми, какъ выходитъ нынѣ.

ситетъ еще стѣсняется возложить эту новую обязанность на своихъ членовъ, и что, какъ увидимъ далѣе, обратно съ Оксфордскимъ университетомъ и въ совершенномъ противорѣчіи съ американскимъ опытомъ, организація домашняго чтенія, какъ правильнаго пути къ высшему самообразованію, въ районѣ Кембриджскаго университета является еще невыработанной и неустановившейся *).

Другимъ центромъ новаго университетскаго движенія является не менѣе ученый городъ Оксфордъ. По словамъ послѣдняго отчета этого университета, отъ 13-го іюня 1889 года, составленнаго профессоромъ Сэдлеромъ **), упоминается, что будто бы Оксфордъ еще раньше Кембриджа подалъ примѣръ доступа публикѣ къ университетскому образованію, допустивъ еще въ 1859 г. университетскіе экзамены для лицъ университету посторонніхъ и въ чужихъ городахъ. Какъ бы то ни было, изъ этой первоначальной попытки ничего не вышло, и движеніе это, по причинамъ не вполнѣ яснымъ, до восьмидесятыхъ годовъ въ Оксфордѣ почти замерло. Лишь въ послѣдніе годы оно возродилось и при томъ съ такой энергіей, что какъ по количеству центровъ, имъ устроенныхъ, такъ и по числу студентовъ, Оксфордскій университетъ остивилъ позади себя Кембриджъ. Въ 1885 — 86 году Оксфордскій университетъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи *двадцать два* города, въ которыхъ читалось лицами, командированными университетомъ, *двадцать семь* курсовъ, а за послѣдній 1889—90 годъ Оксфордскій университетъ имѣлъ свои, такъ сказать, отдѣленія уже въ *ста десяти* городахъ, гдѣ читалось *сто сорокъ восемь* курсовъ, а число слушателей уже доходило до *семьнадцати тысячъ девяти сотъ четырехъ* человѣкъ. Цѣль движенія въ отчетѣ этого университета опредѣляется слѣдующими характерными словами: «*Цѣль движенія заключается въ томъ, чтобъ привести университетъ къ народу, если народъ не можетъ придти къ университету*». Въ сущности, цѣль эта преслѣдуется способами, одинаковыми съ практикующимися въ районѣ дѣятельности Кембриджскаго университета; организація лекцій, экзаменовъ, требуемыхъ при этомъ условій и выдаваемыхъ аттестатовъ двухъ степеней — въ сущности та же самая въ Оксфордѣ, какъ и въ Кембриджѣ, и разница больше въ названіяхъ (напримѣръ кембриджскій «Синдикатъ», завѣдующій тамъ этимъ дѣломъ, здѣсь называется «Комитетомъ Делегатовъ» и т. п.). Но суще-

*) См.: University of Cambridge, Local Examinations and Lectures Syndicate Regulations for the Promotion of Home Study. November, 1888 г.

**) Oxford University. Extension Lectures, by M. *E. Sadler*, отъ 13-го іюня 1888 года, 12-го августа того же года, и проч.

ствуетъ два различія: во-первыхъ, домашнее чтеніе здѣсь организовано съ самаго начала движенія гораздо лучше, полнѣе и по самому существу преподаваніе поставлено выше, нежели то оказывается во всѣхъ обществахъ распространенія университетскаго образованія кембриджскаго района. Устройство «кружковъ домашняго чтенія» (Home Reading Circles) является въ районѣ вліянія Оксфорда непосредственнымъ дополненіемъ къ университетскому обученію, и всѣ подробности ихъ организаціи весьма детально выработаны обратно опять-таки съ Кембриджемъ и его «домашнимъ обученіемъ» (Home Study). Кружками для домашняго чтенія называются при Оксфордскомъ университетѣ такія общества студентовъ, которыя образуются для домашнихъ занятій научнымъ чтеніемъ по указаніямъ опытнаго руководителя; фамиліи и адреса этихъ руководителей изъ числа свѣдущихъ спеціалистовъ публикуются и разсылаются обществомъ всѣмъ его членамъ. Руководитель доставляетъ каждому кружку необходимый для прочтенія списокъ книгъ, обыкновенно на трехмѣсячный срокъ впередъ, съ указаніемъ постепенности чтенія и совѣтами, которые считаетъ по этому поводу нужнымъ сдѣлать. Темы для писанія сочиненій и вопросные пункты для упражненій обыкновенно прилагаются къ силлабусу. Билетъ, который получаетъ членъ кружка, имѣетъ на концахъ шесть особыхъ марокъ съ пробитыми концами, такъ что ихъ легко и свободно отрывать отъ билета. Всякій членъ кружка имѣетъ право шесть разъ обращаться къ руководителю за вопросами, разъясненіями, съ своими сочиненіями (но не больше шести страницъ большого формата). Самый билетъ, какъ и эти марки, стоитъ *десять шиллинговъ*, идущихъ въ гонораръ руководителямъ и для возмѣщенія почтовыхъ расходовъ, и пріобрѣтаются каждымъ, конечно, предварительно, причемъ всякое письменное обращеніе къ руководителю, не оплаченное наклейкой такой марки, признается недѣйствительнымъ и отвѣта не получаетъ.

Другое отличіе Оксфорда состоитъ въ болѣе краткихъ курсахъ: въ то время, какъ въ районѣ Кембриджа и, какъ мы увидимъ, также въ Лондонѣ, курсъ всѣхъ лекцій, вызванныхъ движеніемъ, большею частью состоитъ изъ 12 и не менѣе 10 лекцій, въ районѣ Оксфордскаго университета большинство читаемыхъ курсовъ простирается не болѣе шести лекцій. Это явленіе, которое естественно должно отражаться на самомъ качествѣ преподаванія, по словамъ уже цитированнаго нами отчета, объясняется тѣмъ, что курсы въ 12 лекцій слишкомъ дороги для маленькихъ городовъ и небогатыхъ мѣстностей, каковы—населенныя рабочими классами, гдѣ именно особенно и важно

облегчить всячески доступъ къ высшему образованію *). Въ возмѣщеніе этого недостатка и являются именно въ районѣ Оксфордскаго университета такое значительное развитіе кружковъ домашняго чтенія, какое нами было описано, и та важность, которая здѣсь предается этому дѣлу, сравнительно съ Кембриджемъ. Кромѣ того, Оксфордскій университетъ завелъ и другое, не менѣе любопытное, нововведеніе: каждый лекторъ обязательно снабженъ по предмету своего чтенія летучей библіотечкой (Travelling Library), откуда имъ и выдаются книги въ теченіе курса желающимъ для занятій. Вообще собственное чтеніе должно возмѣщать—при этой системѣ короткихъ лекцій—то, что теряется вслѣдствіе ихъ краткости **).

Въ Лондонѣ исторія движенія, по многимъ причинамъ, была опять нѣсколько иная, прежде всего уже потому, что, при его огромной величинѣ, городъ этотъ не является такимъ центромъ умственной жизни въ странѣ, какъ Оксфордъ и Кембриджъ. Лондонскій университетъ, какъ извѣстно, составляетъ учрежденіе *экзаменующее*, а не обучающее, такъ какъ въ немъ собственно лекціи не читаются, кромѣ тѣхъ колледжей, которые къ нему принадлежатъ. Кромѣ того, въ провинціи имѣется бо̀льшій недостатокъ въ разныхъ иныхъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ въ Лондонѣ на-лицо—сравнительно значительное количество разнаго наименованія и качествъ образовательныхъ учрежденій, предназначенныхъ или, по крайней мѣрѣ, доступныхъ народу. Поэтому новое движеніе въ Лондонѣ явилось нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Кембриджа и до восьмидесятыхъ годовъ давало незначительные результаты: число учащихся, обратно съ другими центрами, въ Лондонѣ мѣрялось сотнями, а вовсе не тысячами, какъ тамъ. Во главѣ всего движенія въ Лондонѣ въ настоящее время стоитъ такъ-называемая Joint Board («Соединенное Бюро»), состоящее изъ трехъ представителей отъ трехъ университетовъ—Оксфордскаго, Кембриджскаго и Лондонскаго. Оно назначаетъ лекторовъ и экзаменаторовъ и вообще исполняетъ ту же офиціальную роль, какъ въ Кембриджѣ—«Синдикатъ», а въ Оксфордѣ—«Комитетъ Делегатовъ». Дѣй-

*) По таксѣ, составленной Оксфордскимъ университетомъ и любезно мнѣ доставленной, вмѣстѣ съ другими документами по этому вопросу, профессоромъ Сэдлеромъ, значится: плата университету за 6 лекцій и классовъ—24 фунта стерлинговъ 12 шиллинговъ; за 12 же—42 фунта и 12 шиллинговъ, кромѣ проѣзда и квартиры лектора, поставляемой обществомъ. Слѣдовательно, плата почти вдвое дороже за 12 лекцій, нежели за 6. Университетъ, конечно, всегда самъ вознаграждаетъ лектора.

**) Oxford University Extension, Annual Report for the Year ending, July 1, 1889; а также см.: Oxford University Extension, Home Reading Circles, 1889.

ствительнымъ же двигателемъ всего дѣла въ Лондонѣ является «Лондонское Общество распространенія университетскаго образованія» (The London Society for the Extension of University Teaching), которое съ восьмидесятыхъ годовъ сдѣлало попытку удешевить лекціи и такимъ образомъ національнзировать ихъ. Поэтому, начавъ съ пяти, шести шиллинговъ за курсъ, оно спустило въ бѣдныхъ частяхъ города, въ родѣ извѣстнаго Уайтчапеля, до одного шиллинга за цѣлый курсъ (50 коп. за 12 лекцій). Результаты оказались блестящими: не только число учащихся начало быстро приливать, но потребность университетскаго образованія находила выраженіе въ единовременномъ открытіи отдѣленій общества или кружковъ въ различнѣйшихъ частяхъ огромной британской метрополіи и даже ея дальнихъ окрестностяхъ. Открытіе въ послѣдніе годы Toynbee-Hall и Народнаго Дворца сообщило движенію еще болѣе сильный стимулъ, и среднее число посѣщающихъ университетскія лекціи этого рода въ Лондонѣ въ настоящее время достигаетъ двѣнадцати тысячъ девяти сотъ двадцати трехъ (12,923) слушателей за 1890 годъ причемъ читалось 130 различныхъ курсовъ и выдано за годъ времени 1350 экзаменаціонныхъ удостовѣреній.

Сущность правилъ, дѣйствующихъ по этому предмету въ Лондонѣ, та же самая, съ какой мы познакомились по Кембриджу и Оксфорду. Та же система лекцій и уроковъ, то же поощреніе и контроль домашнему или кружковому чтенію (Home Study). Нѣкоторая разница установлена лишь прошлый годъ относительно правилъ выдачи удостовѣреній или сертификатовъ и распредѣленія занятій въ теченіе года. Курсы, какъ правило, состоялъ изъ 12 лекцій, читаемыхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—каждый курсъ. Такихъ курсовъ или семестровъ (Term)—два въ году, слѣдовательно полгода студенты слушаютъ, а полгода занятія бываютъ исключительно предоставлены ихъ личному усмотрѣнію. Съ цѣлью побудить ихъ къ болѣе упорному труду въ это свободное отъ лекцій время, прошлый годъ Лондонское Общество распространенія университетскаго образованія учредило новую систему удостовѣреній или аттестатовъ двоякаго рода: «*сессіональное или годичное удостовѣреніе*» (Sessional Certificates) и «*удостовѣреніе продолжительныхъ занятій*» (Certificates Continuous Study). Подъ первыми, такъ сказать, годовыми аттестатами разумѣются такіе, которые выдаются за два послѣдовательные курса, выслушанные лицомъ, и затѣмъ—за лѣтнюю работу, состоявшую, смотря по роду науки, или въ практическихъ демонстраціяхъ, или въ спеціальномъ чтеніи по указанію и подъ наблюденіемъ лектора. Лицо, получившее

три годичныхъ удостовѣренія въ одной изъ двухъ группъ, намъ извѣстныхъ (группа *A* наукъ естественныхъ и математическихъ, и *B*—историческихъ), и одно такое же удостовѣреніе изъ предметовъ другой группы, удостоивается «аттестата продолжительнаго обученія». Такимъ образомъ, чтобъ получить подобное свидѣтельство, лицо должно усердно проработать не менѣе *трехъ* лѣтъ; большинство же успѣваетъ пройти этотъ курсъ въ *четыре* года, а люди, свободные исключительно лишь по вечерамъ, только въ *шесть*—*восемь* лѣтъ.

Настоящей «злобой дня» для жителей Лондона въ данномъ отношеніи является вопросъ объ учрежденіи такого же всенароднаго «учащаго или обучающаго» (Teaching University) университета, вмѣсто теперешняго университета «экзаменующаго», и въ 1888 году общественное мнѣніе вызвало назначеніе парламентомъ особой коммиссіи для изслѣдованія этого вопроса. Коммиссія эта, подъ предсѣдательствомъ графа Сельборна, допрашивала рядъ лицъ, принимающихъ близкое участіе въ университетскомъ движеніи, и особенно обширныя показанія были отобраны отъ маркиза Рипонъ и извѣстнаго г. Робертса, секретаря «Лондонскаго Соединеннаго Бюро» и кембриджскаго «Синдиката». Всѣ показанія клонились къ одному и тому же пункту—переформировать Лондонскій университетъ, приспособивъ его больше къ схемѣ существующихъ въ странѣ «обществъ распространенія университетскаго образованія», т.-е. вмѣстѣ съ дневными лекціями установить рядъ курсовъ вечернихъ для лицъ обоего пола и всѣхъ желающихъ безразлично. Такъ какъ между студентами новаго университетскаго движенія (University Extension) является все большее стремленіе систематизировать свой трудъ и продлить періодъ занятій, то наилучшій способъ удовлетворенія этого общаго желанія будетъ заключаться въ присвоеніи вновь преобразуемымъ университетомъ выработанныхъ уже практикою методовъ, какъ въ системѣ контроля, такъ и раздачи удостовѣреній, принятыхъ въ нынѣ дѣйствующихъ обществахъ распространенія университетскаго образованія *). Неизвѣстно, какъ рѣшитъ этотъ вопросъ коммиссія и отнесется парламентъ, но несомнѣнно, какъ утверждаетъ Коллинзъ, дѣло кончится или желаемой реформой лондонскаго университета, или устройствомъ новаго, по вновь созданному движеніемъ образцу **).

*) См.: Evidence laid before the Royal Commission University for London, by the Representatives of the London Society for the Extension of University Teaching, August 4, 1888, также: The London Society for the Extension of University Teaching, Report of the Council for 1888.

**) См. статью Коллинза въ «Nineteenth Century», October, 1889.

Познакомившись съ исторіей этого любопытнаго движенія, имѣющаго, какъ мы видѣли уже, совершенно иное происхожденіе и отличную организацію отъ американской попытки въ Шотокуа, съ которой его нерѣдко даже смѣшиваютъ, мы подведемъ, такъ сказать, общіе итоги этому новому фактору умственной жизни англійскаго народа. Крупная важность этого движенія какъ для Англіи, такъ косвенно, въ виду его огромнаго культурнаго значенія, и для всего человѣчества, не подлежитъ сомнѣнію и не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ. Во всѣхъ трехъ отчетахъ трехъ «центровъ» Англіи—Кембриджа, Оксфорда и Лондона, откуда происходитъ преимущественно это движеніе къ университетскому образованію, одинаково отмѣчается необычайно быстрый прогрессъ дѣла за послѣдніе годы: число студентовъ въ странѣ ростетъ ежегодно тысячами, и теперь недостатокъ скорѣе за профессорами и лекторами, чѣмъ за желающими въ Англіи учиться. Тѣмъ не менѣе, на основаніи даже и неполныхъ для настоящаго времени, данныхъ, можно лишь удивляться обширнымъ размѣрамъ этого движенія. Въ предѣлахъ только Англіи (не считая Шотландію и Ирландію) насчитывается за 1889—90 гг. *двѣсти семьдесятъ четыре центра* и 377 различныхъ курсовъ или обществъ для распространенія университетскаго образованія; они находятся болѣе нежели въ *ста-пятидесяти* англійскихъ городахъ, и не проходитъ года, чтобъ не прибавилось еще нѣсколько новыхъ. Число студентовъ обоего пола составляло, по этимъ же неполнымъ свѣдѣніямъ, свыше *сорока двухъ тысячъ человѣкъ* (42,312); всего же, примѣрно, за 18 лѣтъ движенія число учившихся и учащихся на этихъ курсахъ, навѣрное, далеко перешло за *двѣсти тысячъ*. Однихъ лишь аттестатовъ за послѣдній отчетный годъ выдано было 3,927 для всей страны.

Общій характеръ дѣятельности этихъ обществъ распространенія высшаго знанія въ Англіи для насъ достаточно уже выяснился изъ очерка ихъ исторіи. Онъ состоитъ изъ ряда курсовъ, читаемыхъ университетскими преподавателями по университетскому образцу, и сопровождается объяснительными классами по прочтеннымъ предметамъ, опять-таки по тому же университетскому англійскому обычаю, гдѣ въ колледжахъ имѣются для того тьюторы. Желающіе изъ студентовъ подвергаются весьма строгому двойному контролю лектора и экзаменатора и, только въ случаѣ успѣшныхъ занятій, получаютъ въ нихъ надлежащее удостовѣреніе. Выборъ научныхъ занятій вращается въ предѣлахъ двухъ группъ, но при этомъ во всѣхъ трехъ районахъ (Кембриджа, Оксфорда и Лондона) одинаково лицамъ, желающимъ

получить аттестатъ, не дозволяется спеціализироваться исключительно изученіемъ предметовъ одной группы.

Теперь остается обратиться къ самому объему, какъ и способу преподаванія, дабы опредѣлить, имѣетъ ли право это движеніе именовать свою дѣятельность распространеніемъ *именно университетскаго или просто высшаго образованія*. Если справиться о собственныхъ взглядахъ на этотъ вопросъ трактуемыхъ обществъ (а въ число ихъ преподавателей и руководителей входятъ, по преимуществу, лица съ несомнѣнно высшимъ образованіемъ, какъ извѣстные профессора и ученые страны), то мы вездѣ, во всѣхъ правилахъ встрѣтимъ одинаково рѣшительно выражаемое убѣжденіе, что эти курсы даютъ *именно университетское образованіе* лицамъ, ихъ посѣщающимъ. Такъ, параграфъ первый правилъ Лондонскаго Общества предметомъ дѣятельности своей выставляетъ: «доставленіе возможности полученія *университетскаго* образованія лицамъ всѣхъ возрастовъ и обоего пола, живущимъ въ Лондонѣ и его окрестностяхъ». Еще категоричнѣе утверждаетъ то же самое Оксфордскій университетъ. «Помимо элементарнаго образованія и спеціальныхъ видовъ техническаго и профессіональнаго, существуетъ еще потребность *высшаго* образованія, которое развиваетъ духъ до высшихъ предѣловъ его возможной дѣятельности, расширяетъ разумъ и даетъ возможность одинаково, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, наилучшимъ и плодотворнѣйшимъ образомъ пользоваться ихъ досугомъ». «До сихъ поръ, по мысли представителя Оксфордскаго университета, такое образованіе было лишь привилегіей лицъ, посѣщавшихъ университеты (которыхъ такъ мало въ странѣ), но описанное движеніе (University Extension) имѣетъ своею цѣлью— тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ поступить въ университетъ, *доставить, по возможности, всѣ выгоды университетскаго образованія*. Лекціи, для этого устраиваемыя, стремятся не только дать образованіе, отвѣчающее означеннымъ народнымъ нуждамъ, но и *стимулировать спросъ на такое образованіе*. Задача этихъ курсовъ и лекцій, а также и всей организаціи, съ ними связанной, заключается въ томъ, чтобы направить учащихся къ чтенію наилучшихъ книгъ по каждому предмету, внѣдрять привычки и развивать методы систематическаго изученія, а для того помогать также студентамъ въ наилучшемъ пользованіи библіотечными пособіями и вообще руководить и содѣйствовать домашнему чтенію и саморазвитію» *).

*) The London Society for the Extension of University Teaching. Abstract from the Rules and Regulations of the Society. Report of the Council for 1888. Также см. Oxford University Extension Lectures, by M. E. *Sadler*., отъ 13-го іюля 1889 г.

Одинъ изъ просвѣщенныхъ дѣятелей этого движенія, кембриджскій профессоръ Робертсъ, утверждаетъ, что «оно заключается въ систематическомъ высшемъ образованіи народа безъ различія званія, пола и возраста»... «Терминъ университетскаго преподаванія,—по его словамъ,—имѣетъ своей существенной характеристикой — методъ преподаванія предмета. Университетское образованіе направляется къ выясненію и освѣщенію принциповъ практикуемаго предмета, всѣ умственныя способности студента приводятся въ дѣйствіе, и онъ ставится на прямую дорогу, чтобы сдѣлаться оригинальнымъ изслѣдователемъ, если только имѣетъ способности и охоту продолжать свои занятія. Если такова характеристика университетскаго преподаванія, то она цѣликомъ имѣетъ примѣненіе и въ данномъ случаѣ—къ дѣятельности обществъ распространенія такого преподаванія» *).

Показанія—одинаково какъ студентовъ, такъ лекторовъ и экзаменаторовъ этого новаго движенія—удостовѣряютъ полную серьезность постановки преподаванія и успѣшность ея, нисколько не уступающую въ этомъ отношеніи обыкновеннымъ англійскимъ университетамъ, а скорѣе наоборотъ. Одинъ студентъ-*ремесленникъ*, напримѣръ, выразилъ по этому поводу такое мнѣніе г. Робертсу: «высшее образованіе вовсе не состоитъ только въ пріобрѣтеніи однихъ знаній; оно заключается въ пріобрѣтеніи знанія, связанномъ со способностью прилагать его къ будущимъ цѣлямъ». Студенты обществъ распространенія университетскаго образованія объясняютъ, что «у нихъ, благодаря слушанію лекцій, не только запасъ знаній увеличивается, но что ихъ мыслительныя способности въ высшей степени усиливаются, что они могутъ схватывать принципы болѣе смѣло, нежели прежде, и прилагать ихъ къ разрѣшенію проблемъ». Результаты экзаменовъ опять-таки не допускаютъ сомнѣнія въ характерѣ *высшаго университетскаго*, а не поверхностнаго только преподаванія на курсахъ, устраиваемыхъ этими обществами. Напримѣръ, экзаменаторъ по курсу электричества, читавшемуся въ городѣ Ньюкэстлѣ, въ своемъ отчетѣ Кембриджскому университету называетъ курсъ и силлабусъ, для него составленный, превосходнымъ и пригоднымъ для его преподаванія, по своей солидности, повидимому, скорѣе студентамъ университета третьяго года, нежели на курсахъ общества распространенія образованія. Тѣмъ не менѣе, отвѣты на экзаменахъ были прекрасны, всѣ задачи рѣшались вполнѣ удовлетворительно, и только въ очень немногихъ случаяхъ можно было подмѣтить, что нѣкоторые кандидаты не имѣли правиль-

*) University Extension Scheme, as the Basis of a System of National Higher Education, by R. D. *Roberts*, стр. 7.

ной продолжительной подготовки *). Точно также экзаменаторъ политической экономіи въ Пётнэй и Уимбльдонѣ, сравнивая — въ своемъ донесеніи Оксфордскому университету — результаты этихъ испытаній съ тѣми, которыя онъ же производилъ настоящимъ студентамъ въ Оксфордѣ, находитъ эту смѣшанную толпу экзаменующихся при курсахъ обществъ распространенія университетскаго образованія по достоинству отвѣтовъ гораздо выше университетскихъ студентовъ, а нѣкоторыя изъ подаваемыхъ ими сочиненій лучше даже представляемыхъ на ученыя степени въ университетахъ **). Подобные отзывы экзаменаторовъ получаются съ разныхъ сторонъ, одинаково высоко аттестуя достоинство преподаванія этого новаго всенароднаго университета. Таковы, напримѣръ, отзывы экзаменаторовъ, помѣщенные въ отчетахъ Лондонскаго Общества, по предметамъ: геологіи, физіологіи и литературы, и отзывъ личнаго опыта извѣстнаго намъ Коллинза, бывшаго экзаменаторомъ по предмету старой англійской литературы.

Насколько постановка преподаванія въ этомъ новомъ обширномъ образовательномъ учрежденіи своего рода—солидна, можно судить по частному примѣру, приводимому Коллинзомъ и весьма удобному для сравненія съ положеніемъ того же предмета хотя бы, напримѣръ, въ нашихъ русскихъ университетахъ. По схемѣ Общества распространенія университетскаго образованія, полный курсъ для политической экономіи, напримѣръ, полагается тамъ *трехлѣтній*, — т.-е., считая семестръ въ три мѣсяца, получается полтора года однѣхъ лекцій ($6 \times 12 = 72$ лекціи) и, слѣдовательно, *столько же* «классовъ», или часовъ практическихъ упражненій и объясненій, *и сверхъ того полтора года собственныхъ занятій* чтеніемъ, сочиненіями, рѣшеніемъ экономическихъ задачъ подъ непосредственнымъ контролемъ лектора. Занятія, по словамъ Коллинза, расположены такимъ образомъ: въ первый годъ читается и изучается англійская экономическая исторія съ древнѣйшихъ временъ до уничтоженія хлѣбныхъ законовъ; второй годъ — теорія и частью ученіе о налогахъ и промышленная статистика; въ третій годъ — исторія экономической литературы, начиная съ ученія меркантилистовъ и кончая соціалистами. Въ районѣ Оксфордскаго университета количество часовъ лекцій въ большинствѣ сокращается на половину, но зато разнообразіе преподаваемыхъ экономическихъ курсовъ соотвѣтственно увеличивается во много разъ.

*) См. The University Extension Scheme, as the Basis of a System of National Higher Education, by R. D. *Roberts*, Aberystwyth, 1887 года.

**) См. статью Коллинза въ «Nineteenth Century», 1889 г.

Перечислимъ, напримѣръ, содержаніе нѣсколькихъ силлабусовъ, или конспектовъ, курсовъ лекцій по одной лишь политической экономіи, изданныхъ только Оксфордскимъ университетомъ и за послѣдніе годы читаемыхъ въ разныхъ углахъ Англіи. *Прайса*—курсъ въ 10 лекцій: «о производствѣ и распредѣленіи богатствъ; рабочіе союзы и коопераціи», со множествомъ вопросовъ для упражненія по предмету чтенія; того же *Прайса* — курсъ въ 6 лекцій: «о великихъ англійскихъ экономистахъ (начиная съ Смита и кончая Тойнби), ихъ жизнь и ученіе»; профессора *Фельпса* — «производство и распредѣленіе богатствъ»(курсъ въ 6 лекцій); Губерта *Смита*—«о богатствѣ и промышленности», въ 12 лекцій, съ подробными указаніями и совѣтами для домашняго чтенія; того же *Смита*—курсъ въ 6 лекцій: «о творцахъ политической экономіи», съ примѣчаніями и рекомендаціями для чтенія; Гудзона *Шоо*—курсъ въ 6 лекцій «объ англійскихъ соціальныхъ реформаторахъ», начиная съ Томаса Мора и кончая Джономъ Рёскиномъ), съ подробными указаніями литературы предмета; *Маріотта*—курсъ въ 12 лекцій, подъ заглавіемъ: «промышленная революція или столѣтіе англійской соціальной исторіи», съ весьма подробнымъ обстоятельнымъ спискомъ соотвѣтствующей литературы. Кромѣ того, въ томъ же районѣ дѣятельности одного Оксфордскаго университета изданы три экономическихъ силлабуса для домашняго чтенія съ множествомъ вопросовъ и темъ для упражненій: *Прайса* — силлабусъ для изученія политической экономіи; *Гьюинса* — силлабусъ для изученія исторіи англійскаго труда; *Кампіона*—силлабусъ для изученія роста экономической теоріи *). Сверхъ того, тѣмъ же Оксфордскимъ университетомъ изданъ цѣлый рядъ краткихъ конспектовъ лекцій, спеціально читаемыхъ членамъ рабочихъ кооперативныхъ обществъ по рабочему вопросу. Не менѣе разнообразны и многочисленны курсы, относящіеся къ другимъ предметамъ, напримѣръ по

*) Считаемъ небезполезнымъ привести эти названія въ подлинникѣ: *L. L. F. R. Price* — Syllabus of a Course of Lectures on the Making and Division of Wealth etc.; *его же*—on Great Economists, the Life and Teaching; *L. K. Phelps*—on the Making and Sharing of Wealth; *Hubert Klewellyn Smith*—on Wealth and Industry; *его же*—on the Makers of Pol. Economy; *Rev. W. Hudson Schaw* — on English Social Reformers; *I. A. R. Marriott* — on the Industrial Revolution, a Century of English Social History.

Сверхъ того слѣдующіе силлабусы для домашняго изученія (Home Reading Circles): *L. L. Price*—Syllabus for the Study of Political Economy, № 1; *W. A. S. Hewins*—The History of English Labour, № 32; *Rev. W. T. H. Campion*—The Growth of Economical Theory, № 38.

исторіи всеобщей и англійской, по литературѣ и многимъ другимъ наукамъ, силлабусы которыхъ насчитываются цѣлыми десятками.

Приведенныхъ данныхъ, намъ кажется, достаточно для утвердительнаго отвѣта на вопросъ о солидности преподаванія въ этомъ новомъ образовательномъ учрежденіи, возникшемъ по чисто частной иниціативѣ, и о правѣ этихъ обществъ называть его распространеніемъ въ народѣ именно *высшаго университетскаго* образованія. Не нужно забывать притомъ огромную разницу въ организаціи университетскаго преподаванія и самаго понятія высшаго образованія между Англіей и континентомъ, въ томъ числѣ и Россіей. У насъ, по примѣру Германіи, университетъ стремится дать не столько высшее общее образованіе, сколько спеціальную подготовку для той или иной такъ-называемой либеральной профессіи (врача, юриста, учителя и проч.). Однимъ словомъ, университетъ на всемъ континентѣ является тѣмъ, что̀ нѣмцы называютъ Fachschule.

Въ Англіи исторія университетовъ была совершенно иная: тамъ всегда держались принципа: Universitas in artibus fundata est, а потому въ Кембриджѣ и Оксфордѣ, вообще старыхъ университетахъ, факультетскаго дѣленія съ профессіональнымъ характеромъ до послѣдняго времени почти совсѣмъ не было, и задача университета состоитъ и теперь собственно лишь въ томъ, чтобы дать слушателямъ общее и въ то же время высшее, такъ-называемое у англичанъ «либеральное образованіе» (Liberal Arts и отсюда—Liberal Education) *). Въ этомъ именно смыслѣ является на уровнѣ высшаго образованія, будучи однако лишено всякаго профессіональнаго характера, и то движеніе, о которомъ мы теперь говоримъ.

Но если могутъ еще возникать какія-либо сомнѣнія по поводу характера преподаванія тѣхъ или иныхъ курсовъ, читаемыхъ по иниціативѣ означенныхъ обществъ, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно умственное оживленіе чуть не всего англійскаго народа, вызванное этимъ замѣчательнымъ движеніемъ, а равно и необыкновенная жажда знанія, которая является его результатомъ въ различныхъ классахъ общества, и притомъ между такими лицами, коихъ менѣе всего можно было бы заподозрить въ такомъ страстномъ, доходящемъ до самоотверженія и самопожертвованія, стремленіи къ знанію. Эта черта еще болѣе замѣчательна, если принять во вниманіе крайнюю смѣшанность

*) См. по этому поводу статью *Марквардзена* «Объ университетахъ» въ Deutsches Staats Wörterbuch, Блюнчли и Браттера, десятый томъ, стр. 709 и дальше, а также G. *Schönberg*—Handbuch der Politischen Oekonomie, 2-te Ausg. Dritter Band, *Verwaltungslehre*, стр. 1011 и слѣд.

той аудиторіи, съ которой имѣютъ дѣло лекторы новыхъ курсовъ: около двухъ третей всѣхъ студентовъ въ районѣ Оксфордскаго университета въ теченіе послѣдняго года принадлежали къ женскому полу и значительная часть (*около трехъ тысячъ*) къ рабочему классу. Тотъ же отчетъ Оксфордскаго университета нынѣшняго года приводитъ нѣсколько прямо трогательныхъ примѣровъ такой жажды зданія. Такъ, въ Кемборнѣ въ числѣ студентовъ былъ одинъ *рудокопъ*, который непосредственно съ лекціи отправлялся въ шахту подъ землю, для работы на всю ночь, чтобы на другой день быть свободнымъ для слѣдующей лекціи. Въ Бёрнли одна *ткачиха* на хлопчато-бумажной фабрикѣ такъ заинтересовалась посѣщеніемъ лекцій, что рѣшилась участвовать письменно въ конкурсѣ для полученія стипендіи въ Оксфордѣ, гдѣ общество на августъ мѣсяцъ открыло наилучшимъ ученикамъ двери университета, дозволивъ имъ, такимъ образомъ, послушать наиболѣе выдающихся ученыхъ. Чтобы выиграть время для лекцій, ткачиха пожертвовала своимъ обѣденнымъ часомъ и съ тою же цѣлью ухитрилась, работая на станкѣ, заниматься чтеніемъ въ промежутки смѣнъ. Робертсъ приводитъ множество подобныхъ случаевъ удивительной любви къ наукѣ, развившейся или проявившейся въ силу именно этого движенія между рабочими классами Англіи. Такъ, нортумберландскіе *рудокопы* образовали изъ себя общество распространенія университетскаго знанія и складывались по грошамъ, чтобъ пригласить университетскихъ лекторовъ по особенно интересовавшимъ ихъ предметамъ: политической экономіи, исторіи, геологіи и горному дѣлу. По ихъ ходатайству, сразу открылись курсы въ 13 разныхъ мѣстностяхъ рудокопнаго округа. Среднее посѣщеніе лекцій этими, когда-то грубыми, рудокопами доходило до *тысячи-четырехсотъ* человѣкъ въ одинъ семестръ, что̀ составитъ, по разсчету Робертса, *одинъ* человѣкъ *на семнадцать* всего ихъ населенія *). Многіе изъ студентовъ должны были ходить ночью по дурнымъ дорогамъ, въ темнотѣ, во всякую погоду, чтобъ добраться до мѣста лекцій и приносить самыя серьезныя, сообразно своему положенію, денежныя пожертвованія для этой цѣли. Такъ, одинъ молодой женатый рудокопъ, который жилъ на довольно значительномъ разстояніи отъ мѣста лекцій, вынужденъ былъ пропускать свои смѣны, чтобы попасть на лекцію, и терялъ поэтому еженедѣльно 1 фунтъ стерл. и 6 шиллинг. заработка; другой рудокопъ, работавшій въ ночной смѣнѣ и жившій отъ Ньюкэстля въ де-

*) Т.-е. еслибы въ той же пропорціи захотѣло заниматься университетскими науками населеніе, напримѣръ, г. Петербурга, то ему пришлось бы выставить *сорокъ семь тысячъ* студентовъ!!!

сяти миляхъ, чтобы посѣщать еженедѣльно курсъ лекцій по литературѣ, которыми особенно дорожилъ, потерялъ всего пропусками, желѣзно-дорожными и иными расходами около 3 фунтовъ (до 30 рублей—сумму, для рабочаго, конечно, очень крупную) *)!.. Лекторы, по словамъ показаній, данныхъ профессоромъ Робертсомъ предъ королевской коммиссіей, изслѣдовавшей вопросъ о Лондонскомъ университетѣ, получаютъ кучу писемъ отъ своихъ слушателей о томъ новомъ мірѣ, который для нихъ внезапно раскрылся вмѣстѣ съ доступнымъ для нихъ нынѣ высшимъ образованіемъ. «Вотъ уже шесть лѣтъ,—говорилъ одинъ пожилой *плотникъ* м-ру Робертсу,—какъ я въ первый разъ записался въ число студентовъ Общества распространенія университетскаго образованія, и я посѣщалъ всѣ лекціи аккуратно, исключая одной, когда былъ боленъ. Я не могу вамъ и высказать, какъ много я обязанъ этимъ лекціямъ; онѣ произвели настоящій переворотъ въ моей жизни; я имъ обязанъ тѣмъ, что у меня нынѣ образовался болѣе широкій взглядъ по всѣмъ вопросамъ, и мои интересы увеличились; сама жизнь моя сдѣлалась веселѣе и счастливѣе» **).

При такомъ стремленіи англійскаго народа къ образованію, движеніе обществъ его распространенія сдѣлалось самымъ обильнымъ источникомъ для удовлетворенія этой жажды знанія. Важность этого новаго явленія едва ли возможно должнымъ образомъ оцѣнить. По выраженію Уэсткота, движеніе фактически сдѣлало университетское образованіе всенароднымъ, распространило его на всю страну, *націонализировало* высшее знаніе. Прежде университетское образованіе было принадлежностью лишь маленькой кучки людей изъ высшихъ классовъ; нынѣ же, какъ указываетъ примѣръ Англіи, оно можетъ приспособиться къ удовлетворенію потребностей всѣхъ лицъ обоего пола и всякаго званія; всѣ одинаково могутъ получить нынѣ систематическое академическое образованіе съ небольшими, сравнительно, пожертвованіями для того и даже не нарушая, при этой системѣ, способовъ своего заработка и дневныхъ для него занятій. Американскій наблюдатель, профессоръ Адамсъ, утверждаетъ, что Англія въ данномъ вопросѣ съумѣла разрѣшить крайне трудную задачу, а именно, благодаря описанной нами системѣ «усыновленія» университетами студентовъ этихъ народныхъ курсовъ, англійскіе университеты, не понижая уровня своихъ научныхъ требованій, распространили, такъ сказать, университетскія права на цѣлый англійскій народъ. Этой мѣрой

*) The University Extension Scheme, as the Basis of a System of National Higher Education, by *R. D. Roberts*, Aberystwyth, 1887 г. стр. 11.

**) См. *Evidence* laid before the Royal Commission etc., 1888 г. стр. 14.

университеты сдѣлали гораздо болѣе, чѣмъ всякая другая сила, для разрушенія антагонизма между богатыми и бѣдными *).

Описанная система преподаванія при этомъ движеніи въ высшей степени практична, потому что соотвѣтствуетъ и приспособлена къ условіямъ и требованіямъ англійской жизни. Публичныя лекціи, напримѣръ, давно были въ ходу въ Англіи, но, читаясь отрывочно, безъ системы, по отдѣльнымъ вопросамъ, онѣ не приводили ни къ какимъ результатамъ. Теперешняя же система курсовъ, приведенныхъ въ связь, и одинъ цѣльный планъ, освящая старую привычку, непремѣнно ведетъ за собой въ то же время быстрый ростъ увеличенія знаній въ цѣломъ народѣ. Движеніе это, во-вторыхъ, сравнительно съ малыми расходами, сдѣлало возможнымъ существованіе какъ бы отдѣленій университетовъ въ массѣ провинціальныхъ городовъ, часто совсѣмъ въ глуши, гдѣ иначе никоимъ образомъ нельзя было бы ожидать и въ далекомъ будущемъ основанія собственныхъ университетовъ. Въ-третьихъ, движеніе разбудило сравнительно сонливую жизнь въ провинціи и, навѣрное, косвенно усилило черезъ то спросъ и на всѣ прочія образовательныя учрежденія, какъ-то: среднія школы, библіотеки, музеи, картинныя галереи и литературно-научныя общества.

Оказывая благотворное вліяніе на народъ, которому до этого высшее образованіе было недоступно, движеніе University Extension не можетъ не отразиться съ большою пользою и на жизни, равно какъ и дѣятельности самихъ университетовъ. Прежде англійская университетская жизнь (по крайней мѣрѣ, старыхъ университетовъ) отличалась своею крайнею замкнутостью; число студентовъ отдѣльныхъ университетскихъ колледжей считалось не болѣе какъ сотнями. Теперь же подъ ферулой трехъ университетовъ имѣется на-лицо, какъ мы видѣли уже, болѣе *тридцати тысячъ* новыхъ студентовъ, и число ихъ продолжаетъ расти ежегодно тысячами, а не сотнями. Очевидно, отношеніе къ такой громадной аудиторіи должно быть иное: прежде была въ университетахъ лишь молодежь, почти исключительно изъ одного класса общества, одинаково воспитанная и, слѣдовательно, съ одной подготовкой и однѣми задачами въ будущемъ; теперь же слушателями состоятъ многія тысячи лицъ, не только обоего пола, но, главное, самаго различнаго общественнаго положенія и столь же различнаго предварительнаго образованія, часто съ противоположными взглядами и воззрѣніями на задачи университетскаго преподаванія.

*) См. Seminary Libraries and University Extension, by *Herbert B. Adams*, Baltimore, 1887.

Англійскіе университеты поняли свое новое, измѣнившееся положеніе: наглядным выраженіемъ служатъ, напримѣръ, извѣстныя намъ условія *аффиліаціи* или «усыновленія» студентовъ съ новыхъ курсовъ для ихъ принятія въ число слушателей самого Кембриджскаго университета. Этотъ столбъ классическаго образованія, какъ мы уже обращали вниманіе читателей, находитъ теперь возможнымъ допускать въ свои стѣны лицъ, съ успѣхомъ посѣщавшихъ лекціи «обществъ распространенія университетскаго образованія» съ провѣрочнымъ испытаніемъ лишь изъ *одного древняго языка* (латинскаго); мало того, такому студенту дается еще лишній льготный годъ сравнительно съ постороннимъ лицомъ, хотя бы, слѣдовательно, поступившимъ съ знаніемъ двухъ древнихъ языковъ, но не посѣщавшимъ курсовъ University Extension.

Не менѣе знаменательнымъ въ кризисѣ, переживаемомъ нынѣ этими университетами, является и то обстоятельство, что классическіе языки и вся классическая литература, игравшая всегда такую исключительно важную роль въ университетскомъ образованіи Оксфорда и Кембриджа, совсѣмъ почти отсутствуетъ на всенародныхъ лекціяхъ района тѣхъ же самыхъ университетовъ, потому,—какъ утверждаетъ Коллинзъ (принадлежащій самъ къ университетской корпораціи),—что университеты, черезъ посылаемыхъ ими лекторовъ, отказались отъ попытокъ сдѣлать всю классическую литературу и языки достаточно привлекательными для большинства народа; другими словами, отсутствіе древней литературы на курсахъ произошло вслѣдствіе серьезныхъ недостатковъ въ настоящихъ методахъ классическаго образованія въ самихъ университетахъ. При изученіи классической литературы въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, по его утвержденію, слишкомъ много обращалось вниманія на букву и мало на духъ древнихъ поэтовъ, писателей и ораторовъ, и вслѣдствіе этого узкаго, чисто лингвистическаго классицизма, самое изученіе литературы тамъ весьма слабо, и она, по выраженію того же Коллинза, «находится въ вассальномъ отношеніи къ филологіи». И по этой причинѣ, когда понадобились для массы ежегодно открываемыхъ University Extension курсовъ лекторы, особенно англійской литературы, то оказался полнѣйшій ихъ недостатокъ и крайне неудовлетворительная подготовка наличныхъ. Этотъ практическій результатъ движенія обратилъ уже, такимъ образомъ, вниманіе публики, какъ и университетовъ, и поведетъ, вѣроятно, къ измѣненію въ нихъ преподаванія какъ литературы, такъ и древнихъ языковъ *).

*) См. статью Коллинза въ «Nineteenth Century», октябрь 1889 года.

Наконецъ, разнокалиберная, различныхъ возрастовъ и степеней, разнаго развитія публика, огромными толпами посѣщающая нынѣ эти новые университетскіе курсы, созданные движеніемъ, должна, конечно, вліять и на самый способъ преподаванія предметовъ: онъ долженъ приноравливаться къ такимъ разнообразнымъ слушателямъ и сдѣлаться болѣе популярнымъ, въ то же время однако не теряя и своего научнаго значенія. Удовлетворительное разрѣшеніе послѣдней задачи много зависитъ, конечно, отъ способности и талантливости каждаго отдѣльнаго лектора, но, тѣмъ не менѣе, обратно съ педантизмомъ Германіи въ этомъ отношеніи, въ Англіи въ настоящее время все болѣе и болѣе вырабатывается и распространяется убѣжденіе между учеными, что популяризація науки, какъ въ книгахъ и въ формѣ журнальныхъ статей, такъ и въ лекціяхъ, не только не вредитъ качеству научныхъ произведеній и достоинству изслѣдованій, но, напротивъ, можетъ оказаться крайне плодотворной для прогресса своей науки. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно назвать рядъ именъ англійскихъ ученыхъ первокласснаго научнаго достоинства, чтобы убѣдиться, что эти же лица принадлежатъ и къ наиболѣе выдающимся популяризаторамъ науки; таковы: Гершель, Ляйэль, Дарвинъ, Гёкели, Тиндаль, Спенсеръ, Тэйлоръ, Уоллесъ и нѣкоторые другіе. По словамъ извѣстнаго астронома Ричарда Проктора, въ данномъ вопросѣ вполнѣ имѣетъ примѣненіе извѣстный афоризмъ Буало: Ce que l'on conçoit bien—s'énonce clairement: чтобъ съ успѣхомъ популяризировать какую-нибудь теорію, нужно представить ее вполнѣ ясно, а для того, конечно, предварительно хорошенько обдумать, основательно обсудить и воспринять ее себѣ самому—одинаково ясно и глубоко; а при этомъ могутъ представиться такія стороны и положенія вопроса, которыя, безъ нужды популяризаціи, совершенно ускользаютъ отъ обычной степени вниманія. «Я вѣрю,—утверждаетъ Прокторъ,—и каждый опытный популяризаторъ науки, навѣрное, испыталъ то же самое, что теорія, которая казалась удовлетворительной при примѣненіи къ ней лишь обыкновенныхъ научныхъ пробъ, оказывалась часто неудовлетворительной, когда стараешься не только описать эту теорію ясно, но и подобрать такіе же аргументы за и противъ нея». «Поэтому,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—многія сомнительныя теоріи, навѣрное, оказались бы для изслѣдователя негодными, еслибы онъ приложилъ къ нимъ означенный процессъ популяризаціи» *).

*) Wages and Wants of Science-Workers, by *Richard Proctor*, London, 1876, стр. 30 и 31.

Такимъ образомъ, новое великое образовательное движеніе Англіи не только приноситъ крупную пользу многимъ тысячамъ народа, но, нѣтъ сомнѣнія, сопровождается плодотворными послѣдствіями и для самихъ разсадниковъ просвѣщенія — университетовъ. Оно родилось и выросло изъ развившагося у англійскаго народа пониманія важности и необходимости для человѣка высшаго знанія, и въ свою очередь это движеніе поднимаетъ теперь и возвеличиваетъ значеніе въ странѣ университетской науки и ея представителей. Напримѣръ, тамъ появился уже усиленный спросъ на хорошихъ, одобренныхъ университетами лекторовъ и экзаменаторовъ по различнымъ наукамъ, и поэтому масса молодыхъ людей, прежде бросавшихся на другія профессіи, въ настоящее время усердно занимается наукой, дабы получить всѣ требуемыя ученыя степени и выработать изъ себя дѣльныхъ преподавателей для новыхъ обширныхъ всенародныхъ аудиторій. Практическій янки—профессоръ Адамсъ—самое движеніе прямо старается свести къ экономическому закону спроса и предложенія. «Оно имѣетъ,— утверждаетъ онъ, — свою дѣловую сторону и объясняется въ началѣ именно спросомъ и предложеніемъ. Представители труда и капитала въ Англіи пришли къ сознанію факта, что университеты владѣютъ выгоднымъ товаромъ, который называется высшимъ образованіемъ... Люди начали соображать, что хорошее, напримѣръ, знаніе англійской исторіи, политической экономіи, общественныхъ наукъ, литературы и проч. способствуетъ всецѣло усовершенствованію общества, лучшему взаимному пониманію и вообще лучшимъ отношеніямъ между его сочленами» *)... И вотъ отсюда-то, изъ этого сознанія, и родилось описанное движеніе на пользу университетскаго образованія...

Мы кончили нашъ очеркъ о тѣхъ новыхъ формахъ заботъ и попеченій, которыя прилагаетъ современное англійское общество о своемъ народѣ, и познакомились также съ тѣми любопытными теченіями общественной мысли, какія замѣчаются нынѣ въ той же самой странѣ. Повидимому, нашъ очеркъ имѣетъ своимъ предметомъ три совершенно разныхъ учрежденія, описанное происхожденіе которыхъ даже не имѣло ничего общаго, а въ цѣляхъ и выполненіи ихъ замѣтно большое различіе. Между тѣмъ, если вдуматься глубже въ ихъ внутренній характеръ и принципіальное значеніе для народа, то у всѣхъ

*) John's Hopkins University Studies. Fifth Series, XI. Seminary Libraries and University Extension. By *Herbert B. Adams*. Baltimore, 1889, стр. 30.

трехъ учрежденій явится самая тѣсная, родственная связь: они, такъ сказать, служатъ необходимымъ дополненіемъ другъ къ другу.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе сначала на первыя два учрежденія: исторія возникновенія «Народнаго Дворца» и «Toynbee-Hall», какъ мы на своемъ мѣстѣ говорили, не имѣетъ ничего, повидимому, общаго: въ то время какъ послѣдній является созданіемъ тѣсной и дружной семьи оксфордскихъ студентовъ, подготовленныхъ и наэлектризованныхъ нравственнымъ воздѣйствіемъ Рёскина и Тойнби, «Народный Дворецъ» воздвигается нѣсколькими годами позднѣе, и если мысль поэта воплотила его впервые въ своей фантазіи, то лишь случайно щедрая благотворительность, изъ весьма притомъ разнохарактерныхъ источниковъ, дала возможность осуществить эту фантазію въ дѣйствительности.

Но стоитъ лишь припомнить хотя бы воззрѣнія самого Тойнби, насколько они намъ извѣстны, чтобы придти къ немедленному заключенію, что, несмотря на указанное и многія иныя различія, въ сущности оба учрежденія въ самомъ важномъ—въ своей конечной цѣли—совершенно тождественны. Цѣль эта, какъ мы видѣли, заключается во всестороннемъ содѣйствіи культурѣ народа, въ стремленіи среднихъ образованныхъ классовъ поднять народъ до себя всѣми зависящими отъ нихъ способами. Поэтому именно оба учрежденія и отличаются такою многосторонностью своей дѣятельности: они одинаково заботятся не только объ образованіи народа во всѣхъ его видахъ, но и объ улучшеніи его экономическаго положенія (содѣйствіе устройству кооперацій, союзовъ, посредничества и проч.); далѣе, заботятся о его здоровьѣ, о развитіи общительности, о развитіи въ народѣ изящнаго вкуса, новыхъ привычекъ и потребностей (музыка, картины). Вообще, образованные классы въ современной Англіи въ лицѣ своихъ, вѣроятно, лучшихъ представителей стремятся путемъ подобныхъ учрежденій приблизить народъ къ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ прямо это и выражаютъ. Итакъ, вотъ въ чемъ лежитъ то звено, которое связываетъ, во-первыхъ, оба эти учрежденія неразрывно и, во-вторыхъ, характеризуетъ существующее направленіе общественной жизни Англіи.

Если затѣмъ мы обратимся къ третьему описанному учрежденію—обществамъ университетскаго образованія,—то мы немедленно установимъ и его прямую связь съ двумя первыми,—не потому лишь только что «Народный Дворецъ» и «Toynbee-Hall» организовали подобныя же общества, но и по самымъ задачамъ новаго университетскаго движенія. Оно, какъ говорилось, заключается именно въ томъ, «чтобы

приблизить университетъ къ народу», по выраженію оксфордскаго отчета, и приведенные примѣры фабричныхъ работницъ, плотниковъ, рудокоповъ и проч., тысячами посѣщающихъ эти курсы съ большими для себя лишеніями, оставляютъ этотъ фактъ внѣ всякаго сомнѣнія. Короче, мы присутствуемъ при крайне важномъ и любопытномъ историческомъ процессѣ: классы народа, наиболѣе въ той же Англіи раздѣленные глубокой соціальной пропастью и представляющіе тамъ два непріязненныхъ лагеря, вступаютъ теперь черезъ посредство новаго движенія и университетскаго образованія въ дружественныя отношенія и стараются говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ, какъ равный съ равнымъ, жить одной и той же умственной пищей и преклоняться предъ одними и тѣми же идеалами. Обѣ стороны не только мечтаютъ о взаимномъ сближеніи и лучшемъ пониманіи другъ друга, но и дѣлаютъ въ этомъ направленіи, какъ мы видѣли, въ «Toynbee-Hall», весьма рѣшительные шаги.

Трудно предсказать, конечно, къ чему это великое общественное движеніе можетъ придти въ дальнѣйшемъ будущемъ, но несомнѣнно одно, что ему суждено принести много добра для человѣческой культуры. Теперь же это движеніе, во всякомъ случаѣ, является благотворнымъ факторомъ въ улучшеніи внутренней жизни Англіи. Наконецъ въ нашъ себялюбивый, нервный и больной вѣкъ самое существованіе такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ Рёскинъ, Тойнби, Барнеттъ и теперешніе резиденты описаннаго «Университетскаго Поселенія» въ Восточномъ Лондонѣ съ ихъ дѣятельностью, даже съ ихъ упованіями (какъ бы они ни казались иногда фантастичны!), дѣйствуетъ успокаивающимъ и облагораживающимъ образомъ на душу, поднимаетъ вѣру въ людей и даетъ надежду современемъ на лучшее будущее для всего человѣчества...

БУДУЩІЙ ВѢКЪ.

НОВАЯ ФАНТАЗІЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ.

— Looking backward 2000—1887, by *Edward Bellamy*. London 1889. 18-е изданіе.
— The Cooperative Commonwealth in its Outlines, by *Laurence Gronlund*. English edition, 1886.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на свѣтѣ людское горе и недовольство судьбой, т.-е. съ незапамятныхъ временъ, у человѣка всегда замѣчается стремленіе помечтать о возможности лучшей участи, о болѣе счастливой жизни, о благоденствіи всѣхъ людей, о «молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ», о которыхъ нашъ русскій народъ такъ любитъ вспоминать въ своихъ преданіяхъ и сказкахъ.

Мечты эти, смотря, конечно, по народу и времени, принимаютъ весьма различный характеръ: иногда онѣ направляются къ прошедшему, какъ память объ утраченномъ эдемѣ, объ отдаленномъ золотомъ вѣкѣ человѣчества; иногда же,—и чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ чаще,—мечтанія эти переносятся на будущее, какъ идеалъ для современниковъ и картина желаннаго лучшаго устройства всего народнаго быта. Само собою разумѣется, что противопоставленіе этого прекраснаго будущаго неудовлетворительному настоящему является для послѣдняго времени изобличеніемъ, сатирой per se, и этотъ критическій элементъ играетъ вообще важную роль во всѣхъ подобныхъ мечтаніяхъ и фантазіяхъ. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ человѣческаго ума въ этомъ родѣ—критика существующихъ условій (переходящая прямо въ сатиру или иногда въ фарсъ) получаетъ даже преобладающее мѣсто, какъ въ знаменитомъ *Путешествіи Гулливера* Свифта, или мало извѣстномъ старинномъ произведеніи того же типа (XV-го вѣка) Джозефа Голля *). Понятно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ

*) См. *Hall's* „Mundus alter et idem", въ *Morley's Universal Library* № 23. „Ideal Commonwealths". London, 1889.

положительное значеніе такого произведенія почти утрачивается и остается лишь болѣе или менѣе любопытный образчикъ критики нравовъ и быта современнаго автору общества.

Гораздо болѣе глубокое и разностороннее значеніе имѣютъ такія мечтанія (въ какой бы формѣ и одеждѣ они ни появлялись на свѣтѣ), какъ *Государство* греческаго философа Платона, *Жизнь Ликурга* историка Плутарха или *Утопія* знаменитаго англійскаго государственнаго дѣятеля и ученаго Томаса Мора, *Новая Атлантида* не менѣе знаменитаго Бэкона, *Civitas Solis* (*Государство Солнца*) итальянскаго ученаго монаха и патріота Кампанеллы и нѣкоторыя новѣйшія произведенія, написанныя въ томъ же родѣ, хотя слабѣе первыхъ или одностороннѣе и уже (*Путешествіе въ Икарію* Кабэ, *Грядущее племя* лорда Литтона и др.). Въ этихъ твореніяхъ, на ряду съ непосредственной или косвенной критикой современныхъ учрежденій, приводятся положительные идеалы автора и его эпохи: чѣмъ болѣло данное время, что̀ составляло злобу дня и въ чемъ видѣли исходъ или спасеніе отъ удручавшихъ бѣдствій. При этомъ, смотря по индивидуальности автора, главное мѣсто въ его мечтаніяхъ, какъ и критикѣ, отводится или экономическому существованію и реформамъ (Томасъ Моръ, Кабэ), или государственному устройству (Платонъ и Плутархъ), или развитію и значенію науки и культуры (Бэконъ), или, наконецъ, описанію общественнаго быта будущаго человѣчества (Литтонъ). Значительная часть взглядовъ автора сливается съ воззрѣніями его эпохи и того класса народа, къ которому онъ принадлежитъ, почему на нихъ и можно смотрѣть часто лишь какъ на выраженіе господствующихъ мнѣній по данному вопросу такой-то эпохи. Но весьма нерѣдко, однакожъ, выступаютъ на сцену чисто-личныя воззрѣнія автора, безъ сомнѣнія не раздѣляемыя никѣмъ, или почти никѣмъ изъ его современниковъ; иногда даже авторъ, такъ сказать, въ своихъ мечтаніяхъ опережаетъ далеко свой вѣкъ и оставляетъ его позади себя. Въ началѣ XVI-го вѣка, когда жилъ Томасъ Моръ, едва ли кто думалъ въ Англіи объ уничтоженіи смертной казни, существующей тамъ и донынѣ,—между тѣмъ въ своемъ фантастическомъ государствѣ *Утопіи* Моръ почти изгоняетъ уже это наказаніе изъ уголовнаго кодекса страны за весьма рѣдкими исключеніями (для рабовъ) и это въ то самое время, когда въ его отечествѣ вѣшали людей за простое воровство!..

Еще меньше современники Мора могли думать о національзаціи земли, составляющей злобу лишь настоящаго дня въ Англіи (съ легкой руки Генри Джорджа), и между тѣмъ въ своихъ мечтаніяхъ

Моръ устроилъ *Утопію* лишь съ государственной земельною собственностью, и всѣ земледѣльцы, какъ и горожане, смотрятъ на себя поэтому лишь какъ на временныхъ владѣльцевъ или только пользующихся землею!..

Какимъ значительнымъ, однако, ни является различіе между воззрѣніями современниковъ Мора и Бэкона, т. е. англійскаго общества XVI-го и XVII-го вѣка, и взглядами и стремленіями нашего времени, оно покажется сравнительно совершенно ничтожнымъ, если сопоставить за эти періоды успѣхи техники и механики. Многія мечтанія, въ этой области, означенныхъ писателей,—мечтанія совершенно «утопическія» для ихъ современниковъ,—оправдались и осуществились въ наши дни вполнѣ блистательно. Такъ, Томасъ Моръ въ своей фантастической *Утопіи* помѣщаетъ новую отрасль сельскаго хозяйства—разведеніе цыплятъ безъ насѣдокъ, съ помощью тепла, т. е. искусственное разведеніе ихъ, столь распространенное лишь въ настоящее время; Бэконъ, который въ своей фантазіи, *Новой Атлантидѣ*, вообще отвелъ много мѣста описанію будущаго прогресса культуры, силой своего логическаго ума предвидѣлъ или предусмотрѣлъ цѣлый рядъ великихъ техническихъ изобрѣтеній, которыми справедливо гордятся XVIII-й и XIX-й вѣка. У него можно найти не только указанія на имѣющее быть изобрѣтеніе новыхъ двигателей, дотолѣ неизвѣстныхъ, но довольно ясный намекъ именно на желѣзныя дороги, на воздушные шары, передачу звука на большія разстоянія (телеграфъ и телефонъ) и даже передачу человѣческаго голоса въ ящикахъ (фонографъ) и т. д. *).

Такимъ образомъ, оказывается, что многое изъ фантазій мудрецовъ XVI и XVII вѣковъ далеко не является сплошною выдумкой, а сбывается и изъ царства фантазіи переходитъ въ дѣйствительную жизнь, становясь общимъ достояніемъ и благомъ всѣхъ людей: очевидно, что степень осуществимости такихъ фантазій всецѣло зависитъ и опредѣляется обширностью ума и размѣрами знаній ихъ авторовъ. Тѣмъ не менѣе, при наличности этихъ условій, у Мора и Бэкона остается одна крупная область (и едва ли не самая важная) всѣхъ ихъ мечтаній, до сихъ поръ почти не подвинувшаяся впередъ и, повидимому, далекая отъ осуществленія: какъ нищета и бѣдность со всѣми страданіями, ихъ сопровождающими, давили людской родъ въ XVI и XVII в., такъ гнетутъ и теперь, а по увѣренію многихъ экономистовъ—даже въ бо̀льшей степени. Формы и причины нищеты

*) См. Morley's *Universal Library:* «Ideal Commonwealths», *Utopia*, стр. 91, и *New Atlantis*, стр. 209—210.

съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ измѣнялись, но сущность ея, т. е. бѣдствія—остаются тѣ же самыя и одинаково горько оплакиваются человѣчествомъ. Если Томасъ Моръ въ своей *Утопіи* жалуется на страшную бѣдность англійскаго народа и на то, что «овцы», по его выраженію, «пожирали людей», намекая тѣмъ на распространенное тогда такъ называемое «огораживаніе (enclosures) полей землевладѣльцами и замѣну земледѣлія овцеводствомъ, то теперешній пауперизмъ многихъ представителей той же націи вызываетъ не меньшее количество жалобъ на конкурренцію, стачки, промышленные кризисы и тому подобныя явленія современной индустріальной системы. Одинаково неутѣшительное положеніе народа производитъ, наконецъ, и одинаковыя послѣдствія: начинаются или, точнѣе, продолжаются и фантастическіе поиски за лучшимъ будущимъ; на смѣну старыхъ фантазій объ этомъ эдемѣ являются новыя.

Образцомъ такихъ-то новыхъ фантазій и могутъ служить двѣ американскія книги, выставленныя нами въ заглавіи. Онѣ появились за послѣдніе годы и пользуются значительнымъ успѣхомъ, какъ можно о томъ судить по числу ихъ изданій въ Америкѣ и Англіи. Книги принадлежатъ разнымъ авторамъ; появленіе ихъ на свѣтъ раздѣлено тремя годами и, наконецъ, самая форма изложенія ихъ идей различна: одинъ изъ этихъ писателей, Гронлёндъ, передаетъ свою фантазію о будущемъ человѣчествѣ въ формѣ экономическаго изслѣдованія, начиная его съ изложенія сущности ученія Карла Маркса и его послѣдователей; другой—Беллами, небезъизвѣстный американской публикѣ романистъ, напротивъ, облекаетъ свою фантазію въ беллетристическую форму и развиваетъ ее передъ читателемъ въ видѣ разсказа, который ведется отъ главнаго дѣйствующаго лица — Юліана Веста, гражданина города Бостона (въ Массачузетсѣ), въ XXI столѣтіи *). При всемъ внѣшнемъ различіи, однако, эти два произведенія тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ содержаніемъ, такъ и цѣлью, и первое изъ нихъ немыслимо безъ второго: беллетристъ Беллами взялъ канву для своей картины будущаго цѣликомъ у экономиста Гронлёнда; измѣненія весьма незначительныя и больше касаются подробностей плана. Естественно, въ романѣ пришлось по необходимости кое-что добавить для характеристики будущаго человѣчества, что̀ не укладывалось въ рамки экономическаго очерка, и попытаться отвѣтить на такіе вопросы, которые у Гронлёнда обойдены молчаніемъ и

*) Изъ прежнихъ романовъ Беллами укажемъ на два: *D-r Heidenhoff's Process*. New-York, 1880, и *Miss Ludington's Sister*. Boston, 1884.

наоборотъ. Обѣ книги, наконецъ, служатъ одной и той же цѣли — изобразить экономическій и общественный бытъ будущаго человѣчества въ томъ видѣ, какимъ онъ долженъ сдѣлаться по законамъ эволюціи и какъ ихъ понимаютъ американскіе и англійскіе послѣдователи Маркса.

Было бы безполезно повторять всѣмъ извѣстное правило, что знакомство съ заблужденіями человѣческаго ума можетъ быть не менѣе любопытно и поучительно, какъ и изученіе положительныхъ истинъ. Поэтому означенныя произведенія заслуживаютъ полнаго вниманія русской публики, несмотря на фантастичность и часто странность ихъ содержанія: изъ нихъ можно узнать не только отношеніе довольно теперь многочисленной партіи американскаго и англійскаго народа къ условіямъ современнаго экономическаго быта, но ознакомиться съ ихъ настоящими идеалами общественнаго устройства. Успѣхъ книгъ, особенно разсказа Беллами, менѣе чѣмъ въ два года выдержавшаго 18 изданій *), показываетъ, что эти идеи находятъ въ англо-саксонской расѣ свою значительную аудиторію и сочувственный откликъ. Человѣку, начавшему критически и отрицательно относиться къ окружающему его быту, всегда нравятся мечтанія о болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ, когда все нежелательное и, по его взгляду, дурное исчезнетъ и на смѣну тьмы явится свѣтъ, т.-е. воцарится общее довольство, благоденствіе и благополучіе. Если подобнымъ мечтамъ никогда не суждено осуществиться и перейти въ дѣйствительность, то, во всякомъ случаѣ, на основаніи ихъ мы можемъ судить, чего именно писатель и его поклонники желаютъ для народа, какія перемѣны его быта находятъ необходимыми и, затѣмъ, въ какомъ именно направленіи, по ихъ мнѣнію, эти реформы должны совершаться. Ежели при этомъ не ограничиться однимъ періодомъ исторіи, а взять и сравнить подобныя фантазіи за разное, болѣе или менѣе, отдаленное время, напр. XVI или XVII вѣкъ, и сопоставить его съ XIX столѣтіемъ, то, разумѣется, результаты могутъ получиться еще интереснѣе и поучительнѣе: мы можемъ узнать изъ нихъ, чего желало и къ чему стремилось человѣчество въ лицѣ одного изъ своихъ видныхъ представителей (въ родѣ Томаса Мора или Бэкона) триста лѣтъ тому назадъ, что̀ считалось тогда человѣческимъ счастіемъ и чего, наконецъ,

*) Такъ обозначено на лондонскомъ изданіи, какимъ мы пользовались; на американскомъ же стоитъ: „64 тысячи“. По новѣйшимъ же извѣстіямъ (октябрь 1889 г.), въ одной лишь Америкѣ продано болѣе 100.000 экземпляровъ этого романа преимущественно въ дешевомъ, народномъ изданіи (in paper covers).

хотятъ для блага народа представители той же расы (напримѣръ, Беллами и Гронлёндъ) теперь, въ наши дни, и что́ называютъ они народнымъ благополучіемъ?.. Въ чемъ, наконецъ, заключается сходство и различіе идеаловъ, положенное рукой самого времени?..

Сдѣлаемъ именно попытку отвѣтить посильно на такіе вопросы и, притомъ, ограничимся для своихъ сравнительныхъ параллелей, изъ старыхъ писателей этого рода—однимъ Т. Моромъ съ его *Утопіей*, а изъ новѣйшихъ—упомянутымъ произведеніемъ Беллами: *Взглядъ назадъ 2000—1887*. Попытаемся опредѣлить, такимъ образомъ, идеалы народнаго экономическаго быта по воззрѣніямъ двухъ мечтателей: великобританскаго канцлера XVI в., сложившаго голову на плахѣ за стойкость своихъ убѣжденій, и современнаго намъ американскаго романиста, который начитался Генри Джорджа, Гронлёнда и другихъ американскихъ экономистовъ той же партіи, а можетъ быть и самого Маркса, и удачно воспользовался данною темой для своего новаго произведенія.

Начнемъ съ содержанія разсказа Беллами, притомъ, въ виду несомнѣнной родственности и преемственности его воззрѣній отъ Гронлёнда, не прибѣгая къ отдѣльному изложенію книги послѣдняго, мы будемъ пополнять нашъ пересказъ выдержками и объясненіями, взятыми у Гронлёнда, гдѣ только сочтемъ это нужнымъ для наилучшей иллюстраціи ихъ общихъ мнѣній о будущихъ судьбахъ человѣчества. Затѣмъ напомнимъ читателямъ содержаніе *Утопіи* Мора и въ заключеніе сдѣлаемъ сравненіе обѣихъ фантазій этихъ писателей, столь отдаленныхъ другъ отъ друга не только временемъ, но и своимъ общественнымъ положеніемъ, а также многими своими убѣжденіями.

I.

Фабула повѣсти Беллами отнюдь не блещетъ остроуміемъ, но, разумѣется, не въ ней и дѣло: форма повѣствовательная избрана лишь для того, чтобы сдѣлать его фантазію о будущемъ человѣчества болѣе популярной, и цѣль вполнѣ достигнута, какъ это доказывается быстрымъ распространеніемъ книги и множествомъ изданій за короткій періодъ времени *). Въ прежнихъ произведеніяхъ автора, вышеуказанныхъ, у него замѣчается стремленіе вводить явленія магнетизма, месмеризма или гипнотизма въ рамки своего разсказа: то же повторяется и въ его новой книгѣ. Содержаніе фабулы таково: молодой человѣкъ, Юлі-

*) По-русски романъ Беллами существуетъ нынѣ въ двухъ переводахъ.

анъ Вестъ—житель города Бостона въ Соединенныхъ Штатахъ, обладающій значительнымъ состояніемъ и независимымъ положеніемъ, собирается вступить въ бракъ съ предметомъ своей любви, дѣвицей Эдиѳью Бартлетъ, принадлежащей по своему происхожденію также къ аристократіи города Бостона. Единственной помѣхой скорому исполненію ихъ желаній является постройка новаго дома, куда Вестъ хочетъ непремѣнно ввести свою будущую молодую жену; задержку же постройки причиняютъ непрерывныя стачки рабочихъ различныхъ отраслей труда, столь многочисленныя въ 1887 году. Временно Вестъ проживаетъ въ старинномъ родительскомъ домѣ, и совершенно уединенно—вдвоемъ съ слугой; его спальня, въ виду нервозности и безсонницы, которой онъ подверженъ, помѣщается въ подземномъ этажѣ и отдѣляется сводомъ и желѣзными дверьми отъ остального дома. Это страданіе безсонницей, которое онъ тщательно скрываетъ отъ всѣхъ и даже отъ своей невѣсты, доходитъ, наконецъ, до такихъ предѣловъ, что Вестъ вынужденъ по временамъ прибѣгать къ помощи нѣкоего доктора-магнетизёра и засыпаетъ лишь послѣ его пассовъ. 30-го мая 1887 года, измученный болѣе обыкновеннаго тревогами о своемъ недостроенномъ домѣ и озлобленный болѣе обыкновеннаго противъ рабочихъ, которые своими вѣчными стачками невольно отдаляютъ его медовый мѣсяцъ, Вестъ послѣдній разъ обращается къ помощи доктора Пилльсбюри, «профессора животнаго магнетизма», который въ эту же ночь покидаетъ Бостонъ, переселяясь въ другое мѣсто страны...

Здѣсь начинается довольно неуклюжая небывальщина, безъ помощи которой авторъ, мнѣ кажется, могъ бы легко обойтись для цѣлей своего произведенія.

Усыпленный, нужно полагать, очень крѣпко и отдѣленный отъ всего міра каменными сводами и желѣзными дверьми, Вестъ не чувствуетъ и не сознаетъ, что происходитъ наверху, надъ его головой. Между тѣмъ, какъ можно догадываться, происходитъ слѣдующее: старый домъ въ ту же ночь сгорѣлъ, а съ нимъ погибаетъ и единственный слуга Веста, знавшій, гдѣ находится его господинъ и въ какомъ положеніи. Оба они, такимъ образомъ, считаются погибшими въ пожарѣ, и невѣста, оплакавши предполагаемую кончину своего жениха, утѣшается, однако, и выходитъ черезъ нѣсколько лѣтъ замужъ за другого. По разнымъ причинамъ мѣсто, гдѣ находился домъ Веста, остается пустыремъ, а затѣмъ превращается въ садъ.

Проходитъ 113 лѣтъ: въ 2000 году въ томъ же Бостонѣ и почти на мѣстѣ бывшаго когда-то дома Веста проживаетъ нѣкто докторъ

Литъ (Leete) съ супругой и взрослой дочерью. Однажды, устроивая у себя въ саду лабораторію, докторъ, или точнѣе его дочь, случайно подъ слоемъ земли и пепла открываютъ слѣды стариннаго свода; побуждаемые любопытствомъ, они производятъ раскопку и послѣ немалыхъ трудовъ открываетъ подземную комнату Веста и находятъ его самого, спящаго въ томъ же самомъ непробудномъ гипнотическомъ снѣ. Такъ какъ, благодаря такому сну, всѣ жизненныя отправленія остановились, то Вестъ оказывается и черезъ сотню слишкомъ лѣтъ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ и тѣхъ же, по наружности, 30 лѣтъ отъ роду (!!?); затѣмъ, послѣ продолжительныхъ медицинскихъ усилій доктора Лита, слѣдуетъ пробужденіе Веста отъ его вѣкового сна; довольно картинно при этомъ описываются чествованія, которыя испытываетъ герой разсказа, такъ неожиданно и диковинно очутившійся среди своихъ потомковъ въ 2000 году. Далѣе, онъ знакомится съ Бостономъ начала XXI вѣка, его порядками и обычаями и постепенно съ ними свыкается; изъ разсказовъ и объясненій главнѣйшимъ образомъ доктора Лита онъ узнаетъ громадныя общественныя перемѣны, происшедшія въ теченіе его столѣтняго сна; послѣ большихъ споровъ и колебаній онъ скоро, однако, освоивается съ новыми воззрѣніями и, видя ихъ преимущества, перерождается духовно, отказываясь отъ многихъ дорогихъ ему когда-то, въ XIX вѣкѣ, взглядовъ. Подъ вліяніемъ всего окружающаго, эта душевная перемѣна была такъ велика, что когда разъ во снѣ Вестъ видитъ себя вновь посреди общества XIX вѣка съ его порядками и предубѣжденіями, слышитъ привычные разговоры и подвергается общему осужденію за свои вновь усвоенные взгляды, то съ ужасомъ просыпается и благословляетъ небо, что онъ живетъ уже въ 2000 году, а не въ варварскія, невѣжественныя времена XIX столѣтія, «когда человѣкъ пожиралъ человѣка!» Естественно для повѣсти, хотя даже и фантастической, что новая жизнь Веста въ XXI вѣкѣ сопровождается и новою любовью, и страсть къ Эдиѳи Литъ заставляетъ, увы! скоро забыть ея прабабушку, Эдиѳь Бартлетъ...

Вотъ и вся незатѣйливая канва повѣсти «Взглядъ назадъ», на которой вытканa фантазіей американскаго писателя широкая картина общественнаго устройства будущаго человѣчества. Къ описанію ея мы и перейдемъ теперь прямо, не стѣсняясь порядкомъ изложенія и измѣнивши форму діалоговъ на простой пересказъ ея содержанія.

Самое рѣзкое различіе, фантазируетъ Беллами, между общественнымъ бытомъ XXI и XIX столѣтій должно заключаться въ степени матеріальнаго благосостоянія народа: его герой Вестъ въ 2000 году

наиболѣе всего поражается именно отсутствіемъ бѣдности и общимъ экономическимъ прогрессомъ. Такъ-называемаго соціальнаго или рабочаго вопроса, который въ такой степени озабочиваетъ государственныхъ людей нашего времени, въ XXI вѣкѣ уже не существуетъ: онъ будетъ предварительно разрѣшенъ, и притомъ безъ всякихъ потрясеній, мирнымъ процессомъ эволюціи... Вся вторая половина XIX вѣка характеризуется въ экономическомъ отношеніи двумя однородными чертами: рабочіе классы во всѣхъ видахъ промышленнаго труда стремятся къ соединенію въ союзы съ цѣлью наиболѣе успѣшной защиты своихъ интересовъ въ борьбѣ съ представителями капитала. Единичный рабочій бываетъ такъ слабъ въ этой борьбѣ, что непремѣнно гибнетъ и даетъ лишь урокъ пережившимъ его въ необходимости дѣйствовать соединенными силами: старая Европа и Соединенные Штаты сплошь отличаются во второй половинѣ XIX вѣка своими волненіями, несогласіями и стачками среди рабочихъ. Съ другой стороны, тотъ же процессъ совершается и между капиталистами: они также соединяются въ союзы, сливаютъ свои усилія и капиталы и, уничтожая мелкихъ конкуррентовъ во всѣхъ областяхъ промышленности и торговли, стремятся къ монополизаціи. Лозунгомъ времени является сосредоточеніе капитала во всѣхъ видахъ занятій: лишь крупный капиталъ выдерживаетъ успѣшно борьбу и даетъ удовлетворительный доходъ; малый же безсильно гибнетъ, если не поспѣшитъ соединиться съ другими подобными себѣ. Противъ стачекъ и союзовъ рабочихъ являются стачки (lock out) предпринимателей и разнородные союзы капиталистовъ, носящіе названіе синдикатовъ, картелей, trusts, pools и пр. и одинаково направленные противъ интересовъ потребителей... Малое хозяйство постепенно уступаетъ повсюду мѣсто большому, малое (ремесленное или кустарное) производство—крупному (фабричному) производству; гигантскіе многоэтажные базары и колоссальные магазины, напр. въ родѣ знаменитыхъ парижскихъ Magasins du Louvre, Au Bon Marché и пр., замѣняютъ собой постепенно безчисленное множество мелочныхъ лавочекъ и магазиновъ, превращая самостоятельныхъ прежде торговцевъ въ своихъ commis и приказчиковъ, точь-въ-точь какъ фабрики продѣлываютъ то же самое съ кустарями и иными мелкими производителями... Сосредоточеніе промышленныхъ предпріятій подтверждается всѣми статистическими изслѣдованіями новѣйшаго времени и особенно данными послѣдняго ценза Сѣверо-американскихъ Штатовъ за послѣднее десятилѣтіе: хотя число рабочихъ и обороты значительно выросли, число промышленныхъ заведеній осталось почти то же самое, что и прежде. Цѣлый рядъ крупныхъ предпріятій сли-

вается и принадлежитъ немногимъ синдикатамъ. Все обширное, напр., добываніе антрацита въ Пенсильваніи принадлежитъ уже 4 компаніямъ, которыя грозятъ завтра слиться, какъ это уже сдѣлали общества нефтянаго производства, превратившіяся нынѣ въ одну компанію Standard Oil Company, и то же сдѣлали нѣкоторыя желѣзно-дорожныя, страховыя, горныя и многія иныя предпріятія. Всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ, общества и самого государства постоянно оказывались тщетны, ибо въ корнѣ этого великаго, хотя и тягостнаго процесса лежитъ экономическое оправданіе. Соединеніе предпріятій, какъ и сліяніе капиталовъ, ведетъ за собой чрезвычайное возрастаніе интенсивности этихъ предпріятій, т.-е. ихъ производительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ удешевленіе продуктовъ и выгодность сокращенныхъ издержекъ управленія *).

Но пока происходитъ этотъ процессъ сліянія, онъ болѣзненно отражается и чувствуется на всемъ народномъ организмѣ: рабочіе, благодаря монополіи, получаютъ меньшее жалованье, а потребители платятъ возвышенную цѣну за продукты. Возвращеніе къ старому порядку — самостоятельнаго существованія мелкихъ капиталовъ и мелкихъ предпріятій—по указаннымъ причинамъ невозможно иначе какъ цѣной общаго обѣдненія и задержки матеріальнаго прогресса. Съ другой стороны, невозможно и продолженіе индустріальной системы при существованіи немногихъ монопольныхъ синдикатовъ, замѣнившихъ собой многочисленныя прежде промышленныя предпріятія всякаго рода. На сцену выдвигается, такимъ образомъ, новый вопросъ: какимъ образомъ, сохраняя принципъ могучей производительности консолидированнаго капитала, въ то же самое время спасти себя отъ вредныхъ послѣдствій частной монополіи? Отвѣтъ является дальнѣйшимъ логическимъ выводомъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, въ силу эволюціи, изъ всего предшествовавшаго экономическаго процесса. Если ни уничтожить, ни даже серьезно задержать сосредоточеніе капитала невозможно, да и нежелательно, если вредныя стороны процесса обусловливаются односторонними, узкопонимаемыми интересами владѣльцевъ комбинированнаго капитала, то очевидно, что необходимо пресѣчь зло въ корнѣ, т.-е. всѣхъ членовъ общества сдѣлать такими же владѣльцами капитала. Государство есть органическій союзъ людей, безусловно необходимый для общаго блага, а потому естественнымъ выходомъ изъ описаннаго затрудненія является такая комбинація: на мѣсто нѣсколькихъ безотвѣтственныхъ промышленно-торговыхъ сою-

*) См. одинаково Bellamy, стр. 42, и Gronlund'a, стр. 62 и далѣе.

зовъ и синдикатовъ частныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ однихъ лишь интересахъ сочленовъ, образуется одинъ громадный синдикатъ, которому они и сдаютъ свои капиталы и функціи.

Этотъ новый *единый синдикатъ*,—фантазируютъ Беллами и Гронлёндъ,—будетъ представлять весь народъ и будетъ вестись въ общихъ интересахъ и для общаго блага его довѣреннымъ—государственною властью. Однимъ словомъ, всѣ союзы сольются или проглотятся однимъ союзомъ—государствомъ, къ которому перейдетъ вся собственность и вся экономическая дѣятельность народа; государство сдѣлается единымъ капиталистомъ на мѣсто всѣхъ другихъ хозяевъ. Государство, наконецъ, сдѣлается единою монополіей, взамѣнъ всѣхъ предшествовавшихъ меньшихъ монополій, имъ поглощенныхъ, но въ барышахъ которой участвуютъ уже всѣ безразлично граждане, а не одна лишь часть ихъ, какъ прежде.

Эта великая метаморфоза, по мнѣнію американскихъ мечтателей, совершится вполнѣ спокойно, безъ всякихъ насилій, въ силу естественныхъ законовъ эволюціи. Уже въ XIX вѣкѣ въ рукахъ государства сосредоточился цѣлый рядъ функцій, принадлежавшій раньше частнымъ лицамъ, и о тѣхъ временахъ уже успѣли забыть. Столь важное орудіе цивилизаціи, какъ *почта*, была сравнительно недавно еще частнымъ учрежденіемъ, ради узко-корпоративныхъ цѣлей; таможенныя пошлины и многіе другіе налоги въ средніе вѣка сплошь находились на частномъ откупу; даже само правосудіе,—утверждаютъ историки-юристы,—было когда-то въ частныхъ рукахъ, а судебныя пошлины развились изъ приношеній (Sporteln), платимыхъ судьямъ. Современный міръ забылъ обо всемъ этомъ, и забылъ именно потому, что государство гораздо лучше исполняетъ свои новыя обязанности, нежели онѣ исполнялись когда-то частными лицами. Государственная дѣятельность ростетъ и ширится во всѣхъ направленіяхъ, и ничто не можетъ задержать ея могучій ходъ: достаточно для этого взглянуть на характеръ законодательной дѣятельности любого изъ культурныхъ государствъ за послѣднюю четверть вѣка: старая Европа, въ данномъ случаѣ, не только не уступаетъ юной Америкѣ, но даже опережаетъ ее принципіально въ лицѣ хотя бы князя Бисмарка или Вильгельма II съ ихъ соціальными реформами.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ никто бы не повѣрилъ, что большое государство можетъ взять на себя заботу не только о больныхъ и увѣчныхъ рабочихъ, но и объ обезпеченіи участи всѣхъ престарѣлыхъ труженниковъ, и однако это осуществилось во-очію. Точно также опытъ сліянія многихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій научилъ лю-

дей выгодности этого рода союзовъ и подготовилъ почву къ націонализаціи всей промышленности въ широкомъ смыслѣ. Блага этой будущей государственно-кооперативной системы хозяйства, сравнительно съ настоящимъ, неисчислимы, по утвержденію Гронлёнда. Онѣ заключаются, прежде всего, въ чрезвычайномъ и разнообразномъ сбереженіи производства—въ жилищахъ, орудіяхъ и матеріалахъ, далѣе—въ уменьшеніи всякаго риска и кризисовъ и, наконецъ, въ уничтоженіи, при новой системѣ, массы теперешнихъ посредниковъ разнаго рода (мелкихъ торговцевъ, коммиссіонеровъ и пр.), ненужныхъ болѣе при сосредоточеніи всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ функцій въ рукахъ одного государства *).

Съ переходомъ въ руки правительства или подъ коллективный контроль всѣхъ орудій производства, разумѣется, должна совершенно измѣниться и организація самаго труда. Народъ уже давно успѣлъ привыкнуть къ мысли, что каждый физически способный гражданинъ обязанъ жертвовать своимъ трудомъ и даже кровью на защиту отечества, и что эта жертва составляетъ долгъ всеобщій, и равный, и справедливый. Воинская повинность не только послужила первообразомъ, но прямо подготовила почву для промышленнаго строя будущаго человѣчества. Новая народная организація труда явилась разрѣшеніемъ рабочаго вопроса, столько лѣтъ неразрѣшимаго. Когда, наконецъ, государство, согласно описанной выше фантазіи, сдѣлалось единственнымъ предпринимателемъ, то всѣ граждане превратились въ рабочихъ этого предпринимателя, трудъ которыхъ распредѣляется сообразно нуждамъ промышленности. Какъ воинская повинность была обязательною службой государству или странѣ, такою же долженъ стать въ XXI вѣкѣ промышленный трудъ всякаго гражданина: каждый человѣкъ обязанъ, соразмѣрно своимъ силамъ и способностямъ, приносить извѣстную долю своего труда (ручного или умственнаго—все равно) на пользу общую, на поддержаніе государства. Но сознаніе такой обязанности можетъ придти, именно, когда исполнится первое предположеніе и государство сдѣлается единымъ хозяиномъ-промышленникомъ.

До тѣхъ поръ, пока существуютъ сотни тысячъ и милліоны самостоятельныхъ предпринимателей, не можетъ быть и рѣчи ни объ этой обязанности, ни объ охотѣ ей подчиняться; вмѣсто того мы видимъ то многолюдныя толпы людей, ищущихъ работы и не находящихъ ея, то лицъ, для которыхъ есть работа, но которыя желаютъ лишь избѣжать труда, и болѣе или менѣе легко это исполняютъ.

*) *Gronlund*, The Cooperative Commonwealth, стр. 107 и далѣе.

Но спрашивается: какъ при такой оригинальной организаціи будутъ распредѣлены разнообразныя промышленныя занятія между людьми и какъ онѣ будутъ вознаграждаться? На этотъ вопросъ американскіе мечтатели даютъ самыя подробныя объясненія, вызывающія невольную улыбку читателя своимъ стремленіемъ опредѣлить даже всякую мелочь въ устройствѣ быта будущаго человѣчества.

Выборъ занятій будетъ предоставленъ вполнѣ на волю каждаго гражданина, и свобода въ этомъ отношеніи будетъ лишь подчинена нѣкоторымъ необходимымъ правиламъ. Такъ напримѣръ, въ современной Европѣ мастерскія и фабрики наполнены людьми всякаго возраста: малое дитя часто работаетъ рядомъ съ дряхлымъ старикомъ. Иначе строй промышленнаго труда будетъ организованъ въ будущемъ человѣчествѣ. Періодъ юности до 21 года долженъ быть посвященъ всецѣло высокому дѣлу воспитанія и образованія духа и тѣла—подготовительная стадія для трудовой части жизни. Поэтому дѣти въ мастерскихъ отсутствуютъ. Съ возраста 21 года начинается уже *промышленная повинность или служба* государству и продолжается ровно 24 года, т.-е. до сорокапятилѣтняго возраста. Здѣсь наступаетъ отставка, гражданинъ съ этихъ поръ призывается къ общему промышленному труду лишь въ экстренныхъ случаяхъ, а затѣмъ посвящаетъ остатокъ своей жизни на отдыхъ или занятія какія угодно и насколько хочетъ; существованіе его обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и повинность кончилась.

Такъ какъ всякая работа идетъ хорошо лишь въ томъ случаѣ, когда соотвѣтствуетъ вкусамъ и наклонностямъ работника, то родители и учителя станутъ въ будущемъ обращать гораздо бо́льшее вниманіе на всякое указаніе спеціальныхъ способностей и наклонностей въ ихъ дѣтяхъ и питомцахъ, нежели они дѣлаютъ это нынѣ. Хотя система образованія будетъ гуманитарная, исключительно покоясь на культурѣ, тѣмъ не менѣе дѣти и юноши получатъ теоретическое ознакомленіе съ разными отраслями индустріи и всѣми способами будутъ поощряться къ посѣщенію всевозможныхъ промышленныхъ заведеній, чтобы приглядѣться и выбрать занятіе, болѣе соотвѣтствующее вкусамъ и наклонностямъ каждаго. Такимъ образомъ, къ наступленію термина промышленной службы, 21 года, у большинства уже вырабатываются тѣ или иныя влеченія къ извѣстному роду занятій. Тѣмъ не менѣе, чтобы выборъ спеціальности не совершался поспѣшно и легкомысленно, всѣ рекруты промышленной повинности начинаютъ свою службу *чернорабочими* или съ простого, неискуснаго труда (unskilled labourers) и остаются таковыми обязательно въ теченіе трехъ лѣтъ.

Къ концу этого термина, т.-е. въ возрастѣ 24 лѣтъ, каждый рѣшаетъ для себя вопросъ, оставаться ли ему чернорабочимъ на весь служебный срокъ, или избрать для себя иную, болѣе подходящую профессію, ручную или умственную. Въ послѣднемъ случаѣ, если человѣкъ приходитъ къ заключенію, что онъ можетъ лучше работать мозгомъ, нежели мускулами, онъ начинаетъ свое профессіональное образованіе. Высшія школы технологіи, медицины, искусства и проч., широко открываютъ двери для всѣхъ желающихъ. Зрѣлый возрастъ поступающаго въ одно изъ этихъ заведеній (не моложе 24 лѣтъ и до 35 лѣтъ, когда кончится срокъ выбора профессіи) гарантируетъ сравнительно съ теперешнимъ порядкомъ обдуманность и серьезность влеченія къ спеціальности и качество ея выбора: безпрестанныя шатанія и перемѣна профессій теперешней молодежи, къ этому возрасту нынѣ обыкновенно заканчивающей свое образованіе, не будутъ тогда имѣть мѣста. Ошибки молодости въ этомъ случаѣ будутъ рѣже, а профессіональная подготовка солиднѣе и тверже.

Разрѣшеніе другого труднаго вопроса о разной степени привлекательности различныхъ профессій лежитъ уже всецѣло на заботѣ государственной администраціи будущаго человѣчества и зависитъ отъ ея искусства. Чтобы регулировать достаточный приливъ охотниковъ ко всякимъ занятіямъ, администрація обязана постоянно стремиться къ тому, чтобы уравнять привлекательность различныхъ промышленныхъ профессій. Вѣрнѣе всего, это можетъ достигаться назначеніемъ различной длины времени труда для разныхъ занятій въ трудныхъ и и непріятныхъ—болѣе короткое, а въ легкихъ—болѣе длинное, Здѣсь администрація должна исключительно руководствоваться наличнымъ мнѣніемъ по этому вопросу самихъ рабочихъ. Единственный принципъ—чтобы трудъ одного человѣка былъ не тяжелѣе, чѣмъ всякаго другого. Сокращеніе времени труда или нѣкоторыя другія временныя льготы всегда будутъ достаточны, чтобы имѣть необходимый контингентъ рабочихъ даже для самыхъ непріятныхъ отраслей его. Въ такихъ непріятныхъ профессіяхъ время труда можетъ быть сокращено на нѣсколько часовъ противъ болѣе легкихъ занятій. Наконецъ, чувство долга и благородное соревнованіе ради общаго блага всегда вызовутъ охотниковъ для исполненія профессіональныхъ обязанностей, признанныхъ наиболѣе опасными или непріятными, но въ то же время важными и существенными для пользы всего государства.

Труднѣйшая дилемма о вознагражденіи за трудъ, или вопросъ о заработной платѣ, въ фантастическомъ государствѣ будущаго, разрѣ-

шится, согласно Беллами и Гронлёнду, также весьма просто и ловко вмѣстѣ съ вопросомъ объ орудіяхъ обмѣна или деньгахъ.

Въ XIX вѣкѣ деньги, какъ удобнѣйшее орудіе обмѣна, нужны лишь потому, что производство находится въ частныхъ рукахъ: многочисленныя независимыя лица производятъ различные предметы, необходимые для жизни и комфорта, и ими взаимно обмѣниваются; деньги или ихъ замѣстители являются нынѣ важнымъ средствомъ и облегченіемъ всякой мѣновой или торговой сдѣлки и крайне для нея существенны. Деньги сберегаютъ теперь время и трудъ, дѣлая излишнимъ болѣе сложный и медленный обмѣнъ товара на товаръ. Въ другомъ положеніи очутится дѣло, когда уже описанная въ фантазіи реформа осуществится, и нація или государство превратится въ единаго въ странѣ капиталиста и производителя всѣхъ возможныхъ товаровъ. Тогда деньги потеряютъ свое настоящее положеніе, сдѣлавшись безполезны, такъ какъ торговый обмѣнъ между индивидами прекратится. Правда, люди и тогда будутъ обмѣниваться между собою подарками, какъ знаками дружбы, но купля и продажа сдѣлаются немыслимы при будущей соціальной системѣ, построенной на сознаніи общности интересовъ всѣхъ людей, ихъ взаимной симпатіи и безкорыстія въ отношеніяхъ другъ къ другу (!?). Все производимое въ странѣ отправляется въ національные или государственные склады и точно также все необходимое для потребленія получается тамъ же, и притомъ *только* тамъ, въ этихъ складахъ, гдѣ деньги не нужны. Мѣсто ихъ замѣняютъ «трудовые чеки» (laborchecks), представляющіе собою стоимость простого труда средняго качества въ нормальный рабочій день. Согласно Гронлёнду, такіе «рабочіе чеки» сдѣлаются единственнымъ орудіемъ обращенія и единицей цѣнности; но такъ какъ человѣку необходимо потреблять раньше или въ большемъ размѣрѣ, нежели онъ произвелъ нѣчто для потребленія, то, какъ объясняетъ Беллами, въ фантастическомъ государствѣ будущаго каждое лицо будетъ имѣть кредитъ, соотвѣтствующій его долѣ въ ежегодномъ производствѣ народа, и съ помощью своего чека или кредитной книжки будетъ получать все нужное ему изъ общественныхъ складовъ. Такимъ образомъ, деньги при этой системѣ становятся совершенно ненужными, ибо заборъ или пріобрѣтенія каждаго отмѣчаются въ его книжкѣ, не прибѣгая далѣе ни къ какимъ денежнымъ знакамъ и выражая размѣръ забора или прямо въ дняхъ труда, какъ предполагаетъ Гронлёндъ *), или даже по старому, согласно Беллами, наприм. въ

*) См. *Gronlund*, стр. 138.

долларахъ, причемъ долларъ является; однако, уже въ новомъ смыслѣ—не болѣе, какъ простымъ алгебраическимъ символомъ для сравненія цѣнности одного продукта съ другимъ. Всякая торговля между частными лицами, какъ было сказано, должна при этомъ прекратиться, а заборъ или закупка изъ государственныхъ или общественныхъ складовъ допускается обыкновенно въ предѣлахъ годичнаго кредита каждаго лица и лишь съ значительными учрежденіями и учетомъ дозволяется, въ нѣкоторыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, заимствовать изъ кредита слѣдующаго года.

Вслѣдъ за деньгами, какъ орудіями обмѣна, при описанной системѣ прямого распредѣленія всѣхъ продуктовъ естественно должно измѣниться и прежнее значеніе факторовъ производства: земельная рента, платимая нынѣ индивидуальнымъ собственникамъ земли, вмѣстѣ съ ея націонализаціей прекратится или останется лишь въ видѣ сборовъ и налоговъ, платимыхъ въ будущемъ государству за тотъ или иной видъ временнаго пользованія землей. Одинаково съ этимъ уничтожится прибыль (профитъ) и проценты, такъ какъ вся промышленная и торговая дѣятельность уйдетъ изъ частныхъ рукъ къ государству и сдѣлается коллективной: богатство, выражаясь настоящимъ языкомъ, не будетъ болѣе употребляться производительно съ цѣлью полученія прибыли; всякій процентъ будетъ считаться лихоимствомъ (!) и некому будетъ его платить. Поэтому для будущаго человѣчества законъ спроса и предложенія потеряетъ свое настоящее значеніе, и цѣна всякаго товара, отпускаемаго изъ складовъ, будетъ всецѣло опредѣляться «естественной» стоимостью и будетъ зависѣть исключительно отъ размѣровъ человѣческаго труда, положеннаго на изготовленіе или производство даннаго предмета. Та же самая цѣна будетъ имѣть мѣсто и при международныхъ торговыхъ сношеніяхъ: товаръ будетъ продаваться и чужому народу за ту же цѣну, какъ собственнымъ гражданамъ, и опять не прибѣгая къ помощи денегъ. Особыя разсчетныя бюро, въ родѣ нынѣшнихъ Clearing House, будутъ вѣдать и вести записи международнаго обмѣна и задолженности каждой націи, и затѣмъ въ концѣ года или иной срокъ будетъ сводится по книгамъ балансъ: могущій въ концѣ получиться излишекъ въ пользу какой-либо страны уплачивается товарами (натурой) извѣстнаго рода, согласно международному договору по этому предмету.

Послѣ всѣхъ описанныхъ крупныхъ перемѣнъ въ законахъ производства и распредѣленія, не мѣньшая метаморфоза произойдетъ и въ опредѣленіи размѣровъ заработной платы. Ничего похожаго на теперешнюю заработную плату не будетъ имѣть мѣста: всякій трудъ

обусловливаетъ одинаковую мѣру вознагражденія, т. е., говоря иными словами, всѣ работники будутъ получать одну и ту же заработную плату. Такимъ образомъ, противно господствующимъ нынѣ воззрѣніямъ и практикѣ, не только лица различныхъ профессій будутъ вознаграждаться одинаково, но самыя понятія о справедливости должны въ будущемъ измѣниться, и работники разнаго качества и свѣдѣній, слѣдовательно съ неравной производительностью, получать за свой трудъ то же самое. По этому предмету Беллами разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: производительность труда не имѣетъ ничего общаго съ размѣрами вознагражденія; первый вопросъ—моральный, потому что касается заслуги человѣка, опредѣляетъ, чего стоитъ его трудъ, т. е. насколько онъ успѣшенъ; второй же, т. е. вознагражденіе, является, конечно, моментомъ чисто-матеріальнымъ, и плоха та логика, которая къ нравственнымъ понятіямъ прилагаетъ матеріальный масштабъ. Заслуги человѣка въ трудѣ, достоинство его работы должны измѣряться лишь суммой усилій, къ ней прилагаемыхъ; между тѣмъ всѣ люди должны, сообразно ихъ таланту и возможно наилучшимъ образомъ, дѣлать въ сущности то же самое, т. е. оказывать тѣ же самыя усилія. Способность человѣка быть болѣе или менѣе производительнымъ въ трудѣ указываетъ только мѣру его обязанностей въ данномъ отношеніи. Человѣкъ счастливо одаренный, но которой не дѣляетъ всего, что въ состояніи дѣлать сообразно своимъ способностямъ, хотя бы и творилъ больше человѣка малоспособнаго, но добросовѣстнаго, тѣмъ не менѣе долженъ считаться худшимъ работникомъ, нежели послѣдній, мало того,—заслуживаетъ скорѣе осужденія и останется должникомъ предъ своими товарищами... Кому дается много, отъ того и требуется много, помимо всякой матеріальной за то награды. Однимъ словомъ, здѣсь разумѣется относительная, а не абсолютная доброкачественность труда, почему и установляется одинаковая мѣра вознагражденія.

Но идея о равномъ для всѣхъ вознагражденіи настолько фантастична и противорѣчитъ всѣмъ общепринятымъ въ XIX вѣкѣ понятіямъ, что Беллами (какъ и Гронлёндъ, хотя менѣе рѣшительно) вынужденъ прибѣгать къ болѣе подробной аргументаціи своей теоріи. Сравнивая промышленный трудъ націи съ воинской повинностью и воинской службою, американскій мечтатель напоминаетъ о тѣхъ, всѣмъ извѣстныхъ, мотивахъ, которые воодушевляютъ солдата и руководятъ имъ при исполненіи своей обязанности. Воинъ не только твердо стоитъ на своемъ посту, переноситъ всякія лишенія и терпитъ нужду, но явно жертвуетъ самымъ драгоцѣннымъ благомъ—жизнью, и все

это исполняетъ отнюдь не вслѣдствіе матеріальныхъ разсчетовъ... Даже въ странахъ съ наемной арміей жалованье солдата крайне невысоко. Не корысть и не разсчеты, а честь, надежда на отличіе, т. е. признаніе своихъ заслугъ, патріотизмъ и вдохновеніе чувствомъ долга— вотъ тѣ мотивы, которые воина ведутъ на смерть за свою родину, и никогда не было такого времени, когда такіе именно мотивы не вызывали бы у людей наружу все, что у нихъ есть лучшаго и наиболѣе благороднаго... То же самое приложимо и къ промышленной арміи будущаго человѣчества, и въ ней нѣтъ основанія размѣръ вознагражденія сообразовать съ различной профессіей и способностями рабочихъ: для всѣхъ солдатъ въ арміи, иногда разныхъ родовъ оружія, полагается одна и та же плата... Мѣсто мотивовъ матеріальнаго свойства замѣняютъ моральные, имѣющіе мѣсто даже и въ XIX вѣкѣ, и даже въ самой погонѣ людей за деньгами и богатствомъ... Такъ, въ послѣднемъ случаѣ двигателемъ нерѣдко является не самая любовь къ деньгамъ и роскоши, а такіе стимулы, какъ желаніе власти, соціальнаго положенія или, наконецъ, репутація человѣка талантливаго и способнаго... Въ будущемъ человѣчествѣ хотя деньги и будутъ уничтожены, но данные мотивы останутся и вмѣстѣ съ иными будутъ двигать и толкать человѣка въ его промышленномъ трудѣ и направлять его къ отличію и возможному совершенству.

Вся организація будущаго промышленнаго строя направлена къ достиженію послѣдней цѣли путемъ строгой постепенности въ распредѣленіи труда. Промышленная армія будущаго человѣчества отличается не меньшей сложностью и требовательностью относительно назначенія и повышенія лицъ завѣдующихъ или своихъ офицеровъ, чѣмъ войско или армія любого изъ современныхъ образованныхъ народовъ. Во-первыхъ, это промышленное войско будущаго,—разсуждаетъ Беллами,—состоитъ изъ четырехъ различныхъ классовъ, гдѣ переходъ изъ одного въ другой опредѣляется строгими правилами, внѣ всякаго личнаго произвола; классы эти, во-первыхъ, уже упомянутая категорія чернорабочихъ или неискусныхъ рабочихъ, въ рядахъ коихъ должны обязательно находиться въ теченіе трехъ лѣтъ всѣ молодые люди обоего пола, достигшіе 21 года; во-вторыхъ, классъ учениковъ — для всѣхъ профессій одинаковаго срока одинъ годъ; въ-третьихъ, полные рабочіе, отъ 25 и до 45 лѣтъ возрастомъ, если только за это время они не промѣняли промышленный (физическій) на иной умственный трудъ (т. е. свободныя профессіи). Четвертый классъ составляютъ уже офицеры этой промышленной арміи, и притомъ разнаго ранга; при повышеніи, во-первыхъ, имѣетъ значеніе, какъ и раньше, выслуга лѣтъ,

но, кромѣ того, и избраніе товарищами, что̀ уже опредѣляется и зависитъ отъ внутреннихъ качествъ рабочаго и доказанныхъ достоинствъ его труда *). Нужно пробыть не менѣе двухъ лѣтъ, напр., въ категоріи рабочихъ, чтобы достичь перваго офицерскаго чина промышленной арміи — «помощника надсмотрщика» (лейтенанта!), и притомъ нельзя получить этого назначенія, имѣя возрастъ менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Затѣмъ постепенно и въ извѣстные опредѣленные сроки лучшій рабочій можетъ быть повышенъ за отличіе до званія «надсмотрщика» (капитана!) и, наконецъ, «инспектора» или «суперъ-интенданта» (полковника!). Далѣе, назначеніе свыше и по выслугѣ прекращается и дальнѣйшее производство зависитъ уже всецѣло отъ избранія. Каждая промышленная профессія образуетъ гильдію или цехъ, во главѣ котораго стоитъ «старшина» или генералъ, уже не назначаемый, а избираемый изъ инспекторовъ почетными членами цеха, т. е. заслуженными рабочими старше 45 лѣтъ возраста, окончившими свою обязательную службу; это важное лицо стоитъ во главѣ національнаго бюро, представляя собою извѣстную отрасль народнаго труда и являясь лицомъ вполнѣ отвѣтственнымъ за всю ея дѣятельность. Понятно,—добавляетъ Беллами,—что всѣ рабочіе въ рангѣ офицеровъ отвѣчаютъ собственно не за свой личный трудъ, а за работу и дѣйствія своихъ подчиненныхъ. Наконецъ, высшій рангъ и предѣлъ честолюбія рабочаго въ будущихъ Соединенныхъ Штатахъ, по фантазіи Беллами, составляетъ должность начальника одного изъ десяти департаментовъ, на которые будетъ раздѣлена вся промышленность; каждый изъ такихъ департаментовъ будетъ вѣдать нѣсколько однородныхъ цеховъ или гильдій. Въ эту должность по описанной выше системѣ будутъ избираться начальники (генералъ-лейтенанты!) голосованіемъ всѣхъ почетныхъ членовъ и исключительно изъ числа старшинъ или генераловъ цеховъ. Изъ этихъ же лицъ будетъ исключительно, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ условій, избираться и президентъ будущихъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Такимъ образомъ всѣ свободныя профессіи, начиная съ судьи и кончая учеными въ будущемъ государствѣ американскаго мечтателя, увы, не обрѣтаются въ авантажѣ: имѣя избирательное право, тѣмъ не менѣе всѣ свободныя профессіи лишены права избранія въ эту должность; президентъ этой республики будущаго обязательно долженъ пройти описанные ранги промышленной арміи, чтобы на старости лѣтъ (около

*) У Гронлёнда всѣ офицерскія должности въ промышленной арміи избирательныя, но зато смѣщеніе или отставка не зависитъ отъ товарищей, а отъ офицеровъ сверху, отъ главы цеха, или президента (Gronlund, стр. 175).

50 лѣтъ) быть избраннымъ и занять на 6 лѣтъ эту высшую должность. Въ свою очередь, промышленная армія, изъ среды которой исключительно выходитъ такимъ образомъ президентъ, лишена избирательнаго права въ данномъ отношеніи, такъ какъ это вредило бы необходимой дисциплинѣ; другими словами, президента будущей Америки избираютъ лишь лица, не состоящія въ рядахъ арміи, т. е. всѣ принадлежащіе къ свободнымъ профессіямъ всякаго возраста и затѣмъ рабочіе старше 45 лѣтъ, т. е. окончившіе свою промышленную повинность.

Эта странная комбинація промышленнаго строя и военной службы, придуманная пылкой фантазіей американскаго мечтателя, носитъ названіе «производительной промышленности», которая, идя рука объ руку съ «промышленностью раздѣлительной» (т. е. упомянутой системой государственныхъ складовъ), имѣетъ своимъ назначеніемъ заготовить всю сложную и разнообразную массу продуктовъ, необходимую для потребленія страны. Трудная задача эта при отмѣнѣ началъ частной канкурренціи будетъ выполняться при помощи *статистики*: одинаково оба наши мечтателя, какъ Гронлёндъ, такъ и Беллами, приписываютъ для будущаго человѣчества очень важную роль въ управленіи этой наукѣ. Должность *главнаго статистика* будетъ одною изъ первыхъ и почетнѣйшихъ должностей каждой страны, такъ какъ лишь статистическія данныя дадутъ возможность балансировать спросъ съ предложеніемъ и доставятъ тогда надлежащее руководство надъ трудомъ рабочихъ всей страны *). Въ самомъ дѣлѣ, уже въ XIX вѣкѣ всѣ правительства начали мало-по-малу сознавать эту важную роль цифровыхъ данныхъ, и статистика можетъ опредѣлить количество, напр., аршинъ миткаля, полотна, пудовъ муки, головъ скота и прочихъ продуктовъ, необходимыхъ примѣрно для ежегоднаго потребленія народа. Но, разумѣется, пока все производство находится въ частныхъ рукахъ и опредѣляется всецѣло личнымъ произволомъ, всѣ эти данныя не могутъ претендовать на точность и являются лишь приблизительными. Но другое дѣло при описанномъ строѣ фантастическаго государства: тамъ ни одна булавка не уйдетъ изъ склада безъ того, чтобы не быть гдѣ слѣдуетъ отмѣченной; поэтому въ результатѣ получится такая точная статистика потребленія, за каждый день и для любого пункта страны, какая до тѣхъ поръ была немыслима по своей сравнительной точности. На этихъ-то данныхъ, какъ базисѣ, и будутъ покоиться всѣ оцѣнки будущаго производства; ка-

*) См. *Гронлёндъ*, стр. 141—148.

ждый изъ 10 департаментовъ промышленности, какъ дѣлитъ Беллами все народное хозяйство, позаботится, чтобы все необходимое по разсчету количество продуктовъ въ извѣстный срокъ было готово; для главнѣйшихъ продуктовъ этимъ срокомъ будетъ годъ, а въ продуктахъ маловажныхъ, подверженныхъ колебанію и измѣнчивости спроса, производство будетъ идти, вѣроятно, лишь одной недѣлей или мѣсяцемъ впереди потребленія, и такимъ образомъ устранится значительная утрата и потеря заготовленныхъ продуктовъ отъ измѣнившагося и упавшаго требованія.

Описанная организація промышленности одинаково относится къ лицамъ обоего пола, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, лишь съ нѣкоторыми отступленіями, которыя обусловливаются особенностями пола. Женщины, какъ и мужчины, состоятъ членами промышленной арміи будущаго человѣчества и въ тотъ же періодъ жизни (т. е. отъ 21 до 45 лѣтъ), но въ дѣйствительности срокъ ихъ работы сокращается значительно для большинства женщинъ ихъ материнскими обязанностями. Въ результатѣ значительная ихъ часть въ теченіе жизни работаетъ лишь отъ 5 до 15 лѣтъ, не болѣе, и лишь бездѣтныя женщины работаютъ полный терминъ. Кромѣ того, самый выборъ занятій строго опредѣляется и всѣ тяжелыя или требующія силы занятія исключительно выполняются мужчинами; женщинамъ предоставлены легкія физическія работы, какъ наиболѣе соотвѣтствующія ихъ силамъ. Самые часы работы для женщинъ значительно сокращены и допускаются болѣе частые и длинные перерывы и отдыхи; все, короче, направлено къ тому, чтобы отнюдь не истощать ихъ силъ трудомъ и не наносить вреда ихъ здоровью, столь важному и для грядущихъ поколѣній. По мысли Беллами, будущее человѣчество настолько осторожно и деликатно относится къ работѣ своей прекрасной половины, что главнѣйшая роль женскаго труда скорѣе сведется къ необходимой и полезной для здоровья гимнастикѣ тѣла, нежели серьезному фактору производства. Тѣмъ не менѣе, женщины будутъ пользоваться равными правами съ сильнымъ поломъ, неся промышленную повинность лишь въ размѣрахъ и формахъ, имъ соотвѣтствующихъ. Такъ женщины въ промышленной арміи будутъ организованы такъ же, какъ и мужчины, и по тому же образцу; ихъ руководители и вожаки принадлежатъ къ ихъ же полу, и ихъ шефъ, женщина, займетъ мѣсто въ кабинетѣ президента, и ни одинъ вопросъ, касающійся женскаго труда, не пройдетъ безъ ея согласія. Наконецъ, женщина будущаго въ *экономическомъ отношеніи* займетъ равное положеніе съ мужчиной, такъ какъ получитъ отъ націи или государства одинаковый съ нимъ кре-

дить, имѣющій замѣнить собою, какъ было объяснено выше, нынѣшнюю систему заработной платы.

Но въ то же самое время, въ области женскаго труда XXI вѣка, описанной фантазіей Беллами и Гронлёнда, обратно съ XIX столѣтіемъ, будетъ проведена болѣе точная и опредѣленная граница между мужскими и женскими занятіями и родами труда. Уничтожая для будущаго свободную конкурренцію, на которой зиждется вся экономическая система настоящаго времени, американскіе мечтатели уничтожаютъ ее также и въ трудовыхъ отношеніяхъ двухъ половъ. Соглашаясь съ Дж. Ст. Миллемъ въ необходимости *экономическаго* равенства женщинъ съ мужчинами, они противорѣчатъ ему въ допущеніи женщинъ ко всѣмъ видамъ и родамъ труда, гдѣ нынѣ почти вездѣ трудъ мужчинъ смѣшивается съ женскимъ. Они не желаютъ далѣе,— по выраженію Гронлёнда, — чтобы «женскій трудъ былъ мужскимъ второго разбора» (that woman should not become a second rate man *). По ихъ мнѣнію, огромной ошибкой слѣдуетъ считать въ XIX вѣкѣ отсутствіе должнаго сознанія объ индивидуальномъ различіи половъ. Забвеніе этого различія и приводитъ къ тому, что во множествѣ профессій оба пола выступаютъ конкуррентами, и весь проигрышъ приходится натурально на долю слабѣйшаго. Несмотря на всѣ добрыя пожеланія благородныхъ филантроповъ въ родѣ Милля, этого различія, этой сравнительной слабости женщины устранить или превратить въ силу невозможно, а потому и не слѣдуетъ допускать ихъ безплодной конкурренціи съ мужскимъ поломъ, а лучше *размежевать самое поле дѣятельности.* Тѣ области промышленнаго труда, которыя соотвѣтствуютъ и подходятъ къ женской природѣ, должны оставаться исключительно за женщинами, и, наоборотъ, женщина отнюдь не должна допускаться къ занятію, по роду или свойству работы не подходящему для ея пола. «Ни мужчина, ни женщина не будутъ болѣе перебивать мѣсто другъ у друга, а пойдутъ въ трудѣ,—какъ выражается Гронлёндъ, — слѣдуя указаніямъ физіологіи, *рука объ руку другъ съ другомъ, но разными дорожками.* Раздѣленіе труда, этотъ базисъ нашей цивилизаціи, будетъ довершено только тогда, когда распространится на *оба* пола» **), т.-е. каждый полъ будетъ имѣть свою самостоятельную область труда, вмѣсто того, чтобы тратить силы на безсмысленную и вредную для слабѣйшей стороны борьбу современной экономической жизни.

*) *Gronlund.* стр. 195.

**) Тамъ же, стр. 196.

Положеніе женщины настоящаго времени, по мнѣнію американскихъ мечтателей, ненормально во многихъ отношеніяхъ и прежде всего уже въ томъ, что она всю жизнь экономически зависитъ отъ кого-нибудь—отъ родителей, брата, мужа, часто собственныхъ дѣтей, обстоятельство, которое не только противорѣчитъ нравственному чувству, но лишаетъ женщину всякой личной свободы и наноситъ ущербъ ея достоинству. Описанная экономическая реформа въ будущемъ человѣчествѣ измѣнитъ рѣшительно весь этотъ порядокъ. Всѣ люди будутъ тогда связаны гораздо болѣе тѣсными узами; но такъ какъ факторы производства отойдутъ къ государству, то и всякая непосредственная матеріальная зависимость другъ отъ друга прекратится, и всѣ члены общества, независимые въ матеріальномъ отношеніи другъ отъ друга, будутъ получать отъ государства *одинаковое содержаніе за свой трудъ*. Женщина будетъ имѣть свое опредѣленное поле дѣятельности, свое честолюбіе и свою карьеру и будетъ чувствовать себя вполнѣ независимой и счастливой. Женщина не пожалѣетъ тогда, какъ часто случается теперь, о томъ, что родилась женщиной, а родители не посѣтуютъ, что у нихъ родилась дѣвочка, а не мальчикъ. Замужество не будетъ болѣе для женщины своего рода тюремнымъ заключеніемъ, какимъ оно являлось нерѣдко для многихъ браковъ до настоящаго времени; оно отнюдь не будетъ отдѣлять женщину цѣлою пропастью отъ общихъ и важнѣйшихъ интересовъ всего народа. Лишь материнство, наполняющее сердце женщины своими новыми интересами, и то временно, удалитъ ее отъ свѣта съ его вопросами и задачами, но она всегда можетъ вернуться къ нему, когда только захочетъ.

Съ перемѣной общаго экономическаго положенія измѣнятся самыя условія заключенія браковъ: ни женихъ, ни невѣста при будущемъ строѣ ничего не выигрываютъ въ матеріальномъ отношеніи отъ своего союза, а потому, разумѣется, браки сдѣлаются возможны исключительно по влеченію, по взаимной любви. Результатъ такихъ браковъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній самъ собой понятенъ: въ первый, можетъ быть, разъ въ человѣческой исторіи принципъ полового подбора съ его тенденціей сохранить и распространить наилучшіе типы расы, вытѣсняя худшіе, получитъ свое полное и неограниченное примѣненіе. Нужды бѣдности, желаніе обзавестись своимъ домомъ, или другія искушенія не будутъ тогда толкать женщину на неосторожный шагъ избирать отцомъ своихъ будущихъ дѣтей человѣка, котораго она не любитъ, или не уважаетъ. Богатство и рангъ не будутъ тогда отвращать вниманіе отъ личныхъ качествъ. Дары

внѣшніе и внутренніе человѣка, каковы: красота, умъ, краснорѣчіе, острота разума, доброта, благородство и мужество—будутъ болѣе безпрепятственно цѣниться обѣими брачущимися сторонами и передаваться потомству, что̀ поведетъ за собою дальнѣйшее совершенствованіе расы и прочное благополучіе людей. Въ заключеніе, благодаря описаннымъ условіямъ, браки сдѣлаются почти всеобщими, и пороки, вызываемые нынѣ безбрачіемъ, прекратятся. Холостыми останутся исключительно лица, которыя не нашли себѣ сочувственной половины лишь вслѣдствіе крупныхъ природныхъ недостатковъ, или потому, что оказались слишкомъ плохими въ области житейскаго труда. Такимъ образомъ, индивидуализмъ, составляющій основаніе и характернѣйшую черту всего современнаго намъ строя, является нынѣ крайне пагубнымъ не только въ отношеніи чувства солидарности и сознанія общихъ интересовъ въ живущемъ поколѣніи, но равно вредитъ и осуществленію отвѣтственности этого поколѣнія предъ его потомками. Чувство этой отвѣтственности, практически непризнаваемое во всѣ предшествовавшіе вѣка, сдѣлается, наоборотъ, по утвержденію Беллами, великой этической идеей грядущей расы, усиливая, вмѣстѣ съ развитіемъ сознанія долга, естественный импульсъ искать для брака лучшее и благороднѣйшее лицо другого пола. Въ концѣ концовъ, должно послѣдовать общее улучшеніе расы и подъемъ въ физическомъ и въ духовномъ отношеніи.

Но какъ ни быстро, вслѣдствіе вышеописанныхъ условій, будетъ совершенствоваться человѣческій родъ, тѣмъ не менѣе онъ никогда не можетъ освободиться совершенно отъ такихъ лицъ, которыя физически неспособны поддерживать существованіе лишь собственными силами и подлежатъ нынѣ вѣдѣнію общественнаго призрѣнія или благотворительности, Спрашивается: что̀ будетъ въ фантастическомъ государствѣ американскихъ мечтателей съ слѣпыми, сумасшедшими, неизлечимо больными и пр.? На этотъ предложенный вопросъ Беллами отвѣчаетъ слѣдующимъ категорическимъ образомъ: промышленная армія будущаго имѣетъ особое отдѣленіе—«инвалидный корпусъ», члены котораго будутъ обязываться исключительно легкой работой, сообразно ихъ силамъ. Всѣ неизлечимо-больные, слѣпые и глухіе, безрукіе и психически-больные и т. п. принадлежатъ къ инвалидному корпусу, но живутъ не праздно, а также трудятся, какъ могутъ и надъ чѣмъ могутъ, подъ руководствомъ своихъ блюстителей или родственниковъ. Одни больные исполняютъ почти то же, что̀ и здоровые люди, другіе—ничего, но даже и сумасшедшіе, въ ихъ свѣтлые промежутки, видя трудъ вокругъ себя, пріучаются къ какому-либо дѣлу.

При всемъ этомъ объ организаціи благотворительности на теперешній манеръ не можетъ быть и рѣчи, ибо члены инвалиднаго корпуса будутъ получать отъ государства тотъ же самый кредитъ, тотъ же самый доходъ, какъ и вполнѣ здоровые работники, ни больше, ни меньше... «Если вы имѣете у себя въ домѣ больного брата, неспособнаго къ труду, развѣ вы будете питать его хуже, помѣщать и одѣвать бѣднѣе, чѣмъ себя самого? Скорѣе даже вы отдадите этому несчастному предпочтеніе въ этомъ отношеніи предъ собой и, разумѣется, такой поступокъ не назовете благотворительностью... Солидарность расы и братство людей перестанутъ со временемъ быть пустой фразой, а сдѣлаются связью столь же жизненной и тѣсной, какъ въ XIX вѣкѣ братство кровное»... Чѣмъ болѣе цивилизація ростетъ и трудъ раздѣляется и дробится, тѣмъ сильнѣе становятся внугреннія узы, обхватывающія сначала расу, а позднѣе и все человѣчество, что бы ни говорили противъ этого положенія теперешнія войны и кровопролитія: сложная взаимная зависимость людей другъ отъ друга, а черезъ то и связь становится всеобщимъ правиломъ... Даже въ современномъ мірѣ, съ его крайнимъ индивидуализмомъ, повинность военной службы для защиты отечества, обязательная исключительно для способныхъ къ ней, отнюдь однако не лишаетъ гражданскихъ правъ тѣхъ лицъ, которыя къ ней неспособны по описаннымъ причинамъ. Въ будущемъ человѣчествѣ, какъ знаемъ, промышленная организація и повинность будутъ соотвѣтствовать настоящей военной, и очевидно, со всѣми тѣми же послѣдствіями. То-есть, требованіе промышленной службы отъ всѣхъ способныхъ отнюдь не даетъ основанія на лишеніе права каждаго гражданина на извѣстное содержаніе (кредитъ) отъ государства за то только, что онъ оказывается неспособенъ работать какъ прочіе, по независящимъ отъ его воли причинамъ... Какъ нынѣ признается всюду долгъ сильнаго сражаться за слабаго, такъ въ будущемъ получитъ право гражданства долгъ того же сильнаго работать за собрата, лишеннаго къ тому возможности...

Понятно, что такія воззрѣнія человѣка на свой долгъ въ отношеніи къ ближнимъ могутъ получить примѣненіе въ житейской практикѣ лишь при высокой степени гуманитарнаго образованія цѣлаго народа. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи граждане фантастическаго государства отличаются отъ современнаго свѣта не меньше, чѣмъ и своимъ экономическимъ бытомъ. Главная разница заключается уже въ томъ, что въ XXI вѣкѣ всѣ лица *будутъ имѣть право на высшее образованіе*... Высшее образованіе будетъ сдѣлано столь же дешевымъ и всѣмъ доступнымъ, какъ въ XIX столѣтіи первоначальное образова-

ніе народа въ наиболѣе культурныхъ странахъ. Обыкновенная школьная система принудительнаго образованія современной Америки и Европы постепенно будетъ расширяться и увеличиваться интенсивно, пока не дойдетъ до размѣровъ высшаго образованія, нужнаго для каждаго человѣка, желающаго воспользоваться не начатками только въ родѣ грамоты и знакомства съ таблицей умноженія, но и плодами знаній. Для этой именно цѣли начальный терминъ промышленной службы или повинности, какъ мы видѣли, и отстроченъ до 21 года, чтобы дать каждому возможность получить высшее общечеловѣческое образованіе: спеціализація, какъ было упомянуто, для желающихъ посвятить себя свободнымъ профессіямъ, наступитъ позднѣе—въ возрастѣ 24 лѣтъ, послѣ трехъ первыхъ годовъ службы въ промышленной арміи въ качествѣ чернорабочаго. Всѣ люди будущаго начинаютъ съ ручного труда и огромное большинство будетъ имъ заниматься и всю свою жизнь, при одинаково высокомъ образованіи, а потому постепенно утратится старая привычка связывать всякую ручную работу съ грубымъ и невѣжественнымъ классомъ народа. Привилегія немногихъ зажиточныхъ классовъ превратится въ общенародное достояніе; по крайней мѣрѣ высшая степень образованія сдѣлается достижима, обратно съ настоящимъ временемъ, для всякаго желающаго ее получить. «Мы теперь убѣждены,—такъ разсуждаетъ человѣкъ XXI столѣтія,—что не стоило бы жить, еслибы кучкѣ образованныхъ людей приходилось быть постоянно окруженной цѣлымъ населеніемъ невѣжественныхъ, грубыхъ и неотесанныхъ мужчинъ и женщинъ, какъ это было въ XIX вѣкѣ... Развѣ человѣкъ, которому предстоитъ толкаться среди грязной вонючей толпы, удовлетворился бы тѣмъ, что надушилъ бы себя лично тончайшими благовоніями? Точно также развѣ вы были бы довольны пышными палатами, которыхъ окна выходили бы въ конюшню?.. А между тѣмъ именно въ такомъ положеніи и находились всѣ образованные, культурные люди XIX столѣтія... такіе люди напоминаютъ собой чудака, который завязъ по шею въ смрадной трясинѣ и утѣшалъ бы себя, нюхая флаконъ тонкихъ духовъ... Короче, для человѣка истинно просвѣщеннаго нѣтъ болѣе важнаго дѣла, какъ видѣть всѣхъ своихъ сосѣдей счастливыми и одинаково образованными людьми» *)...

Не нужно впрочемъ думать, что, преслѣдуя въ своей фантазіи эти двѣ высокія цѣли человѣческаго существованія, Беллами и Гронлёндъ, подобно многимъ другимъ реформаторамъ, не щадятъ никакихъ на-

*) *Беллами* стр. 162 и далѣе; *Гронлёндъ*, стр. 211 и пр.

родныхъ привычекъ и учрежденій, разъ онѣ не подходятъ къ ихъ идеаламъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи они ведутъ себя сравнительно благоразумнѣе, не касаясь совершенно такихъ свойствъ человѣка и сторонъ общежитія, которыя хотя и построены на современномъ индивидуализмѣ, но не могутъ принести ущерба описанному ими строю будущаго человѣчества. Такъ, совершенно обратно съ соціалистами, оба писателя при будущемъ порядкѣ не только признаютъ священнымъ право частной собственности, но и сохраняютъ институтъ наслѣдованія. Государство, какъ мы знаемъ, въ американской фантазіи является единственнымъ собственникомъ земли и орудій производства, т.-е. единственнымъ предпринимателемъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы вся личная свобода человѣка была поглощена или связана государствомъ, какъ это дѣйствительно имѣетъ мѣсто у Плутарха (*Жизнь Ликурга*), Платона (*Государство*) и другихъ болѣе новыхъ мечтаніяхъ. Фантастическое государство американскихъ мечтателей имѣетъ основное постановленіе, что всякое лицо *обязано* извѣстный періодъ своей жизни непремѣнно служить—трудиться для націи, и *не имѣетъ въ этомъ только смысла свободы выбора*, практиковавшейся въ XIX столѣтіи, т.-е. работать или не работать, и въ послѣднемъ случаѣ красть или голодать... Каждый гражданинъ будущаго государства, какъ знаемъ, будетъ имѣть свой кредитъ отъ казны, замѣняющій заработную плату; каждый воленъ въ размѣрахъ этого кредита дѣлать что́ угодно, т.-е. расходовать его, какъ пожелаетъ и на какіе предметы хочетъ. Кредитъ прекращается со смертью лица (за исключеніемъ опредѣленныхъ расходовъ на похороны), но за то всѣ предметы движимости, въ теченіе жизни пріобрѣтенные на этотъ кредитъ или лично сработанные, каждому предоставляется свободно передавать и завѣщать, кому угодно.

Съ перваго взгляда можно подумать, что большое количество подобныхъ наслѣдствъ можетъ нарушить то имущественное равенство которое характеризуетъ фантастическое государство будущаго. Въ дѣйствительности этого быть не можетъ и подобной опасности для системы не предстоитъ: въ настоящее время, если человѣкъ имѣетъ домъ, наполненный рѣдкою утварью богатой, золотой, серебряной посудой, вообще дорогими вещами, то можетъ себя почитать богатымъ, ибо всегда въ состояніи превратить всю эту движимость въ наличныя деньги. Совсѣмъ другое дѣло въ описанномъ будущемъ государствѣ: въ XXI вѣкѣ, человѣкъ, который получилъ бы въ наслѣдство отъ родственниковъ подобную обстановку, счелъ бы себя, пожалуй, глубоко несчастнымъ. Ни денегъ, ни частной торговли тогда болѣе не суще-

ствуетъ, а потому единственный способъ пользованія подобнымъ имуществомъ—это его дѣйствительное употребленіе. Съ другой стороны, доходъ лица послѣ наслѣдства остается старый, въ предѣлахъ того же «трудового кредита», а слѣдовательно, при значительныхъ размѣрахъ движимости, можетъ быть, весь годовой кредитъ пришлось бы истратить лишь на наемъ помѣщеній для храненія полученныхъ въ наслѣдство вещей. Въ результатѣ каждый будетъ принимать подобное наслѣдство исключительно въ предѣлахъ возможнаго личнаго пользованія такимъ имуществомъ, а затѣмъ все превосходящее эту мѣру поспѣшитъ раздать друзьямъ на память о покойномъ, или откажется прямо въ пользу государства. Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, отъ подобныхъ сбереженій, какъ и ихъ наслѣдованія, никакой опасности для будущаго государства съ его экономическимъ равенствомъ не предстоитъ, а между тѣмъ, обратно съ распространенными соціалистическими теоріями, Беллами и Гронлёндъ сберегаютъ для будущаго строя своего воображаемаго государства такую характерную черту временной жизни, которую устранить совсѣмъ было бы невозможно, да и нежелательно *).

Всѣ описанныя доселѣ перемѣны экономическаго характера, а равно и распространеніе высшаго образованія въ большой массѣ народа необходимо должны привести въ фантастическомъ государствѣ и къ измѣненію народной нравственности, въ смыслѣ ея значительнаго улучшенія. Разъ огромнѣйшая часть собственности находится въ рукахъ государства, доходъ всѣхъ людей одинаковъ и бѣдности больше не существуетъ, то, разумѣется, не будетъ больше мотивовъ и къ цѣлой многочисленной категоріи преступленій противъ имущества; съ другой стороны, высокое образованіе, если не всего, то хоть большинства народа положитъ конецъ грубости нравовъ и многимъ правонарушеніямъ противъ личности. Такимъ образомъ, всѣ заранѣе поставленныя посылки цѣпляются другъ за друга и логически ведутъ къ заключенію о значительномъ моральномъ усовершенствованіи всего населенія фантастическаго государства. Дѣйствительно, по утвержденію Беллами и Гронлёнда, въ XXI вѣкѣ тюрьмы уже болѣе существовать не будутъ, хотя въ то же время суды, значительно упрощенные, будутъ продолжать свою дѣятельность, но въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Девять-десятыхъ преступленій противъ имущества, при измѣнившихся экономическихъ отношеніяхъ, совсѣмъ прекратятся, а всѣ проступки иного рода настолько численно уменьшатся, что на нихъ станутъ

*) *Гронлёндъ*, стр. 139; *Беллами*, 87.

смотрѣтъ какъ на *атавизмъ*, или наслѣдственную передачу свойствъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ, которыя требуютъ тщательнаго леченія въ больницахъ, куда и станутъ поступать всѣ преступники, вмѣсто тюрьмы (!?) *).

Точно такъ же легко какъ въ вопросѣ о преступности и наклонности къ ней, Беллами расправляется и съ другимъ вѣчнымъ бичомъ человѣчества—войной; онъ по-просту упраздняетъ ее, не давая себѣ даже на этотъ разъ и труда объяснить, почему именно такъ будетъ: «мы не ведемъ теперь (т.-е. въ XXI в.) болѣе войнъ,—говоритъ д-ръ Литъ,—и наше правительство не представляетъ собой военной державы» (!).

Ограничимся до сихъ поръ приведенными свѣдѣніями для знакомства съ устройствомъ и бытомъ фантастическаго будущаго американскаго государства; мы могли бы добавить, конечно, много подробностей изъ частной и общественной жизни людей XXI столѣтія, напримѣръ разсказать объ ихъ общихъ обѣдахъ и мастерскихъ, о домашней жизни при полномъ отсутствіи прислуги и т. д., но всѣ эти черты быта вполнѣ случайны, не всегда вытекаютъ изъ поставленныхъ ими въ основаніе положеній, почему иногда и сами авторы (Беллами и Гронлёндъ) другъ съ другомъ въ этомъ отношеніи не согласны.

Вмѣсто всѣхъ этихъ деталей остановимся еще разъ и постараемся суммировать все, что́ приводится ими противъ современнаго намъ экономическаго быта и въ пользу строя будущаго человѣчества, сравнительно съ настоящимъ.

Собственно говоря, оба сочиненія въ значительной части своего содержанія преслѣдуютъ именно отрицательную цѣль — критическое изслѣдованіе и перечисленіе разнородныхъ недостатковъ преимущественно экономическаго быта современнаго человѣчества, но особое вниманіе на этой сторонѣ останавливаетъ Беллами и, пользуясь свободой романиста въ своемъ произведеніи, въ двухъ притчахъ или метафорическихъ картинахъ такъ живописуетъ это положеніе людей и долгія попытки исправить его къ лучшему. «Чтобы все дѣло представить нагляднѣе,—говоритъ проповѣдникъ XXI вѣка Бартонъ о нашемъ времени,—можно сравнить человѣчество въ старое время (т.-е. наше) съ розовымъ кустомъ, посаженнымъ въ болотистой почвѣ, который орошается грязной стоячею водой, днемъ дышетъ міазмами, а ночью отравляется ядовитой росой. Безчисленныя поколѣнія садовниковъ дѣлали все, что́ могли, чтобы заставить кустъ цвѣсти, но все

*) *Беллами*, стр. 149; *Гронлёндъ*, стр. 236.

было напрасно, и роза едва успѣвала полураскрыть бутонъ, какъ уже внутри его показывался червь. Поэтому многіе, отчаявшись, начали утверждать, что этотъ кустъ представляетъ не болѣе какъ сорную траву, которую слѣдуетъ вырвать съ корнемъ и сжечь. Садовники бо́льшею частью однако держались мнѣнія, что кустъ принадлежитъ къ семейству розъ, но что какая-то неизлечимая болѣзнь препятствуетъ почкамъ развиться въ цвѣтокъ Были даже немногіе, которые увѣряли, что стволъ растенія совершенно здоровъ, что вся причина въ болотѣ, въ которое онъ посаженъ, и что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ растеніе поправилось бы. Эти послѣдніе, впрочемъ, не были настоящіе, профессіональные садовники, а потому ихъ мнѣніемъ пренебрегали, осуждая ихъ самихъ какъ теоретиковъ, доктринеровъ и фантазеровъ. Кромѣ того, были философы-моралисты, которые, даже соглашаясь съ аргументомъ, что кустъ могъ бы быть посаженъ лучше, утверждали, «что желательно произвести очень цѣнный экспериментъ и заставить розу скорѣе цвѣсти на болотѣ, нежели на хорошей почвѣ. Бутоны, которые при этомъ превратились бы въ цвѣтъ, были бы, конечно, малочисленны, самыя розы—блѣдны и лишены запаха, но зато онѣ представляли бы собой болѣе моральной силы, нежели при обыкновенной обстановкѣ, расцвѣтая въ саду при болѣе благопріятныхъ условіяхъ».

Продолжая далѣе свою аллегорію, Бартонъ повѣствуетъ, что мнѣніе садовниковъ и философовъ побѣдило, и розовый кустъ продолжалъ много лѣтъ хирѣть на своемъ прежнемъ мѣстѣ, вызывая лишь безполезныя соболѣзнованія и опыты: его поливали то тѣми, то другими растворами, но не могли уничтожить ни вредной росы, ни червей, ни заставить цвѣсти правильно. Никакой замѣтной перемѣны въ смыслѣ улучшенія не было видно. Но вотъ, выплываетъ наружу старое мнѣніе о необходимости пересадить самый кустъ, и на этотъ разъ мало-по-малу это убѣжденіе завоевываетъ себѣ побѣду и, наконецъ, загорается для розы заря лучшаго будущаго. «Розовый кустъ человѣчества пересаженъ, наконецъ, въ хорошую, сухую и теплую землю, гдѣ солнце его согрѣваетъ, звѣзды съ любовью глядятъ на него, а южный вѣтерокъ ласково колышетъ. Розанъ развился во всей красѣ, черви и роса исчезли, весь кустъ покрылся прекраснѣйшими пышными розами, благоуханіе которыхъ наполняетъ собою цѣлый міръ!» *).

Такова основная мысль автора о коренной причинѣ всѣхъ соціальныхъ золъ нашего времени, выраженная въ формѣ этой темной, рас-

*) *Беллами*, стр. 125—127.

плывчатой, хотя и поэтической аллегоріи. Причина всего, значитъ, лежитъ въ недоразумѣніи: разъ догадались, что кустъ сидитъ не на мѣстѣ, пересадили его—и вотъ, обратно съ музыкантами въ извѣстной баснѣ Крылова, все дѣло отъ одной пересадки кончилось благополучно, соціальныя бѣдствія людей прекратились (!?). Насколько же эти бѣдствія въ дѣйствительности были велики (а потому и уничтожить ихъ было трудно) и, затѣмъ, какую тяжелую картину представляетъ собою продолжительная борьба людей за существованіе, изъ-за куска хлѣба, въ наши дни, объ этомъ можно судить по другой аллегоріи автора, краски для которой положены еще гуще и рѣзче, нежели въ первомъ случаѣ. «Чтобы дать читателю,—говоритъ Беллами,—болѣе ясное понятіе о томъ, какъ народъ живетъ въ наше время и спеціально объ отношеніяхъ богатыхъ къ бѣднымъ, я не могу найти лучшаго сравненія, какъ сопоставить жизнь народа съ гигантской величины колесницей, въ которую впряжены массы людей и медленно тянутся по холмистой и песчаной дорогѣ. Кучеромъ въ этой колесницѣ сидитъ голодъ, который нещадно подгоняетъ тѣхъ, которые отстаютъ отъ товарищей и небрежно тянутъ. Несмотря на трудность движенія по дурной дорогѣ, колесница наполнена пассажирами, которые никогда не сходятъ съ экипажа, даже на самыхъ крутыхъ подъемахъ. Особенно всѣ стремятся занимать верхнія мѣста экипажа, наиболѣе удобныя и широкія; занимающіе ихъ не только далеки отъ пыли внизу, но могутъ свободно любоваться съ своего возвышеннаго мѣста окружающими пейзажами и критически обсуждать достоинство своихъ упряжныхъ. Естественно, конкурренція на эти мѣста самая сильная, и каждый заботится не только обезпечить это мѣсто за собою, но оставить его и своимъ дѣтямъ. По закону, человѣкъ можетъ оставить свое мѣсто въ колесницѣ, кому пожелаетъ, но, съ другой стороны, встрѣчается множество случайностей, вслѣдствіе которыхъ мѣсто можетъ быть потеряно; такъ, при каждомъ сильномъ толчкѣ на дорогѣ кто-нибудь падаетъ изъ экипажа и тотчасъ вынуждается, по правиламъ, стать въ упряжь и тянуть со всѣмъ народомъ тотъ самый экипажъ, на которомъ недавно такъ пріятно и комфортабельно ѣхалъ... Возможность такого несчастнаго приключенія является для всякаго пассажира тѣмъ постояннымъ облакомъ, которое окутываетъ его счастіе». Далѣе авторъ обсуждаетъ вопросъ объ отношеніяхъ и чувствахъ сѣдоковъ къ тѣмъ, которые ихъ везутъ: очень часто первые выражаютъ свое сожалѣніе къ послѣднимъ, особенно когда дорога портится, какъ это часто бываетъ, или идетъ въ гору. «Въ такія времена,—говоритъ онъ,—отчаянное напряженіе силъ тянущихъ колесницу, агонія ихъ прыжковъ и паденіе на землю, въ грязь, подъ

безпощадными ударами голода,—все это представляетъ такое печальное и тяжелое для души зрѣлище, что сверху экипажа слышатся самые сильные возгласы сочувствія и выраженія сожалѣнія. Въ такія времена пассажиры ободрительно взываютъ къ труженникамъ, которые ихъ везутъ: одни приглашаютъ ихъ къ терпѣнію и сулятъ имъ возможное вознагражденіе въ будущей жизни за тяжесть ихъ участи въ настоящей; другіе жертвуютъ что-нибудь на покупку мазей и другихъ лекарствъ для страждущихъ и поврежденныхъ (!?). Всѣ одинаково при этомъ сожалѣютъ о трудности пути и чувствуютъ себя облегченными, когда проѣдутъ особенно дурное мѣсто дороги» *).

Понятно, что эта аллегорія **) приводится авторомъ исключительно для того, чтобы болѣе оттѣнить и подчеркнуть достоинства будущаго соціальнаго строя. Преимущества эти такъ велики, по его словамъ, что, не ограничиваясь указаніями на нихъ въ теченіе всего разсказа, онъ посвящаетъ имъ особую главу (ch. XXII), трактующую вопросъ обо всѣхъ выгодахъ XXI вѣка сравнительно съ XIX вѣкомъ. Кромѣ всякихъ иныхъ соображеній, важнѣйшее преимущество перваго состоитъ въ устраненіи многочисленныхъ экономическихъ потерь или утратъ, которыя обусловливаются старымъ строемъ и бытомъ (т. е. нынѣшнимъ), сравнительно съ тѣмъ, который приписывается обоими авторами будущему человѣчеству. Потери эти являются результатомъ того, что нынѣ веденіе всей промышленности предоставлено безотвѣтственнымъ лицамъ, не имѣющимъ ни должнаго взаимнаго согласія между собою, ни даже нужнаго пониманія и знаній. Главнѣйшихъ причинъ, вызывающихъ такія потери, четыре:

Первая причина разнородныхъ потерь заключается, по мнѣнію Беллами, въ ошибочной постановкѣ предпріятій. По своей организаціи современная промышленность не имѣетъ средствъ и способовъ знать точно размѣры требованія на каждый продуктъ, а черезъ то и не можетъ позаботиться должнымъ образомъ о соотвѣтствующемъ ему предложеніи товаровъ. Поэтому всякое предпріятіе частнаго капиталиста является болѣе или менѣе сомнительною попыткой, и современный намъ предприниматель, не имѣя возможности бросить общій взглядъ на поле промышленности и потребленія (какъ это будетъ въ состояніи сдѣлать правительство въ фантастическомъ государствѣ), не можетъ никогда быть увѣреннымъ, найдетъ ли онъ потребителя сво-

*) *Беллами*, стр. 9.

**) Она почему-то обратила на себя во всѣхъ критическихъ замѣткахъ всеобщее вниманіе въ гораздо большей степени, нежели того заслуживаетъ. См., напр., *der Sociale Wegweiser*, 1889, den 15 Nov., № 15.

ему товару. Отсюда проистекаютъ значительныя для всего народнаго хозяйства потери на излишне заготовленныхъ произведеніяхъ, не нашедшихъ сбыта, и пропавшей даромъ работѣ.

Вторая значительная причина огромныхъ экономическихъ потерь настоящаго времени лежитъ въ гибельныхъ въ своемъ конечномъ результатѣ началахъ соперничества или конкурренціи. Поле современной промышленности напоминаетъ собою поле сраженія, обширное какъ цѣлый міръ, съ своими убитыми и ранеными, со множествомъ разорившихся и обнищалыхъ, нерѣдко умирающихъ съ голоду; милліоны работниковъ на этомъ полѣ тратятъ на борьбу силы и энергію, достаточную, если бы они ихъ соединили кооперативно, чтобы ихъ всѣхъ обогатить. Люди, занятые однимъ и тѣмъ же дѣломъ, одной отраслью труда, смотрятъ другъ на друга не какъ на сотоварищей и собратовъ по общему труду, а какъ на смертельныхъ враговъ, съ которыми приходится экономически бороться и нужно стараться сжить со свѣта. Стремленіе всякаго производителя, начиная съ крупнаго капиталиста и кончая послѣднимъ рабочимъ, заключается въ томъ, чтобы по возможности устранить, уничтожить всѣхъ своихъ конкуррентовъ, а если этого нельзя достигнуть, т.-е. остаться одному, то слѣдуетъ съ уцѣлѣвшими войти въ сдѣлку, соглашеніе, чтобы сколько возможно поднять цѣну на свой товаръ всякаго рода.

«Мечта каждаго производителя XIX в., по словамъ Беллами, состоитъ, поэтому, въ томъ, чтобы пріобрѣсть абсолютный контроль (монополію легальную или фактическую) относительно какого-нибудь предмета жизненной необходимости и тогда... держать публику въ состояніи, граничащемъ съ голоданіемъ, и брать цѣну, какую заблагоразсудится».

Американскіе мечтатели, какъ мы знаемъ, совершенно устраняютъ въ своемъ государствѣ начало конкурренціи со всѣми ея вредными послѣдствіями и въ этомъ видятъ серьезное преимущество своей системы передъ существующей.

Третья причина важныхъ потерь для народнаго хозяйства каждой современной страны состоитъ въ промышленно-торговыхъ кризисахъ, разоряющихъ милліоны людей и вызываемыхъ опять-таки по мнѣнію нашихъ американцевъ исключительно поводами, лежащими въ корнѣ настоящаго экономическаго строя. Одна изъ этихъ причинъ заключается именно въ отсутствіи общаго контроля различныхъ отраслей промышленности и слѣдующей отсюда невозможности ихъ правильнаго и соотвѣтственнаго даннымъ условіямъ развитія. Одна отрасль перегоняетъ другую, и неимѣніе никакого критерія для опредѣленія раз-

мѣровъ спроса приводитъ, въ концѣ концовъ, къ *перепроизводству* (overproduction) и кризисамъ. Тому же печальному и періодическому бѣдствію современной экономической жизни, по мнѣнію американскихъ мечтателей, много способствуетъ механизмъ настоящаго денежнаго обращенія и система кредита; въ ея сущности уже лежитъ поводъ къ злоупотребленію, въ видѣ неограниченнаго расширенія этого кредита, не соотвѣтствующаго наличнымъ силамъ денежнаго обращенія. Въ будущемъ государствѣ кредитъ и деньги отмѣнены, вся промышленность ведется націей, и этими путями, по мнѣнію Беллами и Гронлёнда, разъ навсегда кладется тамъ конецъ всякимъ промышленно-торговымъ кризисамъ, со всѣми ихъ потерями, вызываемыми не только разореніемъ, но и временною пріостановкой промышленности и вынужденнымъ бездѣйствіемъ рукъ и капитала.

Въ заключеніе упомянемъ, что превосходство экономической системы, сочиненной американскими фантазерами, отнюдь не ограничивается лишь однѣми *отрицательными выгодами*, или устраненіемъ тѣхъ или иныхъ недостатковъ и золъ современнаго намъ соціальнаго строя. Нѣтъ, они утверждаютъ даже, что ихъ новый порядокъ, будто бы конца XX или начала XXI столѣтія, будетъ имѣть за себя и свои прямыя *положительныя преимущества*. Такое преимущество выразится прежде всего въ *обширной экономіи* труда, какъ механической силы, вслѣдствіе того, что въ рукахъ единаго предпринимателя, государства, возможно будетъ гораздо болѣе совершенное раздѣленіе труда и, наоборотъ, соединеніе силъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ. Наконецъ, производительность труда, *интенсивность* его при кооперації цѣлаго народа, сравнительно съ настоящимъ его раздробленіемъ на міріады отдѣльныхъ предпріятій съ ихъ самостоятельными хозяевами, враждующими другъ съ другомъ, разумѣется, должна удесятериться. Огромное развитіе интенсивности труда въ эти два періода можно удачно сопоставить, для одной страны, съ боевою годностью или военнымъ достоинствомъ толпы или орды варваровъ съ тысячами своихъ, независимыхъ другъ отъ друга, вожаковъ, съ другой же стороны, привести для параллели современную строго дисциплинированную армію подъ руководствомъ одного генерала, одной воли, напримѣръ германскую армію подъ руководствомъ Мольтке...

Таково внутреннее соотношеніе и оцѣнка теперешней экономической системы, сравнительно съ новѣйшимъ результатомъ американской фантазіи, и намъ остается теперь перейти къ другой, уже старинной фантазіи, *Утопіи* Томаса Мора, и ихъ взаимному сравненію и критикѣ.

Въ послѣдней (октябрьской) книжкѣ американскаго ученаго изданія «Экономическаго Трехмѣсячнаго журнала», издаваемаго Гарвардскимъ университетомъ въ Бостонѣ, помѣщена весьма интересная статья извѣстнаго американскаго экономиста Николая Гильмана, подъ названіемъ «Націонализмъ въ Соединенныхъ Штатахъ». Подъ этимъ названіемъ авторъ разумѣетъ особое «экономическое и политическое движеніе въ странѣ, вызванное именно этимъ романомъ Беллами» *).

Если бы подобное извѣстіе появилось въ газетахъ, это можно было бы, пожалуй, счесть за обыкновенное газетное преувеличеніе, но серьезность лучшаго экономическаго журнала и имя Гильмана, извѣстнаго своимъ крупнымъ трудомъ въ политической экономіи **), исключаетъ возможность подобныхъ предположеній. Очевидно, впечатлѣніе книжки Беллами было слишкомъ сильно, если спеціальный журналъ помѣстилъ обширный разборъ романа!..

«Широкое распространеніе этого произведенія со времени его появленія въ свѣтъ въ январѣ 1888 года,—пишетъ Гильманъ,—обязано тому факту, что серьезное чувство, съ которымъ оно написано, совпадаетъ съ глубокимъ и также широко распространеннымъ недовольствомъ существующими отношеніями. Чрезвычайное остроуміе, съ которымъ эта исторія развивается въ узкихъ предѣлахъ скуднаго вымысла и немногихъ типовъ, и артистическое изображеніе идей и нравовъ новаго общества, нарисованныхъ въ самыхъ розовыхъ краскахъ, все это вмѣстѣ заинтересовало множество читателей. Американскіе издатели (не говоря, слѣдовательно, объ англійскихъ) продали сотню тысячъ экземпляровъ. Бостонскій раввинъ сдѣлалъ ея переводъ на нѣмецкій языкъ и сообщаютъ также о переводахъ на другіе языки. Этотъ романъ въ настоящее время можетъ считаться наиболѣе своевременно появившейся книгой въ Соединенныхъ Штатахъ».

Гильманъ далѣе прямо заявляетъ, что, благодаря такому колоссальному успѣху, возможно ожидать ея вліянія на законодательство страны, и доказательствомъ именно служитъ «націоналистическое» движеніе, которое породилъ этотъ странный романъ.

Прошло всего восемь мѣсяцевъ послѣ выхода книги Беллами, и уже въ сентябрѣ 1888 года основался въ Бостонѣ «Бостонскій клубъ Беллами», позднѣе переименованный въ «Націоналистическій клубъ» съ своимъ собственнымъ журналомъ и большимъ числомъ членовъ. «Цѣль клуба или общества заключается въ *націонализаціи* промышленности

*) „The Quarterly Journal of Economics published by Harvard University“ Vol. IV, October, 1889, № 1.

**) Profit-Sharing between employer and employee by Nicholas Paine *Gilman* 1889.

и, поэтому, содѣйствіи къ осуществленію братства всего человѣчества; такъ какъ экономическая тенденція нашего вѣка благопріятствуетъ этой цѣли, то клубъ старается споспѣшествовать ея практическому усвоенію народомъ, знакомя его съ благодѣтельной идеей, лежащей въ основѣ этой задачи, и поощряя національныя и мѣстныя мѣры, пригодныя для ея достиженія».

По образцу этого бостонскаго общества къ 1 сентября 1889 года въ Америкѣ открыли дѣйствія *семнадцать* другихъ «національстическихъ клубовъ» въ разныхъ краяхъ страны, вполнѣ организованныхъ, и *шестьдесятъ восемь*, организованныхъ отчасти, и то же движеніе донынѣ продолжается *).

Это явленіе лучше всякихъ длинныхъ объясненій доказываетъ, что «Взглядъ назадъ» Беллами, съ его менѣе счастливымъ предшественникомъ Гронлёндомъ, представляетъ собой отнюдь не заурядную попытку путешествія въ фантастическій міръ будущаго и что по своему значенію онъ заслуживаетъ полнаго вниманія и нашей публики, и обстоятельной критики. Къ послѣдней мы и перейдемъ въ слѣдующей статьѣ, послѣ ознакомленія съ *Утопіей* Мора.

II.

Знаменитая «Утопія» сэра Томаса Мора появилась въ свѣтъ въ 1515—1516 году, т.-е. вскорѣ послѣ открытія Америки. Онъ былъ молодымъ человѣкомъ, всего лишь двадцати лѣтъ отъ роду, когда Колумбъ впервые вступилъ на новый неизвѣстный материкъ, имъ открытый, но которому впослѣдствіи далъ свое имя флорентинецъ Америго Веспуччи. Старую Европу волновали самые чудесные слухи о вновь открытомъ материкѣ и о разныхъ диковинкахъ и людяхъ, тамъ находящихся. Воображеніе людей, однимъ словомъ, было настроено, подготовлено и расположено вѣрить тамъ всему чудесному, и Америка съ ея неизслѣдованными странами сдѣлалась не только любимымъ мѣстомъ, куда текли со всѣхъ сторонъ авантюристы, но и любимой сценой для всякаго рода фантазій. Понятно отсюда, когда восемнадцать лѣтъ спустя Томасъ Моръ, уже умудренный опытомъ жизни и разочарованный въ ея прелестяхъ, вздумалъ написать сатиру на всѣ окружающія его дурныя стороны тогдашней экономической и политической жизни Европы и спеціально Англіи,—то мѣстомъ дѣйствія для своей фанта-

*) Объ этомъ движеніи см. статью самого Беллами, написанную имъ для вологодскаго сборника въ пользу голодающихъ „Помочь“ СПБ. 1892.

зіи онъ точно также избралъ мало изслѣдованную Америку и придалъ ей форму путешествія на неизвѣстный островъ «Утопію» (что̀ значитъ по-гречески—«нигдѣ») неизвѣстнаго путешественника Рафаэля Гитслёдэй (Hythloday—«знающій пустяки»—по-гречески). Глубокое недовольство жизнью наполняло душу великаго государственнаго человѣка Англіи XVI вѣка: на престолѣ сидѣлъ Генрихъ VIII, одинъ изъ самыхъ тиранническихъ и беззаконныхъ государей Англіи въ теченіе всей ея исторіи, который не стѣснялся ничѣмъ въ своемъ произволѣ и своихъ капризахъ. Послѣ продолжительной эпохи процвѣтанія Англія какъ будто и экономически клонилась къ упадку: бѣдность жителей усиливалась вслѣдствіе такъ-называемаго «огораживанія» полей и превращенія пашенъ въ пастбища для овецъ, благодаря начавшемуся развитію шерстянаго экспорта и собственнаго шерстянаго производства. Законодательство отличалось жестокостью, доходящей до кровожадности: для огромнаго большинства преступленій было одно лишь наказаніе—смертная казнь: вѣшали за простое воровство; вѣшали, какъ Томасъ Моръ сообщаетъ, въ его время иногда по двадцати человѣкъ на одну висѣлицу. Невѣжество, грубость, суевѣріе царили въ странѣ. Очевидно, что открытіе новаго государства съ иными нравами, иными обычаями являлось въ то время наиболѣе удобной и прекрасной формой сатиры для Мора и въ то же время давало свободу его мечтаніямъ о лучшемъ будущемъ, желательномъ для людей...

«Утопія» появилась (на латинскомъ языкѣ) въ городѣ Лувенъ во Фландріи, подъ редакціей извѣстнаго Эразма, въ бытность Томаса Мора тамъ въ качествѣ члена англійскаго посольства. Значеніе ея для Англіи, прежде всего какъ философской сатиры, было настолько хорошо понято современниками, что «Утопія» въ Англіи въ теченіе царствованія Генриха VIII не перепечатывалась. Скелетъ разсказа весьма простъ и незатѣйливъ,—обратно съ извѣстнымъ намъ романомъ Беллами. Авторъ передаетъ о своемъ пребываніи въ Антверпенѣ, гдѣ его пріятель, молодой секретарь городского магистрата, Петръ Жиль (Giles) или Эгидій, познакомилъ его съ интереснымъ путешественникомъ, упомянутымъ Рафаэлемъ Гитслёдэй, видѣвшимъ на своемъ вѣку многія малоизвѣстныя страны и съ большимъ образованіемъ соединявшимъ значительную наблюдательность и умъ. Онъ только-что вернулся изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей вновь открытой Америки, участвуя въ экспедиціи Веспуччи. Бесѣдуя съ авторомъ и съ Петромъ Жилемъ о разныхъ дурныхъ сторонахъ европейской жизни, а также англійской, которую онъ хорошо зналъ, Рафаэль, какъ образецъ превосходства во всѣхъ отношеніяхъ, приводитъ открытый имъ островъ Утопію; ознакомленіе

съ его устройствомъ и бытомъ составляетъ главную суть произведенія Томаса Мора. Разсказъ этотъ распадается на двѣ части: сначала передается бесѣда автора съ его пріятелемъ Жилемъ и Рафаэлемъ—и тутъ же длинный пересказъ Рафаэля о его спорѣ, въ бытность въ Англіи въ гостяхъ у кардинала-епископа кентербёрійскаго, съ однимъ юристомъ по поводу необходимости смертной казни для воровъ и средствъ къ уменьшенію бѣдности въ странѣ. Вся эта половина произведенія сплошь представляетъ собой критику умнаго и свѣдущаго человѣка на жестокіе нравы его времени и общества, безнравственность или точнѣе произволъ власти, что̀ выражается иногда въ формѣ иронической похвалы ей, и, наконецъ, въ указаніяхъ на тѣ коренныя причины, безъ устраненія которыхъ, по мнѣнію автора, нельзя ожидать и успѣха въ смыслѣ уменьшенія бѣдности. Вторая книга составляетъ всецѣло описаніе жителей острова Утопіи, ихъ порядковъ и нравовъ.

Возражая юристу въ его защитѣ драконовскихъ законовъ Англіи, онъ не только высказываетъ сомнѣніе въ справедливости и соразмѣрности такого страшнаго наказанія, какъ лишеніе жизни за воровство, но и сообщаетъ совершенно новую, вѣроятно, для своего времени мысль, что было бы гораздо лучше, вмѣсто подобныхъ наказаній, «постараться придумать способы, чтобы каждый человѣкъ получилъ возможность существованія безъ фатальной необходимости воровать и платиться за это жизнью» *). Затѣмъ перечисляется длинный рядъ причинъ, способствовавшихъ въ то время нищетѣ народа и косвенно—воровству; таковы безпрестанныя войны, которыя создаютъ массу калѣкъ—отставныхъ солдатъ, негодныхъ ни къ какой работѣ и въ то же время необезпеченныхъ. Само содержаніе постоянныхъ армій для многихъ странъ, особенно для Франціи, по его мнѣнію, является источникомъ большой бѣдности и косвенно—разнообразныхъ преступленій. Многочисленное джентри, безцѣльно проживающее съ безчисленными свитами дармоѣдовъ, безъ всякихъ заботъ о помощи своимъ ближнимъ, тоже не мало способствуетъ, по его мнѣнію, распространенію бѣдности и воровства. Для полученія бо̀льшаго дохода, растрачиваемаго по пустякамъ, землевладѣльцы сносятъ фермы, превращаютъ пашни въ пастбища и «кроткія отъ природы овцы, по выраженію автора,

*) То же самое пожеланіе высказываетъ и современный намъ писатель и въ настоящее время: «Настоящее общество говоритъ: помогай самъ себѣ, или ступай въ тюрьму!», а будущее общество будетъ помогать всякому, *удаливши всѣ покушенія дѣлать злое*. *Grönlund*: The Cooperative Commonwealth in its Outlines, 1886, стр. 236.

пожираютъ людей и обращаютъ въ пустыри не только деревни, но и цѣлые города». Въ заключеніе Рафаэль высказываетъ длинныя реплики противъ злоупотребленій королевской власти, какъ одной изъ причинъ, которая отвращаетъ его отъ намѣренія вступить куда-либо на службу. Тутъ же онъ указываетъ на обязанность королей не слушаться дурныхъ совѣтниковъ и сообразоваться единственно съ прямыми выгодами и благополучіемъ всего своего народа: «какъ хорошій пастухъ болѣе печется о своемъ стадѣ, нежели о себѣ, такъ долженъ заботиться и король о своемъ народѣ, и тотъ изъ нихъ находится въ заблужденіи, кто полагаетъ, что бѣдность народа можетъ служить средствомъ общественной безопасности». Авторъ въ лицѣ Рафаэля горячо возстаетъ противъ подобнаго мнѣнія, очевидно распространеннаго тогда въ обществѣ. «Кто ссорится,—восклицаетъ онъ,—больше, нежели нищіе? Кто болѣе серьезно заботится о перемѣнѣ, чѣмъ тотъ, которому неудобно жить при его настоящихъ условіяхъ? Кто смѣлѣе бросается на самыя отчаянныя предпріятія, чѣмъ тотъ, кому нечего терять и кто надѣется лишь выиграть?.. Королю достойно царствовать не надъ нищими, а надъ счастливыми и богатыми подданными»... Но авторъ въ то же время мало надѣется, чтобы могли услышать его совѣты и послѣдовать имъ. «При королевскихъ дворахъ нѣтъ мѣста,—говоритъ онъ,—для философіи» *).

Вслѣдъ за критикой и отрицаніемъ слѣдуетъ положительная сторона: изображеніе идеаловъ автора, какъ они воплотились между жителями фантастической Утопіи.

Островъ Утопія, по описанію автора имѣетъ въ длину четыреста англійскихъ миль и столько же въ ширину въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ, представляя собой фигуру полумѣсяца, въ углубленіи котораго лежитъ обширная и глубокая бухта, удобная для стоянки судовъ. Островъ густо заселенъ и имѣетъ сорокъ четыре большихъ и хорошо обстроенныхъ города, расположенныхъ довольно равномѣрно, на такомъ, приблизительно, разстояніи другъ отъ друга, что человѣкъ можетъ отъ одного города до другого достигнуть въ одни сутки перехода. Складъ жизни въ Утопіи семейный, образъ же занятій—земледѣльческій. Каждыя тридцать семействъ избираютъ ежегодно начальника, такъ-называемаго «сифогранта» или «филларха»; десять человѣкъ этихъ послѣднихъ избираютъ изъ себя другого высшаго администратора «транибора» или «архифилларха»; наконецъ, всѣ «сифогранты» въ общемъ собраніи—а ихъ до двухсотъ лишь въ одномъ главномъ городѣ Аморотѣ—

*) См. Ideal Commonwealths. Morley's Universal Library. London. 1889. «Utopia», стр. 80, 81, 82.

избираютъ пожизненно принца, который, съ помощью совѣта сифогрантовъ и управляетъ страной, причемъ важное вниманіе обращается, чтобы принцъ отнюдь не пытался лишить народъ его вольностей или обратить ихъ въ рабовъ.

Главное отличіе Утопіи отъ Европы заключается прежде всего въ организаціи собственности. Государство является тамъ единственнымъ собственникомъ какъ земли, такъ и всей прочей цѣнности, или иначе— все находится въ общей собственности, а отдѣльныя лица — лишь временные владѣльцы, которые подчиняются относительно своего владѣнія извѣстнымъ строгимъ правиламъ и узаконеніямъ, причемъ, видимо, индивидуальность въ Утопіи играетъ весьма малую роль. Живутъ, напримѣръ, всѣ семьями и притомъ недѣлимыми, такъ что женатые члены семьи остаются въ ней со своими дѣтьми и внуками, пока ихъ численность не превзошла положенную закономъ норму: никакая семья не можетъ состоять менѣе чѣмъ изъ десяти человѣкъ, не считая дѣтей, и болѣе шестнадцати человѣкъ—въ городѣ и сорока—въ деревнѣ; въ случаѣ, если семья переростетъ эти цифры, то новые ея члены или эмигрируютъ и составляютъ колонію на сосѣднемъ островѣ или материкѣ, или же причисляются къ другой малой семьѣ, составляя такимъ образомъ какъ бы новую искусственную семью. Величина деревенской семьи зависитъ какъ отъ свойствъ сельской работы и потребности въ рукахъ, такъ и отъ другой особенности организаціи Утопіи: половина каждой сельской семьи, т.-е. 20 человѣкъ, обязательно поочередно на два года переселяется въ городъ, чтобы участвовать въ городскихъ работахъ и занятіяхъ, и обратно,— и такимъ образомъ городское населеніе, повидимому, по мысли автора, постоянно, хотя частью, мѣняется съ сельскимъ, пользуясь благами той и другой жизни.

Каждая обширная семья утопійцевъ имѣетъ во главѣ своей родоначальника—патріарха, которому и подчиняются всѣ члены; кромѣ того, жены подчиняются мужьямъ, дѣти—родителямъ, а младшіе служатъ старшимъ. При сельскихъ семьяхъ допускаются еще два раба, такъ какъ рабство существуетъ въ Утопіи, хотя и въ ограниченныхъ формахъ. Вмѣстѣ съ отсутствіемъ личной собственности отсутствуютъ и деньги: все, что́ нужно, утопіецъ получаетъ на общественномъ рынкѣ даромъ, безплатно, гдѣ всего—подъ надзоромъ сифогрантовъ—запасается въ изобиліи. Главное же потребленіе—ѣда—въ городахъ совершается въ общественныхъ столовыхъ, учрежденныхъ въ каждомъ участкѣ, управляемомъ сифогрантомъ, а въ селеніяхъ—по семьямъ. Готовятъ кушанье женщины изъ всѣхъ семей поочереди; всѣ же

грязныя работы совершаются рабами. Точно также на этихъ послѣднихъ въ Утопіи возложены закономъ обязанности мясниковъ—профессія, признаваемая хотя и необходимой, но постыдной для свободнаго человѣка, одинаково съ охотой на животныхъ, которая допускается опять-таки лишь для рабовъ. Они убѣждены, что подобныя занятія непремѣнно должны способствовать загрубѣнію души и ожесточенію людей. Весь распорядокъ этотъ общественныхъ трапезъ описывается съ большою подробностью и обстоятельностью до мельчайшихъ деталей.

Главнѣйшее занятіе жителей составляетъ земледѣліе, такъ какъ нѣтъ человѣка въ Утопіи, одинаково какъ изъ мужчинъ, такъ и женщинъ, который не былъ бы съ нимъ знакомъ при описанной выше смѣнѣ городской жизни сельскою. Всѣ учатся такимъ образомъ земледѣлію съ дѣтства, частью практикой, частью въ школѣ, но кромѣ того каждый обязательно изучаетъ какое-нибудь ремесло, смотря по силамъ и по полу. Всякая семья приготовляетъ все необходимое для членовъ платье непремѣнно дома, начиная съ пряденія и ткачества и кончая его отдѣлкой и шитьемъ. На всемъ островѣ, при этомъ, носятъ всѣ лица одинаковый костюмъ, одного и того же цвѣта и покроя; различіе дѣлается лишь, конечно, для пола и затѣмъ допускается маленькая разница въ костюмѣ для холостыхъ и женатыхъ; никакихъ модъ не признается, и фасонъ не мѣняется ни лѣтомъ, ни зимой. Обыкновенно одинъ и тотъ же промыселъ, добавочный къ земледѣлію, ведется въ семьѣ и передается наслѣдственно, но если кто-либо изъ членовъ ея почувствовалъ влеченіе къ другому занятію, то ему въ такомъ случаѣ предоставляется переписаться или перейти въ другое семейство съ соотвѣтствующимъ занятіемъ. Никакихъ стѣсненій для подобныхъ перемѣнъ въ занятіяхъ, обратно съ старыми цехами въ Европѣ, въ Утопіи не существуетъ; единственно требуется, чтобы каждый трудился по мѣрѣ силъ и умѣнья, въ предѣлахъ, притомъ, указанныхъ закономъ. Главная и почти единственная обязанность сифогранта заключается именно въ наблюденіи, чтобы ни одинъ человѣкъ въ его участкѣ не оставался праздным, но въ то же время чтобъ онъ и не истощалъ свои силы безпрестанной работой съ утра до ночи, какъ возовыя животныя, какъ это встрѣчается въ Европѣ. Каждый утопіецъ обязанъ работать лишь шесть часовъ въ день: три до обѣда и три послѣ обѣда. Затѣмъ восемь часовъ они посвящаютъ на сонъ, остальное же время находится въ полномъ распоряженіи каждаго по его наклонностямъ, съ тѣмъ однако, чтобы время не уходило на совершенное бездѣлье и не вело къ распущенности.

Поэтому значительная часть ихъ свободнаго времени идетъ на чтеніе и на многочисленныя публичныя лекціи, посѣщаемыя всѣми жителями. Сверхъ того, занимаются, смотря по вкусамъ, въ своихъ садикахъ, слушаютъ или упражняются въ музыкѣ и краснорѣчіи и забавляются иногда играми, полезными физически или умственно.

Авторъ предвидѣлъ какъ бы возраженіе о недостаточности столь краткаго термина работы, какъ 6 часовъ въ сутки, для удовлетворенія всѣхъ многочисленныхъ нуждъ человѣческаго общества, и старается разными аргументами подкрѣпить свою мысль. Прежде всего онъ указываетъ на массу лицъ въ Европѣ его времени совершенно или частью праздныхъ, тогда какъ въ Утопіи всѣ одинаково работаютъ. «Во-первыхъ, говоритъ авторъ, *женщины у насъ вообще дѣлаютъ очень мало,* а вѣдь онѣ составляютъ половину человѣчества, а если нѣкоторыя женщины прилежны, то ихъ мужья часто лѣнивы; затѣмъ, примите во вниманіе огромное количество бездѣятельныхъ лицъ изъ духовенства; прибавьте къ нимъ всѣхъ богатыхъ людей, особенно землевладѣльцевъ, такъ-называемое дворянство, вмѣстѣ съ ихъ семействами; добавьте сюда всѣхъ этихъ сильныхъ и здоровыхъ лѣнтяевъ, которые нищенствуютъ въ странѣ подъ разными благовидными предлогами и ссылками. Принявши все это во вниманіе, вы увидите, что та часть человѣчества, которая дѣйствительно работаетъ и приноситъ своими трудами что-нибудь новое, далеко не такъ многочисленна, какъ вы воображали, можетъ быть, сначала». Во-вторыхъ, авторъ обращаетъ вниманіе на безполезныя для народа занятія, вызванныя на свѣтъ хозяйственной организаціей европейскаго общества, отвлекающей много рукъ отъ производительнаго труда. Сюда принадлежатъ множество ремесленниковъ, приготовляющихъ предметы роскоши или прихоти, лавочниковъ, прислуги и т. д. Наконецъ, въ-третьихъ, онъ указываетъ на неудовлетворительную экономизацію труда въ Европѣ, т. е. на безполезную затрату его при существующей системѣ по прихоти, неразсчетливости и неблагоразумію какъ хозяевъ, такъ и самихъ работниковъ.

Не зная употребленія денегъ и въ отличіе отъ Европы, утопійцы относятся совершенно иначе къ благороднымъ металламъ и драгоцѣннымъ камнямъ. Они цѣнность ихъ мѣряютъ лишь полезностью употребленія, а такъ какъ практическое примѣненіе золота, серебра и каменьевъ не важно, сравнительно съ другими металлами, то всѣ эти драгоцѣнности не только не уважаются въ Утопіи, а скорѣе презираются и пренебрегаются. Не имѣя сами денегъ, они, однако, получаютъ ихъ при сношеніяхъ съ чужестранцами въ обмѣнъ за свои товары; не пуская ихъ въ обращеніе, они держатъ эти деньги въ го-

сударственномъ складѣ, обыкновенно на случай войны, такъ какъ за это золото имѣютъ возможность нанимать иностранныхъ солдатъ. Другое употребленіе благородныхъ металловъ имѣетъ своею ближайшею цѣлью лишь возбудить къ нимъ презрѣніе въ народѣ; такъ, утопійцы ѣдятъ и пьютъ изъ каменныхъ, глиняныхъ и стеклянныхъ сосудовъ, а изъ золота и серебра выдѣлываютъ ту часть домашней утвари, которую люди обыкновенно прячутъ отъ посторонняго взгляда. Мало того, они не дѣлаютъ другихъ цѣпей для своихъ рабовъ и преступниковъ, какъ золотыя и серебряныя; дѣтямъ же даютъ вмѣсто игрушекъ драгоцѣнные камни; такимъ образомъ, въ Утопіи укоренилось полное пренебреженіе какъ къ деньгамъ, такъ и къ благороднымъ металламъ, вообще, какъ единственно годнымъ лишь на забаву дѣтей, на цѣпи рабовъ и подобныя низменныя назначенія.

Что касается происхожденія рабства въ Утопіи, то оно имѣетъ два источника: большею частью, это преступники, осужденные за какое-нибудь важное нарушеніе; они находятся на постоянной работѣ и постоянно скованы. Другая категорія рабовъ, участь которыхъ гораздо легче и обращеніе съ ними мягче—это бѣдные изъ сосѣднихъ странъ, которые пожелали поступить на службу или закабалиться въ Утопіи; обращеніе съ ними несравненно гуманнѣе; они менѣе обременены работой и всегда могутъ, когда хотятъ, покинуть свое зависимое положеніе и вернуться во-свояси. Вообще, какъ отношенія утопійцевъ къ рабамъ, такъ и другъ къ другу и къ чужестранцамъ въ значительной степени построены на другой почвѣ, нежели въ современной автору Европѣ: ихъ моральная философія основана на томъ положеніи, что истинная мудрость человѣка заключается въ томъ, что собственные интересы допустимо преслѣдовать лишь настолько, насколько это закономъ дозволяется; они считаютъ необходимымъ предпочитать общественное благо частной выгодѣ и находятъ несправедливымъ, когда человѣкъ стремится къ удовлетворенію какой-либо своей потребности, нарушая для того чужія права; напротивъ, они считаютъ знакомъ благородной и доброй души, когда человѣкъ отступается отъ собственной выгоды ради чужого добра *).

Авторъ посвящаетъ затѣмъ большое вниманіе такимъ сторонамъ жизни Утопіи, которыя уже теряютъ для нашего времени всякій практическій интересъ. Такъ, онъ трактуетъ вопросъ о военной организаціи, системѣ веденія войнъ, обращеніи съ врагами, взятыми въ плѣнъ, и со своими союзниками; знакомитъ крайне детально съ рели-

*) См. Morley. Universal Library. «Utopia», стр. 118.

гіей своего фантастическаго государства и даетъ нѣсколько курьезныхъ объясненій, относящихся къ способу заключенія тамошнихъ браковъ *). Далѣе, остальныя стороны общественной, а главное экономической жизни изображены довольно бѣгло; очевидно 375 лѣтъ тому назадъ эти вопросы не имѣли еще того значенія и не пользовались тою популярностью, какъ нынѣ; сама жизнь была еще весьма неразвита: промышленность, напримѣръ, еще не вышла изъ сферы домашняго и ремесленнаго производства и рабочаго класса, какъ отдѣльнаго сословія, не существовало. Тѣмъ не менѣе Томасъ Моръ настойчиво нѣсколько разъ возвращается къ одной и той же любимой идеѣ, которою онъ мечтаетъ осчастливить человѣчество—къ вопросу о государственной и частной собственности и деньгахъ, какъ орудіи мѣны. Такъ, въ концѣ первой книги, напримѣръ, словами Рафаэля онъ выражаетъ свое «искреннее убѣжденіе» въ невозможности на землѣ справедливости и счастія, пока существуетъ иная собственность, кромѣ государственной или общей, и пока деньги служатъ мѣриломъ всѣхъ вещей. Точно также въ концѣ второй книги онъ опять налегаетъ на мысль, что съ прекращеніемъ денегъ прекратилась бы и масса людскихъ несчастій. «Самая бѣдность,—говоритъ онъ,—для помощи которой многіе считаютъ деньги необходимыми, пала бы тогда сама собой».

Лишь одна Утопія, по мнѣнію автора, представляетъ собою благоустроенное государство, достойное этого названія; во всѣхъ же другихъ странахъ народъ лишь толкуетъ о благоустройствѣ, а думаетъ исключительно о своемъ богатствѣ, и всѣ люди живутъ лишь личными интересами, про свой собственный карманъ. Правительства всѣхъ странъ несправедливы не только тѣмъ, что оказываютъ одностороннюю заботливость объ интересахъ одного лишь класса народа (дворянства), но и потому, что пренебрегаютъ совершенно судьбою истинныхъ тружениковъ. Весь народъ пользуется трудами пахарей, рудокоповъ, кузнецовъ; когда же приходитъ къ послѣднимъ старость, болѣзнь и нужда, то всѣ забываютъ объ ихъ трудахъ и добрѣ, ими сдѣланномъ; въ награду имъ предоставлено лишь умирать въ крайней нищетѣ; богатые же часто лишь заботятся о томъ, чтобы наемную плату

*) По описанію автора, предъ заключеніемъ каждаго брака въ Утопіи происходитъ при свидѣтеляхъ взаимный осмотръ жениха и невѣсты для избѣжанія различныхъ уродствъ и болѣзней, скрытыхъ подъ платьемъ!! Одинъ изъ біографовъ Томаса Мора предполагаетъ по этому поводу, что первая жена Т. Мора (онъ былъ женатъ два раза) обладала какимъ-нибудь серьезнымъ физическимъ недостаткомъ, вѣроятно скрытымъ до брака.

рабочихъ понизить еще больше, даже путемъ закона, который они съ этою цѣлью издаютъ *).

«Утопія» кончается маленькимъ примѣчаніемъ автора къ разсказу Рафаэля; «хотя онъ (т.-е. Рафаэль),—кончаетъ Томасъ Моръ,—и ученый человѣкъ, притомъ съ большимъ знаніемъ свѣта, тѣмъ не менѣе я не могу совершенно согласиться со всѣмъ, что̀ онъ разсказываетъ; однакоже я долженъ признать, что въ «Утопіи» много такихъ вещей, что я скорѣе желалъ бы, нежели надѣялся, чтобы наше правительство имъ послѣдовало»...

III.

Если окинуть мысленно содержаніе обѣихъ знакомыхъ намъ фантазій—Мора и Беллами, раздѣленныхъ болѣе чѣмъ тремя съ половиной вѣками другъ отъ друга, то, несмотря на одну и ту же задачу, одинаковый исходный пунктъ, даже нѣкоторыя общія положенія замысла, читатель, однако, первоначально болѣе поражается ихъ глубокимъ различіемъ, нежели упомянутымъ сходствомъ. Очевидно, людскіе идеалы начала XVI вѣка и конца XIX весьма отличны другъ отъ друга. Отправная точка у обоихъ писателей одна и та же: общее благо человѣчества, какъ оно ими понимается; но понимается оно во многихъ отношеніяхъ совершенно различно. «Люди благоденствуютъ тамъ и сямъ»—въ Утопіи Мора и въ Бостонѣ XXI вѣка у Беллами, но понятіе этого благоденствія за триста слишкомъ лѣтъ весьма измѣнилось. Въ Утопіи Мора люди безличны и лишены воли, всецѣло поглощенной государствомъ или общиной: утопійцы строго подчинены своимъ сифогрантамъ на каждомъ шагу своей личной дѣятельности; они не могутъ работать больше или меньше, нежели это дозволено закономъ; они не могутъ носить другого платья, иного фасона или цвѣта, жить въ другомъ жилищѣ, кромѣ того, какой законъ указываетъ; они не могутъ располагать своей семьей иначе, какъ это допускается закономъ,—напримѣръ, не могутъ выдѣлиться изъ нея или даже обратиться къ иному занятію, не мѣняя той семьи, или, точнѣе, рода, съ которымъ утопіецъ не можетъ даже отлучиться изъ своего мѣстожительства безъ разрѣшенія сифогранта и не можетъ путешествовать безъ паспорта отъ своего принца. Въ современной американской фантазіи Беллами свобода людей въ XXI вѣкѣ, правда, ограничена, условна, но тѣмъ не менѣе дѣйствующія лица его фантазіи

*) Здѣсь очевидный намекъ на таксу заработной платы, много сотъ лѣтъ существовавшую въ Англіи и уничтоженную лишь въ концѣ прошлаго вѣка.

сохраняютъ широкое право располагать, какъ хотятъ, своими поступками и, до извѣстной степени, своей собственностью; они не только имѣютъ право по своему личному усмотрѣнію тратить свой заработокъ («трудовые чеки»), но и вполнѣ распоряжаются имъ, оставляя даже по наслѣдству свои вещи близкимъ и знакомымъ. Внѣшній же образъ жизни и вообще вся житейская обстановка нашего времени, насколько можно судить, въ фантазіи Беллами, какъ и Гронлёнда, оставлены неприкосновенными и для будущаго.

Очевидно, такое глубокое внутреннее различіе двухъ идеаловъ народнаго благополучія двухъ мыслителей начала XVI и конца XIX вѣка нельзя объяснить случаемъ или только личными воззрѣніями авторовъ ихъ, а лишь продолжительнымъ временемъ, длиннымъ періодомъ индивидуализма и господства началъ личной свободы, которые ихъ отдѣляютъ другъ отъ друга. Въ этомъ случаѣ уже весьма много сдѣлалъ одинъ лишь XVIII вѣкъ, съ его скептическимъ отношеніемъ къ существовавшимъ учрежденіямъ и стремленіемъ къ широкой индивидуальной свободѣ. Онъ принесъ съ собой господство разума, признаніе вѣротерпимости, свободу изслѣдованія, но въ связи съ ними и начало свободной конкуренціи, возвѣщенное и установленное трудомъ Смита; а оно привело въ свою очередь за собой, какъ необходимое послѣдствіе, и то разнообразное зло для людей, которое породило и самое появленіе на свѣтъ фантазіи Беллами. Такимъ образомъ, на различіи обоихъ идеаловъ лежитъ прежде всего печать времени.

Далѣе, у Мора въ его фантазіи главная забота заключается во внѣшнемъ устройствѣ человѣчества, въ политической сторонѣ быта, у Беллами же—въ экономической сторонѣ. Во всемъ произведеніи Мора на первомъ планѣ проглядываетъ недовѣріе къ власти и мечтаніе о необходимости той или иной ея передѣлки, недовѣріе тѣмъ болѣе странное, когда оно высказывается устами государственнаго человѣка и впослѣдствіи канцлера великаго государства. Въ отношеніи религіи, напримѣръ, Томасъ Моръ рекомендуетъ государственной власти самую широкую свободу, ставя ей какъ образецъ тѣхъ же самыхъ утопійцевъ, гдѣ каждый не только исповѣдуетъ религію, какую хочетъ, но можетъ свободно привлекать къ ней и другихъ лицъ силою убѣжденія и дружественныхъ увѣщаній, «но безъ всякой для нихъ горечи», не говоря уже о насиліяхъ, за которыя полагается въ Утопіи строгое наказаніе, кѣмъ бы насиліе ни было оказано. Вмѣстѣ съ Платономъ Томасъ Моръ выражаетъ убѣжденіе, что «народы будутъ счастливы лишь тогда, когда философы сдѣлаются королями или короли сдѣлаются философами» (стр. 75). Но тутъ же, нѣсколькими страницами ниже (стр. 82), выра-

жается сомнѣніе, «чтобы для философіи нашлось мѣсто при дворѣ принцевъ» (очевидно, здѣсь подъ философіей разумѣется здравое и умѣлое управленіе страной). Не ограничиваясь этимъ утвержденіемъ, въ разныхъ видахъ, повторяемымъ въ произведеніи по поводу тѣхъ или иныхъ недостатковъ и злоупотребленій власти, Моръ стремится подорвать даже довѣріе къ необходимости со стороны подданныхъ доставлять своему правительству большія суммы денегъ для нуждъ государственнаго казначейства. Онъ рекомендуетъ примѣръ народа макарійцевъ, живущихъ недалеко отъ Утопіи, у которыхъ король въ день восшествія на престолъ обязуется торжественною клятвою отнюдь не допускать, чтобы въ его сокровищницѣ накоплялось болѣе одной тысячи фунтовъ денегъ,—«дабы народъ не бѣднѣлъ,—объясняетъ онъ дальше,—а король не могъ нарушать права народа». Видимо, все окружающее въ Англіи и Европѣ того времени питало сильное недовѣріе къ тогдашней власти.

Все это значительно измѣнилось съ тѣхъ поръ: соотечественники и современники другого нашего фантазера, американца Беллами, не имѣютъ уже нынѣ необходимости волноваться заботами о свободѣ совѣсти или посвящать свое время исключительно критикѣ или обличенію различныхъ злоупотребленій власти. Вся политическая машина, какъ въ Америкѣ, такъ и на родинѣ Томаса Мора—въ Англіи за три съ половиною вѣка значительно усовершенствовалась и улучшилась и уже не является главной злобой дня. Для американцевъ и европейцевъ XIX вѣка, одинаково, важность политическихъ интересовъ въ значительной степени затемняется еще бо̀льшею серьезностью экономическихъ, и главнѣйшее вниманіе поглощено свободной конкурренціей и ея послѣдствіями. Ни въ чемъ такъ рѣзко не сказывается различіе двухъ народныхъ идеаловъ за разныя эпохи, какъ именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи; замѣчательно, что самое слово *конкурренція* ни разу не встрѣчается въ произведеніи Мора, какъ будто тогда его не было, и во всякомъ случаѣ оно не имѣло своего нынѣшняго громаднаго значенія. Въ эпоху Томаса Мора, т. е. въ первой половинѣ XVI вѣка, вся внутренняя государственная политика отличалась такимъ широкимъ вмѣшательствомъ правительства въ частную жизнь подданныхъ, о какомъ послѣдующая исторія не знаетъ, а въ настоящее время едва ли кто мечтаетъ. Весьма долго законы Англіи предписывали каждому подданному, во что̀ онъ долженъ одѣваться и что̀ ѣсть, и всего лишь за три года до появленія въ свѣтъ «Утопіи» Томаса Мора прошелъ новый законъ, установившій обязательную таксу заработной платы для различныхъ видовъ труда (3 und 6 Henry VIII). Любопытно знать,

что, хотя рабочіе этой платой не были довольны и самъ Томасъ Моръ, какъ мы видѣли, считалъ ее несправедливо малой и установленной въ интересахъ нанимателей,—тѣмъ не менѣе экономическое положеніе тогдашняго рабочаго было много выше настоящаго. Взявши за основаніе эту таксу и переведя ее на нынѣшнія деньги, извѣстный англійскій историкъ Фраудъ получилъ 20 шиллинговъ въ недѣлю для такихъ категорій труда, которыя нынѣ получаютъ лишь отъ 12 до 15, не считая многихъ иныхъ экономическихъ выгодъ тогдашней жизни *). Но всего поразительнѣе законодательное отрицаніе, въ XVI вѣкѣ, началъ конкурренціи выразилось нѣсколько позднѣе (въ годъ отставки Мора отъ его канцелярской должности), въ 1533 году, когда прошелъ, не смотря на опозицію землевладѣльцевъ, терявшихъ большія выгоды, законъ противъ дальнѣйшаго развитія овцеводства, на которое такъ жаловался Томасъ Моръ въ «Утопіи». Актъ этотъ воспретилъ одному лицу болѣе двухъ тысячъ овецъ и болѣе двухъ фермъ въ однѣхъ рукахъ, чтобы не лишать другихъ заработка, а земледѣльцевъ — работы.

Изъ этихъ объясненій понятно, почему Томасъ Моръ не упоминаетъ о конкурренціи, не имѣвшей въ его время никакого крупнаго значенія, подобнаго настоящему. Вся обширная область фабричной промышленности создалась также не раньше XVIII вѣка, почему Моръ не сообщаетъ о ней ничего и даже не догадывается о возможности ея возникновенія. Для него Англія еще страна по преимуществу земледѣльческая; такой же онъ дѣлаетъ и Утопію. Трудъ женщинъ, какъ мы видѣли, онъ ставитъ почти ни во что въ производствѣ. Даже гораздо позже, знаменитый отецъ политической экономіи, Адамъ Смитъ, нигдѣ въ своемъ «Богатствѣ народовъ» не упоминаетъ о промышленномъ трудѣ женщинъ, имѣя всегда въ виду, въ этомъ случаѣ, лишь одну половину рода человѣческаго—мужчинъ. Женщинѣ онъ отводитъ мѣсто у домашняго очага, лишь какъ хозяйкѣ семейства, съ сотвѣтствующими этому положенію занятіями, но отнюдь не участіемъ въ общемъ трудѣ. Прошло съ тѣхъ поръ не болѣе ста лѣтъ, какъ это взаимное отношеніе двухъ половъ къ труду успѣло рѣзко измѣниться, благодаря гигантскому росту фабричной промышленности. Главнѣйшая отрасль ея безъ сомнѣнія—это такъ-называемая обработка волокнистыхъ веществъ, и между тѣмъ въ ней именно въ Англіи женщинъ работаетъ вдвое больше, чѣмъ мужчинъ, не считая малолѣтнихъ; всего же работающихъ женщинъ на этой промышленности 61,7%, т. е. чуть не

*) *James Anthony Froude.* History of England from the fall of Wolsey to the death of Elisabeth. 1861. Vol. I. стр. 17—20.

двѣ трети всѣхъ богатствъ прядильно-ткацкой индустріи наиболѣе промышленнаго государства въ мірѣ создается слабыми женскими и дѣтскими руками (дѣтей обоего пола 11% всего числа рабочихъ), а не здоровыми мужскими! *). Такимъ образомъ, если во времена Томаса Мора «овцы пожирали людей», отнимали у нихъ хлѣбъ или заработокъ, то еще худшее дѣлается при настоящей системѣ промышленности: дѣти отнимаютъ его у родителей, жены—у мужей, такъ какъ по общему правилу, съ усовершенствованіемъ и распространеніемъ машинъ, женскій и дѣтскій трудъ повсемѣстно медленно, но постепенно вытѣсняетъ мужской.

Другое крупное различіе, которое кладетъ рука времени на два однородныя произведенія, заключается въ понятіяхъ о нравственности. Кодексъ нравственности Томаса Мора и его хваленыхъ утопійцевъ совершенно не соотвѣтствуетъ нашимъ нынѣшнимъ воззрѣніямъ и претитъ имъ во многихъ отношеніяхъ. Мы уже знаемъ, что онъ допускаетъ рабство, хотя и въ исключительномъ случаѣ; рабами становятся всѣ преступники, чѣмъ искупаютъ свои преступленія, но, кромѣ того, позволяется закабалять и бѣдныхъ иностранцевъ. Въ военномъ дѣлѣ и спеціально въ войнѣ Моръ даетъ въ своемъ произведеніи такіе совѣты, которые, конечно, не могутъ вызвать сочувствія въ XIX вѣкѣ Напримѣръ: нанимать солдатъ за хорошую плату и аккуратно ее платить, но зато чаще посылать ихъ въ опасность, чтобы этимъ окупить и самую плату; рекомендуется назначать высокую награду за смерть или плѣненіе непріятельскаго полководца или короля, черезъ что посѣется недовѣріе между самими непріятелями и можетъ ускориться исходъ войны. Мало того, Моръ защищаетъ такіе подкупы отъ обвиненія въ безнравственности, называя ихъ «мудрой мѣрой». Зато единственными допустимыми поводами къ объявленію войны онъ считаетъ лишь оборону или защиту отъ вторженія въ свою страну или страну союзниковъ, или наступательную войну для освобожденія послѣднихъ отъ ига завоеванія. Еще страннѣе и въ то же время безнравственнѣе обычай въ Утопіи, который онъ рекомендуетъ вниманію читателей относительно неизлечимо больныхъ: для такихъ, съ согласія совѣта жрецовъ и врачей, допускается и даже совѣтуется самоубійство («Утопія», стр. 130).

Совершенно иной строй нравственныхъ понятій—въ американской фантазіи. Рабы замѣняются машинами, сберегающими человѣческій трудъ, а необходимѣйшая въ домѣ работа исполняется частью членами

*) Factories. Return to an Adress of the Honourable House of Commons, dated 16 May, 1878.

семьи, частью же въ общественныхъ мастерскихъ и учрежденіяхъ (напр., ѣда, стирка бѣлья, починка и проч.); какъ выражается Беллами, домашняя прислуга въ его будущемъ человѣчествѣ не будетъ существовать. Другой же фантазеръ — его единомышленникъ Гронлёндъ—ставитъ вопросъ этотъ еще рѣзче: домашняя прислуга войдетъ въ семью, составитъ ея членовъ, говоритъ онъ *). Мало того, Беллами вноситъ въ экономическую дѣятельность своего фантастическаго государства совершенно новый факторъ, о которомъ Томасъ Моръ для своихъ утопійцевъ и не мечталъ, хотя, можетъ быть, лично самъ положилъ свою голову на плаху ради него: я разумѣю чувство долга и любовь къ человѣчеству, которыя Беллами думаетъ сдѣлать двигателями людскихъ дѣйствій для будущихъ людей. Такъ, напомнимъ: въ распредѣленіи занятій въ своемъ фантастическомъ государствѣ Беллами предполагаетъ единственнымъ стимуломъ выбора непріятныхъ или опасныхъ профессій (кромѣ сокращеннаго срока работы) «чувство долга и благородное соревнованіе ради общаго блага», которыя всегда вызовутъ «охотниковъ для исполненія профессіональныхъ обязанностей, признанныхъ опасными, но въ то же время наиболѣе существенными для пользы всего государства». То же самое касается и относительно одинаковаго размѣра вознагражденія при различныхъ профессіяхъ и способностяхъ рабочихъ, предполагаемаго Беллами для будущихъ людей. Мѣсто мотивовъ матеріальнаго свойства замѣнятъ моральные, какъ это бываетъ, по его словамъ, въ XIX вѣкѣ, гдѣ двигателемъ человѣческой дѣятельности часто является не любовь къ деньгамъ, а иные мотивы высшаго нравственнаго порядка. Вообще, значеніе нравственности сознается выше и выше, и сличеніе этихъ двухъ народныхъ идеаловъ, раздѣленныхъ періодомъ времени безъ малаго въ четыреста лѣтъ, доказываетъ, намъ кажется, положительный прогрессъ въ сознаніи человѣчества. Съ теченіемъ времени смягчаются не только уголовные кодексы, но и самые нравы; ростъ симпатіи человѣка къ человѣку замѣтно увеличивается въ теченіе всего историческаго періода нашего существованія. Онъ находитъ себѣ выраженіе, напримѣръ, во множествѣ благотворительныхъ учрежденій, которыхъ численность въ нашъ индивидуалистическій вѣкъ, тѣмъ не менѣе, ростетъ и увеличивается со всѣхъ сторонъ, и въ тѣхъ могучихъ филантропическихъ движеніяхъ, которыя постепенно появляются на свѣтъ то въ той, то въ другой изъ культурныхъ странъ. Между тѣмъ

*) См. Looking Backward by Edward Bellamy стр. 89 и The Cooperative Commonwealth, *Laurence Gronlund.* 1886, стр. 240.

какъ преступленія противъ собственности замѣтно ростутъ, преступленія животнаго характера, какъ продуктъ страсти, ростутъ медленнѣе, какъ числомъ, такъ и жестокостью.

Любопытный образчикъ различія, положеннаго временемъ на содержаніе обѣихъ фантазій, заключается, между прочимъ, также въ отношеніяхъ къ вопросу о народномъ образованіи. Нѣтъ сомнѣнія, Томасъ Моръ, одинаково, какъ и наши современники, уважалъ образованіе, будучи самъ высокообразованнымъ человѣкомъ своего вѣка; но отсутствіе чего-нибудь похожаго, въ его дни, хотя бы съ нынѣшней обширной системой народнаго образованія въ культурныхъ странахъ Европы и Америки не давало ему и пищи для воображенія, а потому во всемъ своемъ произведеніи Томасъ Моръ лишь два раза мелькомъ по нѣскольку строчекъ упоминаетъ объ этомъ важномъ вопросѣ, и то — самаго общаго свойства. Дѣти въ Утопіи учатся у жрецовъ или духовенства, при чемъ они заботятся не столько обучить дѣтей грамотѣ, какъ «развить ихъ души и привычки, и вообще стараются привить гибкой душѣ дѣтей такія воззрѣнія, которыя были бы одинаково хороши какъ для нихъ самихъ, такъ и полезны для страны» *). Въ другомъ мѣстѣ говорится лишь объ единовременномъ обученіи жителей Утопіи вмѣстѣ съ земледѣліемъ и какому-нибудь мастерству. Обратно съ этимъ, какъ мы видѣли, Беллами говоритъ о народномъ образованіи будущаго человѣчества много, охотно и подробно,—конечно, имѣя передъ собой въ виду уже успѣхи, достигнутые современнымъ обществомъ. До двадцати одного года, до поступленія въ ряды промышленной арміи, всѣ люди получаютъ высшее образованіе, которое такимъ образомъ дѣлается всенароднымъ; затѣмъ три года всѣ стоятъ чернорабочими, всѣ начинаютъ съ ручного труда, а позднѣе, послѣ двадцати-четырехъ-лѣтняго возраста, каждый желающій получаетъ профессіональное образованіе въ дополненіе къ прежнему высшему. Такимъ образомъ, разница въ направленіи фантазій обоихъ писателей въ вопросѣ народнаго образованія весьма рѣзкая; сходно лишь одно: оба автора признаютъ одинаково необходимымъ физическій или ручной трудъ для всѣхъ людей безъ исключенія и устанавливаютъ его обязательность въ своихъ мечтаніяхъ о будущемъ **).

При всѣхъ описанныхъ отличіяхъ, которыя вѣка, а частью личныя свойства авторовъ наложили на двѣ разбираемыя фантазіи, глав-

*) Utopia, стр. 156.

**) Utopia, стр. 96; *Bellamy*, стр. 93, 146.

ныя основныя черты идеала оказываются, однако, одинаковыми, несмотря на всю разницу времени. Прежде всего всеобщіе миръ и гармонія царятъ между жителями обоихъ фантастическихъ государствъ (у Мора война — рѣдкость и крайность; у Беллами — совершенно отмѣнена); затѣмъ слѣдуетъ распредѣленіе всѣхъ занятій согласно личнымъ наклонностямъ и желаніямъ, и въ то же время равенство вознагражденія; общее благополучіе и довольство жизнью; укороченные часы работы (у Мора и Гронлёнда—по 6 часовъ) и въ то же время совершенное прекращеніе лѣности и тунеядства. Такова общая картина благоденствія будущаго человѣчества, такова суть народныхъ идеаловъ — одинаково и въ XVI, и въ XIX вѣкѣ, какъ выражаютъ ихъ эти мыслители. Эти цѣли, лежащія въ основѣ обѣихъ фантазій, раздѣленныхъ столь продолжительнымъ періодомъ, указываютъ и общій способъ всей реформы, которая должна произвесть эти чудеса; главнымъ образомъ онъ заключается въ отмѣнѣ нынѣшнихъ формъ собственности и денегъ. Томасъ Моръ предполагаетъ въ Утопіи общую собственность, т. е. принадлежащую всему государству, а деньги называетъ величайшимъ зломъ, которое создало чуть не всѣ несчастія на землѣ и, навѣрное, бѣдность и бо́льшую часть преступленій («Утопія», стр. 85 и 165). Одинаковыми почти словами выражается объ условіяхъ счастія человѣчества и Беллами; все различіе лишь въ названіи, такъ какъ выраженіе «общая собственность» онъ замѣняетъ: «государственная». Въ то же самое время у обоихъ замѣчается почти въ одинаковой мѣрѣ одинъ и тотъ же недостатокъ: они не даютъ достаточныхъ указаній или объясненій, какимъ образомъ, при какихъ условіяхъ такія важныя перемѣны въ устройствѣ быта человѣчества могутъ совершиться. Представлены отношенія между людьми, непохожія на наши: эгоизмъ является совершенно въ иной степени развитія и одинаково въ обѣихъ фантазіяхъ замѣщается часто самоотреченіемъ и самопожертвованіемъ, столь необычными и несхожими съ дѣйствительной жизнью. Правда, Беллами какъ бы пытается дать объясненіе, ссылаясь на законы эволюціи, согласно которымъ совершится перемѣна, но такая попытка собственно ничего не объясняетъ, ибо сами законы эволюціи еще слишкомъ мало въ этомъ отношеніи изслѣдованы и извѣстны, и, во-вторыхъ, самый способъ, или — фигурально выражаясь— мостъ, перекинутый отъ неудовлетворительнаго настоящаго къ прекрасному будущему—синдикаты и картелли и тому подобные союзы различныхъ промышленныхъ предпріятій, которымъ въ этомъ случаѣ такую важность приписываетъ Беллами, — являются совершенно но-

вымъ факторомъ экономической жизни современнаго человѣчества, о которомъ еще слишкомъ рано утверждать, что-либо положительное.

Такимъ образомъ, изъ сличенія двухъ фантазій, раздѣленныхъ другъ отъ друга 375 годами, мы должны придти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ. Какъ во времена Мора, такъ и нынѣ, для современниковъ Беллами, важнѣйшимъ факторомъ человѣческаго счастія и благополучія, хотя и въ разной степени, является устраненіе людской бѣдности и водвореніе на землѣ согласія и спокойствія. Способы для этого у обоихъ авторовъ также имѣютъ извѣстное сходство и одинаково, притомъ, чисто-внѣшніе, формальные и необоснованные. Мѣняя формы учрежденій, они думаютъ достигнуть этимъ желанной цѣли; между тѣмъ эта послѣдняя, разумѣется, находится въ тѣсной зависимости прежде всего отъ перемѣны внутренней въ человѣчествѣ, отъ его нравственнаго духовнаго перерожденія. Оба писателя, повидимому, понимаютъ слабость своей аргументаціи, обращаясь иногда къ чувству человѣческой любви, къ важности и необходимости развитія его, но при постройкѣ своихъ фантазій въ одинаковой степени уже совершенно забываютъ о благихъ пожеланіяхъ, какъ будто они были осуществлены и достигнуты. Лучше всего этотъ слабый пунктъ всѣхъ подобныхъ фантазій, впрочемъ, можно прослѣдить на книгѣ Беллами, къ разбору которой мы и обратимся.

IV.

Какъ было уже нами ранѣе упомянуто, романъ Беллами: «Взглядъ назадъ», имѣлъ чрезвычайный успѣхъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ, и особенно въ первой. Очевидно, онъ отвѣчалъ назрѣвшей потребности у людей взглянуть нѣсколько глубже на такъ-называемый соціальный вопросъ и, не ограничиваясь одной отрицательной стороной его, указаніемъ тѣхъ или иныхъ вопіющихъ недостатковъ современнаго строя, поискать возможнаго разрѣшенія сомнѣній—какъ же все устроить къ лучшему въ будущемъ, и что́ это неизвѣстное будущее обѣщаетъ. Беллами посильно отвѣтилъ на этотъ вопросъ и отвѣтилъ по разуму и по вкусу многихъ сотенъ тысячъ читателей своего произведенія; послѣднее и опредѣлило успѣхъ книги: она появилась во́-время, отвѣчала требованіямъ времени и удовлетворяла господствовавшимъ желаніямъ многочисленной нынѣ грамотной публики изъ рабочихъ классовъ.

Беллами породилъ или, точнѣе, возбудилъ въ Америкѣ особое-такъ-называемое «національстическое» движеніе, имѣющее своею за-

дачей подготовку средствъ и ускореніе къ достиженію идеала будущаго человѣчества, представленнаго въ его произведеніи. Немедленно по основаніи, новое общество сочло нужнымъ предать гласности тѣ начала, которыми оно руководствуется, или принципы своей дѣятельности. Главнѣйшіе пункты этой программы слѣдующіе: «принципы конкурренціи составляютъ лишь простое приложеніе животнаго закона о переживаніи сильнѣйшаго и хитрѣйшаго; поэтому, до тѣхъ поръ, пока конкурренція является руководящимъ факторомъ въ нашей промышленной системѣ, высшее развитіе недѣлимаго не можетъ быть достигнуто, и высшія цѣли человѣчества не могутъ быть осуществлены. Вслѣдствіе этого всякій, кто желаетъ блага людей, долженъ стараться содѣйствовать уничтоженію системы, основанной на животномъ принципѣ конкурренціи, и помогать поставить на ея мѣсто другое учрежденіе, основанное на болѣе благородномъ принципѣ—ассоціаціи». Затѣмъ, указывая на то, что пути его, избранные для достиженія поставленной цѣли, исключительно мирные, основанные на одномъ лишь убѣжденіи, лига утверждаетъ, что развитіе всевозможныхъ комбинацій и синдикатовъ въ промышленности служитъ, будто бы, лучшимъ доказательствомъ практичности и осуществимости принципа ассоціаціи, ею проповѣдуемаго. «Мы только стараемся тотъ же принципъ (т.-е. устройство комбинацій, синдикатовъ и проч.) вести нѣсколько далѣе, чтобы всѣ промыслы и занятія работали лишь въ интересѣ всего народа, народа организованнаго, а не въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ *).

Этотъ любопытный документъ повторяетъ и въ краткихъ положеніяхъ излагаетъ знакомыя намъ уже стремленія Беллами, необходимыя къ осуществленію его фантазіи. На первомъ планѣ стоитъ націонализація земли, а за нею—и большей части другой собственности. Касаясь столь важнаго условія перехода отъ настоящаго экономическаго строя къ будущему, Беллами не даетъ себѣ труда достаточно выяснить способы націонализаціи и указать тѣ пути, которыми долженъ его планъ осуществиться. Правда, онъ говоритъ, какъ мы видѣли, въ самомъ началѣ своего произведенія, о концентраціи промышленныхъ предпріятій, происходящихъ нынѣ во всѣхъ странахъ образованнаго свѣта и особенно въ Америкѣ, гдѣ разнаго рода синдикаты и картелли промышленниковъ, соединяя и безъ того обширныя предпріятія, часто акціонерныя, въ своихъ рукахъ, ведутъ во всѣхъ отрасляхъ промысловъ къ замѣнѣ многихъ мелкихъ производствъ

*) Declaration of Principles; *The Nationalist* May, 1889. Boston

немногими крупными. Это комбинированіе капиталовъ, всюду замѣтное, кончится, утверждаетъ онъ, и притомъ весьма скоро, уже въ началѣ XX вѣка сліяніемъ всѣхъ синдикатовъ въ единый синдикатъ, представленный государствомъ, къ которому перейдетъ вся собственность, и который сдѣлается единымъ капиталистомъ на мѣсто всѣхъ капиталистовъ.

Высказывая такое рѣшительное учрежденіе, Беллами оставляетъ его, однако, совершенно голословнымъ. Такъ, указанный ходъ въ исторіи развитія промышленности можетъ дать основаніе самымъ различнымъ предположеніямъ и притомъ съ одинаковою степенью вѣроятности. Какъ извѣстно, въ Америкѣ уже давно озабочены тѣмъ важнымъ зломъ для общественныхъ интересовъ, которое проистекаетъ изъ означеннаго комбинированія всевозможныхъ предпріятій въ немногихъ рукахъ, союзы или картелли которыхъ насчитываются нынѣ въ Америкѣ сотнями, ко вреду потребителей и рабочихъ. По слухамъ, тамъ уже проектируются въ настоящее время весьма рѣшительныя законодательныя мѣры противъ дальнѣйшаго хода развитія этихъ вредныхъ для интересовъ народа формъ соединенія капитала, и вполнѣ компетентные изслѣдователи, какъ напримѣръ Бэкеръ, въ его недавнемъ трудѣ («Monopolies and the People», Нью-Іоркъ, 1889 г.), нисколько не сомнѣваются въ возможности и цѣлесообразности въ этихъ видахъ установленія правительственнаго контроля и регулированія означенныхъ монополій. Если только этому будущему закону удастся разрушить или даже серьезно задержать развитіе картеллей, то что сдѣлается со всей замысловатой схемой Беллами, служащей основаніемъ націонализаціи?!

Само собою разумѣется, что до тѣхъ поръ, пока законодательныя попытки въ этомъ отношеніи не окажутся тщетными, весь исходный пунктъ реформы современнаго экономическаго быта, по Беллами, является болѣе, нежели гадательнымъ, и не имѣетъ никакого значенія. Защитники его соображеній, правда, могутъ указать на фактическое осуществленіе этой стороны его плановъ въ древнемъ Перу во времена инковъ, гдѣ вся земля, единственное богатство страны, принадлежала государству, а между тѣмъ благосостояніе жителей и вообще культура страны въ эпоху завоеванія ея испанцами достигла высокой степени развитія. Но и этотъ аргументъ, который можно привести за Беллами, едва-ли заслуживаетъ вниманія, такъ какъ благосостояніе древняго Перу достигалось путемъ полнѣйшаго рабскаго подчиненія жителей государству и уничтоженія личности, на которое не согласится не только никто изъ соотечественниковъ Беллами, но навѣрное

даже изъ современниковъ Томаса Мора. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ сэръ Генри Мэнъ, до сихъ поръ человѣчество знаетъ, къ сожалѣнію, только два рода мотивовъ и двѣ системы, съ помощью которыхъ создается человѣческое богатство и ведется хозяйство: одна система — это экономическая конкурренція, которою міръ главнымъ образомъ держится до настоящаго времени; другая—система рабскаго принудительнаго труда, подстрекаемаго кнутомъ и тюрьмой, какъ это было въ Перу.

Другой вопросъ, не менѣе спорный, въ фантазіи Беллами представляетъ собой его организація распредѣленія занятій. Какъ мы только-что упоминали, единственнымъ стимуломъ въ Бостонѣ XXI-го вѣка для принятія людьми тѣхъ или иныхъ непріятныхъ или опасныхъ занятій будетъ, по словамъ Беллами, сравнительное сокращеніе времени для нихъ,—а затѣмъ «чувство долга и благородное соревнованіе ради общаго блага». Но первый мотивъ, — хотя, нужно сознаться, весьма остроумный,—во многихъ случаяхъ, по свойствамъ производства, навѣрное окажется невыгоднымъ до полной своей непригодности. Одинъ изъ непріятнѣйшихъ и опаснѣйшихъ родовъ труда есть, безъ сомнѣнія, занятіе рудокопа (не даромъ его назначаютъ для каторжниковъ важнѣйшихъ категорій преступленій), и, чтобы сдѣлать его привлекательнымъ для людей, по теоріи Беллами, пришлось бы довести продолжительность его работы чуть не до нѣсколькихъ минутъ, и безпрестанныя смѣны рабочихъ стали бы тратить времени на подниманіе и опусканіе въ шахту и ходьбу взадъ и впередъ болѣе, нежели на самую работу! То же относится и къ занятіямъ, напримѣръ, кочегаровъ, литейщиковъ, пудлингощиковъ, выдувальщиковъ на стеклянныхъ заводахъ и многихъ иныхъ. Въ значительномъ количествѣ видовъ труда примѣненіе этого принципа до извѣстнаго предѣла оказалось бы прямо физически невозможнымъ. Что касается до ссылки на «чувство долга», то оно, конечно, можетъ имѣть значеніе въ принятіи человѣкомъ на себя непріятнаго или опаснаго предпріятія, но, какъ правило, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, чувство долга и чести сознается сравнительно небольшимъ количествомъ людей и является двигателемъ человѣческихъ дѣйствій сравнительно рѣдкимъ. Чтобы чувство это сознавалось сильнѣе и проявлялось чаще, необходимо заключить отсюда полное перевоспитаніе человѣчества въ духѣ взаимной симпатіи, но о способахъ и средствахъ осуществить такую метаморфозу Беллами почти ничего не говоритъ, а Гронлёндъ ограничивается лишь варіированіемъ въ этомъ случаѣ «Этики» Спенсера, считая фактъ такого нравствен-

наго перерожденія человѣчества въ своей «Кооперативной Республикѣ» какъ бы осуществившимся.

Въ связи съ постановкой вопроса о распредѣленіи занятій является одинаково необъяснимой и странной его система *одинаковаго* вознагражденія для всѣхъ видовъ занятій. Планъ этотъ, отнюдь не составляющій новости и лишь повторяющій извѣстную коммунистическую формулу по этому поводу («отъ каждаго—по его силѣ, каждому—по его потребностямъ»), не только противорѣчитъ всѣмъ общепризнаннымъ понятіямъ, но можетъ считаться діаметрально противоположнымъ всѣмъ свойствамъ человѣка и хозяйственной практикѣ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Нравственность людей въ смыслѣ человѣческой симпатіи, филантропіи, какъ было уже упомянуто ранѣе, правда, замѣтно возростаетъ и увеличивается, если взять для сличенія многовѣковый періодъ времени, но отсюда чрезвычайно далеко до принятія людьми за руководство смѣлаго парадокса Беллами. Ссылка его въ этомъ случаѣ на военную службу и на честь солдата и его долга, который не мѣшаетъ ему, при одинаковомъ съ своими товарищами жалованьи исполнять образцовымъ образомъ, свои обязанности,—включая сюда опасность самой смерти и иные разнообразные труды и лишенія, — слишкомъ искусственна и едва-ли основательна. Солдатъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ странъ и случаевъ, является таковымъ принудительно, въ силу повинности или въ силу большой бѣдности—въ странахъ, не имѣющихъ повинности, какъ Англія, или иногда — любви къ родинѣ и своему очагу, которому грозитъ опасность. Рабочій же въ фантастическомъ государствѣ Беллами—свободный и обезпеченный въ средствахъ существованія человѣкъ, который добровольно выбираетъ себѣ тотъ или другой родъ труда. Кромѣ того, постоянное руководство чувствомъ долга и чести дѣлаетъ изъ человѣка героя—между тѣмъ героизмъ имѣетъ мѣсто обыкновенно въ моментальныхъ проявленіяхъ (опасность, великодушіе, любовь къ ближнему), работа же длительна; поэтому, какъ справедливо замѣчаетъ Лавелэ, «честь можетъ сдѣлать героя, но не работника» *). Наконецъ, всѣ практическія попытки въ этомъ родѣ, которыхъ произошло нѣсколько въ 1848 году, между прочимъ, по иниціативѣ Луи Блана, кончились полнѣйшей неудачей. При одинаковомъ вознагражденіи въ подобныхъ ассоціаціяхъ, лѣнивый обыкновенно начиналъ отставать отъ своихъ товарищей и лѣниться, а болѣе прилежный или живой чувствовалъ себя

*) The Contemporary Review, January, 1890. Two new Utopias. *Emile de Laveleye*, стр. 14.

обиженнымъ и пытался упрекать перваго; въ концѣ концовъ, начиналось съ мелкихъ ссоръ, а заключалось тѣмъ, что «храмъ братства превращался въ мѣсто кулачной расправы» (boite aux giffles), и ассоціація распадалась. Въ то же самое время распредѣленіе вознагражденія, сообразно труду и его качеству, какъ указываетъ опытъ многочисленныхъ товариществъ и ассоціацій, является истиннымъ яблокомъ раздора, ведетъ за собой несогласіе, способствуя, въ свою очередь, болѣе или менѣе скорому и всецѣлому паденію общаго дѣла. Но остановимся и разсмотримъ этотъ важный вопросъ подробнѣе.

Вся промышленная дѣятельность будущаго человѣчества у Беллами организована въ огромную кооперацію, представляющую народъ и устроенную на военный образецъ. Прежде всего читателя поражаетъ въ этой картинѣ возможность соединенія земледѣльческихъ промысловъ съ фабричною промышленностью вмѣстѣ въ одно цѣлое: извѣстно глубокое различіе этихъ двухъ отраслей экономической дѣятельности по ихъ свойствамъ и характеру. Въ то время, когда фабричная промышленность вездѣ ведется болѣе или менѣе коллективно, съ помощью соединенія многихъ силъ и рабочихъ, земледѣліе значительною частью во многихъ странахъ, особенно въ Америкѣ, является промысломъ индивидуальнымъ или, точнѣе, семейнымъ, въ большинствѣ случаевъ совершаемыхъ съ гораздо бо̀льшею затратою труда, нежели капитала. Вообще земледѣліе сохранило за собой гораздо бо̀льшую индивидуальную свободу дѣятельности человѣка, нежели другіе промыслы; поэтому, можетъ быть, до настоящаго времени наименьшее число попытокъ и наименьшій успѣхъ имѣли кооперативные принципы именно по отношенію къ земледѣлію.

Беллами, однако, игнорируетъ всѣ эти различія и соединяетъ земледѣльческій трудъ, какъ и всѣ его виды, въ одну и ту же общую государственную кооперацію или ассоціацію, въ одно и то же время потребительную и производительную. Но произведеніе его отличается отъ предшествовавшихъ сочинителей подобныхъ фантазій тѣмъ, что, онъ, давая предѣлъ своему воображенію, стремится въ то же время обосновать экономически свои положенія, т.-е. опровергнуть могущія быть возраженія съ точки зрѣнія существующей науки народнаго хозяйства. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, въ столь кардинальномъ вопросѣ, существенномъ для всей схемы его фантазіи, Беллами дѣлаетъ исключеніе и принимаетъ планъ *ассоціаціи* или *коопераціи*, имъ предположенной, какъ фактъ, не требующій доказательствъ и не внушающій сомнѣній. Какъ онъ, такъ одинаково и его единомышленникъ Гронлёндъ въ своей «Кооперативной Республикѣ», исходятъ отъ поня-

тія кооперацій, какъ отъ такой формы экономической дѣятельности, превосходство которой какъ бы доказано не только теоретически, но и практически. Они не берутъ на себя труда отпарировать многочисленныя экономическія возраженія противъ этой формы производства—нѣтъ сомнѣнія, крайне важной и полезной въ отдаленномъ будущемъ, но оказавшейся до сихъ поръ совершенно непригодной, въ большинствѣ случаевъ, при нынѣшнихъ условіяхъ жизни. Стóитъ лишь обратиться на практикѣ къ тѣмъ выводамъ, къ коимъ опытъ привелъ по этому поводу людей, чтобы убѣдиться во всей слабости указанной постановки этого вопроса у Беллами.

Сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вопросъ объ ассоціаціяхъ въ Европѣ былъ новый, и на него смотрѣли не только съ величайшимъ довѣріемъ, но и съ полною вѣрою въ его великое будущее въ ближайшемъ же времени. Многіе надѣялись, что въ нихъ, т.-е. въ ассоціаціяхъ, именно найденъ ключъ, наконецъ, къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, что̀ и должно скоро послѣдовать. Къ сожалѣнію, огромное большинство этихъ попытокъ къ основанію ассоціацій окончилось полной неудачей и привело лишь къ большимъ потерямъ денегъ и, главное, утратѣ вѣры въ самую идею ассоціацій у многихъ лицъ. Какъ во Франціи, такъ и въ Англіи число основанныхъ ассоціацій въ сороковыхъ годахъ насчитывалось многими сотнями, а уцѣлѣли лишь единицы. Главная причина неудачи, при этомъ, являлась вовсе не въ деньгахъ и ихъ недостаткѣ, какъ можно было бы думать, а въ трудности создать и организовать необходимыя рабочія силы и снабдить ихъ извѣстными свойствами ума и характера и дисциплиной. Было много случаевъ помощи образованію ассоціацій со стороны государства, напримѣръ, во Франціи; не мало ассоціацій заводилось на деньги филантроповъ, какъ въ Англіи и Германіи; но вездѣ одинаково эти товарищества или банкротились и распадались, или, при самомъ счастливомъ исходѣ, превращались въ обыкновенныя коммерческія предпріятія, какъ, напримѣръ, знаменитая ассоціація «Рочдэльскихъ піонеровъ» въ Англіи. Чтобы объяснить причину этого, съ перваго взгляда, страннаго явленія и дать ему надлежащую оцѣнку,— а отъ таковой зависитъ отчасти и самый приговоръ о значеніи произведенія Беллами, — слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ издалека въ его деталяхъ.

Всякая коллективная дѣятельность между людьми имѣетъ два типа: военный и индустріальный, промышленный, при чемъ послѣдній въ современномъ обществѣ беретъ рѣшительное преобладаніе. Военная организація подвергалась много разъ и чрезвычайно большимъ пере-

мѣнамъ; начиная съ войска какихъ-нибудь дикихъ ордъ и до современной—германской, положимъ,—арміи, совершился цѣлый рядъ всевозможныхъ перемѣнъ, но одна характеристическая черта, тѣмъ не менѣе, осталась за всѣ вѣка неизмѣнной. Всегда и во всякой арміи ею командовали военачальники, облеченные огромною отвѣтственностью, но снабженные зато и огромною властью. Всякая самая легкая попытка ослабить эту власть или уменьшить отвѣтственность вела армію къ пораженію и вообще ослабляла ея достоинства. Это одинаково приложимо ко всѣмъ вѣкамъ и народамъ,—къ солдатамъ-рабамъ восточныхъ государствъ, какъ и къ свободнымъ гражданамъ временъ греческой и римской республикъ и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Второй типъ коллективной дѣятельности — индустріальный, къ которому относится вся современная промышленность—имѣетъ чрезвычайную аналогію съ первымъ типомъ, и сходство это не случайно, такъ какъ условія фундаментально тѣ же самыя, почему Беллами и сдѣлалъ весьма остроумно, воспользовавшись военнымъ строемъ для образца организаціи труда будущаго человѣчества. Сражаться и работать, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, суть двѣ великія формы дѣятельности, и если вы желаете организовать ихъ на большую ногу, то, естественно, въ обоихъ случаяхъ долженъ быть приложенъ одинъ и тотъ же методъ, а такимъ, разумѣется, должно быть прежде всего признаніе во главѣ всего дѣла лицъ съ большою властью и отвѣтственностью, которымъ всѣ остальные строго подчинялись бы. Въ одномъ случаѣ это подчиненіе и дисциплина поддерживаются страхомъ наказаній или чувствомъ гражданскаго долга, или тѣмъ и другимъ, наконецъ, вмѣстѣ; въ другомъ же, въ индустріальномъ, въ современныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ дисциплина поддерживается прямой выгодой рабочаго, т. е. размѣрами его жалованья,—соображеніе, не могущее имѣть мѣсто для гражданъ будущаго государства Беллами (при системѣ одинаковаго вознагражденія),—а также страхомъ наказанія и штрафовъ, что опять-таки въ фантазіи Беллами, повидимому, отмѣняется.

Если мы затѣмъ всмотримся въ условія веденія дѣла въ ассоціаціи, то нельзя не придти къ заключенію, что они не могутъ удовлетворять требованіямъ и соотвѣтствовать условіямъ описаннаго нами индустріальнаго типа. Всякая ассоціація, конечно, добровольна и покоится на экономическомъ принципѣ выгоды для вступающаго въ нее. Между тѣмъ такой принципъ или побужденіе отнюдь не достаточно, чтобы создать и поддерживать должную дисциплину, одинаково необходимую въ промышленномъ предпріятіи, какъ и въ военномъ; первое

время участники являются, большею частью, энтузіастами, готовыми на всякія жертвы, но остынетъ первый пылъ — и картина быстро измѣняется. Начинаетъ сказываться индивидуализмъ во всѣхъ отношеніяхъ,—во вкусахъ, стремленіяхъ, мнѣніяхъ, и за нимъ необходимая рознь и болѣе или менѣе быстрое распаденіе самой ассоціаціи. Одинъ экономическій принципъ, лежащій въ основаніи соглашенія сочленовъ при среднемъ уровнѣ ихъ развитія и среднихъ способностяхъ, отнюдь не достаточенъ для того, чтобы необходимымъ образомъ, такъ сказать, цементировать ихъ и сдерживать въ должномъ подчиненіи руководительству общимъ дѣломъ или тоже покоряться идеѣ общаго блага, лежащаго въ основѣ самаго возникновенія ассоціаціи. Какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ, большинство людей среднихъ способностей и развитія,—не говоря о низшемъ,—не будучи тѣсно сплочено или одушевлено какой-нибудь сильной религіозной идеей, неспособно ни отрекаться отъ своихъ обычныхъ вкусовъ или стремленій на сколько-нибудь продолжительное время, ни видѣть, ни желать чего-нибудь иного, кромѣ непосредственной выгоды или удовлетворенія своихъ ближайшихъ, узко понимаемыхъ, интересовъ. Этимъ именно и объясняется тотъ замѣчательный и общеизвѣстный фактъ, что изъ ассоціацій и общежитій, до сихъ поръ устраиваемыхъ въ разныхъ государствахъ, особенно той же Америки, удались и просуществовали долгое время исключительно тѣ, которыя были основаны на религіозныхъ началахъ (какъ, напримѣръ, цвѣтущая колонія американскихъ шэкеровъ); остальныя же, какъ правило, болѣе или менѣе быстро распадались (какъ колонія «Икарія», схожая съ государствомъ Беллами, три раза переселявшаяся съ мѣста на мѣсто, вслѣдствіе вѣчныхъ ссоръ между членами, изгнавшими даже своего основателя, Кабэ) *).

Беллами взялъ форму военной организаціи для своего будущаго человѣчества, но не воспользовался ея духомъ или, точнѣе, не указалъ, какими именно путями человѣчество придетъ къ этой организаціи, гдѣ оно получитъ необходимую для того дисциплину духа, выработку характера и отсутствіе узкаго себялюбія, т. е. черты, которыя совершенно противорѣчатъ условіямъ современной жизни рабочихъ классовъ у всѣхъ народовъ. Онъ взялъ какъ посылку неудовлетворительность существующаго экономическаго строя людей, но не принялъ или умышленно замолчалъ неизбѣжный выводъ изъ этой первой—неудовлетворительность или, точнѣе, неподготовленность самихъ совре-

*) См. изслѣдованіе *Shaw* (Albert). *Icaria*, A Chapter in the History of Communism. New-York, 1884.

менныхъ людей для его эдема. Какъ правило, человѣкъ всегда наклоненъ принимать и вѣрить скорѣе тому мнѣнію, которое соотвѣтствуетъ его чувству и желанію, а не противорѣчитъ, хотя бы оно и не выдерживало строгой критики опыта и разума. Беллами въ своемъ произведеніи указаннымъ пробѣломъ повторилъ лишь тотъ же промахъ, который совершали многіе предшествовавшіе соціальные реформаторы ранѣе его. Несмотря на ихъ отрицательное отношеніе къ существующему, они, какъ правило, постоянно игнорируютъ наличныя условія жизни и поражаютъ своимъ оптимизмомъ. Рѣдкимъ исключеніемъ въ этомъ случаѣ является развѣ англійскій реформаторъ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, Чарльзъ Брэй: грустная нотка разбитыхъ надеждъ звучитъ у него въ отзывѣ какъ разъ по поводу своихъ собственныхъ попытокъ по устройству разныхъ ассоціацій и общежитій. «Если бы существовала,—говоритъ онъ,—достаточно крѣпкая связь,—будь это религія или особый видъ фанатизма,—чтобы держать людей вмѣстѣ, то такія общества всегда бы имѣли экономическій успѣхъ. Но, къ сожалѣнію, между рабочими классами въ настоящее время нѣтъ такой связи, *нѣтъ принциповъ, достаточно сильныхъ, чтобы преодолѣть индивидуализмъ, себялюбіе и невѣжество*, еще всюду преобладающіе. Когда моральная натура человѣка, въ настоящее время еще находящаяся въ первобытномъ состояніи, вполнѣ разовьется, когда желаніе человѣка поступать справедливо будетъ такъ же сильно, какъ его теперешнія естественныя стремленія (наклонности), когда совѣсть его будетъ мучить, въ случаѣ пренебреженія имъ справедливости, въ такой же мѣрѣ, какъ теперь страдаетъ его желудокъ, въ случаѣ пренебреженія имъ труда (т. е. лѣности), тогда лишь *нѣкоторыя формы* этихъ обществъ (ассоціацій) сдѣлаются возможными, но не раньше» *).

Другое заблужденіе Беллами, также общее для него съ многими изъ его предшественниковъ, заключается въ непонятномъ для насъ ослѣпленіи, съ которымъ онъ вѣруетъ въ возможность быстраго усовершенствованія, перевоспитанія и перерожденія человѣческой расы: какъ извѣстно, знаменитый когда-то филантропъ Оуэнъ предсказывалъ начало своего millenium'а или «будущаго существованія на землѣ» уже въ 1855 году!.. Точно также Беллами вѣритъ, что уже въ началѣ будущаго вѣка совершится предсказываемый имъ процессъ

*) См. *Charles Bray*, The Income of the Kingdom and the Mode of its Distribution. A Paper read before the British Association for the Advancement of Social Science, 1857, стр. 10.

національзаціи промышленности, а черезъ сто лѣтъ,—пророчитъ онъ,—люди, по крайней мѣрѣ въ Америкѣ, не будутъ ни знать преступленій, кромѣ рѣдкихъ случаевъ *атавизма*, ни вести войнъ, ни отравлять взаимнаго существованія духомъ стяжанія, вообще, будутъ гораздо дальше отъ нынѣшняго поколѣнія людей, чѣмъ мы отстоимъ отъ какихъ угодно туземцевъ внутренней Африки или папуасовъ Австраліи!!.. Спрашивается: откуда проистекаетъ эта слѣпая вѣра въ такую близость счастливаго эдема и благополучія на землѣ? Объясненіе, намъ кажется, можно найти, если обратиться, такъ сказать, къ исторіи самаго появленія на свѣтъ книги Беллами и его творческаго процесса.

Въ первомъ нумерѣ «Національста», журнала лиги, вызванной движеніемъ, имъ созданнымъ, Беллами объясняетъ этотъ процессъ писанія своего произведенія. Сначала онъ сознается, что ранѣе не имѣлъ никакой близости или отношенія къ какимъ-либо соціальнымъ реформаторамъ; сознается даже, что не имѣлъ къ подобнымъ предпріятіямъ никакой особой симпатіи. Принявшись писать «Взглядъ назадъ», онъ не питалъ идеи сдѣлать его серьезнымъ пособіемъ или такъ или иначе содѣйствовать соціальному движенію. Первоначально мѣстомъ фантазіи избрана была собственно не Америка, а весь міръ, все человѣчество и эпоха въ 3000, а не въ 2000 году, причемъ главнымъ центромъ дѣйствія являлась воображаемая столица міра—нынѣшній городъ Бернъ въ Швейцаріи, а вовсе не Бостонъ. Позднѣе, однако, разработывая свою тему, взвѣшивая всѣ pro и contra положеній соціальнаго вопроса, авторъ проникся важностью и серьезностью взятаго на себя дѣла и настолько увѣровалъ въ него, что счелъ тѣмъ дѣйствительнымъ способомъ, который долженъ привести людей къ счастью и благополучію. «Вмѣсто простого фантастическаго разсказа о соціальномъ совершенствѣ людей будущаго,—говоритъ нашъ авторъ,—появилось созданіе опредѣленной схемы промышленной переорганизаціи. Форма романа была удержана, хотя съ неохотою, исключительно въ надеждѣ пріобрѣсти, благодаря ей, большее число читателей... Но зато значительная часть чисто фантастическаго матеріала, касающагося нравовъ, обычаевъ, многихъ политическихъ учрежденій и механическихъ усовершенствованій того времени, помѣщеннаго первоначально въ книгѣ, была отброшена прочь, чтобы не отвлекать вниманіе читателя отъ главной темы». Далѣе, XXXI вѣкъ, въ виду составившагося у автора на то «искренняго убѣжденія», былъ перемѣненъ на XXI, а весь міръ замѣненъ лишь Соединенными Штатами Аме-

рики, какъ наиболѣе передовымъ государствомъ среди человѣчества *). То же самое убѣжденіе въ краткости срока наступленія его millenium'a Беллами высказалъ даже раньше, уже въ мартѣ 1888 года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ книги, въ отвѣтъ одному критику бостонскаго журнала, который проектировалъ необходимость не одного, какъ Беллами, а цѣлыхъ 75 столѣтій для осуществленія его фантазіи **).

Успѣхъ книга, какъ мы знаемъ, имѣла чрезвычайный: до января 1890 года, напримѣръ, по словамъ Лавелэ, въ Америкѣ уже разошлось 240.000 экземпляровъ книги и въ Англіи — 40.000. Неожиданное и чрезмѣрное счастіе способно, какъ доказываетъ часто дѣйствительность, сводить съума даже великихъ людей. Огромный успѣхъ вскружилъ голову Беллами, до тѣхъ поръ бывшему малоизвѣстнымъ американскимъ романистомъ второго ранга и внезапно сдѣлавшемуся крупной общественной величиной, для осуществленія на практикѣ идей котораго десятками каждый мѣсяцъ основываются въ разныхъ концахъ Америки клубы и общества, произведеніе переводится на многіе языки, а имя повторяется во всѣхъ уголкахъ цивилизованнаго міра. Такая удача дала поводъ автору думать, что онъ не только творецъ громкаго беллетристическаго произведенія, но и настоящій соціальный реформаторъ, пророкъ, призванный указать человѣчеству истинный путь къ спасенію отъ удручающихъ его экономическихъ золъ.

Это лишь предположеніе даетъ намъ объясненіе довольно странному поведенію автора «Взглядъ назадъ». Еслибы не слѣпое увлеченіе, граничащее съ своего рода «mania gloriosa», Беллами не могъ бы проглядѣть, конечно, столь яркаго противорѣчія между его идеаломъ будущаго и настоящимъ американской жизни. Нигдѣ, какъ извѣстно, «Money making spirit» и «Business», т.-е. попросту дѣланіе денегъ и погоня за ними, не играютъ такой выдающейся роли и не доходитъ до такихъ крайностей, какъ именно въ Америкѣ, въ этомъ отношеніи даже перещеголявшей Старый Свѣтъ. Картелли и синдикаты, о великомъ будущемъ которыхъ такъ много говоритъ Беллами, и «объявленіе принциповъ» его лиги, приведенное нами раньше, въ сущности являются вовсе не аргументами въ пользу близости этого желаннаго эдема, а скорѣе наоборотъ, ибо всѣ подобные союзы и стачки пред-

*) How I came to write „Looking Backward"? The Nationalist. May, 1889 Boston.

**) См. Nationalism in the United States, by *N. Gilman*. The Quarterly Journal of Economics. Vol. IV. October, 1889, № 1.

принимателей дѣлаются всегда съ цѣлью возвышенія цѣны продукта или уменьшенія расходовъ и въ томъ числѣ главнаго — платы рабочимъ, т. е., другими словами, имѣютъ противообщественный характеръ, рѣзко противорѣчащій самымъ скромнымъ требованіямъ морали, какъ заговоръ противъ общественнаго блага и общихъ интересовъ народа. Тѣмъ же самымъ возможно лишь объяснить и непонятное, почти преступное, умолчаніе Беллами, въ апогеѣ его успѣха и громкой извѣстности, о книгѣ Гронлёнда, вышедшей за три года до его произведенія, которой, какъ мы неоднократно указывали, этотъ романъ въ своихъ принципахъ составляетъ лишь повтореніе съ немногими варіаціями. Данное обстоятельство является тѣмъ болѣе страннымъ, что Гронлёндъ не только живъ, но состоитъ даже членомъ «Національнстической Лиги» и сотрудникомъ ея журнала. Какія причины заставляютъ его молчать о своихъ авторскихъ правахъ не только на мнѣнія крупныя, но даже и мелкія положенія изъ столь громкаго и, нѣтъ сомнѣнія, обогатившаго Беллами произведенія, — для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ.

Какъ бы то ни было, сочиненіе Беллами имѣетъ много хорошихъ сторонъ, безъ которыхъ новый соціальный романъ теперь и не могъ бы имѣть описаннаго успѣха. Онъ живо и талантливо съ внѣшней стороны написанъ, увлекаетъ воображеніе своими пріятными картинками будущаго и легко, нисколько не наскучая и не утомляя вниманіе читателя, знакомитъ его со всѣмъ экономическимъ бытомъ этого будущаго, рѣзко подчеркивая крупными штрихами въ то же время всѣ недостатки и пороки настоящаго. Этими достоинствами и опредѣляется главнымъ образомъ значеніе этого новаго произведенія, надѣлавшаго столько шуму. Оно представляетъ собою лишь фантазію, которая тѣшитъ воображеніе и даже, пожалуй, нѣсколько бодритъ человѣческій духъ, но отнюдь не даетъ ни новыхъ принциповъ и не указываетъ новыхъ путей, по которымъ человѣчество должно слѣдовать. Нѣтъ сомнѣнія, наконецъ, какъ мѣтко замѣчаетъ Лавелэ въ своей критикѣ того же произведенія, что «грёзы Беллами навсегда останутся утопіей, пока самое сердце человѣка всецѣло не измѣнится». Что же касается національнстическаго движенія и лиги, порожденныхъ этимъ оригинальнымъ романомъ, то здѣсь судьба можетъ быть иная, и движеніе, если вѣрить свидѣтельству извѣстнаго бостонскаго экономиста Гильмана, способно оказать безусловную и скорую пользу на практикѣ, не быстрымъ, конечно, созданіемъ millenium'а, предсказаннаго Беллами, а усовершенствованіемъ формъ общественной жизни и

ослабленіемъ крайняго индивидуализма, — если только представители новаго движенія захотятъ ограничить свою дѣятельность скромными задачами и сферой городского хозяйства и нуждъ мѣстнаго управленія Штатовъ *).

*) См. The Quarterly Journal of Economics. Boston. Vol. IV, October 1889, № 1, и—The Contemporary Review, January 1890. London.

ВЪ ТРУЩОБАХЪ АНГЛІИ.

In Darkest England and the Way Out. By General *Booth*. London. 1890. (November).

Каждый читатель, которому приходилось не только путешествовать по Швейцаріи или Тиролю, но и дѣлать восхожденія на большія горныя высоты, особенно въ области вѣчныхъ снѣговъ, навѣрное, припомнитъ тѣ заботливыя наставленія или совѣты, которые даютъ Бедэкеръ, Чуди, Мейеръ и другіе «Путеводители», отнюдь не рисковать подниматься въ менѣе избитыхъ и рѣже посѣщаемыхъ мѣстностяхъ на горныя вершины и особенно глетчеры, не запасаясь предварительно хорошими проводниками. «Кто не былъ въ Альпахъ, говоритъ одинъ изъ такихъ «Путеводителей», тотъ не знаетъ безконечнаго одиночества такихъ мѣстъ и тотъ не можетъ себѣ составить даже приблизительнаго понятія о томъ безпомощномъ положеніи, въ которомъ очутится путешественникъ, если съ нимъ случится какое либо несчастіе...» *). Мысль объ отсутствіи людей и, слѣдовательно, всякой помощи, полная тишина, господствующая на такихъ высотахъ, непрерываемая никакимъ живымъ звукомъ, будь то крикъ животнаго, птицы или жужжаніе насѣкомаго,—лишь изрѣдка отдаленный грохотъ лавины, гдѣ-то упавшей, или журчанье ручья,—все это подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на душу путешественника, даже когда онъ вполнѣ здоровъ и крѣпокъ, гнететъ и разстраиваетъ расположеніе духа и тянетъ его невольно поскорѣе внизъ, къ людямъ.

Это же ощущеніе томящей безпомощности, вдали отъ людей и дружественной поддержки, можно испытать и не взбираясь на Альпы, а оставаясь, даже посреди цѣлыхъ милліоновъ людей, жителемъ ка-

*) *Meyers* Reisebücher. Schweiz. Zwölfte Ausgabe. 1890, стр. 15.

кого либо большого европейскаго города, въ родѣ, напримѣръ, современнаго Лондона или Парижа. Для слабаго или больного человѣка, для женщины или ребенка, очутиться въ такомъ огромномъ городѣ, напримѣръ, безъ денежныхъ средствъ, безъ друзей и знакомыхъ, почти не менѣе опасно и страшно, чѣмъ находиться на высотахъ Юнгъ-Фрау или Монблана, безъ проводниковъ и товарищей. Толпа равнодушныхъ людей производитъ на несчастливца впечатлѣніе того же полнаго одиночества, которое испытываетъ туристъ среди дикой, безлюдной природы. Страхъ гибели можетъ и здѣсь парализовать нервы и одинаково сдѣлать человѣка неспособнымъ и негоднымъ бороться съ бѣдствіемъ и отличить даже истинную опасность отъ кажущейся. Неожиданная встрѣча съ дружественно предложенною помощью и сочувствіемъ можетъ вызывать въ обоихъ случаяхъ одинаково восторженную признательность, и только узнавшій опасность человѣкъ начинаетъ цѣнить выгоды общежитія. Но при этомъ сходствѣ двухъ описанныхъ положеній, и различіе между ними довольно велико: въ то время, какъ заблудшій въ горахъ путешественникъ представляетъ сравнительную рѣдкость, большіе города Европы наполнены сотнями тысячъ такихъ же путешественниковъ по земной юдоли, частью заблудшихъ и нуждающихся въ дружественной помощи, человѣческой симпатіи и поддержкѣ, и кто поможетъ имъ, тотъ можетъ разсчитывать на ихъ признательность, если неудовлетворится внутреннимъ сознаніемъ исполненнаго долга.

Эта важная и простая истина о необходимости своевременной помощи человѣку, когда онъ болѣе всего въ ней нуждается, составляетъ основной догматъ всего цивилизованнаго человѣчества уже около двухъ тысячъ лѣтъ, и, между тѣмъ, до настоящаго времени сознается людьми еще весьма слабо и поверхностно. Многочисленныя религіозныя учрежденія, наполняющія западную Европу и Америку, прежде всего заботятся лишь о прозелитизмѣ, о пріобрѣтеніи себѣ сторонниковъ, а затѣмъ уже о помощи, и то не всегда достаточной, лишь своимъ послѣдователямъ. Нашлась только одна религіозная община между ними, которая обратилась къ нуждающимся прежде всего съ предложеніемъ своей помощи и сочувствія и потому, какъ сейчасъ увидимъ, имѣла огромный успѣхъ. Такою сектой, или точнѣе—обширнымъ филантропическимъ обществомъ, распространеннымъ чуть не по всему земному шару, подвергаясь часто всеобщему осмѣянію, является въ наши дни всѣмъ извѣстная, хотя больше по имени, такъ называемая «Армія Спасенія», съ ея главой—генераломъ Бутсъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ двое бѣдныхъ людей—методисты, мужъ съ женой, по фамиліи

Бутсъ, движимые религіознымъ чувствомъ исправить грѣховный міръ, рѣшили выступить, какъ они выражались, на борьбу съ дьяволомъ, т. е. сдѣлались по просту, по англійскому обычаю, уличными проповѣдниками. Читатели знаютъ, если не по личному опыту, то изъ описаній, эту особенность англійской народной жизни, тѣсно связанную съ общимъ характеромъ тамошняго общественнаго устройства. Самое обыкновенное зрѣлище на лондонскихъ улицахъ и особенно въ паркахъ въ воскресенье,—кучки людей, большія или меньшія, собравшіяся около какого нибудь оратора, помѣстившагося на возвышенности, обыкновенно на стулѣ, и горячо ратующаго на какую либо тему, большею частью религіознаго содержанія, преимущественно о грѣховности міра сего и о необходимости спасенія. Толпа, смотря по обстоятельствамъ и настроенію, и, разумѣется, также по таланту проповѣдника, старающагося иногда тщетно перекричать шумъ и стукъ ѣдущихъ вблизи экипажей, слушаетъ его равнодушно или внимательно, изрѣдка тѣми или иными восклицаніями выражая свое отношеніе къ дѣлу. Но вотъ проповѣдникъ вынимаетъ молитвенникъ, называетъ или указываетъ желающимъ псаломъ; публика въ это время большею частью замѣтно оживляется, и начинается общее пѣніе, иногда весьма недурное.

Такими-то проповѣдниками сдѣлались супруги Бутсъ. Сначала они преслѣдовали исключительно религіозныя цѣли и старались основать общество подъ названіемъ «христіанской миссіи». Но дѣло шло вяло, пока они не убѣдились, что въ корнѣ человѣческой грѣховности виной является въ значительной степени безпомощная бѣдность рабочихъ классовъ западной Европы и вообще неудовлетворительный соціальный строй. Пока человѣкъ живетъ въ грязи, на холодѣ и въ голодѣ, ухо его будетъ оставаться глухимъ къ самымъ лучшимъ поученіямъ, а сердце недоступно самымъ чистымъ истинамъ христіанскаго ученія. Сначала, слѣдовательно, нужно попытаться измѣнить къ лучшему положеніе бѣднѣйшихъ классовъ общества, оказать посильную помощь въ ихъ нуждахъ и потребностяхъ, заслужить тѣмъ ихъ увѣренность въ собственной доброжелательности, и тогда лишь можно надѣяться на успѣхъ проповѣди. Такимъ образомъ, «общество христіанской миссіи» приняло на себя, преимущественно по указаніямъ, какъ сообщаютъ ея біографы, нынѣ покойной г-жи Бутсъ, этотъ новый соціально-филантропическій характеръ и осталось вѣрнымъ этому положенію и до настоящаго времени, быстро, обратно съ началомъ, вербуя своему дѣлу сторонниковъ и распространяя дѣятельность во всѣ концы свѣта. «Не воображайте», сообщаетъ свой разговоръ съ

однимъ государственнымъ человѣкомъ и политикомъ извѣстный англійскій публицистъ Вилліамъ Стэдъ въ послѣднемъ номерѣ своего журнала,—«ни на минуту, чтобы религія была причиной успѣховъ Армія Спасенія—нисколько. Что помогло Бутсу въ его трудѣ,—это воззваніе къ общительной природѣ въ человѣкѣ; онъ пробудилъ въ обездоленныхъ людяхъ чувство братства, онъ связалъ человѣческія существа въ товарищества и далъ имъ почувствовать, что они не одиноки на свѣтѣ и что имѣютъ много братьевъ» *).

Въ 1878 году «христіанская миссія» нашла себѣ болѣе подходящее названіе и переименовалась, во имя своей борьбы со зломъ, удручающимъ человѣчество, въ «Армію Спасенія». Ей придана была совершенно военная организація, члены ея носятъ названіе рядовыхъ, офицеровъ, производство коихъ обставлено извѣстными строгими правилами и положеніями. При полномъ равенствѣ въ дѣятельности общества обоихъ половъ, что составляетъ его симпатичную черту, женщины являются такими же дѣятельными въ исполненіи разныхъ обязанностей, на нихъ возлагаемыхъ, какъ проповѣди, такъ и филантропіи, одинаково съ мужчинами. Военная форма у мужчинъ и нѣчто похожее—красное джерси и особаго рода шляпы—у женщинъ довершаютъ эту комедію и заслоняютъ этой внѣшностью въ глазахъ большинства людей, особенно средняго класса, серьезную сторону этого общества и дѣлаютъ его даже смѣшнымъ. Вся эта армія въ настоящее время раздѣлена на 2864 корпуса, имѣющіе около десяти тысячъ однихъ лишь офицеровъ обоего пола (9349 человѣкъ) и 23 тысячи отставныхъ или несостоящихъ на дѣйствительной службѣ; число же простыхъ рядовыхъ, нужно полагать, должно насчитываться многими десятками тысячъ, но, къ сожалѣнію, эти данныя точно неизвѣстны. Члены общества разбросаны въ 34 странахъ и колоніяхъ, и одни лишь доходы общества составляютъ, примѣрно, 750 тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, или болѣе *семи милліоновъ рублей*. Общество владѣетъ или занимаетъ въ разныхъ странахъ болѣе 340 домовъ, съ цѣлью же помощи или проповѣди и утѣшенія,—посѣщаетъ въ одной лишь Великобританіи болѣе 54 тысячъ домовъ. Общество издаетъ нынѣ шесть газетъ и журналовъ, посвященныхъ дѣлу спасенія и соціальной реформы въ Англіи, тридцать шесть такихъ же періодическихъ изданій внѣ ея, которыя расходятся въ количествѣ 33 милліоновъ экземпляровъ. Но кромѣ того Армія Спасенія издаетъ ежегодно болѣе 4 милліоновъ экземпляровъ разныхъ книгъ и брошюръ на пятнад-

*) Review of Reviews. Edited by *W. T. Stead.* October 1890, стр. 384.

цати различныхъ языкахъ. Проповѣдь же или точнѣе распространеніе цѣлей и задачъ общества, ведется еще на бо̀льшемъ количествѣ, а именно на 29 языкахъ, согласно послѣднему отчету, въ различныхъ концахъ міра.

Согласно общему военному складу въ обществѣ, строгая дисциплина и повиновеніе являются безусловнымъ требованіемъ отъ всѣхъ членовъ этой оригинальной арміи въ отношеніи ихъ ближайшихъ начальниковъ. Въ этомъ случаѣ армія спасенія повторяетъ правила военныхъ уставовъ и строгихъ монашескихъ орденовъ. Чтобы вступить поэтому въ число членовъ общества и притомъ самаго низшаго ранга—простымъ солдатомъ,—требуется предварительное 4-хъ-недѣльное испытаніе, подъ ближайшимъ руководствомъ и надзоромъ сержанта—вербовщика, коему поручается это наблюденіе. Лишь послѣ того, когда рекругъ или «плѣнникъ», какъ называется на ихъ странномъ языкѣ кандидатъ въ члены, заслужилъ одобреніе сержанта, вопросъ о его поступленіи разбирается на военномъ совѣтѣ. Если онъ и тамъ одобренъ, кандидатъ допускается къ присягѣ и послѣ нея зачисляется въ члены съ званіемъ рядового. Присяга приносится при соблюденіи такъ называемыхъ военныхъ условій (Articles of War), составляющихъ своего рода символъ вѣры для членовъ и число которыхъ простирается до 16-ти; большая часть этихъ условій чисто теологическаго характера и совпадаетъ съ общими доктринами христіанства, но нѣкоторыя изъ нихъ довольно своеобразны и заключаются, напримѣръ, въ клятвѣ быть и оставаться до самой смерти истиннымъ воиномъ въ рядахъ арміи, отказываясь притомъ отъ міра, съ его суетой и удовольствіями; 10-е условіе предписываетъ полное воздержаніе не только отъ всѣхъ хмѣльныхъ напитковъ, но и отъ всякихъ другихъ стимулянтовъ, включая сюда опій, морфій и табакъ. Равнымъ образомъ кандидатъ даетъ обѣщаніе на всю жизнь воздерживаться отъ всякихъ нескромныхъ выраженій, клянется соблюдать строжайшую честность и абсолютное повиновеніе. «Объявляю симъ, гласитъ 13-е условіе, что я никогда не позволю себѣ какую-нибудь жестокость, притѣсненіе или насиліе въ отношеніи женщины, ребенка или иного лица, коего жизнь или благополучіе будетъ находиться въ предѣлахъ моей власти; напротивъ, я обѣщаюсь защитить ихъ отъ всякаго зла и опасностей и содѣйствовать, насколько хватитъ силъ, ихъ благу въ настоящемъ мірѣ и вѣчномъ будущемъ». Когда условіи подписаны,—лицо принято въ полные члены, и уже отъ собственныхъ способностей и усердія зависитъ дальнѣйшее его повышеніе въ офицерскіе чины, причемъ, какъ было уже упомянуто, женщины несутъ тѣ же обязанности и

подлежатъ тому же производству, какъ и мужчины. Во главѣ общества стоитъ родоначальникъ и организаторъ всего дѣла—уже упомянутый генералъ Бутсъ; большинство же отвѣтственныхъ положеній въ обществѣ, или высшихъ чиновъ арміи—заняты членами его большой семьи: сыновьями, дочерьми и ихъ мужьями, завѣдующими дѣлами арміи въ той или другой части свѣта. Одинъ сынъ, напримѣръ, Балингтонъ Бутсъ—состоитъ главнымъ лицомъ въ «Арміи Спасенія» въ Соединенныхъ Штатахъ; дочь—Катерина Бутсъ Гліборнъ—состоитъ такъ называемымъ «маршаломъ» или главнозавѣдующимъ арміей во Франціи и Швейцаріи; зять—Бутсъ Токкеръ—завѣдуетъ въ Индіи и т. д. Такимъ образомъ, узы семьи являются частью узами и самого общества, а бракъ—является однимъ изъ краеугольныхъ камней всей дѣятельности, и, по словамъ Вилліама Стэда, вся эта многочисленная семья Бутсъ раздѣляетъ весь энтузіазмъ своего главы и всецѣло предана общему дѣлу.

Въ заключеніе, принося вполнѣ свое время въ продолженіе всей жизни на преслѣдованіе филантропическихъ цѣлей общества, ни самъ Бутсъ, ни члены его семьи отнюдь этимъ не обогащаются и, собирая ежегодно путемъ свободныхъ доброхотныхъ даяній цѣлые милліоны, они употребляютъ ихъ большею частью на разныя благотворительныя учрежденія. Офицеры общества, не исключая высшихъ, получаютъ жалованье лишь въ размѣрахъ, необходимыхъ для существованія. У лицъ высшаго ранга въ Арміи Спасенія содержаніе не превосходитъ трехъ фунтовъ въ недѣлю, или по нашему 80 рублей въ мѣсяцъ. Тѣмъ не менѣе, вращаясь постоянно въ самыхъ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона съ подонками городского населенія и вербуя преимущественно изъ нихъ своихъ сочленовъ, Армія Спасенія отнюдь не могла возбуждать ни сочувствія, ни уваженія къ своей дѣятельности. Вся внѣшняя сторона—эти смѣшные мундиры, титулы и хожденіе по улицамъ съ военной музыкой и маршами, занятные, можетъ быть, для простого народа, казались всегда представителямъ средняго и высшаго классовъ недостойнымъ шутовствомъ или проявленіемъ суевѣрія, фанатизма или лицемѣрія, смотря по личности. Первый разъ серьезное вниманіе общественное мнѣніе въ Англіи обратило на это общество въ 1889 году во время столь знаменитой и многолюдной стачки портовыхъ рабочихъ съ доковъ. Армія Спасенія въ то время употребила всю свою дѣятельность на помощь семьямъ, особенно дѣтямъ, сотенъ тысячъ рабочихъ, оставшихся безъ хлѣба. Она устроила множество народныхъ кухонъ съ крайне удешевленной пищей, гдѣ за полпенни, а то и даромъ, многія тысячи дѣтей были спасены отъ го-

лодной смерти. Вся пресса единогласно, не исключая самыхъ рѣшительныхъ противниковъ этого филантропическаго общества, признала огромную пользу, принесенную Арміей Спасенія бѣдному народу. Затѣмъ въ октябрѣ 1890 года англійская печать вновь обратила вниманіе на то же общество, по поводу похоронъ умершей госпожи Бутсъ, жены основателя генерала Бутса. На похоронахъ «матери Арміи Спасенія», какъ ее называли, присутствовала, по газетнымъ свѣдѣніямъ, толпа не менѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ; печаль и слезы многихъ тысячъ присутствующихъ, несмотря даже, вопреки обычаю, на веселые мотивы похоронной музыки, благодаря догмату общества, что смерть есть спасеніе, а не несчастіе, несмотря на все это,— эти слезы казались на столько искренни, бѣдняки, которые ихъ проливали, настолько жалки, что невольно у присутствовавшихъ являлась увѣренность въ той важной роли, которую это странное филантропическое общество, созданное отчасти трудами покойной, играетъ въ судьбахъ и жизни человѣческой бѣдноты и т. п. подонковъ лондонскихъ трущобъ (Slums), во множествѣ присутствовавшихъ на похоронахъ госпожи Бутсъ. Здѣсь были, впрочемъ, представители не одного только Лондона, а со всѣхъ концовъ свѣта, гдѣ только разбросаны развѣтвленія этой огромной филантропической ассоціаціи.

Еще болѣе Армія Спасенія возбудила общее вниманіе въ ноябрѣ того же года появленіемъ на свѣтъ замѣчательной книги самого генерала Бутса, подъ названіемъ «Въ мрачной Англіи», или «Въ трущобащъ Англіи», очевидно, въ подражаніе извѣстной книги Станлея схожаго названія. Еще заранѣе газеты объявляли о ея выходѣ, а извѣстный Стэдъ въ своемъ «Обозрѣніи обозрѣній», не только счелъ нужнымъ познакомить публику съ Арміей Спасенія и ея организаціей въ огромной статьѣ, обильно снабженной портретами ея дѣятелей и фотографіями учрежденій, но прямо объявилъ даже будущую книгу Бутса замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ печати за послѣднее время съ важными практическими результатами. По его мнѣнію, основанному на знакомствѣ съ рукописью автора, раньше ея печатанія,— нѣтъ другого подобнаго труда столь содержательнаго, смѣлаго и въ то же время простого и практичнаго, по дѣлаемымъ имъ предложеніямъ. «Конечно, говоритъ онъ, эти предложенія могутъ быть такъ или иначе измѣняемы и передѣлываемы прежде, чѣмъ будутъ приняты, но, во всякомъ случаѣ, съ ихъ успѣхомъ настанетъ для человѣчества заря новой и болѣе свѣтлой эры».

Обратимся же къ этому замѣчательному труду Бутса и познакомимся изъ него какъ съ дѣятельностью до настоящихъ дней Арміи

Спасенія, для чего она представляетъ достаточный матеріалъ, такъ и съ тѣми предложеніями соціальной реформы, практичность и важность которой хвалитъ такой опытный журналистъ, какъ Вилліамъ Стэдъ.

«Въ трущобахъ Англіи» дѣлится на двѣ части: первая—въ девяти главахъ знакомитъ съ трущобнымъ міромъ, его опасностями и зломъ, и употребительными, по этому поводу принятыми средствами противодѣйствія ему; вторая часть—наиважнѣйшая—знакомитъ съ той схемой Бутса, или планомъ соціальныхъ реформъ, которыми онъ думаетъ бороться со зломъ и уменьшить нищету и пороки трущобной жизни. Сюда же, вмѣстѣ съ проектами, Бутсъ включаетъ и описаніе тѣхъ учрежденій, которыя Армія Спасенія успѣла уже осуществить и устроить въ разныхъ концахъ земного шара. Наше знакомство съ его трудомъ мы начнемъ съ первой части книги, т. е. съ описанія англійскихъ городскихъ трущобъ, включая, однако, сюда же иногда изъ второй—перечень уже сдѣланнаго Арміей Спасенія на помощь и благо бѣдствующему человѣчеству.

I.

Настоящее положеніе городского пролетаріата.

Первая часть книги Бутса начинается съ объясненія автора по поводу того названія, которое онъ придалъ своему труду. Онъ напоминаетъ читателямъ сенсацію, произведенную незадолго передъ тѣмъ извѣстной книгой знаменитаго путешественника Станлея по дебрямъ или трущобамъ Африки, и разсказъ о томъ дѣвственномъ, непроходимомъ, чисто тропическомъ лѣсѣ внутри этой части свѣта, по которому приходилось ему со своими спутниками буквально прорубать себѣ дорогу въ теченіе ста шестидесяти дней, на пространствѣ, равняющемся половинѣ Франціи. Густота этой дикой, безконечной чащи такъ велика, что солнечные лучи никогда не проникаютъ подъ ея кровъ и внизу царитъ вѣчный сумракъ, а отсюда—сырой воздухъ, наполненный міазмами,—и борьба съ природой, и тоска о просторѣ были на столько велики, что многіе спутники Станлея погибли прежде, чѣмъ ему удалось преодолѣть эти трущобы и выбраться на вольный свѣтъ. Въ этомъ дикомъ лѣсу онъ встрѣтилъ, какъ извѣстно, не менѣе дикихъ, уродливыхъ карликовъ—жителей, людоѣдовъ, столь же странныхъ и страшныхъ, какъ и окружающая ихъ природа.

Напомнивши читателямъ содержаніе этого новаго путешествія смѣлаго авантюриста, Бутсъ задается вопросомъ, не существуетъ ли въ

Англіи своихъ трущобъ, не менѣе мрачныхъ и печальныхъ, съ своими жалкими пигмеями, не менѣе достойными изученія, чѣмъ трущобы Африки и ея карлики. «Чѣмъ болѣе задумываешься по этому поводу, говоритъ Бутсъ, тѣмъ болѣе аналогія представляется разительной и приходится отвѣчать утвердительно. Экваторіальныя дебри, пройденныя Станлеемъ, рѣшительно напоминаютъ такія же дебри или трущобы въ городахъ Англіи, съ ихъ мракомъ, маляріей, въ нихъ господствующей, вырожденнымъ карликовымъ населеніемъ, рабствомъ своего рода, которому оно подвержено, его нищетой и лишеніями. Въ лѣсу Станлея арабскіе торговцы слоновой костью и рабами дѣлаютъ набѣги на несчастныхъ жителей, увѣчатъ и убиваютъ сопротивляющихся, обращая остальныхъ въ рабовъ на всю жизнь; но не меньшія злодѣянія совершаются въ наше время и въ современныхъ англійскихъ городахъ». «Тяжело, нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, читать страницы въ книгѣ Станлея, описывающія эти варварскіе набѣги рабопромышленниковъ, захваты деревень, плѣненіе жителей, убійства мужчинъ и насилія надъ женщинами,—но улицы Лондона, если бы онѣ въ состояніи были говорить, могли бы разсказать трагедіи столь же ужасныя, набѣги и опустошенія столь же полные, убійства и насилія не менѣе гнусныя, какія имѣютъ мѣсто и въ центральной Африкѣ. Только внѣшность—наружное разореніе, можетъ быть, здѣсь нѣсколько прикрываются искусственностью и лицемѣріемъ современнаго общества».

Участь негритянки, по описанію Станлея, въ экваторіальной трущобѣ, повидимому, очень не завидна... «Но развѣ, спрашиваетъ Бутсъ, не много хуже ея участь сироты-дѣвушки, особенно красивой, въ нашей христіанской столицѣ? Даръ небесъ для всѣхъ остальныхъ людей—красота,—для нея по большей части превращается въ проклятіе, и такая дѣвушка, если только имѣетъ несчастіе принадлежать къ рабочему классу и не имѣетъ гроша за душой, есть жертва, за которой считаютъ долгомъ охотиться всѣ окружающіе, начиная съ ея собственныхъ хозяевъ, причемъ ей предоставлена альтернатива—или умереть, или согрѣшить. Когда же бѣдняжка падаетъ въ силу этихъ искушеній и нравственныхъ насилій и продаетъ себя, жертвуя добродѣтелью, то тѣ самыя лица, которыя ее совратили, третируютъ ее, не лучше африканской рабыни, съ полнѣйшимъ презрѣніемъ: ея слову не вѣрятъ, ея жизнь—сплошное безславіе, и сама она падаетъ все ниже и ниже, пока опустится до положенія крайнихъ подонковъ общества и не успокоится со смертью»... «Кровь кипитъ, пишетъ далѣе Бутсъ, глядя на ужасы и аномаліи окружающей насъ жизни, къ которымъ большинство людей относится съ полнымъ равнодушіемъ и не менѣе без-

участно, чѣмъ и африканскіе дикари. Но не однѣ женщины являются здѣсь жертвами, хотя, можетъ быть, ихъ судьба и наиболѣе трагична. Наши промышленныя фирмы, которыя возводятъ кулачество на степень искусства, которыя систематически лишаютъ рабочаго части его заслуженной платы, выжимая изъ него всѣ соки, которыя грабятъ вдовъ и сиротъ и въ то же время имѣютъ безстыдство лицемѣрно выставлять себя друзьями общественной филантропіи,—эти люди нынѣ посылаются въ парламентъ, чтобы дѣлать законы для народа». «Древніе пророки, добавляетъ Бутсъ, посылали и грозили такимъ людямъ адомъ; мы же нынче все измѣнили наоборотъ: эти люди, напротивъ, посылаютъ своихъ жертвъ въ адъ, а сами получаютъ въ награду богатство, которое дѣлаетъ ихъ жизнь удобною и пріятною. Почитайте отчеты парламентской коммисіи, представленные недавно палатѣ лордовъ, о кулакахъ (House of Lords'Report on the Sweating System) и согласитесь, что африканская система рабской торговли, принимая, конечно, во вниманіе высшую цивилизацію и, слѣдовательно, чувствительность нашихъ домашнихъ жертвъ, сравнительно съ чернокожими, отнюдь не возбуждаетъ болѣе горечи и состраданія».

Трущобы, пройденныя Станлеемъ, отличаются своими страшными малярійными заразами, но гниль и грязь нашихъ трущобъ почти такъ же ядовиты, какъ и въ африканскихъ болотахъ: лихорадка въ нихъ является одинаково почти хронической, какъ и подъ экваторомъ, каждый годъ тысячи дѣтей убиваются у насъ недостатками санитарной системы, въ дѣйствительности же малютки умираютъ въ большинствѣ отъ медленнаго голоданія, а нерѣдко отравленія,—такъ что нельзя не придти къ печальному заключенію, что, можетъ быть, они дѣлаютъ лучше, удаляясь со сцены этой печальной для нихъ юдоли. Притомъ, опять-таки схоже съ Африкой, далеко не всѣ несчастія происходятъ отъ посторонннихъ причинъ, а многія имѣютъ своимъ корнемъ нашу собственную вину и погрѣшности: жестокое пьянство, напримѣръ, а за нимъ всякаго рода физическая и нравственная нечисть окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ. «Случалось ли вамъ, спрашиваетъ Бутсъ, находиться у постели человѣка, страдающаго delirium tremens (бѣлая горячка)? Помножьте страданія этого одного пьяницы на сотню тысячъ и вы составите себѣ идею о томъ, что приходится видѣть въ нашихъ большихъ городахъ въ каждый данный моментъ. Какъ въ африканскомъ лѣсу Станлея потоки безпрестанно пересѣкаютъ ему дорогу во всѣхъ направленіяхъ, такъ кабаки, съ ихъ потоками воды смерти, встрѣчаются у насъ на каждомъ шагу, и открыты 17 часовъ въ теченіе сутокъ, для наискорѣйшей пагубы народа. Населеніе, отравляе-

мое пьянствомъ, преданное всѣмъ видамъ порока, снѣдаемое всевозможными соціальными и физическими болѣзнями,—таковы тѣ подонки нашихъ городскихъ трущобъ, между которыми прошла почти вся моя жизнь и къ спасенію которыхъ я теперь призываю въ своей книгѣ всѣхъ благомыслящихъ и добрыхъ людей». Но въ дебряхъ Англіи, какъ и въ дебряхъ африканской чащи, есть выходъ или просвѣтъ, и онъ заключается, по убѣжденію автора, въ той схемѣ и въ томъ планѣ реформъ, который онъ предлагаетъ во второй части своего труда; здѣсь же ограничивается лишь констатированіемъ факта и изслѣдованіемъ самого объекта поставленной задачи.

Прежде всего авторъ считаетъ нужнымъ оговориться, что онъ отнюдь не имѣетъ въ виду, подобно другимъ соціальнымъ реформаторамъ, какую либо общую реформу всего соціальнаго устройства, ограничиваясь задачей болѣе скромной, — возможной помощью той части населенія, которая наиболѣе въ ней нуждается и которая населяетъ трущобы современной Англіи. Сюда принадлежатъ, по его опредѣленію, двѣ обширныя категоріи лицъ: во-первыхъ, тѣ, которыя не имѣютъ своего капитала или дохода и въ теченіе мѣсяца умерли бы отъ истощенія и голоданія, если бы были исключительно предоставлены на содержаніе своими заработанными деньгами, и, во вторыхъ, тѣ, которыя, при самыхъ крайнихъ ихъ усиліяхъ, неспособны заработать регулярно того количества пищи, которое закономъ признается необходимымъ даже для самыхъ худшихъ преступниковъ въ англійскихъ тюрьмахъ. Впрочемъ, тюремный раціонъ, пессимистически продолжаетъ разсуждать Бутсъ, представляетъ вообще сравнительно завидный удѣлъ для нашихъ бѣдняковъ, и въ своихъ планахъ онъ не желаетъ быть утопистомъ и не мечтаетъ при настоящемъ соціальномъ устройствѣ даже о подобномъ содержаніи для каждаго честнаго работника. Нѣтъ, слѣдуя примѣру Карляйля, Бутсъ беретъ для своего трущобнаго человѣчества другую мѣрку существованія, ниже тюремной, другой Standard of Life, а именно—существованіе обыкновенной *лондонской извощичьей лошади*. Когда на лондонской оживленной улицѣ, разсуждаетъ онъ, упадетъ извощичья лошадь, то отнюдь не пускаются сейчасъ въ разсужденіе о причинахъ ея паденія;—если для этого нужно, уменьшаютъ ея тягость, распрягаютъ, помогаютъ ей подняться, и тогда только можетъ возникнуть вопросъ, отчего это случилось, и ни одинъ разсчетливый и путный хозяинъ не доведетъ излишней нагрузкой или дурной упряжкой свою лошадь до паденія на улицѣ, въ виду риска переломать ей ноги и совсѣмъ ея лишиться,—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, каждая извощичья лошадь

въ Лондонѣ имѣетъ три вещи: кровъ для ночлега, пищу для желудка и трудъ, которымъ она зарабатываетъ свою пищу.

Какъ ни низка эта мѣрка, предлагаемая авторомъ, но и она въ настоящее время абсолютно недостижима для милліоновъ людей, населяющихъ англійскія трущобы, буквально милліонамъ, повторяетъ онъ. Статистическія данныя по этой части, какъ справедливо замѣчаетъ Бутсъ, весьма не полны и о дѣйствительной численности пролетаріата нѣтъ точныхъ данныхъ; гораздо большее вниманіе интеллигентной публики направлено на изученіе земляныхъ червей и букашекъ, нежели своихъ страдающихъ собратій, поэтому приходится ограничиться приближеніемъ, и на основаніи подробныхъ вычисленій автора, которыхъ мы приводить не будемъ, численность всѣхъ англійскихъ пролетаріевъ всѣхъ категорій составляетъ около трехъ милліоновъ человѣкъ или одну десятую всего населенія страны, для которыхъ, если вѣрить Бутсу, мѣрка жизни извощичьей лошади является пока еще недостигнутымъ идеаломъ.

Излагая далѣе результаты своего обширнаго знакомства съ трущобнымъ міромъ, авторъ классифицируетъ его на три отдѣла, или, какъ онъ выражается, концентрическіе круга, одинъ внутри другого; внѣшній—самый широкій кругъ—голодающіе и бездомные, но честные бѣдняки; второй—внутри его—это лица, живущія порокомъ, и третій внутренній, въ центрѣ—классъ людей, которые существуютъ преступленіемъ; всѣ три категоріи этого бездомнаго населенія затѣмъ страдаютъ пьянствомъ. Границы этихъ трехъ видовъ нищеты опредѣлить весьма трудно, и онѣ часто измѣняются:—наступилъ кризисъ въ торговлѣ,—онѣ сливаются и внутренніе круги растягиваются; насталъ хорошій годъ,—всѣ три круга уменьшаются и рѣзче выступаютъ; что же касается до отдѣльныхъ индивидовъ этого трущобнаго царства, то между многими сотнями тысячъ, которыя живутъ на окраинахъ этихъ заколдованныхъ круговъ нищеты, никто не можетъ ручаться, что они сами, или ихъ дѣти, не спустятся въ самый центръ или внутрь этого лабиринта. Смерть кормильца семьи, продолжительная его болѣзнь, какое нибудь банкротство въ Сити, или тысячи иныхъ причинъ достаточны часто, чтобы повергнуть семью честнаго бѣдняка въ сферу порока и преступленія. Процентъ смертности въ трущобахъ Англіи весьма высокъ, и смерть для многихъ является лишь избавленіемъ отъ несчастій и тяжести ихъ жалкой жизни!

На первомъ планѣ Бутсъ разсматриваетъ первое горе крайней бѣдности — бездомность или безпріютность. Правда, по англійскому закону государство беретъ на себя обязанность дать кровъ и пищу

каждому нуждающемуся и содержитъ при рабочихъ домахъ особые ночлежные пріюты для бѣдняковъ (Casual Ward), куда свободно, т. е. безплатно допускается каждый нуждающійся; но вся обстановка этихъ ночлежныхъ домовъ чисто тюремная: пришедшій не только мѣняетъ свой костюмъ на казенный, но подчиняется строжайшей дисциплинѣ и принудительной тяжелой работѣ: онъ обязанъ, смотря по силамъ, или разбить полтонны мелкаго камня, или нащипать четыре фунта пеньки,—работа, которая не можетъ быть исполнена, при самомъ упорномъ трудѣ, менѣе чѣмъ въ сутки; поэтому, чтобы воспользоваться одинъ разъ ночлегомъ, бѣдняга долженъ пробыть затѣмъ цѣлый день надъ этой вынужденной работой, чтобы выполнить урокъ. Въ случаѣ же урокъ не исполненъ,—бѣднякъ отдается подъ судъ, какъ бродяга, уклоняющійся отъ общественной работы, и будетъ присужденъ къ большему или меньшему количеству времени тюремнаго заключенія. Понятно поэтому, что какъ ни великъ многомилліонный Лондонъ, многія тысячи людей въ немъ, не желая идти ночевать въ рабочіе дома, не находятъ себѣ иного пріюта и проводятъ ночи, блуждая по улицамъ, въ тщетныхъ поискахъ заработка (нищенство строжайше запрещено и рѣдко практикуется) или мѣстечка, гдѣ можно приткнуться и подремать хоть нѣсколько часовъ, чтобы дать покой иззябшему и часто больному тѣлу. Парки, гдѣ безпріютная голь ищетъ себѣ отдыха въ укромныхъ мѣстечкахъ днемъ, ночью заперты, а потому чаще всего бездомныхъ скитальцевъ въ Лондонѣ можно встрѣтить сотнями на нѣкоторыхъ рынкахъ (напр. Ковентгарденскомъ) и особенно на набережной Темзы въ Сити, гдѣ полиція снисходительнѣй и дозволяетъ посреди глубокой ночи, обратно съ другими мѣстами столицы, занимать и помѣщаться для отдыха на каменныхъ скамьяхъ, поставленныхъ вдоль набережной. Офицеры Арміи Спасенія обязаны по ночамъ обходить подобные закоулки и помогать, чѣмъ могутъ, бѣднякамъ. По порученію Бутса, они собрали длинный рядъ исторій отъ этихъ скитальцевъ, ночующихъ на лавкахъ и лѣстницахъ, и многіе, по истинѣ трогательные отрывки приводятся имъ. Въ большинствѣ случаевъ это—или старики, по дряхлости не могущіе найти себѣ привычную работу, или больные, потерявшіе ее, или наконецъ, дѣти, и рѣже—рабочіе, еще въ силѣ лѣтъ, но вслѣдствіе долгой безработицы, а иногда и пьянства, спустившіе все, что имѣли, а потому и не могущіе заплатить даже нѣсколько копѣекъ за ночлегъ. Насколько великъ въ огромномъ Лондонѣ, несмотря на тысячи благотворительныхъ учрежденій, спросъ на помѣщеніе и кровъ, можно судить по тому, что въ одну изъ лѣтнихъ ночей въ 1890 году одинъ изъ офицеровъ, под-

чиненныхъ Бутса, пройдя вдоль набережной Темзы отъ Блякфрайерскаго до Вестминстерскаго моста, насчиталъ спящихъ на улицѣ 368 человѣкъ, несмотря на то, что это лѣто отличалось торговымъ и промышленнымъ оживленіемъ и бѣдняковъ было сравнительно меньше!!

Три года передъ тѣмъ толпы такихъ-то безпріютныхъ оборванцевъ, собравшись на одномъ изъ подобныхъ пунктовъ своего ночлега, двинулись въ Вестъ-Эндъ, скандализируя своими рубищами и исхудалыми лицами мимоѣдущую и идущую респектабельную публику и парадируя мимо ея до самаго Трафальгаръ Сквэра. Порядокъ и законъ потребовалъ отъ полиціи прекращенія такихъ странныхъ процессій, а возбужденное вниманіе общественнаго мнѣнія высказалось за необходимость сдѣлать что нибудь для доставленія бѣднакамъ пріюта и работы; но, къ сожалѣнію, по увѣренію Бутса, въ томъ и другомъ отношеніи сдѣлано крайне мало, и Лондонъ, какъ всѣ промышленные пункты Англіи, каждую ночь въ своихъ бѣдныхъ кварталахъ наполненъ безпріютными и бездомными, большею частью тщетно ищущими себѣ успокоенія.

Къ услугамъ такихъ-то скитальцевъ Армія Спасенія устроила въ разныхъ мѣстахъ *пять* ночлежныхъ домовъ, но, къ сожалѣнію, и она не можетъ, по своимъ средствамъ, сдѣлать ихъ безплатными: но за то, взимая минимальную плату въ 4 пенса (16 коп.), общество доставляетъ бѣдняку столько удобства, сколько онъ не можетъ получить нигдѣ и за большія деньги. Кромѣ удобнаго ночлега въ чистой, хотя и скромной обстановкѣ, бѣднякъ получаетъ за ту же цѣну ужинъ и утромъ, передъ уходомъ, завтракъ. Ночлежный домъ открытъ съ пяти часовъ вечера, и въ дурную погоду обыкновенно и наполняется съ этихъ поръ. Ночующій имѣетъ достаточно времени, чтобы не только вымыться или заняться какой-нибудь работой, но даже, если захочетъ, выстирать себѣ бѣлье, для чего при домѣ имѣются безплатно всѣ необходимыя принадлежности. Женскія отдѣленія такихъ же ночлежныхъ пріютовъ открыты еще раньше, доставляя возможность женщинѣ заняться шитьемъ или другой необходимой ей работой раньше, чѣмъ она отойдетъ ко сну. Каждый почти вечеръ, въ 7 или 8 часовъ, въ ночлежныхъ домахъ устраиваются митинги Арміи Спасенія. Они начинаются краткой молитвой, за которой слѣдуютъ—музыка, часто веселая, и пѣнье, перемежаемыя иногда поученіемъ или простой бесѣдой членовъ общества съ ночлежниками. Въ результатѣ, говоритъ Бутсъ, никогда Армія Спасенія не получала столько искреннихъ адептовъ и не спасала столько людей, погрязшихъ въ крайнемъ пьянствѣ, какъ на подобныхъ сходбищахъ въ ночлежныхъ домахъ.

Многіе изъ наиболѣе выдающихся нынѣ дѣятелей Арміи Спасенія пріобрѣтены ею этимъ именно путемъ, а еще большее количество людей вообще спасено отъ нищеты и порока. Въ 10 часовъ вечера собраніе расходится, огни тушатся, и ночлежники могутъ спокойно отдыхать до 6-ти часовъ утра.

Вслѣдъ за бездомностью стоитъ другая, еще болѣе важная забота для бѣдняка, которая часто является причиной первой—*безработица*. Едва-ли можно себѣ представить другую, болѣе патетическую фигуру, какъ сильнаго, здороваго работника, который, стоя передъ нашими церквами и дворцами, говоритъ Бутсъ, жалобно проситъ, но не о милостынѣ, а о работѣ, хотя бы самой тяжелой, но которая бы доставила средства наполнить его пустой желудокъ и накормить его голодныхъ дѣтей. Прося объ этой работѣ и не получая ея, ища труда, какъ потеряннаго сокровища, и не находя его, рабочій постоянно опускается, падаетъ духомъ, отучается отъ дѣла, пропитываясь всѣмъ зломъ крайней нищеты, бездѣлья и дурной нравственной атмосферы, въ которую онъ погружается въ своей трущобной жизни. Уже глядя на него, нельзя не придти къ заключенію, что наша организація промышленности оставляетъ желать многаго и задаетъ задачи, настоятельно требующія разрѣшенія передъ лицомъ всей христіанской цивилизаціи конца XIX-го столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, эти люди—рабочіе—имѣютъ единственный капиталъ, который заключается въ ихъ трудѣ, и, между тѣмъ, имъ нетолько дозволяется, но они даже вынуждены къ тому, чтобы тратить его день за днемъ, отъ недостатка средствъ употребленія, отъ недостатка работы. Но что всего оригинальнѣе и что нерѣдко случается видѣть—въ то самое время, когда эти рабочіе остаются день за днемъ безъ дѣла, растрачивая этотъ свой капиталъ многими фунтами стерлинговъ, имъ же читаютъ лекціи о бережливости и дѣлаютъ выговоры за то, что они не экономятъ какіе-нибудь пенсы!! Когда богатый человѣкъ не можетъ найти мѣста для приложенія своего капитала, онъ отдаетъ его на проценты и пользуется имъ такимъ образомъ; между тѣмъ, во всемъ свѣтѣ не изобрѣтено еще банка, который бралъ бы на проценты единственный капиталъ бѣдняка, т. е. сберегалъ бы его трудъ; а такой банкъ, былъ бы, конечно, болѣе важнымъ благодѣяніемъ для міра, нежели первый, и изобрѣтеніе его поэтому крайне желательно. Въ то время, когда для капиталиста его капиталъ имѣетъ значеніе лишь денегъ для работника его капиталъ—трудъ, не только капиталъ, но и жизнь: гибнетъ даромъ трудъ—пропадаетъ и жизнь. Поэтому—утилизировать трудъ, предупредить эту безсмысленную расточительность, эту гибель труда, доставить бѣдному

своего рода банкъ для сбереженія его капитала,—было бы, конечно, истинно великимъ дѣломъ и заслугой предъ человѣчествомъ.

Что дѣлать работнику, когда у него нѣтъ труда, и онъ не можетъ отыскать таковаго? Это тотъ вопросъ, который уже много лѣтъ снѣдаетъ Европу, но до сихъ поръ не получилъ удовлетворительнаго отвѣта. Такой рабочій, говоритъ Бутсъ, по его картинному выраженію, находится на краю пропасти, и тѣмъ онъ къ ней ближе, чѣмъ дольше остается безъ работы. Если о подобномъ лицѣ не позаботится случайно какая-нибудь благотворительная рука,—а обыкновенная благотворительность никогда не будетъ достаточна для спасенія всѣхъ гибнущихъ при настоящемъ общественномъ порядкѣ,—то такое лицо непремѣнно погибнетъ или отъ собственной руки—самоубійствомъ, или умретъ отъ голоду, или, наконецъ, погрузится въ бездну порока и преступленія и поступитъ, можетъ быть, на содержаніе на общественный счетъ, увеличивая черезъ то косвенно тяжесть жизни для остальной массы народа. По всѣмъ тремъ видамъ данной альтернативы Бутсъ приводитъ достаточное количество краснорѣчивыхъ примѣровъ, изъ каждодневныхъ наблюденій своихъ собственныхъ и своихъ офицеровъ.

Такимъ образомъ, міръ не нашелъ еще разрѣшенія этой загадки. Бутсъ также не обѣщается въ своихъ планахъ найти работу для всякаго желающаго и удовлетворить непремѣнно всякаго нуждающагося. Но, тѣмъ не менѣе, онъ обѣщается, что если ему удастся осуществить свои планы, изложенные во второй части книги и уже нѣсколько испробованные, то большая часть указанныхъ нуждъ человѣчества, по крайней мѣрѣ, получитъ удовлетвореніе. Авторъ, дѣйствительно, рѣзко отступаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ примѣровъ другихъ реформаторовъ, отнюдь не сулитъ сейчасъ же рай земной—millenium отъ осуществленія своихъ плановъ, и выставляетъ опять-таки, какъ сейчасъ увидимъ, совершенно иную исходную точку всей схемы. Въ борьбѣ жизни, сознается онъ, нельзя закрывать глаза, — слабѣйшій сбрасывается съ дороги,— а на свѣтѣ такихъ очень много,— способнѣйшій же, напротивъ, переживаетъ. Все, что можно сдѣлать, это смягчить участь неспособныхъ и сдѣлать ихъ лишенія менѣе ужасными, нежели въ настоящее время. Съ другой стороны, чтобы сдѣлать всякую соціальную реформу дѣйствительной, а не фиктивной помощью человѣчеству, необходимо нравственное его перерожденіе. «Чтобы спасти человѣчество отъ удручающихъ его соціальныхъ золъ, говоритъ Бутсъ, вовсе недостаточно подарить ему пару новыхъ панталонъ, или доставить постоянную работу, или даже дать ему университетское образованіе. Всѣ эти вещи лежатъ внѣ человѣка и если внутри онъ

останется безъ перемѣны, весь вашъ трудъ пропадетъ». Чтобы надѣяться на успѣхъ, реформаторъ долженъ старую природу человѣка измѣнить на новую. Различіе метода, который Бутсъ предлагаетъ въ своей книгѣ, отъ другихъ реформаторовъ, именно, по его словамъ, заключается въ методѣ. «Представьте себѣ, говоритъ онъ, двухъ садовниковъ, собирающихся прививать яблоню: одинъ произвелъ бы эту операцію обыкновеннымъ образомъ, другой же ограничился бы тѣмъ, что привязалъ нѣсколько культурныхъ яблокъ къ дикой яблонѣ; очевидно, на успѣхъ прививки можетъ разсчитывать только первый садовникъ, который измѣнилъ самую природу яблони, а не ограничился внѣшнимъ, поверхностнымъ дѣйствіемъ. Лишь первый методъ есть настоящій, ведущій къ цѣли».

Но разрѣшеніе соціальнаго вопроса тѣмъ и трудно, и до сихъ поръ всѣ усилія были тщетны, что постоянно образуется своего рода cercle vicieux: съ одной стороны нельзя разсчитывать на успѣхъ никакой реформы, пока не измѣнится сама природа людей, пока они, по выраженію Бутса, «не родятся вновь», но съ другой, какъ онъ же выражался, нельзя проповѣдывать Евангеліе людямъ, все вниманіе которыхъ сосредоточено на бѣшеной, отчаянной борьбѣ за голое существованіе. «Вы можете, сколько угодно, читать нравоученія и предлагать душеспасительное чтеніе матросу, который гибнетъ во время кораблекрушенія: разумѣется, онъ не будетъ слушать васъ болѣе, чѣмъ человѣкъ, котораго голова была бы уже подъ водой; первая, слѣдовательно, вещь, если вы желаете поучать, это, конечно, необходимо его спасти отъ гибели и сначала поставить на твердую почву, и вообще доставить ему возможность жить». Такова дилемма соціальнаго вопроса, практическій выходъ изъ которой обѣщается показать генералъ Бутсъ. Очевидно, этотъ исходъ долженъ заключаться лишь въ постепенности всей производимой реформы и въ необходимости оба условія соблюдать единовременно, т. е. нравственное перерожденіе человѣчества и приспособленіе къ тому общественнаго организма и условій жизни, и во всякомъ случаѣ, развитіе и улучшеніе человѣческаго быта не можетъ двигаться впередъ быстрыми скачками, какъ это утверждаютъ, заблуждаясь, многіе соціальные фантазеры.

Затѣмъ, авторъ переходитъ, покончивши описаніе соціальныхъ бѣдствій честныхъ бѣдняковъ, къ порочнымъ и преступнымъ. Само собою разумѣется, онъ не предполагаетъ останавливаться на перечисленіи и указаніи всѣхъ пороковъ и всѣхъ грѣховъ; тѣмъ болѣе, что въ наше время, по его утвержденію, многіе пороки начали сходить за добродѣтель. Скупость, напримѣръ, и гордость, перекрещенныя въ береж-

ливость и самоуваженіе, сдѣлались ангелами хранителями христіанской цивилизаціи, а что касается до зависти, то она является краеугольнымъ камнемъ всей современной системы конкурренціи. Остаются два порока, которые, къ счастью, или несчастью, говоритъ Бутсъ, не только не переряжены, но и никто не скрываетъ факта, что они пороки, а не добродѣтели. Это—пьянство и развратъ, которые имѣютъ огромное значеніе, какъ тормазы къ соціальному преуспѣянію. Способы борьбы съ этими пороками до такой степени затруднительны, что человѣка болѣе слабаго и менѣе твердаго духомъ могутъ повергнуть въ отчаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать общество относительно, положимъ, незаконнорожденнаго проститутки, зачатаго въ пьяномъ состояніи, чуть не съ младенчества пріученнаго къ винну и всю свою жизнь, съ самыхъ раннихъ воспоминаній, окруженнаго самымъ животнымъ развратомъ, съ притупленіемъ всего, что въ человѣкѣ есть благороднаго? Если это дитя—дѣвочка, то она, можетъ быть, уже двѣнадцати лѣтъ продана родной матерью и начинаетъ заниматься ея же профессіей. Что, спрашивается, общество можетъ сдѣлать и какъ измѣнить характеръ и нравы такихъ личностей, встрѣчаемыхъ каждодневно въ большихъ городахъ? Но, между тѣмъ, отвѣчаетъ Бутсъ, общество обязано же что-либо сдѣлать и въ данномъ случаѣ, не жалѣя трудовъ и усилій, чтобы спасти и подобную жертву несчастія,—и такіе люди,—все-таки *люди* и, слѣдовательно, по буквальному выраженію Бутса, «согласно русской (?!) поговоркѣ, въ нихъ есть искра Божія, которая теплится, пока не погаснетъ ихъ жизнь», и вотъ поддержать, раздуть эту искру общество обязано всѣми силами, въ той же степени относительно пьяницъ и проститутокъ, какъ и относительно бездомныхъ и неимѣющихъ заработка.

Обращаясь затѣмъ къ детальному разсмотрѣнію вопроса, необходимо долѣе всего остановиться въ пьянствѣ, такъ какъ этотъ порокъ есть важнѣйшій. Девять десятыхъ нашей бѣдности, несчастій, пороковъ и разврата, думаетъ Бутсъ, на основаніи его близкаго знакомства съ трущобнымъ міромъ, являются результатомъ пристрастія къ хмѣльнымъ напиткамъ. Многія изъ нашихъ соціальныхъ бѣдствій, которыя отѣняютъ страну, какъ извѣстныя вредоносныя деревья «упасъ» (Анчаръ), исчезли бы и вымерли, можетъ быть, если бы постоянно не поддерживались тѣми же напитками. Девятнадцать двадцатыхъ всѣхъ преступленій, по словамъ судьи Фицджеральда въ Ирландіи, являются результатомъ пьянства; то же самое можно сказать и объ Англіи. Въ Соединенномъ Королевствѣ Великобританіи и Ирландіи насчитывается вмѣстѣ 190 тысячъ питейныхъ заведеній и 200 тыс. ежегодно полицейскихъ

арестовъ за пьянство. По приблизительному разсчету Бутса, во всемъ государствѣ нужно насчитывать не менѣе *одной четверти милліона* пьяницъ. Но какъ ни велико, такимъ образомъ, все зло, производимое пьянствомъ, оно не является чѣмъ-то извнѣ, зломъ, съ которымъ можно бороться наружными или искусственными средствами; кабакъ является естественнымъ продуктомъ всѣхъ нашихъ соціальныхъ условій; помѣщеніе питейнаго заведенія,—подъ тѣмъ или инымъ названіемъ, все равно,—является для бѣдняка въ нѣкоторомъ родѣ единственной доступной ему гостиной. Многіе пьютъ, особенно въ началѣ, водку или пиво вовсе не изъ любви къ нимъ, а изъ естественнаго стремленія человѣка къ свѣту, теплу и пріятной компаніи, чего бѣднякъ не можетъ найти у себя, не зайдя въ кабакъ. Затѣмъ, не слѣдуетъ забывать несомнѣнную связь потребленія хмѣльныхъ напитковъ съ питаніемъ: пьющаго тянетъ къ питью тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше его нищета, чѣмъ хуже онъ питается и больше голодаетъ. Человѣкъ съ достаткомъ и довольный судьбой не ищетъ самозабвенія въ винѣ, а человѣкъ сытый не нуждается въ немъ, чтобы забыть голодъ; «водка—это своего рода Лета—рѣка забвенія для несчастливцевъ». Наконецъ, грязь и отравленный міазматическій воздухъ трущобъ, безъ сомнѣнія, также вызываютъ потребность въ возбудительныхъ напиткахъ—за недостаткомъ свѣжаго воздуха съ его кислородомъ и озономъ человѣка тянетъ къ питью. Во многихъ случаяхъ затѣмъ пьянство прямо является наслѣдственной болѣзнью, и вообще на него нужно смотрѣть, какъ на болѣзнь, и, какъ всякая болѣзнь, оно требуетъ леченія и вызываетъ потребность въ устройствѣ своихъ спеціальныхъ больницъ. Это и дѣлаетъ Армія Спасенія, уже устроивши общедоступную больницу для пьяницъ и, какъ мы узнаемъ дальше, оно мечтаетъ объ устройствѣ ихъ во всѣхъ промышленныхъ пунктахъ страны, гдѣ существуетъ для того особая потребность.

Слѣдующій затѣмъ порокъ будетъ распутство. Главный здѣсь вопросъ о проституткахъ является совершенно неразрѣшимымъ обыкновенными средствами. Между тѣмъ, всякій, кто взглянетъ вглубь вопроса, не можетъ, конечно, отказать этимъ несчастнымъ въ глубокой симпатіи; правда, нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ, даже, допустимъ, многія, вслѣдствіе ли унаслѣдованныхъ причинъ, или воспитанія, выступаютъ свободно на путь порока; но къ большинству, все-таки, это замѣчаніе относиться не можетъ. Даже тѣ, которыя, повидимому, свободно избрали постыдную профессію, нѣтъ сомнѣнія, дѣйствовали подъ вліяніемъ такихъ отношеній, о которыхъ немногіе моралисты могутъ составить себѣ понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ промышленнаго

и торговаго характера современномъ обществѣ, строющемъ всѣ свои отношенія на началахъ не «справедливости», а лишь «дорого» или «дешево», нельзя не принимать во вниманіе тотъ страшный, но несомнѣнно вѣрный фактъ, что ни въ одномъ, вѣроятно, женскомъ промыслѣ молодая и красивая дѣвушка не можетъ въ короткій срокъ заработать столько денегъ, сколько куртизанка. Недавно одинъ судебный процессъ въ Льюисѣ обнаружилъ, что одна подобная дама, какъ это выяснилось на судѣ, получала въ годъ цѣлое министерское жалованье—до четырехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Но если даже на такой размѣръ заработка добываемаго порокомъ, смотрѣть какъ на исключительный, то, во всякомъ случаѣ, по словамъ Бутса, размѣръ въ 500 фунтовъ стерл. (5,000 руб.) является въ Англіи довольно обыкновенной выручкой подобной женщины, тогда какъ въ другихъ профессіяхъ такихъ размѣровъ заработокъ сравнительно рѣдокъ. Наконецъ, не слѣдуетъ также забывать, вдобавокъ къ этому, что проституція есть единственная профессія, гдѣ новички вступающія получаютъ болѣе всего, а это обстоятельство, разумѣется, опять-таки во много разъ сильнѣе увеличиваетъ соблазнъ и искушеніе. Въ данномъ случаѣ повторяется старая басня о продажѣ своей души чорту: искуситель предлагаетъ богатство, утѣхи, радость, удовольствія, но взамѣнъ отъ жертвы требуетъ продать ея душу и, конечно, возьметъ свое условленное вознагражденіе до послѣдней копѣйки. Человѣческая природа вообще не отличается дальнозоркостью, а молодость, къ тому же, всегда падка къ удовольствіямъ и видитъ лишь блестящую приманку, которую ей показываютъ; ей говорятъ, что «всѣ такъ дѣлаютъ», наконецъ доказываютъ вполнѣ, что она въ одинъ день можетъ получить больше, нежели заработать шитьемъ, или инымъ честнымъ трудомъ въ цѣлый мѣсяцъ. Она борется, пока можетъ, но когда падетъ,—у кого изъ мужчинъ или съ дѣтства обезпеченныхъ женщинъ хватитъ духу, послѣ всѣхъ указанныхъ соблазновъ, бросать въ эту жертву камнемъ? Несомнѣнно въ то же время, что если премія, которую беретъ женщина, торгующая порокомъ, въ началѣ своей карьеры, и очень велика, то и наказаніе въ концѣ ея обыкновенно страшно жестоко... Поэтому, когда вы видите уличную женщину, вы никогда, безъ изслѣдованія, не можете опредѣлить, является-ли она достойной осужденія, или скорѣй достойной состраданія. Многія изъ нихъ потому и впали въ грѣхъ, что были слишкомъ довѣрчиваго и благороднаго характера, и это довѣріе, рожденное изъ невинности, является часто наиболѣе сильнымъ союзникомъ ихъ соблазнителей. Многія изъ нихъ—сироты, или дѣти развращенныхъ матерей, или жертвы, наконецъ, прямого насилія и преступленія—и осуждать ихъ

строго въ такой же степени справедливо, какъ лицъ изуродованныхъ, напримѣръ, рукою убійцы. Бутсъ приводитъ длинный списокъ наблюденій, которыя въ этомъ мірѣ порока дѣлаютъ многочисленные члены Арміи Спасенія, состоящія изъ женщинъ, спеціально себя посвящающихъ святому дѣлу спасенія своихъ сестеръ. Армія Спасенія всегда обращала на этотъ вопросъ особенное вниманіе, и устроила—не-много-не-мало—цѣлыхъ *тридцать три* убѣжища для падшихъ женщинъ. Насколько потребность въ подобныхъ учрежденіяхъ велика, можно судить уже изъ того, что въ Лондонѣ насчитывается проститутокъ отъ 60 до 80 тысячъ человѣкъ, и, хотя эту цифру Бутсъ считаетъ почему-то сильно преувеличенной, тѣмъ не менѣе, несомнѣненъ фактъ, что пріюты Арміи Спасенія, не говоря о другихъ магдалининскихъ убѣжищахъ, большею частью переполнены, и приходится отказывать многимъ дѣвушкамъ, желающимъ въ нихъ поступить. Свѣдѣнія, собранныя этими членами общества относительно падшихъ женщинъ, представляютъ по обыкновенію длинный мартирологъ обмановъ, соблазновъ, насилій, и—главное—страданій. Само собою разумѣется, что далеко не всѣ усилія увѣнчиваются успѣхомъ и удается спасти далеко не всѣхъ падшихъ. Но невозможно не удивляться изумительной энергіи и самоотверженію, которыя показываютъ при исполненіи своей обязанности сами члены общества. Около Вульвича, напримѣръ, существуетъ страшный вертепъ, называемый Dust Hole (буквально—мѣсто для свалки мусора), населенный преступниками и проститутками самаго низшаго разбора. Мѣсто это пользуется такой дурной репутаціей, что даже полицейскіе ночью не иначе туда проникаютъ, какъ вооруженные и по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, а солдатамъ изъ сосѣдняго арсенала строжайше даже запрещено совсѣмъ туда ходить, въ виду частыхъ несчастій; между тѣмъ, Армія Спасенія не только устроила тамъ одно изъ своихъ магдалининскихъ убѣжищъ, но члены общества, иногда молодыя дѣвушки, ничѣмъ, конечно, не вооруженныя, свободно проходятъ въ эту улицу и днемъ, и ночью, никѣмъ часто не сопровождаемыя и, по словамъ Бутса, безъ всякой для себя опасности, подъ покровомъ или защитой общей къ нимъ симпатіи со стороны подонковъ этой трущобы.

Самымъ меньшимъ по численности, но въ то же время наиболѣе безутѣшнымъ классомъ бѣдняковъ въ англійскихъ трущобахъ являются преступники и полупреступники, понимая подъ послѣдними лицъ еще не осужденныхъ. По этому предмету, конечно, нѣтъ никакихъ точныхъ статистическихъ данныхъ, но Бутсъ насчитываетъ приблизительно всѣхъ лицъ этого класса около 90 тысячъ (въ томъ числѣ однихъ профессіональныхъ воровъ 14,747). Совершенно невозможно

вычислить весь вредъ, который наноситъ эта огромная преступная армія, но достаточно лишь привести читателю, что одно содержаніе преступниковъ и издержки полиціи и уголовныхъ судовъ для ихъ преслѣдованія обходится странѣ около четырехъ съ половиною милліоновъ фунт. стерл., что, конечно, навѣрное, составитъ лишь весьма небольшой процентъ всего украденнаго и ограбленнаго добра, не говоря уже о стоимости непроизводительнаго труда шестидесяти пяти тысячъ человѣкъ однихъ лишь взрослыхъ преступниковъ.

Но преступленіе идетъ рука объ руку съ бѣдностью; нельзя отрицать, разумѣется, и наслѣдственной преступности, но, навѣрное, на одного такого прирожденнаго преступника находится нѣсколько человѣкъ, сдѣлавшихся ими исключительно въ силу крайней нищеты и невниманія общества къ нуждамъ своихъ членовъ. Доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ Лондонѣ ежегодно изъ 66,100 арестовъ, которые производятся полиціей,—444 среднимъ числомъ происходятъ за покушеніе на самоубійство. Жизнь для многихъ, слѣдовательно, становится такою тягостью, что они рѣшаются отъ нея отдѣлаться, наложивши на себя руки. Еще чаще, конечно, встрѣчаются люди, которые, вмѣсто послѣдняго зла, выберутъ другое,—менѣе для себя тяжелое,—т. е. разные виды нарушенія правъ чужой собственности.

Въ виду той трудности, которую представляетъ исправленіе людей, проведшихъ всю свою жизнь въ служеніи пороку, многіе филантропы невольно приходятъ въ отчаяніе и, махнувши рукой что-либо сдѣлать со взрослымъ трущобнымъ населеніемъ для его поднятія, возлагаютъ единственную надежду на дѣтей! «Я считаю, говоритъ одинъ выдающійся англійскій государственный человѣкъ,—настоящее поколѣніе потерянымъ; ничего нельзя сдѣлать съ мужчинами и женщинами, выросшими при теперешнемъ состояніи деморализаціи. Вся моя надежда, что съ дѣтьми будетъ больше удачи. Весьма много должно сдѣлать образованіе». «Но, къ несчастью, возражаетъ Бутсъ, и эти надежды весьма проблемматичны, такъ какъ въ нашихъ городахъ дѣти весьма часто не улучшаются въ нравственномъ отношеніи, а скорѣе ухудшаются и обѣщаютъ мало хорошаго». Возьмемъ по этому поводу хоть важный вопросъ о взаимномъ отношеніи города и деревни въ странѣ; послѣдняя рождаетъ и вскармливаетъ вездѣ здоровое поколѣніе гражданъ; между тѣмъ, въ Англіи замѣчается единовременно—уменьшеніе деревенскаго населенія и быстрый громадный ростъ городскаго, при чемъ подростающее поколѣніе проигрываетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ребенокъ, выросшій въ городѣ, имѣетъ множество невыгодъ, сравнительно съ такимъ же, выросшимъ въ деревнѣ, и въ то же время число го-

родскихъ ребятъ въ Англіи каждый годъ ростетъ, а деревенскихъ убываетъ. Чтобы вырастить здоровыхъ дѣтей, необходимы четыре условія: нуженъ семейный очагъ, во-вторыхъ, нужно молоко, въ-третьихъ, свѣжій воздухъ и въ-четвертыхъ, игры и забавы посреди природы, подъ открытымъ небомъ. Всѣми этими четырьмя выгодами владѣетъ деревенскій ребенокъ въ каждой странѣ и лишенъ большею частью городской, особенно въ Англіи. Правда, послѣднее время тѣнь городской жизни легла, какъ выражается картинно Бутсъ, и на деревенскія поля, и деревенскимъ ребятишкамъ рѣже приходится лакомиться молокомъ и то развѣ снятымъ: большая часть его пожирается городами. Но онъ все-таки имѣетъ всѣ остальныя преимущества предъ своимъ городскимъ собратомъ: онъ живетъ натуральной жизнью посреди птицъ и деревьевъ и подростаетъ окруженный всѣмъ, что даетъ человѣку хорошаго природа; онъ не муравей человѣческаго рода, ползающій по гранитной мостовой огромнаго городскаго муравейника, съ больнымъ тѣломъ и неестественно развитой нервной системой.

Заслуги народнаго образованія, конечно, весьма велики, но если всмотришься ближе, то нельзя не сознаться, что народъ нашъ получаетъ образованіе, но не имѣетъ воспитанія, и школы послѣдняго не даютъ: ребенокъ проходитъ классы, изучаетъ чтеніе, письмо, ариѳметику и т. д., но вовсе не получаетъ воспитанія, въ смыслѣ развитія способностей, нужныхъ ребенку для выполненія обязанностей его будущей жизни. Посмотрите, напримѣръ, что дѣлаетъ школа для дѣвочекъ? Едва ли кто будетъ оспаривать, что теперешняя дѣвочка, выходя изъ школы, не имѣетъ и половины тѣхъ нужныхъ для жизни свѣдѣній, которыми владѣла ея бабушка: она не съумѣетъ ни испечь хлѣба, ни выстирать своего бѣлья, ни приготовить его, и школа должна заботиться и пріучать ее къ домашней экономіи и порядливости, чему прежде всегда учила мать несравненно легче и лучше!! Не нужно также забывать опасности, которую представляетъ часто наша городская школа своимъ смѣшаннымъ составомъ дѣтей: рядомъ съ вашими невинными малютками въ общественной школѣ сидятъ дѣти изъ трущобнаго міра, для которыхъ распутство было той постоянной атмосферой, среди которой они выросли. По свидѣтельству Бутса, дѣти, поэтому, въ нѣкоторыхъ лондонскихъ городскихъ школахъ поражаютъ своимъ неприличнымъ языкомъ и нравами. Но, помимо этой случайности, противъ которой еще можно бороться, нужно помнить также, что весь общественный складъ жизни нынче стремится разлучать дѣтей съ родителями, а тѣмъ разрушаетъ семью и пагубно дѣйствуетъ и на подростающее поколѣніе, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Во множествѣ городскихъ профессій не только отецъ проводитъ 13—14 часовъ внѣ дома, не видя собственныхъ дѣтей и не имѣя возможности на нихъ вліять, но и мать также часто покидаетъ своихъ дѣтей на руки какой-нибудь наемницы, чтобы работать на фабрикѣ и въ мастерской. Естественнымъ результатомъ является съ одной стороны—ослабленіе и распаденіе семьи, а съ другой—болѣзненность и сильная смертность дѣтей.

Еще печальнѣе, разумѣется, въ городахъ судьба незаконнорожденнаго ребенка, за вину родителей несущаго наказаніе. Какъ извѣстно, немногіе изъ нихъ доживаютъ до взрослаго возраста, а и выросшіе, по преимуществу, вербуются порокомъ и преступленіемъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, говоритъ Бутсъ, существуютъ гигантскіе воспитательные дома въ главныхъ городахъ, снабженные всѣмъ комфортомъ и научными пособіями, которыя только, повидимому, могутъ потребоваться, и, тѣмъ не менѣе, большая часть дѣтей умираетъ. Государство въ данномъ случаѣ какъ бы сберегаетъ матерей отъ преступленія и беретъ на себя отвѣтственность. Но въ Англіи нѣтъ и такихъ домовъ и они замѣняются улицей, рабочимъ домомъ и могилой. Дѣтоубійство подъ разными формами, видами и предлогами ростетъ и увеличивается. Какъ доказываютъ недавнія парламентскія слѣдствія, появилось даже такое гнусное преступленіе, какъ медленное дѣтоубійство съ цѣлью полученія страховой преміи!

Итакъ вопросъ о дѣтяхъ городского населенія является тоже далеко не въ утѣшительномъ положеніи. Дѣти—голодныя, лишенныя семейнаго очага, заботъ отца и ласки матери и далеко не получающія отъ школы той подготовки и выдержки, которыя необходимы въ жизни,—едва ли сулятъ въ будущемъ надежныхъ гражданъ для своего отечества.

Оканчивая описаніе соціальныхъ золъ, снѣдающихъ Англію, Бутсъ останавливается на перечисленіи всѣхъ ходячихъ по этому предмету панацей. На первомъ планѣ стоитъ весьма рекомендуемое средство противъ наиболѣе рѣзкихъ проявленій этихъ соціальныхъ золъ, рекомендуемое всѣми, которые не хотятъ дать себѣ труда вдуматься въ вопросъ глубже,—это уголовные законы и тюрьмы. Но Бутсъ справедливо указываетъ на полную несостоятельность такого леченія, напоминающаго нѣсколько старую медицину, гдѣ кровопусканіе было единственнымъ средствомъ противъ большинства болѣзней, а горячешная рубашка—единственнымъ средствомъ для всѣхъ помѣшанныхъ. Но само собою разумѣется, соціальныя болѣзни слишкомъ сложны, чтобы ихъ можно было излечивать такими способами. Кромѣ того, въ общей

суммѣ всѣхъ жителей трущобнаго царства,—по разсчету Бутса,—въ три милліона для Англіи, преступный классъ, какъ мы уже говорили, составляетъ всего лишь 90 тысячъ, т. е. численно менѣе, чѣмъ одна тридцатая часть всѣхъ его жителей.

Затѣмъ, перебирая всѣ, въ этомъ случаѣ обыкновенно рекомендуемые способы, Бутсъ находитъ ихъ или недостаточными, или неудовлетворительными; это можно сказать напримѣръ, о частной благотворительности, объ эмиграціи, распространеніи и развитіи рабочихъ союзовъ (Trades Union), поощреніи въ народѣ бережливости и тому подобныхъ средствахъ. Частная благотворительность, напр., даже если ее увеличить въ нѣсколько разъ, весьма недостаточна, а при теперешнихъ способахъ ея—весьма поверхностна и не всегда приноситъ должную пользу. Эмиграція, нѣтъ сомнѣнія, средство очень хорошее и вѣрное, когда эмигранты подготовлены къ переселенію, имѣютъ для того всѣ необходимыя средства и свѣдѣнія, и переселеніе ведется не на-обумъ, а по строго опредѣленной программѣ и съ должнымъ руководительствомъ. «Просто преступно, говоритъ онъ, переселять множество совершенно неподготовленныхъ мужчинъ и женщинъ, безъ копѣйки денегъ и безъ всякой помощи въ новую для нихъ обстановку. Въ результатѣ является переполненіе и деморализація городской жизни въ колоніяхъ и гибель переселенцевъ. Что касается до промышленныхъ или рабочихъ союзовъ, а равно и кооперацій или другихъ товариществъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они весьма полезны и послѣднимъ даже принадлежитъ будущее, но въ настоящемъ—они не могутъ принести существеннаго облегченія милліонамъ людей, ничего не имѣющимъ; а равно безполезно говорить людямъ о бережливости, когда нечего сберегать. Рабочіе союзы обнимаютъ до сихъ поръ далеко не всѣ виды даже такъ называемаго искуснаго труда, что же касается до неискуснаго или чернорабочаго, то рабочіе союзы совсѣмъ между ними не существуютъ, а равно въ большинствѣ женскихъ профессій».

Тѣ же почти возраженія можно сдѣлать и противъ всевозможныхъ соціальныхъ фантазій послѣдняго времени, въ родѣ знаменитой схемы Генри Джоржа или націонализаціи Эдварда Беллами. Бутсъ относится ко всѣмъ имъ весьма сочувственно, но, какъ человѣкъ практическій, онъ желаетъ прежде всего стоять на почвѣ факта и имѣть въ рукахъ точныя свѣдѣнія, что именно нужно дѣлать по данному вопросу и какія доказательства имѣются въ осуществимости этихъ плановъ. Какъ бы ни были хороши и увлекательны эти фантазіи, но всѣ онѣ касаются будущаго, «сулятъ журавля подъ небесами, а не даютъ синицу

въ руки». «Предположимъ, мы готовы принять то или другое изъ этихъ предположеній, но что намъ дѣлать съ тысячами голоднаго, бездѣльнаго народа, ночующаго каждодневно въ нашихъ пріютахъ? Вотъ, положимъ, Джонъ Джонсъ — здоровый рабочій, но въ рубищѣ: онъ не обѣдалъ цѣлый мѣсяцъ, и съ утра до ночи ищетъ заработка, чтобъ получить возможность простого существованія и, между тѣмъ, ничего не находитъ, и опасается умереть отъ голоду въ богатѣйшемъ городѣ въ мірѣ. Что же дѣлать однако съ этимъ Джонъ Джонсомъ? Индивидуалистъ скажетъ мнѣ, что свободное дѣйствіе естественныхъ законовъ управляетъ борьбой за существованіе, и что въ результатѣ ея является переживаніе способнѣйшаго,—почему въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній мало-по-малу долженъ выработаться болѣе благородный типъ человѣчества;—положимъ, такъ, но что же дѣлать намъ теперь именно съ этимъ Джонъ Джонсомъ?—Соціалистъ говоритъ намъ, что уже занимается-де заря великой соціальной революціи, что скоро придетъ время, когда богатство будетъ перераспредѣлено заново, частная собственность уничтожена, всѣ желудки наполнены и не будетъ-де больше мѣста нетерпѣливому требованію, подобному Джонъ Джонса о работѣ, такъ какъ труда будетъ для всѣхъ достаточно... Положимъ, все это будетъ такъ, но Джонъ Джонсъ становится все нетерпѣливѣе и голоднѣе и едва ли его желудокъ согласится ждать обѣда до прихода этой соціальной революціи. Что же дѣлать наконецъ намъ съ этимъ Джонъ Джонсомъ?! Вотъ вопросъ!» Итакъ, ни одно изъ болѣе популярныхъ средствъ помощи къ разрѣшенію соціальнаго вопроса Бутса не удовлетворяетъ, и онъ переходитъ къ своей собственной схемѣ борьбы съ соціальными бѣдствіями, причемъ опять предупреждаетъ, что его планы ничего утопическаго или фантастическаго въ себѣ не имѣютъ, что они всѣ покоятся на фактахъ, уже добытыхъ жизнью и испытанныхъ опытомъ и что они не касаются, наконецъ, всего соціальнаго вопроса въ его цѣломъ, а имѣютъ въ виду лишь ближайшую помощь и спасеніе трущобному населенію современной Англіи.

II.

Будущее городского пролетаріата.

Покончивши съ описаніемъ англійскихъ трущобъ, Бутсъ переходитъ къ важнѣйшей части своей задачи,—къ изложенію схемы, какъ онъ ее называетъ, или плана тѣхъ соціальныхъ реформъ, съ помощью которыхъ онъ предполагаетъ устранить, хоть отчасти, эти бѣдствія и

уменьшить зло. Весьма долго, говоритъ онъ, наши отцы и предки, хотя и сознавали окружающія аномаліи, но, занятые другими важными дѣлами,—разными возстаніями, войнами, внутренними тревогами, не имѣли времени заняться разрѣшеніемъ этой задачи. Нынѣ, сравнительно, времена болѣе благополучныя, и мы должны взять на себя, наконецъ, это трудное и отвѣтственное дѣло, пережидать которое долѣе представляется невозможнымъ.

Но для наилучшаго достиженія столь важной, можно сказать, священной цѣли необходимы извѣстныя руководящія начала или принципы. Реформа безъ такихъ условій можетъ не только привести къ совсѣмъ неожиданнымъ и нежелательнымъ послѣдствіямъ, но оказаться тщетной или принести зла болѣе, чѣмъ добра. Вотъ эти начала соціальнаго переформированія населенія англійскихъ трущобъ:

Первое существенное условіе заключается въ томъ, что для успѣха дѣла,—если характеръ человѣка и поведеніе его являются причинами его неудачъ въ житейской борьбѣ, — необходимо прежде всего измѣнить самого человѣка; никакихъ перемѣнъ въ окружающихъ обстоятельствахъ, никакихъ существенныхъ измѣненій въ соціальныхъ условіяхъ не будетъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнится природа человѣка. Необходимо, чтобы въ немъ проснулось сознаніе, смягчилось сердце, просвѣтился духъ,—до тѣхъ же поръ, пока характеръ его остается прежній, весь вашъ трудъ надъ трущобнымъ человѣчествомъ будетъ потерянъ; какая польза, напримѣръ, въ томъ, что вы одѣнете пьяницу, дадите ему достаточное количество денегъ, устроите его въ хорошей обстановкѣ,—тѣмъ не менѣе въ три мѣсяца, много—въ полгода онъ спуститъ все и опять очутится въ рубищѣ, бездомнымъ и спящимъ на набережной Темзы, или съ тѣмъ же delirium tremens, во всякомъ случаѣ, въ ужасномъ и отвратительномъ видѣ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, очевидно, если желаете благихъ результатовъ, необходимо позаботиться перемѣнить самого человѣка. Если онъ пьяница,—нужно сначала сдѣлать его трезвымъ; если онъ лѣнивъ,—нужно сдѣлать его прилежнымъ; если преступенъ,—должно сдѣлать его честнымъ; если онъ такъ глубоко погрязъ въ порокъ, что потерялъ всякую сердечность, надежду и власть управлять собой и дѣлать что-либо,—то необходимо, конечно, вдохнуть въ него надежду, создать въ немъ стремленіе къ поднятію и выходу изъ его положенія,—иначе онъ никогда, разумѣется, не выберется изъ той трущобы, въ которой находится.

Второе существенное условіе заключается въ томъ, что — если внѣшнія обстоятельства, которыя лежатъ внѣ его контроля, являются виной гибели человѣка,—необходимо, конечно, постараться из-

мьнить эти самыя обстоятельства. Многія лица изъ трущобной бѣдности никогда не имѣли шансовъ сдѣлаться лучше; они рождены уже въ отравленной атмосферѣ, воспитаны въ обстоятельствахъ, которыя дѣлаютъ скромность немыслимой, и брошены въ водоворотъ жизни въ такихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ порокъ второй натурой; разумѣется, необходимо измѣнить всю обстановку, если вы хотите спасти этихъ людей.

Третье: средства и способы реформы должны быть соразмѣрны съ тѣмъ зломъ, которое предполагаютъ ими исправить. «Море ковшомъ не вычерпаешь», говоритъ пословица,—поэтому матеріальныя средства, необходимыя для начала самой реформы, должны быть достаточны, сообразно съ ея величіемъ, но въ то же самое время тщетно ждать, что можно сразу чуть не для цѣлаго человѣчества все измѣнить и передѣлать.

Четвертое: схема или планъ реформъ, по самому существу дѣла, долженъ быть не только достаточно великъ, но и постояненъ; лишь съ временнымъ зломъ можно бороться и временными средствами; всѣ же существующіе виды соціальнаго зла имѣютъ мѣсто, въ большей или меньшей степени, съ незапамятныхъ временъ, а потому и средства борьбы съ ними должны быть постояннаго характера.

Пятое: но мало того, чтобы быть постоянными, — *эти средства должны быть практичны,* т. е. должны быть такого рода, чтобы ихъ можно было немедленно же примѣнить къ существующимъ условіямъ народной жизни.

Шестое: схема или планъ реформъ отнюдь не долженъ производить косвеннаго вреда тѣмъ лицамъ, которымъ предполагается оказать благодѣяніе; противъ этого именно положенія и грѣшитъ часто обыденная благотворительность: спасая человѣка, напримѣръ, отъ голода, она въ то же время часто его деморализируетъ, почему, вмѣсто добра, въ результатѣ получается лишь большее зло.

Седьмое: помогая одному классу общества, реформы не должны наносить вреда интересамъ другихъ.

Вотъ тѣ законы, которые должны управлять трудомъ всякаго филантропа-реформатора и которые Бутсъ кладетъ именно въ основаніе всей своей схемы. Разсказываютъ, что знаменитый мостъ черезъ Тэй обрушился, благодаря сильному вѣтру, возможность котораго, очевидно, не была принята во вниманіе его строителями. Точно также обрушится или осядетъ желѣзно-дорожная насыпь, проложенная черезъ болото, по которому насыпь сдѣлана поверхностно, не добираясь до грунтовой земли. Хорошій инженеръ въ обоихъ случаяхъ долженъ принять въ

разсчетъ всѣ могущія произойти отсюда послѣдствія и строить мостъ такъ, чтобы онъ сопротивлялся всякому вѣтру, и чтобы насыпь лежала на самомъ основаніи или внутренности болотистой почвы, а не на поверхности ея. Такъ же нужно поступать и съ соціальными трудностями, которыя намъ представляются, и соціальный реформаторъ обязанъ быть столь же солиднымъ и основательнымъ, какъ и послѣдній инженеръ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я отнюдь не увлекаюсь, опять повторяетъ Бутсъ, стремленіемъ открыть предъ человѣчествомъ какой-то millenium моей схемой,—но характернымъ, какъ всѣмъ извѣстно, тріумфомъ современной науки является утилизація всякихъ отбросовъ, поэтому я и не теряю надежду принести пользу и спасти отбросы человѣчества. Если современной, напримѣръ, химіи удалось изъ отбросовъ, составлявшихъ когда-то для нашихъ мануфактуристовъ, — въ родѣ, напримѣръ, каменноугольной смолы,—сущее наказаніе и они не знали, что съ ней дѣлать,—изготовить превосходныя краски всѣхъ цвѣтовъ радуги, то почему намъ, хотя въ болѣе сложномъ дѣлѣ,—надъ упомянутыми подонками человѣчества,—не удастся превратить ихъ изъ отбросовъ въ настоящихъ людей? Очень возможно, что дѣло окажется вовсе не такъ трудно, какъ представляется съ перваго взгляда, и что ключъ въ загадкѣ лежитъ гораздо ближе къ намъ, нежели мы объ этомъ думаемъ. Правда, много по этому поводу дѣлалось тщетныхъ и пустыхъ попытокъ, но, можетъ быть, именно потому и тщетныхъ, что недоставало настойчивости и упорства въ преслѣдованіи поставленной цѣли; припомнимъ для примѣра, сколько попытокъ человѣчество дѣлало для изобрѣтенія пороха. Весьма долго порохъ былъ лишь, такъ сказать, въ воображеніи, въ фантазіи алхимиковъ и дѣлались всякіе эксперименты и смѣси, пока была найдена настоящая,—а, между тѣмъ, какъ легко теперь сдѣлать порохъ, разъ секретъ его приготовленія извѣстенъ.

Другая иллюстрація, еще болѣе поразительная, объ иномъ изобрѣтеніи, которое совершилось чуть не на глазахъ еще живущихъ людей. Съ начала міра и до начала этого столѣтія, стремясь ко всевозможнымъ способамъ удешевленія и облегченія провоза, человѣчество и не догадывалось, какъ будто, о томъ чудодѣйственномъ значеніи, которое въ смыслѣ этого облегченія имѣетъ пара металлическихъ брусьевъ или, скажемъ проще, пара рельсовъ. Всѣ великіе люди и мудрецы прошлыхъ временъ жили и умерли, не сознавая этого несомнѣннаго факта. Величайшіе механики и инженеры, начиная съ древности и включая прошлый XVIII вѣкъ, всѣ тѣ люди, которые покрыли мостами всѣ рѣки Европы; всѣ тѣ архитекторы, которые построили знаменитые со-

боры, считающіеся донынѣ чудесами міра, *не могли, однако, понять того, весьма простого на нашъ теперешній взглядъ положенія, что пара параллельно положенныхъ рельсовъ можетъ уменьшить стоимость и трудность провоза до тіпітит'а.* Можно навѣрное сказать, что самому открытію паровой машины, сдѣланному раньше, безъ этой помощи двухъ брусковъ, не удалось бы переформировать и передѣлать всю цивилизацію. Вотъ подобіе-то такихъ именно параллельныхъ брусьевъ или рельсовъ, по выраженію Бутса, представляетъ по своей простотѣ и его филантропическая схема.

Въ чемъ же состоитъ эта схема? Она, какъ и обѣщалъ Бутсъ, весьма проста по сущности, но въ то же время своими развѣтвленіями и отдѣленіями можетъ обнять, по его предположенію, чуть не цѣлый міръ. На первый разъ онъ совершенно оставляетъ безъ вниманія тѣ классы бѣдноты и трущобнаго міра, о которыхъ такъ или иначе заботится государство; поэтому, бѣдняки, живущіе въ рабочихъ домахъ, заключенные въ тюрьмахъ, въ общественныхъ больницахъ и т. п., состоящіе на иждивеніи общественномъ, пока, не входятъ въ сферу проекта автора; онъ исключительно сосредоточиваетъ свое вниманіе на тѣхъ жителяхъ трущобнаго царства (что составляетъ, впрочемъ, большинство бѣдноты), которые не получаютъ ни откуда помощи, не состоятъ ни на чьемъ иждивеніи, а между тѣмъ настоятельно вызываютъ необходимость заботы, потому что бездомны, на имѣютъ заработка и вообще безпомощны. Что дѣлать, спрашивается, съ этимъ милліоннымъ населеніемъ Англіи, голодающимъ, одѣтымъ въ рубище и тщетно ищущимъ труда? Отвѣтить, что голодающаго нужно накормить, бездомнаго пріютить и т. д., конечно, весьма просто, но сдѣлать весьма трудно. Помимо прочихъ соображеній, необходимо, чтобы изъ такой помощи вышелъ толкъ, для чего не должны быть упускаемы изъ вниманія и нарушены тѣ основные принципы разумной филантропіи, которые только что были изложены. Схема раздѣляется на три части, изъ которыхъ каждая существенно необходима для успѣха всего дѣла. Въ этой троичной организаціи и лежитъ весь секретъ разрѣшенія соціальной проблеммы, по утвержденію Бутса. Онъ стремится превратить милліоны англійскаго трущобнаго міра въ рядъ общинъ, себѣ помогающихъ и себя поддерживающихъ; каждая изъ нихъ представляетъ родъ кооперативнаго товарищества или патріархальной семьи, управляемой и дисциплинируемой на тѣхъ началахъ, которыя оказались плодотворными въ примѣненіи ихъ на практикѣ къ Арміи Спасенія. За недостаткомъ лучшаго слова, Бутсъ называетъ эти общины колоніями, которыхъ *три* вида:

1) городская колонія;
2) сельская колонія, и
3) заморская колонія.

Подъ первой, т. е. *городской колоніей* разумѣется рядъ учрежденій, устроенныхъ въ самомъ, такъ сказать, центрѣ всей нищеты—въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ Англіи. Эти учрежденія, какъ мы увидимъ, подъ разными наименованіями являются «гаванями спасенія», по выраженію Бутса, для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя потерпѣли кораблекрушеніе въ своей жизни; такими лицами будутъ, конечно, всѣ тѣ, которыя не имѣютъ ни работы, ни пристанища, ни, наконецъ, денегъ или друзей, которые бы имъ помогли; эти гавани собираютъ всѣхъ такихъ несчастныхъ, удовлетворяютъ главнымъ ихъ потребностямъ, доставляютъ имъ временное занятіе, вдохновляя ихъ надеждою на будущее и въ то же время, путемъ моральныхъ и религіозныхъ вліяній, стремятся къ ихъ возможному перерожденію или нравственному оздоровленію. Тѣ изъ этихъ лицъ, которыя, оставаясь на рукахъ и попеченіи даннаго филантропическаго общества, по болѣе или менѣе продолжительномъ испытаніи, окажутся достаточно трудолюбивыми, честными и искренними людьми, отряхнувшими уже съ себя, такъ сказать, первичную грязь трущобной жизни,—такія лица переводятся въ колонію второго класса или такъ называемую сельскую колонію.

Сельская колонія представляетъ собой поселеніе гдѣ либо въ англійской провинціи и, пополняясь поселенцами или колонистами упомянутаго рода изъ городскихъ колоній, имѣетъ своей задачей бывшимъ жителямъ трущобъ не только доставить выгоды и удобства сельской жизни, но и пріучить ихъ къ сельскимъ занятіямъ и видамъ труда. До сихъ поръ въ Англіи населеніе стремится изъ деревень въ города,—Бутсъ предлагаетъ обратное движеніе «назадъ въ деревню!» Здѣсь въ тиши сельскаго уединенія будетъ продолжаться тотъ процессъ нравственнаго перерожденія трущобнаго выходца, который начался еще въ городской колоніи. Въ этомъ періодѣ ихъ жизни, пріучившись къ земледѣлію, часть колонистовъ найдетъ себѣ ту или иную работу въ предѣлахъ Англіи, часть ихъ, болѣе энергичные и самоотверженные, поступятъ на тѣ кооперативныя фермы, которыя предполагаетъ Бутсъ завести, какъ отдѣленія своего общества въ разныхъ мѣстахъ Англіи; наконецъ, болѣе значительная часть, можетъ быть, захочетъ попытать счастія вдали отъ родины и направится въ третью проектируемую Бутсомъ формацію общества, — такъ называемую

заморскую колонію. Подъ этимъ названіемъ предполагается настоящая колонія въ Австраліи, Африкѣ или Канадѣ, гдѣ земля дешева и населеніе немногочисленно. Авторъ думаетъ пріобрѣсти значительный кусокъ земли въ одной изъ этихъ странъ, приготовить его къ поселенію, организовать управленіе и все необходимое для удовлетворенія потребностей жизни, и затѣмъ переселять туда выходцевъ изъ своей сельской колоніи. Такимъ образомъ, бывшіе подонки трущобнаго міра, въ теченіе своей болѣе или менѣе продолжительной жизни въ двухъ первыхъ колоніяхъ уже отставшіе отъ прежнихъ привычекъ, исправленные нравственно, поднятые духомъ, окрѣпшіе здоровьемъ и изучившіе на практикѣ разные виды сельской работы, переселяются въ эту заморскую общину, какъ ее называетъ Бутсъ, новыми гражданами новой земли. Если они будутъ довольны, они остаются навсегда въ этомъ поселеніи, гдѣ предполагается кооперативный способъ обработки земли; если не желаютъ, ищутъ себѣ счастья на сторонѣ, пріобрѣтая, напримѣръ, собственные куски земли, или занимаясь какимъ нибудь ремесломъ въ колоніяхъ. Вообще, внѣ обязательныхъ дисциплинарныхъ правилъ, установляемыхъ для общежитія, каждое лицо совершенно свободно распоряжаться своей личностью.

Первая часть схемы заключается, слѣдовательно, въ устройствѣ *городскихъ колоній* или учрежденій для бѣдныхъ во всѣхъ центрахъ городской жизни. Этому основаніе положено, какъ мы уже упоминали, устройствомъ въ разныхъ мѣстахъ Лондона Арміей Спасенія ночлежныхъ домовъ и при нихъ общественныхъ кухонъ, по дешевизнѣ своей вполнѣ доступныхъ карману бѣдняковъ. Замѣтимъ разъ навсегда, что здѣсь, какъ и во всѣхъ предполагаемыхъ учрежденіяхъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ допускаются даровыя раздачи или подачки чего нибудь, а какъ принципъ, въ видахъ поддержанія чувства самоуваженія бѣдняка, а не развращенія его, ничего даромъ не дается. Уже теперь, какъ было въ своемъ мѣстѣ упомянуто, эти кухни и ночлежные дома оказываютъ серьезныя услуги бѣднякамъ, а въ будущемъ Бутсъ предполагаетъ число ихъ увеличить въ нѣсколько разъ во всѣхъ промышленныхъ центрахъ государства. На сколько размѣры помощи уже и теперь велики, можно судить по даннымъ изъ отчета объ этихъ кухняхъ за прошлый годъ: одного хлѣба потреблено въ этихъ кухняхъ за годъ 192½ тонны (около 60 пудовъ на тонну); чаю 2½ тонны; какао 6 тоннъ; сахару 25 тоннъ, мяса 15 и т. д. Разумѣется, цѣны на кушанья въ этихъ кухняхъ стоятъ минимальныя, только чтобы покрыть расходъ, и при этомъ оригинальной особенностью, совершенно несогласной съ существующимъ торговымъ скла-

домъ, въ этихъ кухняхъ является то обыкновеніе, что для нѣкоторыхъ видовъ потребленія, спрашиваемыхъ дѣтьми, цѣны для нихъ гораздо ниже, чѣмъ для взрослыхъ покупателей; напримѣръ, небольшая миска супу съ хлѣбомъ стоитъ для ребенка на кухняхъ общества полъ-пенни, а для взрослыхъ то же самое—пенни; чашка кофе или какао для дѣтей — полъ-пенни, а для взрослыхъ опять вдвое. Очевидно, это дѣлается изъ желанія доставить возможность юному поколѣнію Восточнаго Лондона поѣсть или полакомиться наивозможно дешевле.

Дополненіемъ къ кухнямъ являются ночлежные дома, уже устроенные въ разныхъ частяхъ Лондона. Какъ говорилось нами раньше, за четыре пенса бѣднякъ получаетъ не только чистый и теплый ночлегъ въ этихъ учрежденіяхъ, но также ужинъ изъ чаю, кофе или какао съ хлѣбомъ и такой же завтракъ; но самое главное,—каждый вечеръ, какъ было упомянуто, въ ночлежныхъ домахъ устраиваются митинги, гдѣ члены общества входятъ въ сношенія, ищутъ сближенія съ бѣдняками, помогая имъ совѣтами и указаніями, разспрашивая, и,— какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ длинный списокъ краткихъ біографій, приводимый Бутсомъ,—масса лицъ, погрязшихъ въ трущобныхъ пучинахъ, спасается, благодаря этому учрежденію и дѣлается опять людьми.

Но могутъ быть случаи, которые, конечно, и бываютъ очень часто, что у бѣдняка нѣтъ четырехъ пенсовъ, чтобы заплатить за этотъ ночлегъ обществу. Какимъ же образомъ въ данномъ случаѣ поступать? Для этой цѣли Бутсъ предполагаетъ устроить, въ добавленіе къ кухнямъ и ночлежнымъ домамъ, помѣщающимся вмѣстѣ, при каждомъ такомъ пріютѣ мастерскую, или, какъ онъ ее иначе называетъ, «рабочій дворъ» (Labour Yard), образецъ котораго уже устроенъ при одномъ изъ заведеній общества. Учрежденіе это опять-таки не имѣетъ въ себѣ ничего благотворительнаго въ обыденномъ смыслѣ слова. Въ одну изъ кухонъ или ночлежныхъ домовъ общества, положимъ, является несчастный, голодный и оборванный человѣкъ, не имѣющій ни копѣйки денегъ. Ему предлагаютъ работу въ этой мастерской съ тѣмъ, что этимъ трудомъ онъ себѣ заработаетъ право какъ на пропитаніе, такъ и на ночлегъ. Офицерамъ общества предоставлено здѣсь, какъ и въ иныхъ случаяхъ, дѣлать нѣкоторыя исключенія въ крайности, по ихъ усмотрѣнію, но какъ правило,—прежде работа, а затѣмъ ѣда и ночлегъ. «Я не желаю, говоритъ Бутсъ, устроить изъ своего дѣла новый центръ деморализаціи, я не желаю, чтобы лица, которыхъ предполагаю спасать, вмѣсто того, нищенствовали, не зарабатывая

свой хлѣбъ. Развить самоуваженіе въ человѣкѣ, заставить его чувствовать, наконецъ, что онъ уже занесъ ногу на первую ступень лѣстницы, которая ведетъ его кверху, вонъ изъ трущобы, крайне существенно и не можетъ быть достигнуто инымъ образомъ». «Ты получаешь отъ насъ, говоримъ мы бѣдняку, столько-то хлѣба, чаю, тепла и свѣта, пріютъ—и за это долженъ, въ свою очередь, столько-то работать». Существующая мастерская общества, о которой мы говорили, долженствующая быть прототипомъ, устроена весьма недавно и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, а, между тѣмъ, въ среднемъ занимаетъ уже 90 человѣкъ самыхъ разныхъ профессій и между ними—русскій плотникъ, не говорящій ни слова по-англійски. Правила мастерской слѣдующія: принимается всякій, желающій заработать, какъ было сказано, себѣ ночлегъ и ѣду; число часовъ работы — 8 въ день; только что поступившій заносится въ первый классъ рабочихъ, не получая ничего больше, кромѣ ѣды три раза въ день и пріюта; за хорошее поведеніе рабочій, пробывшій нѣсколько дней, можетъ быть переведенъ во второй классъ и въ такомъ случаѣ въ концѣ недѣли получаетъ пять шиллинговъ, на которые можетъ купить, напримѣръ, орудія труда—инструменты или вообще отправиться куда-нибудь искать работы. Мастерская имѣетъ работу самую разнообразную, по назначенію ея директора и по умѣнію и силамъ наличныхъ рабочихъ, начиная съ плотничьей и слесарной работъ, шитья и починки обуви, кончая простой пилкой, рубкой и, наконецъ,—самой легкой работой—связываньемъ лучинъ или подтопокъ для каминовъ и плетеніемъ половиковъ. При будущихъ крупныхъ размѣрахъ, какъ предполагается Бутсомъ, подобныхъ мастерскихъ въ разныхъ частяхъ страны, работа въ нихъ будетъ разнообразиться еще больше и прежде всего служить для удовлетворенія собственныхъ нуждъ обширнаго филантропическаго предпріятія, а затѣмъ и предметовъ для продажи, но во всякомъ случаѣ, какъ принципъ, будетъ поставлено, чтобы не было и рѣчи о возможности конкурренціи съ рабочими, могущей повредить ихъ интересамъ а для того всѣ продажныя цѣны изъ мастерской общества будутъ не ниже рыночныхъ. Цѣль общества, какъ говоритъ Бутсъ,—сражаться всѣми мѣрами противъ кулачества, а не дѣлать новыхъ кулаковъ.

Эти мастерскія, во всякомъ случаѣ, отнюдь не претендуютъ быть постоянными мѣстами пребыванія рабочихъ, а лишь временными станціями спасенія, шагомъ къ чему либо лучшему до тѣхъ поръ, пока они не нашли себѣ мѣста или заработка, или пока не устроились иначе при содѣйствіи самого общества. По мнѣнію автора, онѣ будутъ особенно важны для тѣхъ женатыхъ и имѣющихъ дѣтей рабо-

чихъ, которые еще имѣютъ какой-либо уголъ: работая въ мастерской, они не только себя временно прокормятъ, но и пропитаютъ своихъ дѣтей, и, конечно, что тутъ возможны тѣ или иныя варіаціи самаго устава мастерской, примѣнительно къ случаю: напримѣръ, допустима работа на дому, а не въ мастерской и проч. Наконецъ, эти мастерскія могутъ послужить и первой серіозной попыткой бороться съ классомъ кулаковъ и посредниковъ въ промышленности; напримѣръ, однимъ изъ первыхъ предпріятій въ этихъ мастерскихъ—необходимость завести выдѣлку коробокъ для спичекъ, на которыхъ безбожно эксплуатируется женскій и дѣтскій трудъ. По увѣренію Бутса, здѣсь сразу было бы возможно не только удвоенное, но даже утроенное вознагражденіе рабочихъ.

Весьма важнымъ прибавленіемъ къ сказанному учрежденію является, въ проектѣ, устройство такъ-называемаго «бюро труда» — нѣчто въ родѣ обширной конторы для пріисканія мѣстъ и рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Англія владѣетъ разнообразными, для разныхъ цѣлей, коммерческими биржами, но не владѣетъ еще таковой для труда. Главнымъ способомъ возмѣщенія этого недостатка являются или вредные въ общественномъ интересѣ посредники, которые при этомъ живятся обыкновенно на счетъ рабочихъ, или, наконецъ, ежедневныя газеты, печатающія, разумѣется, объявленія не задаромъ и приэтомъ далеко не всегда выполняющія это назначеніе какъ слѣдуетъ по многимъ и случайнымъ причинамъ. Это отдаленіе и разъединеніе нанимателей и нанимаемыхъ составляетъ одно изъ важныхъ неудобствъ роста городской жизни. Въ то время какъ въ деревнѣ или даже въ небольшомъ городѣ всѣ жители поголовно знаютъ другъ друга и, слѣдовательно, наемъ можетъ совершаться быстро и удобно для обѣихъ сторонъ,—въ городахъ большихъ, особенно такихъ размѣровъ, какъ Лондонъ, хозяева часто нуждаются для тѣхъ или иныхъ работъ въ сотняхъ рукъ и въ то же самое время цѣлыя тысячи рабочихъ на другомъ концѣ того же города голодаютъ безъ труда и не знаютъ, къ чему приложить имъ эти руки.

Къ книгѣ Бутса присоединенъ рядъ воззваній или циркуляровъ, образцы которыхъ будутъ, очевидно, въ большомъ количествѣ разсылаться и распространяться въ разныя стороны. Сюда принадлежитъ приглашеніе предпринимателей разнаго рода обращаться за займомъ тѣхъ или иныхъ рабочихъ въ бюро, устраиваемое этимъ обществомъ, а лицъ, сочувствующихъ борьбѣ противъ посредниковъ или кулаковъ всякаго рода, — нанимать, въ этихъ интересахъ, разныхъ рабочихъ такъ-называемыхъ неискусныхъ видовъ труда (какъ-то посланцевъ,

расклейщиковъ афишъ и объявленій, чистильщиковъ оконъ, ковровъ, поломоекъ и проч.) не иначе, какъ въ бюро общества. Бюро это устраивается въ одномъ изъ зданій общества, причемъ прилагается его адресъ; при немъ находится помѣщеніе, отдѣльное для мужчинъ и женщинъ, куда нанимающіеся могутъ приходить для разныхъ справокъ, просмотра газетъ и объявленій, личныхъ переговоровъ съ нанимателями,—вообще относительно всѣхъ своихъ потребностей для пріисканія мѣстъ.

Въ связи съ бюро для найма рабочихъ, Бутсъ предполагаетъ немедленно приступить и къ попыткѣ сплоченія, или соединенія нѣкоторыхъ, наименѣе вознаграждаемыхъ профессій въ артели или кооперації, и ужъ къ этому приступлено, вмѣстѣ съ основаніемъ перваго бюро, въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1892 года и найденъ заработокъ многимъ рабочимъ.

Послѣдней цѣли, т. е. нахожденію труда и развитію кооперацій между неимущими можетъ содѣйствовать также въ значительной степени по-истинѣ остроумная мысль Бутса — основаніе при той же городской колоніи такъ-называемой «бригады для собиранія домашнихъ отбросовъ». Какъ извѣстно, во всякомъ городѣ, въ томъ числѣ и въ Лондонѣ, пропадаетъ масса отбросовъ различнѣйшаго рода и стоимостью, навѣрное, на многіе милліоны рублей. Сюда принадлежатъ: остатки пищи, кости, жестянки изъ-подъ консервовъ, бутылки, стекло, старыя газеты и книги, лоскуты и тряпье, обломки мебели и проч. Правда, нѣкоторыми, наиболѣе заботливыми хозяйками эти вещи начинаютъ утилизироваться, но далеко не регулярно, а лишь случайно и относительно лишь нѣкоторыхъ родовъ отбросовъ; огромное же большинство отбросовъ, при отсутствіи правильнаго, толковаго собиранія и сбыта, пропадаетъ для общества безполезно въ клоакахъ и кучахъ сора, унося съ собой, нѣтъ сомнѣнія, стоимость многихъ милліоновъ. Бутсъ предполагаетъ, заручившись, конечно, согласіемъ большаго числа домовладѣльцевъ, во что онъ очень вѣритъ, организовать цѣлый отрядъ (не меньше двухъ тысячъ человѣкъ) въ спеціальныхъ для того костюмахъ, хорошо выдрессированныхъ и подъ строгой дисциплиной людей; раздѣлить для перваго начала Лондонъ на участки, причемъ въ каждомъ участкѣ будутъ находиться опредѣленныя лица изъ членовъ бригады, которыя въ извѣстное время, напримѣръ, два раза въ недѣлю, если не понадобится чаще, будутъ совершать обходъ или объѣздъ всѣхъ домовъ своего участка, собирая всѣ эти отбросы. Для облегченія добраго дѣла хозяйкамъ, въ каждомъ домѣ предполагается обществомъ поставить для собиранія отбросовъ бочку и мѣшокъ. Ути-

лизація отбросовъ предполагается самая полная, притомъ, разумѣется, громадномъ количествѣ ихъ, которое предполагается, при размѣрахъ Лондона, равныхъ 500 тысячамъ домовъ. Всѣ отбросы, собранные бригадой, немедленно сортируются. Такъ, предметы питанія поступаютъ въ народныя кухни, негодные-же для человѣка — баржами по Темзѣ или цѣлыми вагонами по желѣзной дорогѣ отправляются въ сельскую колонію для разной утилизаціи, о которой мы будемъ говорить дальше; собранныя бутылки перемываются, сортируются и продаются въ соотвѣтственныя лавки; черепки, стекло, кости отправляются на соотвѣтствующіе заводы и фабрики, гдѣ, конечно, при доставленіи ихъ въ значительномъ количествѣ, можно выручать хорошія деньги; наконецъ, возможно будетъ завести и свои собственные заводы для ихъ переработки. Книги и газеты, которыя могутъ быть въ числѣ отбросовъ и пожертвованій, будутъ сортироваться и поступать въ особую библіотеку, принадлежащую обществу, для чтенія всей лондонской бѣдноты, или же, вмѣстѣ съ обрывками ненужной бумаги и тряпками, онѣ будутъ отправляемы на писчебумажную фабрику, которую обществу, можетъ быть, придется завести, при огромномъ, вѣроятно, тогда потребленіи бумаги. Старая обувь и лоскуты кожи поступятъ въ мастерскія, гдѣ будутъ подвергаться починкѣ и передѣлкѣ, чтобы за дешевую цѣну попасть на ноги лондонскимъ бѣднякамъ и ихъ семействамъ. Опытъ такой утилизаціи старой обуви уже дѣлается въ лондонской мастерской Арміи Спасенія. Еще большую надежду на прибыль изъ отбросовъ Бутсъ возлагаетъ на жестянки изъ подъ всевозможныхъ консервовъ, потребляемыхъ въ Англіи въ огромномъ количествѣ. Этотъ отбросъ пропадаетъ въ значительной степени въ англійскихъ домахъ даромъ, по его малоцѣнности и въ то же время громоздкости: одна тонна старыхъ жестянокъ стоитъ въ Англіи четыре или пять шиллинговъ, между тѣмъ, чтобы составить, при ихъ легкости, такое количество, необходимо было бы нагрузить, по крайней мѣрѣ, 12 возовъ. Бутсъ предполагаетъ въ этомъ случаѣ воспользоваться примѣромъ Франціи, гдѣ это уже практитуется, и завести въ Лондонѣ новую промышленность — выдѣлку изъ этихъ жестянокъ игрушекъ, которыя вообще въ Англіи не дешевы. Этимъ путемъ возможно будетъ разомъ достигнуть двухъ цѣлей: доставить работу огромному количеству народа приготовленіемъ игрушекъ и, во-вторыхъ, доставить забаву множеству дѣтей бѣднаго населенія, которымъ теперь игрушки недоступны по своей цѣнѣ.

Но сверхъ разнообразныхъ употребленій этихъ отбросовъ, которыя и перечислить трудно и къ которымъ мы вернемся еще разъ позднѣе,

самые люди этой бригады для ихъ собиранія могутъ сдѣлаться весьма полезными посредниками для общества и агентами по пріисканію работы бѣднякамъ. Такъ, при той регулярности и правильности почталіона или полисмена, съ которою они будутъ обходить свои участки, ихъ можно приспособить къ разноскѣ газетъ, мелкихъ посылокъ и вообще къ исполненію разныхъ порученій. Кромѣ того, ихъ хорошо узнаютъ въ домахъ ихъ участка не только прислуга, но и хозяйки, и всегда черезъ ихъ посредство легко могутъ получить поломоекъ, прачекъ поденщицъ для исполненія тѣхъ или иныхъ работъ по дому, мастеровыхъ для починокъ и передѣлокъ и т. п. людей, всегда имѣющихся въ значительномъ запасѣ въ бюро общества, чающихъ и ожидающихъ заработка. Вообще, при хорошемъ веденіи этого дѣла, можно эту бригаду для собиранія отбросовъ превратить въ весьма полезный для цѣлей общества отрядъ коммиссіонеровъ.

Вторую ступень или стадію схемы генерала Бутса составляетъ *сельская колонія* или ферма, куда отправляются всѣ лица, поступившія на попеченіе общества въ городѣ и не нашедшія тамъ себѣ работы, а въ то же время по своему поведенію и нравственности заслуживающія о нихъ заботы. Первое, что для осуществленія этого плана требуется, это нѣсколько сотъ акровъ земли невдалекѣ отъ Лондона. Въ Англіи вообще гораздо больше свободной земли, чѣмъ обыкновенно предлагаютъ, и едва ли встрѣтится затрудненіе въ пріобрѣтеніи подобнаго участка для исполненія плана. Вообще, тамъ относятся съ презрѣніемъ къ мелкимъ лоскутамъ и обрѣзкамъ земли,— сравнительно съ континентомъ и особенно съ Швейцаріей. Въ то время, какъ въ послѣдней часто по большой горной высотѣ самые мелкіе клочки каменистой земля превращаются въ цвѣтущіе садики и огороды, въ Англіи, по увѣренію Бутса, безполезно пропадаютъ для культуры цѣлыя сотни квадратныхъ миль земли, которыя лежатъ длинными лентами по бокамъ всѣхъ линій желѣзныхъ дорогъ и которыя, въ случаѣ ихъ утилизаціи, могли бы легко превратиться въ громадной величины огороды, достаточные для снабженія зеленью и ягодами всего городскаго населенія страны.

Идея о сельской колоніи Бутса именно заключается въ устройствѣ въ этой фермѣ общества огородной и садовой культуры и разныхъ видовъ обработки отбросовъ, собираемыхъ, какъ мы знаемъ, въ Лондонѣ. Первое условіе для этой второй ступени въ жизни перерождаемаго лондонскаго пролетарія должно состоять въ томъ, чтобы земля лежала близъ Темзы или близъ моря, ради возможности пользованія дешевымъ водянымъ сообщеніемъ для транспорта отбросовъ и доставки продук-

товъ. Затѣмъ, будущая колонія обязательно должна быть удалена на нѣсколько миль отъ ближайшаго города или селенія, во избѣжаніе близости кабаковъ; какъ и раньше въ мастерскихъ и домахъ общества Арміи Спасенія, потребленіе хмѣльныхъ напитковъ строжайше воспрещается, почему Бутсъ и считаетъ необходимымъ удалить своихъ питомцевъ, по возможности, дальше отъ соблазна. Первое дѣло будетъ, конечно, заключаться въ устройствѣ зданія и первоначальной раздѣлкѣ пмѣнія и подготовкѣ почвы, что будетъ производиться отрядомъ отборныхъ піонеровъ изъ городской колоніи, на которыхъ можно положиться во всѣхъ отношеніяхъ. Что же касается до распространеннаго возраженія и скептицизма относительно возможности превращенія жителей городскихъ трущобъ въ мирныхъ земледѣльцевъ, то на это, помимо своего личнаго опыта и долголѣтняго знакомства съ этимъ міромъ, Бутсъ отвѣчаетъ также собранной имъ статистикой; оказывается, что изъ лицъ, посѣщающихъ ночлежные дома Арміи Спасенія, ея рабочее бюро и мастерскую, большинство принадлежитъ къ лицамъ, не только рожденнымъ въ деревнѣ, но и выросшимъ въ ней и лишь впослѣдствіи попавшимъ въ омутъ городской жизни, и затѣмъ 20% ихъ принадлежитъ, къ стыду британской арміи, къ отставнымъ солдатамъ. Прослужа свой срокъ, иногда даже, можетъ быть, раненые или потерявшіе здоровье на службѣ, чины британской арміи выходятъ въ отставку и, не находя себѣ подходящаго занятія, впадаютъ въ такую нищету, которая приводитъ ихъ въ пріюты общества. Такимъ образомъ, для многихъ лицъ, спасаемыхъ этими обществами въ городскихъ колоніяхъ, переселеніе въ сельскую колонію будетъ лишь нормальнымъ возвращеніемъ къ прежней естественной и болѣе здоровой жизни земледѣльца; что же касается до отставныхъ военныхъ, то на нихъ Бутсъ также возлагаетъ большія упованія, какъ на людей, уже прошедшихъ суровую школу дисциплины и привыкшихъ повиноваться. Онъ проэктируетъ ихъ назначить на разныя подходящія занятія; между прочимъ, изъ бывшихъ кавалеристовъ онъ думаетъ организовать весь составъ лицъ, необходимыхъ при транспортировкѣ и уходѣ за лошадьми, которыхъ придется держать обществу значительное количество.

Фермой или сельской колоніей завѣдуетъ опытный садовникъ, знакомый съ лучшими методами такъ назыв. «малой культуры»: вся обработка земли совершается самымъ интенсивнымъ образомъ, преимущественно «заступомъ» и руками, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ садовники буквально создаютъ почву, дающую несравненно лучшіе результаты, чѣмъ какіе можно получить при помощи какихъ угодно плуговъ. Смотря по временамъ года, ко-

лонисты занимаются, разумѣется, не одной землей, но исполняютъ, по указаніямъ завѣдующаго, всѣ тѣ разнообразныя и многочисленныя работы, которыя могутъ представиться; такъ, при постройкѣ новыхъ зданій, для будущаго увеличенія числа колонистовъ, или хозяйственныхъ построекъ, они могутъ работать частью при производствѣ собственнаго кирпича для этихъ строеній, частью же заниматься и другими, напримѣръ, столярными и плотничьими подѣлками, шитьемъ и починкой; нѣкоторая же часть хозяйства, а также многія болѣе легкія садовыя и огородныя работы, будутъ составлять преимущественно отдѣлъ женскаго труда, и Бутсъ заранѣе мечтаетъ, какъ лондонскія уличныя женщины съ Пикадилли и Реджентъ-Стрита превратятся въ полезныхъ, здоровыхъ и довольныхъ судьбою садовницъ. Мало того, въ будущей колоніи найдется трудъ даже для такихъ несчастныхъ, обиженныхъ судьбою, какъ кретины, слабоумные и вообще психически больные; имъ можно подыскать и поручить такія занятія, какія, какъ замѣчено, они нерѣдко любятъ, въ родѣ ухода за кроликами, птицами, пчелами, вообще посильный трудъ, который сбережетъ работу другого здороваго работника.

Огромную выгоду для будущей колоніи доставитъ теперешнее распространеніе Арміи Спасенія чуть не по всему земному шару. Опытнымъ и испытаннымъ офицерамъ этого общества, живущимъ во всевозможныхъ странахъ, будетъ вмѣнено въ обязанность слѣдить за мѣстнымъ хозяйствомъ и сообщать центральному обществу о всѣхъ новинкахъ или практическихъ пріемахъ, могущихъ быть полезными на фермахъ или мастерскихъ общества. Напримѣръ, если офицеръ изъ Швеціи сообщитъ какія нибудь дѣльныя замѣчанія объ устройствѣ тамъ кухонъ для народа; съ юга Франціи—о мѣстномъ откармливаніи домашней птицы или сбереженіи яицъ; изъ Бельгіи—объ откармливаніи кроликовъ, отправляемыхъ нынѣ милліонами оттуда въ Англію, то, конечно, всѣми этими указаніями мы можемъ тотчасъ воспользоваться и попытаемся примѣнить ихъ,—говоритъ Бутсъ,—на своей фермѣ. Такимъ образомъ, устройствомъ этой сельской колоніи создается единовременно нѣсколько весьма важныхъ результатовъ: во первыхъ, каждый колонистъ, изучая на практикѣ или припоминая ему раньше извѣстные разные виды сельскохозяйственной культуры, въ то же время отвыкаетъ въ здоровой нравственной атмосферѣ отъ прежнихъ привычекъ распущенности въ трущобной жизни, пріучается къ повиновенію, подготовляется и тренируется для предстоящей ему, можетъ быть, жизни эмигранта и, наконецъ, при благопріятныхъ условіяхъ, мы можемъ создать для колонистовъ нѣчто въ родѣ практиче-

ской сельскохозяйственной школы, своего рода агрономическаго университета для рабочихъ, гдѣ они могутъ получать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя понадобятся имъ въ жизни, предстоящей въ новыхъ странахъ и при самостоятельномъ хозяйствѣ. Обыкновенная система жалованья или заработной платы не будетъ имѣть мѣста въ этой колоніи, по многимъ соображеніямъ, но, тѣмъ не менѣе, трудъ уже не будетъ даровымъ, какъ въ мастерскихъ того же общества въ городѣ. и будетъ введена система наградъ и поощреній, или кооперативная система, вообще система, подробности которой опредѣлить впередъ весьма трудно.

Но сельская колонія, помимо чисто фермерскихъ занятій, будетъ заключать въ себѣ, по предположенію Бутса, цѣлый рядъ разныхъ промысловъ и фабрикацій. Какъ было упомянуто раньше, на фермѣ именно сосредоточится разработка и сортировка большей части отбросовъ. Тѣ виды собранной пищи, которые годятся для человѣка, пойдутъ въ народныя кухни; Бутсъ предполагаетъ здѣсь опять-таки необходимость англичанамъ поучиться у французовъ ихъ поварскому искусству и ловкости превращать маловажную провизію во вкусныя кушанья. Остальная собранная провизія отправляется баржами на ферму, гдѣ подвергается разборкѣ: частью употребляется для корма лошадей, частью птицы, разведеніемъ которой Бутсъ предполагаетъ серьезно заняться, и, наконецъ, часть, можетъ быть значительная, поступитъ свиньямъ. Свиноводство, по мнѣнію Бутса, должно составить одну изъ важныхъ отраслей дѣятельности сельской колоніи. При помощи своихъ офицеровъ въ разныхъ частяхъ свѣта, Бутсъ предполагаетъ значительно улучшить и развить культуру свиней разныхъ новыхъ породъ и, по образцу Чикаго, завести не только образцовую бойню для свиней, но солильню и коптильню, поставляя окорока и свинину на тотъ же огромный лондонскій рынокъ. Но свиноводство, помимо всѣхъ этихъ описанныхъ выгодъ, дастъ фермѣ столь необходимое для земледѣлія удобреніе, вдобавокъ къ которому для той же цѣли, конечно, въ переработкѣ, могутъ употребляться и кости, собранныя изъ городскихъ отбросовъ. Поэтому, по всей вѣроятности, придется основать, при успѣхѣ организаціи общества, крупную фабрику обработки кости, употребляя лучшіе сорта на пуговицы, худшіе на выдѣлку костянаго порошка для удобренія и проч.; при этомъ, придется устроить не только салотопенный, но и мыловаренный заводы для переработки сала и жира, получаемыхъ въ отбросахъ, и для утилизаціи ихъ для разныхъ цѣлей. Игрушечную фабрику, которую, какъ намъ извѣстно, Бутсъ предполагаетъ завести для переработки собираемыхъ въ городѣ жестянокъ,

онъ мечтаетъ устроить не въ самомъ Лондонѣ, а опять-таки, по всей вѣроятности, при фермѣ или сельской колоніи, причемъ, помимо игрушекъ, попытается части собранной жести дать и иныя практическія примѣненія, почему уже поручилъ своимъ офицерамъ изучить во Франціи подробно промыселъ обработки жестянокъ изъ-подъ сардинокъ и сообщить ему обстоятельныя свѣдѣнія, приславши вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько опытныхъ въ фабрикаціи—французскихъ рабочихъ.

Вопросъ вѣроисповѣдный въ сельской колоніи, какъ и во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ, по схемѣ Бутса, вполнѣ устраняется или точнѣе оставляется на совѣсти каждаго. Никто, обѣщается онъ, не будетъ склоняемъ или побуждаемъ, напримѣръ, къ поступленію въ ряды Арміи Спасенія, если самъ того не захочетъ. Воскресенье, по англійскому обычаю, будетъ строго соблюдаемо въ колоніяхъ, но каждому предоставлено молиться, гдѣ хочетъ. Для разумнаго развлеченія колонистовъ будутъ устроены библіотека и читальня, а въ свободное время будутъ происходить собранія съ тѣми или иными развлеченіями, за исключеніемъ азартныхъ игръ, безусловно изгоняемыхъ, вмѣстѣ съ хмѣльными напитками, изъ всѣхъ колоній. Само собою разумѣется, что колонія будетъ въ себѣ заключать, по мѣрѣ надобности, начальную школу и даже, можетъ быть, не одну.

Какъ дополненіе къ сельской фермѣ, для тѣхъ членовъ, которые не пожелаютъ, напримѣръ, эмигрировать или переселиться въ другое мѣсто, Бутсъ предполагаетъ устраивать, для желающихъ, и поощрять развитіе сельско-хозяйственныхъ кооперацій, на манеръ знаменитой попытки м-ра Крэга въ Релягайнѣ (Craig), исторію которой онъ приводитъ въ концѣ своей книги. Для тѣхъ же членовъ или питомцевъ, которые окажутся слишкомъ упорными индивидуалистами, онъ предполагаетъ отыскать иные способы, а именно разбить часть земли, принадлежащей колоніи, на мелкіе участки, величиной отъ трехъ до пяти акровъ, выстроить на нихъ котэджи, подготовить землю къ разработкѣ и раздать въ аренду желающимъ и, такъ сказать, наиболѣе заслуженнымъ колонистамъ, уже на собственный страхъ, для веденія садовой культуры или молочнаго хозяйства. Арендная плата за землю съ строеніями и инвентаремъ можетъ совершаться мелкими долями понедѣльно, какъ бы плата за квартиру, или даже годично, по особому на то условію. Всѣ эти самостоятельные колонисты со своими семьями будутъ жить другъ отъ друга въ близкомъ разстояніи, хотя и независимо, почему и не потеряютъ въ то же время выгодъ и преимуществъ сосѣдства и взаимныхъ сношеній, а главное—сельская колонія сдѣлается такимъ образомъ центромъ и разсадникомъ, можетъ быть, та-

кихъ мелкихъ и самостоятельныхъ сельскохозяйственныхъ единицъ, занимаемыхъ бывшимъ когда-то, но нынѣ уже передѣланнымъ заново и перерожденнымъ, населеніемъ трущобнаго міра.

Третью ступень или стадію въ схемѣ Бутса составляетъ такъ наз. *заморская колонія* или переселеніе его питомцевъ за океанъ. Извѣстны тѣ предубѣжденія, которыя имѣютъ мѣсто противъ эмиграціи, какъ средства борьбы съ соціальнымъ зломъ, при ея теперешнемъ устройствѣ. Одни, напримѣръ, возстаютъ противъ эмиграціи, увѣряя, что она удаляетъ изъ страны частью лучшее, болѣе энергичное населеніе, оставляя въ то же время въ метрополіи подонки и вообще худшіе элементы народа, лицъ, преимущественно утратившихъ всякую энергію. Люди крайнихъ мнѣній возстаютъ противъ эмиграціи по другимъ причинамъ,—потому, что она-де удаляетъ изъ страны людей, недовольныхъ существующимъ политическимъ и соціальнымъ строемъ, а слѣдовательно отодвигаетъ in futurum и самое осуществленіе нужныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ. Наконецъ, есть существенное возраженіе противъ эмиграціи новѣйшаго времени, заключающееся въ оппозиціи со стороны самихъ колоній наплыву изъ Европы отбросовъ и подонковъ общества, понижающихъ уровень культуры въ колоніяхъ и создающихъ тамъ, неизвѣстный дотолѣ, городской пролетаріатъ. Бутсъ опровергаетъ всѣ эти возраженія тѣми новыми пріемами, до тѣхъ поръ неизвѣстными, тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ хочетъ поставить дѣло эмиграціи, на совершенно иныхъ, созданныхъ имъ началахъ. При рѣшеніи даннаго вопроса представляются три трудности, которыя, однако, удалося ему преодолѣть. Въ 1-хъ,—приготовить самый народъ для колоній, во 2-хъ—колонію для народа и въ 3-хъ,—приспособить улучшеніе къ транспортировкѣ народа или эмигрантовъ.

Что касается до первой трудности, составляющей въ то же время существеннѣйшее возраженіе и оппозицію со стороны мѣстныхъ жителей страны переселенія, то она устраняется уже извѣстной намъ, продолжительной переработкой характера и поведенія городскихъ пролетаріевъ въ двухъ первыхъ учрежденіяхъ схемы Бутса. Въ то время какъ въ *городскую колонію* принимаются поддонки трущобнаго міра во всей ихъ нравственной и физической наготѣ и неприглядности,—въ *сельскую колонію*, какъ мы знаемъ, они-же переводятся послѣ нѣкотораго испытанія и одобренія; наконецъ, въ *заморскую колонію* предназначаются тѣ же лица, уже воспитанныя до извѣстной степени въ правилахъ честности и трудолюбія. Они явятся въ заморскую колонію не нищими попрошайками, не преступниками, желающими продолжать свое беззаконное ремесло, а дѣльными, свѣдущими сотоварищами и ра-

ботниками, всегда полезными и желательными для всякой новой страны. Они имѣютъ ясное представленіе о самой колоніи и обо всемъ, что тамъ увидятъ; они пріучены къ экономіи, къ выдержкѣ и повиновенію существующимъ правиламъ и положеніямъ, почему и не явится безпокойнымъ элементомъ для новой страны; они, наконецъ, состояли долго товарищами и однокашниками тѣхъ самыхъ лицъ, съ которыми имъ приходится поселиться и работать вмѣстѣ на чужбинѣ. Однимъ словомъ, это не прежніе бездомные скитальцы, удаляемые часто искусственно изъ собственной страны, чтобы опростать лишь мѣсто нарождающимся,—это уже здоровый, а потому вездѣ желательный классъ эмигрантовъ.

Что же касается до приготовленія колоній, то оно прежде всего, конечно, заключается въ пріобрѣтеніи для этой цѣли значительнаго куска хорошаго качества земли. Бутсъ не остановился въ выборѣ на извѣстной части свѣта, но склоняется, по разнымъ соображеніямъ, къ южной Африкѣ. Какъ и прежде въ сельской колоніи, поселеніе начинается съ маленькой кучки избранныхъ піонеровъ, которые берутъ на себя трудъ предварительнаго подготовленія земли и нужныхъ построекъ и приспособленій для совмѣстной жизни. Въ поселеніи немедленно устраивается строгое и дѣятельное управленіе, примѣняющее на практикѣ тѣ законы и дисциплину, къ которымъ колонисты уже пріучены въ Англіи. Переселеніе совершается лишь мало-по-малу, небольшими партіями, по мѣрѣ устройства и подготовленія для нихъ необходимыхъ для того условій. Колонисты получаютъ въ свое распоряженіе все необходимое и состоятъ въ отношеніи общества, находящагося въ Англіи, какъ-бы арендаторами, платящими ему ренту.

Теперь третій вопросъ: какъ облегчить и улучшить транспортировку людей въ эту дальнюю заморскую колонію? Какъ и прежде, Бутсъ отвергаетъ въ этомъ случаѣ примѣненіе дарового принципа (gratis), — эмигрантъ обязанъ оплатить свой проѣздъ; для этого, во-первыхъ, онъ можетъ заработать небольшія деньги еще въ Англіи въ сельской колоніи, что будетъ, разумѣется, лучшей пробой его достоинства и подготовленности; ему отчасти могутъ помочь друзья, если онъ того заслуживаетъ своимъ поведеніемъ; наконецъ, Бутсъ мечтаетъ такъ организовать переселеніе, что будетъ возможно, можетъ быть, работать и на самомъ суднѣ во время продолжительнаго переѣзда и тѣмъ самымъ покрывать, хотя-бы отчасти, издержки провоза. Во всякомъ случаѣ, расходы по этому предмету общества или тотчасъ, или впослѣдствіи, должны быть возмѣщены переселенцемъ. Затѣмъ, другой немаловажный вопросъ о самыхъ способахъ перевозки: всѣмъ извѣстно,

какъ неудовлетворительно и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи, совершается теперешній переѣздъ переселенцевъ на такъ наз. эмигрантскихъ корабляхъ. Несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, не только въ гигіеническомъ отношеніи перевозка до сихъ поръ совершается неудовлетворительно, но въ нравственномъ, особенно для молодого поколѣнія и дѣвушекъ, является часто положительной гибелью: бездѣлье нерѣдко въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ (въ Австралію, напримѣръ, на переѣздъ нужно не менѣе трехъ мѣсяцевъ на парусномъ суднѣ), вмѣстѣ съ скученіемъ на маленькомъ пространствѣ народа разнаго нравственнаго пошиба и уровня,—все это ведетъ къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ, — и «не одна дочь переселенца потеряла во время переѣзда свою нравственную чистоту». Поэтому Бутсъ предполагаетъ необходимымъ въ наискорѣйшемъ-же времени, когда дѣло его схемы будетъ поставлено вполнѣ твердо, завести собственное судно, гдѣ, конечно; можно должнымъ образомъ устранить описанные недостатки эмигрантскихъ кораблей и, кромѣ того, организовать какія-нибудь работы, разумѣется, для хорошихъ и покойныхъ дней переѣзда, чтобы удешевить самыя издержки проѣзда, а въ то же время и устранить гибельную праздность.

Вотъ въ общихъ чертахъ основанія схемы Бутса: спасеніе и помощь населенію трущобнаго царства, съ разными варіантами, начинается, слѣдовательно, въ городскихъ учрежденіяхъ, по его опредѣленію; затѣмъ, развивается далѣе въ сельской колоніи, на лонѣ природы въ деревнѣ, гдѣ, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, переходитъ въ сельскохозяйственную кооперацію товарищей; при болѣе сильномъ развитіи индивидуализма, заканчивается основаніемъ мелкихъ фермъ, котеджей, предназначенныхъ для разныхъ видовъ такъ называемой «малой культуры». Въ заключеніе, послѣдній выходитъ изъ этого трущобнаго царства мрака къ свѣту — будетъ правильно организованное, обставленное разными предупредительными мѣрами и, опять-таки, подъ строгой дисциплиной—сельско-хозяйственное поселеніе, о формѣ котораго Бутсъ мало распространяется. Но, само собою разумѣется, что этими стадіями и перечисленными въ нихъ учрежденіями отнюдь не ограничивается поле тѣхъ разнообразныхъ воздѣйствій и вліяній, которыя могутъ быть предложены для борьбы съ нищетой и порокомъ большихъ городовъ. Поэтому, Бутсъ, развивши свой главный планъ, частью подробно передаетъ уже сдѣланные опыты, частью же только намѣчаетъ разнородныя филантропическія учрежденія для рабочихъ. Сюда принадлежатъ: институтъ сестеръ милосердія для городскихъ трущобъ, заведеніе подвижныхъ госпиталей для городовъ,

пріюты для преступниковъ, отбывшихъ срокъ тюремнаго заключенія, пріюты или больницы для леченія пьяницъ, учрежденіе убѣжищъ для падшихъ и не падшихъ дѣвушекъ, контора розысковъ о лицахъ, безъ вѣсти пропавшихъ, пріюты для уличныхъ дѣтей и ремесленныя школы для нихъ, больницы для нравственно-неисправимыхъ и, наконецъ, не менѣе длинный рядъ учрежденій и содѣйствій всякаго рода чисто экономическихъ или благотворительныхъ;—напримѣръ, улучшеніе рабочихъ жилищъ, устройство образцовыхъ дачныхъ поселеній, банкъ для бѣдняковъ, юридическая контора для пролетаріевъ, справочная контора, брачное бюро и т. д., и т. д. Изъ всѣхъ этихъ плановъ, предложеній и мечтаній многіе занесены довольно поверхностно и не разработаны и лишь нѣкоторые представляютъ достаточную мотивировку, указывается ихъ настоящее мѣсто въ общей схемѣ Бутса и съ достаточной подробностью излагается планъ будущихъ по этому предмету реформъ и начинаній. Ограничимся немногими, болѣе любопытными вопросами и выдержками.

Весьма трогательную картину представляетъ собой дѣятельность института особыхъ сестеръ милосердія, состоящихъ при Арміи Спасенія. Еще профессоръ Гёкели давно сказалъ, что обстановка, въ которой приходится жить многимъ англичанамъ Восточнаго Лондона, хуже той, которая окружаетъ дикарей Новой Гвинеи. На помощь страдающимъ отъ этой, прежде всего неудовлетворительной, санитарной обстановки являются въ числѣ членовъ общества означенныя сестры милосердія или «сестры трущобъ» (The Sisters of the Slum), какъ ихъ называетъ Бутсъ. Большая часть изъ нихъ—дочери такихъ же бѣдняковъ, съ ранняго дѣтства знакомыя съ трущобнымъ міромъ, но *часть изъ нихъ, по рожденію и образованію, принадлежитъ къ высшимъ классамъ общества*, которыя ради человѣколюбія и милосердія, промѣняли свои гостиныя въ Вестъ-Эндѣ на маленькія и грязныя коморки посреди самаго несчастнаго и на половину, можетъ быть, преступнаго населенія Восточнаго Лондона. Эти самоотверженныя личности, по военному выраженію Бутса, идутъ во фронтѣ арміи, спѣша на встрѣчу врагу, понимая подъ послѣднимъ крайнюю нищету, невѣжество, порокъ и всѣ тѣ несчастія, которыя такъ изобильно приходятся на каждаго бѣдняка, проживающаго въ этихъ трущобахъ. Круглый годъ онѣ проводятъ тамъ, посѣщая бѣдныхъ, присматривая и обучая дѣтей, являясь ближайшими совѣтницами къ добру и порядку всѣхъ окружающихъ и проповѣдуя всюду миръ, согласіе и воздержаніе. Въ книгѣ Бутса приводится цѣлый рядъ выдержекъ изъ жизни, по-истинѣ плодотворной, этихъ труженицъ въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ—пяти лѣтъ ихъ

существованія въ трущобахъ, не только Лондона, но и Нью-Іорка и другихъ городовъ Америки, гдѣ онѣ также учреждены Арміей. Результаты ихъ труда замѣчаются въ улучшеніи привычекъ чистоплотности въ жилищахъ бѣдныхъ и меньшемъ пьянствѣ женщинъ, въ большемъ уваженіи къ религіи и, наконецъ, въ спасеніи и обращеніи на путь истинный многихъ падшихъ дѣвушекъ. Ежегодно Арміи Спасенія удается, по увѣренію Бутса, отвлечь отъ ихъ постыднаго занятія, по крайней мѣрѣ, до тысячи уличныхъ женщинъ (для Великобританіи, а для всего свѣта до двухъ тысячъ). Часть ихъ обращается въ усердныхъ членовъ — солдатъ Арміи, часть дѣлается работницами, поступаетъ въ услуженіе (до тысячи двухсотъ за все время), часть превращается въ тѣхъ же сестеръ милосердія и, конечно, нѣкоторыя оказываются неисправимыми и возвращаются на прежній путь; послѣднихъ, впрочемъ, утверждаетъ Бутсъ, сравнительно, немного, что лучше всего доказываетъ умѣлость веденія дѣла; за послѣдніе три года ихъ было 14%, а за одинъ 1889 г. всего лишь 5%. Выполненіе схемы или плана дастъ возможность къ болѣе широкому достиженію этой почтенной задачи. Бутсъ мечтаетъ пристраивать ихъ на сельской колоніи, пріучая къ здоровой сельской работѣ и, отправляя желающихъ въ заморскую колонію. Бутсъ предполагаетъ, во-первыхъ, значительно увеличить, по возможности, въ будущемъ институтъ сестеръ милосердія и къ тридцати тремъ уже существующимъ пріютамъ для падшихъ женщинъ въ разныхъ частяхъ свѣта прибавить много новыхъ, причемъ подобные пріюты для дѣвушекъ будутъ учреждены также и для тѣхъ изъ нихъ, которыя, оставаясь честными,—въ то же время безродны, безпріютны и имъ потому грозитъ паденіе.

Кромѣ того Бутсъ и разсматриваетъ два вопроса: организацію и устройство убѣжищъ и больницъ для пьяницъ и пріютовъ для лицъ отбывшихъ срокъ наказанія въ тюрьмахъ. По его словамъ, Арміи Спасенія уже удалось спасти многихъ отъ ужаснаго порока, сильно подтачивающаго все благосостояніе англійскаго народа. Онъ предполагаетъ устроить нѣсколько лечебницъ по извѣстной системѣ Дальримпля, т. е. съ собственнаго согласія паціента и по постановленію судьи заключеніе на извѣстное время одержимыхъ этой несчастной слабостью, по возможности, до полнаго выздоровленія и отвычки отъ вина. Убѣжища эти будутъ несравненно дешевле всѣхъ существующихъ больницъ и доступны для бѣдныхъ, а иногда, въ случаѣ надобности, и даровыя. Еще болѣе пьяницъ заслуживаютъ состраданія и нуждаются въ помощи лица, отбывшія срокъ наказанія въ тюрьмахъ и выходящія часто, не имѣя ни друзей, ни знакомыхъ, а лишь тя-

жесть и позоръ отбытаго наказанія. Бутсъ предлагаетъ устроить пріюты для этихъ несчастныхъ, притомъ какъ можно ближе къ дверямъ тюрьмы, чтобы заключенный не успѣлъ попасть въ руки, можетъ быть, бывшихъ сотоварищей по преступленію и не вернулся на прежній торный путь порока. Съ цѣлью большаго успѣха въ добромъ дѣлѣ, онъ выражаетъ увѣренность, что, можетъ быть, и тюремное начальство окажетъ содѣйствіе столь почтеннымъ его цѣлямъ, доставляяя заблаговременно обществу свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя предполагаются къ выпуску и о самомъ срокѣ его, а также, если возможно, доступъ членамъ въ тюрьму, для большаго ознакомленія ихъ съ заключенными и подготовки ихъ къ новой жизни.

Помимо этихъ заботъ о порочныхъ или преступныхъ элементахъ бѣдности, Бутсъ сообщаетъ цѣлый перечень проэктовъ помощи и честнымъ бѣднякамъ, какимъ, напримѣръ, является основаніе особой «конторы или отдѣленія общества для совѣщаній» и помощи разными указаніями и совѣтами. Дѣло въ томъ, какъ справедливо онъ замѣчаетъ, что для благополучія человѣка далеко не достаточно накормить и одѣть его; очень часто, особенно женщина, гораздо болѣе нуждается въ хорошемъ и опытномъ совѣтникѣ, нежели въ обѣдѣ и платьѣ, и вотъ роль такого совѣщательнаго учрежденія изъ наиболѣе образованныхъ и симпатичныхъ членовъ общества, съ помощью притомъ опытнаго юриста, и думаетъ создать Бутсъ для своихъ бѣдняковъ. Бюро будетъ давать всѣмъ желающимъ совѣты, не только судебные, но и домашняго, семейнаго, такъ сказать, свойства, а для желающихъ бюро будетъ являться «судомъ совѣсти», который будетъ созываться по первому требованію и желанію лицъ спорящихъ. Рядомъ съ этимъ онъ предполагаетъ въ будущемъ организовать также и обширное справочное учрежденіе, которое будетъ также состоять изъ образованныхъ лицъ, завѣдующихъ избранной для того библіотекой и, наконецъ, письменными свѣдѣніями, доставляемыми офицерами арміи и всѣми сочувствующими людьми со всѣхъ концовъ міра по всевозможнымъ вопросамъ. Къ этому, наконецъ, присоединится болѣе оригинальное учрежденіе—«бюро розысковъ пропавшихъ». Оказывается, что въ огромномъ Лондонѣ каждый годъ пропадаетъ, согласно утвержденію Бутса, 18 тысячъ человѣкъ, причемъ 9 тысячъ безвозвратно, т. е. ихъ никогда не находятъ; сюда принадлежатъ одинаково какъ дѣти, такъ и взрослые люди. Богатые люди, разумѣется, имѣютъ возможность обратиться въ данномъ случаѣ къ полиціи или къ частному сыщику и за хорошія деньги произвести точныя изслѣдованія о пропавшемъ, но для огромнаго большинства бѣдняковъ такіе розыски

невозможны, а между тѣмъ, интересъ ихъ, когда пропадаетъ, напримѣръ, кормилецъ семьи или даже взрослый членъ, страдаетъ нисколько не менѣе, чѣмъ любого богача. Для удовлетворенія этой цѣли подобная контора уже открыта при Арміи Спасенія и, какъ приводитъ многіе случаи Бутсъ, успѣла принести значительную пользу отыскиваніемъ такъ или иначе пропавшихъ или, по крайней мѣрѣ, сообщеніемъ родственникамъ свѣдѣній объ ихъ судьбѣ.

Но неугомонная фантазія Бутса не останавливается на этихъ только учрежденіяхъ. Онъ уже серіозно обсуждаетъ вопросъ о постройкѣ образцовыхъ жилищъ для рабочихъ; о заведеніи въ Лондонѣ Mont de Piété, по образцу парижскаго, но съ тою разницею, что кредитъ для рабочаго, помимо вещественнаго, былъ бы также и личнымъ; объ основаніи убѣжищъ для лицъ нравственно неисправимыхъ; удешевленіи желѣзнодорожныхъ сообщеній, и доставленіи бѣдному люду большой возможности жить въ отдаленіи отъ центровъ и даже на морскомъ берегу, и т. д., и т. д.

Болѣе всего онъ останавливается, впрочемъ, на вопросѣ, которому посвящаетъ вообще много мѣста въ своихъ планахъ,—о развитіи кооперацій или ассоціацій между рабочими, которыя онъ, по справедливости, считаетъ ключомъ къ разрѣшенію всей соціальной проблеммы. Но въ то же время съ существовавшими до сихъ поръ попытками ассоціацій, замѣчаетъ Бутсъ, произошла двоякая судьба: или онѣ превратились постепенно просто въ акціонерныя компаніи, живущія наемнымъ трудомъ и ничѣмъ не отличающіяся отъ обыкновенныхъ капиталистическихъ продпріятій, или же, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ассоціаціи полопались и распались. Какія же, спрашивается, основанія думать, что тѣ же неудачи не постигнутъ подобныя же предпріятія, проектируемыя Бутсомъ? Дѣло въ томъ, отвѣчаетъ онъ, что въ его схемѣ устранена та причина, отъ которой гибли и гибнутъ ассоціаціи и которая состоитъ, какъ доказываетъ исторія всѣхъ кооперацій,—въ отсутствіи въ нихъ дисциплины и единоличнаго управленія. Ассоціація немыслима съ неограниченнымъ правомъ дебатовъ и парламентскимъ способомъ обсужденія вопросовъ. Для успѣха ея поэтому необходимъ принципъ власти:—*лицу, которому вы довѣряете управленіе вашимъ кооперативнымъ учрежденіемъ, вы должны предоставить ту же свободу дѣйствій, какою обладаетъ всякій собственникъ подобнаго же капиталистическаго предпріятія.* Въ этомъ именно отношеніи, въ подчиненіи своей воли общему дѣлу, или, такъ сказать, въ самоотреченіи и заключается сущность успѣха Арміи Спасенія, сравнительно съ другими религіозными и филантропическими обществами.

Наученный опытомъ всѣхъ подобныхъ ассоціацій, оказавшихся утопіями, Бутсъ предполагаетъ обезпечить успѣхъ своего дѣла единоличнымъ управленіемъ и строгой дисциплиной. Мои кооперації, говоритъ онъ, будутъ построены на томъ принципѣ, чтобы способнѣйшій управлялъ дѣломъ; чтобы притомъ, разъ такой способнѣйшій выбранъ для руководства дѣла и поставленъ на верху его, то настаивалъ бы на всеобщемъ и безпрекословномъ себѣ повиновеніи... Здѣсь не будетъ, однако, никакого принужденія, — свѣтъ великъ,—и всякій желающій можетъ свободно уйти и покинуть такую кооперацію. Напрасно думаютъ, что люди не терпятъ повиновенія, заключаетъ онъ; напротивъ, они любятъ быть управляемыми, если только увѣрены, что дѣло управленія идетъ хорошо и принимается во вниманіе все важное въ интересахъ общества.

Бутсъ настолько твердо вѣритъ въ эту необходимость абсолютизма власти для успѣха всякаго такого сложнаго дѣла, какъ кооперації и вообще вся его схема, что даже въ заключительныхъ главахъ своего сочиненія опять ставитъ то же свойство, какъ одну изъ гарантій успѣха цѣлой схемы. Армія Спасенія, говоритъ онъ, является единственнымъ обществомъ въ Англіи, въ основаніи котораго лежитъ принципъ безусловнаго повиновенія; всѣ его члены воспитываются въ привычкахъ дисциплины, а офицеры—въ умѣніи управлять, и эта строгая дисциплина отнюдь не можетъ считаться лишь бумажной, а проявляется на каждомъ шагу дѣятельности общества. Достаточно моей телеграммы, говоритъ Бутсъ, чтобы лицо, жившее всегда въ Лондонѣ, немедленно переселилось бы въ Санъ-Франциско, въ землю Зулусовъ, въ Голландію или южную Америку. Этимъ принципомъ оно отличается отъ всѣхъ другихъ религіозныхъ и филантропическихъ учрежденій и въ немъ лежитъ залогъ успѣха всей схемы. Такимъ же предвѣстникомъ удачи является распространенность Арміи Спасенія почти по всему земному шару,—по тридцати разнымъ странамъ или колоніямъ и постоянное пребываніе ея членовъ въ четырехъ тысячахъ различныхъ пунктахъ. Но къ этому присоединяются также еще два обстоятельства: многія изъ задуманныхъ учрежденій данной схемы, какъ ночлежные дома, пріюты и пр., представляютъ собою уже нѣчто испытанное и одобренное опытомъ, такъ что въ благодѣтельности ихъ сомнѣваться нѣтъ основанія. Наконецъ, работая надъ улучшеніемъ жизни подонковъ современнаго цивилизованнаго общества, члены Арміи Спасенія или офицеры, какъ ихъ называетъ Бутсъ,—по большей части выходцы изъ той же самой среды, а потому должны понимать своихъ учениковъ и быть компетентнѣе въ дѣлѣ умственнаго и нрав-

ственнаго ихъ усовершенствованія, чѣмъ какіе-либо другіе филантропы, напримѣръ, средняго класса.

Въ заключеніе своей схемы и въ то же время книги, Бутсъ подводитъ финансовые итоги всего предпріятія, разсчитывая подробно, во что обойдется осуществленіе всей схемы и сколько общество должно пожертвовать денегъ, если согласится со всѣми его доводами и пожелаетъ осуществленія всѣхъ изложенныхъ плановъ. Разумѣется, какъ и раньше было упомянуто, Бутсъ считаетъ безусловно необходимымъ,—conditio sine qua non,—выполненіе его троичнаго плана въ цѣломъ, а никакъ не по частямъ,—для успѣха поставленной задачи: всѣ его учрежденія тѣсно другъ съ другомъ связаны и одно изъ другого вытекаютъ, чѣмъ и отличаются отъ всѣхъ, существовавшихъ донынѣ, филантропическихъ попытокъ, представлявшихъ лишь единичныя усилія въ томъ или иномъ направленіи помочь бѣдствующему человѣчеству. Не будемъ останавливаться на подробностяхъ этихъ финансовыхъ разсчетовъ, весьма обстоятельно мотивированныхъ, причемъ огромное большинство учрежденій, имъ задуманныхъ, должны себя окупать, такъ какъ безплатность или даровой характеръ оказываемыхъ бѣдняку услугъ въ принципѣ Бутсомъ отвергается, какъ ведущій лишь къ разврату и большей распущенности его. При этомъ-то условіи Бутсъ разсчитываетъ, что для выполненія его схемы необходимо сейчасъ же единовременныхъ *сто тысячъ* фунт. стерл. и ежегодныхъ 30 тысячъ для поддержанія и дальнѣйшаго развитія учрежденій. Съ этими-то средствами, если англійскій народъ пожелаетъ ихъ ему дать, Бутсъ берется со своей Арміей Спасенія не только осуществить всю предложенную имъ схему, но и спасти, конечно, постепенно, милліоны англійскихъ бѣдняковъ отъ большинства описанныхъ имъ несчастій и извлечь ихъ изъ той жалкой жизни, которую они влачатъ. Мало того, онъ сулитъ превратить ихъ въ довольныхъ судьбою и полезныхъ гражданъ, частью на ихъ старой родинѣ—въ Англіи, частью въ томъ новомъ отечествѣ, которое они найдутъ за океаномъ, въ заморской колоніи, проектируемой въ схемѣ. Принявши эту схему, страна не только, слѣдовательно, избавится отъ большинства своихъ порочныхъ и преступныхъ элементовъ населенія, но и общее благосостояніе Великобританіи, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ пауперизма, нравственнымъ и физическимъ оздоровленіемъ ея трущобъ, должно значительно подняться и расшириться, ко благу достаточныхъ классовъ народа.

Мы познакомились въ достаточной степени съ содержаніемъ этой замѣчательной новинки соціальной литературы, производящей доселѣ большую сенсацію во всей Англіи, и съ сущностью тѣхъ плановъ, осуществленіемъ которыхъ авторъ проектируетъ спасти милліоны бѣдствующаго человѣчества. Если во всякой новой книгѣ и схемѣ искать оригинальности, то, очень можетъ быть, «Въ трущобахъ Англіи» не выдержитъ такого испытанія. Впрочемъ, самъ Бутсъ категорически заявляетъ въ предпослѣдней главѣ, что онъ отнюдь не претендуетъ на самостоятельность ни одной части схемы и не можетъ сказать утвердительно, что въ ней заимствовано и что принадлежитъ ему самому *). Но несомнѣнно также, что всякое изъ учрежденій, входящихъ въ составъ схемы, какъ и цѣлый планъ, не только передумано и перечувствовано авторомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, но въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ подвергнуто прямому непосредственному опыту. Этимъ, по справедливости, планъ Бутса отличается отъ всевозможныхъ утопій подобнаго рода, начиная, пожалуй, съ Томаса Мора и кончая Генри Джоржемъ и Беллами. Бутсъ не только успѣлъ, какъ мы видѣли, осуществить множество филантропическихъ учрежденій разнаго рода и на всѣхъ концахъ свѣта и, слѣдовательно, при различныхъ условіяхъ, но и съумѣлъ создать преимущественно изъ тѣхъ же самыхъ подонковъ общества, надъ поднятіемъ и спасеніемъ которыхъ сосредоточивается вся схема, цѣлую дисциплинированную армію послѣдователей, съ покорностью солдата готовыхъ къ исполненію всѣхъ его предначертаній. Разумѣется, ни одна изъ соціальныхъ фантазій новѣйшаго времени не имѣла такого количества готовыхъ къ услугамъ союзниковъ и исполнителей, а потому, нужно полагать, и не владѣла тѣми шансами на успѣхъ, которыми можетъ гордиться Бутсъ.

Въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ книга Бутса имѣла чрезвычайный и притомъ не въ литературномъ смыслѣ только—своей распространенностью и говоромъ газетъ, а той болѣе положительной стороной дѣла, которая выразилась въ массѣ сочувственныхъ писемъ отъ извѣстнѣйшихъ лицъ въ англійскомъ обществѣ и денежныхъ пожертвованій, которыя посыпались со всѣхъ сторонъ Бутсу для осуществленія его плановъ. Лица разныхъ мнѣній, разныхъ положеній, духовныя особы, напримѣръ, разныхъ вѣроисповѣданій—одинаково выражаютъ свои симпатіи и шлютъ свои деньги. Гладстонъ, лордъ Эбердинъ, англиканскій епи-

*) Stead въ ноябрьской книжкѣ 1890 г. «Review of Reviews», между прочимъ, указываетъ на два сочиненія, давшія матеріалъ будто бы для значительной части схемы Бутса; это—Herbert Mills' Book on Home Colonization, а также Mr. Reess' From Poverty to Plenty.

скопъ Манчестерскій, католическій архіепископъ кардиналъ Манингъ, епископъ Дургэмскій—печатаютъ въ газетахъ свои открытыя письма къ Бутсу съ заявленіями сочувствія и благихъ пожеланій его планамъ и вѣры въ ихъ исполненіе и большими или меньшими денежными пожертвованіями. Знаменитый богословъ, авторъ «Жизни Христа» архидіаконъ Фарраръ говоритъ по этому поводу спеціальную проповѣдь въ Вэстминстерскомъ аббатствѣ и пишетъ Бутсу письмо, напечатанное «Times'омъ», въ которомъ сообщаетъ, что онъ не только «съ величайшимъ интересомъ познакомился съ его систематическимъ планомъ покончить съ массой нищеты», но что, по его мнѣнію, «никогда схема подобной величины никѣмъ не предлагалась», и что онъ отъ всей души присоединяется ко всѣмъ его предложеніямъ и предпріятіямъ и т. д. Какъ сообщаетъ далѣе «Times» отъ 19 ноября (1890 г.), т. е. всего лишь черезъ три недѣли послѣ опубликованія книги, количество денежныхъ пожертвованій Бутсу для его предпріятій достигало уже 43,171 фунта стерлинговъ, т. е. чуть не половина той суммы, которая нужна ему, чтобы приступить къ осуществленію широкаго плана,—уже готова и, сверхъ того, какъ заявилъ самъ Бутсъ на одномъ изъ большихъ митинговъ, онъ уже получилъ въ подарокъ обществу большой кусокъ хорошей земли, вполнѣ пригодной для постройки фермы, которая нынѣ уже и существуетъ. Итакъ, успѣхъ описаннаго плана Бутса въ денежномъ отношеніи можно считать обезпеченнымъ. Дальнѣйшее зависитъ уже отъ практичности самаго плана и отъ того, конечно, на сколько исполнители и дѣятели его окажутся на той высотѣ своего положенія принятыхъ на себя задачъ, какую такъ категорически обѣщаетъ за нихъ Бутсъ *).

Но для надлежащей оцѣнки предпріятія Бутса,—а результаты, навѣрное, успѣютъ обнаружиться уже скоро,—необходимо указать должные предѣлы и границы принимаемыхъ имъ на себя какъ бы обязательствъ, вмѣстѣ съ этими пожертвованіями и деньгами. Бутсъ, какъ мы уже не разъ указывали, отнюдь не претендуетъ осуществленіемъ своего плана разрѣшить весь соціальный вопросъ въ цѣломъ или даже измѣнить существующій соціальный строй; онъ исключительно ограничивается помощью или «спасеніемъ», какъ онъ вообще называетъ во всѣхъ отношеніяхъ англійскаго трущобнаго населенія отъ теперешняго его положенія. Но и эта задача сама по себѣ громадна, ибо бѣдность и многочисленныя несчастія бѣднѣйшаго населенія большихъ городовъ

*) Какъ извѣстно въ тотъ же годъ вся необходимая сумма была собрана и нынѣ схема Бутса находится въ періодѣ постепеннаго осуществленія.

являются результатомъ всего соціальнаго строя, и до тѣхъ поръ, конечно, пока не измѣнится значительно этотъ строй противъ его настоящаго положенія, будутъ тѣ же и послѣдствія, т. е. тѣ же несчастія; разница будетъ заключаться лишь въ уменьшеніи и ослабленіи этого зла. Такимъ образомъ, планъ Бутса, когда онъ осуществится, сведется къ роли какъ бы *предохранительнаго клапана* соціальнаго вопроса; онъ будетъ спасать англійскій народъ отъ взрыва, которымъ можетъ грозить теперешняя индустріальная система съ ея краснорѣчиво и наглядно описанными у Бутса вредными послѣдствіями.

Но могутъ встрѣтиться, помимо неожиданныхъ, препятствія, которыя лежатъ даже въ корнѣ всего вопроса этой значительно съуженной и ограниченной противъ разныхъ утопій задачи, но тѣмъ не менѣе, все-таки крайне трудной. Дѣло въ томъ, что необходимымъ условіемъ успѣха всякой соціальной реформы, даже столь скромной, какъ измѣненіе, напримѣръ, теперешнихъ формъ производства на кооперативныя, Бутсъ вполнѣ справедливо считаетъ нравственное перерожденіе и дисциплинированіе всѣхъ участниковъ. Совершенно основательно онъ указываетъ на противоположныя тому качества и между прочимъ, на отсутствіе единовластія, какъ причины гибели подобныхъ попытокъ до настоящаго времени. Ему удалось, при организаціи своего общества Арміи Спасенія, снабдить его, вмѣстѣ съ военнымъ костюмомъ и военнымъ духомъ, т. е. развить ту необходимую и важную дисциплину и подчиненіе частной воли общей, которая существенна для всякаго подобнаго общаго дѣла, гдѣ иначе могутъ сталкиваться интересы отдѣльныхъ представителей. Но не слѣдуетъ забывать, что Бутсу до сихъ поръ приходилось, за немногими исключеніями, имѣть дѣло, какъ онъ неоднократно подчеркиваетъ, съ подонками общества, его трудами и усиліями обращенными въ путныхъ и порядочныхъ, по его свидѣтельству людей. Но теперь вмѣстѣ съ громаднымъ расширеніемъ дѣятельности Арміи Спасенія до тѣхъ размѣровъ, которые предусматриваются схемой, навѣрное подвергнется существенному измѣненію и самый составъ дѣятелей, окружающихъ Бутса. *Для новаго дѣла нужны и новые люди*; малообразованныя, хотя бы и фанатично преданныя своему дѣлу лица, составляющія контингентъ теперешней Арміи Спасенія, каковы бы ни были ихъ остальныя качества, уже болѣе не годятся для многихъ разнообразнѣйшихъ обязанностей, создаваемыхъ проектомъ. Это обстоятельство какъ нельзя лучше понимаетъ и самъ Бутсъ, дѣлая воззваніе въ послѣдней главѣ книги (стр. 283) о необходимости, для надлежащаго исполненія его плановъ, имѣть и надлежащихъ людей, еще въ большей степени нужныхъ, не-

жели деньги; онъ нуждается въ умныхъ и образованныхъ помощникахъ и, очевидно, уже теперь заранѣе тревожится по поводу могущихъ возникнуть отсюда осложненій и недоразумѣній. Очень вѣроятно, что при теперешнемъ широкомъ возбужденіи чувства альтрюизма въ англійскомъ среднемъ и высшемъ классахъ, онъ найдетъ скоро такихъ лицъ, желающихъ посвятить себя всецѣло, подъ его руководствомъ, на служеніе и помощь бѣдному народу; доказательствомъ могутъ служить тѣ самоотверженныя сестры милосердія въ трущобахъ, урожденныя лэди, о которыхъ упоминалось раньше. Но теорія даже просвѣщеннаго абсолютизма едва-ли бы пришлась по плечу такимъ новымъ дѣятелямъ; солдатская дисциплина едва-ли понравится и окажется выполнимой, особенно при подчиненіи новыхъ образованныхъ дѣятелей старымъ, взятымъ буквально, по словамъ Бутса, изъ тѣхъже трущобныхъ подонковъ. Чѣмъ болѣе поэтому будетъ расширяться и расти число послѣдователей и сторонниковъ Бутса,—а это непремѣнно будетъ, судя по рѣдкому успѣху его книги,—тѣмъ болѣе дисциплина столь важная дѣйствительно для дѣла, будетъ ослабляться, а индивидуализмъ, иногда по похвальнымъ даже причинамъ, будетъ искать себѣ выхода, расшатывая всѣ принципы военной организаціи этого оригинальнаго общества. Вообще, въ западной Европѣ и особенно въ англійскомъ обществѣ и вездѣ, конечно, могутъ встрѣтиться, какъ исключеніе, личности, способныя на крайнее самоотверженіе и самоотреченіе, но большинство даже наиболѣе выдающихся и благороднѣйшихъ дѣятелей на пользу человѣчества въ наше время, жертвуютъ собой и личной свободой на благо общее лишь въ извѣстныхъ ограниченныхъ размѣрахъ, предѣлы которыхъ перейти нельзя. Это мы, напримѣръ, видимъ даже на членахъ знаменитаго университетскаго поселенія въ Восточномъ Лондонѣ (Toynbee-Hall). Между тѣмъ, Бутсъ, какъ нѣсколько разъ категорически объявляетъ, непремѣннымъ условіемъ отъ соучастниковъ требуетъ строгаго и безусловнаго подчиненія своей волѣ, а съ другой стороны—для своей широкой схемы онъ не можетъ обойтись теперь безъ образованныхъ помощниковъ, и вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ, мнѣ кажется и заключается главная опасность для будущности всей реформы, задуманной Бутсомъ. Расширеніе дѣятельности общества косвенно содержитъ въ себѣ и зерно ея упадка.

Какъ бы то ни было и какъ бы значительны ни были тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ той или иной части схемы, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать ея наиболѣе выдающимся и практически осуществимымъ проектомъ переорганизаціи рѣзкихъ аномалій

изъ жизни массы населенія всѣхъ промышленныхъ городовъ Западной Европы. Хотѣлось бы, конечно, видѣть и «начало конца» соціальнаго вопроса, но пока достаточныхъ данныхъ на лицо не имѣется и приходится ждать практическихъ осуществленій всей схемы. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что вся эта странная, вызывающая противъ себя большія предубѣжденія Армія Спасенія, съ ея службой для соціальнаго, моральнаго и религіознаго перерожденія трущобнаго міра, съ ея скромнымъ, доходящимъ почти до полнаго безкорыстія, вознагражденіемъ за свой весьма тяжелый и подчасъ весьма непріятный трудъ,— является важнымъ знаменіемъ времени, какъ бы даже иногда ни были уродливы и несимпатичны многія дѣйствія пресловутой Арміи. Несомнѣнно, однако, что она служитъ лишь выраженіемъ великаго филантропическаго движенія нашего времени и пробужденія чувства альтрюизма въ достаточныхъ классахъ народа. Чѣмъ бы поэтому ни кончилось обширное предпріятіе Бутса со всѣми его подробностями, какъ бы ни были велики при этомъ ошибки, заблужденія, неожиданности въ будущемъ,—въ конечномъ результатѣ, все-таки, получится много добра для массы англійскаго народа и дальнѣйшаго прогресса культуры всего человѣчества.

СОСѢДСКІЯ ГИЛЬДІИ *).

Gutta lapidem cavat.

Новый путь къ соціальной реформѣ.

Кто не слыхалъ о знаменитой филантропической попыткѣ нашихъ дней въ Лондонѣ, извѣстной подъ именемъ «Toynbee-Hall» или «Университетскаго Поселенія въ Восточномъ Лондонѣ?» Группа университетской молодежи изъ достаточныхъ классовъ общества, движимая любовью къ народу и состраданіемъ къ бѣдному люду, пришла къ убѣжденію въ необходимости помочь ему путемъ разнообразнаго содѣйствія его культурѣ. Одна изъ главныхъ трудностей жизни для бѣдныхъ въ городахъ, по ихъ мнѣнію, заключается въ томъ, что они имѣютъ слишкомъ мало друзей и помощниковъ, которые пожелали бы изслѣдовать и облегчить ихъ затрудненія; что они имѣютъ чрезвычайно мало точекъ соприкосновенія съ идеалами нашего вѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и, вообще, бѣдный людъ не имѣетъ своими сосѣдями людей воспитанныхъ и образованныхъ. Поэтому, наилучшимъ средствомъ они сочли основать поселеніе образованныхъ людей между бѣдняками, имѣя въ виду, путемъ учрежденія «Toynbee-Hall», направить человѣческую симпатію, энергію и общественное мнѣніе всѣхъ образованныхъ людей на помощь наличнымъ условіямъ городской жизни для массы бѣднаго народа.

Это гуманитарное теченіе въ Англіи, какъ извѣстно выразилось даже не въ одномъ только основаніи «Toynbee-Hall», а нѣсколькихъ,

*) Слово «гильдія» употребляется здѣсь не въ русскомъ своемъ смыслѣ «торговаго званія» или «пошлины», а въ старомъ англійскомъ, и является синонимомъ «братства» или «товарищества».

подобныхъ имъ по цѣлямъ, учрежденій: такъ: «Народный Дворецъ», «Университетское Поселеніе» на Oxford Street, «Женское Университетское Поселеніе» въ Южномъ Лондонѣ,—и, наконецъ, движеніе перешло черезъ Атлантическій Океанъ въ Америку. Но дѣло въ томъ, что людей науки, подобныхъ основателямъ «Toynbee-Hall», преданныхъ интересамъ народа, конечно, мало; рабочіе-же классы Англіи и Америки насчитываются многими милліонами, и, притомъ далеко не вездѣ они такъ бѣдны и невѣжественны, какъ жители Восточнаго Лондона. Очевидно, поднять ихъ культурное положеніе и улучшить соціальный бытъ необходимо, первоначально, другими, менѣе сложными путями и цѣной меньшихъ матеріальныхъ затратъ, нежели какихъ стоило возведеніе «Народнаго Дворца» и содержаніе «Toynbee Hall». Какой-же можетъ быть этотъ новый способъ поднять культуру рабочихъ классовъ и содѣйствовать улучшенію ихъ жизни? Само собою разумѣется, что въ виду высказанныхъ соображеній остается, не ограничиваясь рѣдкой и случайной помощью лицъ, подобныхъ самоотверженнымъ резидентамъ «Toynbee-Hall», поискать средствъ въ рядахъ самого народа,—и вотъ образецъ именно такой филантропической попытки представляетъ собой новое движеніе, за которое ратуетъ современный англійскій ученый Стантонъ Койтъ (Stanton Coit).

Молодой докторъ философіи и профессоръ этики, Койтъ, еще въ началѣ основанія «Toynbee-Hall», т. е. въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ, заинтересовался его задачами, сдѣлался его членомъ и пробылъ въ «Университетскомъ Поселеніи» нѣсколько мѣсяцевъ, тщательно изучая методы и пути знакомства съ народомъ и помощи ему. Онъ, именно, первый изъ новыхъ дѣятелей въ 1887 году переплылъ океанъ и сдѣлалъ въ Нью-Іоркѣ практическую попытку, подъ именемъ «Сосѣдской Гильдіи» или «братства», приложить принципы, которымъ онъ научился въ «Toynbee-Hall», къ улучшенію быта народа. Главныя задачи этого народнаго учрежденія сводились къ тому, чтобы «содѣйствовать и развивать взаимную помощь и дружественное чувство, очищать и улучшать народный вкусъ и привычки, возбуждать противодѣйствіе ко всѣмъ формамъ и видамъ несправедливости и содѣйствовать преданности дѣлу общаго блага».

Несмотря на неблагопріятныя условія для дѣла, ибо первая «Сосѣдская Гильдія» (братство) была основана Койтомъ въ бѣднѣйшемъ и несчастномъ кварталѣ Нью-Іорка, съ населеніемъ крайне мало культурнымъ, изъ новыхъ европейскихъ эмигрантовъ и весьма смѣшанной національности,—предпріятіе это, тѣмъ не менѣе, имѣло значительный успѣхъ, какъ сообщаетъ Чарльзъ Стоверъ (Charles Stover) въ своемъ

приложеніи къ біографіи Арнольда Тойнби, написанной Монтэгю *). Положеніе мѣстности замѣтно измѣнилось къ лучшему, учрежденіе вызвало общее сочувствіе и привлекло новыхъ помощниковъ обоего пола, преимущественно изъ лицъ университетскаго образованія. Девизомъ дѣятельности сдѣлалось такое положеніе: «Порядокъ — нашъ базисъ (основаніе); улучшеніе—наша цѣль и дружба—нашъ принципъ». Поставивши дѣло на ноги въ Нью-Іоркѣ и убѣдившись, что, благодаря труду его помощниковъ, подобныя учрежденія начинаютъ появляться и въ другихъ городахъ Америки (Бруклинъ, Филадельфія и проч.), Койтъ возвратился въ Англію и, на этотъ разъ, уже въ Сѣверномъ Лондонѣ учредилъ новое «Университетское Поселеніе» и завелъ первую «Сосѣдскую Гильдію» по образцу Нью-Іоркской. Въ настоящее время, считая свою попытку на помощь народу достаточно оправданною практическимъ опытомъ, Стантонъ Койтъ издаетъ книжку, въ которой и знакомитъ публику какъ съ результатомъ этихъ попытокъ, такъ и съ общими основаніями своего соціальнаго плана. Такимъ образомъ, на основаніи печатнаго труда самого автора нынѣ получается возможность познакомиться съ сущностью его программы и содержаніемъ его практическихъ попытокъ въ Англіи и Америкѣ **).

Во всѣхъ соціальныхъ проектахъ и фантазіяхъ всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ знаменитой «Утопіи» Томаса Мора и кончая новѣйшимъ соціальнымъ романомъ Беллами (а, отчасти, касаясь даже и послѣдняго проекта «генерала» Арміи Спасенія Бутса), замѣчается одинъ и тотъ-же крупный недостатокъ: пренебреженіе къ дѣйствительнымъ условіямъ практической жизни, которое выражается въ томъ, что всѣ вышеуказанные авторы стремятся осуществить свои планы соціальнаго переустройства, весьма далекіе отъ его настоящихъ формъ, среди людей, между тѣмъ, съ ихъ теперешними страстями и желаніями, съ ихъ недружелюбіемъ другъ къ другу и эгоистическимъ мотивомъ экономической дѣятельности нашихъ дней. Въ мѣха новые они вливаютъ вино старое, и что-же мудренаго, если отсюда получается неудовлетворительный исходъ всѣхъ подобныхъ попытокъ измѣнить аномаліи теперешняго народнаго быта въ Западной Европѣ и, Америкѣ и, вообще, если не удается улучшить экономическій бытъ людей!? Очевидно, какова ни была-бы сущность тѣхъ коренныхъ перемѣнъ, которыя желательны въ общественномъ устройствѣ и экономическомъ положеніи,

*) John's Hopkins' University Studies. Arnold Toynbee. By *F. C. Montague* стр. 65 и далѣе.

**) *Neighbourhood Guilds.* An Instrument of Social Reform. By *Stanton Coit*, Ph. D. London 1891.

всякой серьезной реформѣ этого рода должна предшествовать и одинаково серьезная подготовка къ ней рабочихъ классовъ, въ смыслѣ постепеннаго (ибо никакія важныя перемѣны быстро не дѣлаются) умственнаго и нравственнаго усовершенствованія народа и, вообще, поднятія его культуры. Другими словами, осуществленію какой-бы то ни было крупной соціальной реформы должна предшествовать сознательная организація умственной и нравственной жизни народа, ради всепѣлаго улучшенія человѣческой участи. Безъ такой предварительной подготовки невозможно то просвѣщеніе большой массы народа и та степень его знакомства съ экономическими цѣлями и задачами, которыми чревато будущее. Поэтому означенная организація и является вопіющей нуждой нашихъ дней. «Вслѣдствіе ея отсутствія», говоритъ Койтъ, «всѣ наши идеалы и планы являются какими-то холодными, абстрактными, какъ-бы безкровными или, по меньшей мѣрѣ, совершенно безсильными существами; они подобны духу безъ тѣла; они не могутъ быть ни видимы, ни чувствуемы, ни слышимы; они не имѣютъ ни рукъ, ни ногъ, ни глазъ, ни языка...» Если эта первая ступень организаціи массъ будетъ пройдена, вторая стадія просвѣщенія народа въ соціальныхъ принципахъ можетъ быть уже легко достигнута, и тогда осуществленіе на землѣ болѣе справедливаго порядка будетъ недалеко и получится въ результатѣ безъ всякаго насилія. Такой-то общей организаціи жизни народа и предназначены содѣйствовать «Сосѣдскія Гильдіи», эти новыя учрежденія, предлагаемыя авторомъ.

Авторъ не считаетъ нужнымъ исповѣдывать свои убѣжденія и выкладывать въ подробностяхъ свой соціальный идеалъ. Онъ стоитъ на почвѣ существующаго порядка и достигнутыхъ реформъ, не желая заниматься гаданіемъ или строить воздушные замки о прекрасномъ будущемъ. «Что касается до спеціальныхъ мѣръ общественнаго переустройства», говоритъ онъ, «то я просто ограничусь выраженіемъ моего искренняго убѣжденія, что какія-бы конечныя и глубоко захватывающія реформы въ будущемъ ни произошли,—будетъ-ли, напримѣръ, система заработной платы просто измѣнена или замѣнена новымъ лучшимъ методомъ производства и распредѣленія,—но, во всякомъ случаѣ прогрессъ, въ данномъ направленіи, можетъ совершиться лишь путемъ организаціи всѣхъ рабочихъ, мужчинъ, какъ и женщинъ, въ рабочіе союзы, путемъ пониженія часовъ работы, путемъ размноженія «дружественныхъ обществъ» (friendly societies), путемъ значительнаго оздоровленія и улучшенія семейнаго и домашняго быта рабочихъ, путемъ ихъ лучшаго воспитанія и путемъ, наконецъ, увеличенной свободы времени и облагороженныхъ для народа удовольствій».

Такимъ образомъ, основная посылка автора сводится къ нуждѣ предварительной подготовки людей, прежде, нежели возможно будетъ серьезно думать и осуществлять значительныя перемѣны въ общихъ условіяхъ народнаго труда и быта; объ этомъ забылъ Беллами и даже мало придавалъ значенія Бутсъ, стараясь построить будущее неизвѣстное зданіе соціальнаго порядка, испробовавши на практикѣ между тѣмъ лишь немногія частности своего слишкомъ обширнаго плана. Стантонъ Койтъ ограничилъ свою дѣятельность болѣе скромной задачей, но за то онъ испыталъ свои средства вполнѣ и даже нѣсколько разъ: пять лѣтъ тому назадъ, какъ мы говорили, онъ учредилъ «Сосѣдскую Гильдію», сперва въ Нью-Іоркѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Америки, и, въ два съ половиною года, уже завелъ и довелъ до полнаго процвѣтанія подобное же учрежденіе въ Англіи.

Спрашивается, что-же такое представляютъ собою эти «Сосѣдскія Гильдіи», по опредѣленію ихъ творца? Подъ именемъ «Сосѣдскихъ Гильдій» Койтъ разумѣетъ сообщество ближайшихъ сосѣдей, живущихъ на одной и той же улицѣ города или на немногихъ сосѣднихъ, вступившихъ въ соглашеніе *посемейно*, на общія издержки, проводить сообща все свое свободное время, организовать ради той же цѣли нѣсколько клубовъ, смотря по полу и возрасту, и содѣйствовать общими усиліями своему образованію и развлеченію. Серія подобныхъ-то гильдій, распространившись на одинъ большой городъ или на всю страну въ будущемъ, переработаетъ за большее или меньшее время соціальный духъ народа и подготовитъ осуществленіе тѣхъ экономическихъ, семейныхъ и другихъ реформъ, потребность которыхъ вызывается соціальнымъ идеаломъ. Прежде всего «Сосѣдскія Гильдіи» являются ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ распространеніемъ или развитіемъ *семейной идеи кооперації*. Какъ въ семьѣ всѣ возрасты и полы соприкасаются умственно и нравственно, отнюдь не ограничивая совокупности усилій лишь достиженіемъ какой-нибудь одной спеціальной цѣли (напр. экономической, воспитательной, гигіенической и проч.), а стремясь къ достиженію ихъ всѣхъ вмѣстѣ,— точно такъ же и въ «Сосѣдской Гильдіи» преслѣдуются всѣ тѣ же семейныя цѣли, вмѣстѣ или заразъ, и каждый членъ получаетъ удовлетвореніе своихъ нуждъ, имъ соотвѣтствующее.

Такое соединеніе цѣлей является, по мнѣнію автора, и въ подражаніе семьѣ, безусловно необходимымъ, въ виду односторонности и, отсюда, часто зловредности для общихъ задачъ развитія и усовершенствованія рабочаго класса иныхъ спеціальныхъ сообществъ и со-

нединеій, столь распространенныхъ теперь между рабочими Западной Европы. Для примѣра, онъ приводитъ рядъ подобныхъ попытокъ, произведенныхъ съ самыми благодѣтельными цѣлями и, между тѣмъ, не давшихъ никакихъ полезныхъ результатовъ. Напримѣръ, образованный филантропъ (вѣроятно изъ членовъ Toynbee-Hall), желая привлечь къ себѣ рабочую молодежь въ Восточномъ Лондонѣ, устраиваетъ для ребятъ безплатное обученіе боксированію, предполагая этимъ сблизиться съ рабочими и получить нравственное вліяніе. Въ результатѣ—уличные мальчишки начинаютъ отлично драться на кулачкахъ, нѣкоторые даже дѣлаются профессіональными бойцами (боксерами), но отнюдь не желаютъ учиться чему-либо иному, болѣе полезному, и лишь нравственно грубѣютъ, вмѣсто того, чтобы развиваться въ обществѣ своихъ образованныхъ учителей. Не менѣе односторонними и даже вредными, по его мнѣнію, слѣдуетъ считать иногда, въ интересахъ общаго развитія народа, и вліяніе такъ называемыхъ соціалъ-демократическихъ и тому подобныхъ новыхъ обществъ, которыя, якобы въ альтруистическомъ смыслѣ, оставляютъ его нравственную сторону совершенно незатронутой и некультивированной. И, дѣйствительно, если ярый, можетъ быть, послѣдователь, на словахъ, Маркса или Лассаля колотитъ свою жену или пропиваетъ заработокъ своихъ дѣтей, работающихъ на фабрикѣ, то какой-же толкъ получится для блага народа отъ такого, яко-бы, развитія!? Всякое сообщество рабочихъ поэтому, дабы сдѣлаться здоровымъ центромъ соціальнаго развитія, должно отнюдь не замыкаться въ узенькую партійную ячейку, а интересоваться всѣмъ внѣшнимъ міромъ и его нуждами. Нравственное усовершенствованіе должно имѣть такое же точно право на вниманіе, какъ физическая или умственная культура сочленовъ или распространеніе новыхъ экономическихъ воззрѣній.

По высказаннымъ соображеніямъ, «Сосѣдскія Гильдіи» въ ихъ соціальныхъ задачахъ отнюдь не задаются или не ограничиваютъ свою дѣятельность спасеніемъ лицъ, впавшихъ въ порокъ, преступленіе или крайнюю нищету, какъ напр. схема «генерала» Бутса. Отнюдь не чуждаясь и не устраняясь отъ заботъ объ этихъ послѣднихъ, «Сосѣдскія Гильдіи» имѣютъ однако въ виду весь классъ народа, живущій заработкомъ, и не только съ цѣлью предупреждать его отъ упомянутыхъ выше бѣдствій, но и доставить «сочленамъ» путемъ общенія возможность тысячи выгодъ, которыхъ въ настоящее время, благодаря ограниченнымъ средствамъ, своими одиночными усиліями они получить не въ состояніи. Наивысшая цѣль, которая постоянно должна имѣться въ виду, заключается въ наивозможномъ усовершенствованіи

каждаго индивида, какъ работника въ обществѣ,—въ нравственности, добрыхъ привычкахъ, улучшеніи качества его труда, усвоеніи гражданскихъ добродѣтелей и увеличеніи, вообще, его умственной силы. Затѣмъ, во-вторыхъ, вышеуказанная цѣль «братствъ» или «гильдій» состоитъ въ наивозможно-полномъ доступѣ и пользованіи для рабочихъ всѣми соціальными и промышленными выгодами нашего времени.

Такимъ образомъ, косвенно, въ задачи «Гильдіи», конечно, входитъ и спасеніе павшихъ, хотя тутъ очевидна необходимость, можетъ быть, мѣръ предупрежденія еще въ болѣе сильной степени, нежели спасеніе павшихъ. Между тѣмъ, разумѣется, «Сосѣдскія Гильдіи», стремясь осуществить идеалы совершенства и культуры въ рабочихъ классахъ, высшіе сравнительно съ существующими, между наиболѣе достаточными его слоями, тѣмъ самымъ, конечно, не говоря о прямой помощи, должны предупреждать и уменьшать число впавшихъ въ порокъ и нищету. На этомъ же основаніи, «Сосѣдскія Гильдіи», въ противоположность схемѣ Бутса, отнюдь не думаютъ основывать Магдалининскіе пріюты для падшихъ женщинъ, но такихъ дѣвушекъ изъ своего сосѣдства посылаютъ въ уже существующія учрежденія этого рода, или, при ограниченности мѣста въ нихъ, стараются оказать вліяніе на устройство новыхъ подобныхъ убѣжищъ, не занимаясь сами этимъ дѣломъ. Точно то же касается до освобождаемыхъ отъ тюрьмы, до банковъ и другихъ затѣй, предполагаемыхъ въ извѣстной книгѣ Бутса «Въ Трущобахъ Англіи»: «Сосѣдскія Гильдіи» пользуются во всѣхъ этихъ случаяхъ лишь существующими уже учрежденіями, или пропагандируютъ ихъ увеличеніе спеціальными для того обществами. Сами «Гильдіи», какъ правило, пытаются удовлетворить лишь такимъ экономическимъ потребностямъ сочленовъ, которыя иными способами удовлетворенія не получаютъ. Напр., «Сосѣдскія Гильдіи» устраиваютъ убѣжища для молодыхъ людей, которые не живутъ почему-либо съ родителями или не имѣютъ ихъ, и такое же другое убѣжище для женскаго пола. «Гильдіи» заводятъ кооперативный складъ каменнаго угля, чтобы избѣгнуть въ этомъ важномъ хозяйственномъ продуктѣ, наиболѣе дешевомъ въ августѣ и дорогомъ въ холодные мѣсяцы, лишнихъ переплатъ лавочникамъ и посредникамъ. Съ той же цѣлью удешевленія пропитанія и сбереженія домашняго женскаго труда, въ значительной долѣ пропадающаго нынѣ даромъ, «Сосѣдскія Гильдіи» заводятъ кооперативныя кухни, и, можетъ быть, также и нѣкоторые другіе склады предметовъ потребленія, закупаемыхъ оптомъ на товарищескихъ началахъ. Наконецъ, каждая «Гильдія» обязательно пріобрѣтаетъ или нанимаетъ для потребностей своихъ сочленовъ дачу или

сельскій домъ, куда поочереди переселяются «сосѣди» съ семьями, для пользованія чистымъ воздухомъ и сельскою жизнью въ видахъ здоровья.

Поставивши главнымъ способомъ для достиженія своихъ задачъ общеніе между «сосѣдями», «Сосѣдскія Гильдіи», основанныя Койтомъ въ Америкѣ и Англіи, имѣютъ, кромѣ пяти или шести клубовъ каждая, еще такія учрежденія: библіотеки и кабинеты для чтенія, воскресные безплатные концерты и публичныя лекціи, субботніе семейные танцовальные вечера, хоровое общество и отъ пятнадцати до двадцати классовъ по разнымъ отраслямъ техническихъ знаній и общелитературнаго образованія. Но, собираясь часто вмѣстѣ и входя въ тѣсное знакомство и общеніе, «сосѣди», помимо постояннаго обмѣна мыслями и знаніями, могутъ оказывать другъ другу разнообразныя услуги и одолженія, немыслимыя для людей, живущихъ при теперешнемъ ихъ взаимномъ разобщеніи: такъ, они вліяютъ другъ на друга въ смыслѣ поступленія въ рабочіе союзы и кассы взаимопомощи, отыскиваютъ потерявшимъ работу мѣста, устраиваютъ больныхъ въ госпитали, пріискиваютъ себѣ общаго ходатая по судебнымъ дѣламъ и, вообще, оказываютъ другъ другу разнообразное содѣйствіе, тысячи, можетъ быть и мелкихъ, но въ сложности весьма значительныхъ товарищескихъ услугъ, которыя болѣе тѣсными узами привязываютъ людей другъ къ другу и возвышаютъ бодрость духа. Бѣдный рабочій, привыкшій обыкновенно надѣяться и разсчитывать только на свои руки, уже болѣе не чувствуетъ себя одинокимъ на свѣтѣ, предоставленнымъ на волю судьбы существомъ, а ничто именно такъ не давитъ душу бѣдняка, какъ сознаніе своего одиночества въ житейской борьбѣ и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ! Онъ имѣетъ теперь «Гильдію Сосѣдей», которая его всегда поддержитъ, а также не покинетъ, въ случаѣ нужды, и его семью. Койтъ передаетъ за нѣсколько лѣтъ практики цѣлый рядъ трогательныхъ случаевъ подобной взаимной помощи и заботливости другъ о другѣ членовъ этихъ новыхъ рабочихъ цеховъ. Такъ, одинъ изъ «сосѣдей», фабричный рабочій (въ Нью-Іоркской «Гильдіи») былъ убитъ на подъемной машинѣ; подкупленные хозяиномъ свидѣтели показали, что будто бы потерпѣвшій несчастіе былъ въ то время пьянъ и погибъ виной собственной неосторожности,—и судъ, на основаніи этого показанія, освободилъ фабриканта отъ вознагражденія семьи потерпѣвшаго. «Сосѣдская Гильдія», какъ одинъ человѣкъ, возстала за честь и интересъ своего покойнаго сочлена. Она добилась новаго судебнаго слѣдствія и изобличила лжесвидѣте-

лей. Въ результатѣ честь потерпѣвшаго была возстановлена, а его осиротѣвшая семья получила обезпеченіе.

Другой случай: одинъ изъ молодыхъ сочленовъ той-же самой «Гильдіи» опасно заболѣлъ тифомъ. «Сосѣди» немедленно въ складчину пригласили къ нему наилучшихъ врачей города, а «сосѣдки» доставляли ему въ теченіе долгой болѣзни портвейнъ, мясной чай (beef-tea), лакомства и цвѣты и заботливый уходъ за одинокимъ человѣкомъ. Мало того, передъ выходомъ его съ одра болѣзни, «Гильдія» устроила въ пользу больного вечеринку, и собранныя съ нея десять фунт. стерл. почти покрыли ему все потерянное на заработкѣ въ теченіе болѣзни. Далѣе, въ то время, какъ одинокій работникъ остается часто безъ дѣла и голодаетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, по словамъ Койта, члены его «Гильдій» рѣдко остаются безъ мѣста болѣе четырехъ или пяти дней: всѣ «сосѣди» энергично принимаются за поиски для него занятія, и нуждающійся скоро пристаетъ къ желанной пристани. Но выросшій духъ дружелюбія и филантропіи быстро сказывается, конечно, разнообразнымъ способомъ и на лицахъ, прямо постороннихъ для «Гильдіи», «не сосѣдяхъ»: вообще пріобрѣтается привычка заботиться о всѣхъ нуждающихся. Трогательный образикъ представляютъ собой дѣвушки—члены Лондонской «Гильдіи» въ Кентишъ-Таунѣ, которыя каждое Рождество устраиваютъ елку и обдариваютъ подарками шестьдесятъ бѣдныхъ дѣтей, для чего заранѣе отказываютъ себѣ въ тратахъ и работаютъ по ночамъ, окончивши свой, и безъ того не легкій, трудъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ, чтобы пріобрѣсти средства, необходимыя для утѣхи и пользы чужихъ имъ дѣтей!.. «Какой печальной ироніей судьбы», замѣчаетъ справедливо авторъ, «является въ соціальной жизни бѣдняковъ то обстоятельство что они соединяются и сообщаются вмѣстѣ почти исключительно для того, чтобы достать необходимыя средства на похороны и помощь больнымъ (т. е. ради учрежденія и дѣятельности похоронныхъ и больничныхъ кассъ), или, наконецъ, когда лишены заработка и голодаютъ!! Но насколько та же самая помощь была-бы болѣе деликатна и менѣе назойлива въ подобныхъ «братствахъ», гдѣ сосѣди связаны вмѣстѣ тысячами разнообразныхъ узъ, и не въ одномъ горѣ, но и въ веселья, въ игрѣ и пѣніи, въ преслѣдованія интеллектуальныхъ цѣлей жизни, въ наслажденіи искусствомъ, литературой, музыкой, бесѣдой и природой! Страшно становится, что людей лишь связываетъ, кажется, одно несчастіе, и какъ будто люди, которые вмѣстѣ думаютъ, поучаются и смѣются, преслѣдуя идеальныя цѣли, не могутъ войти въ горе другъ друга и утереть взаимно слезы?!..»

«Сосѣдскія Гильдіи» различаются отъ какихъ угодно учрежденій иного рода, существующихъ для блага массы народа, уже своимъ основаніемъ. Всякое иное учрежденіе, напр., «рабочіе союзы», «дружественныя общества», «рабочіе клубы» и проч. отвлекаютъ человѣка отъ семьи, тогда какъ, наоборотъ, «Сосѣдскія Гильдіи» привязываютъ его къ семьѣ. *Семья является*, по словамъ Койта, какъ бы *истинной моральной ячейкой общества*, и «Сосѣдскія Гильдіи» именно построены на этомъ семейномъ принципѣ. Всѣ цѣли «Гильдіи» включаютъ непремѣнно всѣхъ членовъ семьи, одинаково и равно: если семья напр. состоитъ изъ семи человѣкъ, то всѣ семь, во-первыхъ, могутъ производить прямо благое вліяніе другъ на друга и, затѣмъ, во-вторыхъ, косвенно каждый на шесть другихъ сочленовъ семьи. «Гильдіи», какъ было ранѣе упомянуто, имѣютъ свои клубы (въ Лондонѣ—по 5-ти, а въ Нью-Іоркѣ—по 6-ти) для лицъ разнаго возраста и обоего пола, но они не имѣютъ ничего общаго съ обычными рабочими клубами Англіи и Америки, не связанными съ семьей. Въ обыкновенномъ рабочемъ клубѣ для молодыхъ людей, напр., мальчикъ получаетъ всецѣло превратныя понятія и привычки общительности; онъ скоро пріучается смотрѣть какъ на своихъ товарищей лишь на однихъ мужчинъ, и у него вырабатывается пренебрежительный свысока взглядъ на лицъ другого пола.—Понятно, что когда современемъ онъ женится, для него явится непривычной сама идея товарищества и бесѣда съ женой, какъ съ равной; это невольно будетъ толкать его по дорогѣ въ кабакъ... Еще менѣе того, съ точки зрѣнія Койта, можно одобрить для дѣвушекъ, имѣющихъ семейства, спеціальные женскіе клубы, существующіе въ большомъ числѣ въ Лондонѣ, и гдѣ материнское вліяніе совершенно отсутствуетъ. Такія учрежденія, по его мнѣнію, годны и имѣютъ цѣну, исключительно, лишь для дѣвицъ одинокихъ или лишенныхъ семейства. Совершенно въ иномъ видѣ представляются тѣ же клубы, устраиваемые въ «Сосѣдскихъ Гильдіяхъ», для мальчиковъ и дѣвочекъ, молодыхъ женщинъ, молодыхъ людей и, наконецъ, взрослыхъ членовъ. Всѣ эти клубы, которые собираются поочередно въ разные дни въ одномъ и томъ же помѣщеніи, представляютъ собою какъ бы различныя отдѣленія одного семейнаго учрежденія и оказываютъ, въ видѣ благороднаго соперничества для хорошихъ цѣлей, нисколько не разъединяя, доброе другъ на друга воздѣйствіе. Члены одной и той-же семьи, лишь посѣщая въ свои дни недѣли свой собственный клубъ, не выходятъ изъ семьи, проводятъ время съ братьями и сестрами, находя въ то же время и другихъ товарищей и товарокъ своего возраста и вкусовъ. Наконецъ,

въ два главныхъ, свободныхъ для рабочихъ людей, дня въ недѣлю,—субботу и воскресенье,—имѣютъ мѣсто общія удовольствія для всѣхъ семействъ «сосѣдства» въ полномъ составѣ: по субботамъ—танцы, а по воскресеньямъ—музыка и иногда любительскія драматическія представленія, лекціи и чтенія. Такимъ образомъ, члены семьи, не разъединяясь другъ отъ друга, обнаруживаютъ благодѣтельное взаимное вліяніе на смягченіе нравовъ, улучшеніе внѣшнихъ привычекъ, вкусовъ и, наконецъ, на общее образованіе.

Но, помимо полезнаго и образовательнаго вліянія разныхъ семействъ и лицъ обоего пола другъ на друга на этихъ «сосѣдскихъ» собраніяхъ, большое значеніе Койтъ приписываетъ также и сближенію въ своихъ «Гильдіяхъ» лицъ разныхъ положеній и отчасти даже сословій. Представители различныхъ категорій труда, часто раздѣленные предразсудками и даже взаимною непріязнію, сходятся здѣсь вмѣстѣ для цѣлей общенія: фабричный рабочій—съ лавочникомъ, ремесленникъ—съ мелкимъ капиталистомъ или писцомъ,—всѣ они обмѣниваются мыслями, по-человѣчески веселятся, классныя предубѣжденія незамѣтно сглаживаются, и на ихъ мѣстѣ развивается высокое чувство симпатіи человѣка къ человѣку безъ различія и безъ обращенія вниманія на тотъ ярлыкъ, который, путемъ житейской рутины, къ каждому человѣку приклеенъ, сообразно ли его занятіямъ, или происхожденію, или случаю... На этомъ же основаніи, благодѣтельное вліяніе «Сосѣдской Гильдіи» несравненно выше такъ называемыхъ «политическихъ клубовъ», развитыхъ въ Англіи между всѣми классами общества. Прежде, чѣмъ считаться либераломъ, консерваторомъ или радикаломъ, каждый членъ общества является человѣкомъ и, какъ таковой, нуждается не въ отчужденіи, а скорѣе въ сближеніи и обмѣнѣ мысли и возможномъ соглашеніи съ людьми другихъ партій, отъ которыхъ политическій клубъ между тѣмъ его отрываетъ. Онъ видитъ тамъ исключительно однихъ единомышленниковъ,—что одно уже дѣлаетъ его одностороннимъ. «Сосѣдская Гильдія» не знаетъ политическихъ дѣленій и соединяетъ вмѣстѣ въ добромъ единеніи людей всѣхъ политическихъ партій и всѣхъ оттѣнковъ.

Но, чаще всего, въ массѣ англійскаго народа яблокомъ раздора и несогласій до сихъ поръ являются вопросы религіи. Поэтому, однимъ изъ основныхъ принциповъ «Гильдіи» принятъ, какъ выражается Койтъ, «нейтралитетъ въ религіи», т. е. обязательство избѣгать всякихъ религіозныхъ преній и споровъ. Въ силу этого положенія, обратно съ «Арміей Спасенія» Бутса, Койтъ не ведетъ никакой религіозной пропаганды, и «Гильдія» принимаетъ въ сочлены всѣхъ со-

сѣдей безъ различія вѣроисповѣданій. Поступившій въ члены «Гильдіи» сосѣдъ также поступаетъ непремѣнно въ одинъ изъ клубовъ, при ней устроенныхъ, но эти клубы не преслѣдуютъ ни партійныхъ, ни политическихъ, ни религіозныхъ цѣлей, а лишь взаимное общеніе, развлеченіе и образованіе, сообразно возрасту и полу, не отчуждая въ то же время сочленовъ ни отъ своей семьи, ни отъ сосѣдскихъ семействъ различныхъ занятій, партій и вѣроисповѣданій.

Нормальное число клубовъ при «Гильдіи»—шесть, по три на каждый полъ, и необходимость ихъ обусловливается общностью вкусовъ и интересовъ, до извѣстной степени, между лицами одного возраста и пола. Мальчики, напр., отъ 12 до 18 лѣтъ, составляющіе первый клубъ, имѣютъ столько общихъ потребностей въ играхъ, въ любви къ природѣ, въ расположеніи къ чтенію извѣстнаго рода книгъ, что весьма естественно выдѣлить ихъ въ особую группу подъ именемъ клуба и, не оставляя совершенно безъ руководства и помощи допустить значительную долю самоуправленія и распоряженія своимъ свободнымъ временемъ, сообразно вкусамъ и наклонностямъ каждаго, и какъ подготовку къ будущей самодѣятельности. Дѣвочки въ томъ же возрастѣ, естественно, склонны къ сближенію съ своими подругами и къ занятіямъ и развлеченіямъ нѣсколько другого рода. Онѣ привыкаютъ симпатизировать другъ другу, знакомятся съ семейными нуждами и разнообразіемъ личныхъ вкусовъ и пріучаются, при помощи почтенной матроны изъ «сосѣдокъ», къ разнымъ женскимъ работамъ и рукодѣліямъ, чередуя ихъ съ какими-нибудь невинными забавами и развлеченіями. Второй и третій клубы, опять отдѣльно для мужчинъ и женщинъ, для взрослыхъ дѣвушекъ старше 17-ти лѣтъ, молодыхъ женщинъ—и молодыхъ людей. Остальные два клуба (въ Нью-Іоркской «Гильдіи», и лишь одинъ общій—въ Лондонской) предназначены для взрослыхъ членовъ, т. е., большею частью, отцовъ и матерей семействъ. Любопытной чертой при этомъ является, въ интересахъ развитія большей дружбы и общенія между членами каждаго клуба, недопущеніе перехода изъ одного клуба въ другой съ теченіемъ времени, а ежегодное поднятіе пріемнаго термина на одинъ годъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, клубъ мальчиковъ въ періодъ пяти лѣтъ превратится, напр., въ клубъ молодыхъ людей, а клубъ дѣвочекъ—въ клубъ молодыхъ женщинъ, почему для вновь поступающей молодежи, конечно, устраиваются новые клубы. Каждый клубъ, поочереди, пользуется всецѣло помѣщеніемъ, нанимаемымъ «Гильдіей» и состоящимъ изъ восьми комнатъ съ однимъ большимъ заломъ, одинъ разъ въ недѣлю, при чемъ остаются въ общемъ пользо-

ваніи лишь читальня и, по мѣрѣ надобности, классная комната. Затѣмъ, два раза въ недѣлю, какъ было упомянуто, въ разные часы, всѣ клубы и семьи сливаются вмѣстѣ. Такимъ образомъ, при этомъ распорядкѣ, означенное распредѣленіе на клубы не только не вредитъ общенію, но способствуетъ ему, вырабатывая, въ то же время, извѣстный esprit de corps, благородное соревнованіе въ различныхъ отношеніяхъ между клубами другъ съ другомъ, особенно между юнымъ поколѣніемъ. Мальчики, напр., всегда стараются не отстать ни въ чемъ отъ клуба дѣвочекъ, а скорѣй перещеголять его въ порядкѣ, экономическомъ веденіи дѣла, разнообразіи развлеченій и проч.

Принципы здороваго веселья и невиннаго развлеченія для народа являются наиболѣе пріятными и желательными спутниками филантропіи, о чемъ, къ сожалѣнію, нерѣдко педантически забываютъ. Очень часто, справедливо замѣчаетъ Койтъ, встрѣчается взглядъ на веселое времяпрепровожденіе или забаву, какъ на пустяки, и, во всякомъ случаѣ, нѣчто несерьезное, сравнительно напр. съ какой-нибудь торжественно-скучной лекціей или длиннѣйшимъ диспутомъ по научному вопросу, по морали и даже политикѣ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, нравственное воздѣйствіе одного только веселья на душу трудящихся людей, если оно лишь проявляется активно, самостоятельно и невинно, нѣтъ сомнѣнія, гораздо глубже, нежели какія угодно скучныя пренія и дидактическія поученія! Многіе позывы и стремленія ко злу у человѣка уничтожаются въ корнѣ весельемъ, ибо, кто веселъ, тотъ доволенъ, а кто доволенъ, тотъ невольно дѣлается добрѣе и доступнѣе голосу разсудка, совѣсти и доброжелательства къ людямъ, въ одно и то же время. Пьянство, порокъ, меланхолія, а часто даже нездоровье суть тѣ спеціальные враги, съ которыми «Сосѣдскія Гильдіи» пробуютъ бороться, взявши, какъ оружіе, между прочимъ, человѣческое общеніе и веселіе.

Какъ правило, всѣ эти развлеченія устраиваются самими сочленами по своему вкусу и иниціативѣ. Друзья народа, въ родѣ Койта и иныхъ членовъ «*Toynbee-Hall*», или вообще образованныхъ людей, лишь помогаютъ своими совѣтами и указаніями, или даютъ направленіе и помощь, не вмѣшиваясь лично во весь распорядокъ, и только при этомъ условіи веселье бываетъ непринужденно и забава имѣетъ желанный успѣхъ. Такимъ путемъ при «Гильдіяхъ» образуются: хоровое общество, драматическіе классы, гимнастическое общество, музыкальный кружокъ, — и всѣ они другъ передъ другомъ соперничаютъ въ доставленіи своему «сосѣдству» новыхъ и здоровыхъ развлеченій. Танцовальные вечера по субботамъ, на которые собираются всѣ семьи,

являются, впрочемъ, наиболѣе популярнымъ и любимѣйшимъ средствомъ, чтобы соединить и привлечь весь наличный персоналъ «Гильдіи». По наблюденіямъ за много лѣтъ, эти субботніе вечера, которые совпадаютъ притомъ, въ англійскихъ рабочихъ классахъ, съ получкой заработной платы, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и счастливѣйшимъ средствомъ отвлеченія мужского населенія отъ питейныхъ домовъ. Въ настоящее время, когда большая часть дня рабочаго человѣка проходитъ въ упорномъ трудѣ, его вечера, хоть отчасти, необходимо должны быть посвящены развлеченію. Въ концѣ недѣли, въ субботу, когда у рабочаго водятся деньги въ карманѣ, а тѣло утомлено физическимъ напряженіемъ за цѣлую недѣлю, питейное заведеніе, съ его завсегдатаями и обстановкой, или дешевый кафе-шантанъ имѣютъ для англійскаго рабочаго притягательную силу. Вотъ тутъ-то именно семейный танцовальный вечеръ, устраиваемый «Гильдіей», и получаетъ значеніе серьезной и глубоко захватывающей моральной реформы. Танцы, вмѣстѣ съ хорошей музыкой въ ярко освѣщенной залѣ, на глазахъ у своихъ родственниковъ и близкихъ, являются единственнымъ развлеченіемъ, которое можетъ отвлечь даже наиболѣе грубыхъ, неразвитыхъ и испорченныхъ людей отъ притоновъ невоздержанія и порока. Многіе молодые люди, по словамъ Койта, бывшіе прежде частыми посѣтителями кафе-шантановъ (*Music Halls*), сдѣлавшись членами «Сосѣдской Гильдіи», не возвращались въ нихъ по нѣскольку лѣтъ. Весьма нерѣдко, въ антрактахъ между вальсомъ и лансье, любители изъ «сосѣдей» или друзья изъ образованныхъ классовъ даютъ импровизованные концерты; раздаются звуки Бетховена, Моцарта или Баха, и рабочій, не лишенный музыкальнаго слуха, невольно заслушается незнакомой для него по кафе-шантану мелодіи. Еженедѣльнаго повторенія подобныхъ концертовъ въ продолженіе полугода уже достаточно, чтобы измѣнить у многихъ самый вкусъ къ музыкѣ и сдѣлать его болѣе требовательнымъ. То, что здѣсь касается до музыки, замѣчается и относительно привычекъ, языка, манеръ и общаго развитія рабочихъ людей, пробывшихъ болѣе или менѣе продолжительное время членами «Сосѣдской Гильдіи».

Самая лучшая народная школа—а онѣ въ настоящее время обязательны въ Англіи и Америкѣ—даетъ, къ сожалѣнію, преимущественно образованіе, а не воспитаніе. Тысячи вопросовъ, касающихся нравственности и гражданскихъ обязанностей, не получаютъ въ школѣ отвѣта и разрѣшаются позднѣе, въ жизни, по большей части лишь случаемъ, инстинктомъ или постороннимъ вліяніемъ,—почему и особенно важно, чтобы первые шаги въ жизни молодыхъ людей рабо-

чаго класса совершались, какъ это имѣетъ мѣсто въ «Гильдіяхъ», въ сообществѣ болѣе зрѣлыхъ, опытныхъ и развитыхъ людей. Послѣдніе могутъ направить молодого человѣка на добрый путь, могутъ пристыдить и могутъ одобрить. «Хорошій совѣтъ—дороже денегъ», говоритъ пословица,—и вотъ, посѣщая собранія «Гильдіи», молодой человѣкъ или молодая дѣвушка скорѣе всего, именно, и могутъ найти такой случай получить добрый совѣтъ. Что можетъ быть, напр., неблагоразумнѣе того легкомыслія и невѣжества, съ которымъ рабочія дѣвушки въ Англіи выбираютъ себѣ мужей? Никто имъ, часто, не разскажетъ объ ужасахъ брачной жизни, напр., съ пьяницей; никто не предостережетъ ихъ отъ любви къ какому нибудь франту за внѣшній лоскъ, которымъ онъ щеголяетъ, ничѣмъ не обнаруживая своихъ внутреннихъ качествъ; никто имъ не объяснитъ и не растолкуетъ, какими чертами характера и началами поведенія онѣ должны руководствоваться при выборѣ своего будущаго мужа. Многія глупенькія дѣвушки готовы себѣ воображать всю свою брачную жизнь чуть-ли не какъ сплошной праздникъ и періодъ ухаживанія, и никто имъ не объяснитъ, что брачная жизнь въ дѣйствительности является нравственнымъ и умственнымъ товариществомъ чрезвычайной серьезности и, имѣя на своемъ пути терній больше, нежели розъ, заслуживаетъ продолжительнаго обдумыванія, прежде нежели сдѣлать послѣдній и рѣшительный шагъ. Точно также многіе утверждаютъ, что женщины изъ рабочаго класса падаютъ, обыкновенно, въ силу бѣдности и лишеній; но положеніе это справедливо лишь отчасти: ежедневный опытъ убѣждаетъ, что тысячи женщинъ падаютъ не отъ однихъ лишеній, а отъ желанія иногда имѣть болѣе красивое платье, видѣнное на подругѣ, пріобрѣсть страусовое перо на шляпку или новыя сережки для ушей, и виной часто во всѣхъ этихъ случаяхъ, является, конечно, ни существующая на свѣтѣ система заработной платы, а лишь невѣжество, легкомысліе и безпомощность молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ и оставленіе ихъ безъ добраго руководительства и совѣта влеченію тщеславія и на жертву искушенію. Школа не можетъ въ данномъ случаѣ ей чѣмъ-либо помочь и дать дѣвушкѣ наставленіе или покровительство, часто не можетъ этого сдѣлать и бѣдная семья, къ которой она принадлежитъ. Но за то «Сосѣдская Гильдія» можетъ и даже должна доставить въ свое время нравственное вразумленіе и предупрежденіе всѣмъ своимъ сочленамъ. Пожилыя «сосѣдки», дамы-покровительницы рабочихъ классовъ, которыхъ въ Англіи явилось въ послѣднее время не мало, вслѣдъ за движеніемъ университетскихъ питомцемъ Toynbee-Hall,—всѣ эти лица и даже благоразумные голоса ихъ товарокъ, съ

которыми онѣ безпрестанно встрѣчаются на собраніяхъ «Гильдіи», могутъ, разумѣется, остановить и спасти лаской и добрымъ словомъ, вовремя сказаннымъ, не одну жертву отъ легкомысленнаго шага или сердечнаго увлеченія.

Выяснивши себѣ всю важность и роль «Сосѣдскихъ Гильдій» въ жизни рабочихъ классовъ, перейдемъ къ практической сторонѣ вопроса, ихъ первоначальному устройству и организаціи. Въ этомъ случаѣ Койтъ сообщаетъ, отчасти, результаты уже добытаго опыта въ Америкѣ и Англіи, добавляя его нѣкоторыми общими разсужденіями, извлеченными, впрочемъ, частію также и изъ житейской практики. Первый вопросъ, разумѣется, заключается въ томъ, кто и на какія средства устраиваетъ эти «сосѣдскія общества», носящія средневѣковое названіе «Гильдій». Во всѣхъ, до сихъ поръ бывшихъ, случаяхъ ихъ устройства, иниціаторомъ и, первое время, ихъ вожакомъ является обыкновенно самъ Койтъ или кто-нибудь изъ лицъ университетской молодежи, въ родѣ резидентовъ Toynbee-Hall. Leighton-Hall, какъ называется зданіе «Сосѣдскаго братства» въ сѣверномъ Лондонѣ, наполовину даже занято помѣщеніемъ «Университетскаго Поселенія». Но это послѣднее обстоятельство, т.-е. прямое участіе образованныхъ людей, Койтъ, впрочемъ, отнюдь не считаетъ необходимымъ условіемъ для данной цѣли: какъ дѣло новое, конечно, «Гильдіи» должны были быть впервые испытаны и поставлены на ноги ихъ творцомъ, но затѣмъ, въ настоящемъ, какъ и въ будущемъ, рабочіе сами могутъ взять въ свои руки дальнѣйшее распространеніе «Гильдій». Уже сдѣланный опытъ достаточенъ, чтобы познакомить ихъ съ рутиной всего дѣла, довольно несложнаго. Благомыслящіе люди образованнаго класса, желающіе принести посильную пользу народу, разумѣется, найдутъ для себя и здѣсь полезное дѣло, какъ въ видѣ помощи матеріальными средствами, такъ и личнымъ участіемъ; но ихъ вліяніе несущественно, и основная мысль автора, повидимому, заключается въ томъ, что будущее этихъ учрежденій всецѣло находится въ рукахъ самихъ рабочихъ, и «Гильдіи» должны плодиться и множиться, благодаря ихъ собственнымъ стараніямъ. Что касается до нужныхъ матеріальныхъ средствъ, то «Гильдіи» основываются и ведутся на началахъ взаимопомощи, на собственныя средства рабочихъ,—принципъ, столь популярный въ Англіи и такъ мало еще развитой, сравнительно, на континентѣ Европы. Въ то-же время, однако, онъ не отказывается и отъ мысли общественныхъ пожертвованій, въ видѣ займовъ, ради добрыхъ цѣлей этихъ учрежденій, вычисляя примѣрный расходъ на основаніе и веденіе одной «Гильдіи» на десять лѣтъ, въ размѣрѣ 2,000 фунтовъ

стерл. Вотъ бюджетъ Лондонской «Гильдія» въ Leighton-Hall, въ Кентишъ-Таунѣ: пріобрѣтеніе зданія для собранія (въ шесть комнатъ съ одной большой залой) обошлось въ 750 фунт., съ разсрочкой, обычной въ Англіи, на 51 годъ, при чемъ 250 фунт. добыты займомъ, а остальная цифра, 500—залогомъ купленнаго дома; затѣмъ потребовалась еще сотня фунтовъ на улучшеніе и приспособленіе зданія къ цѣлямъ общества, и другіе сто—на основаніе библіотеки и меблировку. Около 400 фунтовъ, наконецъ, добытыхъ путемъ складчины, затрачены на основаніе кооперативнаго склада угля и нѣкоторыя другія подобныя учрежденія. При «Гильдіи» состоятъ два рабочихъ служителя на постоянномъ жалованьѣ, которые обходятся «сосѣдству» около полутораста фунтовъ въ годъ. Само собою разумѣется, что каждая новая «Гильдія» должна приспособляться къ средствамъ своихъ членовъ и можетъ начинать дѣло гораздо скромнѣе, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ наемномъ помѣщеніи и, вообще, съ меньшими затратами, чѣмъ это сдѣлалъ Leighton-Hall. Теперь доходы общества или «Гильдіи» заключаются въ членскихъ взносахъ каждаго изъ шести клубовъ, его составляющихъ, и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сборовъ по спеціальнымъ поводамъ на различныя общественныя учрежденія «сосѣдства»; два дѣтскіе клуба, по 50-ти членовъ каждый, мальчиковъ и дѣвочекъ, оплачиваются взносами по 2 пенса (около 7 коп.) съ человѣка въ недѣлю, что составитъ вмѣстѣ за годъ 43 фун. 6 шилл. 8 пенс.; четыре клуба по 70 членовъ каждый, для взрослыхъ, считая по 3 пенса (10-ть съ небольшимъ коп.) еженедѣльнаго взноса, доставляютъ всего 130 фунтовъ въ годъ. Затѣмъ: увеселенія разнаго рода за особую скромную плату даютъ, примѣрно, 46 фунт. въ годъ, — такъ что, всего вмѣстѣ, «Гильдія» получитъ свыше 269-ти фунтовъ въ годъ, — что вполнѣ обезпечиваетъ всѣ необходимѣйшія траты этого оригинальнаго товарищества.

Первое правило, соблюденіе котораго Койтъ считаетъ необходимымъ какъ при основаніи, такъ и при веденіи «Гильдіи», состоитъ въ томъ чтобы никакой клубъ, входящій въ составъ «Гильдіи», не заключалъ въ себѣ членовъ больше, чѣмъ сколько ихъ можетъ свободно, т.-е. безъ стѣсненія, помѣститься и усѣсться въ кружокъ, въ самой большой комнатѣ зданія «Гильдіи». Другими словами, слѣдовательно, необходимо число членовъ клуба и всей «Гильдіи» приспособлять къ размѣрамъ помѣщенія, находящагося въ пользованіи товарищества. Правило это является необходимымъ именно въ видахъ главной задачи «Сосѣдской Гильдіи»,—хорошаго знакомства и сближенія другъ съ другомъ. Каждое новое лицо, которое входитъ въ него, должно имѣть возможность,

въ теченіе, положимъ, мѣсяца, узнать всѣхъ членовъ лично и по имени, а это было-бы невозможно при слишкомъ большой многочисленности членовъ. Съ другой стороны, черезъ-чуръ тѣсное помѣщеніе отравило-бы удовольствіе и сдѣлало-бы немыслимымъ близкое знакомство съ значительнымъ количествомъ членовъ. Слишкомъ большой клубъ уничтожаетъ возможность личной интимности сочленовъ, и, вмѣсто группы друзей или какъ-бы увеличеннаго семейства, какимъ онъ долженъ быть по мысли основателя «Сосѣдской Гильдіи», онъ превратится въ самостоятельное учрежденіе, каковы всѣ существующіе обычные клубы и общества, безъ серьезнаго вліянія и моральнаго воздѣйствія членовъ другъ на друга. Поэтому, Койтъ полагаетъ, что ни одинъ изъ клубовъ, входящихъ въ «Гильдіи», не долженъ вначалѣ, по крайней мѣрѣ съ полгода, имѣть членовъ больше двадцати человѣкъ, и только постепенно, шагъ за шагомъ, съ теченіемъ времени, приспособливаясь къ помѣщенію, можетъ довести это число до семидесяти человѣкъ—самое большее.

Съ этой-же точки зрѣнія Койтъ считаетъ даже ошибкой слишкомъ обширные размѣры и число членовъ знаменитаго «Народнаго Дворца», основаннаго по мысли Вальтера Безанта. Существенное его отличіе отъ «Сосѣдскихъ Гильдій» состоитъ именно, прежде всего въ размѣрахъ, — благодаря чему, никакая «Гильдія», по мысли Койта, не должна вмѣщать въ себѣ болѣе ста семействъ, тогда какъ «Народный Дворецъ» единовременно посѣщается цѣлыми тысячами народа, черезъ что члены лишаются возможности не только взаимнаго сближенія и вліянія, но даже простого знакомства. Кромѣ того, величина Народнаго Дворца» обусловливаетъ и другое существенное неудобство, важное въ соціальныхъ цѣляхъ: въ то время, какъ «Сосѣдская Гильдія» создаетъ всѣ удовольствія, такъ сказать, *изъ себя*, т.-е. всѣ пѣвцы, актеры, частію и музыканты, однимъ словомъ, всѣ развлеченія создаются и выполняются, большею частью, самими сочленами, такъ что каждый изъ сосѣдей можетъ, въ томъ или иномъ отношеніи, приложить свой трудъ, стараніе или искусство для общаго удовольствія или выгоды,—въ «Народномъ Дворцѣ» играютъ лишь настоящіе, профессіональные музыканты и актеры, и сочлены оставляютъ только обыкновенную пассивную публику, благодаря чему проистекаютъ два важныхъ послѣдствія: «Народный Дворецъ» никогда не будетъ имѣть того семейнаго характера, гдѣ каждый рабочій чувствуетъ себя какъ дома, привыкая дорожить и любить все его тамъ окружающее; съ другой стороны, скрытыя и часто богато одаренныя натуры изъ народа, предназначенныя природой, можетъ быть, сдѣлаться великими музыкантами

или актерами, останутся въ «Народномъ Дворцѣ» въ безъизвѣстности, а въ «Сосѣдской Гильдіи» получатъ, очень возможно, надлежащую оцѣнку и даже помощь къ дальнѣйшему усовершенствованію. Наконецъ, размѣры «Народнаго Дворца» дѣлаютъ необходимымъ для него, благодаря крупнымъ капиталамъ, вложеннымъ въ его устройство, и инымъ причинамъ, то единоличное управленіе, которое въ немъ имѣетъ мѣсто; между тѣмъ, «Сосѣдская Гильдія» отличается привлекательнымъ для народа, такъ сказать, демократическимъ характеромъ: всякій, кто платитъ взносъ, какого бы онъ возраста и пола ни былъ (а это дѣлаютъ всѣ члены клубовъ), имѣетъ равное право на голосъ.

Какъ приступить, спрашивается, къ учрежденію новой «Гильдіи» и въ какомъ порядкѣ? Лучшій способъ для того, какъ утверждаетъ по опыту Койтъ, начать съ привлеченія къ дѣлу молодыхъ людей: если сначала привлечь женщинъ, то мужчины могутъ за ними не пойти; точно такъ же, если начать съ дѣтей, которыхъ весьма было бы легко завлечь удовольствіями и развлеченіями, которыя имъ можетъ доставить клубъ, то за ними, пожалуй, не пойдутъ взрослые; тогда какъ, гдѣ находятся молодые люди, туда всегда охотно пойдутъ и молодыя дѣвушки, а эти послѣднія потянутъ за собой младшихъ братьевъ и сестеръ, и своихъ родителей. Послѣдняя часть семейства, и самая важнѣйшая,—родители и старшіе возрастомъ,—составляютъ, говоритъ Койтъ, наиболѣе неподвижный и неподатливый элементъ на всякія новинки. Поэтому, старшихъ возрастомъ членовъ труднѣе всего привлечь къ участію въ «Сосѣдскихъ Гильдіяхъ»; обыкновенно родители начинаютъ посѣщать собранія «Гильдіи» ради того, чтобы присутствовать при развлеченіяхъ своей молодежи, въ родѣ концертовъ, дебатовъ, драматическихъ представленій и проч. Чаще же всего, чтобы проломить ледъ и заставить родителей сдѣлаться членами «Сосѣдской Гильдіи», необходимо употребить какое-нибудь серьезное средство, въ родѣ, напр., могущихъ заинтересовать лекцій. Въ «Гильдіи» Leighton-Hall въ Сѣверномъ Лондонѣ роль такого great attraction для старшихъ возрастовъ сосѣдей является «Этическое Общество», правильно засѣдающее въ настоящее время два раза въ мѣсяцъ, по пятницамъ вечеромъ, ведущее дебаты по разнымъ моральнымъ вопросамъ, и затѣмъ два же раза въ мѣсяцъ присутствующее in corpore на лекціяхъ этики, читаемыхъ самимъ Койтомъ. Сфера подобныхъ вопросовъ до такой степени завлекательна, по его свидѣтельству, для англійскихъ пожилыхъ рабочихъ, что немедленно же послѣ перваго публичнаго засѣданія общества, восемнадцать человѣкъ подали заявленіе о своемъ желаніи примкнуть къ обществу и поступить въ члены «Гильдіи».

Другой привлекательной, нѣтъ сомнѣнія, для рабочихъ стороной въ «Сосѣдскихъ Гильдіяхъ» является принципъ самоуправленія, на которомъ покоится все веденіе дѣла клубовъ, ихъ составляющихъ, и общихъ дѣлъ цѣлой «Гильдіи». Здѣсь совершенно отсутствуетъ «безусловное повиновеніе», положенное въ основаніе схемы «генерала» Бутса. Коллегіальное начало замѣняетъ единоличное и всѣ вопросы рѣшаются сообща, большинствомъ голосовъ. Это начало свободы, распоряженія своими собственными дѣлами, привычное каждому англичанину и американцу, настолько характеризуетъ и веденіе дѣлъ «Гильдіи», что даже малѣйшее личное вмѣшательство Койта въ нѣкоторыхъ спорныхъ случаяхъ, какъ основателя «Гильдіи», вызывало со стороны членовъ протестъ. Разумная гармонія и единство общей воли, по его словамъ, замѣняетъ въ «Гильдіи» единовластнаго распорядителя и солдатскую дисциплину, рекомендуемую «генераломъ» Бутсомъ.

Основываясь на высказанныхъ преимуществахъ своего плана подготовки народа къ будущей соціальной реформѣ, ихъ авторъ считаетъ не только легкимъ и удобнымъ основаніе «Сосѣдскихъ Гильдій», но весьма возможнымъ и превращеніе въ «Гильдіи» многихъ уже готовыхъ учрежденій, каковы, напр., рабочіе клубы мужскіе и женскіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ первые, такъ и вторые дѣлаютъ исключеніе для особъ другого пола, допуская ихъ иногда къ себѣ: такъ, напр., въ мужскихъ рабочихъ клубахъ входъ женщинамъ дозволяется на лекціи—по четвергамъ и на утренніе концерты—по воскресеньямъ, а иногда также женщины допускаются и къ постоянному пользованію общими читальными комнатами. Точно также, клубы рабочихъ дѣвушекъ, которые чрезвычайно размножились въ Англіи и Америкѣ въ послѣднее время, по словамъ нѣкоторыхъ дамъ-филантропокъ, участвовавшихъ въ ихъ устройствѣ, далеко не развиваются съ той быстротой, съ какой это было бы желательно въ интересахъ рабочихъ женщинъ,—благодаря именно тому, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ вечеринокъ, въ эти клубы не допускаются мужчины—ихъ братья и возлюбленные. Остается сдѣлать одинъ шагъ,—слить такіе клубы вмѣстѣ и допустить въ добавленіе къ нимъ и клубы дѣтей,—и тогда всѣ семьи получатъ возможность соединиться вмѣстѣ въ «Сосѣдскія Гильдіи», расширивши только нѣсколько программу своей дѣятельности.

Трудно, конечно, не видѣвши лично, убѣдиться, насколько великъ моральный успѣхъ, уже достигнутый предпріятіемъ Стантонъ Койта, благодаря соединенію рабочихъ въ эти оригинальныя «Гильдіи». По словамъ Чарльза Стовера, посѣтившаго «Сосѣдскую Гильдію» въ Нью-Іоркѣ, главная заслуга ихъ сводится къ тому, чтобы содѣйство-

вать и развивать взаимную помощь и дружественное чувство, очищать и улучшать народный вкусъ и привычки. Особенно благопріятное впечатлѣніе на него произвели, во время посѣщенія «Гильдіи», дѣтскій садъ и два клуба дѣвушекъ (старшаго и младшаго возрастовъ), занятыхъ, по преимуществу, разными домашними работами и рукодѣльями, пригодными имъ въ будущемъ. Ихъ развлеченія и, особенно, субботнія собранія вызываютъ съ его стороны восторженные отзывы и защиту противъ всѣхъ крайнихъ пуристовъ, которые, не желая подобныхъ собраній молодежи двухъ половъ, возстаютъ противъ соціальнаго значенія такихъ невинныхъ развлеченій, каковы танцы *). Самъ Койтъ приводитъ рядъ разнообразныхъ и достаточно убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу глубокаго дѣйствія, которое производятъ уже устроенныя «Гильдіи» на жизнь и нравственный складъ рабочихъ. Образцомъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ энтузіазмъ, съ которымъ многіе сочлены, напр., проработавши цѣлый день въ своихъ фабрикахъ и мастерскихъ, тѣмъ не менѣе, находятъ возможнымъ трудиться далеко за полночь въ помѣщеніи «Сосѣдской Гильдіи», ради ея интересовъ: напр., дабы заработать что-нибудь для увеличенія ея библіотеки, или приспособить ея помѣщеніе къ будущему празднику, или выучиться какому-нибудь новому искусству, напр. музыкѣ, и выступить передъ «сосѣдями» въ ближайшемъ годичномъ собраніи. О помощи своимъ сосѣдямъ и, вообще, о развитіи чувства благотворительности, состраданія и взаимопомощи—уже говорилось, и приводились факты раньше. Койтъ сообщаетъ даже наглядное доказательство, до какой глубокой степени «Сосѣдскія Гильдіи» начинаютъ играть роль для участниковъ, являясь серьезнымъ регуляторомъ всей ихъ дѣятельности. Немногіе бывшіе случаи исключенія членовъ изъ «Гильдіи» за неблаговидные поступки приводили ихъ въ такое отчаяніе и такъ пагубно отражались на всей остальной жизни, что это наказаніе нынѣ уже болѣе почти не встрѣчается, даже въ крайнихъ случаяхъ. Достаточно исключить члена или воспретить ему входъ въ общее собраніе на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, чтобы окончательно отучить его отъ повторенія сдѣланной погрѣшности. По крайней мѣрѣ, такихъ случаевъ не бывало. Опытъ всѣхъ устроенныхъ «Гильдій», по словамъ Койта, доказалъ, что похвала и одобреніе, какъ и порицаніе, выражаемое въ отчужденіи, могутъ сдѣлаться для рабочаго самымъ строгимъ мотивомъ его дѣйствія и поведенія, и моральная дисциплина, добытая такимъ путемъ «Со-

*) John's Hopkins' University Studies. Arnold Toynbee by *E. C. Montague.*— The Neibourghood Guild in New-York. By *Charles B. Stover. A. B.*

сѣдскими Гильдіями» служитъ наилучшимъ аттестатомъ ихъ успѣшности и пользы для блага народа.

«Почти всякая реформа», говоритъ Стантонъ Койтъ, въ заключеніи своей книги о «Сосѣдскихъ Гильдіяхъ», единовременно являющейся и отчетомъ и планомъ,—«реформа, которая начинается въ малыхъ размѣрахъ и постепенно распространяется умноженіемъ изъ нѣсколькихъ центровъ (какъ въ данномъ случаѣ), непремѣнно должна встрѣчать критику и утвержденіе, что такое предпріятіе является лишь каплей въ морѣ. Конечно, лица, которыя привыкли обозрѣвать всю сумму несправедливостей и нищеты, наполняющихъ міръ, не имѣя терпѣнія, въ то-же время, подчиниться медленному способу исторической эволюціи, которыя требуютъ совершенія реформы однимъ гигантскимъ шагомъ, такія лица не удовлетворятся скромною дѣятельностью «Сосѣдскихъ Гильдій». Но этимъ людямъ слѣдуетъ напомнить поговорку: «энтузіазмъ годится лишь для великихъ дѣяній, *въ малыхъ же дѣлахъ достаточно одной добросовѣстности*». Своимъ презрѣніемъ къ добросовѣстности въ малыхъ дѣлахъ многіе современные энтузіасты, именно, и потерпѣли крушеніе, обезкураживая и другихъ въ великомъ дѣлѣ подготовки къ соціальной реформѣ...»

Какъ извѣстно, широкое филантропическое движеніе, имѣющее мѣсто въ современной Англіи, началось лишь какихъ-нибудь десять лѣтъ назадъ и, между тѣмъ, уже выразилось въ цѣломъ рядѣ описанныхъ выше учрежденій, предназначенныхъ, такъ или иначе, для одной цѣли,—экономическаго, умственнаго и нравственнаго поднятія и улучшенія быта массы народа. Сначала движеніе возникло въ восьмидесятыхъ годахъ въ старыхъ университетахъ, Оксфордѣ и Кембриджѣ, и вылилось наружу въ формѣ основанія «Университетскаго Поселенія» въ Восточномъ Лондонѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя основанъ тамъ-же «Народный Дворецъ». Въ 1890 году, наконецъ, появилась знаменитая книга «генерала» Бутса—«Въ трущобахъ Англіи», имѣвшая чрезвычайный успѣхъ, и вслѣдъ за ней посыпались пожертвованія со всѣхъ сторонъ, и схема Бутса находится теперь уже въ періодѣ осуществленія. Но, несмотря на весь трудъ, уже сдѣланный въ этомъ направленіи, несмотря даже на пожертвованія въ нѣсколько милліоновъ рублей, общественная энергія и частная иниціатива въ Англіи, повидимому, не только не ослабѣваютъ, но, наоборотъ, crescendo ростутъ: число работниковъ на служеніе народу увеличивается, а новые планы и программы реформъ осуществляются и примѣняются на практикѣ

единовременно со старыми. Англичане разсуждаютъ, повидимому, такъ: было бы у человѣка лишь доброе намѣреніе и желаніе принести посильную пользу народу, не нарушая прямо ничьихъ интересовъ, а затѣмъ, пусть въ предѣлахъ закона каждый пробуетъ на свободѣ свой планъ и ждетъ спокойно результатовъ!..

Спрашивается, какое же значеніе для поставленной имъ цѣли можетъ имѣть изложенный планъ Стантона Койта въ интересахъ соціальной реформы? «Народный Дворецъ», какъ извѣстно, обучаетъ и развлекаетъ народъ, но, благодаря своему многолюдству, онъ едва ли въ состояніи, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени, развивать и воспитывать народъ въ добрыхъ привычкахъ и дружелюбіи, существенныхъ для успѣха всякой будущей реформы. Выше его стоитъ самоотверженная дѣятельность университетской молодежи, поселившейся въ Toynbee-Hall. Они не только преслѣдуютъ обѣ цѣли «Народнаго Дворца», но также и воспитываютъ народъ путемъ личнаго участія и воздѣйствія, стараясь привить къ бѣдной массѣ рабочаго класса добрыя привычки и улучшить нравы. Схема «генерала» Бутса, какъ извѣстно, имѣетъ въ виду не столько весь рабочій классъ въ цѣломъ, сколько впавшихъ въ крайнюю нищету, порокъ и преступленіе. «Генералъ» обѣщается англійскому обществу за извѣстную помощь, избавить его отъ всѣхъ подонковъ трущобъ и создать на ихъ мѣстѣ лишь одинъ трезвый, нравственный и трудящійся рабочій классъ. Наконецъ, Койтъ въ «Сосѣдскихъ Гильдіяхъ» обѣщаетъ дѣлать то же самое, т. е. обучать и воспитывать народъ, но не въ трущобахъ, а между обыкновенными рабочими; при этомъ, въ отличіе отъ предшествовавшихъ учрежденій, ведущихъ свое дѣло, главнымъ образомъ, на счетъ собранныхъ и пожертвованныхъ разными лицами суммъ, Койтъ кладетъ самопомощь въ основаніе «Сосѣдскихъ Гильдій» и стремится соединить желаніе помочь рабочимъ съ развитіемъ у нихъ самодѣятельности, самоуправленія и чувства собственнаго уваженія. Кромѣ того, во всѣхъ предшествовавшихъ учрежденіяхъ каждый разсматривался и получалъ ту или иную помощь индивидуально, тогда какъ въ «Сосѣдской Гильдіи» семья становится объектомъ воздѣйствія, и всѣ ея члены, входя въ различные клубы, составляющіе «Гильдію», сохраняютъ, однако, полное между собою единеніе.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, «Сосѣдскія Гильдіи», сравнительно съ другими вышепоименованными учрежденіями, имѣютъ нѣкоторыя свои выгоды и преимущества. Во-первыхъ, «Сосѣдскія Гильдіи» являются хотя и медленнымъ, но болѣе легкимъ и общедоступнымъ средствомъ для нѣкотораго поднятія культуры рабочихъ и ихъ воспи-

танія. Необходимо лишь въ началѣ, какъ это имѣло мѣсто и въ попыткахъ Койта, содѣйствіе образованныхъ людей, а затѣмъ въ будущемъ возможно ожидать и дальнѣйшаго развитія «Гильдій» или «братствъ», одного отъ другого, путемъ послѣдовательной подготовки для того самихъ рабочихъ. Вторымъ преимуществомъ ихъ нужно считать, безъ сомнѣнія, семейный характеръ этихъ учрежденій. Всѣ члены семьи заинтересованы въ основаніи «Гильдіи» и ея существованіи,—а это, разумѣется, должно служить лишнимъ стимуломъ къ ихъ распространенію. Трудно, конечно, предсказать будущее этого оригинальнаго вида соціальныхъ учрежденій, придуманнаго и уже испытаннаго на практикѣ, хотя еще и не достаточно, можетъ быть, для рѣшительнаго сужденія. Слѣдуетъ ждать дальнѣйшихъ попытокъ и болѣе широкаго успѣха, чтобы опредѣлить съ большею точностью его возможныя послѣдствія. Несомнѣнно, однако, намъ кажется, что и въ своемъ настоящемъ видѣ и при медленномъ даже, обратно съ ожиданіями Койта, распространеніи, «Сосѣдскія Гильдіи» должны принести свою значительную долю пользы англійскому народу уже однимъ ослабленіемъ въ немъ рѣзкаго духа индивидуализма и раздѣленія интересовъ отдѣльныхъ членовъ семьи. Въ самомъ дѣлѣ, современный экономическій строй ведетъ къ тому, что каждый членъ рабочей семьи въ Англіи является самостоятельнымъ источникомъ заработка, такъ какъ масса лицъ рабочаго класса обоего пола, начиная съ ранняго дѣтства и до глубокой старости, работаетъ и, слѣдовательно, проводитъ половину жизни внѣ дома и внѣ семьи. Современная индустріальная система не только въ значительной степени колеблетъ, но даже разрушаетъ, можно сказать, въ рабочихъ классахъ самую семью. Мать, работая гдѣ-нибудь на фабрикѣ, не кормитъ и не видитъ своихъ дѣтей; не готовитъ пищи своему мужу, не имѣя собственнаго очага и, можетъ быть, даже отучилась владѣть иглой настолько, что не починитъ прорѣхи на собственномъ платьѣ или не сошьетъ рубашки своему малюткѣ, отданному на содержаніе и прокормленіе какой-нибудь Скублинской!.. Дѣти, въ свою очередь, при этой системѣ почти не видятъ своихъ родителей и, рано порывая съ ними матерьяльныя связи, порываютъ и нравственныя. Достигши извѣстнаго возраста, по существующимъ въ Англіи обычаямъ, они становятся членами различныхъ клубовъ, рабочихъ союзовъ и еще болѣе проводятъ все время врознь со своими братьями и сестрами, равно какъ и родителями, и взаимное отчужденіе ихъ другъ отъ друга и расчлененіе семьи дѣлаетъ дальнѣйшіе шаги съ самыми вредными для всѣхъ послѣдствіями.

Важное значеніе «Сосѣдскихъ Гильдій», по моему мнѣнію, именно

и сводится къ тому, что это новое учрежденіе, въ своемъ стремленіи къ соціальной реформѣ, не только единовременно борется, до нѣкоторой степени, противъ указаннаго зла, стараясь, хотя въ свободное отъ работы время, связать всю семью рабочаго вмѣстѣ, но и соединить и сблизить ее также съ семьями сосѣдей большею частью, такихъ же тружениковъ. Этимъ единовременно ослабляется столь привычный индивидуализмъ и усиливается вѣра и сознаніе въ важность и необходимость соединенія или кооперації силъ. Можетъ быть, въ пробужденіи у англійскихъ рабочихъ этого сознанія лежитъ и залогъ возможнаго успѣха съ тѣми или иными видоизмѣненіями въ будущемъ, и самихъ «Сосѣдскихъ Гильдій»!

ЭДЕМЪ ТРУЖЕНИЦЪ.

(Американки-статистики—объ американкахъ-работницахъ).

Кому неизвѣстно, какимъ Эльдорадо еще недавно для всѣхъ европейскихъ рабочихъ являлись Соединенные Штаты Сѣверной Америки? Цѣлыя сотни тысячъ людей ежегодно изъ старой Европы, изъ всѣхъ рѣшительно странъ, бросаютъ родину, оставляя нерѣдко семью, и переплываютъ океанъ—искать счастья въ Новомъ Свѣтѣ. Высокая, сравнительно, заработная плата, во многихъ случаяхъ въ нѣсколько разъ выше европейской, дешевая земля или почти даже безплатное ея пріобрѣтеніе въ силу мѣстнаго американскаго закона (Homestead Law), отсутствіе рекрутчины, сравнительная независимость отъ всякой мелочной придирчивой регламентаціи,—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало Америку въ глазахъ какого-либо англійскаго батрака или прусскаго ремесленника-ландвериста—чуть не раемъ. Особенно такой взглядъ долженъ былъ образоваться у рабочихъ женщинъ, эмигрирующихъ въ Америку, число которыхъ всегда было незначительно, сравнительно съ мужчинами: извѣстно то глубокое и распространенное во всѣхъ слояхъ американскаго народа уваженіе къ женщинѣ, которое съ такой выгодой отличаетъ заатлантическую республику отъ старой Европы. Въ Америкѣ женщинѣ всюду уступается первое мѣсто; для каждаго истиннаго янки всякая женщина есть «леди», къ которой должно относиться съ вѣжливостью и приличіемъ. Въ сферѣ экономическихъ интересовъ положеніе американской женщины не менѣе высоко; заработная плата женщинъ еще болѣе рѣзко отличаетъ Америку отъ Европы и превосходитъ послѣднюю во много разъ. Нѣкоторыя спеціальныя профессіи женскаго труда, почему либо противныя чувству независимости, отличающему американокъ,—напримѣръ, домашняя прислуга, иногда не на-

ходятъ совсѣмъ лицъ, желающихъ работать въ нихъ. Въ настоящее время еще, напримѣръ, въ Санъ-Франциско жалуются на крайнюю трудность отыскать тамъ за какое угодно жалованье бѣлую «помощницу» (Help), какъ вѣжливо американцы называютъ прислугу.

Въ послѣдніе годы, впрочемъ, американское благополучіе для рабочаго люда значительно измѣнилось къ худшему: вслѣдствіе быстраго населенія страны и переполненія многихъ большихъ городовъ, особенно Нью-Іорка, бѣдняками переселенцами, цѣна на трудъ, а съ ней и заработокъ значительно упали; въ то же время промышленные кризисы и рабочія стачки увеличили сильно число нуждающихся; земля-же вездѣ вздорожала, а ея продукты встрѣчаютъ на всемірномъ рынкѣ конкурренцію, помимо старой соперницы Америки въ этомъ отношеніи — Россіи, другихъ хлѣбныхъ странъ: Индіи, Австраліи, Аргентинской республики и т. д. Не смотря, однако на все это значительное ухудшеніе экономическаго положенія Америки въ послѣднее время, она до сихъ поръ остается весьма привлекательнымъ мѣстожительствомъ, если сравнить съ Европой, спеціально для рабочихъ женщинъ. Выгоды, представляемыя Соединенными Штатами въ этомъ отношеніи для прекрасной половины рода человѣческаго, желающей трудомъ своихъ рукъ обезпечить свое существованіе, даже до настоящаго времени весьма серьезны, уже благодаря тому общеизвѣстному обстоятельству, что во многихъ мѣстностяхъ Америки, особенно въ Западныхъ Штатахъ, до сихъ поръ замѣчается, обратно съ остальнымъ образованнымъ свѣтомъ, значительный перевѣсъ мужского пола надъ женскимъ или недостатокъ женщинъ. Въ Невадѣ, напримѣръ, было *тридцать двѣ тысячи триста семьдесятъ девять* мужчинъ на *десять тысячъ сто двѣнадцать* женщинъ; въ Монтанѣ—*шестнадцать тысячъ семьсотъ семьдесятъ одинъ* мужчина на *три тысячи восемьсотъ двадцать четыре* женщины; въ Идаго—*двѣнадцать тысячъ сто восемьдесятъ четыре* души мужского пола на *двѣ тысячи восемьсотъ пятнадцать* — женскаго. Результатъ понятенъ: нигдѣ женскій трудъ такъ не цѣнится, какъ въ подобныхъ мѣстностяхъ, и нигдѣ женщина не имѣетъ столько шансовъ выйти замужъ и устроить свой очагъ. Но насколько до сихъ поръ, не смотря на значительный ростъ женскаго переселенія изъ Европы, Соединенные Штаты могутъ еще считаться, говоря, конечно, *относительно*, женскимъ эдемомъ для европейскихъ работницъ или идеаломъ, трудно достижимымъ,—объ этомъ лучше всего можно судить по даннымъ, собраннымъ женщинами-же американками, служащими въ статистическомъ бюро вновь учрежденнаго американскимъ правительствомъ «Департамента труда» (Department of La-

bor) въ Соединенныхъ Штатахъ. Этотъ почтенный по размѣрамъ и объемистый (631 страница мелкой печати) статистическій трудъ появился въ Вашингтонѣ въ 1889 году подъ именемъ «четвертаго ежегоднаго отчета коммиссіонера труда» за 1888 годъ,—«*Рабочія женщины въ большихъ городахъ*» *).

Этотъ солидный статистическій трудъ, изданный подъ редакціей извѣстнаго американскаго спеціалиста по общественной статистикѣ—Карролля Райта (Carroll Wright), представляетъ собой разностороннее изслѣдованіе экономическаго положенія женщинъ-работницъ въ 22-хъ различныхъ городахъ Америки (вошли всѣ наиболѣе крупные города). Свѣдѣнія собраны о *трехстахъ сорока трехъ* различныхъ отрасляхъ женскаго труда, слѣдовательно, о всевозможныхъ видахъ и категоріяхъ женскихъ занятій; отсюда исключены лишь представительницы умственнаго труда (учительницы, стенографистки, телеграфистки и т. п.) и, затѣмъ, всѣ работницы на фабрикахъ волокнистыхъ веществъ (textile factories), о которыхъ было раньше особое изслѣдованіе. Работали въ этомъ изданіи женщины-статистики, служащія въ департаментѣ труда и, какъ свидѣтельствуетъ ихъ принципалъ Райтъ, а также какъ о томъ есть основаніе судить по самому результату работъ,—настолько добросовѣстно и усердно, что можно по собраннымъ ими даннымъ составить полное и отчетливое понятіе объ условіяхъ жизни американской рабочей женщины. Лишь одинъ родъ представляемыхъ свѣдѣній—о проституціи—собирался мужчинами.

Условія жизни городской работницы въ Европѣ на столько схожи во всѣхъ странахъ (разница больше количественная, нежели качественная) и въ то же время общеизвѣстны, что едва-ли представляется надобность много о томъ распространяться для сопоставленія съ ними американской картины. Если мы возьмемъ Англію,—тамъ мы встрѣчаемъ знаменитую «пѣсню о рубашкѣ» Томаса Гуда, воспѣвшаго страдальческое существованіе швеи; если же обратимся къ Франціи, мы прежде всего припоминаемъ многія пѣсенки Беранже, въ которыхъ картинки изъ жизни парижскихъ работницъ представляются, правда, гораздо веселѣе по внѣшности, но по своему внутреннему содержанію не менѣе печальны: городской работницѣ недостаетъ ея ничтожнаго заработка для содержанія и она должна разсчитывать на посторонніе заработки изъ мутнаго источника, дабы пополнять недостачу въ средствахъ. Если мы обратимся, наконецъ, вмѣсто поэтовъ, къ экономи-

*) Fourth Annual Report of the Commissioner of Labor, 1888;—Working Women in large Cities. 1889.

стамъ, или даже къ каждодневной прессѣ, то картина получится еще менѣе утѣшительная для судьбы европейской работницы. Какъ правило, ея заработокъ слишкомъ незначителенъ, чтобы доставить ей какія-либо радости жизни, кромѣ голаго существованія; санитарныя и моральныя условія ея жизни требуютъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшаго; ея образованіе, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, не идетъ дальше простой грамотности, но и та часто забывается при ея трудовой и тяжелой долѣ. По времени женская работа, преимущественно ремесленная, еще продолжительнѣе мужской, и эта-то истощающая ея силы съ дѣтскаго возраста чрезвычайная продолжительность каждодневнаго труда и отсутствіе умственной пищи надламываютъ преждевременно организмъ, заставляя работницу падать еще ниже въ нравственномъ отношеніи и навсегда лишая ее надежды завести въ будущемъ свой очагъ! «Большая часть работницъ нашихъ большихъ городовъ, такъ резюмируетъ результатъ своего изслѣдованія по этому вопросу въ Германіи докторъ Куно Франкенштейнъ, получаетъ заработную плату, которая недостаточна, чтобъ удовлетворить необходимѣйшимъ потребностямъ жизни, почему она вынуждена или искать добавочныхъ средствъ существованія въ проституціи, или ей угрожаетъ медленная голодная смерть» *). Если, наконецъ, взять другую важную сторону вопроса—отношенія женщинъ-работницъ къ ихъ нанимателямъ, то и по этому поводу можно привести мало ободряющаго. Даже въ такихъ передовыхъ по своей культурѣ странахъ, какъ Англія, городскія работницы, обратно съ мужчинами, еще не комбинированы, т. е. не сплотились въ общества, не имѣютъ союзовъ, которые защитили бы ихъ интересы и увеличили бы плату, а потому плата ихъ ничтожна, а сами онѣ лично беззащитны отъ всякаго произвола. Достаточно, напримѣръ, напомнить хотя бы безпрестанно встрѣчающіеся у насъ случаи судебныхъ разбирательствъ о жестокомъ или безнравственномъ обращеніи съ работницами и ученицами хозяевъ и хозяекъ разныхъ ремесленныхъ заведеній.

Посмотримъ теперь на судьбу американскихъ рабочихъ женщинъ въ городахъ, нарисованную руками ихъ же сестеръ — американскихъ женщинъ-статистиковъ. Первая глава трактуетъ общія условія (General Conditions) ихъ существованія въ 22-хъ изслѣдованныхъ городахъ. Не мудрствуя лукаво, возьмемъ отрывки изъ этихъ общихъ описаній, или точнѣе выводовъ изслѣдованія, на выборъ изъ нѣсколь-

*) Die Lage der Arbeiterinnen in den deutschen Groszstädten von *D-r Kuno Frankenstein*. Leipzig. 1888, стр. 18 и дальше.

кихъ городовъ, худшихъ и лучшихъ по жизни работницъ. Однимъ изъ первыхъ городовъ, напримѣръ, стоитъ извѣстный Балтимора, о которомъ говорится слѣдующее: «Положеніе рабочихъ-женщинъ рѣшительно выше средняго; подомовыя ренты очень низки, почему большинство работниковъ имѣютъ свои отдѣльные дома, а санитарныя условія весьма благопріятны: общее впечатлѣніе, вынесенное изъ повторенныхъ визитовъ статистиковъ во всѣхъ частяхъ города, привело ихъ къ заключенію, что жилища рабочихъ отличаются просторомъ и комфортомъ; рынки превосходны и стоимость жизни низкая: пища и одежда почти такъ же дешевы, какъ и наемъ домовъ... Въ отношеніи образовательномъ, моральномъ и религіозномъ замѣчается большое разнообразіе... Но рабочія дѣвушки вообще представляютъ собой порядочный и религіозный классъ, обнаруживая въ то же время значительную бережливость». Про хозяевъ говорится, что значительное ихъ большинство отличается своимъ хорошимъ и добрымъ отношеніемъ къ работницамъ *). Жалованье въ Балтиморѣ хотя не высоко, но вслѣдствіе дешевизны жизни этотъ городъ представляетъ для рабочей женщины вообще большія удобства. Про городъ Атланту въ Южныхъ штатахъ говорится, между прочимъ, что въ немъ «существуютъ самыя лучшія сердечныя отношенія между хозяевами и ихъ работницами». Про крупный городъ Бостонъ говорится довольно много: самой выдающейся чертой въ этомъ городѣ изъ жизни рабочихъ является то обстоятельство, которое видимо не нравится американкамъ-статистикамъ: что значительная часть работницъ Бостона пришлыя и живутъ не въ семействахъ, а въ меблированныхъ комнатахъ, что должно, по мнѣнію составителей, ослаблять въ нихъ память и привязанность къ домашней жизни. Кромѣ того, въ меблированныхъ комнатахъ весьма цѣнится мѣсто, а потому работницы, къ сожалѣнію, *иногда* не имѣютъ при своихъ комнатахъ *гостиныхъ* (!!?) для пріема своихъ гостей; это обстоятельство, какъ поясняютъ американки-статистики, или препятствуетъ дружбѣ и знакомству, особенно съ лицами другого пола, или выводитъ ихъ за границы благо-

*) По словамъ извѣстнаго изслѣдователя Америки Брайса, вообще тамъ менѣе сказывается и находитъ себѣ выраженіе рознь рабочихъ классовъ отъ ихъ нанимателей, нежели въ Европѣ. „Въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ онъ, нѣтъ такого же, какъ въ Европѣ, разномыслія между высшими классами и низшими, между богатыми и бѣдными. Тамъ нѣтъ того взаимнаго недовѣрія или недоброжелательства, какое напр. существуетъ во Франціи между буржуазіей и рабочими....“ См. Американская Республика *Джемса Брайса*, часть III, стр. 59 (изданіе Солдатенкова).

разумія (!!?) «Однако, замѣчаютъ онѣ, какъ бы въ утѣшеніе, рабочія женщины Бостона, въ вознагражденіе за свои непривѣтливыя жилища, имѣютъ возможность и удобство участвовать въ интелектуальной жизни города, посѣщая его разнообразныя и образовательныя заведенія и такія учрежденія, какъ библіотеки, музеи, выставки. *Музыка, литература, искусства, лекціи (наука) легко для всѣхъ достижимы въ Бостонѣ и рабочія дѣвушки города пользуются этими удобствами въ огромной степени*». Далѣе, статистики приводятъ цѣлый рядъ иллюстрацій и примѣровъ этой умственной и художественной жажды между мастеровыми женщинами Бостона: «одна вымётывальщица петель (button-hole maker—самая несчастная, жалкая профессія въ Европѣ) объясняла имъ причину, по которой она предпочитаетъ жить внутри города, а не въ окрестностяхъ, гдѣ жилища гораздо дешевле и ей были бы болѣе по карману: «тѣмъ, что это препятствовало бы ей часто посѣщать лекціи, концерты и ораторіи (!!!), которые она, очевидно, весьма любитъ». Одна галстучница, по словамъ статистиковъ, поставляетъ прекрасные стихи собственнаго сочиненія въ одинъ изъ мѣстныхъ журналовъ. Нѣкоторыя работницы подтяжекъ и подвязокъ, которыя хорошо учились въ школѣ, принадлежатъ къ клубу или обществу въ честь поэта Броунинга и участвуютъ тамъ нерѣдко въ дебатахъ о тарифѣ и другихъ жизненныхъ вопросахъ (!!). «Вообще, заключаютъ изслѣдовательницы, трудъ въ Бостонѣ разсматривается, какъ нѣчто почтенное, и барьеры, которые существуютъ между народомъ, свободно пользующимся досугомъ и живущимъ заработной платой, можно считать здѣсь разрушенными»... Лавки, мастерскія и фабрики того же города вообще, въ большинствѣ случаевъ, въ хорошемъ состояніи, и очень многіе хозяева стремятся сдѣлать все, что только въ силахъ, для комфорта своихъ работниковъ... «Много слуховъ прежде ходило о несовсѣмъ приличныхъ предложеніяхъ, дѣлавшихся будто бы дѣвушкамъ, приходившимъ наниматься въ работу или работавшимъ; но, по тщательномъ ихъ изслѣдованіи, говорятъ статистики, всѣ эти толки, кромѣ *одного* случая, оказались неосновательной сплетней».

Такія же розовыя картинки изъ жизни американскихъ работницъ представляются въ этомъ солидномъ статистическомъ трудѣ и для многихъ другихъ городовъ Америки. Къ такимъ городамъ относятся, напримѣръ, Буффало, Индіанополисъ, Филадельфія, Сентъ-Поль и другіе. Въ первомъ изъ нихъ (Буффало), по словамъ отчета, «процвѣтаніе рабочихъ классовъ бросается въ глаза даже случайному наблюдателю. Живутъ рабочіе, обыкновенно, каждая семья въ отдѣльномъ зданіи;

ихъ жилища уютны и привлекательны, часто украшены цвѣтами и обвиты виноградомъ, убраны съ комфортомъ и въ санитарномъ отношеніи весьма хороши; 90% всѣхъ работающихъ дѣвушекъ живутъ дома у родителей и трудятся за небольшую плату, нуждаясь въ деньгахъ только для удовольствій и нарядовъ... Жалобы на притѣсненія или несправедливости со стороны хозяевъ весьма рѣдки; даже въ мастерскихъ при магазинахъ готоваго платья (трудъ наименѣе оплачиваемый) дѣвушки находятъ иногда возможность сберегать деньги»... Клевелендъ, небольшой, но весьма промышленный городъ, представляетъ условія жизни для рабочей женщины, повидимому, еще благопріятнѣе. «Отдѣльные дома у семей рабочихъ, хорошія санитарныя условія, комфортабельная обстановка ихъ жилищъ и общая печать респектабельности составляютъ скорѣе правило, чѣмъ исключеніе, по словамъ изслѣдователей, въ этомъ городѣ, а крайняя бѣдность—чрезвычайную рѣдкость... Штрафы или придирки со стороны хозяевъ такъ здѣсь необыкновенны, что разспросы о нихъ статистиковъ дѣвушки встрѣчали съ большимъ изумленіемъ (?!)». «Въ Индіанополисѣ, такъ же, какъ раньше въ Буффало, 0,9 рабочихъ дѣвушекъ живутъ дома съ родителями и живутъ, по описанію, весьма комфортабельно: большая часть рабочихъ котэджей содержитъ отъ двухъ до шести комнатъ, занимаемыхъ одной семьей, убранныхъ весьма недурно. *Бѣдность встрѣчается между жителями рѣдко* и наихудшія улицы города выглядываютъ уютно и прилично, сравнительно со многими большими городами».

Большой городъ — Филадельфія представляетъ не менѣе привлекательную картину, чѣмъ упомянутые небольшіе центры. Прежде всего, изслѣдовательницы весьма хвалятъ нравственность филадельфійскихъ рабочихъ. По ихъ буквальному выраженію,—«моральныя тенденціи филадельфійскихъ рабочихъ женщинъ—замѣчательно высокаго порядка; молодыя женщины, которыя поддерживаютъ себя трудомъ, представляютъ собой классъ уважаемый и себя уважающій. Большинство рабочихъ дѣвушекъ примѣрно исполняютъ свои церковныя обязанности и въ томъ или иномъ видѣ принадлежатъ къ различнымъ религіознымъ учрежденіямъ. Очень многія работницы, настолько многія, что это составляетъ характерную черту филадельфійской рабочей жизни, обучаются въ воскресныхъ школахъ и усердно трудятся для церкви. Удобства для образованія въ Филадельфіи превосходны, и у рабочихъ замѣтна большая наклонность къ чтенію и посѣщенію лекцій, къ занятію музыкой и искусствомъ. Многія изъ жилищъ рабочихъ имѣютъ фортепіано и книги, и убранство ихъ соединяетъ

вкусъ и практичность съ дешевизной». Въ Сенъ-Луи, по словамъ отчета, такое изобиліе труда для женщинъ, что работы хватитъ для всѣхъ, желающихъ ее имѣть, и отсюда понятно, какой высокій, относительно, уровень жизни должны вести рабочіе въ такомъ городѣ. Какъ видно изъ описанія рабочихъ жилищъ въ Сенъ-Луи, комнаты въ домахъ, занимаемыхъ этимъ классомъ, убраны коврами и уставлены хорошей мебелью, и они живутъ вообще такъ хорошо, что даже въ бѣднѣйшихъ кварталахъ жилища поражаютъ своей опрятностью. Въ другомъ городѣ—Сентъ-Поль женскій трудъ еще рѣже, а потому заработокъ выше и живутъ еще лучше. «Большинство изъ работницъ, по словамъ отчета, стремится къ тому, чтобы копить и сберегать деньги и черезъ это сдѣлаться независимыми, и нерѣдки примѣры, что нѣкоторыя дѣвушки, вкладывая свои сбереженія въ покупку мелкихъ кусковъ земельной собственности въ городѣ, впослѣдствіи, благодаря ея быстрому вздорожанію, пріобрѣтали приличное состояніе».

Наконецъ, встрѣчаются такіе города въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ для многихъ промышленныхъ работъ нанять женщинъ или невозможно, или весьма затруднительно. Такъ, въ Санъ-Франциско съ тѣхъ поръ, какъ принятъ законъ, ограничивающій наплывъ китайцевъ въ страну, всѣ хозяйки, по словамъ отчета, съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ, пріискиваютъ себѣ домашнюю прислугу: дѣвушки предпочитаютъ работать на фабрикѣ, чѣмъ служить дома. Про городъ же Саванну, лежащій на югѣ, изслѣдователи замѣчаютъ, что тамъ прямо существуетъ сильное предубѣжденіе, очевидно, диктуемое похвальными соображеніями, противъ допущенія женщинъ къ борьбѣ за существованіе, т. е. прямо къ какой-либо продажѣ своего труда.

Но посмотримъ города съ худшими экономическими условіями. Къ такимъ принадлежатъ изъ изслѣдованныхъ нѣсколько, преимущественно большихъ городовъ: каковы Нью-Іоркъ, Бруклинъ, Чикаго, Новый Орлеанъ и другіе. Въ нихъ жизнь рабочихъ женщинъ и вообще рабочихъ классовъ уже приближается нѣсколько къ Европѣ, но тѣмъ не менѣе, въ среднемъ, и въ этихъ пунктахъ гораздо выше ея. Рабочіе въ такихъ городахъ болѣе скучены, живутъ тѣснѣе и грязнѣе; цѣны на содержаніе выше, а заработная плата почти та же самая, иногда даже ниже, благодаря приливу эмигрантовъ. Послѣдніе, наконецъ, приносятъ съ собой изъ Европы, изъ менѣе культурныхъ странъ худшія привычки, меньшую образованность, и готовность въ то же время продавать свой трудъ за меньшую цѣну. Уровень нравственности, понятно, тоже долженъ быть ниже, и тѣмъ не менѣе различіе отъ Европы весьма значительное, опять-таки въ пользу Аме-

рики. Возьмемъ для примѣра сначала хоть Нью-Іоркъ, о бѣдности и затрудненіяхъ жизни котораго для рабочихъ классовъ отчетъ много распространяется. Какъ ни велика тамъ, сравнительно, нужда рабочихъ на американскій аршинъ и дурныя стороны ихъ существованія, тѣмъ не менѣе «удобства жизни встрѣчаются въ Нью-Іоркѣ даже въ самыхъ бѣдныхъ жилищахъ рабочихъ: ковры и чистыя постели, кружевныя гардины, мягкая мебель, картины, піанино или органы — вовсе не рѣдкость въ этихъ жилищахъ»... Лучшій классъ рабочихъ дѣвушекъ, по костюму и умѣнью себя держать въ Нью-Іоркѣ, подходитъ къ женщинамъ средняго класса; съ другой стороны дурное обращеніе хозяевъ встрѣчается рѣдко: «*доброта, справедливость и сердечное обращеніе составляютъ общее правило*». Новый Орлеанъ, какъ извѣстно, представляетъ по національности смѣшанное населеніе, большею частью французскаго происхожденія. Отчетъ жалуется на чрезвычайно низкую заработную плату, получаемую тамъ рабочими, но въ то же время оговаривается, что «плата эта, ничтожная для американцевъ, для мѣстныхъ жителей вовсе не представляетъ бѣдности, а потому и сравнивать Новый Орлеанъ съ другими городами Америки трудно. Правда, отдѣльные дома въ немъ рабочіе занимаютъ только въ окрестностяхъ, а въ санитарномъ отношеніи городъ поставленъ весьма дурно, но за то пища въ городѣ изобильна и дешева, кулинарное искусство (благодаря французскому вкусу и умѣнью) достигаетъ высокой степени совершенства, и *даже бѣднѣйшій*, заключаетъ изслѣдованіе, *можетъ тамъ хорошо жить*». Третій городъ, который не хвалитъ отчетъ,—Чикаго, гдѣ, помимо дурныхъ санитарныхъ условій, встрѣчается между рабочими много невѣжественныхъ иностранцевъ, нерѣдко даже не знающихъ англійскаго языка, сравнительная бѣдность, и даже раздаются жалобы на штрафы въ мастерскихъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ отчета, въ такомъ неблагопріятномъ для жизни городѣ семья рабочаго часто занимаетъ отдѣльный домъ для своего житья; заработная плата выше, нежели въ восточныхъ штатахъ, а искусные рабочіе—рѣже, «поэтому, даже занятія, не требующія особеннаго умѣнья, оплачиваются достаточно, чтобы сдѣлать дѣвушекъ независимыми». Четвертый примѣръ неблагопріятныхъ для жизни условій представляетъ собою городъ Ричмондъ, гдѣ вслѣдствіе дурныхъ климатическихъ условій, дурного дренажа и водоснабженія и иныхъ причинъ рабочіе не могутъ хвалиться здоровьемъ. Кромѣ того, между пожилыми женщинами, а равно и пришлыми изъ деревни, встрѣчается иногда безграмотность, но собственно городскія работницы въ то же время, родившіяся или выросшія въ самомъ Рич-

мондѣ, по словамъ изслѣдованія, «не только имѣютъ хорошую долю образованія, но и замѣчательны своею привлекательной манерой разговора и прекраснымъ акцентомъ, который рѣзко ихъ отличаетъ отъ цвѣтного населенія и отъ деревенскихъ работницъ. Вообще, добавляетъ изслѣдованіе, мастеровыя дѣвушки въ этомъ городѣ выглядываютъ замѣчательно прилично и похожи на леди (ladylike), какъ по наружности, такъ и по своему поведенію».

Достаточно этихъ немногихъ примѣровъ, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ несомнѣнный фактъ превосходства условій жизни американской рабочей женщины предъ ея европейскими подругами. Вмѣсто дальнѣйшихъ выборокъ и выписокъ изъ отчета о разныхъ городахъ, мы ограничимся поэтому лучше общей характеристикой, которую дѣлаетъ офиціальный редакторъ этого изданія, дурному и хорошему жилью для рабочей женщины въ городахъ Америки. На этотъ вопросъ, по порученію правительства, женскіе статистики-изслѣдователи условій труда обратили, кстати, особое вниманіе. Жилища перваго рода, т. е. дурныя, находятся, большею частью, въ отдаленныхъ и грязныхъ улицахъ, узкихъ, переполненныхъ населеніемъ, съ кабаками, игорными домами и т. п. заведеніями въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Внутренность такихъ дурныхъ жилищъ соотвѣтствуетъ внѣшней обстановкѣ: почернѣвшія, иногда разбитыя окна, голый и грязный полъ и поломанная мебель, сцены, звуки и запахи, соотвѣтствующіе всему окружающему; «добавьте къ этому, говоритъ отчетъ, кушанья, дурно подобранныя и дурно приготовленныя во всемъ этомъ домѣ, и вы составите себѣ понятіе о жилищахъ и вообще житьѣ-бытьѣ многихъ рабочихъ въ нашихъ большихъ городахъ. Въ такихъ жилищахъ *иногда* по двѣ дѣвушки помѣщаются въ одной небольшой комнатѣ, безъ ковровъ и безъ камина, и даже по три и по четыре въ одной большой спальнѣ безъ всякаго удобства (!!). Ванная комната при этомъ встрѣчается *далеко не всегда*; обѣдать приходится въ семейной кухнѣ, она же употребляется какъ и прачешная (!?). Довольно рѣдко имѣется особая гостиная, поэтому дѣвушки вынуждены принимать знакомыхъ имъ кавалеровъ въ своихъ комнатахъ или встрѣчаться съ ними лишь на улицахъ» (стр. 32).

Теперь перейдемъ къ описанію *хорошихъ* рабочихъ жилищъ для мастерицъ, которыя вовсе не рѣдкость, по словамъ же отчета: «какъ правило, такія помѣщенія для работающихъ женщинъ находятся въ покойныхъ и приличныхъ улицахъ города; свѣтлыя комнаты и чистыя лѣстницы; всегда имѣется уютная гостиная, она же библіотека и читальня, хорошо отопленная и освѣщенная и невольно заманивающая;

хорошо обставленная столовая; питательная и вкусная пища приготовляется въ чистой кухнѣ и съ порядочной сервировкой; спальни просторны, хорошо вентилированы и убраны на столько, чтобъ быть пріятными для глаза; для сундуковъ отведено особое мѣсто снаружи. Каждая жилица имѣетъ право на пользованіе ванной и прачешной, что ей сберегаетъ, натурально, издержки на стирку. При этомъ нерѣдко находится особая зала для пріема значительнаго числа гостей, для игръ и иныхъ забавъ. Молодымъ людямъ дозволяется посѣщать ихъ знакомыхъ дѣвицъ почти каждый вечеръ, но къ десяти часамъ вечера, исключая театральныхъ представленій или особыхъ случаевъ, всѣ должны быть дома. Религіозная служба и обряды совершаются регулярно и правильно, но отнюдь не принудительно». Добавьте къ этому медицинскую помощь и добрый уходъ во время болѣзни, отсутствіе всякаго грубаго общества и безнравственныхъ вліяній—и вы составите себѣ понятіе о «хорошихъ» меблированныхъ комнатахъ или пансіонѣ для рабочихъ женщинъ въ Америкѣ, какъ ихъ описываетъ этотъ любопытный официальный отчетъ. Очень часто такія женскія общежитія (какъ мы дальше увидимъ) организуются и основываются при помощи частной благотворительности почти во всѣхъ пунктахъ страны, но, какъ выражается редакція отчета, «на нихъ отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на благотворительность, такъ какъ они всѣ платныя, а потому скорѣе являются кооперативными предпріятіями, гдѣ деньги, которыя женщины индивидуально растратили бы на дурное и неудовлетворительное житье, путемъ комбинацій, соединенія этихъ средствъ и хорошаго хозяйничанья являются достаточными, чтобы гарантировать имъ всѣ удобства жизни, прежде немыслимыя».

Перейдемъ теперь къ статистикѣ и постараемся уже съ помощью представляемыхъ изслѣдованіемъ цифръ провѣрить описанную картину общаго положенія американской городской работницы и познакомиться еще подробнѣе съ ея жизнью и обстановкой труда. Всѣ данныя размѣщены въ XXXI таблицѣ для каждаго города, не считая суммарныхъ или сводныхъ выводовъ. Ограничимся лишь нѣкоторыми, наиболѣе интересными свѣдѣніями; во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить возрастъ и семейное положеніе работницъ. Всего подробнѣе свѣдѣнія по указаннымъ таблицамъ собраны для 17,427 работницъ, и изъ нихъ 15,387 оказываются дѣвушками, всего лишь 745 замужнихъ и 1,038 вдовъ. Если по этимъ даннымъ, какъ то дѣлаютъ и сами американскіе изслѣдователи, судить вообще о составѣ женскаго рабочаго населенія, то мы должны заключить, что огромную часть рабочаго контингента въ Америкѣ между женщинами представляютъ именно «дѣ-

вушки», а не «замужнія». Замужней женщинѣ въ американскомъ рабочемъ классѣ принадлежитъ мѣсто въ домѣ, ея семьѣ, а не въ мастерской. Это послѣднее положеніе подтверждается также и возрастнымъ составомъ работающихъ дѣвушекъ. Для большинства изъ нихъ трудъ начинается лишь въ четырнадцать лѣтъ, т. е. болѣе нѣжный возрастъ до этого времени дѣвочки проводятъ въ семьѣ, а не въ мастерской. Затѣмъ, отъ 14-ти лѣтъ возрастъ работницъ въ мастерскихъ продолжается не далѣе какъ до двадцати пяти лѣтъ, такъ что средній возрастъ американской «дѣвушки работницы» (Working girl), какъ называетъ народъ тамъ всѣхъ работницъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ, составляетъ двадцать два года и семь мѣсяцевъ; чаще всего, впрочемъ, встрѣчаются дѣвушки восемнадцати лѣтъ. Послѣ предѣльнаго возраста двадцати пяти лѣтъ число работницъ сразу и быстро падаетъ, постепенно достигая нуля. Очевидно, дѣвушки никакъ не позднѣе этого возраста въ рабочемъ классѣ Америки выходятъ замужъ и затѣмъ, какъ правило, удаляются съ фабрики и мастерской. Мало того, американки-статистики утверждаютъ, что самая работа дѣвушекъ въ промышленныхъ заведеніяхъ является какъ бы поощреніемъ и содѣйствіемъ къ выходу ихъ замужъ въ Америкѣ. «Дѣвушка, которая желаетъ работать добросовѣстно и прилежно даже за низкую плату, чтобы содержать самое себя, имѣетъ гораздо лучшіе шансы обезпечить себѣ очагъ, соотвѣтствующій своему состоянію, нежели дѣвушка, которая предпочтетъ находиться на иждивеніи своихъ родственниковъ» (стр. 62). Онѣ подтверждаютъ этотъ фактъ своими наблюденіями, хотя и не въ состояніи констатировать его статистически. Все пребываніе въ мастерской американской работницы продолжается въ среднемъ не болѣе пяти лѣтъ (4 года и 9,2 мѣсяца).

Такимъ образомъ, обратно съ европейской работницей, гдѣ, къ сожалѣнію, масса замужнихъ женщинъ, со вредомъ для себя, своихъ дѣтей и всей семейной жизни, работаетъ на фабрикахъ, покидая часто собственныхъ малютокъ на произволъ судьбы,—американка работаетъ, пока не вышла замужъ, и ей этотъ трудъ служитъ лишь, какъ сейчасъ увидимъ дальше, частью средствомъ облегченія помощи своихъ родственниковъ, частью, можетъ быть, подготовкой для себя, посредствомъ бережливости, болѣе обезпеченной и независимой семейной жизни. Мало того, тѣсная непосредственная связь съ семьей для большинства американскихъ работницъ не порывается и въ теченіе ихъ мастеровой жизни. Какъ видно опять-таки изъ собранныхъ данныхъ, изъ всего числа опрошенныхъ работницъ (17,427) девять тысячъ восемьсотъ тринадцать (9,813) не только добываютъ себѣ правильнымъ

заработкомъ пропитаніе, но и помогаютъ въ домашнихъ работахъ въ своихъ семьяхъ; пять тысячъ сто пять (5,105) исключительно работаютъ на сторонѣ, не помогая въ домашнихъ работахъ,—всего, слѣд., живетъ работницъ у себя въ семьѣ четырнадцать тысячъ девятьсотъ восемнадцать человѣкъ, т. е. большая часть женской половины американскаго рабочаго населенія въ большихъ городахъ находится подъ прямымъ семейнымъ вліяніемъ и контролемъ. Затѣмъ тысяча шестьсотъ шестнадцать (1,616) рабочихъ дѣвушекъ нанимаютъ себѣ помѣщеніе въ частныхъ семействахъ; небольшая часть (только 709) проживаетъ въ такъ называемыхъ «пансіонахъ» (boarding houses), т. е. въ общежитіяхъ хорошаго тона, подобныхъ вышеописаннымъ, и, наконецъ, всего лишь сто восемдесятъ четыре (184) во всѣхъ городахъ проживаютъ въ меблированныхъ комнатахъ (lodging houses), т. е. жилищахъ худшаго, сравнительно, типа. И такъ, слѣд., огромное большинство американскихъ работницъ, почти 95%—шестнадцать тысячъ пятьсотъ тридцать четыре (14,918+1,616) прямо или косвенно состоятъ подъ семейнымъ вліяніемъ и живутъ посреди семейной обстановки. Ихъ заработокъ въ большинствѣ течетъ, конечно, въ ту же самую семью: Какъ видно изъ изслѣдованія, болѣе чѣмъ половина всѣхъ дѣвушекъ (8,754) отдаютъ цѣликомъ свой заработокъ семейству, такъ сказать, на общее содержаніе; четыре тысячи двѣсти шестьдесятъ семь (4,267) дѣвушекъ оплачиваютъ лишь свое собственное содержаніе въ собственныхъ семьяхъ, и всего лишь семьсотъ одна (701), которыя ничего не даютъ семьѣ за содержаніе изъ своего заработка. Денежныя отношенія остальныхъ (1,196) къ ихъ семействамъ не могли быть строго опредѣлены.

Всѣмъ извѣстно, какое вредное вліяніе многія промышленныя занятія оказываютъ на здоровье работниковъ, отчасти вслѣдствіе свойства и характера нѣкоторыхъ производствъ и условій работы, иногда же просто вслѣдствіе дурной антисанитарной обстановки работъ. Очевидно, съ цѣлью выяснить этотъ вопросъ, американскіе статистики предлагаютъ, при своемъ изслѣдованіи, всѣмъ работницамъ одинъ и тотъ же вопросъ: въ какомъ состояніи находилось ихъ здоровье при поступленіи въ мастерскую и въ какомъ въ моментъ изслѣдованія. Оказалось изъ этихъ разспросовъ, что во время поступленія въ фабрики и мастерскія шестнадцать тысячъ триста шестьдесятъ (16,360) дѣвушекъ находились въ *добромъ* здоровьи, восемьсотъ восемьдесятъ двѣ (882) въ *отличномъ* и сто восемьдесятъ пять (185) въ дурномъ здоровьѣ. Перемѣна состоянія здоровья отъ начала работъ до момента изслѣдованія иллюстрируется ихъ отвѣтами въ слѣдующемъ видѣ: четыр-

надцать тысячъ пятьсотъ пятьдесятъ семь (14,557) дѣвушекъ во время изслѣдованія пользовались хорошимъ здоровьемъ, двѣ тысячи триста восемьдесятъ пять (2,385) отличнымъ и четыреста восемьдесятъ пять (485) дурнымъ. Слѣдовательно, въ цѣломъ,—условія положенія работницъ нужно считать весьма хорошими, ибо если съ одной стороны увеличилось втрое число нездоровыхъ, то, во всякомъ случаѣ, оно и теперь весьма незначительно, сравнительно съ общимъ числомъ работницъ (менѣе 3%), а главное, что за тотъ же самый періодъ времени, здоровье у большого числа лицъ, какъ видѣли, не только не ухудшилось, но улучшилось и у 2,385, по ихъ сознанію, можетъ считаться отличнымъ.

Но самымъ важнымъ, рѣшающимъ моментомъ во всякомъ изслѣдованіи о положеніи труда является заработокъ, который разнообразится какъ по профессіямъ или промысламъ, такъ и по мѣстностямъ или городамъ. Въ данномъ случаѣ ддя насъ, какъ иностранцевъ, любопытны лишь общія среднія цифры безъ различія городовъ. Оказывается, что женскіе заработки въ двадцати двухъ изслѣдованныхъ городахъ по тремъ стамъ сорока тремъ промысламъ колеблются отъ 100 до 500 долларовъ или отъ 200 до 1,000 рублей *). Наибольшее количество работницъ зарабатываютъ, по изслѣдованію, въ предѣлахъ между 300 рублей minimum и 700—maximum. Если при этомъ взять всѣ семнадцать тысячъ опрошенныхъ работницъ, то средній заработокъ, безъ различенія профессій, составитъ на наши деньги пятьсотъ сорокъ пять (545) рублей (272 доллара 45 центовъ); если же ограничиться тѣми работницами (5,716), относительно которыхъ собраны свѣдѣнія не только объ ихъ доходахъ, но и расходахъ, то доходъ американской работницы окажется еще выше, а именно 591 руб. (295 долларовъ 54 цента). Громадное большинство работницъ получаютъ *болѣе 400 рублей* въ годъ каждая (200 долларовъ); исключеній весьма немного: напримѣръ, на дрожжевыхъ заводахъ женщины получаютъ 300 рублей: на фабрикахъ ваксы—285 рублей; на фабрикахъ фруктовыхъ консервовъ около 240 рублей; на фабрикахъ золотыхъ зубочистокъ (?) 225 рублей и на рисовыхъ мельницахъ—216 рублей. Но за то на очень многихъ фабрикахъ и мастерскихъ американки зарабатываютъ свыше 600 и 700 рублей; напримѣръ, на часовыхъ фабрикахъ и модистки получаютъ около 700 рублей, въ пуховыхъ заведеніяхъ около 800, въ красильныхъ—до 870 рублей; въ

*) Мы вездѣ дальше будемъ считать, для простоты, на русскіе бумажные рубли, принимая 2 рубля равными 1 доллару.

перчаточныхъ—мастерицы получаютъ болѣе 1,000 рублей на наши деньги и, наконецъ, въ обойно-драпировальныхъ заведеніяхъ дѣвушки зарабатываютъ болѣе 1,300 рублей (см. таблицу XXIX, стр. 520 и дальше).

При широкомъ, частью нами уже описанномъ, образѣ жизни американскихъ работницъ, онѣ, конечно, должны, получая много, и тратить на житье также много. Какъ было упомянуто, эти свѣдѣнія добыты изслѣдователями лишь для части работницъ, изъ нихъ оказывается, что, добывая 591 рубль въ среднемъ, работница дѣвушка должна на себя тратить, по среднему масштабу, считая полное содержаніе, расходы на костюмъ и прочее 572 рубля въ годъ (286 долларовъ), т. е. заработокъ ея совершенно достаточенъ для существованія и оставляетъ 19 рублей излишку *), причемъ, кладется на содержаніе 50% всего расхода, а на костюмъ 25%. Въ дѣйствительности же излишки для многихъ будутъ гораздо больше, такъ какъ нѣкоторыя получаютъ, цѣликомъ или отчасти, свое содержаніе отъ семьи, и часть очень важныхъ женскихъ расходовъ (на шитье костюма) также покрываютъ собственнымъ трудомъ. Какъ видно изъ приводимыхъ данныхъ, изъ всѣхъ допрошенныхъ работницъ шесть тысячъ шестьсотъ четырнадцать (6,614) ничего сами для себя не шьютъ и все отдаютъ на сторону; семьсотъ одиннадцать (711) отчасти шьютъ на себя, отчасти отдаютъ и, наконецъ, три тысячи семьсотъ двѣ (3,702) все рѣшительно шитье исполняютъ сами и, слѣдовательно, оно имъ не стоитъ ни копѣйки.

Этихъ немногихъ данныхъ объ американскихъ работницахъ собственно уже достаточно, чтобы судить, насколько ихъ положеніе завидно, сравнительно съ ихъ европейскими подругами. Во-первыхъ, онѣ поступаютъ въ мастерскія, какъ мы упомянули, сравнительно, не рано (позднѣе 14 лѣтъ), когда уже организмъ нѣсколько сложился; затѣмъ, въ огромномъ большинствѣ, продолжаютъ оставаться жить подъ кровомъ и надзоромъ своихъ родителей, а не въ фабричныхъ казармахъ и мастерскихъ посреди чужихъ лицъ обоего пола и часто сомнительной нравственности. Кромѣ того, онѣ зарабатываютъ много (болѣе 40 рублей въ мѣсяцъ), т. е. соотвѣтственно больше, чѣмъ огромное число мужчинъ въ Европѣ. Работа ихъ настолько, повидимому, мало вредитъ здоровью, что многія изъ нихъ, если довѣрять изслѣдованію,—

*) Сверхъ регулярнаго и постояннаго занятія, въ среднемъ дающаго, какъ мы говорили, 591 руб., многія работницы имѣютъ еще случайные заработки изъ иныхъ источниковъ, дающіе въ среднемъ 40 долларовъ или 80 рублей въ годъ.

а не довѣрять нѣтъ ни малѣйшаго основанія,—даже улучшаются здоровьемъ въ теченіе періода своей жизни въ мастерскихъ, вмѣсто столь обычнаго у насъ ухудшенія его. Наконецъ, пробывши, среднимъ числомъ, не болѣе пяти лѣтъ, работницы-дѣвушки, большей частью, выбываютъ изъ мастерскихъ и фабрикъ въ Америкѣ, становятся женами и матерями и уже въ этомъ положеніи возвращаются въ мастерскую рѣдко и, во всякомъ случаѣ, изъ этого небольшого числа вдовы чаще, нежели замужнія.

Завидная участь работницы въ Америкѣ отнюдь не притупляетъ въ американскомъ народѣ чувства заботливости и энергіи къ дальнѣйшему усовершенствованію ея положенія и къ удержанію теперешнихъ ея выгодъ. Нигдѣ не встрѣчается такой массы разнообразныхъ обществъ, какъ на началахъ благотворительности, такъ и взаимной помощи, съ цѣлью оказанія работающимъ дѣвушкамъ тѣхъ или иныхъ услугъ или выгодъ общежитія, какъ это мы встрѣчаемъ въ Америкѣ. Первая изъ потребностей для дѣвушки, если только ей приходится жить не въ родномъ городѣ съ семьей, это хорошая приличная квартира. Какъ ни хороши на нашъ взглядъ, сравнительно съ Европой, вышеописанныя помѣщенія въ американскихъ городахъ для работницъ, американки ими недовольны, а потому во всѣхъ промышленныхъ пунктахъ страны существуетъ множество обществъ спеціально для доставленія рабочимъ дѣвушкамъ дешевыхъ и порядочныхъ помѣщеній съ мебелью и столомъ, а главное, семейнаго характера. Эти же общества часто, а иногда и другія преслѣдуютъ и иныя общеполезныя для работницъ цѣли, какъ-то: пріисканіе имъ занятій, доставленіе пріюта во время безработицы, сбереженіе ихъ денегъ, взысканіе ихъ долговъ съ хозяевъ и вообще представительство ихъ интересовъ, если нужно, предъ судомъ и, наконецъ, самое разнообразное обученіе въ часы досуга и даже доставленіе развлеченій. Число такихъ обществъ, и виды ихъ въ описанныхъ двадцати двухъ городахъ Америки до такой степени велико и разнообразно, что мы, для сбереженія мѣста и чтобы не повторяться, ограничимся ихъ описаніемъ лишь въ двухъ-трехъ городахъ.

Самымъ могучимъ и благодѣтельнымъ другомъ американской работницы является общество, извѣстное подъ именемъ «христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ» (Young Women's Christian Association), обширныя развѣтвленія котораго или отдѣльныя общества разбросаны рѣшительно по всѣмъ болѣе важнымъ городамъ Америки. Познакомимся съ его дѣятельностью хотя въ немногихъ большихъ городахъ, какъ Балтимора, Бостонъ и Нью-Іоркъ. Въ первомъ городѣ эта замѣчательная женская ассоціація, отличающаяся своею жизненностью

и энергіей, имѣя во главѣ своей нѣсколько богатыхъ и дѣятельныхъ филантропокъ, приноситъ работницамъ самую разнообразную пользу. Ассоціаціи принадлежитъ въ Балтиморѣ большое зданіе, въ которомъ постоянно проживаютъ тридцать рабочихъ дѣвушекъ и сверхъ того имѣются обширныя залы для чтеній, лекцій, классовъ и большой залъ ресторана (lunch rooms) спеціально для завтраковъ: этотъ ресторанъ имѣетъ своимъ назначеніемъ доставленіе возможно дешеваго и питательнаго завтрака для приходящихъ работницъ и мастерицъ изъ сосѣднихъ мастерскихъ и фабрикъ, которыя въ это время, обыкновенно посрединѣ дня, и наполняютъ цѣлыми сотнями гостепріимный залъ ассоціаціи. Мало того, работницамъ дозволяется безплатно приходить съ своимъ собственнымъ завтракомъ и потреблять его тамъ. Ассоціація, кромѣ того, имѣетъ цѣлыхъ десять различныхъ отраслей дѣятельности, включая сюда дѣтскіе сады, различные курсы лекцій, классы для обученія разнообразнымъ предметамъ, контору для пріисканія мѣстъ, такъ наз. «библейскіе классы» для обученія закону Божьему и т. д. Какъ вѣтви, такъ и учрежденія ассоціаціи разбросаны по всѣмъ самымъ бѣднѣйшимъ улицамъ города. Между прочимъ, ею же устроено нѣсколько спеціальныхъ клубовъ для дѣвушекъ работницъ, гдѣ онѣ могутъ проводить свои вечера за бесѣдой, работой, музыкой и иной игрой. Библіотека ассоціаціи щедро отпускаетъ книги работницамъ во всѣ концы города и имѣетъ обширную читальню на мѣстѣ; доставляетъ работницамъ разнаго рода здоровыя развлеченія, и каждый годъ собираетъ средства, на которыя посылаетъ болѣзненныхъ дѣвушекъ въ деревню дышать свѣжимъ воздухомъ и укрѣпляться силами.

Въ городѣ Бостонѣ та же «христіанская ассоціація молодыхъ женщинъ» исполняетъ обязанности, не менѣе разнообразныя и полезныя для интересовъ работницъ. Ея трудами устроены три превосходныхъ жилыхъ дома въ разныхъ частяхъ города, гдѣ работницы за умѣренную плату получаютъ прекрасное содержаніе. По описанію статистиковъ, эти три учрежденія ассоціаціи въ Бостонѣ могутъ считаться образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ: имѣютъ изобиліе воздуха и свѣта, снабжены прекрасной вентиляціей; вездѣ проведены электрическіе звонки, имѣются хорошія библіотеки, читальни, снабженныя въ изобиліи книгами и журналами, хорошо убранныя гостиныя, уютныя, привлекательныя комнаты, и вкусно приготовленный питательный столъ. Большая часть живущихъ платитъ за это содержаніе отъ 3 до 4 долларовъ въ недѣлю, включая сюда стирку бѣлья и всѣ остальныя удобства. Въ связи съ этими пансіонами для работницъ ассоціаціей ведется нѣсколько профессіональныхъ школъ, гдѣ обучаютъ шитью,

кройкѣ и другимъ работамъ. Кромѣ того, имѣется при этомъ же отдѣленіи ассоціаціи спеціальная кулинарная школа, съ трехмѣсячнымъ курсомъ, гдѣ, во-первыхъ, приготовляютъ прислугу для домашней службы и, во-вторыхъ, обучаютъ желающихъ изъ работницъ домашнему хозяйству. Для работницъ, желающихъ улучшить и пополнить свое общее образованіе, организованы курсы различныхъ наукъ въ связи съ извѣстнымъ литературнымъ и научнымъ кружкомъ въ Шотокуа. Сверхъ того, работницы, по выбору, за ничтожную плату могутъ обучаться въ особыхъ классахъ бухгалтеріи, стенографіи, письму на пишущихъ машинахъ, пѣнію и французскому языку.

Другое отдѣленіе дѣятельности ассоціаціи въ Бостонѣ заключается въ обширной рекомендательной конторѣ для пріисканія мѣстъ съ двумя отдѣленіями: одно для домашней прислуги, другое для всѣхъ остальныхъ профессій труда. Первая, т. е. прислуга, можетъ обучаться своему дѣлу въ спеціальной школѣ ассоціаціи и особое вниманіе обращается на ея поведеніе и хорошія рекомендаціи. Неимѣющая мѣстъ прислуга, извѣстная ассоціаціи, принимается на весьма скромныхъ началахъ на содержаніе обществомъ въ теченіе двухъ недѣль. За 1887 годъ эта контора доставила мѣсто болѣе, нежели двумъ тысячамъ дѣвушекъ. Другой видъ дѣятельности ассоціаціи носитъ названіе «помощи путешественницамъ» (The Traveller's Aid) и имѣетъ своимъ назначеніемъ покровительствовать и помогать дѣвушкамъ, пріѣхавшимъ въ городъ для пріисканія себѣ занятій. Съ этою цѣлью адресы и воззванія ассоціаціи распространяются періодически во всевозможныхъ американскихъ и англійскихъ газетахъ и развѣшиваются во всѣхъ мѣстахъ, приглашая пріѣзжихъ работницъ обратиться къ одному изъ агентовъ общества или направиться въ одинъ изъ пріютовъ или гостинницъ, находящихся съ нимъ въ связи. Женщина агентъ встрѣчаетъ всѣ иностранные пароходы, заботится о пріѣзжихъ дѣвушкахъ, не имѣющихъ защитниковъ, снабжаетъ ихъ всѣми необходимыми свѣдѣніями или указаніями, какъ, напримѣръ, найти друзей или устроиться, предостерегаетъ противъ опасности всякаго рода, направляетъ ихъ въ учрежденія ассоціаціи или наставляетъ, какъ лучше пріискать мѣсто. За девять мѣсяцевъ 1887 года это отдѣленіе ассоціаціи устроило такимъ путемъ болѣе семисотъ беззащитныхъ дѣвушекъ.

Въ третьемъ городѣ, взятомъ нами для примѣра, въ Нью-Іоркѣ дѣятельность этой почтенной «христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ» не менѣе благотворна и разнообразна, и, какъ гласитъ ея послѣдній отчетъ, цѣль ассоціаціи заключалась и тутъ «въ заботѣ о физическомъ, умственномъ и нравственномъ благосостояніи трудящихся

женщинъ въ городѣ Нью-Іоркѣ». Обширная статистика по дѣятельности этого общества, приводимая въ отчетѣ коммиссіонера труда за 1888 годъ, даетъ возможность подробно познакомиться съ ея полезною дѣятельностью. Классы, устроенные, напримѣръ, ассоціаціей для обученія разнымъ предметамъ работницъ, наполнены множествомъ лицъ: за прошлый годъ въ этихъ классахъ было болѣе шести тысячъ учениць. Огромная библіотека ассоціаціи отпускаетъ работницамъ многія тысячи книгъ для чтенія; бюро для пріисканія мѣстъ нашло занятіе почти двумъ тысячамъ человѣкъ, множество разнообразныхъ мастерскихъ принимаютъ учениць и даютъ уроки всевозможныхъ женскихъ рукодѣлій за крайне скромную плату. Въ обширномъ зданіи ассоціаціи на одной изъ центральныхъ улицъ города происходятъ періодически то лекціи, чтенія, то концерты, вечеринки, безплатныя для всѣхъ работницъ, сдѣлавшихся членами ассоціаціи. Въ заключеніе, Нью-Іоркское отдѣленіе «христіанской ассоціаціи» ежегодно доставляетъ цѣлымъ сотнямъ работницъ роздыхъ и подкрѣпленіе силъ на свѣжемъ воздухѣ, устраивая ихъ въ деревнѣ, въ разныхъ мѣстахъ страны, на болѣе или менѣе продолжительное время спеціально для отдыха.

Рядомъ съ «христіанской ассоціаціей молодыхъ женщинъ» существуетъ многое множество разнообразныхъ и не менѣе дѣятельныхъ и полезныхъ благотворительныхъ обществъ для женщинъ, разнаго рода и наименованія. Возьмемъ для примѣра хоть тотъ же Бостонъ: на ряду съ христіанской ассоціаціей тамъ существуютъ еще два такъ называемыхъ «дружественныхъ общества для дѣвушекъ» (The Girl's Friendly Society), одно протестантское, другое католическое. Они добавляютъ дѣятельность первой ассоціаціи для лицъ своего вѣроисповѣданія, т. е. имѣютъ квартиры для работницъ, оказываютъ помощь путешественницамъ, высылаютъ своихъ агентовъ на желѣзныя дороги, и вообще, всѣ работницы соотвѣтствующаго вѣроисповѣданія находятъ тамъ помощь и покровительство. Такое же общество въ Бостонѣ спеціально для бѣдныхъ дѣвушекъ, доставляющее имъ за незначительную плату удобства жизни, носитъ названіе «Ново-англійскаго вспомогательнаго общества» (New England Helping Hand Society); далѣе, нѣсколько клубовъ для рабочихъ дѣвушекъ, имѣющихъ также помѣщенія для постояннаго жилья и, сверхъ того, нѣсколько школъ для доставленія работницамъ возможности обучаться разнообразнымъ ремесламъ за ничтожную плату. Но всѣхъ обширнѣе и важнѣе по своей дѣятельности въ городѣ Бостонѣ—это такъ называемый «образовательный и промышленный союзъ женщинъ» (The Women's Education and Indu-

strial Union), преслѣдующій самыя разныя цѣли для блага рабочаго народа, безъ всякаго различія при этомъ національности и религіи. Во-первыхъ, союзъ этотъ имѣетъ обширную читальню и залы, открытыя для всѣхъ работницъ во всякое время съ цѣлью собесѣдованій и развлеченій; во-вторыхъ, союзъ устроилъ до двадцати классовъ по разнымъ предметамъ; открываетъ курсъ лекцій по многимъ любопытнымъ вопросамъ, и устраиваетъ иныя полезныя учрежденія для женскаго населенія, не говоря о столовыхъ и ресторанахъ съ цѣлью доставленія работницамъ здоровой и питательной пищи въ разныхъ частяхъ города. «Образовательный и промышленный союзъ женщинъ» имѣетъ между прочимъ одну спеціальную замѣчательную черту, которая отличаетъ его отъ многихъ иныхъ благотворительныхъ обществъ для рабочихъ женщинъ: онъ имѣетъ на постоянномъ жалованьи нѣсколько опытныхъ юристовъ, которые обязаны всѣми мѣрами помогать и защищать интересы работницъ въ случаѣ, напримѣръ, неполученія ими жалованья, нарушенія хозяиномъ договора и всякаго рода обмановъ и притѣсненій, чинимыхъ женщинамъ. По воскресеньямъ устраиваются союзомъ спеціальныя собранія женщинъ-работницъ для бесѣдъ по разнымъ важнымъ вопросамъ морали и религіи, причемъ приглашаются гости изъ лицъ ученыхъ или извѣстныхъ ораторовъ и проповѣдниковъ. Кромѣ того, устраиваются, подъ руководствомъ дамъ изъ высшаго общества, такъ называемые «митинги матерей» для бесѣдъ по разнымъ вопросамъ, интереснымъ въ ихъ положеніи, и подобные же «митинги молодыхъ дѣвицъ». Идея союза помогать женщинамъ юридическими совѣтами настолько успѣла привиться въ Америкѣ, что во многихъ другихъ городахъ устроены для этой цѣли спеціальныя благотворительныя общества. Такъ въ 1862 году въ городѣ Чикаго при тамошнемъ женскомъ клубѣ образовалось особое «агентство защиты для женщинъ и дѣтей» (The Protective Agency for Women and Children), которое имѣетъ своей задачей спеціально защищать всѣ интересы работницъ и дѣтей: взыскивать, напримѣръ, ихъ долги, предостерегать отъ всякихъ обмановъ, вымогательствъ, невыгодныхъ для нихъ условій найма, и защищать также женскую честь и чистоту нравовъ, преслѣдуя наказаніями всѣхъ, кто на нее покусится.

Само собой разумѣется, что въ огромномъ Нью-Іоркѣ женскихъ обществъ еще несравненно больше, чѣмъ въ Бостонѣ, и число ихъ можетъ считаться сотнями. Назовемъ только особенно крупныя изъ нихъ или оригинальныя. Между ними выдается возникшая сравнительно недавно (съ 1884 года), по мысли миссъ Доджъ, замѣчательно благотворная, такъ называемая, «ассоціація обществъ рабочихъ дѣвушекъ»

(Association of Working Girl's Societies), которая включаетъ въ себѣ девятнадцать женскихъ клубовъ съ болѣе полутора тысячъ человѣкъ членовъ; цѣль ея заключается въ томъ, чтобы сблизить и сплотить интересы этихъ клубовъ и обществъ, и цѣль эта вполнѣ достигнута. Ассоціація имѣетъ довольно обширное помѣщеніе въ центрѣ города, за которое платитъ до 250 рублей въ мѣсяцъ, и въ его залахъ сходятся рабочія дѣвушки свыше восьми тысячъ человѣкъ въ теченіе года. Между посѣтительницами замѣчаются представительницы всевозможныхъ профессій, начиная съ работницъ на сигарныхъ фабрикахъ и кончая портнихами, продавщицами въ магазинахъ и учительницами; ближайшая цѣль—сближеніе, обмѣнъ мыслей и поученіе. Время проводится преимущественно въ бесѣдахъ, чтеніи, обсужденіи рефератовъ, а также имѣются классы для обученія тому или иному мастерству или занятію. Крайне полезнымъ добавленіемъ къ этой ассоціаціи является новое учрежденіе въ Нью-Іоркѣ, извѣстное подъ именемъ «Праздничнаго Дома» (Holiday House), основанное на средства, пожертвованныя одной богатой дамой. На ея деньги въ деревнѣ, въ прекрасной мѣстности, купленъ былъ участокъ въ восемнадцать акровъ лѣсной и луговой земли, построенъ обширный, прекрасной архитектуры домъ, предназначенный спеціально для поправленія здоровья и отдыха въ немъ больныхъ работницъ; въ немъ просторно могутъ помѣщаться тридцать человѣкъ жилицъ, а при надобности—почти вдвое больше. Домъ просто, но прилично убранъ и обставленъ, и каждый изъ женскихъ клубовъ, входящихъ въ составъ «ассоціаціи обществъ рабочихъ дѣвушекъ», имѣетъ право ежегодно посылать извѣстное число дѣвушекъ лѣтомъ для доставленія имъ короткаго роздыха въ этомъ «Праздничномъ Домѣ», гдѣ онѣ проживаютъ при весьма хорошихъ условіяхъ, собираясь съ силами. Объ удешевленіи работницамъ проѣзда туда заботится другое, спеціальное для этой цѣли, въ Нью-Іоркѣ общество, такъ называемое «Общество для доставленія рабочимъ дѣвушкамъ вакаta» (Girl's Vacation Society). Такъ же, какъ и Бостонъ, Нью-Іоркъ имѣетъ спеціальное общество покровителей женщинъ противъ обмановъ всякаго рода. Это, такъ называемый, «покровительственный союзъ рабочихъ женщинъ» (Working Women's Protective Union); это общество, какъ показываетъ названіе, является въ широкомъ смыслѣ покровителемъ и адвокатомъ для всѣхъ рабочихъ женщинъ, ищущихъ защиты противъ насилій и обмановъ или просто заступникомъ ихъ интересовъ; кромѣ того, оно пріискиваетъ мѣста работницамъ и ведетъ подробный списокъ по этому поводу, записывая заявленія обѣихъ сторонъ, какъ нанимателей, такъ и нанимающихся. Насколько дѣя-

тельность этого почтеннаго общества была плодотворна, можно судить по тому, напримѣръ, представляемому отчетомъ, свѣдѣнію, что въ 1884 г. (годъ его основанія) 48,107 женщинъ получили черезъ него мѣста, а 10,291 работница выиграли при помощи общества денежные иски, суммой болѣе 35 милліоновъ долларовъ, большею частью по мелочамъ, недополученнымъ отъ хозяевъ (!!). Сверхъ того, для женщинъ въ Нью-Іоркѣ находятся слѣдующія общества: «Клубъ справедливости» (Equity Club), который стремится обезпечить рабочимъ женщинамъ настоящую цѣну на ихъ трудъ и для этой цѣли борется съ барышниками и перепродавцами, эксплоатирующими большею частью трудъ несчастныхъ швей въ городахъ. Общество стремится устранить всѣхъ подобныхъ посредниковъ, какъ въ покупкѣ работницами матеріала для работъ, такъ и въ сбытѣ готовыхъ издѣлій. «Общество для предупрежденія жестокости къ дѣтямъ» (The Society of the Prevention of Cruelty to Children) имѣетъ въ виду защиту дѣтей и преслѣдуетъ между прочимъ, хозяевъ не только за жестокость въ обращеніи съ ними, но, напримѣръ, и за безнравственность въ отношеніи къ дѣвочкамъ. Въ самые недавніе, наконецъ, года, на этотъ разъ по примѣру Англіи, по образцу «Toynbee-Hall», докторомъ Стантонъ Койтъ (D-r Stanton Coit) основано оригинальное учрежденіе подъ именемъ «сосѣдской гильдіи» (см. выше стр. 207), имѣющее своей задачей поднятіе культуры рабочихъ классовъ. Съ этой цѣлью Койтъ поселился въ бѣднѣйшей и грязнѣйшей части Нью-Іорка вмѣстѣ съ нѣсколькими помощниками, одинаково проникнутыми духомъ самой широкой симпатіи къ людямъ. Они стремятся всячески вліять въ хорошемъ смыслѣ на своихъ бѣдныхъ сосѣдей, учатъ ихъ, развиваютъ у нихъ привычки бережливости, чистоплотности, пытаются поднять семейную жизнь, ея нравственное значеніе въ рабочемъ сосѣдствѣ, стараются сдѣлать своими союзниками въ этихъ благородныхъ цѣляхъ всѣхъ, начиная съ отцовъ и матерей и кончая маленькими дѣтьми. Для этого ихъ поселеніе превратилось въ какое-то своеобразное образовательно-увеселительное заведеніе, гдѣ уроки дѣтскаго сада смѣняются научными лекціями, а дѣтскія игры—проповѣдью противъ пьянства или «митингомъ матерей» для развитія у рабочихъ женщинъ, положимъ, нѣкотораго знакомства съ гигіеной ухода за дѣтьми. При учрежденіи имѣются—постоянныя клубъ для мальчиковъ и цѣлыхъ два клуба для дѣвочекъ, съ соотвѣтственными для ребятъ играми, развлеченіями и образовательными приспособленіями.

Къ какому бы затѣмъ изъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ мы ни обратились, мы повсюду встрѣчаемъ то же самое изобиліе всевоз-

можныхъ благотворительныхъ и вспомогательныхъ обществъ разнаго рода и типа для рабочихъ женщинъ и дѣвушекъ. Одни заботятся о пріютѣ для работницы, другія—о защитѣ ея интересовъ или пріисканіи ей мѣстъ, третьи—объ ея образованіи, четвертыя, наконецъ, о развлеченіяхъ, развитіи общежительности и возможно пріятной и веселой для дѣвушки жизни, кончая счастливымъ замужествомъ. Въ городѣ Сентъ-Поль, напримѣръ, миссъ Джесси Шлей (Jessie Schley) основала четыре года тому назадъ такое общежитіе подъ названіемъ «Домъ молодыхъ дѣвушекъ» (Young Girls' Home); учрежденіе имѣетъ свой собственный домъ, и, хотя основатели его католики, но оно не преслѣдуетъ вѣроисповѣдныхъ цѣлей и требуетъ отъ жилицъ своихъ, большею частью фабричныхъ дѣвушекъ, лишь подчиненія общему порядку въ домѣ, доброй нравственности и исполненія нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ—какъ присутствіе на общей вечерней молитвѣ. Это общежитіе славится своимъ веселіемъ и чувствомъ дружественности, его отличающимъ. За четыре года въ немъ перебывало болѣе тысячи жилицъ, исключительно фабричныхъ дѣвушекъ; замужнія принимаются только при большой крайности, вдовы же и разведенныя жены, въ учрежденіе, по правиламъ, совсѣмъ не допускаются. Жилицы этого учрежденія, по словамъ американскихъ статистиковъ, чувствуютъ себя въ немъ настолько счастливыми, что получить туда доступъ очень трудно: всѣ свободныя мѣста имѣютъ заранѣе кандидатокъ, тѣмъ болѣе, что прекрасное содержаніе и обстановка съ избыткомъ покрываютъ плату (5 рублей въ недѣлю съ человѣка). Каждый вечеръ въ этомъ домѣ происходятъ танцы, а нѣсколько разъ въ зиму дѣвушкамъ позволяется приглашать своихъ друзей, со строгимъ, впрочемъ, выборомъ и рекомендаціями, на вечеринки, причемъ бываетъ и угощеніе. При учрежденіи имѣется литературно-музыкальный клубъ, частью изъ мужчинъ, и два раза въ мѣсяцъ происходитъ чтеніе, музыка, привлекающія туда много народу. Однимъ изъ правилъ учрежденія считается, что никто не можетъ состоять членомъ, если не желаетъ содѣйствовать удовольствіямъ и пріятностямъ жизни окружающихъ; поэтому, скучающихъ въ учрежденіи нѣтъ, и тѣмъ же, вѣроятно, объясняется упомянутое недопущеніе туда вдовъ и разводокъ. Свадьбы составляютъ явленіе очень нерѣдкое въ этомъ общежитіи: за послѣднее время, по словамъ статистиковъ, тамъ было не менѣе десяти и учрежденіе устраивало въ своихъ стѣнахъ по этому поводу свадебное угощеніе.

Живя при условіяхъ несравненно лучшихъ, чѣмъ всякая европейская работница, при описанной обстановкѣ, относительной матеріальной обезпеченности, большемъ образованіи и развитіи американка,

естественно, и въ нравственномъ отношеніи должна быть поставлена, какъ работница, выше своихъ европейскихъ сестеръ. Дѣйствительно, тотъ же четвертый отчетъ коммиссіонера труда за 1888 годъ представляетъ въ этомъ отношеніи поразительныя данныя, идущія совершенно въ разладъ съ тѣми представленіями, которыя въ области общественной морали имѣютъ мѣсто въ Европѣ. Какъ было уже выше упомянуто, неудовлетворительность заработка нашихъ городскихъ работницъ заставляетъ ихъ во всѣхъ странахъ Европы, къ сожалѣнію, одинаково покрывать эту недостачу постыднымъ образомъ—торговлей собой. Всѣмъ извѣстный и неоспоримый фактъ для всей Европы, что огромное число проститутокъ вербуется изъ работницъ, толкаемыхъ нуждой на опасную стезю порока. Данныя, собранныя мужчинами-агентами департамента труда и публикуемыя въ томъ же четвертомъ отчетѣ коммиссіонера труда *), бросаютъ совершенно новый свѣтъ на составъ проституціи въ американскихъ городахъ въ отличіе ихъ отъ Европы. Свѣдѣнія объ ихъ прежнихъ профессіяхъ или занятіяхъ собраны для семи городовъ Америки, для 3,866 проститутокъ. Оказывается, что наибольшая часть контингента ихъ въ изслѣдованныхъ американскихъ городахъ, именно 1,236, занялись своей постыдной профессіей *изъ дому*, не бывши работницами, т. е. 31,97% общаго числа допрошенныхъ проститутокъ. Затѣмъ, слѣдующее по величинѣ число ихъ, 1,155, были раньше домашней прислугой и служило въ гостинницахъ, т. е. 29,88% общаго числа опять-таки не принадлежали къ числу мастерицъ и фабричныхъ работницъ. Такимъ образомъ, получается удивительный, вѣроятно, только одной Америкѣ свойственный фактъ, что болѣе 61% или близко къ $^2/_3$ всѣхъ жертвъ общественнаго темперамента вышли не изъ работницъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, *а изъ лицъ жившихъ постоянно дома* при семьѣ, своей или чужой. Очевидно, обезпеченное положеніе американской работницы, ея развитіе, семейная жизнь и обстановка, создаваемая филантропіей и ея собственными усиліями, наконецъ, даетъ ей возможность сберечь себя отъ порока. «Всѣ факты, говоритъ редакція этого офиціальнаго статистическаго сборника, всѣ факты говорятъ противъ идеи, чтобы наши работницы не были добродѣтельными женщинами...» «Рабочая женщина не менѣе достойна уваженія по уровню своего развитія и добродѣтели, чѣмъ женщина всякаго другого общественнаго класса нашей страны, и къ ней могутъ относиться обвиненія въ

*) Fourth Annual Report of the Commissioner of Labor. См. стр. 73. The Character of Working Women.

противномъ въ такой же степени, какъ къ женщинѣ всякаго другого класса...» (см. стр. 76).

Нѣтъ сомнѣнія, что представленная нами картина экономическаго положенія американской работницы еще весьма долго для ея европейской сестры будетъ представляться, какъ pium desiderium,—какъ недостижимый эдемъ..., и всѣ жалобы, тѣмъ не менѣе и указанія американокъ въ ихъ статистическомъ трудѣ на тѣ или иные недостатки настоящаго экономическаго положенія ихъ работницъ (на скудость, яко-бы, получаемой ими платы, напримѣръ) (!!!), на взглядъ европейца невольно представляются странными и вызываютъ улыбку... Достаточно каждому привести на память хотя нѣкоторыя черты изъ жизни нашихъ мастерицъ и фабричныхъ работницъ...

СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ И ЕДИНЫЙ НАЛОГЪ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕНРИ ДЖОРДЖА КЪ ПАПѢ ЛЬВУ XIII.

«И сказалъ Господь: вотъ одинъ народъ и одинъ у всѣхъ языкъ; и вотъ, что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать».

«Сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ, чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго».

Книга Бытія. Гл. 11, п. 6 и 7.

Въ исторіи развитія человѣчества весьма часто происходятъ событія, которыя одинъ нѣмецкій ученый остроумно охарактеризовалъ названіемъ «Комедіи всемірной исторіи»: важное событіе, имѣющее нерѣдко значеніе самое крупное для судьбы милліоновъ людей, представляетъ собой такое неожиданное соединеніе великаго и смѣшного, что невольно вызываетъ удивленіе современниковъ, а еще болѣе поражаетъ изслѣдователей послѣдующихъ вѣковъ. Особенно часто это явленіе повторяется въ исторіи распространенія новыхъ идей и ихъ усвоенія людьми: каждая новая мысль дается человѣчеству съ потугой, далеко не сразу, переживая долгій періодъ неизвѣстности или непопулярности; первымъ проводникомъ ея, если только идея имѣетъ практическое примѣненіе, почти всегда является желѣзная необходимость, и лишь медленнымъ путемъ часто горькаго опыта она постепенно входитъ въ сознаніе людей и какъ бы получаетъ право на гражданство. Но умъ человѣческій неохотно разстается съ привычными для него представленіями и формами жизни, а потому обыкновенно стремится къ компромиссамъ, стараясь примирить новое съ старымъ или построить новую идею на старомъ субстратѣ; иногда это стремленіе удается, иногда же—нѣтъ, и смѣшеніе стараго съ новымъ приводитъ за собой такую логическую путаницу понятій и непослѣдовательность сужденій, что наступаетъ какъ бы своего рода вавилонское столпотвореніе «и одинъ не понимаетъ рѣчи другого...»

Подобный именно случай переживаемъ мы въ настоящій моментъ и поводъ къ нему подала папская энциклика или посланіе Льва XIII ко всѣмъ патріархамъ, архіепископамъ и епископамъ католическаго міра, опубликованное во всеобщее свѣдѣніе 15 мая 1891 года. Какъ многія ранѣе изданныя папскія посланія этого рода о разныхъ важныхъ матеріяхъ, волнующихъ умы мірянъ, настоящая энциклика имѣетъ также въ виду крайне крупный современный интересъ, а именно *соціальный вопросъ*. Энциклика преслѣдуетъ единовременно двѣ цѣли: во-первыхъ,—сообщить, какъ глава католической церкви смотритъ на этотъ жизненный для всего Запада вопросъ, и во-вторыхъ,—дать руководство всѣмъ добрымъ католикамъ въ ихъ житейской и общественной дѣятельности, какъ поступать и думать въ происходящемъ нынѣ столкновеніи интересовъ труда и капитала. «Никакого практическаго разрѣшенія этого вопроса не можетъ быть найдено», говоритъ торжественно папа, «безъ помощи религіи и церкви». «Мы, продолжаетъ онъ,—главные стражи религіи... и не должны пренебречь обязанностью, которая лежитъ на насъ, и обойти его молчаніемъ. Безъ сомнѣнія, этотъ серьезнѣйшій вопросъ требуетъ вниманія и усилія также и другихъ лицъ, помимо насъ, правителей государствъ, нанимателей труда, богатыхъ классовъ и даже самого рабочаго населенія, о которомъ мы хлопочемъ. Но мы утверждаемъ безъ колебанія, что всѣ старанія людей окажутся тщетны, если только церковь останется въ сторонѣ. Лишь церковь возвѣщаетъ то ученіе, почерпнутое изъ евангелія, которое можетъ положить конецъ соціальной распрѣ или, по меньшей мѣрѣ, уменьшить ее; церковь употребляетъ всѣ усилія не только просвѣтить душу, но и исправить своими правилами всю жизнь и поведеніе людей...»

Итакъ, римскій папа выступилъ въ новый крестовый походъ, на этотъ разъ съ цѣлью завоеванія уже не Палестины изъ рукъ невѣрныхъ, а преданности и симпатій многихъ милліоновъ католическихъ рабочихъ классовъ Европы и Америки. Какъ извѣстно, отношенія католической куріи къ рабочему вопросу еще весьма недавно были далеко не изъ дружелюбныхъ и отступленія были рѣдкостью. Большая часть выдающихся произведеній по соціальному вопросу заносилась въ Index Librorum prohibitorum и добрые католики должны были чуждаться и сторониться соціальнаго движенія. Майнцскій епископъ Кетелеръ и вестфальское духовенство, устраивавшіе такъ называемые «крестьянскіе союзы» (Bauern Vereine), были, кажется, изъ первыхъ служителей католической церкви, которые въ данномъ отношеніи измѣнили этой традиціи, занявшись серьезно положеніемъ рабочихъ

классовъ. Затѣмъ, отдѣльныя выдающіяся личности изъ католическаго духовенства въ разныхъ странахъ начинаютъ также возвышать свой голосъ въ пользу рабочихъ, слѣдуя, вѣроятнѣе всего, примѣру своихъ собратій между протестантскимъ духовенствомъ. Видное мѣсто, между этими голосами занимаетъ, по крайней мѣрѣ, перешедшій въ католичество изъ англиканскаго вѣроисповѣданія кардиналъ Маннингъ въ Лондонѣ. За нимъ слѣдуютъ католическіе университеты Бельгіи и Франціи съ ихъ пропагандой въ духѣ новѣйшаго государственнаго соціализма. Глава католиковъ во Франціи, графъ Мёнъ, энергично ходатайствуетъ у скупого французскаго законодательства объ охранительныхъ постановленіяхъ въ пользу рабочихъ. Многолюдныя депутаціи рабочихъ «паломниковъ» являются на поклоненіе папскому престолу, принося свою лепту, и принимаются крайне благосклонно. Наконецъ, молодой, энергичный протестантскій монархъ великой державы беретъ въ свои руки соціальный вопросъ, созываетъ въ Берлинѣ европейскій конгрессъ, въ интересахъ рабочаго населенія, и слѣды его горячей иниціативы оставляютъ немедленно отпечатокъ на фабричномъ и рабочемъ законодательствѣ нѣсколькихъ европейскихъ странъ. И вотъ, послѣ всѣхъ этихъ событій, римская курія не могла остаться далѣе безучастной къ общему движенію: умная и дальновидная политика указывала даже на необходимость захватить соціальное движеніе, по возможности, въ руки католическаго духовенства и регулировать его по-своему. Нужно было единовременно считаться съ существующими учрежденіями и понятіями, не затрогивая, на сколько возможно, господствующихъ интересовъ и, въ то же время, какъ бы дать высшую санкцію новому движенію и указать его должные пути и направленіе.

Эта двойственность вновь возвѣщаемой католической политики въ отношеніи къ соціальному вопросу, какъ всякое сидѣнье между двумя стульями, не могла отчасти не отразиться неблагопріятно и на содержаніи папской энциклики, впервые объявившей міру новые принципы. Извѣстная невыдержанность и непослѣдовательность, противорѣчіе новыхъ началъ со старыми, которыя желательно сохранить или провести, все это вмѣстѣ должно было дать значительную пищу для критики. Само собою разумѣется, тотчасъ по изданіи, папское посланіе быстро облетѣло весь образованный свѣтъ и вызвало самыя разнообразные комментаріи, произведя, однако, повсюду сильное впечатлѣніе, какъ первое откровенное объясненіе взглядовъ римскаго престола на самый жгучій вопросъ современности и притомъ высказанный отчасти съ искренностью, далеко не свойственной прежней политикѣ въ этомъ

вопросѣ. Самымъ энергичнымъ критикомъ, однако, папской энциклики выступилъ знаменитый американецъ Генри Джорджъ, извѣстный своими многочисленными экономическими трудами и памфлетами, столько же талантливыми, сколько односторонними, а мѣстами даже странными. Книжка его, написанная спеціально по этому поводу и вышедшая въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1891 года, носитъ названіе «Условія труда. Открытое письмо къ папѣ Льву XIII», и представляетъ собой весьма остроумный анализъ энциклики съ точки зрѣнія Генри Джорджа и его приверженцевъ, въ то же время суммируя всѣ его взгляды, разбросанные по его многочисленнымъ трудамъ на всевозможныя общественныя, экономическія и даже моральныя темы, такъ или иначе волнующія умы нашего времени *).

Но здѣсь именно, въ этомъ новѣйшемъ произведеніи Генри Джорджа, совмѣстно съ папскимъ посланіемъ отъ 15 мая 1891 г., вызвавшимъ его критику, ярко выступаетъ на свѣтъ та оригинальная и необычайная путаница понятій и представленій нашего времени, о которой мы раньше говорили. Достаточно указать для этого, что Генри Джорджъ—этотъ извѣстный всему міру рѣшительный противникъ поземельной собственности и агитаторъ въ пользу ея націонализаціи и введенія *единаго налога* (на земельную ренту), вмѣсто всѣхъ теперешнихъ многочисленныхъ сборовъ и податей, — выступаетъ нынѣ въ новой для него роли обвинителя. Джорджъ обвиняетъ именно и повидимому совершенно серьезно папу Льва XIII *въ соціализмѣ*, стараясь доказать, что папа въ своей энцикликѣ весьма ясно и опредѣленно примыкаетъ своими воззрѣніями къ этой партіи, хотя и умѣренной ея фракціи, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ частностяхъ вопроса (именно о стачкахъ) папа едва-ли, по его мнѣнію (а также извѣстнаго Стэда), даже не скандализируетъ общественное мнѣніе крайностью своихъ выводовъ по соціальному вопросу. Въ то же самое время, онъ—Джорджъ хотя и является крупнымъ иниціаторомъ земельной націонализаціи, не только не долженъ быть, увѣряетъ онъ, смѣшиваемъ съ соціалистами, а состоитъ ихъ принципіальнымъ противникомъ, посвящающимъ силы на противодѣйствіе имъ и на защиту (кромѣ земельной) всякой собственности, началъ конкуренціи и государственнаго невмѣшательства. Поэтому онъ, Джорджъ, обвиняя папу въ слабости къ соціальнымъ идеаламъ нашихъ дней, рѣшительно выступаетъ на борьбу съ соціали-

*) The Condition of Labour, an open Letter to Pope Leo XIII. By *Henry George*. With an Appendix containing the Encyclical of Pope Leo XIII on the Condition of Labour.—1891.

стами и старается доказать безполезность и тщетность даже всѣхъ распространенныхъ нынѣ мѣръ законодательнаго вмѣшательства и заботъ правительства о рабочихъ (фабричное и рабочее законодательство въ широкомъ смыслѣ) и наконецъ тщетность собственныхъ заботъ рабочихъ о своей участи, т. е. организаціи рабочихъ союзовъ, устройства всевозможныхъ вспомогательныхъ кассъ и обществъ и пр. и пр. Короче сказать, на нашихъ глазахъ происходитъ настоящее вавилонское столпотвореніе: папа является соціалистомъ, а Генри Джорджъ превращается въ невиннѣйшаго буржуа, призваннаго изобличать и громить самый призракъ соціализма въ видѣ существующихъ рабочихъ союзовъ Англіи и Америки и даже фабричнаго и рабочаго законодательства временъ Бисмарка и императора Вильгельма...

Но для того, чтобъ лучше разобраться въ этомъ хаосѣ понятій, противорѣчивыхъ и странныхъ, а равно и усвоить себѣ яснѣе содержаніе аргументаціи Джорджа, необходимо сначала познакомиться нѣсколько съ самой энцикликой Льва XIII, къ чему мы и переходимъ въ настоящее время.

I.

Энциклика папы Льва XIII, въ томъ видѣ какъ она напечатана въ англійскомъ переводѣ въ приложеніи къ Джорджу, составляетъ довольно обширный документъ, болѣе двухъ листовъ мелкой печати, разбита на множество маленькихъ главъ съ особыми для каждой заголовками и можетъ быть по своему внутреннему содержанію раздѣлена на двѣ почти равныя части. Во-первыхъ, энциклика полемизируетъ противъ соціалистовъ и ихъ ученія; эта часть *полемическая*, и, во-вторыхъ, часть *положительная*, гдѣ папа сообщаетъ свои воззрѣнія на разныя стороны соціальнаго вопроса, обсуждаетъ принимаемыя по этому поводу разными государствами мѣры и рекомендуетъ, ради руководства добрымъ вѣрующимъ, извѣстные по этому предмету выводы и положенія. «Начало, говоритъ папа, изъ котораго сложилось нынѣшнее столкновеніе труда и капитала, можно указать безошибочно: во-первыхъ, это ростъ промышленности и удивительныя изобрѣтенія техническаго генія; измѣнившіяся отношенія хозяевъ и рабочихъ; сосредоточеніе огромныхъ богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ индивидовъ и бѣдность народныхъ массъ; далѣе, развитіе рабочаго населенія, въ смыслѣ привычки полагаться на себя и комбинировать свои силы; наконецъ, послѣдняя причина,—общее пониженіе нравственнаго уровня. Серьезность настоящаго положенія вещей наполняетъ душу тревож-

ными опасеніями; мудрые люди обсуждаютъ соціальный вопросъ; люди практики предлагаютъ планы реформъ; народныя собранія, законодательство и монархи,—всѣ одинаково заняты этимъ вопросомъ и нѣтъ ничего, что бы глубже привлекало общественное вниманіе».

Всѣ, однако, согласны, что необходимо найти средство, и, притомъ, въ возможно скоромъ времени, для уничтоженія нищеты и бѣдствій, которыя такъ тяжело давятъ большинство бѣдныхъ классовъ. Средневѣковые цехи разрушены окончательно въ прошломъ вѣкѣ, и никакая организація не замѣнила ихъ мѣста. Общественныя учрежденія, законы, отвергли старую религію; отсюда постепенно произошло, что рабочіе, изолированные и беззащитные, были преданы зачерствѣлости своихъ нанимателей и своекорыстію неограниченнаго соперничества. Зло увеличилось еще больше вслѣдствіе корыстолюбиваго ростовщичества, практикуемаго, не смотря на неоднократныя осужденія церкви, подъ разными формами, жадными къ пріобрѣтенію людьми. Къ этому присоединяется еще развившійся обычай работать по договору и концентрація столь многихъ отраслей промышленности въ рукахъ немногихъ индивидовъ, такъ что малое число очень богатыхъ людей способно налагать на массы бѣдняковъ иго, немногимъ лучшее, нежели само рабство.

Полемическая часть энциклики не представляетъ собой новыхъ аргументовъ. А такъ какъ на этихъ именно воззрѣніяхъ папы преимущественно сосредоточена критика Джорджа, съ которой мы будемъ знакомиться позднѣе, то мы и ограничимся здѣсь однимъ голымъ перечисленіемъ трактуемыхъ предметовъ, не входя въ ихъ разсмотрѣніе. Главное вниманіе энциклика останавливаетъ на самомъ важномъ, безъ сомнѣнія, пунктѣ, — защитѣ поземельной собственности отъ всевозможныхъ на нее нападокъ за послѣднее время. Затѣмъ энциклика переходитъ къ личнымъ и семейнымъ обязанностямъ человѣка, къ организаціи семьи, къ отношеніямъ отца къ дѣтямъ и необходимости права наслѣдства, осуждаетъ излишнее вмѣшательство закона въ отношеніи дѣтей къ родителямъ, признавая всякое посягательство на родительскій авторитетъ такъ же вреднымъ и опаснымъ, какъ и нарушимость права частной собственности. Въ заключеніе этого отдѣла, энциклика краснорѣчиво доказываетъ естественное неравенство людей и, затѣмъ, въ слѣдующей главѣ (21), впервые покидая полемическую почву, переходитъ къ практическимъ указаніямъ положительной стороны вопроса, а именно, разбираетъ взаимное отношеніе рабочихъ и капиталистовъ, сообщая указанія о ихъ правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи другъ къ другу. Первое правило практической

мудрости, рекомендуемой папой, состоитъ въ томъ, «что богатые и бѣдные должны жить въ мирѣ и согласіи»; ничего не можетъ быть болѣе ложнаго и опаснаго, какъ непріязненное отношеніе одного класса къ другому. Какъ симметрія человѣческаго тѣла является результатомъ извѣстнаго расположенія членовъ тѣла, такъ и въ государствѣ природа указываетъ, что оба класса существовали въ гармоніи и согласіи. Каждый классъ необходимо заинтересованъ съ существованіи другого: капиталъ не можетъ существовать безъ труда, а трудъ безъ капитала. Взаимное согласіе имѣетъ своимъ результатомъ добрый порядокъ и пріятность жизни; постоянныя же столкновенія порождаютъ общее смятеніе и безпорядокъ.

Затѣмъ энциклика подробно перечисляетъ, чему учитъ религія хозяевъ и рабочихъ въ ихъ взаимныхъ обязанностяхъ: рабочаго, напр., она учитъ честно и добросовѣстно исполнять договоръ, свободно на себя принятый; никогда не вредить капиталу и не наносить какихъ-либо обидъ его хозяину; никогда не употреблять насилія и не участвовать въ безпорядкахъ. Съ другой стороны, религія внушаетъ богатымъ людямъ и хозяевамъ, что ихъ рабочіе—вовсе не рабы, что они должны уважать въ каждомъ человѣкѣ его достоинство, какъ человѣка и христіанина. Религія учитъ, чтобы хозяинъ давалъ время рабочему для исполненія его религіозныхъ обязанностей и чтобы заботился о его нравственномъ преуспѣяніи и устраненіи всего, что можетъ повредить семейной жизни рабочаго и его благополучію. Такъ, хозяинъ не долженъ налагать на своихъ рабочихъ никакихъ непосильныхъ тягостей, не ставить, напр., на трудъ, несвойственный ихъ полу или возрасту; его главная и великая обязанность дать каждому, чего требуетъ справедливость. Безъ сомнѣнія, добавляетъ это любопытное посланіе, много сторонъ требуется разсмотрѣть прежде, чѣмъ разрѣшить вопросъ, какое вознагражденіе рабочему можно считать справедливымъ: но богатые люди — хозяева должны всегда помнить, что оказывать давленіе ради выгоды на неимущихъ и слабыхъ и извлекать прибыль изъ нужды другого человѣка осуждается одинаково законами, какъ божескимъ, такъ и всѣми человѣческими. Утягивать у кого-либо обманнымъ образомъ заработокъ, ему должный, составляетъ преступленіе, которое вопіетъ объ отмщеніи къ самимъ небесамъ. Въ концѣ концовъ, поэтому, богатые должны строго удерживаться отъ всякаго сокращенія заработка рабочаго, будь это силою, обманомъ или какимъ-либо ростовщическимъ дѣяніемъ. Бѣдный человѣкъ слабъ и беззащитенъ, а потому его скромныя средства должны быть священны пропорціонально ихъ скудости. «Не правда-ли», заключаетъ папа эту

главу, «если-бы всѣмъ этимъ перечисленнымъ правиламъ люди слѣдовали и повиновались, тогда, нѣтъ сомнѣнія, всѣ распри между ними давно-бы уже прекратились?» *).

Гораздо позднѣе (въ главахъ 47 и 48) энциклика вновь возвращается къ тому-же вопросу о заработной платѣ или вознагражденіи рабочаго, стараясь даже опредѣлить, что можетъ считаться *справедливой* платой рабочаго. Она развиваетъ тамъ этотъ вопросъ нѣсколько полнѣе, но въ результатѣ все-таки оставляетъ его безъ опредѣленнаго рѣшенія. «Трудиться», говоритъ энциклика, «значитъ употреблять усилія для доставленія себѣ средствъ, необходимыхъ къ жизни, и съ цѣлью самосохраненія. Но въ трудѣ мы видимъ двѣ стороны или цѣли: первая изъ нихъ *личная*, потому что каждому индивиду принадлежитъ право такъ или иначе проявлять свои усилія въ видахъ личной выгоды. Но второй стороной труда является *необходимость*, потому что безъ результатовъ его человѣкъ не можетъ существовать, а самосохраненіе есть законъ природы, которому нельзя не повиноваться. Утверждаютъ, что заработная плата составляетъ проявленіе свободнаго договора и должна оставаться таковымъ. Теперь, если смотрѣть на трудъ съ его личной стороны, то, безъ сомнѣнія, рабочій совершенно правъ—принять извѣстныхъ размѣровъ плату, или отказаться. Рабочій воленъ работать или нѣтъ, и точно также свободенъ принять самое малое вознагражденіе или даже совсѣмъ никакого. Но такое утвержденіе, гласитъ авторъ энциклики (очевидно начитавшись современныхъ историко-экономическихъ сочиненій), составляетъ лишь одно *абстрактное предположеніе* (!?); въ дѣйствительности трудъ рабочаго составляетъ не только его личную принадлежность, но и *плодъ необходимости*, а это и дѣлаетъ большую разницу. Сохраненіе жизни является обязательнымъ долгомъ всѣхъ и каждаго и пренебрегать имъ было-бы прямо преступно. Отсюда слѣдуетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право добывать себѣ все то, что требуется для жизни, а бѣдный не имѣетъ другихъ средствъ для достиженія этой цѣли, какъ трудъ и заработную плату».

На основаніи высказанныхъ соображеній папа въ своемъ посланіи дѣлаетъ выводъ, что «право болѣе настоятельно, нежели договоръ», а отсюда проистекаетъ цѣлый рядъ своеобразныхъ заключеній. Хотя, какъ правило, рабочій и хозяинъ основываютъ свои отношенія на

*) Любопытно, что въ этой большой главѣ папа лишь одинъ только разъ и въ немногихъ строкахъ говоритъ объ *обязанностяхъ труда*, посвящая все остальное содержаніе главы *обязанностямъ капитала*.

свободномъ договорѣ, но тѣмъ не менѣе предписанія природы болѣе настоятельны и древни, нежели всякій договоръ между человѣкомъ и человѣкомъ, а потому вознагражденіе должно быть всегда достаточно для того, чтобы поддержать жизнь и доставить приличное существованіе живущему заработкомъ. Если поэтому крайняя нужда или страхъ бѣдствія вынуждаетъ рабочаго принимать болѣе суровыя условія, нежели вышеозначенныя, такъ какъ хозяинъ не даетъ ему больше, въ такомъ случаѣ рабочій является жертвой насилія и несправедливости. Энциклика рекомендуетъ для ослабленія этого зла устройство посредническихъ бюро или обществъ, а если эти средства окажутся недѣйствительны,—то какія-либо мѣры, охраняющія интересы лицъ, живущихъ трудомъ. Отъ государства, конечно, требуется ихъ одобреніе и покровительство.

Само собою разумѣется, что глава католической церкви въ своемъ посланіи не могъ не удѣлить значительнаго мѣста дѣлу христіанской благотворительности и разъясненію той роли, которая въ данномъ случаѣ принадлежитъ церкви. Говоря, напр., объ обязанности богатыхъ помогать бѣднымъ, онъ даетъ слѣдующую широкую постановку этому вопросу: главнѣйшее и превосходнѣйшее правило (глава 24) для справедливаго распоряженія деньгами было нѣкогда выражено языческими философами, но затѣмъ далѣе развито и выяснено христіанствомъ и не только сдѣлалось извѣстнымъ уму людей, но и запечатлѣлось на ихъ жизни. Оно покоится на принципѣ, что одно дѣло состоитъ въ правѣ владѣнія деньгами, а другое въ ихъ правильномъ употребленіи. Поэтому вслѣдъ за Ѳомою Аквинскимъ энциклика повторяетъ, что «человѣкъ не долженъ смотрѣть на свои мірскія блага лишь какъ на его собственныя, но какъ на общія всѣмъ, чтобы быть въ состояніи подѣлиться ими съ тѣми людьми, которые находятся въ нуждѣ...» Вообще, самая широкая благотворительность составляетъ основную добродѣтель и обязанность; съ другой же стороны, лицо, которое не одарено фортуной и вынуждено бываетъ добывать своими руками свой хлѣбъ, не должно никоимъ образомъ стыдиться своего положенія. Церковь поэтому, гласитъ энциклика, всегда оказывала и оказываетъ разнообразныя усилія съ цѣлью поднять людей изъ ихъ бѣдности и нищеты и улучшить ихъ положеніе. Вслѣдъ за церковью стоитъ государство съ ихъ обязанностями, изъ которыхъ первая — «дать странѣ хорошіе законы», т. е. такіе, которые будутъ способствовать наиболѣе къ общественному благосостоянію и частному преуспѣянію, и чѣмъ болѣе, въ данномъ случаѣ, дѣлается общими зако-

нами страны для блага рабочихъ классовъ, тѣмъ менѣе остается нужды, конечно, для спеціальныхъ мѣръ къ облегченію ихъ участи.

Другое важное соображеніе, которое въ послѣднемъ случаѣ не слѣдуетъ терять изъ виду, состоитъ, по словамъ энциклики, въ томъ, чтобы законы государства равно примѣнялись ко всѣмъ. Для государства интересы всѣхъ гражданъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ должны быть одинаково дороги; поэтому было бы нераціонально пренебрегать одной частью гражданъ, благопріятствуя другой, и общественное управленіе обязано старательно и должнымъ образомъ заботиться о преуспѣяніи и интересахъ низшихъ или рабочихъ классовъ,— иначе былъ бы нарушенъ долгъ справедливости, который повелѣваетъ всѣмъ воздавать должное. «Какъ часть и цѣлое», цитируетъ энциклика опять слова Ѳомы Аквинскаго, «суть въ нѣкоторомъ смыслѣ тождественны, такъ часть можетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, требовать того, что принадлежитъ цѣлому». Главнѣйшая же и серьезнѣйшая обязанность правителя для блага народа заключается именно въ самой строгой справедливости ко всѣмъ и каждому классу населенія въ отдѣльности. Общія обязанности правительства въ отношеніи народа суммируются въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ: порядокъ и миръ должны быть поддерживаемы, семейная жизнь должна вестись согласно съ закономъ Божіимъ и съ закономъ природы; религія должна пользоваться уваженіемъ и предписаніямъ ея слѣдуетъ повиноваться; нравственность должна царить въ общественной и частной жизни; святость правосудія должна повсюду соблюдаться и пользоваться общимъ почтеніемъ; никто не долженъ нарушать чужія права безнаказанно. Отсюда, изъ этихъ основныхъ положеній энциклика выводитъ цѣлый рядъ послѣдствій спеціально въ отношеніи къ рабочимъ классамъ. Если вслѣдствіе стачки или другой комбинаціи рабочихъ грозитъ опасность общественному спокойствію и миру; или если обстоятельства будутъ такого рода, что узы семейной жизни между рабочими ослабѣютъ; или если рабочій будетъ лишенъ возможности исполнять свои религіозныя обязанности; если въ фабрикахъ и мастерскихъ явится опасность для нравственности рабочихъ черезъ смѣшеніе половъ или по другимъ причинамъ; если хозяева станутъ налагать непосильныя тягости или утѣснять ихъ такими условіями, которыя противны ихъ достоинству, какъ человѣческихъ существъ; наконецъ, если здоровье рабочихъ будетъ страдать отъ чрезмѣрной работы или труда, несвойственнаго ихъ полу или возрасту, — во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, нѣтъ сомнѣнія, въ извѣстныхъ предѣлахъ, имѣютъ право выступить вмѣшательство государства и авторитетъ закона. Предѣлы его

каждый разъ опредѣляются сущностью того случая, который вызываетъ вмѣшательство, и общій принципъ, — что законъ не долженъ идти дальше, чѣмъ это требуется устраненіемъ зла и удаленіемъ опасности.

Утверждая далѣе необходимость свято соблюдать существующіе законы, энциклика рекомендуетъ при защитѣ правъ отдѣльныхъ лицъ и классовъ оказывать особое вниманіе и покровительство живущимъ заработкомъ, какъ классамъ, наиболѣе слабымъ и нуждающимся въ покровительствѣ.

Но въ то же время, впрочемъ, она одинаково предусматриваетъ интересы всѣхъ сторонъ. Такъ, вопросъ о стачкахъ подробно разсматривается въ связи съ правами хозяевъ, съ одной стороны, и съ правами рабочихъ—съ другой. Когда рабочіе прибѣгаютъ къ стачкѣ, то это обыкновенно случается по одной изъ слѣдующихъ трехъ причинъ: или часы работы слишкомъ длинны, или трудъ слишкомъ тяжелъ, или заработная плата недостаточна. Печальныя послѣдствія этихъ нерѣдкихъ, къ сожалѣнію, въ наше время событій, требуютъ, разумѣется, общественныхъ мѣропріятій. Папа справедливо указываетъ разнообразный вредъ стачекъ для общихъ интересовъ народа и тѣ случаи безпорядковъ и насилія, которые часто отсюда проистекаютъ. Поэтому на-лицо должны быть законы съ цѣлью предупредить подобное тревожное явленіе; правительство должно заблаговременно или въ надлежащее время употребить свое вліяніе и авторитетъ, дабы устранить тѣ причины, которыя ведутъ къ несогласію между нанимателями и наемниками. Но если собственность должна быть обезпечена, а ея владѣльцы увѣрены въ неприкосновенности своихъ правъ, то, въ свою очередь, и рабочій долженъ пользоваться свободой проявленія своихъ правъ и ихъ покровительствомъ. Его духовные и умственные интересы выступаютъ здѣсь на первый планъ и должны вызывать особенное къ себѣ вниманіе; въ послѣднемъ отношеніи всѣ люди равны и нѣтъ различія между богатымъ и бѣднымъ, слугой и господиномъ; поэтому никто даже не имѣетъ права согласиться на такія условія, которыя вредятъ его духовнымъ интересамъ или принижаютъ его человѣческое достоинство. Отсюда-то проистекаетъ обязанность прекращать работу по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; на этотъ отдыхъ отнюдь не слѣдуетъ притомъ смотрѣть какъ на лѣность, или какъ на случаи къ мотовству и къ излишествамъ, какъ многіе этого желаютъ, а исключительно какъ на время, долженствующее быть посвященнымъ дѣламъ религіи.

Но за духовной стороной человѣка слѣдуетъ въ тѣсной связи фи-

зическая, и на защиту послѣдней папа выступаетъ еще рѣшительнѣе и смѣлѣе въ своемъ посланіи (гл. 45): «Первое вниманіе въ данномъ отношеніи», говоритъ онъ, должно быть направлено къ тому, чтобы спасти бѣдныхъ рабочихъ отъ жестокосердія жадныхъ спекуляторовъ, которые пользуются человѣческими существами лишь какъ орудіями для дѣланія денегъ. Несправедливо и безчеловѣчно обременять людей до излишества работой, притупляя ихъ духъ и истощая тѣло; силы человѣка ограничены и внѣ ихъ предѣловъ онъ не можетъ и не долженъ трудиться; ежедневная его работа, поэтому, должна быть такъ регулируема, чтобы отнюдь не продолжаться долѣе, нежели сколько позволяютъ его силы». При этомъ вопросъ, какъ часты и какъ длинны должны быть промежутки отдыха во время работы, зависитъ, разумѣется, отъ свойства труда, отъ обстоятельствъ времени и мѣста, а также отъ силы и здоровья рабочаго. Тѣ, которые работаютъ въ рудникахъ и копяхъ и вообще въ нѣдрахъ земли, имѣютъ право, сообразно съ тяжестью своего труда, на болѣе короткіе часы его. Опять-таки время года должно приниматься во вниманіе, ибо, нерѣдко, работа, легкая въ одно время года, является нестерпимо трудной въ другое. Наконецъ, работа, пригодная для сильнаго взрослаго человѣка, совсѣмъ не подходитъ для женщины или ребенка. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. касательно дѣтей, должно быть обращено особое вниманіе, чтобы не допускать ихъ на фабрики и мастерскія ранѣе наступленія извѣстной физической и духовной зрѣлости. Какъ весной отъ суровой погоды погибаютъ рано распустившіяся почки растеній, такъ точно тяжелый трудъ подрываетъ силы ребенка и дѣлаетъ невозможнымъ его дальнѣйшее развитіе и образованіе. Женщинѣ опять несвойственъ трудъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ, потому что женщина природой болѣе предназначена для домашняго труда, который лучше всего охраняетъ ея скромность и сберегаетъ силы, необходимыя для дѣторожденія и семейнаго благополучія. Итакъ, можно считать за основное правило, что рабочій долженъ имѣть отдыхъ и досугъ, сообразно затратѣ своихъ силъ, ибо каждое напряженіе силъ возмѣщается соотвѣтственнымъ прекращеніемъ труда и во всѣхъ соглашеніяхъ хозяевъ и рабочихъ всегда долженъ быть упомянутъ или долженъ подразумѣваться достаточный отдыхъ для души и тѣла работающаго.

Но помимо прямого воздѣйствія государства и закона, сами хозяева и рабочіе въ состояніи многое сдѣлать для себя путемъ самопомощи и развитія различныхъ обществъ и союзовъ. Папская энциклика довольно долго останавливается на этой сторонѣ рабочаго во-

проса, хотя и тутъ грѣшитъ нѣкоторою неопредѣленностью. Между этими обществами энциклика указываетъ кассы взаимной помощи, вдовьи и сиротскія, кассы для больныхъ и на случай смерти, патронаты и частныя учрежденія для заботъ по разнымъ поводамъ о малолѣтнихъ, начиная съ младенческаго и до болѣе взрослаго возраста. Но самую важную роль и значеніе въ интересахъ рабочихъ папа приписываетъ рабочимъ ассоціаціямъ или союзамъ (вѣроятно, разумѣя здѣсь такъ называемые Trade Unions), «ибо этотъ родъ обществъ, говоритъ папа, включаетъ всѣ остальныя». Исторія свидѣтельствуетъ тѣ превосходные результаты, которые получались отъ ремесленныхъ цеховъ среднихъ вѣковъ, являющихся прототипами настоящихъ рабочихъ союзовъ. Такія ассоціаціи, разумѣется, должны быть приспособлены къ требованіямъ вѣка, въ которомъ мы живемъ, и въ высшей степени желательно, чтобы онѣ множились и распространялись. Роль государства въ данномъ случаѣ энциклика сводитъ, главнымъ образомъ, къ невмѣшательству, такъ какъ естественный импульсъ и сознаніе важности соединенія силъ заставляетъ людей стремиться къ созданію подобныхъ ассоціацій и союзовъ. Но это, разумѣется, не исключаетъ права государства препятствовать и не дозволять учрежденія обществъ, преслѣдующихъ дурныя или вредныя въ общественномъ отношеніи цѣли. Съ другой стороны, энциклика указываетъ спеціально на разнообразныя филантропическія предпріятія и общества, основанныя католическимъ духовенствомъ или по его иниціативѣ; какъ покоющіяся на религіи, такія ассоціаціи, разумѣется, особо восхваляются и рекомендуются, и папа возлагаетъ на ихъ развитіе большія надежды, утверждая, что въ случаѣ распространенія и подчиненія ихъ правиламъ и регуляціямъ, благополучіе бѣдныхъ классовъ будетъ прочно обезпечено.

Наконецъ, изъ другихъ экономическихъ вопросовъ папа обращаетъ въ своей энцикликѣ значительное вниманіе на мелкое землевладѣніе, какъ одинъ изъ вѣрныхъ способовъ улучшенія бѣдныхъ классовъ. Если заработокъ рабочаго, говоритъ энциклика, достаточенъ для его безбѣднаго существованія съ женою и дѣтьми, то ничто ему не помѣшаетъ, если онъ благоразумный человѣкъ, быть бережливымъ и, обрѣзывая свои издержки, накопить средства на пріобрѣтеніе маленькой земельной собственности. Въ этомъ заключается наилучшій исходъ во всѣхъ затрудненіяхъ, создаваемыхъ соціальнымъ вопросомъ, и законъ долженъ всячески благопріятствовать тому, чтобы какъ можно большее количество людей сдѣлать земельными собственниками, такъ какъ отсюда проистекутъ неисчислимыя благопріятныя послѣдствія для об-

щаго блага, которыя энциклика при этомъ подробно исчисляетъ. Первая выгода въ увеличеніи числа мелкихъ земельныхъ собственниковъ заключается въ томъ, что собственность будетъ болѣе равномѣрно распредѣлена, а слѣдовательно, судьба большей части людей, такъ или иначе, будетъ черезъ это обезпечена. Кромѣ того, если пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ сдѣлается рабочимъ классамъ доступно, тѣмъ самымъ глубокая пропасть, раздѣляющая въ нашъ вѣкъ богатыхъ и бѣдныхъ, какъ бы будетъ засыпана и эти два класса труда и капитала примкнутъ близко другъ къ другу. Вторымъ послѣдствіемъ размноженія мелкихъ собственниковъ будетъ непремѣнно, утверждаетъ папа, очевидно повторяя слова Артура Юнга и Джона Стюарта Милля, увеличеніе земельной производительности: люди всегда работаютъ энергичнѣе и практичнѣе, когда они трудятся на собственномъ участкѣ для себя и своего семейства; мало того, они пріучаются любить ту почву, къ обработкѣ которой они прилагаютъ свои руки. Отсюда проистекаетъ третій благопріятный результатъ означенной поземельной реформы: люди становятся привязанными къ той странѣ, въ которой они родились,—что въ нынѣшній вѣкъ распространенной эмиграціи весьма важно: никто не промѣняетъ свою родину на чужбину, если родная земля доставитъ ему достаточно средствъ на порядочное или счастливое существованіе. Вотъ три важнѣйшихъ послѣдствія мелкаго землевладѣнія; но они получаются лишь при условіи, добавляетъ папа, если матеріальныя средства населенія не истощаются чрезмѣрнымъ обложеніемъ или умноженіемъ высокихъ налоговъ. Право владѣть частною собственностью проистекаетъ отъ природы, а не отъ человѣка, и государство имѣетъ только право регулировать ея пользованіе въ интересахъ общественнаго блага, но никоимъ образомъ не уничтожать совершенно. Поэтому само государство можетъ поступить несправедливо и жестоко, если, взимая большіе налоги, лишаетъ собственника большей части его дохода, нежели это допускается справедливостью.

Вотъ всѣ важнѣйшіе пункты *положительной* части папской энциклики, ознакомившись съ которой, мы можемъ перейти теперь къ самой критикѣ Генри Джорджа, уже успѣвшей надѣлать много шуму по всему свѣту.

II.

Обширная критика папскаго посланія (около десяти печатныхъ листовъ in 16°), написанная Джорджемъ крайне живо и увлекательно

въ формѣ обыкновенной бесѣды, а иногда публичнаго состязанія, по своему содержанію, если не изложенію (такъ какъ оно крайне не систематично), можетъ быть подраздѣлено на три части: критика средствъ, предлагаемыхъ папой для улучшенія быта рабочихъ и вообще уничтоженія вредныхъ сторонъ соціальнаго вопроса и намъ уже знакомыхъ въ общихъ чертахъ. Во-вторыхъ, новѣйшій трудъ Джорджа заключаетъ въ себѣ обстоятельное изложеніе пунктовъ различія его воззрѣній отъ соціалистовъ и другихъ сторонниковъ государственнаго вмѣшательства. Въ-третьихъ, Джорджъ разбираетъ пунктъ за пунктомъ воззрѣнія папы на земельную собственность, пользуясь случаемъ вновь на всѣ лады развивать и популяризовать свою любимую теорію о націонализаціи земли и объ устройствѣ единаго налога, *какъ наилучшемъ способѣ разрѣшенія соціальнаго вопроса.* Въ этомъ порядкѣ (повторяемъ опять: несоотвѣтствующемъ его собственному изложенію) мы и приступимъ къ ознакомленію съ новинкой этого оригинальнаго американскаго мыслителя.

Всю суть практическихъ предложеній, дѣлаемыхъ папской энцикликой въ видахъ разрѣшенія соціальнаго вопроса, Генри Джорджъ сводитъ къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ:

1) Что государство должно принять мѣры предупрежденія противъ чрезмѣрной продолжительности или тяжести труда, ограничить занятія женщинъ и дѣтей, устранить на фабрикахъ и заводахъ условія, неблагопріятныя для нравственности и здоровья рабочихъ, и, наконецъ, гдѣ имѣется опасеніе, что недостаточное жалованье можетъ вызывать безпорядки, тамъ—регулировать плату (гл. 39—40).

2) Что нужно поощрять пріобрѣтеніе земельной собственности рабочими классами (гл. 50—51).

3) Что нужно образовать и поддерживать ассоціаціи и союзы рабочихъ (гл. 52—67).

Всѣ эти мѣры, представляющія въ настоящее время обычный во всемъ цивилизованномъ мірѣ рецептъ государственнаго отношенія къ соціальному вопросу (кромѣ, пожалуй, регулированія платы), Генри Джорджъ, «ничто же сумняшася», объявляетъ *соціалистическими.* Правда, говоритъ онъ, «энциклика» признаетъ индивидуальный характеръ человѣка и первенство индивида и семейства передъ государствомъ, тѣмъ не менѣе всѣ тенденціи и духъ предлагаемыхъ мѣропріятій принадлежатъ къ соціализму, хотя весьма умѣренному и смягченному проповѣдью уваженія къ частной собственности. Наиболѣе сильными и употребительными средствами являются указанныя въ первомъ положеніи, т. е. обычное нынѣ въ Европѣ и Америкѣ фабрич-

ное законодательство въ формѣ ограниченія часовъ работы женскаго и дѣтскаго труда и правилъ, касающихся санитарныхъ условій и порядковъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ.

Джорджъ считаетъ, однако, эти столь распространенныя мѣры въ борьбѣ съ соціальнымъ зломъ средствомъ мало дѣйствительнымъ. Въ былыя времена, при сильномъ абсолютномъ управленіи, такія правила могли улучшить, правда, положеніе рабовъ или крѣпостныхъ; но тенденція нашего времени въ Западной Европѣ и Америкѣ тянетъ къ демократіи, а демократическія государства необходимо слабѣе въ своемъ отеческомъ попеченіи и власти. Съ другой стороны, въ современномъ христіанскомъ мірѣ обратно съ прежнимъ не хозяинъ принуждаетъ раба работать, а рабочій выпрашиваетъ у хозяина работы. Такимъ образомъ величайшее затрудненіе для выполненія фабричныхъ законовъ исходитъ отъ тѣхъ самыхъ лицъ, для которыхъ онѣ предназначены. Напримѣръ, вовсе не хозяева противодѣйствуютъ наиболѣе всего выполненію ограничительныхъ законовъ работъ дѣтей на фабрикахъ, а ихъ собственныя матери, подстрекаемыя бѣдностью: онѣ показываютъ, напр., ложно возрастъ своихъ дѣтей хозяевамъ и научаютъ также дѣтей лгать. Наконецъ, если даже на большихъ фабрикахъ или рудникахъ предписанія касательно часовъ работъ, возраста и пр., могутъ до нѣкоторой степени выполняться (хотя и ведутъ къ разнообразнымъ злоупотребленіямъ), то какъ же возможно ожидать того же результата въ многочисленныхъ мелкихъ мастерскихъ, или гдѣ рабочій трудится у себя дома?!

Всѣ эти мѣры и узаконенія, полагаетъ Джорджъ, ближе всего напоминаютъ по результатамъ санитарныя предписанія объ обязательной сломкѣ нездоровыхъ жилищъ и ограниченіи числа живущихъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ. Разъ эти мѣры не сопровождаются постройкой новыхъ домовъ или поднятіемъ платежной способности рабочихъ классовъ, разумѣется, переполненіе жилыхъ помѣщеній и нездоровыя вслѣдствіе этого условія существованія лишь перемѣщаются съ одного мѣста на другое, и зло, съ которымъ предполагали бороться, скорѣе усиливается, нежели ослабѣваетъ. Всѣ подобныя мѣры можно было бы сравнить съ попыткой остановить локомотивъ, схвативши его за колеса, вмѣсто того, чтобы выпустить для того паръ. Люди работаютъ черезъ силу вовсе не потому, чтобы имъ это нравилось; точно также лежитъ не въ натурѣ вещей, чтобы мать посылала дѣтей работать, когда они должны играть; и совсѣмъ не во вкусахъ рабочихъ жить въ опасныхъ для здоровья помѣщеніяхъ. Все это, конечно, происходитъ единственно, какъ результатъ бѣдности, и пока она суще-

ствуетъ, всѣ ваши ограниченія имѣютъ развѣ только частный и переходящій успѣхъ. Разъ причина оставлена нетронутой, ея подавленіе въ одномъ мѣстѣ непремѣнно вызоветъ лишь проявленія этой причины въ другихъ мѣстахъ и трудъ, который въ данномъ случаѣ на государство возлагается, оно также безсильно исполнить, какъ понизить уровень океана, осушивши сосѣднее съ нимъ море!!.

Одинаково государственная власть не въ состояніи, доказываетъ Джорджъ, регулировать и размѣръ заработной платы: въ данномъ случаѣ косвеннымъ аргументомъ можетъ служить напр. тщетность многочисленныхъ законодательныхъ попытокъ ограничить предѣлъ ссуднаго процента. Общая высота заработной платы находится въ непосредственной зависимости, будто бы, отъ легкости или трудности получить для рабочаго землю: въ первомъ случаѣ, какъ въ Америкѣ и Австраліи, она высока, въ Европѣ же, при монополизаціи земельной собственности, заработная плата стоитъ гораздо ниже. Государство было бы въ состояніи поддерживать плату выше ея рыночнаго уровня лишь двумя способами: или предлагая работу всѣмъ желающимъ ее получить, или поддерживая стачки и ихъ фонды, т. е. такая политика завела бы въ дебри соціализма, ибо лишь соціалисты мечтаютъ о возможности забрать всю промышленность и самое распредѣленіе ея плодовъ въ руки государства. Очевидно, папа такого конца своего предложенія не ожидаетъ, другого же исхода для регулированія платы не имѣется.

Не менѣе безнадежно, по мнѣнію Джорджа, и стремленіе государства помочь рабочимъ классамъ, поощряя пріобрѣтеніе ими земли, или содѣйствуя распространенію мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Предполагая даже, что такое стремленіе до извѣстной степени окажется удачнымъ, т. е. значительное число рабочихъ получатъ участки, то всетаки не произойдетъ ли здѣсь лишь замѣна небольшого привиллегированнаго класса—другимъ нѣсколько большихъ размѣровъ? Что бы въ этомъ отношеніи ни предпринималось государственной властью, большая часть народа, какъ земледѣльческихъ рабочихъ-батраковъ, такъ городскихъ рабочихъ и пролетаріевъ этими мѣрами земли не получатъ и по-старому останутся безъ нея или пойдутъ наниматься къ своему же брату-крестьянину. Между тѣмъ, какъ утверждаетъ Лавелэ о Бельгіи съ ея крестьянами-собственниками, никакіе ирландскіе землевладѣльцы не отличаются такимъ жестокосердіемъ и требовательностью въ отношеніи своихъ фермеровъ, какъ именно эти крестьяне, отдающіе свои участки въ аренду. Что касается до пріобрѣтенія земли для надѣла рабочимъ *на счетъ государства*, то Джорджъ

лишь ограничивается замѣчаніемъ, что вѣдь государство не имѣетъ, какъ это люди часто забываютъ, въ своемъ распоряженіи кошелька фортуны, или не въ состояніи совершить чуда и достать средствъ, иначе какъ въ той или иной формѣ съ тѣхъ же подданныхъ посредствомъ налоговъ. Всякая мѣра въ подобномъ случаѣ будетъ лишь простымъ перекладываніемъ изъ одного кармана въ другой, а поставленная цѣль все-таки не будетъ достигнута.

Наконецъ, помимо всѣхъ перечисленныхъ соображеній, раздробленіе земельной собственности или надѣленіе ею большинства населенія является тщетной и безполезной мѣрой по другой непреложной причинѣ. Существуетъ въ экономической исторіи человѣчества несомнѣнная тенденція концентраціи, или соединенія собственности въ немногихъ рукахъ. Это замѣчалось, какъ извѣстно въ древнемъ мірѣ, произошло сравнительно недавно въ Англіи и совершается на нашихъ глазахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки *).

Что касается до рабочихъ ассоціацій и союзовъ, то такія общества хотя, допускаетъ Джорджъ, и приносятъ свою долю пользы, но одинаково безсильны, какъ и предшествующіе способы, вліять значительно на размѣръ заработной платы. Спеціально въ отношеніи рабочихъ союзовъ (Trades Unions), которымъ энциклика высказываетъ горячее одобреніе, Генри Джорджъ думаетъ, что папа заходитъ слишкомъ далеко, забывая или не соображая о тѣхъ послѣдствіяхъ и выводахъ, которые возможно сдѣлать по поводу выставленныхъ имъ пожеланій и правилъ. «Вы употребляете выраженія, говоритъ, обращаясь къ папѣ, Джорджъ, или утверждаете принципы такого рода, что самый крайній изъ приверженцевъ этихъ союзовъ (Trade Unionist), могъ-бы привести въ ихъ пользу для того, чтобы оправдать не только стачки и всякій сговоръ противъ другихъ лицъ (Boycott), противныхъ союзу, но даже дабы защитить насиліе, гдѣ только оно можетъ ему понадобиться!.. Вы говорите о недостаточной платѣ рабочихъ, какъ результатѣ жадности богатыхъ хозяевъ; вы предполагаете нравственное право

*) Прибавимъ отъ себя нѣкоторыя любопытныя данныя по этому предмету изъ послѣдняго изданія „Статистическаго словаря“ Мюльгаля: на 62.000,000 слишкомъ жителей въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1890 г., поземельныхъ собственниковъ насчитывалось всего лишь 4 съ небольшимъ милліона человѣкъ и средній размѣръ участка составляетъ 134 акра, тогда какъ вся Европа, равняясь почти по размѣру однимъ Соединеннымъ Штатамъ, прокармливаетъ болѣе $26^1/_2$ милл. поземельныхъ владѣльцевъ съ среднимъ участкомъ въ 48 акровъ. Но и изъ 4 милліон. землевладѣльцевъ въ Америкѣ лишь $^3/_4$ ихъ земли обрабатывается самими владѣльцами; остальная-же $^1/_4$—фермерами. См. The Dictionary of Statistics by *Michael Mulhall*. London. 1891. Стр. 348 и др.

рабочихъ получать занятіе за плату высшую, чѣмъ та, которую имъ эти хозяева желаютъ дать, и вы такъ настоятельно въ заключеніе отрицаете право человѣка работать за плату, какую онъ только пожелаетъ, что подали справедливо поводъ извѣстному Стэду въ его распространенномъ журналѣ «Review of Reviews» совсѣмъ не двусмысленно объявлять, что вы разсматриваете такъ называемое «blackleggіng», т. е. соглашеніе отдѣльныхъ людей работать за плату, предлагаемую хозяиномъ, и ниже установленной рабочимъ союзомъ,—какъ преступленіе!..» Но помимо этихъ неосторожныхъ выраженій, воззрѣнія папы, по мнѣнію Джорджа, на ассоціаціи, крайне непрактичны и ошибочны: онъ предполагаетъ, именно, возможность нравственнаго воздѣйствія рабочихъ союзовъ на хозяевъ и на другихъ рабочихъ, и взаимнаго вліянія путемъ лишь убѣжденія и справедливаго образа дѣйствій. Между тѣмъ, суть дѣятельности подобныхъ рабочихъ обществъ необходимо сводится къ себялюбію и конкуренціи, т. е. къ началамъ, совершенно противоположнымъ выставленнымъ выше принципамъ. Ожидать, чтобы рабочіе союзы превратились въ такія учрежденія, какими ихъ предполагаетъ папа, придется такъ-же долго, какъ и того, напр., иронизируетъ Джорджъ, что огонь сдѣлается холоднымъ, а ледъ теплымъ...

Дѣло въ томъ, развиваетъ онъ свою мысль дальше, что рабочіе союзы и ассоціаціи не могутъ иначе поднимать заработную плату, какъ только силой. Эта сила можетъ прилагаться активно, или пассивно, или даже содержаться въ резервѣ, но все-таки остается *силой*. Рабочіе *должны*, если добиваются возвышенія жалованья, проявлять свою власть или принуждать къ тому хозяевъ; они *должны* принуждать при этомъ къ извѣстному образу дѣйствій своихъ сочленовъ; они *должны*, наконецъ, употребить всѣ свои старанія, чтобы захватить въ руки всецѣло поле труда и принуждать прочихъ рабочихъ, не входящихъ въ союзъ, присоединиться къ ихъ требованію. Такова обычная практика стачекъ, весьма, очевидно, далекая отъ высказанныхъ выше предположеній папы. «Тѣ лица, говоритъ Джорджъ, опять обращаясь къ папѣ, которыя говорятъ вамъ о возможности поднятія рабочими союзами заработной платы путемъ однихъ лишь нравственныхъ убѣжденій, разсказываютъ такія-же точно сказки, какъ если-бы они начали утверждать, что существуютъ тигры, которые питаются апельсинами...» Положеніе народныхъ массъ въ настоящее время напоминаетъ собой обширную залу, наполненную народомъ, куда входъ для всѣхъ открытъ и свободенъ, но выходъ накрѣпко запертъ. Очевидно, что при послѣднемъ условіи единственное средство для людей изба-

виться нѣсколько отъ давки, отталкивать своихъ сосѣдей назадъ и въ результатѣ слабѣйшіе будутъ, разумѣется, прижаты къ стѣнѣ. Такое-же точно дѣйствіе производитъ, по его мнѣнію и филантропія, которая притомъ даже отказалась отъ даровыхъ подачекъ и милостынь, какъ явно вредныхъ, а стремится лишь помогать рабочимъ, находя имъ трудъ, или заработокъ. Такіе благотворители, по мнѣнію Джорджа, какъ-бы занимаются похвальнымъ дѣломъ копанія ямъ и потомъ ихъ засыпаніемъ. Въ доказательство своей мысли Джорджъ сообщаетъ два конкретныхъ случая: извѣстна щедрая благотворительность барона Гирша къ своимъ единоплеменникамъ евреямъ; между тѣмъ, нью-іоркскія газеты сообщаютъ, что 4 сентября 1891 г. происходилъ митингъ еврейскихъ рабочихъ союзовъ, дабы протестовать самымъ сильнѣйшимъ образомъ противъ потери работы и пониженія заработной платы, вызываемыхъ щедростью барона Гирша, усилившаго еврейскую эмиграцію въ Америку. На митингѣ этомъ состоялось слѣдующая, единогласно принятая, резолюція: «Мы требуемъ у барона Гирша, чтобы онъ освободилъ насъ отъ своей «благотворительности» и взялъ назадъ свои милліоны, которые вмѣсто благословенія превратились лишь въ проклятіе и источникъ нищеты».

Сообщенный выше фактъ, замѣчаетъ Джорджъ, не долженъ никого удивлять, ибо рабочіе союзы необходимо себялюбивы, одинаково, будь они еврейскіе или христіанскіе. По самому существу дѣла они должны сражаться за свое положеніе, не зная даже часто, кому ихъ рука повредитъ; они игнорируютъ (и вынуждены къ тому) ученіе Христа—дѣлать для другихъ то, что желали-бы видѣть отъ другихъ для себя, хотя даже истинная наука политической экономіи считаетъ нынѣ этотъ путь единственнымъ для полнаго освобожденія массъ отъ нужды. Они должны морить съ голоду рабочихъ, которые къ нимъ не пожелаютъ присоединиться; они всѣми силами души ненавидятъ и стараются оттѣснить прочь всѣхъ отступниковъ отъ стачки, такъ называемыхъ «blackleggs»,—точно такъ, какъ солдатъ въ сраженіи обязанъ стрѣлять въ собственнаго брата, если онъ находится въ непріятельскихъ рядахъ. Другой примѣръ такой политики рабочихъ союзовъ Джорджъ приводитъ изъ исторіи послѣдней рабочей стачки 1880 года лондонскихъ доковыхъ рабочихъ. Авторы этой исторіи *) весьма откровенно сообщаютъ, что успѣхъ стачки долженъ доставить значительныя выгоды и улучшить положеніе наличныхъ рабочихъ, но въ то же время

*) „The Story of the Dockers Strike“ written by Messrs H. *Lewellun Smith* and *Vaughan Nast*. London. 1889.

уменьшить численность тѣхъ лицъ, для которыхъ трудъ можетъ быть найденъ, ибо вся нынѣшняя организація доковыхъ рабочихъ имѣетъ своею задачею вытѣснить съ рынка всѣ такъ называемые «подонки труда» (residuum), т. е. случайныхъ рабочихъ изъ наиболѣе несчастныхъ и обиженныхъ судьбой, и союзъ, не допуская ихъ до работы въ докахъ, имѣетъ въ виду *«заперетъ передъ ними*, буквально выражаясь словами авторовъ, *послѣднюю дверь для нахожденія имъ заработка»*.

Обвиненія Джорджемъ энциклики въ сходствѣ многихъ ея основныхъ положеній съ соціалистическими не ограничиваются перечисленными до сихъ поръ положеніями. Такъ, по мнѣнію его, совершенно, будто бы, согласно съ соціалистами и одинаково несправедливо папа допускаетъ существованіе права рабочихъ на трудъ и право получать отъ своихъ хозяевъ извѣстный заработокъ. Никакихъ такихъ правъ, утверждаетъ Джорджъ, въ дѣйствительности не существуетъ; никакое лицо не имѣетъ права требовать труда отъ другого лица, или плату высшую, нежели это лицо желаетъ дать, или, наконецъ, оказывать на это лицо давленіе съ цѣлію полученія высшаго заработка. Для постановленныхъ выше требованій со стороны рабочихъ не существуетъ никакого лучшаго моральнаго оправданія, нежели для хозяевъ, если бы они вздумали принуждать рабочихъ къ труду у нихъ, когда тѣ этого не желаютъ, или принимать заработную плату ниже того, на что рабочіе соглашаются. Здѣсь можетъ быть лишь кажущееся или наружное оправданіе, которое заключается въ высшей силѣ чувства самохраненія или самообороны. Бѣглый рабъ, преслѣдуемый по пятамъ, конечно, можетъ захватить по дорогѣ чужую лошадь, чтобы спастись отъ лютой погони, едва-ли кто его за это строго осудитъ; но, само собою разумѣется, подобный случай исключительный, и конокрадство не можетъ быть допущено, какъ обыкновенный способъ путешествія. Между тѣмъ энциклика, по мнѣнію Джорджа, какъ разъ поступаетъ наоборотъ, и при обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни, при нормальныхъ условіяхъ, она рекомендуетъ такіе способы, которые могутъ быть терпимы лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Далѣе, энциклика, повидимому, предполагаетъ, что существуетъ справедливый размѣръ заработной платы, который хозяева должны желать уплачивать, а рабочіе должны ею довольствоваться; между тѣмъ въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ, да и быть не можетъ, ибо нѣтъ мѣры и предѣла человѣческимъ желаніямъ. Волненія и недовольство, столь частыя въ наше время у рабочихъ, зависятъ, можетъ быть, не столько отъ факта, очень часто, что имъ тяжело жить, сколько отъ роста ихъ желаній при улучшеніи общаго положе-

нія. «Рабочій—человѣкъ», говоритъ Джорджъ, а человѣкъ—ненасытное животное. Онъ не быкъ, о которомъ можно сказать: столько-то травы, столько-то зерна, воды и немного соли,—и онъ будетъ доволенъ своей судьбой. Напротивъ, человѣкъ чѣмъ больше получаетъ, тѣмъ больше желаетъ. Когда онъ имѣетъ *довольно* пищи, тогда онъ хочетъ *лучшей* пищи: когда онъ получаетъ жилище, то желаетъ его болѣе обширныхъ размѣромъ или убраннымъ съ большимъ вкусомъ; когда его животныя желанія удовлетворены, тогда начинаютъ возникать умственныя и духовныя. Это безпрестанное недовольство составляетъ природу человѣка, которая ставитъ его выше всѣхъ животныхъ и напоминаетъ о томъ, что онъ сотворенъ по образу и подобію Божію. Эта-то неудовлетворенность является двигателемъ всего прогресса и съ нимъ нельзя не считаться; это самое стремленіе человѣка къ усовершенствованію, къ улучшенію, создало великій храмъ Св. Петра и на грубомъ полотнѣ—божественный ликъ Мадонны; это стремленіе изучило и взвѣсило солнце, анализировало звѣзды и открыло страницу за страницей великой книги природы и вообще всей науки; это же недовольство съузило и сократило океаны, сблизило отдаленные народы и передало молнію въ формѣ электрическаго телеграфа на служеніе человѣку. Короче, всѣ блага современной цивилизаціи созданы этимъ чувствомъ недовольства человѣка настоящимъ и желаніемъ лучшаго, и отнять это чувство значило бы принизить и оскотинить людей, Европу превратить въ Азію. Отсюда-то, изъ этого основного свойства человѣческой природы, и проистекаетъ именно невозможность опредѣлить размѣръ заработной платы, которая могла бы считаться справедливой. Сколько бы вы ни назначили, это не предупредитъ раньше или позже желанія рабочихъ получать больше.

Другимъ средствомъ, которымъ много занимается папская энциклика, является благотворительность, въ цѣлесообразности и пригодности которой для уменьшенія на свѣтѣ нищеты Джорджъ еще больше сомнѣвается, нежели во всѣхъ перечисленныхъ мѣрахъ. Если бы было возможно раздачей милостыни уничтожить бѣдность, то уже давно бы, говоритъ онъ, не существовало лишеній въ христіанскомъ мірѣ. Благотворительность, конечно, благородное и прекрасное чувство, но чтобы быть истинно полезной, она должна быть построена на справедливости, а этого-то именно ей и недостаетъ [1]). Все, что благо-

[1]) Джорджъ здѣсь разумѣетъ свой извѣстный конекъ,—институтъ поземельной собственности, противъ которой онъ такъ непослѣдовательно вооружается, воюя въ то же время съ соціалистами.

творительность можетъ сдѣлать тамъ, гдѣ несправедливость существуетъ,—это лишь нѣсколько смягчить ея дѣйствія, но отнюдь не уничтожить ея причину. Напротивъ того, добро очень часто, какъ извѣстно, можетъ вести даже прямо ко злу: такъ, присутствіе такъ называемыхъ второстепенныхъ добродѣтелей у человѣка, который не имѣетъ основныхъ или первичныхъ, можетъ произвести лишь самыя вредныя послѣдствія; трезвость есть добродѣтель и прилежаніе—также добродѣтель, но трезвый и прилежный воръ, напр., опаснѣе всякаго другого. Точно также можно считать за добродѣтель стремленіе къ знанію и стараніе культивировать свои умственныя силы; но злой и умный человѣкъ гораздо опаснѣе, разумѣется, благодаря своимъ способностямъ.

Такимъ же точно образомъ и благотворительность можетъ на практикѣ вмѣсто пользы принести большой вредъ, и его приноситъ: съ одной стороны, она деморализируетъ лицъ, принимающихъ благотворительность, уничтожая ихъ человѣческое достоинство и превращая въ нищихъ людей, которые могли бы сдѣлаться дѣльными и уважающими себя работниками; съ другой стороны, она дѣйствуетъ усыпляющимъ образомъ на нечистую совѣсть людей, дурно живущихъ, поощряя у нихъ нравственный самообманъ и ложную гордость—считать себя исполнившими свой долгъ передъ людьми, потому что они раздаютъ милостыню. Наконецъ, въ-третьихъ, благотворительность опасна, полагаетъ Джорджъ, имѣя въ виду католическое и англиканское духовенство, потому что она заставляетъ нашихъ представителей религіи поклоняться мамонѣ, увѣряя себя, что они служатъ Богу. Если бы, напр., французское духовенство не подставило, убаюкивая свою совѣсть, благотворительность вмѣсто справедливости, то вопіющія и чудовищныя злоупотребленія ancien régime не довели бы, разумѣется, страну до ужасовъ великой революціи... Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, благотворительность, не поддерживаемая справедливостью, не можетъ отнюдь привести къ благу и, перебирая всевозможныя употребленія, которыя могли бы сдѣлать богатые благотворители на свои деньги въ пользу народа, Джорджъ приходитъ къ заключенію, что ничего дѣйствительно полезнаго, въ смыслѣ серьезнаго уменьшенія бѣдности на землѣ, денежныя средства, такимъ образомъ расходуемыя, произвести не могутъ.

До сихъ поръ критика Джорджа носила обвинительный характеръ и сущность ея, главнымъ образомъ, сводилась къ уличенію папской энциклики въ грѣхахъ соціализма. Обратно съ этимъ, другая половина новой книжки американскаго мыслителя имѣетъ скорѣе оправ-

дательный характеръ: во-первыхъ, стремится защитить Генри Джорджа съ его приверженцами, или такъ называемую партію «людей единаго налога» (single tax men), отъ принадлежности ихъ въ свою очередь, будто-бы, къ соціалистамъ. Для этого онъ первоначально опредѣляетъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ соціалистовъ. При всемъ разнообразіи оттѣнковъ этой партіи, общій ихъ признакъ, говоритъ Джорджъ, состоитъ въ переходѣ всѣхъ капиталовъ, по крайней мѣрѣ, крупныхъ, включая также сюда, ошибочно, и землю, въ руки государства и государственномъ завѣдываніи всѣми важнѣйшими отраслями промышленности и торговли. При этомъ соціалисты предполагаютъ уничтожить ростъ или процентъ, который они признаютъ за зло, и прекратить барыши и наживу всевозможныхъ спекуляторовъ и посредниковъ, считаемыхъ ими безполезными и даже зловредными; они предполагаютъ отмѣнить существующую систему вознагражденія путемъ заработной платы и установить всеобщую кооперацію, и единовременно мечтаютъ уничтожить конкуренцію, которую они называютъ фундаментальной причиной бѣдственнаго положенія представителей труда. Наиболѣе умѣренные соціалисты, не заходя такъ далеко, стремятся однако, въ томъ-же направленіи бороться съ бѣдностью путемъ разнообразныхъ формъ государственнаго вмѣшательства. Такимъ образомъ, существенный характеръ соціализма заключается въ стремленіи къ расширенію государственныхъ функцій, ради исцѣленія соціальныхъ страданій; государственное управленіе и интеллигентный контроль организованнаго общества должны быть подстановлены на мѣсто конкуренціи и замѣнить собою свободную игру индивидуальныхъ желаній и усилій.

Къ нимъ, т. е. къ соціалистамъ, по мнѣнію Джорджа, въ силу принципіальнаго сходства, примыкаютъ близко еще двѣ категоріи лицъ или партій: Trades Unionists, т. е. сторонники рабочихъ союзовъ, и протекціонисты. Первые стремятся къ увеличенію заработной платы, пониженію рабочихъ часовъ и общему улучшенію положенія самихъ рабочихъ путемъ организаціи ихъ въ гильдіи или ассоціаціи, которыя должны установлять размѣры платы, ими взимаемой, и, какъ необходимое оружіе для этой цѣли, употребляютъ стачки, для которыхъ собираютъ фонды и дѣлаютъ складчину; протекціонистами-же, объясняетъ Джорджъ, присоединяя, такимъ образомъ, эту партію къ соціалистамъ (!?), называются лица, которыя хлопочутъ о правительственномъ запрещеніи или о таможенныхъ пошлинахъ на ввозъ иностранныхъ товаровъ, дабы регулировать промышленность, контролировать обмѣнъ въ каждой странѣ, и въ видахъ развитія собственной промышленности предупреждать соперничество иностранцевъ. «Въ дѣй-

ствительности-же, добавляетъ Джорджъ, протекціонисты лишь умножаютъ бюрократію, ограничиваютъ свободу и изобрѣтаютъ преступленія, плодя обманъ, контрабанду и общую порчу нравовъ».

Мы различаемся, говоритъ Джорджъ о своихъ сторонникахъ, во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ отъ трехъ указанныхъ партій: вѣря, что права собственности священны, мы смотримъ на насильственный коммунизмъ, напримѣръ, какъ на разбой, который ведетъ къ общему разрушенію. Точно также фундаментально различны мы, одинаково, какъ отъ анархистовъ, такъ и отъ соціалистовъ, «хотя съ послѣдними людей единаго налога иногда смѣшиваютъ»; первые, по нашему мнѣнію, игнорируютъ соціальную природу человѣка, а вторые — его индивидуальную. Кромѣ того, соціализмъ крайне непослѣдователенъ, не доискивается до корня вопроса, съ большой поверхностностью смѣшиваетъ часто дѣйствіе съ причиной и по-дѣтски сердится на камень, которымъ въ него попали. Замѣчая, напримѣръ, тенденцію заработной платы къ minimum'у, соціализмъ стремится уничтожить заработную плату; полагая, что естественный результатъ конкурренціи давитъ рабочаго, онъ стремится уничтожить конкурренцію разными ограниченіями, запрещеніями и проч. Приходя къ заключеніямъ, причинъ которыхъ онъ не доискивается, соціализмъ не видитъ, напримѣръ, что нѣкоторыя вредныя стороны капитала происходятъ вовсе не вслѣдствіе его натуры, но вслѣдствіе отнятія капитала у труда путемъ разлученія его съ землей, что создаетъ фиктивный капиталъ или, въ дѣйствительности, монополію капитала. Соціализмъ не видитъ, что капиталъ отнюдь не могъ-бы притѣснять трудъ, если бы труду имѣлся свободный доступъ къ естественному матеріалу производства; что система заработной платы, въ дѣйствительности, возникла благодаря обоюдному удобству, для обѣихъ сторонъ, являясь своего рода формой кооперацiи, и что «желѣзный законъ заработной платы» вовсе не составляетъ естественнаго закона платы, а существуетъ лишь при томъ ненатуральномъ положеніи, въ которомъ люди очутились безсильными, благодаря лишенію ихъ матеріаловъ для жизни и труда, т. е. земли. Соціализмъ не видитъ и ошибается, принимая за зло отъ конкурренціи то, что въ дѣйствительности является зломъ лишь отъ ограниченной конкурренціи и что оно обязано своимъ происхожденіемъ односторонему соперничеству, къ которому люди вынуждены, благодаря ихъ лишенію земли или установленію частной земельной собственности. Что касается до методовъ соціализма, въ родѣ, напримѣръ, ихъ фантазій объ организаціи людей въ промышленныя арміи, о правительственномъ управленіи и контролѣ всѣмъ производствамъ и обмѣну

и т. п., то это все слишкомъ напоминаетъ старый египетскій деспотизмъ, едва-ли мыслимый и возможный для современнаго цивилизованнаго человѣчества.

Мы различаемся отъ соціалистовъ, говоритъ опять Джорджъ о себѣ съ приверженцами, въ нашемъ діагнозѣ соціальнаго зла и различаемся также и въ средствахъ. Мы, напримѣръ, не боимся капитала, смотря на него, какъ на естественнаго слугу или помощника труда; мы считаемъ ростъ или процентъ самъ по себѣ естественнымъ и справедливымъ; мы отнюдь не наложили-бы никакихъ предѣловъ для накопленія или сбереженія капиталовъ и, вообще, не наложили-бы на богатыхъ никакой тягости, которая не лежала-бы въ равной степени и на бѣдныхъ; мы не видимъ, далѣе, никакого зла въ конкурренціи, но, напротивъ, считаемъ, что неограниченная конкурренція необходима для здоровья промышленнаго и соціальнаго организма въ такой-же степени, какъ свободное обращеніе крови нужно для здоровья тѣла. Но наиболѣе фундаментальное различіе заключается въ слѣдующемъ: соціализмъ во всѣхъ его фазахъ смотритъ на бѣдствія нашей цивилизаціи какъ на происходящія отъ неравенства и отсутствія гармоніи въ естественныхъ отношеніяхъ людей, которыя должны быть искусственно организованы и улучшены; отсюда проистекаетъ возлагаемая на государство обязанность раціонально организовать промышленныя отношенія людей, какъ-бы построить громадной величины машину, съ чрезвычайно сложными частями, которыя всѣ вмѣстѣ должны двигаться подъ управленіемъ высшаго человѣческаго разума. Съ другой стороны, мы, которые называемъ себя «людьми единаго налога», видимъ въ соціальныхъ и промышленныхъ отношеніяхъ людей не машину, которая требуетъ постройки и придумыванія особаго управленія, а лишь организмъ, который нуждается только въ ростѣ. Короче, все, что необходимо, по мнѣнію Джорджа, для прекращенія соціальныхъ золъ нашего времени, сводится къ двумъ пунктамъ: справедливости и свободѣ дѣйствій, и въ послѣднемъ онъ, разумѣется, рѣзко разнится отъ соціалистовъ; подъ справедливостью Джорджъ понимаетъ, конечно, націонализацію земли, путемъ установленія единаго налога. До тѣхъ поръ, пока этотъ идеалъ Джорджа не достигнутъ, всѣ усилія къ прекращенію или даже уменьшенію бѣдности на землѣ, по его мнѣнію, будутъ безполезны и тщетны. Такъ, дальнѣйшій ходъ техническихъ изобрѣтеній и ростъ человѣческаго генія въ этомъ отношеніи, принося сбереженіе труда, лишь можетъ уменьшить спросъ на руки и, слѣдовательно, понизить жалованье, и еще болѣе ухудшить положеніе рабочихъ классовъ, доставляя выгоды лишь однимъ землевладѣльцамъ.

Даже такое, по мнѣнію многихъ, величайшее благодѣяніе, какъ разоруженіе европейскихъ армій, въ дѣйствительности едва-ли принесетъ много пользы, бросивши на рынокъ труда массу лишнихъ рабочихъ рукъ, нынѣ отвлекаемыхъ военной службой. Однимъ словомъ, будутъ ли въ высшей степени увеличены производительныя силы народовъ, будутъ ли уничтожены ихъ огромные военные расходы, будутъ ли, наконецъ, сокращены всѣ издержки правительствъ на правосудіе, полицію и т. д. и всѣ управленія сдѣлаются образцами экономіи,—тѣмъ не менѣе, пока существуетъ поземельная собственность въ ея нынѣшнихъ формахъ, отъ всѣхъ этихъ реформъ и улучшеній получится, по Джорджу, для народовъ очень мало пользы.

Третья часть (по содержанію, но не по послѣдовательности изложенія) «Открытаго письма» Генри Джорджа посвящена разъясненію его странныхъ идей о поземельной собственности и «единомъ налогѣ», которымъ мы позднѣе дадимъ надлежащую критическую оцѣнку. Основныя посылки его воззрѣній, говоритъ Джорджъ, обращаясь къ папѣ, совершенно совпадаютъ съ его энцикликой: этотъ міръ составляетъ твореніе Божіе, а люди суть равныя созданія и равные предметы Его божественныхъ щедротъ и попеченій. По своему устройству человѣкъ имѣетъ извѣстныя физическія потребности, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ не только поддержаніе его физической жизни, но также развитіе умственное и духовное. Для удовлетворенія этихъ желаній, зависящихъ отъ собственныхъ усилій человѣка, Богъ далъ ему власть и вложилъ стремленіе къ труду, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей благости, даровалъ ему матеріалъ для работы. Этотъ матеріалъ есть земля; человѣкъ физически — земноводное животное, которое можетъ жить только на землѣ и отъ земли, а другими благодѣяніями, какъ солнечный свѣтъ и вода, онъ пользуется лишь при помощи земли; «будучи созданіями Творца, люди равно имѣютъ право на пользованіе землей», и всякое утвержденіе, которое отрицаетъ равное пользованіе землей, будетъ, по мнѣнію Джорджа, будто-бы, въ нравственномъ отношеніи, несправедливо. Далѣе, обращаясь къ праву собственности и развивая данное положеніе, онъ приходитъ къ заключенію, что люди, какъ индивиды, съ ихъ индивидуальными потребностями и властью и индивидуальными ея проявленіями, *имѣютъ право частной собственности на всѣ вещи, создаваемыя ихъ трудомъ*, — право, которое владѣлецъ можетъ переносить или передавать, но лишеніе котораго безъ его воли составляетъ воровство. Это право собственности является единственнымъ полнымъ и совершеннымъ правомъ этого рода и относится къ вещамъ, производимымъ *трудомъ*, отнюдь не касаясь предметовъ,

созданныхъ Богомъ; такимъ образомъ, если человѣкъ поймаетъ рыбу въ океанѣ, онъ пріобрѣтаетъ исключительное право собственности на эту рыбу, которое можетъ переносить продажей или дареніемъ на другое лицо, но онъ не можетъ получать подобное же право собственности на самый океанъ, такъ чтобы продать его, или подарить, или, наконецъ, запретить другимъ пользоваться имъ. Точно также, если построитъ вѣтряную мельницу, или посѣетъ зерно, то онъ тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на плоды своего труда, но не болѣе того, т. е. въ первомъ случаѣ онъ не можетъ заявить требованіе на исключительную собственность на вѣтеръ, который двигаетъ крылья его мельницы, и не въ состояніи продать его или запретить другимъ такъ или иначе утилизировать. Во второмъ примѣрѣ, онъ не можетъ получить подобнаго же права собственности на солнце, которое содѣйствовало созрѣванію его хлѣба, дождь, который его орошалъ, или почву, на которой онъ произросталъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, имѣются налицо непрерывные дары Божіи для всѣхъ поколѣній людей, которые всѣ ими могутъ пользоваться, но не могутъ захватывать въ свое исключительное владѣніе.

Такимъ образомъ, Джорджъ строитъ свою странную и однобокую трудовую теорію, приходя къ заключенію, что право собственности, относясь исключительно къ вещамъ, создаваемымъ трудомъ, не можетъ касаться земли, которой лишь можно пользоваться на правѣ владѣнія. По его мнѣнію, въ примитивномъ обществѣ частнаго владѣнія землей совсѣмъ не существовало и оно явилось лишь впослѣдствіи, ради обезпеченія права собственности на продукты труда. При этомъ, право владѣнія на первую и вообще на вещи, создаваемыя Богомъ, ограничено, тогда какъ на вторые, т. е. право частной собственности на плоды труда человѣка, за исключеніемъ случаевъ, диктуемыхъ чувствомъ самоохраненія,—безгранично. Но владѣніе землей, благодаря указанному свойству, имѣетъ одно послѣдствіе, которое рѣшительно отличаетъ ее отъ другихъ вещей; съ теченіемъ времени земля поднимается какъ въ продажной цѣнѣ, такъ и въ арендной платѣ, помимо тѣхъ усовершенствованій или улучшеній, которыя въ нее вложены владѣльцемъ или фермеромъ; этотъ «даровой прибавокъ къ земельной собственности (unearned increment of land values)» составляетъ ея характеристичную черту; эта прибавка къ стоимости земли получается, какъ скоро одинъ участокъ земли начинаетъ владѣльцу приносить бо́льшій доходъ, нежели другой, при одинаковомъ трудѣ, — что немедленно обнаруживается также при продажѣ или арендѣ даннаго участка.

Желая комбинировать вышеозначенную теорію трудовой собственности съ указанными особенностями и послѣдствіями землевладѣнія, Джорджъ приходитъ къ такому заключенію: «даровой прибавокъ земельной стоимости», составляя результатъ монополіи, не можетъ принадлежать частному лицу и долженъ поступить въ видѣ налога въ собственность государства. Вся земля остается, какъ нынѣ это имѣетъ мѣсто, въ частномъ или индивидуальномъ владѣніи, съ полной свободой ее продавать, дарить или передавать по наслѣдству; но владѣлецъ ея обязанъ уплачивать правительству налогъ, равный ежегодной рентѣ или помянутому «даровому прибавку къ земельной стоимости», исключая всѣ сдѣланныя на землю усовершенствованія. Этотъ «единый налогъ» долженъ собой, по проекту Джорджа, замѣнить всѣ существующіе нынѣ налоги и сборы, какъ государственные, такъ и мѣстные, которые затѣмъ прекращаются и въ то же время, благодаря указанному исключенію, единый налогъ является собственно не земельнымъ налогомъ, а точнѣе—конфискаціей земельной ренты въ пользу государства. Отсюда, изъ устройства этого «единаго налога», выводится цѣлый рядъ благодѣтельныхъ для людей послѣдствій, какъ въ матеріальномъ, такъ и моральномъ отношеніяхъ: онъ не отнялъ бы у отдѣльныхъ лицъ того, что, по справедливости, принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ; онъ не далъ бы преимуществъ однимъ лицамъ передъ другими при увеличеніи цѣны продуктовъ, благодаря косвеннымъ налогамъ; онъ не вводилъ-бы въ искушеніе владѣльцевъ разной собственности при показаніи ихъ дохода, дѣлая для нихъ выгоднымъ приносить ложную клятву, давать взятки или быть подкупаемыми; онъ не давилъ бы промышленности, не препятствовалъ бы развитію торговли, не задерживалъ бы частной предпріимчивости и не ставилъ-бы препонъ наибольшему производству и наилучшему распредѣленію богатствъ. Масса теперешнихъ разнообразныхъ налоговъ создаетъ необходимость цѣлой арміи сборщиковъ и иныхъ чиновниковъ, содержаніе которыхъ обходится очень дорого, а благодаря системѣ «единаго налога», придуманнаго Джорджемъ, они сдѣлаются-де излишними и безполезными и самымъ тѣмъ сберегутъ государству большія суммы, нынѣ растрачиваемыя непроизводительно.

Наконецъ, всѣ существующіе нынѣ налоги, по самоувѣренному утвержденію Джорджа, нарушаютъ, будто-бы, нравственный законъ: они берутъ силою то, что принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ: они даютъ преимущество людямъ съ шаткой совѣстью передъ людьми нравственно разборчивыми; они имѣютъ тенденцію увеличивать продажную цѣну предметовъ; они ведутъ къ подкупамъ и клятвопреступленіямъ, потря-

саютъ промышленность и штрафуютъ прилежаніе, уменьшаютъ общее богатство и обогащаютъ однихъ, способствуя обѣднѣнію прочихъ. Христіанство насъ учитъ, говоритъ Джорджъ, что всѣ люди — братья, и что всѣ ихъ интересы гармоничны и вполнѣ согласимы; между тѣмъ, покровительственная система таможенныхъ пошлинъ, говоритъ онъ, противна этому божественному закону и возвѣщаетъ законы народнаго преуспѣянія, совершенно несогласные съ вышеуказанными принципами; эта теорія санкціонируетъ народную ненависть и создаетъ всеобщую войну враждебныхъ тарифовъ, налагая на производства другихъ народовъ такія тягости, которыхъ люди не желаютъ видѣть на собственномъ производствѣ. Точно также, когда мы облагаемъ дома, жатву, капиталы, домашнюю обстановку или богатство во всѣхъ его формахъ, мы беремъ отъ индивидовъ то, что законно принадлежитъ имъ. Но когда мы возьмемъ у нихъ въ пользу государства поземельную ренту, которая имъ вовсе не принадлежитъ, а принадлежитъ цѣлому народу, мы, разумѣется, заключаетъ Джорджъ, не совершимъ ничего безнравственнаго, и даже, напротивъ, удержимъ отдѣльныхъ лицъ отъ нарушенія ими общаго права.

Нѣтъ вообще, кажется, тѣхъ благодѣяній, которыхъ Джорджъ въ своемъ увлеченіи не обѣщалъ бы человѣчеству вслѣдъ за осуществленіемъ своего фантастичнаго «единаго налога» на землѣ. «Онъ, т. е. «единый налогъ», утверждаетъ американскій мыслитель, «создастъ такое огромное производство богатствъ, о которомъ мы въ настоящее время едва ли можемъ и грезить; онъ разрѣшитъ рабочій вопросъ (т. е. соціальную проблемму) и разгонитъ тѣ мрачныя тучи, которыя заволокли горизонтъ нашей цивилизаціи; онъ сдѣлаетъ незаслуженную бѣдность болѣе незнакомой человѣчеству; онъ положитъ предѣлъ столь развитой нынѣ жадности къ пріобрѣтенію; онъ сдѣлаетъ возможнымъ для людей быть честными, правдивыми и нетребовательными; онъ отодвинетъ искушеніе ко многимъ порокамъ, какъ ложь, клятвопреступленіе, взяточничество и нарушеніе закона; онъ откроетъ и сдѣлаетъ доступными для всѣхъ, даже самыхъ бѣднѣйшихъ, комфортъ и утонченность передовой цивилизаціи; «единый налогъ», наконецъ, благоговѣйно восклицаетъ Джорджъ, очиститъ путь къ осуществленію царства правды и справедливости на землѣ и приведетъ къ изобилію, миру и общему благополучію и т. д. и т. д.» *). Короче, однимъ сло-

*) См. Resumé началъ «единаго налога», придуманнаго Джорджемъ и предполагаемыхъ имъ послѣдствій его установленія, подъ названіемъ: «The Single Tax. What it is and why we urdge it?» Bg. *Henry George.* Въ Ежегодникѣ, из-

вомъ, «единый налогъ», созданный пылкой фантазіей американскаго мыслителя, представляется ему новымъ Эдемомъ, дверью въ рай, о которомъ самый смѣлый умъ едва въ состояніи мечтать, и все это сдѣлается притомъ такъ просто, путемъ лишь установленія означеннаго «единаго налога», о которомъ, какъ предполагаетъ, вѣроятно, Джорджъ, никто и не думалъ раньше!!

Дальнѣйшее содержаніе новой книги Джорджа представляетъ собой лишь варьяціи на одну и ту же тему: важность націонализаціи поземельной собственности путемъ установленія «единаго налога» и характеристика тѣхъ или иныхъ недостатковъ, существующихъ въ настоящихъ поземельныхъ отношеніяхъ; онъ беретъ въ энцикликѣ отдѣльныя фразы и выраженія болѣе и менѣе неопредѣленнаго свойства или противорѣчивыя, и, съ ловкой діалектикой, ему свойственной, и образностью выраженій, выставляетъ на позорище слабое мѣсто энциклики и опровергаетъ его какой нибудь наглядной иллюстраціей и примѣромъ, заимствованнымъ изъ повседневной жизни или исторіи. Для избѣжанія безполезныхъ повтореній, мы ограничимся здѣсь приведеніемъ лишь немногихъ примѣровъ изъ этой полемики и только по нѣкоторымъ болѣе любопытнымъ пунктамъ: шестая глава папской энциклики, напримѣръ, говоритъ о томъ, что заработная плата рабочаго составляетъ его полную собственность и мотивъ самой работы. Рабочій, который сберегъ свой заработокъ и превратилъ его въ кусокъ земли, какъ бы только видоизмѣнилъ форму своего заработка, но, попрежнему, желаетъ сохранить его уже въ формѣ земли, въ полномъ и безусловномъ своемъ распоряженіи вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ. Соціалисты, поэтому, говоритъ папа, въ своихъ стараніяхъ уничтожить личную собственность, передавая ее государству, въ сущности, слѣдовательно, направляютъ свои усилія противъ лицъ рабочаго класса, ибо лишаютъ ихъ свободы распоряженія собственнымъ заработкомъ и всякой надежды и возможности создать для себя капиталъ и вообще улучшить условія своей жизни. Генри Джорджъ произвольно резюмируетъ мысль папы въ предѣлахъ одной строчки: «пріобрѣтенное на законныя средства составляетъ законную собственность», и, затѣмъ, легко, безъ большихъ усилій, оспариваетъ это столь банально выставленное положеніе. Ему достаточно указать на рабство, еще такъ недавно существовавшее въ Соединенныхъ Штатахъ, и привести два, три аргумента рабовладѣльцемъ, чтобы

даваемомъ ливерпульской ассоціаціей финансовыхъ реформъ. The Financial Reform Almanak 1891, стр. 51 и слѣд.

показать неосновательность такого разсужденія. «Вотъ бѣдный человѣкъ, который тяжело трудился всю жизнь, отказывалъ себѣ во всемъ и свои сбереженія употребилъ на пріобрѣтеніе нѣсколькихъ черныхъ рабовъ; неужели вы рѣшитесь ограбить этого бѣдняка, освободивши его рабовъ». Другой примѣръ: «Вотъ бѣдная вдова; все, что ея покойный мужъ въ состояніи былъ ей оставить, заключается въ нѣсколькихъ неграхъ, пріобрѣтенныхъ на сбереженія и труды его цѣлой жизни; неужели вы захотите похитить у несчастной вдовы и сиротъ послѣдній кусокъ хлѣба, освободивши ея негровъ?»

Точно такъ же Джорджъ сокращаетъ седьмую главу энциклики, посвященную папою развитію мысли, что «частная собственность составляетъ естественное право человѣка». Эта глава является у Джорджа въ видѣ афоризма, что «частная земельная собственность происходитъ или развивается, какъ результатъ человѣческаго ума и предусмотрительности». Онъ на это возражаетъ, что предусмотрительность-де бываетъ разнаго рода, почему далеко не всегда можетъ считаться законнымъ источникомъ пріобрѣтенія; напр., если караванъ путешественниковъ отправляется въ обширную безводную пустыню, то, разумѣется, нельзя не назвать умными и предусмотрительными тѣхъ путешественниковъ, которые возьмутъ съ собой запасъ воды, и эта вода гдѣ-нибудь въ Сахарѣ составитъ ихъ несомнѣнную законную собственность и капиталъ. Наоборотъ, если бы какой-либо изъ этихъ путешественниковъ захватилъ, допустимъ, въ свое исключительное пользованіе единственный источникъ въ этой пустынѣ и сталъ бы допускать желающихъ напиться изъ этого источника не иначе, какъ за деньги, то такая собственность не можетъ имѣть за собой легальнаго основанія, хотя ея происхожденіе можетъ основываться также на умѣ и предусмотрительности человѣка.

Точно также произвольно Джорджъ суммируетъ содержаніе главы восьмой энциклики: «частная земельная собственность никого не лишаетъ пользованія землей». Не зная или умышленно игнорируя извѣстное правило, выраженное во французской поговоркѣ: «comparaison n'est pas raison», Джорджъ приводитъ, въ видахъ опроверженія, цѣлый рядъ аналогическихъ примѣровъ, въ сущности ничего не опровергающихъ: «Представьте себѣ, говоритъ онъ, обращаясь къ папѣ, что вашему святѣйшеству, какъ судьѣ нравственности, представленъ былъ бы на разсмотрѣніе слѣдующій казусъ, долженствующій быть рѣшеннымъ по совѣсти: «мнѣ и нѣсколькимъ другимъ его дѣтямъ отецъ оставилъ поле, достаточное для нашего пропитанія; такъ какъ онъ не успѣлъ при жизни распредѣлить наслѣдства между нами, пре-

доставивши дѣлежъ намъ самимъ, то я, будучи старшимъ, взялъ все поле въ свою исключительную собственность; но, поступая такимъ обзомъ, я отнюдь не лишилъ моихъ братьевъ возможности пользованія землей и полученія заработка, потому что я даю имъ работу на томъ же самомъ полѣ, платя отъ получаемаго продукта такое же жалованье, какъ и чужимъ. Имѣю ли я основаніе, спрашиваетъ въ заключеніе истецъ, быть покойнымъ и считать свою совѣсть вполнѣ чистой и удовлетворенной?» «Каковъ будетъ на этотъ вопросъ вашъ отвѣтъ?» искушаетъ Джорджъ папу. «Не скажете ли вы просителю, что онъ совершилъ смертный грѣхъ и что объясненіе лишь усугубляетъ его виновность? Не прикажете ли вы тотчасъ ему возвратить должную часть земли братьямъ и принести покаяніе?»

Мы ограничимся лишь этими тремя выдержками изъ означеннаго отдѣла полемики Джорджа (всѣхъ положеній въ этой главѣ (II) восемь). Сказаннаго совершенно достаточно, чтобы придти къ заключенію, что эта часть труда Джорджа, какъ и все, что онъ пишетъ, представляетъ достаточный запасъ остроумія, живости, образности, но, въ то же время, недостатокъ глубины мысли, а вслѣдствіе этого также и недостатокъ уваженія къ аргументаціи противника и удивительную односторонность логики. Во всякомъ случаѣ, изложеніе остальныхъ пяти тезисовъ или афоризмовъ, имъ обсуждаемыхъ, не могло бы ничего прибавить къ нашему сужденію о его новой книгѣ, а потому мы перейдемъ прямо къ подведенію итоговъ и къ оцѣнкѣ содержанія высказанныхъ положеній.

III.

Останавливаясь прежде всего на папскомъ посланіи, подавшемъ поводъ къ настоящей книгѣ Джорджа, съ содержаніемъ которой мы только что познакомились, мы должны придти къ заключенію, что оно составляетъ, во всякомъ случаѣ, что бы ни приводилъ противъ него Джорджъ или другіе его критики, весьма знаменательное явленіе нашего времени. Еще сравнительно недавно, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ тому назадъ, въ образованныхъ классахъ Европы и Америки, за исключеніемъ небольшого кружка лицъ, соціальный вопросъ совершенно игнорировался; кромѣ Англіи, законодательство большинства государствъ имъ занимались весьма мало, да и тамъ онъ игралъ на ряду другихъ вопросовъ роль еще мало замѣтную. Извѣстный авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, Джорджъ Гоуэлль, говоритъ въ предисловіи къ своему новому изданію его крупнаго сочиненія по исторіи соціаль-

наго вопроса въ Великобританіи, что даже десять лѣтъ тому съ небольшимъ, тѣ самые «рабочіе союзы», которыхъ такъ восхваляетъ и рекомендуетъ нынѣ папская энциклика, «подвергались поношенію повсюду одинаково: въ печати, на ораторской платформѣ, съ церковной каѳедры и въ парламентѣ» *). Теперь мы видимъ уже далеко не то: наука снизошла до соціальнаго вопроса и усердно имъ занимается во всѣхъ университетахъ всего цивилизованнаго міра, а печать вездѣ удѣляетъ ему на своихъ страницахъ значительное мѣсто. Государство, покровительствуя рабочимъ, старается взять соціальный вопросъ въ свое вѣдѣніе и пытается бороться этимъ путемъ, какъ наиболѣе вѣрнымъ, съ крайностями и увлеченіями уличнаго соціализма. Въ свою очередь духовенство на Западѣ и въ Америкѣ хорошо поняло также всю важность захватить новое движеніе въ свои руки и удержать тѣмъ самымъ руководительство своей паствы; католическое духовенство долго держалось въ сторонѣ, но сила обстоятельствъ взяла свое и въ этомъ отношеніи. Не смотря на католическую централизацію и дисциплину, движеніе началось снизу и, если вѣрить Джорджу, къ числу его сторонниковъ, и, судя по выдержкамъ изъ ихъ трудовъ, весьма рѣшительныхъ, принадлежатъ уже не только католическіе священники, но даже епископы (Bischop of Meath въ Ирландіи). Наконецъ, папа признаетъ по необходимости совершившійся фактъ и, издавая свою настоящую энциклику, предполагаетъ сжать жатву, которой не сѣялъ. Конечно, неизвѣстно, какой исходъ будетъ имѣть это новое направленіе папской политики; во всякомъ случаѣ, энциклику нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ и ловкимъ шагомъ по данному пути. Соціальный вопросъ созрѣлъ на столько, что католичество, уже изъ опасенія—если не растерять свою паству, то, по крайней мѣрѣ, чтобы не вводить въ соблазнъ и искушеніе своихъ вѣрующихъ сыновъ, обязано было, такъ сказать, оріентироваться въ соціальномъ вопросѣ и выработать себѣ извѣстный планъ поведенія въ этомъ отношеніи.

Въ свою очередь, Генри Джорджъ воспользовался настоящимъ случаемъ для новой пропаганды своихъ воззрѣній о «единомъ налогѣ» и національзаціи земельной собственности. Хотя онъ весьма почтительно въ заключеніи книги приглашаетъ папу обдумать и обсудить приводимые имъ аргументы и доводы, но едва ли онъ въ состояніи допустить серьезно мысль, чтобы римскій первосвященникъ рѣшился сдѣлаться противникомъ частной земельной собственности и сторонни-

*) The Conflicts of Capital and Labour by *George Howell*, M. P. London. 1890.

комъ радикальнѣйшей финансовой реформы, какую видѣлъ когда-либо свѣтъ. Изобличеніе папы въ соціализмѣ, нами достаточно изложенное, и даже насмѣшливый, пожалуй, мѣстами тонъ его обращенія, устраняютъ состоятельность этого предположенія и укрѣпляютъ убѣжденіе, что папское посланіе играетъ для Джорджа только роль новаго орудія для популяризаціи его общеизвѣстныхъ стремленій къ земельной реформѣ путемъ замѣны существующихъ формъ обложенія—экспропріаціей земельной ренты или установленіемъ «единаго налога» на такъ называемой «даровой прибавокъ». Какъ послѣдовательный и упорный фанатикъ, Джорджъ пользуется всякимъ случаемъ для распространенія своихъ воззрѣній и укрѣпленія ихъ въ умахъ людей.

Обратимся теперь въ заключеніе къ данной схемѣ Джорджа и постараемся отвѣтить хоть вкратцѣ, на сколько его теорія «единаго налога» можетъ, во-первыхъ, имѣть важное значеніе для разрѣшенія соціальнаго вопроса, какъ воображаетъ, мы видѣли, самъ Джорджъ, и во-вторыхъ, на сколько «единый налогъ» удовлетворяетъ требованіямъ справедливости и осуществимъ на практикѣ?

Прежде всего, какъ мы неоднократно указывали, планъ Джорджа поражаетъ своею односторонностью: онъ беретъ одинъ факторъ народнаго богатства—землю, предполагаетъ произвести съ ней важную финансовую реформу, перенести на нее всю тягость государственныхъ, городскихъ, мѣстныхъ и иныхъ налоговъ и сборовъ, нынѣ взимаемыхъ съ разнообразнѣйшихъ источниковъ и различными способами и, затѣмъ, считаетъ уже соціальный вопросъ поконченнымъ. Правда, земля является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ народнаго богатства и крупнымъ источникомъ дохода; но въ послѣднемъ именно отношеніи не слѣдуетъ игнорировать, что земля въ наше время далеко не играетъ уже, какъ прежде, преобладающей роли въ народномъ хозяйствѣ во многихъ цивилизованныхъ странахъ. Лучше всего въ этомъ возможно убѣдиться на основаніи статистическихъ данныхъ, относящихся къ распредѣленію занятій въ современныхъ государствахъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ извѣстнымъ Мюльгалемъ въ его статистическомъ словарѣ, Великобританія съ Ирландіей, напр., имѣютъ ежегоднаго народнаго дохода (валового) 1984 милліоновъ фунт. стерл., изъ которыхъ отъ земледѣлія получается всего лишь 251 милл.; во Франціи имѣется всего народнаго дохода 1361 милліоновъ фунт. стерл., изъ которыхъ земледѣліе даетъ 460 милліоновъ; въ Германіи всего дохода 1505 милл. фунт. стерл., а изъ нихъ отъ земледѣлія 424 милліоновъ, наконецъ, Россія всецѣлаго народнаго дохода (валового) имѣетъ 1155 милл. ф. стерл., а изъ нихъ приходится на землю 563 милл.

Такимъ образомъ, кромѣ Россіи, гдѣ, по разсчету Мюльгаля, половина всего дохода получается отъ земледѣлія, во всѣхъ остальныхъ великихъ странахъ валовой народный доходъ отъ земледѣлія составляетъ лишь отъ $^1/_7$ до $^1/_3$ всего народнаго дохода. Для всей Европы, наконецъ, Мюльгаль даетъ ежегодный народный доходъ 8927 милл. ф. ст. и изъ нихъ земледѣліе доставляетъ лишь 2845 милл. ф. ст., тогда какъ, напримѣръ, мануфактуры всякаго рода даютъ 3030 милл. ф. ст. для всей Европы, торговля—2317 милл. ф. ст. и т. д. Однимъ словомъ, для всей Европы земледѣліе, какъ источникъ ежегоднаго народнаго дохода, представляетъ собою въ среднемъ не болѣе $^1/_3$ валовой цифры. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, родинѣ Генри Джорджа, не смотря на ея значеніе какъ важнѣйшей экспортной хлѣбной страны, земледѣльческій доходъ валовой равняется 776 милл. ф. ст., въ то время, какъ мануфактуры въ ней даютъ 1443 милл. ф. ст., а весь народный доходъ равняется 2877 милл., т. е. земледѣліе опять-таки выражаетъ собой не болѣе $^1/_4$ народнаго богатства.

Но этого мало: не только относительное значеніе земли уступаетъ въ большинствѣ образованныхъ государствъ въ общей суммѣ народнаго дохода другимъ источникамъ, но съ теченіемъ времени, не смотря на быструю распашку новыхъ земель и всевозможныя агрономическія усовершенствованія и прогрессъ нашего времени, другія отрасли народнаго дохода, какъ мануфактуры, торговля, горное дѣло, опережаютъ земледѣліе и его относительное значеніе понижается. Напр., въ то время, какъ земледѣліе во всѣхъ важнѣйшихъ культурныхъ странахъ всего свѣта, вмѣстѣ взятыхъ, съ 1820 по 1888 г. выросло на 270%, мануфактуры—на 536%, торговля—990%, транспортное дѣло—376%, а горное—1320%. Благодаря этой неравной степени развитія разныхъ отраслей промышленности, земледѣліе, которое въ 1820 году давало свыше 50% всего народнаго дохода въ среднемъ для всѣхъ образованныхъ странъ, въ 1840 году—уже только 44,8%; въ 1860—35,6% и, наконецъ, въ настоящее время, въ 1888 г.—30,5%, т. е. *относительное* значеніе земледѣлія, судя по этимъ цифрамъ, на ряду другихъ источниковъ народнаго дохода постепенно и даже довольно быстро склоняется къ упадку *),

Этотъ статистическій выводъ съ перваго взгляда какъ бы противорѣчитъ общепринятому и распространенному по этому поводу убѣжденію о сравнительной важности земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ: земледѣ-

*) The Dictionary of Statistics by *Michael G. Mulhall*, London. 1892. Стр. 324 341 и др.

ліе, какъ добывающая промышленность, доставляетъ не только все нужное пропитаніе человѣку, но даже и большинство сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ послѣ той или иной переработки для пользованія людей, и, тѣмъ не менѣе, мы видимъ—основная и почтенная профессія земледѣльца даетъ образованному міру лишь $^1/_3$ часть дохода, ежегодно получаемаго, что объясняется двумя главными причинами: трудъ земледѣльца въ умѣренномъ и холодномъ климатѣ, слѣдовательно въ огромной части Европы и Сѣв. Америки, продолжается, уже въ силу природныхъ свойствъ, далеко не цѣлый годъ, а лишь отъ 5-ти до 8-ми мѣсяцевъ въ году, въ теченіе которыхъ земледѣлецъ долженъ окупить съ избыткомъ свое существованіе за все время; часть года, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ, такимъ образомъ, пропадаетъ для земледѣльца непроизводительно, если только (что происходитъ сравнительно рѣдко) его земледѣльческій трудъ не связанъ съ какимъ нибудь другимъ промысломъ. Между тѣмъ, огромное большинство иныхъ занятій, въ томъ числѣ даже такихъ близкихъ къ земледѣлію, какъ горное дѣло, не говоря о торговлѣ и фабричной промышленности, происходятъ круглый годъ и ни одного часа задаромъ не пропадаетъ. Кромѣ того земледѣліе прогрессируетъ гораздо медленнѣе другихъ занятій и промысловъ по своей общей доходности, во-первыхъ, вслѣдствіе своей естественной монополіи или ограниченности пространства земли, годной для обработки *), и, во-вторыхъ, вслѣдствіе общей отсталости пріемовъ земельной культуры и затруднительности примѣненія къ ней фабричныхъ способовъ веденія дѣла. Поэтому, какія бы реформы ни совершались въ землевладѣніи и какъ бы быстро ни распространялись агрономическія свѣдѣнія и улучшенные способы веденія сельскаго хозяйства,—тѣмъ не менѣе *относительное* значеніе земледѣлія, какъ источника народнаго дохода, будетъ всегда имѣть тенденцію къ уменьшенію, а не увеличенію сравнительнаго дохода, какъ это имѣетъ мѣсто съ другими промыслами.

Этихъ приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы придти къ заключенію, что какъ ни важно земледѣліе, какъ народный промыселъ, но земельная реформа, проектируемая Джорджемъ, даже предполагая,

*) Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что природныя качества или плодородіе земли все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе и, наоборотъ, раціональная культура, т. е. знаніе, соединенное съ капиталомъ, обѣщаютъ въ будущемъ наиболѣе крупныя и вѣрныя жатвы. См. по этому предмету превосходную статью Этуотера: «The Food-Supply of the Future». By *Atwater*. Въ американскомъ журналѣ «The Century». 1891. November. Стр. 101 и далѣе.

на что нѣтъ никакихъ основаній, ея правильность и осуществимость, отнюдь не уничтожитъ бѣдности на землѣ и вообще не въ состояніи произвести тѣхъ чудодѣйственныхъ послѣдствій, которыхъ ожидаетъ американскій писатель, уже по тому одному, что $^2/_3$ теперешняго богатства создаются, мы видѣли, совсѣмъ не земледѣліемъ, а другими промыслами. Сверхъ того, на всемірномъ рынкѣ, въ настоящее время, въ важнѣйшихъ продуктахъ, какъ, напр., въ зерновомъ хлѣбѣ, замѣчается, кромѣ случайно неурожайныхъ годовъ, въ родѣ нынѣшняго, избытокъ многихъ продуктовъ, *перепроизводство*, а потому практическое осуществленіе односторонніхъ фантазій Джорджа можетъ лишь усилить это зло, привлекши руки къ обработкѣ такихъ земель, которыя нынѣ могутъ находиться внѣ культуры, и отвлекши одновременно значительное количество работниковъ отъ другихъ промысловъ. Все это вмѣстѣ можетъ лишь кончиться большимъ и серьезнымъ кризисомъ и потрясеніемъ всѣхъ экономическихъ отношеній, безъ важнаго измѣненія въ судьбѣ промышленныхъ и рабочихъ классовъ народа, главнымъ образомъ выдѣляющихъ изъ себя главнѣйшее зло нашего времени—пролетаріатъ.

Но планъ Джорджа, помимо приведенныхъ соображеній, отличается одинаково какъ теоретической несостоятельностью, такъ и практической неосуществимостью. «Единый налогъ», съ помощью котораго онъ предполагаетъ осуществить свою важную реформу націонализаціи земли, составляетъ весьма старую мысль, привлекательную по внѣшности и непригодную по внутреннему содержанію, какъ всякая фантазія, не имѣющая подъ собой почвы въ дѣйствительности. Не говоря объ извѣстныхъ французскихъ попыткахъ этого рода еще въ прошломъ вѣкѣ у многихъ физіократовъ и знаменитаго маршала Вобана, планы всевозможныхъ единыхъ налоговъ встрѣчаются у англичанъ и американцевъ десятками, если не сотнями. Такъ, еще въ 1792 г., знаменитый *Томасъ Пэнъ*, въ своемъ сочиненіи «Права человѣка» (Rights of Man), предлагалъ принудительное раздѣленіе поземельной собственности путемъ особой организаціи ея обложенія, доходившаго до конфискаціи; *Монтгомери Мартинъ* въ 1833 г. предлагалъ уничтожить всѣ налоги, замѣнивъ однимъ крупныхъ размѣровъ *патентнымъ сборомъ*. *Самуилъ Кобгемъ* (Cobham) въ Лондонѣ, въ 1845 и 1848 гг. напечаталъ подобный же проектъ установленія единаго *подоходнаго налога*; въ томъ же году и однородный съ нимъ проектъ издалъ въ Дублинѣ (1848 г.) *Джонъ Гемпденъ* (Hampden); въ 1840 г. *Барберъ* въ Бостонѣ напечаталъ изслѣдованіе, въ которомъ доказывалъ необходимость отмѣны всѣхъ налоговъ и замѣны ихъ однимъ крупнымъ *поголовнымъ* нало-

гомъ; въ томъ же году *Джонъ Матсонъ* въ Лондонѣ предложилъ, единовременно съ отмѣной всѣхъ таможенныхъ и акцизныхъ сборовъ, однообразный *налогъ на собственность* *). Нѣтъ сомнѣнія, что осуществленіе подобныхъ плановъ «единаго налога» представляетъ большія и разнообразныя выгоды: во-первыхъ, съ уничтоженіемъ всѣхъ разнообразныхъ налоговъ, сборовъ и пошлинъ исчезла бы масса формальностей, опутывающихъ нынѣ индивидуальную экономическую дѣятельность, а это дало-бы сильный толчекъ развитію торговли и промышленности. Затѣмъ, со введеніемъ «единаго налога» вмѣсто нынѣшнихъ многихъ, разумѣется, значительно сократились-бы издержки на взиманіе, и народъ сберегъ-бы много денегъ, которыя нынѣ расходуются непроизводительно: на кадастры, на охрану отъ контрабанды, надзоръ, контроль и проч.

Но какъ ни обольстительны эти преимущества «единаго налога», почему человѣчество такъ часто къ нему и обращается, введеніе его повсюду и всегда признавалось невозможнымъ и проекты подобнаго рода считаются лишь плодомъ фантазіи. Расходы современныхъ государствъ достигаютъ такихъ громадныхъ суммъ, что если бы идея о «единомъ налогѣ» могла осуществиться, то пришлось-бы установить чрезвычайно высокій процентъ обложенія, приблизительно въ 30% и болѣе съ дохода, тогда какъ ниодинъ изъ крупнѣйшихъ подоходныхъ налоговъ нашего времени никогда не превышалъ 10%. Не говоря уже о возможности открытаго сопротивленія гражданъ такому налогу, высота его послужила-бы непреодолимымъ побужденіемъ къ сильнѣйшимъ обманамъ, утайкамъ и уклоненіямъ и повлекла-бы за собою массу постоянныхъ недоимокъ, чѣмъ самый бюджетъ былъ-бы поставленъ на шаткую почву. Съ другой стороны, противъ этой системы говоритъ невозможность установить ее съ надлежащей справедливостью. Всякій налогъ, каковъ-бы онъ ни былъ, заключаетъ въ себѣ извѣстную долю несправедливости, вслѣдствіе несовершенства его раскладки и невозможности принять во вниманіе условія его переложенія. При существованіи въ государствѣ мелкихъ спеціальныхъ налоговъ, эта неравномѣрность отъ ошибки или утайки не представляется существенной, ибо уравнивается другими налогами; иное дѣло при налогѣ крупномъ въ 25—30%; тутъ малѣйшая ошибка или наноситъ громадный вредъ плательщику, и потому можетъ имѣть для страны самыя гибельныя послѣдствія, или дастъ одному лицу значительную

*) Tracts of the Liverpool Financial Reform Association. 1851. Liverpool. № 26. «Plans of Direct Taxation-Reviewed». Стр. 7—16. № 27. Стр. 1—12.

незаслуженную выгоду въ ущербъ всему остальному обществу. Кромѣ того, благодаря переложенію налоговъ, государство никакъ не можетъ сказать опредѣленно, что такое-то лицо, платящее извѣстную сумму налога, будетъ нести ее на себѣ, а не сложитъ новымъ бременемъ на плечи другого человѣка. При разнообразіи налоговъ, лицо, перелагающее одинъ налогъ, можетъ быть обложено другимъ и получить въ свою очередь на себя переложеніе третьяго налога, такъ что равномѣрность общаго обложенія все-таки, при извѣстномъ устройствѣ податной системы, можетъ считаться приблизительно достигнутой; напротивъ, при «единомъ налогѣ» для переложенія нѣтъ корректива въ другихъ налогахъ, и потому вызываемая неравномѣрность была-бы весьма ощутительна: одно лицо платило-бы очень много, другое — мало, третье не платило-бы совсѣмъ,—словомъ, оправдались-бы слова Прудона, который называетъ «единый налогъ»—«суммой несправедливости» *).

Но ко всѣмъ этимъ соображеніямъ, дѣлающимъ до сихъ поръ невозможнымъ осуществленіе «единаго налога», къ реформѣ Генри Джорджа присоединяется еще причина, значительно усложняющая обстоятельства дѣла: всѣ почти подобные планы или фантазіи имѣютъ обыкновенно въ виду дружелюбное разрѣшеніе для всѣхъ классовъ вопроса и предполагаютъ равномѣрное (хотя-бы и ошибочно) разнесеніе тяжести на весь народъ. Между тѣмъ, сущность «единаго налога» Джорджа или экспропріаціи земельной ренты заключается въ лишеніи одного класса его собственности ради интересовъ всѣхъ другихъ и, разумѣется, ограбленіе, какъ-бы оно ни называлось, никогда не можетъ сдѣлаться основой правильной государственной жизни, или источникомъ человѣческаго благополучія, а одно зло всегда породитъ лишь другое, вящшее. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самый разсчетъ Джорджа замѣнить экспропріированной рентой всѣ существующіе налоги и сборы не только проблематиченъ, но даже, можно считать, для большинства государствъ прямо ошибоченъ: ограничимся для примѣра одной лишь Великобританіей, такъ какъ въ ней, конечно, цѣна земли и высота ренты выше, за немногими исключеніями (небольшихъ пространствъ), чѣмъ гдѣ либо, вѣроятно, на земномъ шарѣ, а финансовое управленіе отличается своимъ образцовымъ порядкомъ и бережливостью. Что-же мы увидимъ въ данномъ случаѣ, если предположимъ планъ Джорджа осуществленнымъ? Согласно из-

*) См. мою книгу: «Основныя начала финансовой науки». Петербургъ, 1890. Стр. 279—280.

вѣстному «Ежегоднику» *Кельти*, за 1888 г. (за позднѣйшій годъ нѣтъ полныхъ данныхъ), земскіе доходы для Соединеннаго Королевства составляли 67 милл. фунт. стерл. и государственный доходъ—89 милл. ф. стерл., а всего въ совокупности, слѣдовательно, 156 милл. фунт. стерл. Размѣръ земельной ренты, которая должна, по Джорджу, замѣнить собой всѣ виды доходовъ, показывается по различнымъ свѣдѣніямъ весьма неодинаково: такъ по Мюльгалю за 1888 годъ вся земельная рента для Соединеннаго Королевства составляла 61.250,000 ф. стер. и упала противъ 1880 года на цѣлыхъ 14% для Англіи и 13% для Шотландіи; по свѣдѣніямъ-же земскимъ или мѣстнаго управленія (Local Government Report), весьма устарѣвшимъ за 1878 годъ, рента равнялась для всего государства 95.190,000 фунт. стерл. Если даже принять для руководства послѣдній крупный размѣръ ренты, а она несомнѣнно стоитъ теперь гораздо ниже, то и тогда все-таки въ результатѣ окажется 156—95=61, т. е. для нуждъ и потребностей Великобританіи, въ случаѣ осуществимости «единаго налога» Джорджа, не хватило-бы ежегодно 61 милл. фунт. стерл.! Если подобный выводъ получается относительно богатѣйшей страны Европы съ высоко развитымъ земледѣліемъ и плотнымъ населеніемъ, то что-же можно сказать о приложеніи на практикѣ схемы Джорджа въ любой странѣ, бѣдной капиталами и съ рѣдкимъ населеніемъ? Само собою разумѣется, что въ подобныхъ странахъ проектъ Джорджа окажется еще менѣе осуществимымъ, и «единый налогъ» даже при успѣхѣ его организаціи не покроетъ и однихъ лишь государственныхъ расходовъ *).

*) The Statesman's Year-Book. 1891. By. J. Scott *Keltie*. London. 1891. Стр. 41 и 52. А также The Dictionary of Statistics. By *Mulhall*. London. 1892. Стр. 341.

ПЬЯНСТВО КАКЪ СОЦІАЛЬНЫЙ НЕДУГЪ

И БОРЬБА ПРОТИВЪ НЕГО.

„Vires unitae agunt".

Наряду съ иными трудно разрѣшимыми соціальными проблемами, которыя съ незапамятныхъ временъ занимаютъ все человѣчество и привлекаютъ вниманіе въ одинаковой степени—законодателей, моралистовъ, соціологовъ и врачей, видное мѣсто всегда занималъ, по своей важности, вопросъ о неумѣренномъ употребленіи хмельныхъ напитковъ и вытекающихъ отсюда разнообразныхъ послѣдствіяхъ какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для цѣлаго общества. Въ глазахъ врача пьянство есть болѣзнь, вредно дѣйствующая на организмъ человѣка, порождающая въ немъ извѣстныя патологическія явленія, которыя весьма нерѣдко приводятъ къ смерти или, по крайней мѣрѣ, ускоряютъ ее; въ психическомъ же отношеніи пьянство является болѣзнью воли и часто приводитъ за собой коллизію сознанія человѣка съ его поступками. Моралистъ въ пьянствѣ видитъ порокъ, подтачивающій и искажающій нравственныя силы человѣка, и источникъ значительнаго и разнообразнаго зла. Соціологамъ и экономистамъ пьянство представляется вредной народной привычкой, приводящей за собою безполезную многомилліонную растрату богатства и важную нерѣдко задержку производительности народнаго труда и самому разрѣшенію соціальнаго вопроса. Наконецъ, каждый знаетъ, что для государственныхъ финансовъ пьянство или, точнѣе, потребленіе хмельныхъ напитковъ служитъ, хотя, можетъ быть, и весьма нежелательнымъ, но очень прибыльнымъ, а иногда трудно замѣнимымъ и удобнымъ способомъ взиманія налоговъ — и слѣдовательно вѣрнымъ источникомъ государственнаго дохода. Само собою разумѣется, что послѣднее обстоятельство не можетъ не приниматься въ разсчетъ законодательствомъ,

и поэтому всѣ вопросы, связанные съ пьянствомъ, всегда привлекали къ себѣ вниманіе государственныхъ людей.

Такимъ образомъ, при разныхъ точкахъ возрѣнія на пьянство всѣ сходятся, однако, на одномъ—на его вредѣ, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи. Даже противники всякихъ репрессивныхъ мѣръ противъ этого соціальнаго недуга, а равно и защитники питейныхъ налоговъ, какъ источника государственнаго дохода, одинаково признаютъ, въ бо̀льшей или ме́ньшей степени, пагубность его результатовъ и стараются потребленіе хмельныхъ напитковъ отдѣлить отъ злоупотребленія ими или обставить, наконецъ, извлеченіе государственныхъ доходовъ отъ напитковъ такими условіями, которыя дѣлали бы ихъ наименѣе вредными для блага народа.

При всемъ этомъ сходствѣ воззрѣній на результаты пьянства мнѣнія о его причинахъ и также о способахъ его уменьшенія, обратно, крайне разнообразны и часто діаметрально противоположны. Дѣло въ томъ, что всѣ сужденія о пьянствѣ совершенно субъективны и въ бо̀льшей степени, нежели по какому-либо иному соціальному вопросу, зависятъ отъ личныхъ взглядовъ, вкусовъ и пріемовъ наблюденія. Прежде всего никакой общей и сколько нибудь точной мѣрки для сужденія здѣсь не существуетъ. Объяснимъ нашу мысль примѣромъ. Если мы судимъ, положимъ, о санитарномъ состояніи двухъ какихъ-либо мѣстностей или объ образованіи ихъ жителей, мы имѣемъ для сужденія общепринятые масштабы, которые при ихъ наличности дадутъ намъ возможность сдѣлать съ значительной вѣроятностью наши умозаключенія по трактуемому вопросу. Такъ, данныя о заболѣваемости или смертности могутъ доставить необходимый матеріалъ для рѣшенія вопроса, которая изъ сравниваемыхъ мѣстностей въ санитарномъ отношеніи благопріятнѣе; данныя относительно грамотности жителей, распространенія книгъ, журналовъ и т. п., даютъ право судить часто съ большой достовѣрностью о превосходствѣ образованія одной мѣстности передъ другой. Ни одной подобной мѣрки той же степени достовѣрности для правильнаго сужденія о вопросахъ пьянства не существуетъ, и самый фактъ пьянства не поддается регистраціи. Во-первыхъ, статистики пьянства не существуетъ, да и по самому свойству явленія не можетъ существовать: лишь въ немногихъ странахъ, какъ во Франціи, Норвегіи, Голландіи (по закону 1881 года) и Галиціи (Австрія) появленіе пьянаго въ публичномъ мѣстѣ можетъ повести къ его задержанію полиціей на улицѣ, и, слѣдовательно, пьяный попадетъ въ статистику; но и въ этихъ странахъ масса охмелѣвшихъ лицъ, согласно изслѣдователямъ, ускользаетъ изъ-подъ контроля

полиціи; въ огромномъ же большинствѣ государствъ и случаевъ, пьяный задерживается и, слѣдовательно, региструется въ томъ только случаѣ, если производитъ скандалъ или поднятъ полиціей въ безпомощномъ видѣ на улицѣ. Наконецъ, пьянство въ четырехъ стѣнахъ дома совсѣмъ не обнаруживается и ускользаетъ совершенно изъ-подъ наблюденія. Итакъ, самый естественный и прямой масштабъ для сужденія о размѣрахъ пьянства—число пьяныхъ—оказывается неосуществимымъ и немыслимымъ, а потому взамѣнъ того приходится изслѣдователю прибѣгать къ косвеннымъ способамъ для удостовѣренія факта пьянства, къ сожалѣнію, въ одинаковой степени неточнымъ и несовершеннымъ. Таковымъ, напр., является для сужденія о размѣрахъ пьянства количество арестованныхъ, что̀, какъ было объяснено, даетъ крайне неполную картину пьянства и находится, притомъ, въ зависимости отъ строгости или слабости полиціи, ея численности и пр.; другой мѣркой иногда служитъ число такъ называемыхъ опившихся, или умершихъ отъ алкоолизма или delirium tremens; но даже при совершенной полнотѣ данныхъ этого рода они не могутъ быть солиднымъ основаніемъ для сужденія о размѣрахъ пьянства уже потому, что, какъ доказано нынѣ наукой, разные виды алкооля производятъ въ разной степени сильное проявленіе означенной болѣзни и, слѣдовательно, напримѣръ, при *равной* степени пьянства въ двухъ странахъ, но при различныхъ національныхъ напиткахъ, смертность отъ алкоолизма можетъ быть весьма различна. Третьей любимой мѣркой степени распространенія пьянства является обыкновенно размѣръ потребленія напитковъ; но и эта мѣрка, въ сущности, имѣетъ весьма условное значеніе, требуетъ осторожности и основывается на смѣшеніи двухъ различныхъ понятій—*потребленіе* и *злоупотребленіе*, которыя, конечно, отождествлять не слѣдуетъ. Народъ можетъ потреблять значительное количество хмельныхъ напитковъ и въ то же время не злоупотреблять ими—и наоборотъ. Англія, напр., потребляетъ большее количество напитковъ, чѣмъ Ирландія, а между тѣмъ, согласно всѣмъ свидѣтельствамъ, въ послѣдней пьянство гораздо сильнѣе, нежели въ первой. Такое же, вѣроятно, отношеніе существуетъ между Германіей и Англіей: если-бы перевести на градусы алкооля количество пива, потребляемаго первой страной, то она, вѣроятно, превзошла бы вторую; пьянство же, въ смыслѣ *злоупотребленія* напиткомъ, нѣтъ сомнѣнія, больше въ Англіи, чѣмъ въ Германіи *). Даже въ одной и той же странѣ, какъ

*) См. объ этомъ въ моей книгѣ: «Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ». Москва, 1874 г., стр. 239 и далѣе.

это лучше всего доказывается примѣрами той же Англіи, жалобы на пьянство иногда усиливаются въ то самое время, какъ общій размѣръ потребленія напитковъ падаетъ—и обратно. Здѣсь нельзя не считаться даже съ личнымъ отношеніемъ изслѣдователя къ явленію: напр., teatotaller, защитникъ полнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ, какъ ихъ называютъ въ Англіи, естественно стремится всякое зло въ странѣ объяснить пьянствомъ, преувеличивая его значеніе и удивляя часто своимъ легковѣріемъ *). Къ тому же во главѣ всей умственной жизни народа всегда и вездѣ стоитъ такъ называемый образованный классъ, который держитъ въ своихъ рукахъ всю прессу и, большею частію, власть. Чѣмъ болѣе привычки умѣренности и воздержности въ потребленіи хмельныхъ напитковъ развиваются въ этомъ кллассѣ, тѣмъ болѣе поднимаются нравственныя требованія въ обществѣ относительно трезвости, и образованный классъ начинаетъ строже относиться къ пьянству въ народѣ, хотя, въ сущности, оно, можетъ быть, нисколько не увеличилось, сравнительно съ прежнимъ, или даже уменьшилось. Этотъ фактъ легко даже исторически прослѣдить во многихъ странахъ и за разное время.

Итакъ, слѣдовательно, всѣ мнѣнія о причинахъ пьянства и мѣрахъ борьбы съ нимъ разнообразны и часто противорѣчивы, благодаря прежде всего тому, что никакого твердаго фундамента для сужденія по этому вопросу не имѣется, а отсюда и происходитъ чисто личный и произвольный характеръ толкованія о его причинахъ, а еще болѣе того—о мѣрахъ для его уменьшенія. Кромѣ того замѣчено, что зло пьянства повторяется, какъ мы увидимъ далѣе, въ разные періоды исторіи при самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры, а это, въ свою очередь, указываетъ, что пьянство представляетъ собою сложное явленіе, причины коего должны быть необходимо разнообразны. Какъ во всѣхъ соціальныхъ сложныхъ явленіяхъ, одинъ факторъ часто перевѣшиваетъ вліяніе другого, почему и средства борьбы, испытанныя въ одномъ случаѣ, оказываются невѣрными и непригодными въ другомъ. Существованіе пьянства у извѣстнаго народа объясняется различными писате-

*) Доказательствомъ можетъ служить даже авторъ такой классической книги о пьянствѣ, какъ Baer (Der Alkoholismus, etc. Berlin, 1878), который при всей своей серьезности, поражаетъ, благодаря предубѣжденію, неразборчивымъ пользованіемъ источниками часто весьма сомнительнаго качества. Популярныя изданія различныхъ обществъ воздержанія, имѣющія естественно цѣлью пропаганду своихъ воззрѣній, во что бы то ни стало, а рядомъ съ ними личныя наблюденія или труды первостепенныхъ ученыхъ—всѣмъ этимъ Беръ пользуется въ одинаковой степени и придаетъ, повидимому, одинаковое значеніе.

лями цѣлой массой разнородныхъ условій: такъ, пьянство нерѣдко связываютъ съ чисто физическими вліяніями страны и климата, дурнымъ экономическимъ положеніемъ массы народа, его низкимъ умственнымъ развитіемъ; наоборотъ, другіе придаютъ гораздо большее значеніе совершенно инымъ факторамъ, игнорируя или умаляя значеніе предыдущихъ; напримѣръ, развитіе пьянства ставится въ зависимость отъ качества и рода распространенныхъ въ странѣ напитковъ, способовъ или обычаевъ ихъ потребленія, т.-е., пьется ли какой-нибудь напитокъ, по народному обыкновенію, въ малыхъ дозахъ періодически и регулярно, или, наоборотъ, изрѣдка, но за то большими дозами, какъ, напримѣръ, пьютъ вино у насъ; даже такіе мелкіе факты потребленія, по мнѣнію многихъ писателей, какъ форма или время питья, могутъ въ значительной мѣрѣ вліять на степень пьянства: въ Англіи, напримѣръ, пьютъ водку обыкновенно на сытый желудокъ, послѣ ѣды, и, большею частью, разбавляя водою; въ Россіи и Швеціи, наоборотъ,— преимущественно передъ ѣдой и безъ всякой примѣси и т. д. Нѣтъ, однимъ словомъ, такого мелкаго явленія, которое не могло бы такъ или иначе имѣть значеніе въ рѣшеніи вопроса о пьянствѣ.

Наконецъ, объясненія причинъ этого зла и борьбы противъ него такъ противорѣчивы, а мѣры зачастую такъ неудачны еще потому, что до послѣдняго времени ни одна сторона этого сложнаго вопроса не была научно и съ должнымъ безпристрастіемъ разработана. Можно было оспаривать всѣ даже наиболѣе установившіяся стороны даннаго вопроса и притомъ съ значительной правдоподобностью, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, французскій экономистъ Fournier de Flaix въ своемъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ извѣстномъ «Revue Scientifique» 1887 года; онъ не только старался, противно господствующему мнѣнію, опровергнуть связь алкоолизма со смертностью, количествомъ самоубійствъ, преступленія и пр., но пытался даже большое потребленіе алкооля связать съ экономическимъ преуспѣяніемъ народа и доказать, что алкоголь есть полезный пищевой продуктъ *). Лишь успѣхи токсикологіи, науки о ядахъ, за послѣднее время, и особенно работы Dujardin-Beaumetz, Audigé, Rabuteau, Cros и др., внесли нѣкоторый свѣтъ въ этотъ вопросъ, и хотя лишь касаются части его,—именно дѣйствія разныхъ алкоолей, а поэтому и напитковъ, на животный организмъ,—тѣмъ не менѣе сразу выяснили и указали на направленіе законодательныхъ мѣръ и, какъ мы увидимъ дальше, въ значительной степени, по моему

*) Статья Fournier de Flaix извѣстна намъ по англійскому переводу съ значительнымъ дополненіемъ и примѣчаніями, помѣщенному въ журналѣ «The Scottish Review». October 1887. Vol. X. № XX, стр. 322.

мнѣнію, дали также указанія на средства, если не всецѣлаго устраненія зла, то, по крайней мѣрѣ, смягченія его послѣдствій *).

Изо всего сказаннаго нами до сихъ поръ слѣдуетъ заключить, что вопросъ о пьянствѣ или злоупотребленіи хмельными напитками представляется настолько сложнымъ и труднымъ, что всѣ сужденія въ его области имѣютъ шансы лишь вѣроятности, но не достовѣрности, и что, за отсутствіемъ необходимаго, сколько-либо точнаго, масштаба, приходится брать въ основаніе сужденія — напримѣръ, о размѣрахъ пьянства — совокупность всевозможныхъ признаковъ и указаній, а также и мнѣній, совершенно личныхъ, отдѣльныхъ изслѣдователей и путешественниковъ. Только этою многочисленностью факторовъ изслѣдованія можно въ нѣкоторой степени возмѣстить ихъ неточность и отсутствіе надлежащей мѣрки.

Цѣль настоящаго очерка заключается именно въ томъ, чтобы нѣсколько, такъ сказать, разобраться въ данномъ вопросѣ, дать посильный отвѣтъ хотя на нѣкоторыя наиважнѣйшія стороны этого загадочнаго стремленія человѣчества во всѣ времена къ возбуждающимъ и одурманивающимъ веществамъ. Въ послѣднемъ смыслѣ вопросъ о пьянствѣ является вѣчно старымъ и вѣчно юнымъ и породилъ собой такую обширную литературу, съ которой по богатству и въ то же время противорѣчіямъ едва ли сравняется какая-либо другая. Познакомившись нѣсколько, конечно, лишь съ частью этой обширной литературы, я имѣю въ виду обсудить главныя стороны вопроса и показать немногіе общіе выводы, претендующіе на нѣкоторую вѣроятность. Сужденія эти, вслѣдствіе многосложности вопроса, будутъ касаться лишь одной общественной стороны его, а по объясненнымъ выше причинамъ непремѣнно должны носить на себѣ до извѣстной степени печать субъективности...

Сначала я буду имѣть въ виду исторію вопроса о пьянствѣ и постараюсь извлечь изъ нея полезныя для его рѣшенія указанія, а затѣмъ перейду къ описанію главнѣйшихъ рекомендуемыхъ, а частью и испытанныхъ, средствъ борьбы противъ зла.

I.

Пьянство такъ же старо, какъ и само человѣчество. Не существуетъ почти народа на земномъ шарѣ, начиная съ находящагося

*) См. «Recherches expérimentales sur les alcools par fermentation», par le docteur Dujardin-Beaumetz et le docteur Audigé. Paris, 1875. — «Die Verunreinigungen des Trinkbranntweins etc.» von Sanitätsrath D. A. Baer. Bonn, 1885 (въ изданіи «Wissenschaftliche Beitrage z. Kampf gegen d. Alkoholismus»).

на самой низкой степени умственнаго развитія, у котораго бы не было въ употребленіи какого-либо возбуждающаго или опьяняющаго напитка. Несмотря на противныя утвержденія д-ра Ричардсона *), у человѣка несомнѣнно существуетъ инстинктивное стремленіе къ алкоолю или инымъ искусственнымъ стимулянтамъ. Такъ, негръ пьетъ пальмовое вино, житель Нубіи—бузу, киргизъ и татаринъ — кумысъ, а вотякъ варитъ кумышку; индѣецъ Южной Америки особымъ, отвратительнымъ способомъ приготовляетъ себѣ одуряющее зелье, такъ-называемое «каву», изъ корня растенія macgopiper methysticum; камчадалъ пьетъ отваръ изъ мухоморовъ и, наконецъ, европеецъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлыя сотни хмельныхъ напитковъ всякаго рода, не говоря о такихъ, сравнительно невинныхъ стимулянтахъ, какъ чай, кофе, шоколадъ или табакъ. Кромѣ того, на земномъ шарѣ насчитываютъ до *ста* милліоновъ людей, которые жуютъ, съ тою же цѣлью одуренія, такъ-называемую бетель; *триста* милліоновъ ѣдятъ или курятъ гашишъ, приготовленный изъ индѣйской конопли, и *четыреста* милліоновъ наслаждаются страшнымъ опіумомъ. Многимъ извѣстно, какое пристрастіе къ хмельнымъ напиткамъ выказываютъ нѣкоторыя изъ прирученныхъ человѣкомъ животныхъ; но это обстоятельство моралисты еще могутъ объяснить дурнымъ сосѣдствомъ человѣка; между тѣмъ многіе изъ извѣстнѣйшихъ нынѣ натуралистовъ сообщаютъ, что даже дикія животныя, какъ обезьяны, обнаруживаютъ несомнѣнное пристрастіе къ тому же, едва познакомятся съ чаемъ, кофе, спиртными напитками и куреньемъ табаку (Ч. Дарвинъ). По словамъ же Брэма, туземцы сѣверо-восточной Африки ловятъ дикихъ обезьянъ, выставляя въ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ водятся, сосуды съ крѣпкимъ пивомъ, которымъ тѣ и напиваются, послѣ чего ихъ уже легко захватить. Хотя, правда, европейцы первые распространили и распространяютъ до-нынѣ между дикарями спиртъ или «огненную воду», какъ послѣдніе ее часто называютъ, но самый фактъ этого легкаго распространенія вина указываетъ уже наклонность дикарей къ опьяненію, а многія свидѣтельства доказываютъ, что у нихъ существовали свои опьяняющіе напитки еще до перваго прибытія европейцевъ **). Есть даже основаніе думать, что до-историческія поселенія такъ называемыхъ свайныхъ построекъ знакомы уже были съ опьяняющими напитками.

---

*) Richardson: „On the Action of Alcohol on the Mind". Стр. 11, 12.

**) См. James Samuelson. «The History of Drink». A Review Social, Scientiphic and Political.

Изъ обширной исторіи человѣчества мы коснемся въ нашемъ очеркѣ по данному вопросу лишь немногихъ, преимущественно великихъ націй, игравшихъ крупную роль въ исторіи, причемъ опишемъ бѣгло ихъ отношеніе къ потребленію хмельныхъ напитковъ въ древнѣйшую эпоху ихъ исторіи, а затѣмъ уже посмотримъ положеніе вопроса о пьянствѣ у тѣхъ же народовъ въ настоящее время.

Китайцы считаютъ себя древнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ, и, во всякомъ случаѣ, у нихъ сохранились историческіе документы, доказывающіе весьма раннюю цивилизацію и лѣтописи за много вѣковъ до счисленія нашей эры. Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ по интересующему насъ вопросу—такъ называемое «Извѣщеніе о Пьянствѣ» (Announcement about Drunkenness) — появился въ формѣ императорскаго эдикта или указа еще въ 1116 году до Р. Х.; онъ содержитъ въ себѣ описаніе пагубныхъ послѣдствій пьянства изъ опыта сосѣднихъ народовъ, обличеніе этого порока въ разныхъ классахъ самого китайскаго народа и угрозы неповинующимся и погрязшимъ въ пьянствѣ строгими наказаніями, включая смертную казнь. Любопытно въ такомъ древнемъ документѣ—болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до Рождества Христова—указаніе такого рода: «нашъ народъ въ высшей степени распущенъ и потерялъ свою добродѣтель, что̀ нужно приписать невоздержности въ хмельныхъ напиткахъ. Между тѣмъ *разрушеніе государствъ, большихъ и малыхъ*,—продолжаетъ указъ—*неизмѣнно слѣдуетъ приписать той же самой причинѣ*—употребленію напитковъ». Вообще «Извѣщеніе о Пьянствѣ» обнаруживаетъ большое распространеніе у китайцевъ во всѣхъ классахъ, начиная съ высшихъ чиновъ государства и до простого народа, этого порока, угрожаетъ смертью невоздержнымъ и рекомендуетъ ограничиться употребленіемъ хмельныхъ напитковъ лишь при совершеніи религіозныхъ церемоній. Другой старинный памятникъ китайцевъ, такъ-называемый «She-King» (Книга Поэзіи), описывающій соціальную и религіозную жизнь того же періода, подтверждаетъ большое распространеніе между древними китайцами питья хмельныхъ напитковъ, и, по словамъ этихъ памятниковъ, пьянство было такъ сильно, что угрожало даже паденіемъ самой имперіи. Въ древнемъ Китаѣ всѣ классы обществъ, отъ императора до крестьянина, предавались питью хмельныхъ напитковъ, приготовляемыхъ изъ злаковъ. Нужно думать, что спиртъ и водка были изобрѣтены китайцами за много вѣковъ раньше ихъ появленія въ Европѣ. Употребленіе этихъ напитковъ было допускаемо въ древнемъ Китаѣ при религіозныхъ церемоніяхъ и входило также, какъ и нынѣ, въ обязанность гостепріимства. Большія усилія дѣлались законодателями, издавались

самыя строгія предписанія, чтобы подавить этотъ порокъ, который угрожалъ одно время разрушить самую имперію. Утверждаютъ, что не одна господствующая династія пала вслѣдствіе крайняго пьянства и сопровождавшихъ его пороковъ, которые приводили, наконецъ, къ народнымъ возмущеніямъ. У обоихъ знаменитыхъ мудрецовъ и законодателей Китая, Конфуція и Менція, жившихъ позднѣе (Конфуцій— въ V вѣкѣ, Менцій — въ III вѣкѣ до Р. Х.), неоднократно встрѣчаются указанія на тотъ же порокъ, рисуется идеалъ совершеннаго человѣка какъ такого, который непремѣнно умѣренъ въ питьѣ, какъ и въ ѣдѣ, не говоря о другихъ необходимыхъ добродѣтеляхъ. Второй философъ въ числѣ недостатковъ въ современномъ обществѣ благочестія указываетъ, между прочимъ, на двѣ страсти: игру въ шахматы, которая въ Китаѣ имѣетъ часто до сихъ поръ азартный характеръ и питье хмельныхъ напитковъ *).

Другой народъ, обладающій также древней литературой, были индійцы или арійцы, предки нынѣшнихъ европейцевъ. Религіозное или моральное состояніе этихъ народовъ выражено въ священныхъ книгахъ древнихъ браминовъ, къ которымъ и нужно обратиться, чтобы получить отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. По словамъ Макса Мюллера, эти священныя книги, такъ называемыя Rig-Veda, обнимаютъ періодъ времени двѣнадцати столѣтій до Рождества Христова и записаны отъ 600 до 200 г. до Р. Х., т. е. примѣрно въ то же время, какъ и сочиненія китайскихъ мудрецовъ, Конфуція и Менція. Обращаясь къ Rig-Veda, главное содержаніе которой состоитъ въ гимнахъ, мы находимъ въ ней полную апологетику и апоѳеозу пьянства. Въ своихъ обращеніяхъ и молитвахъ къ богамъ арійцы постоянно упоминаютъ о винѣ, какъ о любимомъ ими, особенно веселымъ богомъ Индрой, напиткѣ, и объ опьяненіи, какъ о самомъ блаженномъ для него состояніи. Очевидно, натура божества является здѣсь отраженіемъ характера его поклонниковъ. Главная священная церемонія древнихъ браминовъ называлась «сома» и состояла въ изліяніи на жертвенникъ напитка этого имени, приготовленнаго изъ наркотическаго сока растенія asclepias, смѣшаннаго съ молокомъ и подвергнутаго броженію. «Сома» изливалась на жертвенникъ, какъ бы для угощенія боговъ (вѣроятно, мéньшая часть приготовленнаго запаса), остальное выпивалось жрецами и жертвоприносителями. Вся Rig-Veda отъ начала до конца изобилуетъ указаніями на предполагаемую страсть боговъ, особенно же Индры, къ этому напитку. Пища и питье одина-

*) James Samuelson «The History of Drink», стр. 15—34.

ково необходимы богамъ, какъ и людямъ: ихъ-то и стараются имъ доставить усердные поклонники, мѣряя вкусы боговъ по-своему. Всѣ обращенія къ богамъ вращаются, главнымъ образомъ, около питья и опьяненія: «приди, о, Индра, на нашу жертву, выпей сомы, о, ты, любитель сомы, приди, о, Индра, и напейся съ нами!..» Самую силу и величіе свое Индра пріобрѣтаетъ, по мнѣнію его поклонниковъ, благодаря питью «сомы»; но онъ не чуждъ также и всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя испытываетъ обыкновенный смертный отъ излишняго питья. Проф. Миллеръ приводитъ точный переводъ одного гимна (гимнъ X, 119), обращеннаго къ этому арійскому божеству. Гимнъ изображаетъ состояніе, въ которомъ поклонникъ представляетъ себѣ бога, напившагося жертвенной «сомы». Какъ опьяненный человѣкъ, богъ храбрится, превозноситъ себя, хвастаетъ, словомъ, думаетъ, что ему «море по колѣно». Находя по личному опыту такое состояніе блаженнымъ, чтитель Индры считалъ самой пріятной жертвой опьяняющій напитокъ, старался вдоволь напоить своего бога и за это испрашивалъ себѣ великія и богатыя милости *).

Этихъ выдержекъ достаточно, чтобы придти къ убѣжденію, что ведійскій народъ одинаково, какъ жрецы, такъ и міряне, были страшными пьяницами и долго не только не считали пьянство порокомъ, но даже возводили его въ культъ. Нѣсколько позднѣе, однако, вѣроятно печальныя послѣдствія пьянства настолько сдѣлались для всѣхъ ясны, что законодательство вступаетъ съ нимъ въ борьбу. Такъ, законы Ману (около VI в. до Р. Х.) содержатъ цѣлый рядъ запрещеній и наказаній за разные виды пьянства, и особенно воспрещаются нѣкоторые вредные напитки. Рядомъ съ «сомой» встрѣчается уже болѣе популярный напитокъ «сура», приготовляемый изъ сока одного растенія изъ рода panicum вмѣстѣ съ водой, медомъ и ячменемъ. «Сура» скоро вошла во всеобщее употребленіе, но въ тоже время часто называется ядомъ и считается причиною преступленій. Нѣкоторые ученые подъ этой «сурой» прямо даже разумѣютъ теперешнее хлѣбное вино **). Несмотря, однако, на всѣ воспрещенія Ману и угрозы наказанія, невоздержность въ питьѣ, повидимому, существовала между арійцами еще весьма продолжительное время. Паластія, одинъ изъ позднѣйшихъ санскритскихъ мудрецовъ, перечисляетъ уже не менѣе двѣнадцати различныхъ напитковъ, кромѣ «сомы», бывшихъ въ употребленіи у

*) См. *Всев. Миллеръ*: „Очерки арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшей культурой“. Москва, 1877, стр. 81 и 96, а также Samuelson, loco citato, стр. 3—4 и далѣе.

**) Миллеръ, loco citato, стр. 81.

арійскаго народа и приготовляемыхъ изъ винограда, меда, сахара, фиников, пальмъ, риса, перца и пр.; но кромѣ многихъ своихъ туземныхъ напитковъ, Индія уже 2000 лѣтъ ввозила большія количества иностранныхъ винъ, сирійскихъ, арабскихъ, итальянскихъ и пр

Не менѣе были подвержены описанному пороку и ближайшіе родичи арійцевъ, древніе персы, поклонники религіи Зороастра. У нихъ мы видимъ даже тѣ же самые напитки—«сома» и «сура»—лишь подъ нѣсколько измѣненными названіями; но кромѣ того встрѣчается еще напитокъ, приготовляемый изъ конопли (cannabis sativa), т.-н. «banga», очевидный предшественникъ нынѣшняго гашиша. Хотя религія у персовъ и не такъ благосклонно относилась къ пьянству, какъ у индійцевъ, но тѣмъ не менѣе древніе персы славились своимъ пристрастіемъ къ возбуждающимъ напиткамъ. Геродотъ разсказываетъ про нихъ, что обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ непремѣнно сопровождалось выпивкой, и что рѣшеніе, постановленное при этомъ, обязательно пересматривалось на другой день въ трезвомъ состояніи—и наоборотъ, и только при такомъ двойномъ разсмотрѣніи дѣла полагалась окончательная резолюція.

Если мы перейдемъ къ болѣе культурнымъ народамъ древности, каковы греки и римляне, то мы встрѣтимъ у нихъ ту же картину невоздержанія въ отношеніи къ вину, и еще вдобавокъ часто опоэтизированную. Разсказываютъ, что древніе греки долго ставили рядомъ статуи Бахуса съ Минервой—богиней мудрости, желая выразить этимъ, что вино изощряетъ разумъ, и только позднѣе, когда убѣдились въ опасности для послѣдняго (т.-е. разума) крѣпкихъ возліяній Бахусу, стали помѣщать между ними водяную богиню Нимфу, намекая этимъ, что для достиженія сказаннаго результата слѣдуетъ вино мѣшать съ водой. Происхожденіе культуры винограда и выдѣлки вина въ Греціи принадлежитъ къ миѳической эпохѣ и приписывается Діонисію, или Бахусу, сыну Юпитера и Семелы, который будто бы путешествовалъ въ Египтѣ, Сиріи, вездѣ распространяя мануфактуру вина, и послѣ своей смерти былъ произведенъ въ боги этого напитка. Праздники въ его честь, извѣстные подъ именемъ сатурналій, выродились въ древней Греціи и Римѣ въ дни сплошного и безобразнаго пьянства, сопровождаемаго всякими излишествами. Уже въ произведеніяхъ Гомера вино играетъ чрезвычайно важную роль, и въ Одиссеѣ, напр., пьянство, какъ видно изъ многихъ эпизодовъ, составляетъ постоянную тему, проходящую черезъ всю книгу. Послѣднія раскопки д-ра Шлимана на мѣстѣ старой Трои косвенно подтверждаютъ эти показанія слѣпого поэта, такъ какъ въ раскопкахъ найдено множество

всевозможныхъ видовъ и родовъ сосудовъ для питья вина—изъ глины, золота, серебра, разной величины, формы, цвѣта. Во всей Греціи, повидимому, и то не долгое время, отличались воздержностью лакедемоняне, которые, согласно нѣкоторымъ писателямъ, выставляли пьяныхъ илотовъ или рабовъ напоказъ своимъ юношамъ для внушенія имъ отвращенія къ пьянству. Но позднѣе Спарта, какъ и остальныя части древней Греціи, впала въ полнѣйшую распущенность и невоздержаніе: вино, наряду съ любовью, становится любимой темой для греческихъ поэтовъ, и греки, вмѣстѣ съ культурой, пересаживаютъ пьянство въ Римъ, гдѣ оно и находитъ себѣ весьма благодарную почву.

Первый писатель, который сообщилъ интересныя подробности относительно напитковъ и пьянства въ древнемъ Римѣ, былъ Плиній Старшій, въ его «Естественной Исторіи». По его словамъ, вино было извѣстно жителямъ Рима съ самаго основанія города, причемъ разсказываютъ любопытный анекдотъ, что жена Эгнатія Мецепія была убита своимъ мужемъ за то, что пила вино, и что убійца былъ прощенъ Ромуломъ, такъ какъ женщинамъ сначала въ Римѣ совершенно воспрещалось пить вино. Это запрещеніе оставалось въ силѣ въ гораздо позднѣйшій періодъ, и Катонъ по этому поводу наивно сообщаетъ, что древніе римляне цѣловали женщинъ своего семейства съ цѣлью удостовѣриться, не пили ли онѣ вина (temetum, какъ называли тогда римляне вино: «отсюда,—добавляетъ Плиній,—происходитъ наше слово temulentia, обозначающее пьянство»). Какъ исключеніе, женщинамъ позволялось употребленіе вина лишь какъ лекарства, и судья Домицій, по словамъ Плинія, однажды развелъ даже жену съ ея мужемъ за то, что она выпила больше, нежели ей это было нужно для ея здоровья, и притомъ безъ согласія супруга. Нѣтъ сомнѣнія, что у римлянъ вино первоначально было весьма дорого, привозилось частью изъ Греціи и употреблялось лишь въ религіозныхъ церемоніяхъ и какъ лекарство; но это касается лишь ранняго періода римской исторіи. Весьма скоро они научились винодѣлію, и питье вина быстро распространилось во всемъ народѣ и въ обоихъ полахъ. Тотъ же писатель Плиній насчитываетъ въ свои дни 91 сортъ винограда, разводимаго около Рима, и 160 различныхъ родовъ вина, изъ которыхъ 60 называетъ «благородными». Значительное количество вина продолжаетъ привозиться съ острововъ греческаго архипелага, особенно Хеоса и Лесбоса, и погреба богатыхъ людей переполнены запасами вина: Гортензій, напр. (50 л. до Р. Х.), оставилъ своимъ наслѣдникамъ погребъ съ 10.000 бочекъ. Но кромѣ вина у римлянъ мы видимъ множество другихъ болѣе или менѣе хмельныхъ напитковъ изъ

меда (hydromeli), плодовъ и растеній различнаго рода. Всѣ эти напитки, первоначально употреблявшіеся, частью, какъ лекарство, быстро распространяются въ народѣ, и пьянство становится національнымъ порокомъ римлянъ, осмѣиваемымъ въ сатирахъ и обличаемымъ философами и ораторами. Извѣстно, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ дошла распущенность въ Римѣ въ императорскій періодъ и особенно наканунѣ вторженія варваровъ. Римскіе пиры того времени, изъ которыхъ «лукулловскіе» сдѣлались синонимомъ пьянства и обжорства, далеко превосходятъ по своимъ излишествамъ все, повидимому, чѣмъ человѣчество когда-либо грѣшило въ смыслѣ невоздержанія. Петроній и другіе писатели оставили довольно подробное описаніе этихъ оргій, останавливаться на которыхъ — значило бы претить естественному нравственному чувству современнаго читателя. Достаточно напомнить лишь, что необузданное стремленіе человѣка къ ѣдѣ и питью на римскихъ пирахъ не ограничивалось даже крайнимъ пресыщеніемъ, какъ свидѣтельствуютъ тѣ же писатели: многіе изъ пирующихъ принимали горячія ванны и прибѣгали къ рвотному, чтобы вновь принять участіе въ пиршествѣ; мало того, Плиній сообщаетъ совсѣмъ маловѣроятный фактъ, повторяемый, впрочемъ, и другими, что такъ какъ виноградное вино считалось въ то время лучшимъ противоядіемъ, если принято въ большомъ количествѣ, ядовитому дѣйствію цикуты, то нѣкоторые пьяницы въ началѣ пиршества дѣлали пріемъ настоя этого ядовитаго растенія, чтобы потомъ вдвойнѣ, изъ страха смерти, отпиваться виномъ! *) Таково было состояніе римскаго общества въ послѣдніе его дни, съ гордыми и развратными патриціями, съ голодными и распущенными плебеями, незадолго передъ тѣмъ, какъ сѣверные варвары вторгнулись въ Италію и, сокрушая все на своемъ пути, подобно лавинѣ, докончили паденіе римской имперіи, и вмѣстѣ съ другими пороками пьянство, нѣтъ сомнѣнія, содѣйствовало такому концу.

Впрочемъ, германцы, покорившіе Римъ и, въ смыслѣ нравственности, далеко превосходившіе римлянъ, не могли, однако, похвастаться трезвостью. Тацитъ, какъ извѣстно, восхвалявшій многія добродѣтели предковъ современныхъ нѣмцевъ, тѣмъ не менѣе не скрываетъ ихъ слабости къ напиткамъ и утверждаетъ, что они не считали за стыдъ дни и ночи проводить въ кутежахъ, и часто римляне были обязаны своими побѣдами надъ германцами не столько успѣху своего оружія, сколько опьяненію своихъ противниковъ. Національнымъ напиткомъ

*) Samuelson, «History of Drink», стр. 98.

нѣмцевъ всегда было пиво, но римскіе легіоны принесли съ собой виноградную лозу, и, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, винодѣліе быстро распространилось въ Германіи въ доступныхъ для того мѣстахъ, особенно по Рейну.

Какъ всѣ первобытные народы, германцы отличались гостепріимствомъ, и эта похвальная черта вела къ нескончаемымъ угощеніямъ и пиршествамъ, поддерживая общую страсть къ питью. Нужно думать, что излишества эти были слишкомъ велики, если уже въ срединѣ VIII вѣка начинаютъ появляться систематическія попытки законодательства въ Германіи обуздать пьянство. Самая наивность принимаемыхъ въ то время мѣръ по этому поводу указываетъ на размѣръ зла и безсиліе правительства съ нимъ бороться. Такъ, при Карлѣ Великомъ воспрещается тяжущимся и свидѣтелямъ являться на судъ пьяными, судьямъ приказывается засѣдать не иначе, какъ совершенно трезвыми, а священникамъ при совершеніи таинства покаянія отнюдь не предлагать вина кающимся (т.-е. не угощать ихъ). Всѣ подобныя предписанія оставались безсильны, вызывали рядъ новыхъ законодательныхъ мѣръ подобнаго же рода и съ такимъ же малымъ успѣхомъ. «Между всѣми пороками,—говорилъ одинъ проповѣдникъ въ Германіи въ IX вѣкѣ,—любовь къ пиршествамъ и пьянство царятъ у насъ надъ всѣми: имъ предается не только грубый и необразованный народъ, но одинаково благородные и могущественные люди. Невоздержность у лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ вошла въ обычай».

Пьянству сильно способствовала дешевизна и разнообразіе хмельныхъ напитковъ: кромѣ популярнаго пива и меда, въ большомъ ходу были многочисленные сорта винъ изъ винограда, яблокъ, грушъ и другихъ фруктовъ. Въ XIII вѣкѣ въ Европѣ начинаетъ распространяться и водка, время и мѣсто изобрѣтенія которой приписывается различными писателями разнымъ эпохамъ и лицамъ. Во всякомъ случаѣ водка, какъ и всѣ спиртные напитки, долго была аптекарскимъ продуктомъ и лекарствомъ (откуда, за предполагаемое цѣлебное свойство, и ея названіе—aqua vitae) и только съ XIV вѣка начинаетъ мало-по-малу попадать въ торговый оборотъ и въ разныхъ странахъ распространяться съ различной быстротой. Въ Германіи она распространилась сравнительно поздно, въ значительныхъ размѣрахъ лишь въ XIV вѣкѣ, благодаря, главнымъ образомъ, упомянутой дешевизнѣ всѣхъ остальныхъ напитковъ, что̀ нашло даже себѣ выраженіе въ народной нѣмецкой поговоркѣ того времени:

Tausend fünfhundert dreissig und neun
Galten die Fässer mehr als der Wein *).

Какъ говоритъ Беръ по этому поводу, ссылаясь на лѣтописцевъ иногда виноградарямъ не хватало достаточно бочекъ, при ихъ сравнительной дороговизнѣ, и вино выливалось прямо на полъ; цѣна же его въ Германіи была такъ низка, что нужно было нѣсколько разъ зайти въ питейный домъ, чтобы расплатиться самой мелкой монетой, ходившей въ странѣ въ то время. Можетъ быть, этой же причинѣ слѣдуетъ приписать устройство въ Германіи, въ тѣ вѣка, бочекъ громадныхъ размѣровъ, подобныхъ знаменитой гейдельбергской бочкѣ, вмѣщавшей многія сотни обыкновенныхъ и въ которой легко могъ утонуть человѣкъ.

Кромѣ правительственныхъ попытокъ, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы упоминали, частныя лица устроивали «ордены воздержанія» съ цѣлью возвращенія народа къ трезвости, но, увы! безъ всякихъ послѣдствій, и рядомъ съ ними существовали своеобразные «ордены невоздержанія», «Sauforden», съ формальнымъ кодексомъ правилъ, лучше всего характеризующихъ нравы средне-вѣкового германскаго общества. Этотъ курьезный сборникъ законовъ Бахуса, Jus Potandi, XVII вѣка, недавно переизданный, содержитъ въ себѣ полу-шутя, полу-серьезно изложенныя правила всѣхъ обычаевъ, принятыхъ при кутежахъ, и особенно между тогдашними спеціалистами этого дѣла, студентами. Наставленіе, какъ при этомъ нужно себя вести въ затруднительныхъ случаяхъ, и формы обращенія къ участвующимъ здѣсь подробно и до мелочей изложены: представители всѣхъ сословій, какъ видно изъ этого сборника, и даже дамы не чуждались подобныхъ собраній, посвященныхъ исключительно выпивкѣ, причемъ, впрочемъ, для чести молодыхъ дамъ имъ рекомендовалось пить болѣе платонически и давалось предостереженіе противъ «псевдо-пророковъ, волковъ въ овечьей шкурѣ», какъ называетъ этотъ курьезный кодексъ тогдашнихъ волокитъ, съ которыми онъ не совѣтуетъ дамамъ пить на Bruderschaft **)...

Другой средневѣковой сборникъ того же рода стихотворнаго содержанія—Carmina Clericorum содержитъ въ себѣ застольную поэзію средневѣковыхъ студентовъ и на незатѣйливомъ латинскомъ языкѣ рисуетъ картину тогдашняго всеобщаго пьянства, исключеніе изъ ко-

*) Т.-е.: въ 1539 году бочки стоили дороже, нежели самое вино.

**) Jus Potandi. Deutsches Zech-Recht. Commentbuch des Mittelalters. Nach dem Original von 1616 mit Einleitung neu herausgegeben von D-r Max *Oberbreyer*.—Samuelson, l. c., стр. 106 и далѣе, и Baer, „Alcoholismus", стр. 217 и далѣе.

тораго не представляетъ ни полъ, ни возрастъ, ни званіе, ни положеніе:

Bibit pauper et aegrotus
Bibit exul et ignotus
Bibit puer, bibit canus
Bibit praesul et decanus,
Bibit soror, bibit frater,
Bibit anus, bibit mater,
Bibit iste, bibit ille,
Bibunt centum, bibunt mille *).

Однимъ словомъ, во всѣхъ классахъ средневѣкового общества отъ высшихъ и до низшихъ кутежъ и пьянство сдѣлались обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ, и въ XV и XVI вв. эта всенародная страсть къ пьянству достигла высшаго своего пункта: князья подавали плохой примѣръ своимъ подданнымъ, а потому всѣ предписанія и наказы закона по этому предмету становились безсмысленны и безполезны. Католическое духовенство, черное и бѣлое, ничѣмъ въ этомъ случаѣ, по своей невоздержности, не отличалось отъ мірянъ. Лучшіе виноградники и пивные заводы, а равно наиболѣе посѣщаемые погребки и пивныя принадлежали въ то время монастырямъ **); сами разсадники просвѣщенія, германскіе университеты того времени, ревниво держались за привилегіи имѣть собственные погреба съ напитками, виномъ и пивомъ, безданно и безпошлинно, и профессора подавали студентамъ примѣръ невоздержанія ***). Пьянство, какъ черта нѣмецкаго народнаго характера среднихъ вѣковъ, вошло въ пословицу, какъ выразился объ этомъ и въ указѣ императоръ Карлъ IV, во всей Европѣ. Антоній Компаніусъ, папскій посолъ при дворѣ Фридриха III, доносилъ своему господину: «Nil hic est aliud vivere quam bibere» («Здѣсь житье—лишь питье»). Понятно, эти продолжительныя, въ теченіе многихъ столѣтій, излишества не могли, конечно, не отразиться вредно на характерѣ нѣмцевъ и особенно въ XVI вѣкѣ; въ немъ заключается

*) Carmina Clericorum. Studenten-Lieder des Mittelalters. Edidit Domus Quidam Vetus. 1877.

**) Baer, l. c., стр. 221.

***) До сихъ поръ двѣ лучшія пивныя въ Мюнхенѣ носятъ названія, указывающія на ихъ старыхъ хозяевъ-монаховъ (Zur Dominicaner и Zur Franciscaner). Лучшій винный погребокъ въ Зальцбургѣ до настоящаго времени — монастырскій, и находится во владѣніи духовенства: наконецъ, многіе сорта нѣмецкихъ винъ прямо носятъ названіе бывшихъ или настоящихъ монастырей, гдѣ они выдѣлывались.

что-то,—говоритъ нѣмецкій же писатель,—необузданное, бурное и дикое (furor impetus teutonicus). Реформація, разумѣется, не могла измѣнить скоро народные вкусы и привычки. Мартинъ Лютеръ въ 1541 году, напримѣръ, пишетъ: «къ прискорбію, вся Германія зачумлена пьянствомъ; мы проповѣдуемъ и кричимъ противъ него, но это не помогаетъ... Каждая страна должна имѣть своего дьявола: нашъ нѣмецкій дьяволъ—добрая бочка вина, а имя ему—пьянство» *). «Мы, нѣмцы, пропиваемъ наше имущество, наше здоровье и самое царство небесное», — восклицаетъ съ горемъ другой реформаторъ — Меланхтонъ **).

XVI-е столѣтіе нѣмцы называютъ въ отношеніи своей родины по преимуществу «столѣтіемъ пьянства» (Zechjahrhundert), и вся Германія, по потребленію напитковъ, довольно рѣзко была раздѣлена на двѣ половины: сѣверную, гдѣ потреблялось пиво, и южную—преимущественно виноградное вино. Но слѣдующій вѣкъ, вмѣстѣ съ тридцатилѣтней войной, принесъ въ этомъ отношеніи большія перемѣны: извѣстно, какъ опустошена была Германія въ эту продолжительную эпоху борьбы: многія мѣстности были обращены въ пустыни, а города разорены, но что̀ важнѣе для нашего вопроса—виноградная культура сильно упала. Въ одномъ Виртембергѣ, какъ сообщаютъ историки, было истреблено во время тридцатилѣтней войны болѣе 4000 моргановъ. Солдаты любили и предпочитали водку, и любовь къ ней разносили по всей странѣ. Быстро составилась привязанность къ новому напитку и новый опасный стимулъ для пьянства; но съ середины XVII вѣка, вмѣстѣ съ концомъ кровопролитной войны, картина начинаетъ понемногу измѣняться; мало-по-малу Германія возвращается къ старымъ напиткамъ — пиву и виноградному вину; развитіе благосостоянія, забота нѣмецкихъ правителей о народномъ образованіи въ XVIII столѣтіи, нѣсколько отрезвляютъ нѣмецкую націю, и пьянство постепенно, приближаясь къ нашимъ днямъ, уменьшается и идетъ на ущербъ.

Исторія другого великаго народа германскаго происхожденія—Англіи, въ отношеніи пристрастія къ хмельнымъ напиткамъ, мало чѣмъ отличается въ средніе вѣка отъ родственной Германіи, и описывать, въ этомъ отношеніи, исторію англійскаго народа—значило бы повторять уже сказанное нами о Германіи. Всѣ средніе вѣка въ Англіи представляютъ картину сплошного пьянства: «old merry England» (старая ве-

*) См. Jus Potandi, etc., стр. IX.

**) Baer, стр. 222.

селая Англія), какъ любятъ англичане называть свою старину, уже достаточно указываетъ на національную слабость англичанъ. Но съ конца XVII вѣка исторія двухъ вышеупомянутыхъ странъ начинаетъ уже сильно различаться: если въ Германіи главнымъ вѣкомъ пьянства можно назвать XVI-ый вѣкъ, то въ Англіи—преимущественно XVIII-ый вѣкъ. Извѣстно, какой распущенностью нравовъ и невоздержностью отличался дворъ Стюартовъ, при которомъ, если вѣрить историкамъ, даже придворныя дамы были великими поклонницами Бахуса *). Короткое господство суровыхъ пуританъ составило нѣкоторый перерывъ въ этой исторіи невоздержанія; затѣмъ, при реставраціи и впослѣдствіи, при Оранской династіи, пьянство въ Англіи быстро ростетъ и крѣпнетъ во всѣхъ слояхъ общества, что̀ обусловливается цѣлымъ рядомъ сложныхъ причинъ. Этому способствуютъ бѣдность и невѣжество массы тогдашняго англійскаго народа, обремененіе его множествомъ тяжелыхъ налоговъ при постоянныхъ войнахъ и частью, можетъ быть, неудачный выборъ самыхъ налоговъ. Такъ, при Вильгельмѣ Оранскомъ, ввозъ легкихъ французскихъ винъ былъ воспрещенъ, по политическимъ мотивамъ, и замѣненъ крѣпкими португальскими винами; домашнее пивовареніе давно было уничтожено, и налогъ на этотъ любимый напитокъ постоянно возросталъ, и т. д. «Я не знаю предмета необходимости жизни,—говорилъ одинъ англійскій писатель въ 1737 году,—на который бы мы не имѣли того или иного налога, исключая развѣ воды. Впрочемъ, мы не можемъ присоединить къ ней какого-либо ингредіента, чтобы сдѣлать ее пріятной и вкусной безъ того, чтобы заплатить налогъ. Мы платимъ за воздухъ, за дневной свѣтъ и солнечное тепло посредствомъ налоговъ на окна, а за ночной свѣтъ и тепло—посредствомъ налоговъ на уголь и свѣчи; мы платимъ налогъ на хлѣбъ, мясо, коренья и травы всякаго рода посредствомъ налога на соль; мы платимъ налогъ на полъ-пиво посредствомъ налога на солодъ, и тяжелую добавочную подать на пиво—путемъ акциза. Мы не можемъ ни одѣться, ни даже вымыться, не платя налоговъ на шерсть, ленъ, мыло и т. д. **).

Въ результатѣ, пьянство въ Англіи въ началѣ XVIII вѣка развивается въ ужасающихъ размѣрахъ и притомъ во всѣхъ классахъ общества. Беззаконіе и насиліе составляютъ господствующую черту этого времени; грубость нравовъ дѣлаетъ кулачные бои и драки любимой забавой англичанъ; разбои и грабежи составляли обыденное явленіе на лондонскихъ улицахъ XVIII вѣка, и тогдашнія газеты переполнены

*) Samuelson, стр. 149.

**) Torbuck's Debates, v. XV; взято у Синклера, т. II, стр. 72.

подобными извѣстіями, характеризующими нравы. Первый нумеръ нынѣ знаменитаго, а въ прошломъ вѣкѣ только-что появившагося «Таймса» помѣщаетъ двѣ передовыя статьи противъ двухъ любимыхъ забавъ тогдашней англійской аристократіи, включая принца Уэльскаго:—наемныхъ дуэлей на призы, кончавшихся убійствомъ или изувѣченіемъ, и кулачныхъ боевъ *). Другая газета, «London Magazine», въ слѣдующихъ краскахъ описываетъ крайнее пьянство того времени: «На дверяхъ кабаковъ были нарисованы вывѣски, приглашавшія выпить на самую малую сумму—одинъ пенни, съ увѣреніемъ, что за двѣ пенни посѣтители будутъ мертвецки-пьяны и получатъ солому, на которой могутъ выспаться». Согласно этому, кабатчикъ имѣлъ подвалъ и коморки, куда провожалъ своихъ опьянѣвшихъ гостей. Нравы тогдашняго высшаго общества по привязанности къ спиртнымъ напиткамъ ничѣмъ не отличались отъ простонародныхъ посѣтителей кабаковъ: разсказываютъ про знаменитаго министра Роберта Вальполя, напр., что когда онъ былъ еще юношей, то его отецъ, «изъ уваженія къ приличію», какъ выражались, наливалъ за обѣдомъ стаканъ своего сына два раза за свой разъ, чтобы Робертъ сдѣлался скорѣе пьянъ и этимъ избѣжалъ возможности видѣть своего отца въ томъ же безобразномъ положеніи!... **).

Съ цѣлью противодѣйствія этому, обуявшему все общество, злу, англійское правительство дѣлало нѣсколько слабыхъ попытокъ и одну даже весьма серьезную, но, тѣмъ не менѣе, безуспѣшную. Въ 1736 году именно въ парламентъ поступила петиція отъ мировыхъ судей миддльсэкскаго графства противъ чрезмѣрнаго потребленія спиртныхъ напитковъ. Петиція выставляла на видъ, что питье водки въ послѣдніе годы значительно распространилось, что постоянное чрезмѣрное потребленіе ея погубило тысячи людей и сдѣлало ихъ неспособными къ работѣ и службѣ, развративъ въ то же время ихъ нравственность и втянувъ въ разные пороки и несчастіе... Податели петиціи опасаются, что общественное благосостояніе, безопасность, наконецъ торговля, потерпятъ большой ущербъ отъ такого злоупотребленія спиртными напитками. На этихъ основаніяхъ, видя весь вредъ для здоровья, силъ, спокойствія и нравовъ народа, судьи просили палату общинъ обратить серьезное вниманіе на зло и принять строгія мѣры противъ него. Въ результатѣ явился знаменитый Gin-Act лорда Джэкилля: имъ постановлено было 20 шиллинговъ акциза на галлонъ и 50 ф. ст. лиценціи на про-

*) The Times or Daily Universal Register. January the 1-st 1788. См. The Centennuary of «The Times», The Times Weekly Edition. № 575. January 6, 1888.

**) См. Financial Reform Tracts. 1851, № 34, стр. 16.

дажу напитковъ. Этотъ законъ по высотѣ, до которой онъ довелъ цѣну водки, считается прямо запретительнымъ, и бутылка водки обходилась тогда до 7 шиллинговъ (т. е. дороже 3 руб.). Парламентъ прямо шелъ на крупное уменьшеніе государственнаго дохода, и сторонники новаго закона хотѣли не только уменьшить, но искоренить порокъ пьянства, и обставили его нарушеніе штрафомъ и даже тѣлеснымъ наказаніемъ, щедро награждая въ то же время доносчиковъ. Тѣмъ не менѣе, англійское правительство оказалось слабо, чтобы побѣдить народную страсть, и результаты получились противоположные ожидаемымъ. Болѣе порядочные торговцы отступили отъ занятія, которое правительство видимо желало уничтожить; ихъ замѣнили, наоборотъ, лица, которымъ нечего было терять, и они повели торговлю безъ всякихъ налоговъ тайнымъ образомъ. Вся страна наполнилась корчемствомъ, никакія усилія правительства и полиціи не могли остановить обмана въ его всевозможныхъ видахъ: аптекаря, напр., которымъ нельзя было не дозволить держать спиртъ для медицинскихъ цѣлей, оставили приготовленіе лекарствъ и занялись болѣе выгоднымъ приготовленіемъ водокъ. Подъ видомъ различныхъ цѣлительныхъ пособій и средствъ водка свободно продавалась желающимъ въ любомъ количествѣ. Чернь въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, принимала сторону харчевниковъ и незаконныхъ торговцевъ. Чиновники акциза были открыто осаждаемы на улицахъ Лондона и другихъ городовъ; за доносчиками охотились какъ за дикими звѣрями; пьянство, безпорядочность, преступленія увеличивались съ страшной силой. Около семи лѣтъ Gin-Act находился въ дѣйствіи; тысячи лицъ были посажены въ тюрьму и сосланы въ ссылку за его нарушеніе; пьянство, однако, какъ было сказано, нисколько не ослабло, а потребленіе вина даже увеличилось. Наконецъ, неуспѣшность всѣхъ мѣръ и голосъ общественнаго мнѣнія вынудили правительство отмѣнить ненавистный законъ и перейти къ умѣренному обложенію.

Такова была первая и послѣдняя серьезная попытка со стороны англійскаго правительства къ уменьшенію въ странѣ пьянства. Всѣ мѣры, которыя въ этомъ направленіи впослѣдствіи принимались, далеко не отличались такимъ рѣшительнымъ характеромъ, какъ Gin-Act 1736 года, но, большею частью, сопровождались одинаковыми неудачами. Народное пьянство въ Великобританіи держалось примѣрно въ тѣхъ же размѣрахъ до второй половины текущаго столѣтія, и если, можетъ быть, уменьшилось въ послѣднее время, то благодаря не прямымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, а совокупности финансовыхъ и экономическихъ реформъ, улучшенію народнаго образованія

и нравственности, а главное вліянію въ смыслѣ воздержанія обществъ трезвости.

Мы ограничимся сказаннымъ по исторіи пьянства у иностранныхъ народовъ, взявши для примѣра лишь тѣ государства, которыя издавна славились своею невоздержностью, и прямо перейдемъ къ Россіи.

«Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти» — такъ, по словамъ древняго русскаго лѣтописца, Владиміръ отвѣчалъ мусульманскимъ посламъ, указывая тѣмъ откровенно на слабость русскаго народа. «Русскіе,—говоритъ нашъ историкъ,—придавали пьянству какое-то героическое значеніе. Въ старинныхъ пѣсняхъ доблесть богатыря измѣрялась способностью перепить другихъ и выпить невѣроятное количество вина: радость, любовь, благосклонность находили себѣ выраженіе въ винѣ. Если высшій хотѣлъ показать благосклонность къ низшему, онъ поилъ его, и тотъ не смѣлъ отказываться; бывали случаи, что знатный человѣкъ, ради забавы, поилъ простого, и тотъ, не смѣя отказываться, пилъ до того, что падалъ безъ чувствъ и даже умиралъ. Знатные бояре не считали предосудительнымъ напиваться до безсознательности съ опасностью потерять жизнь. Царскіе послы, ѣздившіе заграницу, изумляли иностранцевъ своею неумѣренностью» *). До XVI в. русскіе, какъ и германцы, пили преимущественно пиво, медъ и, частью, привозное вино, но въ XVI вѣкѣ у насъ быстро распространяется проникшая съ Запада водка: старая корчма замѣняется «царевымъ кабакомъ», принадлежащимъ казнѣ, и пьянство повидимому, еще болѣе усиливается. Уже Иванъ III производство питей старался монополизировать, а Борису приписываютъ устройство казенныхъ кабаковъ. О нашей «народной слабости» иностранцы упоминаютъ еще въ началѣ XV вѣка, а также и о тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ правительство было вынуждено по этому поводу прибѣгать **). До того времени, впрочемъ, когда, со введеніемъ кабаковъ, пьянство сдѣлалось важной статьей государственнаго дохода, охота пить въ русскомъ народѣ не дошла еще до такого поразительнаго объема, какъ впослѣдствіи. Простой народъ пилъ прежде рѣдко: ему дозволялось варить пиво, медъ и брагу и погулять только въ праздники: но когда водка стала вытѣснять прежніе напитки и свободу ихъ приготовленія начали ограничивать, а вино продавать отъ казны, пьянство стало

*) См. *Костомаровъ Н. И.*: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіи». 1860. Взято у *Олеарія*: см. подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ пер. Барсова. 1870, стр. 180 и д.

**) См. *Прыжовъ*: „Исторія кабаковъ въ Россіи". 1868 г., стр. 37.

всеобщимъ качествомъ; его распространенію въ народѣ сильно способствовали кабачные головы и цѣловальники, которые прибѣгали къ всевозможнѣйшимъ мѣрамъ, чтобы избавиться отъ наказанія за недоборы въ царской казнѣ, если они держали кабаки на вѣру, или чтобы воротить уплаченное въ казну, если брали вино на откупъ *). Всѣ иностранцы въ XVII вѣкѣ описываютъ невоздержность русскаго народа въ одинаково печальныхъ краскахъ. Вотъ, напр., что̀ писалъ извѣстный сербъ Юрій Крижаничъ изъ Сибири (1660—1668): «о пьянствѣ нашемъ что треба говорить! да ты бы весь широкій свѣтъ обошелъ, нигдѣ бы не нашелъ такого мерзкаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, яко здѣсь на Руси».

Извѣстный нѣмецкій путешественникъ, Адамъ Олеарій, посѣтившій Москву въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, описывая распущенность нравовъ, господствовавшую тогда въ нашей первопрестольной столицѣ, къ этому добавляетъ, что «въ особенности русскихъ побуждаетъ къ тому пьянство, *которому они преданы болѣе всякаго другого народа въ мірѣ*». «Порокъ пьянства, объясняетъ онъ далѣе, распространенъ въ русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Попадетъ извозчикъ на такого пьянаго, валяющагося на улицѣ и ему знакомаго,—взвалитъ его на телѣгу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку. Русскіе никогда не пропускаютъ удобнаго случая выпить или опохмелиться чѣмъ бы то ни было, но большею частію простою водкою» **). Такимъ удобнымъ случаемъ выпить, между прочимъ, было хожденіе въ гости, столь развитое донынѣ, при нашей праздности и гостепріимствѣ. Вотъ какъ описываетъ, напр., Костомаровъ русскій старый пиръ былого времени: «Отличительная черта русскаго пиршества была—чрезвычайное множество кушаньевъ и обиліе въ напиткахъ. Хозяинъ величался тѣмъ, что у него всего много на пиру—«гостьба толсто-трапезна»! Онъ старался напоить гостей, если возможно, до того, чтобы ихъ отвезти безъ памяти во-свояси, а кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина. «Онъ

*) *Костомаровъ*, l. c., стр. 136, 137.

**) Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ. Составленное секретаремъ посольства *Ад. Олеаріемъ*. Пер. Н. П. Барсова. Москва, 1870, стр, 180.

не пьетъ, не ѣстъ—говорили о такихъ—онъ не хочетъ насъ одолжать!» Пить слѣдовало полнымъ горломъ, а не прихлебывать, какъ куры. Кто пилъ съ охотою, тотъ показывалъ, что любитъ хозяина. Женщины, въ то же время пировавшіе съ хозяйкой, также должны были уступать угощеніямъ хозяйки до того, что ихъ отвозили домой безъ сознанія. На другой день хозяйка посылала узнать о здоровьѣ гостьи.—«Благодарю за угощеніе,—отвѣчала въ такомъ случаѣ гостья:—мнѣ вчера было такъ весело, что я не знаю, какъ и домой добрела!» Но, съ другой стороны, считалось постыднымъ скоро сдѣлаться пьянымъ. Пиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ война хозяина съ гостями. Хозяинъ хотѣлъ во что бы то ни стало напоить гостя до-пьяна; гости не поддавались и только изъ вѣжливости должны были признать себя побѣжденными послѣ упорной защиты. Нѣкоторые, не желая пить, изъ угожденія хозяину, притворялись пьяными къ концу обѣда, чтобы ихъ болѣе не принуждали, дабы такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ не опьянѣть. Иногда же случалось на разгульныхъ пирахъ, что заставляли пить насильно, даже побоями» *)...

Послѣ этого описанія понятны становятся въ старинной «Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи» тѣ предостереженія, которыя даются неопытному сыну благоразумными родителями:

«Милое ты наше чадо,
Послушай ученія родительскаго.
. . . . . .
Не ходи, чадо, въ пиръ братчины;
Не садися ты на мѣсто большее,
Не пей, чадо, двухъ чаръ за едину» **)...

Это широкое разливанное море народнаго пьянства въ Россіи XVII в. встрѣчало иногда на своемъ пути стремленіе правительства и высшихъ чиновъ церкви—положить ему предѣлъ, но всѣ попытки въ этомъ отношеніи были крайне робки, непослѣдовательны и невыдержаны. Одна изъ важныхъ причинъ ихъ неуспѣшности заключается, между прочимъ, въ той выдающейся роли, которую съиздавна доходы отъ питей играли въ системѣ русскихъ финансовъ. Такъ, еще въ 1620 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ и патріархъ, собравши московскихъ гостей для переговоровъ о торговлѣ съ Джономъ Меримомъ, объявили откровенно, что нѣтъ другихъ доходовъ, какъ отъ таможни

*) *Костомаровъ*: Очеркъ домашней жизни и нравовъ», и пр., стр. 132, 133.

**) „Памятники старинной русской литературы", изд. Кушелева-Безбородки, подъ ред. Костомарова. «Горе-Злосчастіе», найденное А. Н. Пыпинымъ.

и кабака: «вѣдомо вамъ всѣмъ, что по грѣхамъ въ московскомъ государствѣ отъ войны во всемъ скудость и государской казны нѣтъ нисколько; кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ» *). Въ слѣдующее царствованіе Алексѣя Михайловича кабаки были переименованы въ «кружечные дворы», рѣшено было прекратить отдачу продажи питей на откупъ и ограничить число питейныхъ заведеній. Мало того, на бывшемъ въ 1652 году *соборѣ о кабакахъ*, по совѣту патріарха Никона, правительство постановило ограничить и самый размѣръ продаваемой водки: «продавать *по одной чаркѣ человѣку*, а больше той указной чарки одному человѣку не продавать, и на кружечныхъ дворахъ и близко двора питухамъ сидѣть и питье давать (имъ) не велѣно»... Но прошло немного лѣтъ, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ упадка дохода, опять пришлось вернуться къ старому: уже въ 1659 году, въ царской грамотѣ на Двину, снова предписывалось головамъ и цѣловальникамъ стараться, чтобы «великаго государя казнѣ учинить прибыль и *питуховъ съ кружечнаго двора не отгонять*» **)... Такимъ образомъ, всѣ подобныя правительственныя попытки очень скоро кончались ничѣмъ и нисколько не уменьшали общаго пьянства. Народъ все болѣе и болѣе отвыкалъ отъ домашняго пива (браги) и меда и пристращивался къ водкѣ: объ этомъ можно, между прочимъ, судить косвенно и по строгости наказаній, налагаемыхъ законами XVII в. за тайное винокуреніе («сѣчь руки и ссылать въ Сибирь»).

XVIII-ый вѣкъ не принесъ ничего новаго для отрезвленія русскаго народа: извѣстно всѣмъ, какія грандіозныя попойки происходили еще при самомъ дворѣ Петра I; если во второй половинѣ столѣтія французское вліяніе нѣсколько сгладило въ этомъ отношеніи нравы высшаго общества, то масса народа пила по прежнему, радость и горе топила въ зеленомъ винѣ.

Внѣшнія формы отношенія государства къ питейному вопросу мѣнялись нѣсколько разъ: продажа питей—то монополизировалась правительствомъ, то отдавалась на откупъ; то обѣ формы соединялись вмѣстѣ, причемъ мотивомъ часто выставлялось желаніе уменьшить порокъ, но сущность дѣла—финансовая важность питейнаго дохода для казны—оставалась при всѣхъ различныхъ формахъ та же самая, если только не больше ***), и результаты получались старые, т.-е. рус-

*) *Прыжовъ*, „Исторія кабаковъ въ Россіи“, стр. 127.

**) *Прыжовъ*, l. c., стр. 127, 132 и др.

***) По словамъ Щербатова, винные сборы въ Москвѣ и Петербургѣ, будто

скій народъ пилъ по прежнему, что̀ единогласно подтверждается всѣми свидѣтельствами, какъ русскими, такъ и иностранными *). Тѣ же переходы отъ казеннаго завѣдыванія питьями къ частнымъ откупамъ продолжаются, какъ извѣстно, до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, а вмѣстѣ продолжаются злоупотребленія, вызывавшія необходимость этихъ перемѣнъ и само пьянство; весьма трудно и едва ли даже когда-либо будетъ возможно рѣшить вопросъ, при какой изъ этихъ системъ взиманія у насъ питейнаго дохода злоупотребленія были чаще, а народное пьянство горше **)...

II.

Мы окончили нашъ примѣрный очеркъ печальной исторіи человѣческаго невоздержанія въ нѣсколькихъ государствахъ. Для этой цѣли мы ограничились немногими, но наиболѣе характерными и извѣстными по своему пьянству народами—это китайцы, древніе арійцы, греки, римляне, англичане и наконецъ русскіе. Мы описали ихъ былое по отношенію къ пристрастію къ хмельнымъ напиткамъ и вездѣ одинаково видѣли его сильное развитіе у этихъ націй и прямой вредъ для общественныхъ и даже государственныхъ интересовъ. Посмотримъ въ такомъ же бѣгломъ и краткомъ обзорѣ, что̀ тѣ же народы представляютъ въ отношеніи невоздержанія въ настоящее время? Пользуясь отчасти тѣми же самыми источниками, познакомимся съ современной репутаціей въ этомъ смыслѣ поименованныхъ народовъ. При этомъ, чтобы не отвлекаться отъ предмета изслѣдованія, мы не будемъ почти касаться причинъ могущихъ произойти за продолжительное время перемѣнъ, а лишь констатируемъ, на основаніи компетентныхъ свидѣтельствъ, самый фактъ трезвости и нетрезвости.

«Китай,—говоритъ Бэръ,—есть страна умѣренности, и въ Небесной Имперіи порокъ пьянства въ высшей степени преслѣдуется: даже

бы, съ 700,000 руб., при Елизаветѣ, возросли въ царствованіе Екатерины II уже до 10 милліоновъ (Прыжовъ, стр. 266).

*) См., напр., описаніе у Гмелина нескончаемаго и безобразнаго пьянства въ Сибири, въ статьѣ *А. О. Пыпина*: „Сибирь“, „Вѣстн. Европы“, 1888, апрѣль, стр. 722, 723. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ картина пьянства въ Сибири не измѣнилась къ лучшему; см. „О пьянствѣ въ Россіи“, *М. Е. Заблоцкаго-Десятовскаго* (о числѣ опившихся и проч.).

**) См. *Прыжова*, стр. 258, 265 и пр. Особенно характеренъ описанный здѣсь случай борьбы епископа св. Тихона Задонскаго съ пьянствомъ въ Воронежѣ и послѣдствія, для него, столкновенія съ интересами откупщиковъ.

за границей рѣдко можно встрѣтить пьянаго китайца *)». «Многіе, не колеблясь, утверждаютъ, что пьянство есть грѣхъ неизвѣстный въ Китаѣ, въ настоящее время», — говоритъ Самуэльсонъ **). Правда, оба классическіе изслѣдователя по нашему вопросу оговариваются, указывая на распространеніе въ Китаѣ еще болѣе, нежели алкооль, страшнаго яда—опіума, но онъ распространенъ преимущественно въ городскомъ населеніи, въ приморскихъ пунктахъ, и въ цѣломъ вообще нельзя не признать китайцевъ народомъ очень умѣреннымъ и воздержнымъ.

Индійцы, или древне-арійцы, представляютъ не менѣе огромную перемѣну въ этомъ отношеніи. «Всѣ писатели, — говоритъ Самуэльсонъ, — согласны въ отношеніи народовъ Индіи, что они являются нынѣ сравнительно умѣренной расой, и это мнѣніе преобладаетъ между всѣми европейцами, которые долго жили въ Индіи. Правда, пьянство еще встрѣчается въ нѣкоторыхъ округахъ, но только между низшимъ классамъ или такъ-называемыми полукастами, средніе же и высшіе классы, какъ и населеніе въ цѣломъ, замѣчательно воздержны ***). По всѣмъ свидѣтельствамъ, дурной примѣръ въ Индіи подается лишь завоевателями-англичанами, частью изъ ихъ стремленія получать государственный доходъ отъ торговли спиртными напитками, а частью ихъ личною невоздержностью.

У обоихъ народовъ, у китайцевъ и индійцевъ, какъ на одну изъ важнѣйшихъ причинъ такого поразительнаго перехода отъ описаннаго пьянства къ трезвости, указываютъ обыкновенно на вліяніе двухъ религій—буддизма и ислама. Воспрещеніе пьянства и борьба противъ него составляютъ характеристическую черту обѣихъ религій, хотя этимъ однимъ далеко нельзя всецѣло объяснить описанную перемѣну нравовъ,—причину которой пришлось бы искать во всей бытовой культурной исторіи азіатскихъ народовъ. Такъ, парсы, современные потомки древнихъ персовъ, какъ брамины, остались вѣрны религіи своихъ предковъ, и тѣмъ не менѣе славятся на всемъ Востокѣ своею умѣренностью.

Современные греки, насколько ихъ можно считать потомками древнихъ—народъ въ высшей степени трезвый: «Въ Греціи неумѣренность,—приводитъ Бэръ свидѣтельство,—встрѣчается рѣже, нежели въ какой-либо иной странѣ свѣта, за исключеніемъ развѣ Турціи и дру-

*) Baer, l. c., стр. 148.

**) Samuelson, l. c., стр. 29 и 30.

***) Тамъ же, стр. 46 и 47.

гихъ мусульманскихъ государствъ». Delirium tremens, напр., въ высшей степени рѣдкая болѣзнь въ Греціи *).

Всѣ прямые или побочные потомки древнихъ римлянъ—народы такъ-называемой латинской расы: итальянцы, испанцы, португальцы, французы, славятся своею трезвостью и счастливо выдаются въ этомъ отношеніи передъ прочими народами, почему и не попали въ наше описаніе средневѣкового пьянства. «Пьянство,—говоритъ Бэръ объ Италіи,—есть тамъ въ высшей степени рѣдкое явленіе и такъ мало имѣетъ соціальнаго значенія, что органы законодательства и общественнаго порядка не имѣютъ надобности о немъ безпокоиться». Въ обѣихъ странахъ—Испаніи и Португаліи—«низшіе классы, по его же словамъ, отличаются невѣроятною умѣренностью, и порокъ пьянства со всѣми его дурными послѣдствіями, особенно въ Испаніи, почти неизвѣстенъ: только иностранцевъ можно встрѣтить пьяными **)» «Франція,—говоритъ далѣе этотъ нѣмецкій классическій изслѣдователь пьянства,—всегда считалась за необыкновенно умѣренную страну ***). Лишь послѣдніе годы, съ упадкомъ винодѣлія, вслѣдствіе филоксеры и др. причинъ, и съ распространеніемъ поэтому, особенно въ сѣверныхъ департаментахъ страны потребленія водки, невоздержность усилилась и начала привлекать вниманіе законодательства и общественнаго мнѣнія.

Англійскій писатель, несмотря на огромное количество напитковъ, поглощаемыхъ нѣмцами, причисляетъ Германію къ умѣреннѣйшимъ странамъ въ Европѣ, и если нѣкогда, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, нѣмецкое пьянство было поговоркой у всѣхъ европейцевъ, и порокъ этотъ чуть-ли не грозилъ Германіи судьбою древняго Рима, то нынѣ, по его словамъ, замѣчается поразительно рѣзкая перемѣна къ лучшему. Онъ ее приписываетъ множеству разнородныхъ причинъ—распространенію образованія въ массѣ народа, любви къ музыкѣ и другимъ искусствамъ, усиленному употребленію слабаго пива на счетъ спиртныхъ напитковъ, сдѣлавшихся популярными въ эпоху тридцатилѣтней войны, распространенію кофе, чая и другихъ невинныхъ подстановокъ за хмельное питье, и многимъ инымъ причинамъ. «Еслибы,—говоритъ въ заключеніе тотъ же англичанинъ, — германскій народъ былъ такъ же успѣшенъ въ своей борьбѣ за политическую свободу, какъ и въ освобожденіи себя отъ застарѣлаго порока ихъ предковъ,

*) Baer, l. c., стр. 158.

**) Baer, стр. 156.

***) То же, стр. 158.

то можно было бы не колеблясь предсказать великую и счастливую судьбу ихъ «фатерланду» *)».

Гораздо менѣе замѣтный прогрессъ въ смыслѣ воздержанія обнаруживается въ Англіи, хотя и здѣсь, по словамъ того же безпристрастнаго англійскаго наблюдателя, если взять для сравненія большой періодъ времени, то уменьшеніе пьянства тамъ, въ связи съ несомнѣннымъ повышеніемъ нравственныхъ требованій въ этомъ отношеніи, не подлежитъ спору. Прежде всего,—какъ говоритъ нашъ авторъ, — «no english gentleman now gets drunk», — т.-е. ни одинъ, въ англійскомъ смыслѣ, порядочный человѣкъ, принадлежащій къ среднему или высшему классу, не позволитъ себѣ напиться — идея, которая совсѣмъ не могла имѣть хода, какъ мы видѣли выше, даже въ придворныхъ кругахъ, не дальше какъ въ XVIII вѣкѣ. Вообще, увеличеніе привычекъ воздержанія въ этихъ классахъ англійскаго общества весьма замѣтно всякому наблюдателю: многія тысячи англичанъ средняго и высшаго классовъ, и даже въ томъ числѣ принадлежащіе къ военнымъ и морякамъ, которые всегда славились пьянствомъ, и къ университетской молодежи, состоятъ членами обществъ воздержанія, т.-е. не пьютъ никакихъ хмельныхъ напитковъ. Но и въ рабочемъ классѣ Самуэльсонъ замѣчаетъ значительное измѣненіе къ лучшему. Пользуясь преимущественно городской статистикой для нѣкоторыхъ промышленныхъ центровъ, онъ старается подтвердить свое положеніе замѣтнымъ уменьшеніемъ арестованныхъ за пьянство. Противъ этого положенія возражаютъ обыкновенно ссылкой на увеличеніе потребленія хмельныхъ напитковъ, но этотъ аргументъ, во-первыхъ, устраняется извѣстнымъ соображеніемъ, что потребленіе напитковъ отнюдь не совпадаетъ непремѣнно съ невоздержностью, и очень часто практика жизни и исторія доказываютъ противное; во-вторыхъ, потребленіе это увеличивается въ массѣ народа вмѣстѣ съ общимъ поднятіемъ его благосостоянія и ростомъ потребленія другихъ, болѣе невинныхъ напитковъ, какъ кофе, чай и пр. Какъ бы то ни было, пьянство въ англійскомъ народѣ, и въ томъ числѣ — что особенно прискорбно — между женщинами, еще довольно сильно, вызываетъ значительныя жалобы и потребность въ борьбѣ.

Еще менѣе замѣтна перемѣна къ лучшему въ послѣдней изъ исчисленныхъ странъ—въ нашемъ отечествѣ. Правда, нравы нашего средняго и высшаго класса должны были нѣсколько улучшиться за текущее столѣтіе, и мы, т.-е. лица этихъ двухъ классовъ, не пьемъ такъ

*) Samuelson, l. c., стр. 115, 116, 117.

безобразно и не относимся въ такой степени снисходительно къ пьянству, какъ это было, напр., еще въ XVIII вѣкѣ; въ большинствѣ случаевъ мы уже не задаемъ такихъ пировъ, которые были такъ обычны нашимъ предкамъ и описаны нами выше; въ нашемъ обществѣ, вѣроятно, рѣже хвастаются количествомъ выпитаго, чѣмъ прежде, и въ Москвѣ меньше валяется пьяныхъ, нежели во времена посѣщенія нашей столицы Олеаріемъ. Нѣкоторый прогрессъ въ этихъ двухъ классахъ общества, что̀ бы ни говорили, несомнѣненъ, но имъ, кажется, все дѣло и ограничивается. Что касается до огромной массы русскаго народа, то пьянство, повидимому, въ немъ нисколько не слабѣетъ: жалобы на него, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, отъ лицъ разныхъ сословій, раздаются со всѣхъ концовъ Россіи. Правительство неоднократно озабочивалось широкимъ развитіемъ этого зла и, какъ извѣстно, даже обращалось по этому поводу за совѣтомъ къ губернскимъ областнымъ коммиссіямъ по питейному дѣлу. Въ то же время голоса представителей прессъ и науки (съѣзды врачей и спеціальные журналы) никогда не слышались такъ часто, какъ нынѣ, съ указаніями на распространеніе гибельныхъ послѣдствій пагубной привычки и настояніями о необходимости принятія неотложныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, обратно съ другими, нѣкогда отличавшимися пьянствомъ странами, *Россія никакъ не можетъ похвалиться успѣхомъ въ смыслѣ воздержанія*, и вопросъ можетъ заключаться лишь въ томъ, увеличилось ли у насъ пьянство, или осталось то же; но мы сами стали болѣе заботливы и чувствительны къ нашей народной слабости, лучше сознавая всѣ ея невыгоды.

Первый общій выводъ, который получается изъ сдѣланнаго нами очерка, состоитъ въ томъ, что, при допущеніи даже инстинктивной наклонности человѣка къ возбуждающимъ напиткамъ, *пьянство не представляетъ, однако, чего-либо неизмѣннаго и постояннаго*; измѣняется культура народа, образованіе, религія и другіе мало изслѣдованные факторы — въ то же время происходитъ перемѣна и въ наклонности человѣка къ вину, и у пьяныхъ предковъ могутъ получиться трезвые потомки, какъ мы видѣли на большинствѣ приведенныхъ примѣровъ. Пьянство, слѣдовательно, не представляетъ какого-либо слѣпого, непреложнаго закона природы, и *борьба съ нимъ возможна.*

Во-вторыхъ, *пьянство* можетъ развиться и существовать у *народа всякой расы и всякаго климата*, какъ мы это и видѣли на приведенныхъ примѣрахъ. Индіецъ, живущій въ жаркомъ климатѣ, и русскій—въ холодномъ, нѣмецъ—въ умѣренномъ климатѣ, китаецъ (туранской

расы)—въ тепломъ, одинаково считали своимъ національнымъ порокомъ пьянство и желали отъ него избавиться, хотя и съ разными, можетъ быть, результатами. Но если прямого дѣйствія на пьянство климатъ не имѣетъ, то можетъ оказывать вліяніе, какъ мы убѣдимся дальше, на выборъ напитковъ, и тѣмъ, *косвенно*, на силу самого пьянства и трудность борьбы съ нимъ.

Въ-третьихъ, изъ сдѣланнаго очерка намъ выясняется, что *степень культуры* или цивилизаціи различныхъ странъ, для размѣровъ пьянства, *имѣетъ лишь условное значеніе*, которое перевѣшивается часто многими другими вліяніями. Доказательство—цивилизованный, но невоздержный англичанинъ—завоеватель, и его подданный—невѣжественный, но трезвый индіецъ. То же самое можно сказать, напр., о голландцѣ въ сравненіи съ туркомъ, и о русскомъ въ сравненіи съ киргизомъ. Несомнѣнно, однако, что поднятіе общей культуры и распространеніе образованія въ массахъ народа непремѣнно, *для одной и той же страны*, отражается благопріятно въ смыслѣ сокращенія наклонности къ хмельнымъ напиткамъ. Начало этому перевороту обыкновенно кладется въ высшихъ, болѣе образованныхъ классахъ: въ нихъ раньше всего начинается нравственное перерожденіе, которое постепенно уже распространяется на весь народъ. Воззрѣнія становятся строже: самая мѣрка общественнаго отношенія къ пороку ростетъ и повышается, уже болѣе нѣтъ слѣдовъ старой снисходительности; даже опредѣленіе пьянства измѣняется: предокъ современнаго нѣмца навѣрное не считался пьяницей, если при каждой веселой пирушкѣ, въ кругу товарищей, «падалъ подъ столъ», какъ поется про старину въ одной нѣмецкой студенческой пѣснѣ; между тѣмъ нѣмецъ-сподвижникъ Бисмарка и Мольтке можетъ счесть для себя унизительнымъ такое положеніе, и, чтобы прослыть пьяницей нынѣ, въ его глазахъ, даже достаточно такого потребленія хмельныхъ напитковъ, которымъ нарушается нормальный ходъ дѣятельности человѣка, хотя бы это не сопровождалось никакимъ рѣзкимъ проявленіемъ.

По тѣмъ же соображеніямъ нѣтъ основанія думать, чтобы пьянство у насъ въ Россіи непремѣнно усилилось. Напротивъ, оно во всякомъ случаѣ не превышаетъ размѣровъ неумѣренности нашихъ предковъ XVIII и XVII вѣка. Не увеличилось оно и за послѣднюю четверть вѣка со времени отмѣны крѣпостного права. Но мы сами, средній классъ, сдѣлались, нѣтъ сомнѣнія, нѣсколько воздержнѣе, а потому и строже къ другимъ: пьянство въ народѣ и безобразія, совершающіяся въ питейныхъ заведеніяхъ и на улицѣ, уже чувствительнѣе и рѣзче поражаютъ насъ. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе опытныхъ и свѣду-

щихъ по этому вопросу публицистовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что прежде пьянство было и считалось какъ бы принадлежностью, единственнымъ правомъ крѣпостного человѣка, лишеннаго даже возможности располагать собою, своимъ семействомъ и своими достатками. «Пусть-де,—говорили помѣщики,—Ванька или Ѳедька напьется, завтра я заставлю его вдвое отработать». И Ванька, и Ѳедька пили и упивались—и хоть на нѣсколько часовъ забывали свою горькую участь. Совсѣмъ не то теперь: мы стали несравненно требовательнѣе къ людямъ, провозглашеннымъ намъ равными; мы огорчаемся и оскорбляемся ихъ неумѣніемъ и какъ бы неспособностью вести себя и свои дѣла; мы забываемъ прошедшее и съ негодованіемъ относимся къ настоящему; и потому пьянство насъ сильнѣе поражаетъ и кажется намъ все болѣе и болѣе усиливающимся» *).

Но, съ другой стороны, съ нѣкоторыхъ поръ въ нашей печати замѣчается иное, весьма опасное стремленіе—закрывать глаза на народные недостатки; частью это можетъ происходить изъ похвальнаго, но ложно толкуемаго чувства патріотизма, частью—является какъ противовѣсъ тѣмъ неразборчивымъ публицистамъ, которые чуть не всѣ неурядицы нашей общественной жизни стараются приписать исключительно пьянству и необузданности народа: во всякомъ случаѣ у насъ нерѣдко высказывается сомнѣніе какъ въ размѣрахъ, такъ и въ значеніи, которое приписывается этому злу. Обыкновенно разсуждаютъ такимъ образомъ: потребленіе спиртныхъ напитковъ въ Россіи не превосходитъ ихъ средняго уровня въ Европѣ, т.-е. меньше, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, напримѣръ хотя бы въ Германіи и Англіи, особенно принимая во вниманіе малое потребленіе у насъ другихъ напитковъ, кромѣ водки **). А отсюда дѣлается логически неправильный скачокъ: слѣдовательно, выходитъ, пьянство у насъ не Богъ знаетъ какъ велико, важность и необходимость борьбы противъ него преувеличены, и слѣдовательно нѣтъ надобности, особенно въ виду другихъ назрѣвшихъ вопросовъ, особенно заботиться о немъ. Посмотримъ, такъ ли это.

*) *А. Кошелевъ*: «О мѣрахъ къ сокращенію пьянства». Москва, 1881 (изъ газеты «Земство»).

**) Впрочемъ, не нужно забывать сильно развитое у насъ корчемство и контрабанду спирта, которыя значительно увеличиваютъ истинную цифру потребленія. По разсчету и категорическому утвержденію барона Нольде, казна наша теряетъ вслѣдствіе злоупотребленій $151^{7}/_{10}$ милліоновъ рубля ежегодно, а среднее потребленіе вина въ Россіи—54,1 гр. на каждаго жителя вмѣсто офиціальнаго 32 гр. См. барона Э. Нольде, Питейное дѣло и акц. сист. Ч. II, 1883, стр. 103.

Прежде чѣмъ утѣшиться легкимъ разсужденіемъ, что у насъ пьютъ не больше, а даже скорѣе меньше, нежели во многихъ странахъ Европы, слѣдовало бы первоначально доказать, что тамъ пьютъ мало или вообще не злоупотребляютъ спиртными напитками; но кто же и когда-либо доказалъ что-нибудь подобное? Напротивъ, мы знаемъ, что сотни публицистовъ и выдающіеся государственные люди въ западной Европѣ (не исключая Бисмарка, хотя онъ и похвалилъ когда-то furor teutonicus) относятъ алкоолизмъ къ величайшимъ бѣдствіямъ современной Европы, предлагаютъ разнороднѣйшія мѣры къ его устраненію и даже въ такихъ искони трезвыхъ странахъ, какъ Франція, проектируютъ разнородныя средства къ его уменьшенію. И такъ, ссылка на Европу въ этомъ случаѣ намъ не примѣръ *). Кромѣ того, какъ нами уже было раньше указано, потребленіе напитковъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ злоупотребленіемъ ими. Народъ можетъ потреблять много, но если это потребленіе распредѣляется въ теченіе года равномѣрно и производится въ умѣренныхъ дозахъ, то вредные результаты, или пьянство, будутъ незначительны, и наоборотъ, при незначительномъ, но неравномѣрномъ потребленіи, пьянство можетъ явиться очень крупнымъ зломъ. Здѣсь опять напомнимъ сдѣланное нами опредѣленіе понятія этого порока: подъ пьянствомъ мы разумѣемъ такое потребленіе хмельныхъ напитковъ, которое нарушаетъ обычный нормальный ходъ дѣятельности человѣка; исходя изъ этой точки, лицо, много потребляющее напитковъ, можетъ не злоупотреблять ими и, напротивъ, мало, а слѣдовательно, рѣдко ихъ пьющій—можетъ иногда считаться пьяницей **). Для доказательства этой простой истины ограничимся лишь однимъ примѣромъ. Въ новѣйшемъ и солидномъ изслѣдованіи по предмету сюда близкому оказывается, что по офиціальнымъ даннымъ число опившихся или умершихъ у насъ отъ пьянства (конечно, гораздо ниже дѣйствительнаго) составляетъ для всей Европейской Россіи нѣсколько менѣе двухъ (1,93)

*) См. сообщеніе Рейнбота. Труды Русскаго Общества Охраненія Народнаго Здравія. Вып. II, С.-Петербургъ, 1884, стр. 5.

**) Извѣстный путешественникъ Вамбери говоритъ, что „на Западѣ—большое число пьющихъ и малое—пьяницъ, на Востокѣ—совершенно наоборотъ, т.-е. при маломъ числѣ пьющихъ—много пьяницъ". Если это замѣчаніе справедливо, о чемъ не беремся судить, то нѣтъ сомнѣнія, что Россія въ данномъ отношеніи стоитъ ближе къ Востоку, нежели къ Западу. Достаточно припомнить извѣстный фактъ, что національные напитки, какъ пиво у нѣмцевъ, вино у итальянцевъ и французовъ (сидръ въ Нормандіи)—пьются рѣшительно почти всѣми лицами обоего пола и чуть не съ младенчества, и какъ, между тѣмъ, сравнительно съ нами трудно встрѣтить въ этихъ странахъ—пьянаго!..

pro mille (т.-е. два случая на тысячу умершихъ), причемъ число это спускается для привислянскихъ губерній до 0,69, Финляндіи—0,53 и прибалтійскихъ губерній—0,19; максимальной величины число умершихъ отъ запоя достигаетъ въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ и частію сѣверо-восточныхъ, вездѣ не менѣе двухъ съ половиною pro mille, а въ вятской доходитъ даже до огромной цифры 11,5 общей смертности. Если злоупотребленіе напитками тождественно съ потребленіемъ, то слѣдовало бы ждать, что гдѣ больше умираетъ отъ пьянства, тамъ больше и выпивается вина, и наоборотъ. Что же получается въ дѣйствительности? Изъ сопоставленія числа опившихся по губерніямъ съ данными изъ отчета д-та неокл. сборовъ м-ва финансовъ о потребленіи вина по губерніямъ выходитъ, что, при разсчетѣ потребленія на каждаго жителя въ центральныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, не только не выпивается больше напитковъ, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, но, напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. симбирской, вологодской и особенно вятской, отличающейся своею колоссальною смертностью отъ опоя, *количество выпиваемой водки меньше даже, чѣмъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ* съ минимальнымъ количествомъ умирающихъ отъ пьянства. Поэтому, очевидно, дѣло не въ томъ, *сколько выпивается* спиртныхъ напитковъ, а въ томъ, *какъ они выпиваются*: умѣренно пьющій человѣкъ, употребляя ежедневно за обѣдомъ и ужиномъ по одной рюмкѣ средняго размѣра, выпиваетъ въ годъ 2,61 ведра водки или съ небольшимъ 1 ведро безводнаго спирта; между тѣмъ на каждаго пьющаго въ Россіи (считая дѣйствительными потребителями лишь треть населенія) приходится въ годъ 0,90 ведра безводнаго спирта или 2,25 обыкновенной водки, т.-е. на 0,36 ведра менѣе того, сколько выпиваетъ умѣренно пьющій человѣкъ. Но тогда какъ послѣдній все это количество равномѣрно распредѣляетъ на весь годъ, многіе изъ нашего рабочаго люда употребляютъ свою долю въ 25—30 разъ и, главнымъ образомъ, въ большіе праздники и въ торжественные случаи своей жизни, а этотъ «разъ» составитъ отъ 21 до 25 рюмокъ, т.-е. такое количество, которое во многихъ случаяхъ совершенно достаточно, чтобы убить человѣка *).

Вредное вліяніе обычнаго у насъ способа питья вина издавна указывалось всѣми изслѣдователями и чуть ли не связано съ его нерегулярнымъ употребленіемъ. «Мелкіе люди,—говорилъ Крижаничъ о

*) См. интересное изслѣдованіе д-ра *С. Смидовича* о насильственныхъ и случайныхъ смертяхъ въ „Вѣстникѣ Судебной Медицины и Общественной Гигіены". Т. I. 1887.

русскихъ еще въ XVII вѣкѣ,—чуть ли не всегда лишены напитка, и оттого дѣлаются чрезмѣрно жадны на питье, безстыдны и почти бѣшены, такъ что какую ни подать большую посуду съ виномъ, они считаютъ за заповѣдь Божію и государеву выпить ее въ одинъ духъ; и когда они соберутъ нѣсколько деньжонокъ и придутъ въ кабачный адъ, тогда сбѣсятся въ конецъ и пропиваютъ и рухлядь, какая есть дома, и одежду съ плечъ». То же самое о пьянствѣ великороссовъ говоритъ извѣстный путешественникъ Гакстгаузенъ, благопріятно отличая отъ нихъ въ этомъ отношеніи малороссовъ и поляковъ, что̀ подтверждается, впрочемъ, и новыми вышеприведенными данными. Такой опытный современный наблюдатель, какъ Кошелевъ, высчитываетъ въ Германіи, Швеціи, Даніи и царствѣ польскомъ потребленіе спирта вдвое противъ насъ. «Между тѣмъ,—говоритъ онъ,—тамъ рѣдко увидишь пьянаго, а у насъ, во время храмовыхъ праздниковъ, на свадьбахъ, на масляницѣ, на Святой недѣлѣ и на базарахъ — пьяные валяются всюду. Слѣдовательно, не вина выпивается у насъ много, а безумно оно пьется» *).

Итакъ, если не питье, то пьянство у насъ несомнѣнно велико: кто бывалъ за границей, тотъ не могъ, конечно, не поражаться тѣмъ, что несмотря на многочисленность мѣстъ питейной продажи и бо̀льшее количество выпиваемаго, пьяныхъ или пьяницъ вездѣ несравненно меньше, чѣмъ у насъ. Пьянство господствуетъ въ Россіи, губитъ нашъ народъ, и съ этимъ грустнымъ фактомъ необходимо считаться, не закрывая глазъ и не умаляя зла. Насколько же зло велико, мы это видимъ изъ ежедневныхъ наблюденій надъ народомъ. Пьянство слишкомъ вкоренилось въ нашу народную жизнь и искажаетъ ее не только въ экономическомъ, но и въ семейномъ и чисто духовномъ отношеніи. Обѣднѣніе, семейный разладъ, дикія кулачныя расправы, часто доходящія даже до суда—все это обычный результатъ страсти къ вину **). Продолжительное, многовѣковое пьянство и привычка къ нему отразились замѣтно и на нравственныхъ воззрѣніяхъ народа. Нашъ народъ любитъ выражать свою моральную философію въ пословицахъ и поговоркахъ: что̀ же представляютъ собой эти сентенціи русской народной мудрости по вопросу о пьянствѣ? Мы видимъ у нашего народа цѣлыя сотни пословицъ о пьянствѣ и пьяныхъ—и, какъ всегда, pro и contra, но съ замѣтнымъ преобладаніемъ первыхъ, т. е.

*) *Кошелевъ*: „О мѣрахъ къ сокращенію пьянства“. Москва, 1881, стр. 5.

**) См. статьи Лудмера: „Бабьи стоны“, помѣщенныя въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

благопріятствующихъ пьянству. Къ пьяному же народъ относится вообще не только снисходительно, но любовно, и готовъ, повидимому, не только оправдывать его, но чуть не ставить въ заслугу и поощрять къ дальнѣйшимъ безобразіямъ: «Не пить, такъ на свѣтѣ не жить»; «Пить — горе, а не пить — вдвое»; «Сегодня пьянъ — не великъ изъянъ»; «не буянъ, такъ и не пьянъ»; «не пьетъ, а съ посудой глотаетъ»; «пьянъ да умный, человѣкъ думный»; «пьянъ да Уменъ, два угодья въ немъ»; «пьянъ да глупъ, такъ больше бьютъ»: «пьяница проспится, къ дѣлу годится»; «пей, не робѣй, вино пей, жену бей, ничего не бойся!»

Впрочемъ, не однѣми пословицами поддерживается и оправдывается зло, слишкомъ очевидное для того, чтобы настойчиво подумать о мѣрахъ противодѣйствія ему въ интересахъ не одного настоящаго, но и всѣхъ грядущихъ поколѣній. Къ оцѣнкѣ его и обсужденію этихъ мѣръ мы и перейдемъ теперь.

III.

Продолжительная и упорная болѣзнь требуетъ, конечно, и серьезнаго леченія—между тѣмъ пьянство принадлежитъ къ такимъ соціальнымъ недугамъ, которымъ многія страны, и спеціально Россія, страдаютъ уже многія столѣтія. Можно a priori сказать, что здѣсь помогутъ лишь средства медленныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительныя, а въ принятіи послѣднихъ необходима твердая увѣренность какъ въ опасности или серьезности самого недуга, такъ и въ практической пригодности предлагаемыхъ средствъ. Поэтому мы должны остановиться первоначально на изложеніи главнѣйшихъ пагубныхъ результатовъ пьянства для общества и указать тѣ подтвержденныя наукой послѣдствія для народныхъ интересовъ, въ которыхъ сомнѣваться невозможно.

Пьянство, какъ болѣзнь въ медицинскомъ значеніи этого слова, разумѣется, не всегда приводитъ *прямо* къ смерти, но замѣчено, что оно предрасполагаетъ къ воспринятію многихъ болѣзней и, разрушая организмъ, дѣлаетъ его менѣе устойчивымъ противъ болѣзнетворныхъ вліяній. Но, конечно, разсчитать все вредное въ этомъ отношеніи значеніе его и указать его долю вліянія въ общей смертности страны невозможно, какъ невозможно опредѣлить и степень заболѣваемости по этой причинѣ. Для оцѣнки вліянія въ данномъ отношеніи пьянства, приходится довольствоваться лишь весьма неполными повсюду свѣдѣніями о заболѣваніи алкоолизмомъ, или числомъ въ странѣ умершихъ

отъ опоя, причемъ большинство таковыхъ лицъ не попадаетъ въ списки, а значится въ случайныхъ смертяхъ или относится часто къ другимъ причинамъ и попадаетъ въ рубрики умершихъ отъ другихъ болѣзней. Тѣмъ не менѣе, какъ это подтверждается наблюденіемъ за многіе годы въ разныхъ странахъ, при всей неполнотѣ этихъ данныхъ между числомъ лицъ, злоупотребляющихъ спиртнымъ напиткомъ, и количествомъ лицъ опившихся, повидимому, существуетъ правильное соотношеніе, т. е. изъ опредѣленнаго числа пьющихъ постоянно опивается до смерти извѣстное опредѣленное число. По свѣдѣніямъ, разработаннымъ г. Смидовичемъ, среднее годичное число умершихъ отъ опоя въ европейской Россіи въ предѣлахъ 1879—1884 гг. составляло 5,603 случая, или около двухъ смертей (1,93) на тысячу общей годичной смертности *), причемъ максимумъ, какъ мы говорили, приходится на великороссійскія губерніи и прогрессивно возростаетъ по направленію къ сѣверо-востоку. Въ общемъ количествѣ случайныхъ смертей, пьянство занимаетъ первенствующее мѣсто, и главнымъ образомъ среди мужского населенія. Въ западной и южной частяхъ Россіи оно составляетъ отъ 1 до 10 процентовъ на все число случайныхъ смертей; въ сѣверной—отъ 10 до 20%; въ центральной—отъ 20 до 34, и въ восточной оно доходитъ даже до 40%; т. е. причина почти половины всѣхъ случайныхъ смертей заключается въ злоупотребленіи спиртными напитками **). Въ Сибири, насколько можно судить по даннымъ, нѣсколько уже устарѣвшимъ, приводимымъ д-ромъ Шмелевымъ, число это должно быть еще выше, нежели въ европейской Россіи ***). Эти цифры по своей высотѣ поразительны, особенно принимая во вниманіе всю ихъ неполноту, и лучше всякихъ иныхъ объясненій показываютъ всю глубину обще-государственнаго бѣдствія отъ пьянства. Около 6,000 людей, почти исключительно взрослыхъ, вырываются смертью! Добавимъ къ этому, что по крайне неполнымъ даннымъ отчета медицинскаго департамента за 1884 годъ у насъ значилось больныхъ алкоголиковъ цѣлыхъ 11,004 человѣка.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить сравнительную высоту приведеннаго выше статистическаго факта объ опоѣ, достаточно указать, что въ Пруссіи, при полнотѣ и превосходствѣ ея статистическихъ

*) За 1887 г. было однѣхъ *внезапныхъ смертей отъ пьянства* 4,128 муж. пола и 389 ж. п., см. Сборникъ свѣдѣній по Россіи 1890 года, стр. 19.

**) Статья Смидовича въ «Вѣстникѣ Суд. Мед. и Общ. Гигіены». Томъ I, 1887.

***) См. изслѣдованіе д-ра Шмелева: «О мѣрахъ противъ пьянства», въ «Сборникѣ сочиненій по Судебной Медицинѣ, Суд. Психіатріи, Мед. Полиціи» и т. д. Т. I, 1873.

свѣдѣній, число опившихся лицъ составляетъ всего лишь 4,65% на всѣ случайныя смерти, т. е. менѣе даже чѣмъ въ западной и южной Россіи, а сравнительно—въ восточной Пруссіи опивается почти въ *девять* разъ менѣе людей, нежели у насъ!

Но помимо случаевъ прямой смерти отъ пьянства, злоупотребленіе напитками должно отражаться на продолжительности жизни. Этотъ фактъ признанъ на практикѣ англійскихъ страховыхъ обществъ (страхованія жизни), которыя, дѣйствуя чисто на коммерческихъ началахъ, нашли поэтому возможнымъ уменьшить страховыя преміи лицамъ, принадлежащимъ къ обществамъ воздержанія, т.-е. непьющимъ хмельныхъ напитковъ. Данныя, собранныя этими обществами, вполнѣ подтверждаютъ вѣрность разсчета, что смертность между пьющими несравненно сильнѣе, нежели между воздержными. Въ настоящее время въ Англіи и Америкѣ, во-первыхъ, существуютъ спеціальныя общества для страхованія жизни лицъ, непьющихъ по весьма льготному тарифу, и во-вторыхъ, такія общества, которыя, принимая всѣхъ безъ различія, для членовъ воздержанія полагаютъ уменьшенную премію. Въ одномъ изъ подобныхъ крупныхъ обществъ, «United Kingdom Temperance and General Provident Institution» за пятнадцать лѣтъ, отъ 1864 по 1879 годъ, въ отдѣленіи общаго страхованія, т. е. всякихъ лицъ по теоріи вѣроятности ожидалось 3,450 смертей, въ дѣйствительности же случилось 3,444 смерти; между тѣмъ въ отдѣленіи членовъ воздержанія ожидалось смертей 2,002, а случилось въ дѣйствительности лишь 1,433. Такой же фактъ рѣзкой разницы не только въ смертности, но и въ заболѣваемости непьющихъ отмѣченъ статистикой и другихъ страховыхъ обществъ и даетъ имъ право, поэтому, легко соглашаться для такихъ лицъ на уменьшеніе страховыхъ премій. По вычисленію извѣстнаго статистика Нейссона, ожидаемая продолжительность жизни лица, пьющаго въ возрастѣ 20 лѣтъ, составляетъ не болѣе 15,6 лѣтъ, въ то время когда для непьющаго — 44,2; въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ для пьющаго—13,8, для непьющаго—36,5 *).

Цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ изслѣдованій и сопоставленіемъ статистическихъ данныхъ констатированъ точно фактъ связи между пьянствомъ и количествомъ самоубійствъ. Частью опьяненіе, какъ ненормальное психическое состояніе, непосредственно можетъ привести къ такому результату; частью же самоубійство можетъ явиться какъ

*) См. „The National Temperance League Annual for 1881“, стр. 130; и Baer l. c., стр. 310.

ближайшее послѣдствіе обѣднѣнія, причиненнаго пьянствомъ *). По даннымъ, приводимымъ Эттингеномъ, 12,6% всѣхъ самоубійствъ—изъ значительнаго числа разсматриваемыхъ имъ для четырехъ странъ—являются послѣдствіемъ невоздержности. По изслѣдованіямъ Brière de Boimonts въ Парижѣ, $^1/_8$ часть всѣхъ самоубійствъ въ этомъ городѣ кончаютъ жизнь подъ вліяніемъ этой болѣзни. Въ Пруссіи, по наблюденіямъ за значительное число лѣтъ, около 8% самоубійцъ умираетъ подъ вліяніемъ алкоолизма **).

Еще болѣе близкая и непосредственная связь доказана наукой между пьянствомъ и психическимъ разстройствомъ. Проф. Мержеевскій въ рѣчи своей при открытіи перваго съѣзда отечественныхъ психіатровъ въ Москвѣ, въ 1887 году, категорически заявилъ, что между ненормальными условіями, благопріятствующими развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней у насъ, злоупотребленіе спиртными напитками, какъ и вліяніе окружающей среды, занимаетъ первое мѣсто. «Состояніе,—говоритъ онъ, — извѣстное подъ названіемъ хроническаго алкоолизма представляетъ ту почву, на коротой широко произрастаютъ прискорбныя общественныя явленія, находящіяся въ тѣсной взаимной связи между собой, а именно—съ одной стороны, пауперизмъ и преступленіе, съ другой—помѣшательство. Послѣднее обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что алкооликъ носитъ на себѣ признакъ физическаго и психическаго вырожденія въ столь сильной степени, что, подъ вліяніемъ самыхъ незначительныхъ причинъ, у него нарушается регуляторная дѣятельность психическихъ центровъ и возникаютъ психозы, то болѣе острые, то болѣе длительные, и кромѣ того вырожденіе алкоолика передается его потомству» ***).

По словамъ г. Мержеевскаго, число душевно-больныхъ, вслѣдствіе

---

*) Вотъ буквальная перепечатка почти каждодневнаго «происшествія» изъ «Вѣдомостей Московской Городской Полиціи», № 54, отъ 11-го марта 1888 г.:

«*Покушенія на самоубійство.* 9-го марта, въ ночлежной квартирѣ, содержимой крестьянкою Савушкиною, въ домѣ Зимина въ Проточномъ переулкѣ, 2-го участка Хамовнической части, неизвѣстный мужчина, покушаясь на самоубійство, намѣревался повѣситься, но во-время усмотрѣнный, былъ освобожденъ изъ петли, безъ вреда для здоровья. При дознаніи мужчина этотъ, назвавшись крестьяниномъ Харлампіемъ Степановымъ, 21 года, *объяснилъ, что рѣшился на самоубійство вслѣдствіе пьянства.* Производится дознаніе».

**) См. „L'Alcoolisme en Suisse et les Moyens d'en combattre les progrès. Rapport présénté à la Société Suisse d'Utilité Publique", par M. M. *Roulet* et *Comtesse*. Zürich, 1881, стр. 36.—Baer, l. c, стр. 300.

***) Труды перваго съѣзда отечественныхъ психіатровъ, происходившаго въ Москвѣ съ 5-го по 11-е января 1887 года. С.-Петербургъ, 1887. Стр. 15 и 17.

порока пьянства, доходитъ у насъ въ больницахъ отъ 7% до 42%. Въ то же самое время во Франціи число сумасшествій, приписываемыхъ пьянству, составляетъ отъ 27 до 38%, въ Америкѣ—до 20, а для Швейцаріи за новѣйшее время Roulet и Comtesse высчитываютъ его отъ 15 до 16% *); и въ Англіи, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ—14% общаго числа сумасшедшихъ (21,1% муж. п. и 7,6% для женщинъ) **). По свѣдѣніямъ извѣстнаго статистическаго словаря Мюльгалля, число сумасшествій отъ пьянства въ разныхъ странахъ распредѣляется въ размѣрѣ отъ 12 до 28% ***).

Тѣсная связь между пьянствомъ и преступностью единогласно подтверждается множествомъ авторитетныхъ изслѣдователей; такъ, въ Пруссіи, по словамъ Бэра, отъ 50 до 60% всѣхъ преступленій совершаются подъ вліяніемъ алкооля; въ Англіи—отъ $^3/_4$ до $^4/_5$ всѣхъ преступленій, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, являются будто бы результатомъ пьянства; въ Швейцаріи, по изслѣдованіямъ д-ра Гильома, въ пяти тюрьмахъ половина заключенныхъ были преданы пьянству; въ Голландіи, по изслѣдованію Вишера,—отъ 75 до 80% преступленій совершены подъ дѣйствіемъ алкооля; и, наконецъ, въ Швеціи, по словамъ Гилленшильда, около $^3/_4$ всѣхъ происходящихъ преступленій совершались подъ вліяніемъ водки ****).

Само собою понятно также, что если пьянство, какъ справедливо замѣчаетъ химикъ Либихъ, бываетъ весьма часто послѣдствіемъ бѣдности, то въ свою очередь, какъ доказываютъ даже ежедневныя наблюденія, оно и производитъ нищету. «Мы пьянствуемъ,—отвѣчали мазу́ры одному изслѣдователю,—потому, что мы бѣдны; но мы бѣдны потому, что пьянствуемъ» *****). Помимо расходовъ на свою пагубную страсть, привычный пьяница прежде всего плохой работникъ, какъ бы ловокъ и искусенъ онъ отъ природы ни былъ: хозяинъ мало дорожитъ имъ, не даетъ ему полнаго жалованья, и онъ, конечно, ничего не сбережетъ про черный день. По моимъ личнымъ наблюденіямъ и разспросамъ, на многихъ московскихъ фабрикахъ, у хозяевъ и распорядителей, вполнѣ добропорядочныхъ и достойныхъ довѣрія, приходилось неоднократно слышать, что очень часто по нѣкоторымъ спеціальностямъ труда и притомъ въ наиболѣе оплачиваемыхъ про-

*) *Roulet* et *Comtesse:* „L'alkoolisme en Suisse" etc. Zurich. 1881. Стр. 37 и 38.

**) „National Temperance League Annual for 1881". Стр. 157.

***) *Mulhall's* Dictionnary of Statistics. 1884. Стр. 154.

****) *Baer*, l. c., стр. 343 и 344.

*****) Georg Fr. *Fuchs:* „Der Alcoholismus und seine Bekämpfung". Heilbronn. 1883, стр. 31.

фессіяхъ (напр., въ котельномъ, машиностроительномъ, граверномъ дѣлѣ) они нерѣдко вынуждены держать иностранцевъ-рабочихъ за двойную или тройную плату и подвергаться риску выписки незнакомыхъ рабочихъ изъ-за границы по долгосрочнымъ контрактамъ, исключительно лишь вслѣдствіе частой невоздержности русскихъ рабочихъ и опасенія поэтому негодности его къ работѣ въ критическое время лишнихъ заказовъ, хотя въ трезвомъ состояніи русскій даже ничѣмъ и не уступитъ иностранцу.—«На случай такихъ запоевъ мы и держимъ всегда за дорогую цѣну нѣсколькихъ нѣмцевъ, бельгійцевъ и англичанъ, которымъ въ остальное время собственно мало дѣла»,—разсказывалъ мнѣ, подтверждая даже книгами, одинъ добросовѣстный англичанинъ, работающій всю жизнь въ Россіи. Вообще, разъ человѣкъ превратилъ пьянство въ привычку, его не спасетъ, конечно, никакой заработокъ, ни крестьянскій надѣлъ, отъ нищенской сумы. Первымъ страдающимъ здѣсь являются, конечно, жена и дѣти, а затѣмъ и самъ пьяница. Но деньги, собираемыя нищенствомъ или даже заработкомъ семьи, навѣрное частью уходятъ въ тотъ же самый кабакъ *). По разсчету одного досужаго англичанина, произведшаго съ этою цѣлью спеціальное трудное изслѣдованіе, изъ каждыхъ 100 фунтовъ стерл. раздаваемой милостыни въ Англіи—30 ф. въ тотъ же день уходитъ въ кабаки! **). Въ 1874 г. санитарный совѣтъ въ Массачузетѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, разослалъ циркуляръ къ лицамъ, завѣдующимъ домомъ для бѣдныхъ, съ просьбой дать отвѣты на два вопроса: во-первыхъ, сколько бѣдняковъ, содержащихся въ этихъ домахъ или получающихъ пособія, попало въ это положеніе вслѣдствіе пьянства; второе—сколько дѣтей принято въ богадѣльни вслѣдствіе пьянства ихъ родителей? Изъ отвѣтовъ сообщимъ лишь нѣкоторыя небольшія выдержки: отъ 51 города получено въ отвѣтъ, что 35% всѣхъ мужчинъ попали туда вслѣдствіе пьянства; отъ 35 городовъ—40% всѣхъ заключенныхъ, отъ 57—41%. На второй вопросъ получились отвѣты гораздо разнообразнѣе, но тѣмъ не менѣе въ 27 городахъ всѣ дѣти въ богадѣльняхъ содержатся вслѣдствіе

*) Напомнимъ нашимъ читателямъ дѣло, которое разсматривалось въ петербургскомъ окружномъ судѣ 5 апрѣля 1888 года, жены рядового Неймана, обвинявшейся въ принужденіи своей семилѣтней дочери къ прошенію милостыни (которая уходила, какъ видно изъ дѣла, на попойки) и страшныхъ истязаніяхъ этого ребенка, когда она мало приносила денегъ. См. „Бирж. Вѣд.“, № 98, отъ 8-го апр. 1888 года.

**) Baer, l. c., стр. 318.

пьянства родителей, а въ 35 городахъ содержится 145 человѣкъ дѣтей пьяницъ *).

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать о тѣхъ огромныхъ суммахъ, которыя затрачиваются всѣми народами непроизводительно на спиртные напитки, и которыя, не говоря уже о косвенныхъ потеряхъ, могли бы быть употреблены съ большею пользой и цѣлесообразно на удовлетвореніе различныхъ народныхъ нуждъ. Одна Англія, напр., по разсчету, повидимому, точному о потребленіи въ этой странѣ хмельныхъ напитковъ за 50 лѣтъ, считая какъ стоимость напитковъ, такъ и цифру налога, истратила на питье съ 1830 по 1879 годъ страшную цифру въ 4,246 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или 84 мил. ф. с. среднимъ числомъ въ годъ; по разсчету же извѣстнаго писателя Вилльяма Гойля, прибавляя сюда косвенныя потери, какъ результатъ пьянства, и процентъ на непроизводительно употребленный капиталъ, Англія или, точнѣе, Соединенное Королевство истратило за этотъ періодъ времени болѣе нежели успѣло накопить въ странѣ всего народнаго богатства **)!..

IV.

Если даже допустить, на что впрочемъ нѣтъ основанія, что нѣкоторыя изъ сообщенныхъ выше данныхъ не провѣрены строго, или даже нѣсколько пристрастны—несмотря на все то, нельзя не придти къ твердому убѣжденію въ чрезвычайной гибельности пьянства для общественнаго и народнаго блага: здѣсь страдаетъ рѣшительно все, что особенно дорого для человѣка: жизнь, здоровье и богатство. Уже съ незапамятныхъ временъ, какъ мы видѣли, человѣчество пришло къ сознанію всего этого зла, хотя и не имѣло еще въ своемъ распоряженіи того арсенала данныхъ, которымъ оно нынче располагаетъ, и пыталось бороться противъ пьянства, иногда даже съ помощью очень суровыхъ средствъ; но попытки эти, какъ мы видѣли, часто были неуспѣшны, потому что являлись односторонними и единичными — или со стороны одного правительства, которое строгими репрессаліями думало прекратить только крайніе эксцессы пьянства, не имѣя поддержки въ общемъ сознаніи, или со стороны отдѣльныхъ представителей общества и народа, которые не

*) «Zur Alkoholfrage. Vergleichende Darstellung der Gesetze u. Erfahrungen einiger ausländischer Staaten». Bern, 1884. Стр. 560 и 561.

**) См. „The National Temperance League Annual for 1881“, стр. 46—63. *William Hoyle*: „Our National Resources and how they are wasted“. Стр. 57 и далѣе.

встрѣчали сочувствія во всей массѣ населенія или даже вызывали тайное противодѣйствіе органовъ правительства, вслѣдствіе фискальныхъ соображеній. Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ попытокъ оказывались дѣйствительными лишь тѣ мѣры, которыя явились результатомъ совокупной дѣятельности правительства, образованнаго общества и по возможности всего народа. Само собою разумѣется, что такое единеніе стремленій нигдѣ не явилось сразу, а лишь путемъ долгой борьбы, послѣ многихъ неудачъ и многолѣтнихъ усилій лучшихъ представителей со стороны правительства и народа.

Самыя радикальныя средства противъ пьянства, если не считать попытки нѣкоторыхъ мусульманскихъ государствъ, принимались въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Еще въ первые годы своей независимости, въ концѣ прошлаго столѣтія, Соединенные Штаты славились своимъ пьянствомъ настолько, что, по выраженію одного писателя, «его отвратительно описывать, и оно хуже, чѣмъ въ какомъ-либо современномъ государствѣ». Уже въ началѣ нынѣшняго вѣка пытаются принимать противъ него строгія мѣры, и нѣкоторые штаты, напр. Огіо, Мичиганъ, кладутъ запретительную систему въ основаніе свого государственнаго устройства; другіе же штаты Новой Англіи выражаютъ тотъ же принципъ спеціальными узаконеніями. Такъ, въ пятидесятыхъ годахъ въ штатѣ Мэнъ проходитъ знаменитый законъ о питьяхъ (Maine Liquor Law), послужившій образцомъ для постановленій подобнаго рода и въ другихъ штатахъ. Сущность его заключается въ томъ, что онъ всецѣло запрещаетъ производство или продажу хмельныхъ напитковъ, если это не для медицинскихъ или мануфактурныхъ цѣлей, и слѣдовательно напитки можно получать только по рецепту врача или съ разрѣшенія муниципальныхъ властей, которыми и производится продажа. Виновный въ нарушеніи закона подвергается тюремному заключенію до двухъ мѣсяцевъ и уплатѣ штрафа до тысячи долларовъ. Даже лицо, найденное пьянымъ въ собственномъ домѣ, подлежитъ заключенію до 30 дней, а родственники пьянаго имѣютъ право искать убытки отъ лица, продавшаго ему напитокъ. Подобный же законъ былъ установленъ въ Нью-Гэмпширѣ, Нью-Іоркѣ, сосѣдней Канадѣ и другихъ пунктахъ Америки, особенно же въ Штатахъ. Судьба этихъ запретительныхъ постановленій, какъ въ штатѣ Мэнъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, была весьма различна, а отзывы и свидѣтельства о дѣйствіяхъ закона до крайности противорѣчивы, какъ и слѣдуетъ ждать въ такомъ сложномъ и задѣвающемъ множество интересовъ вопросѣ. Запрещенія то вводились, то отмѣнялись: одни свидѣтели утверждаютъ, что нигдѣ запретительный законъ полностью не

соблюдается, и пьянство, благодаря ему, нисколько не уменьшилось; другіе изслѣдователи, обратно, не отрицая корчемства и приписывая его, въ значительной степени, какъ наплыву европейскихъ колонистовъ, привыкшихъ къ напиткамъ, такъ и вмѣшательству союзныхъ фискальныхъ интересовъ, вѣрятъ въ улучшеніе нравственности народа, его отрезвленіе и экономическое преуспѣяніе, въ значительной степени, благодаря закону штата Мэнъ. Число подобныхъ свидѣтельствъ до такой степени велико и многія изъ нихъ настолько далеки отъ мѣстныхъ партій и крайностей обществъ полнаго воздержанія, естественно могущихъ преувеличить вліяніе закона, что, во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться въ существованіи значительнаго прогресса: если запретительное законодательство, подобное приведенному, и оказалось неудачей въ большихъ городахъ, то въ малыхъ городахъ и деревняхъ не только пьянство, но и самое даже умѣренное потребленіе напитковъ прекратилось *). Общая картина трезвости въ современной Америкѣ не подлежитъ сомнѣнію, и, по словамъ Самуэльсона, нигдѣ не совершился такой рѣзкій переходъ отъ пьянства къ трезвости, какъ въ Америкѣ; даже путешественники, предубѣжденные въ этомъ отношеніи, какъ Маккарти, признаютъ, что «нетрезвостью отличаются преимущественно иностранцы, американцы же, большею частью, ничего не пьютъ (largely total abstainers)» **).

Спрашивается: чѣмъ же объясняется такая рѣшительная перемѣна, такое быстрое, меньше чѣмъ въ столѣтіе, сокращеніе пьянства въ странѣ, куда ежегодно приливаютъ многія сотни тысячъ переселенцевъ, большею частью въ цвѣтѣ лѣтъ, въ томъ числѣ столь приверженные къ пьянству, какъ ирландцы? Запретительные законы, допуская даже вполнѣ ихъ успѣхъ, существуютъ лишь въ немногихъ штатахъ, прочіе же довольствуются обыкновенной акцизной системой, начиная съ самыхъ строгихъ формъ ея, въ родѣ штата Нью-Іорка, замѣнившаго ею прежнее запрещеніе, и кончая Невадой—почти съ полной свободой питейной торговли. Между тѣмъ, при всемъ этомъ разнообразіи отношенія къ пьянству въ различныхъ штатахъ, общіе успѣхи всей Америки въ смыслѣ трезвости, какъ было объяснено, подтверждаются всѣми извѣстными мнѣ документами. Такой общій успѣхъ зависитъ, нѣтъ сомнѣнія,

*) Считаю долгомъ оговориться, что мои убѣжденія по данному вопросу, подъ вліяніемъ новѣйшихъ изслѣдованій о дѣйствіи запретительныхъ законовъ въ Америкѣ, подверглись значительной перемѣнѣ противъ мнѣній, которыя изложены много лѣтъ тому назадъ въ моей книгѣ: «Опытъ изслѣдованія косвенныхъ налоговъ». 1874, стр. 276 и далѣе.

**) *Samuelson*, 208—226: «Zur Alkoholfrage». Bern, 1884, стр. 581 и далѣе.

и отъ общихъ причинъ, въ числѣ которыхъ, по мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, помимо прямыхъ правительственныхъ мѣръ для этой цѣли, почетное мѣсто занимаетъ и частная иниціатива въ видѣ дѣятельности т.-н. «Обществъ Воздержанія», зародившихся впервые (если не считать безуспѣшныхъ нѣмецкихъ орденовъ трезвости изъ среднихъ вѣковъ) на американской почвѣ.

Мы только-что говорили о сильномъ развитіи пьянства въ Соединенныхъ Штатахъ въ началѣ нынѣшняго вѣка: несмотря на обширное поле для производительнаго труда, это страшное зло обусловливало тамъ развитіе пауперизма, и государство отъ послѣдствій его теряло до 100 милліоновъ долларовъ въ годъ. Честь первой попытки поставить оплотъ этому распространенному злу принадлежала врачу Рёшу, который публиковалъ въ 1804 году свои изысканія о вліяніи крѣпкихъ напитковъ на тѣло и умъ человѣка, и подъ вліяніемъ котораго нѣсколько лѣтъ спустя образовалось первое американское общество трезвости (въ Бостонѣ). Общество это пропагандировало не совершенное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, но только умѣренное ихъ употребленіе. Однакожь, оно имѣло мало успѣха, и сторонники его пришли къ убѣжденію, что для массы народа, особенно для необразованныхъ классовъ, дѣйствительнымъ средствомъ избѣжать злоупотребленія крѣпкихъ напитковъ можетъ служить только абсолютное воздержаніе отъ нихъ. Мысль эта повела къ учрежденію въ Бостонѣ, въ 1827 году, новаго общества трезвости, члены котораго обязывались, подъ присягой, совершенно не употреблять крѣпкихъ напитковъ, за исключеніемъ лекарствъ, и, кромѣ того, не предлагать ихъ никому, никого не снабжать ими и употреблять все свое вліяніе для уничтоженія причинъ и послѣдствій пьянства. Успѣхъ на этотъ разъ былъ чрезвычайный: общество это пріобрѣло значительное число членовъ, и въ сосѣднихъ штатахъ быстро стали возникать подобныя же ассоціаціи, такъ что къ концу 1829 года въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось уже до тысячи обществъ со ста тысячами членовъ; болѣе 400 кабатчиковъ и 50 винокуровъ закрыли заведенія, и ввозъ спиртныхъ напитковъ упалъ вчетверо. Всѣ добрые граждане старались, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать дѣлу протрезвленія; многія медицинскія общества, бо́льшая часть духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій и бо́льшая часть судей примкнули къ движенію: повсюду собирались митинги, говорились рѣчи и распространялись изданія, пропагандирующія воздержаніе. Владѣльцы судовъ начали платить высшее жалованье тѣмъ капитанамъ, которые состояли членами общества, а бостонская компанія морского страхованія согласилась уменьшить 5% преміи для каждаго

судна, отправляющагося въ плаваніе безъ спиртныхъ напитковъ. Даже военныя власти стали прекращать раздачу водки и замѣнили ее кофе и сахаромъ. 26-го февраля 1833 года члены конгресса въ Вашингтонѣ торжественно образовали изъ себя общество трезвости, президентомъ котораго былъ выбранъ военный министръ. Но на этомъ дѣятельность обществъ трезвости не остановилась, и кругъ приверженцевъ постоянно распространялся дальше и дальше, вербуя новыхъ членовъ и уменьшая потребленіе напитковъ: въ 1835 году насчитываютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ 2 мил. человѣкъ перестали пить, изъ нихъ $1^1/_2$—сдѣлавшись членами обществъ, которыхъ число насчитывалось уже во всей странѣ до 8,000. Болѣе 4,000 винокуренъ были закрыты, болѣе 8,000 кабаковъ прекратили свою дѣятельность и 1,200 судовъ вышли изъ американскихъ гаваней безъ капли водки на бортѣ.

Движеніе это не замедлило перейти въ Англію, гдѣ, какъ мы знаемъ, пьянство было всегда очень распространенно. Первыя общества трезвости были основаны тамъ по образцу американскихъ въ 1829 году. Цѣль ихъ одинаково заключается вовсе не въ исцѣленіи пьяницъ, а въ предупрежденіи развитія привычки къ неумѣренности. Общества трезвости ставятъ своей задачей соединить между собой всѣхъ людей, ведущихъ трезвую жизнь, для того, чтобы показать примѣромъ, какъ во всякомъ возрастѣ, состояніи и профессіи полное воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ способствуетъ самымъ очевиднымъ образомъ счастію и здоровью человѣка. Средствами, употребляемыми обществами трезвости, служатъ различнаго рода публичныя обращенія къ народу: рѣчи, проповѣди, публичныя чтенія. Общества содержатъ большее или меньшее число агентовъ на жалованьѣ, къ которымъ присоединяются добровольные проповѣдники; агенты эти — люди съ талантомъ, преданные своему дѣлу, искусные въ публичныхъ диспутахъ, путешествуютъ по странѣ, повсюду собираютъ вокругъ себя громадное число слушателей и проводятъ въ народъ идеи трезвости. Кромѣ того, мѣстное общество имѣетъ свои собранія, то годовыя, то ежемѣсячныя, иногда даже еженедѣльныя. Въ этихъ собраніяхъ не ограничиваются чтеніемъ отчетовъ и отбираніемъ присяги отъ вновь вступающихъ, но, желая соединить полезное съ пріятнымъ, организуютъ для рабочаго класса концерты, чтенія, воскресныя увеселительныя поѣздки по окрестностямъ и т. п. Важнымъ орудіемъ, разумѣется, для пропаганды трезвости и въ Америкѣ, какъ и въ Англіи, является огромное количество повременныхъ изданій, исключительно посвященныхъ пропагандѣ идей трезвости и распространяе-

мыхъ часто милліонами экземпляровъ въ народѣ за малую цѣну или безплатно. Собственно въ Англіи число членовъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, доходитъ до 4 милліоновъ человѣкъ, такъ что болѣе, нежели каждый десятый англичанинъ состоитъ членомъ такого общества. Понятно, какъ такая многочисленность приверженцевъ трезвости должна болѣе и болѣе обуздывать пьянство и оказывать даже давленіе на мѣры правительства. Дѣйствительно, въ послѣдніе года все чаще и чаще приходится слышать въ Англіи, какъ и въ Америкѣ, о предложеніи членамъ этихъ обществъ различныхъ ограничительныхъ мѣръ противъ питейной торговли, о провожденіи новыхъ законовъ, имѣющихъ цѣлью открытіе музеевъ по воскресеньямъ и расширеніе разныхъ народныхъ развлеченій съ цѣлью отвлечь отъ кабака и, наконецъ, удешевленіе менѣе вредныхъ напитковъ, какъ пиво и болѣе легкое вино (виноградное) на счетъ спиртуозовъ *).

Въ обществахъ воздержанія участвуютъ лица всѣхъ классовъ обоего пола и всякаго возраста, но двигателями являются все-таки преимущественно люди образованные, и между ними почетное мѣсто въ этой борьбѣ со зломъ повсюду принадлежитъ духовенству. Такъ, въ Англіи важнымъ иниціаторомъ въ этомъ дѣлѣ стоитъ католическій епископъ Маннингъ, а въ Америкѣ и Канадѣ почти не существуетъ церкви, при которой бы не было общества воздержанія. По словамъ Самуэльсона, во многихъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ ставится условіемъ sine qua non, чтобы священникъ безусловно не пилъ никакихъ хмельныхъ напитковъ и поддерживалъ движеніе къ воздержанію въ своемъ приходѣ. Существуютъ спеціальныя общества воздержанія между медиками, женщинами, дѣтьми, военными, моряками и т. д. Крупную извѣстность въ дѣлѣ преслѣдованія задачъ обществъ получилъ особенно католическій священникъ въ Коркѣ (Ирландіи), отецъ Мэтью, прозванный «апостоломъ воздержанія». Въ первый разъ, по приглашенію квакеровъ, Мэтью предпринялъ въ 1838 году пропаганду воздержанія: онъ проповѣдывалъ на площади два раза въ недѣлю, и успѣхъ его былъ такъ великъ, что обращенія считались тысячами. По окончаніи проповѣди, народъ цѣлыми массами давалъ обѣтъ воздержанія, и къ концу 1838 г. въ одномъ Коркѣ считалось полтораста тысячъ человѣкъ, отрекшихся отъ

*) См. *Шмелевъ*: О мѣрахъ противъ пьянства въ „Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ“ 1873 г. т. I, стр. 179 и т. д. *Samuelson*, стр. 239—242. *Baer*, стр. 382 и далѣе. „Zur Alkoholfrage“, стр. 455. „Temperance League Annual“, стр. 16. *Рагозинъ*. „О мѣрахъ противъ пьянства“ 1871. „National Intemperance and the Remedy“. 1871, стр. 14—18 и 62.

спиртныхъ напитковъ; въ слѣдующемъ году отецъ Мэтью предпринялъ путешествіе по Ирландіи, и путь его сопровождался такимъ же блестящимъ успѣхомъ. Искренній, воодушевленный любовью къ человѣчеству и тому дѣлу, которое поставилъ задачей своей жизни, Мэтью вездѣ встрѣчалъ безграничное уваженіе и любовь, и во время его путешествія тысячи людей стекались издалека, чтобы только послушать его и пожать руку, давая клятву воздержанія. Вѣроисповѣданія и сословія не различались: протестанты и католики, пуритане, знатные лорды и простые рабочіе, женщины и дѣти записывались въ члены общества, и движеніе сдѣлалось національнымъ. Позднѣе, Мэтью совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Англіи и по Америкѣ, и каждая его рѣчь увеличивала число друзей воздержанія многими десятками тысячъ. По разсчетамъ современниковъ, патеръ Мэтью обратилъ къ трезвости болѣе пяти милліоновъ людей; въ томъ числѣ въ одну поѣздку по Соединеннымъ Штатамъ—до 600,000. Какъ сказался этотъ успѣхъ для его родины Ирландіи можно судить по тому, что потребленіе водки, составлявшее тамъ въ 1838 г. двѣнадцать съ четвертью милліоновъ галлоновъ, упало въ 1841 г. на шесть съ половиною, а число тяжкихъ преступленій—съ 12,096, въ 1837 г., уменьшилось, въ тотъ же періодъ времени, до 773. Физическое и нравственное возрожденіе обратившихся къ трезвости было такъ поразительно, что народъ сталъ видѣть въ этомъ чудо. Еще болѣе своеобразное и характерное, чисто американское направленіе приняло это движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1874 году, въ видѣ такъ-называемаго «женскаго крестоваго похода противъ кабаковъ». Толпы женщинъ, съ наиболѣе видными дамами мѣстнаго общества во главѣ, наполняли городскія улицы, окружали питейные дома, не пропуская туда посѣтителей, и цѣлые дни проводили такимъ образомъ на улицѣ, распѣвая гимны и молитвы и всячески убѣждая кабатчиковъ бросить ихъ вредное занятіе, прекративши торговлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усилія женщинъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, напр. въ штатѣ Огіо и Индіанѣ до 5,000 кабаковъ было закрыто и до 20,000 человѣкъ записались въ члены воздержанія; мало того, нѣкоторые кабатчики, осаждаемые женщинами, пошли даже на такія уступки, что выкатывали бочки съ виномъ на улицу, сами рубили ихъ, выливая содержимое на землю. Это странное, хотя и понятное увлеченіе между американками продолжалось довольно долго въ разныхъ штатахъ и улеглось только спустя много мѣсяцевъ.

Но общества трезвости, кромѣ Америки и Англіи, не менѣе быстро распространялись и въ другихъ странахъ, которыя имѣли нужду

въ пропагандѣ воздержанія, и образованный классъ которыхъ оказался достаточно энергичнымъ, чтобы взять на себя эту задачу. Таковыми оказались прежде всего Швеція и Норвегія: общества трезвости не только подготовили въ этихъ странахъ надлежащую почву для борьбы съ порокомъ, оказавъ огромное воспитательное значеніе для народа, но и выработали даже совсѣмъ новыя формы самого законодательства—столь знаменитую нынѣ «готенборгскую систему» борьбы противъ пьянства. Въ 1835 г., по порученію американскихъ обществъ воздержанія, нѣкто Робертъ Бэрдъ (Baird) прибылъ въ Швецію, представлялся королю и кронпринцу, которымъ поднесъ свою исторію обществъ воздержанія въ Соединенныхъ Штатахъ, и, встрѣтивъ повсюду большое сочувствіе, положилъ основаніе въ Швеціи перваго общества воздержанія. Дѣло пошло весьма удачно, и въ короткое время въ Швеціи открылся цѣлый рядъ подобныхъ обществъ, а число членовъ дошло до полу-милліона. Трудно было найти другую страну, гдѣ такъ необходима была проповѣдь воздержанія, какъ въ Швеціи. По размѣрамъ своего пьянства она славилась тогда во всей Европѣ, и еще въ XVIII вѣкѣ сдѣлалось нѣмецкой поговоркой: «пьянъ какъ шведъ». Съ царствованія Густава III, съ 1788 г., въ Швеціи была установлена почти полная свобода винокуренія и питейной торговли: всякій землевладѣлецъ и бо́льшая часть собственниковъ городскихъ домовъ имѣли право устроить винокурню не только для производства вина для домашняго употребленія, но и для продажи въ извѣстныхъ размѣрахъ и на сторону. Въ результатѣ такой политики, имѣвшей главнымъ образомъ цѣлью поощреніе сельско-хозяйственнаго винокуренія, получилось, что вся Швеція покрылась винокурнями, и въ этой относительно молодой странѣ насчитывалось, напримѣръ, въ 1824 г. 169,703 винокурни: буквально, каждый землевладѣлецъ былъ винокуръ, и каждая хижина была кабакомъ. Вино было плохо, дурно или совсѣмъ не очищено и сдѣлалось каждодневнымъ домашнимъ напиткомъ; даже заработная плата частью уплачивалась въ селеньяхъ водкой. Пьянство при этихъ благопріятныхъ для него условіяхъ развилось страшно: всѣ видѣли вредъ, отсюда происходящій, чувствовали его и жаловались. Но пока не явились общества воздержанія, этому общему недовольству недоставало организаціи, необходимой для всякой правильной и осмысленной борьбы. Понятно отсюда, какое сразу значеніе это новое движеніе получило въ Швеціи. Наслѣдный принцъ Оскаръ сдѣлался первымъ почетнымъ его членомъ и оказывалъ всю свою жизнь содѣйствіе и покровительство цѣлямъ общества. Всѣ лучшіе люди страны примк-

нули къ нему, и въ печати, и въ рѣчахъ, въ тысячахъ брошюръ въ спеціальныхъ органахъ, съ церковныхъ и школьныхъ каѳедръ одинаково распространялась мысль о крайнемъ вредѣ водки, о постыдности ссылаться на поддержаніе земледѣлію какъ на аргументъ, когда ядъ разливается по всей странѣ, отравляя тысячи людей, распространяя повсюду несчастія и пороки. Дѣло общества быстро крѣпло, число членовъ его росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ пьянство настолько дискредитировалось, что и правительство начало озабочиваться принятіемъ дѣятельныхъ мѣръ къ искорененію зла. Парламентъ, побуждаемый цѣлыми сотнями прошеній, съ подписями многихъ тысячъ людей всѣхъ званій, съ разныхъ концовъ королевства, назначилъ коммиссію для изслѣдованія вопроса о пересмотрѣ питейныхъ законовъ. «Во всей странѣ,—сообщаетъ коммиссія въ особомъ докладѣ по этому поводу,—распространено всеобщее и опредѣленное убѣжденіе въ необходимости сильнаго противодѣйствія неумѣренному употребленію напитковъ, грозящему шведамъ полною физическою и нравственною гибелью. Въ самыхъ ясныхъ чертахъ высказываются по этому поводу опасенія всѣхъ людей, которымъ дороги интересы страны: ученые и не-ученые одинаково приходятъ къ одному выводу, что существованіе Швеціи, какъ образованнаго, способнаго и порядливаго народа стоитъ на волоскѣ, если не будетъ найдено средствъ задержать пьянство: раздается повсюду тревожный голосъ, молящій объ избавленіи отъ этого зла, получившаго поощреніе и усиленіе отъ неразумнаго законодательства».

Въ результатѣ, въ 1855 г. принятъ въ парламентъ и утвержденъ новый законъ, положившій основаніе всему существующему нынѣ въ Швеціи акцизному законодательству: онъ измѣненъ съ тѣхъ поръ въ подробностяхъ, въ смыслѣ усиленія общаго воздержанія, но въ главныхъ чертахъ и до-нынѣ остался *тотъ же самый*. Во-первыхъ, мелкія винокурни этимъ закономъ уничтожаются: назначается минимумъ производства (300 кануъ ежедневно) и ограниченный періодъ винокуренія; весь процессъ его подлежитъ строгому контролю и обложенію. Вслѣдствіе этого еще въ 1853 г. въ Швеціи было 33,342 винокурни, а въ первый годъ дѣйствія закона, въ 1855 г., осталось 3,481, которыя съ тѣхъ поръ еще болѣе сократились. Право торговли напитками ограничено еще сильнѣе: оно поставлено въ зависимость отъ дозволенія общины и правительства; налоги на продажу также значительно возвышены, и община поставлена въ обязанность при продажѣ права торговли съ аукціона обращать вниманіе не только на цифру налога, уплачиваемаго кабатчикомъ, но на его нравственныя и образовательныя качества. Благодаря этому, въ то время, какъ до

1855 г. можно было купить свободно вина почти во всякомъ домѣ, въ 1856 г. во всей странѣ, кромѣ городовъ, существовали только 64 винныхъ лавки на выносъ и 493 кабака. Но, кромѣ обязательнаго разрѣшенія общинныхъ властей,—что должно было значительно уменьшить число мѣстъ розничной продажи напитковъ,—новый законъ заключалъ въ себѣ еще нѣсколько постановленій въ интересахъ воздержанія. Такъ, онъ постановилъ въ принципѣ, что въ кабакахъ должны всегда продаваться кушанья и съѣстные припасы; извѣстно, что на сытый желудокъ спиртуозы дѣйствуютъ слабѣе и ихъ пьютъ вообще меньше; кромѣ того, съ цѣлью противодѣйствія стремленію питейныхъ торговцевъ завлекать своихъ бѣдныхъ потребителей кредитомъ, законъ запретилъ взыскивать долгъ за вино, а также подъ страхомъ штрафа отпускать вино подъ залогъ вещей. Наконецъ, какъ бы предвидя то, что въ дѣйствительности скоро и осуществилось, законъ опредѣлилъ, что если въ городахъ составятся компаніи, имѣющія цѣлью взять въ свое исключительное вѣдѣніе всѣ мѣста питейной торговли, или даже нѣкоторыя, то городское управленіе, удостовѣрившись въ благонадежности этой компаніи, можетъ отдать ей это право въ аренду, не прибѣгая къ аукціону.

Послѣднія статьи закона дали именно толчокъ къ образованію той своеобразной системы питейной торговли Швеціи и Норвегіи, которая пользуется теперь такой извѣстностью. Весьма скоро обнаружилось на практикѣ, что старанія закона обратить кабаки въ съѣстныя лавочки и столовыя для народа, чтобы уменьшить поводъ и позывъ къ излишнему питью, а равно и воспрещеніе кредита и залоговъ, остались на одной бумагѣ. Въ дѣйствительности, все шло по старому; для обхода же закона въ каждомъ кабакѣ держалось какое-нибудь блюдо съ картофелемъ, никогда не потребляемое, а естественное стремленіе кабатчика увеличить свой торговый оборотъ не могло удержать его отъ риска отпуска водки въ долгъ или пріема залога. И вотъ, въ шестидесятыхъ годахъ, въ городѣ Готенборгѣ (Gothenborg), въ которомъ на 35,000 жителей насчитывалось 136 кабаковъ и не только средній классъ, но и само рабочее населеніе долго и тщетно взывали къ городскому управленію и правительству о противодѣйствіи собственной слабости, одинъ извѣстный въ Швеціи филантропъ и дѣятельный пропагандистъ трезвости, священникъ Визельгренъ, рѣшился воспользоваться указаніемъ закона и началъ ходатайствовать передъ городскимъ управленіемъ о различныхъ ограниченіяхъ питейной торговли, на что давалось право городу новымъ закономъ, и объ отдачѣ питейной торговли имѣющему образоваться для того обществу. Пер-

воначально эта попытка не удалась, и интересы 136 питейныхъ торговцевъ оказались слишкомъ сильными, но затѣмъ друзья воздержанія соединили свои усилія, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ значительной борьбы при измѣненномъ составѣ городского управленія добились желаемаго. Болѣе двадцати торговыхъ фирмъ и частныхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу, сложились вмѣстѣ и образовали «Готенборгское Акціонерное Питейное Общество», не только благополучно существующее до-нынѣ, но и давшее свое собственное названіе всей системѣ новой борьбы съ пьянствомъ, принятой впослѣдствіи далеко за предѣлами скромнаго шведскаго городка.

Какъ видно изъ постановленія готенборгскаго городскаго управленія при разрѣшеніи этого замѣчательнаго общества, цѣль его основанія заключается *«не въ выгодѣ, но въ благѣ рабочихъ классовъ»*. Общество обѣщается, что, кромѣ обычнаго процента на затрачиваемый для оборота капиталъ (5%), оно не будетъ получать никакой прибыли, и могущій образоваться излишекъ будетъ истрачиваться исключительно на благо рабочихъ или передаваться въ общественную кассу, что въ торговыхъ помѣщеніяхъ общества, свѣтлыхъ, обширныхъ и хорошо обставленныхъ, будетъ принято такое устройство, чтобы старые кабаки обратились въ столовыя для рабочихъ классовъ, чтобы лица, завѣдующія питейнымъ домомъ общества, не имѣли никакого интереса въ продажѣ хмельныхъ напитковъ, доставляя цѣликомъ всю выручку обществу, но чтобы за то въ ихъ пользу удерживалась продажа какъ кушаньевъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и всѣхъ нехмельныхъ напитковъ (кофе, полъ-пива и т. п.); чтобы, наконецъ, никакихъ спиртныхъ напитковъ въ кредитъ или въ залогъ не отпускалось. Въ этихъ словахъ почти заключается вся программа дѣятельности «Готенборгскаго Акціонернаго Питейнаго Общества»; въ основаніи его лежатъ три вѣрныя идеи, какъ результатъ ежедневнаго наблюденія. Во-первыхъ, причина опасности кабаковъ для народа, въ виду особенно притягательнаго свойства, для пьющихъ людей, водки заключается въ обычномъ интересѣ кабатчика, какъ и всякаго торговца, сбывать свой товаръ въ возможно большемъ количествѣ; поэтому онъ заинтересованъ всячески завлекать покупателя, отпускать, если нѣтъ наличныхъ, подъ залогъ и даже въ кредитъ, и никакое запрещеніе закона не остановитъ его отъ могущаго быть при этомъ риска. Во-вторыхъ, спиртные напитки дѣйствуютъ всего сильнѣе, но въ то же время ихъ и охотнѣе пьютъ на голодный желудокъ, причемъ пьющій легче утрачиваетъ управленіе собой и скорѣе выпьетъ лишнее. Понятно поэтому, что питейный торговецъ отнюдь не сочтетъ для себя

выгоднымъ накормить своего потребителя и тѣмъ уменьшить сбытъ водки. Наконецъ, въ-третьихъ, интересъ кабатчика противоположенъ и даже непріязненъ всякому невинному развлеченію народа: будь то газета въ его кабакѣ, или какой-нибудь народный театръ или зрѣлище—все это, если онъ только торгуетъ исключительно виномъ, отвлекаетъ покупателя отъ единственнаго источника выгоды торговца.

Остановившись въ первый разъ на этихъ трехъ идеяхъ, какъ на ближайшихъ источникахъ народнаго пьянства, «Готенборгское Пит. Акц. Общество» должно было естественно придти къ заключенію, что—для того, чтобы противодѣйствовать пьянству—всѣ эти три повода къ нему оно должно изъ своей практической дѣятельности совершенно исключить. Прежде всего, получивъ въ свои руки питейную монополію въ Готенборгѣ (немногіе оставшіеся кабатчики были скоро устранены), оно вмѣсто 72 бывшихъ кабаковъ постепенно число ихъ уменьшило до 19 (въ 1885 году), дабы эти оставшіеся обставить по возможности лучше и завести болѣе строго избранную администрацію. Управители питейныхъ домовъ общества получаютъ отъ него весьма приличное жалованье, съ обязательствомъ до мелочей соблюдать его постановленія и имѣть всегда въ запасѣ, по утверждаемой обществомъ таксѣ, разныя кушанья и съѣстные припасы, а также кофе, чай, шоколадъ, полъ-пиво и т. п. невинные напитки, которые они и подаютъ посѣтителямъ въ столовыхъ, находящихся при заведеніи. Вся выручка отъ этой продажи—обратно съ спиртными напитками—составляетъ ихъ личную выгоду; инспектора общества контролируютъ лишь цѣну и качество этихъ продуктовъ. Такимъ образомъ, сидѣлецъ этого питейнаго заведенія заинтересованъ своимъ карманомъ продавать и предлагать покупателю не спиртуозъ, а какую-либо ѣду или невинное питье въ родѣ кофе или сельтерской воды, отъ которыхъ онъ наживается. О кредитѣ и о продажѣ подъ залогъ, разумѣется, благодаря этой системѣ, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ это значило бы для сидѣльца потерять выгодное мѣсто и занятіе, помимо нарушенія прямого закона и его послѣдствій. То же самое относится и къ запрещенію закона продавать спиртные напитки уже пьяному посѣтителю или ребенку. Въ этомъ случаѣ «Готенборгское Акц. Пит. Общество» пожелало даже повысить требованіе закона, и въ его заведеніяхъ не продаютъ, ни распивочно, ни на выносъ, никакихъ спиртныхъ напитковъ лицу моложе 18-ти лѣтъ отъ роду. Мало того: оно завело обычай, что, по просьбѣ родственниковъ, лицамъ, извѣстнымъ наклонностью къ пьянству и всякаго возраста, которымъ ведутся въ городѣ списки, совсѣмъ даже отказываютъ въ продажѣ

водки. Точно также оно воспользовалось и правомъ, предоставленнымъ ему закономъ, сокращать время продажи напитковъ, и вмѣсто закрытія питейныхъ домовъ по закону въ 10 ч. вечера, оно закрываетъ ихъ въ 8 и 7, смотря по времени года, и, сверхъ того, всѣ воскресные и праздничные дни, а равно и наканунѣ ихъ съ 6 ч. вечера продажа водки совершенно прекращается, хотя для другого потребленія заведенія открыты, и, какъ исключеніе, дозволяется отпускать по одной рюмкѣ водки лишь лицамъ, обѣдающимъ въ столовыхъ общества *).

Съ цѣлью противодѣйствовать послѣднему изъ указанныхъ нами побужденій къ пьянству—скукѣ и недостатку въ развлеченіи, общество не только держитъ во всѣхъ своихъ заведеніяхъ маленькія собранія газетъ и журналовъ, но, сверхъ того, на получаемый избытокъ доходовъ затратило значительныя суммы на устройство *пяти* настоящихъ читаленъ съ значительнымъ выборомъ книгъ, журналовъ и газетъ, гдѣ въ то же время за дешевую цѣну рабочій людъ можетъ имѣть всѣ напитки, кромѣ спиртуозовъ. Сверхъ того, оно устроило для народа *четыре* обширныя столовыя въ наиболѣе бойкихъ частяхъ города, а съ 1873 года значительно возросшіе доходы свои передаетъ уже обязательно, согласно новому по этому предмету закону, въ городскую кассу, которая и расходуетъ ихъ на разныя общеполезныя цѣли, и слѣдовательно деньги, нѣкогда обогащавшія однихъ кабатчиковъ, нынѣ, при готенборгской системѣ, въ видѣ полезнѣйшихъ учрежденій возвращаются народу обратно, доставляя общую выгоду сторицею, и водка служитъ, можетъ быть, дѣлу народнаго просвѣщенія!..

Благопріятныя послѣдствія готенборгской системы настолько быстро оказались, что не могли не привлечь къ себѣ общаго вниманія; они обнаружились скоро не только въ улучшеніи внѣшняго городского благочинія, уменьшеніи числа пьяныхъ, поднятыхъ на улицѣ или заарестованныхъ, но и въ другихъ немаловажныхъ признакахъ, напримѣръ въ значительномъ уменьшеніи въ Готенборгѣ числа больныхъ алкоголиковъ: одинъ больной бѣлой горячкой, напр., въ 1865 году приходился на 390 жителей, а въ 1872 году—лишь на 1,230, т. е. втрое менѣе, несмотря на то еще, что послѣ питейной реформы 1855 года и чрезвычайнаго сокращенія кабаковъ въ деревняхъ, города въ Шве-

*) Въ Стокгольмѣ, столицѣ Швеціи, гдѣ установилась вскорѣ также готенборгская система продажи напитковъ, вслѣдствіе просьбы самихъ рабочихъ, продажа водки въ питейныхъ домахъ общества съ субботы 6 ч. вечера до понедѣльника 9 ч. утра совершается не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы на каждую рюмку водки спрашивалось не менѣе, какъ на 10 öre—ѣды, т. е. обратно съ нѣмецкимъ обычаемъ во многихъ ресторанахъ: „ohne Speise—keine Getränke"!

ціи сдѣлались мѣстомъ пьянства для всего окружающаго населенія на большомъ разстояніи. Отсюда становится понятнымъ, что одинъ городъ за другимъ въ Швеціи послѣдовалъ примѣру Готенборга; затѣмъ та же система принята огромнымъ большинствомъ городовъ въ Норвегіи и недавно перешла въ Финляндію. Далѣе система переселилась даже въ Англію, гдѣ ее недавно хотѣлъ примѣнить извѣстный городъ Бирмингамъ, если бы не встрѣтилъ рѣшительнаго противодѣйствія со стороны акцизнаго надзора и, вѣроятно, фискальныхъ интересовъ британскаго правительства *).

Исторія этого вопроса въ Норвегіи составляетъ совершенное повтореніе сказаннаго о Швеціи; разница лишь въ томъ, что пьянство въ Норвегіи было нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ Швеціи, а успѣхи готенборгской системы оказались тамъ еще болѣе блестящими и потребленіе спиртныхъ напитковъ пало на малую цифру (3 литра на человѣка, вмѣсто 16—тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ). Но, не довольствуясь даже такимъ успѣхомъ, норвежскій Storting, т. е. палата представителей, нѣсколько разъ поднимала серьезный вопросъ даже о введеніи запретительной системы по образцу Америки, или всецѣломъ изгнаніи изъ страны всякихъ спиртныхъ напитковъ. Изъ полутора милліона населенія этой маленькой страны, до 100,000 человѣкъ принадлежатъ къ членамъ обществъ трезвости, и, по словамъ новѣйшаго изслѣдователя, въ Норвегіи буквально нѣтъ деревни, гдѣ бы не было подобнаго общества. Отсюда понятно, что при такомъ большомъ количествѣ друзей воздержанія готенборгская система нашла, какъ уже испытанное средство, весьма хорошій пріемъ и быстро распространилась въ странѣ: изъ 59 городовъ Норвегіи система не принята лишь пока въ 9, а въ 5 городахъ совсѣмъ нѣтъ продажи напитковъ. Дѣятельность городскихъ питейныхъ обществъ въ Норвегіи еще разнообразнѣе, нежели въ Швеціи, уже благодаря большимъ средствамъ въ ихъ распоряженіи, такъ какъ излишекъ прибыли общества противъ уговорнаго процента не поступаетъ въ общую городскую кассу, а

*) См. Wissenschaftliche Beiträge zum Kampf gegen den Alkoholismus. Heft 1 Die Mässigkeits-Gesetzgebung, von *A. Lammers*. Bonn, 1885, стр. 16 и др. Heft 3 Die Entwickelung der schwedischen Brandwein-Gesetzgebung von 1835 bis 1885, von Dr. *Sigfried Wieselgren*, стр. 78—82. Die schwedischen u. norwegischen Schank-Gesellschaften. Bericht der Reise-Commission des deutschen Vereins gegen den Missbrauch d. geistigen Getränke. Bonn, 1884, стр. 5 и слѣд. *G. F. Fuchs:* Des Alkoholismus u. seine Bekämpfung (Zeitfragen des christlichen Volkslebens. Band VIII. Heft 8). Heilbronn, 1883, стр. 57. Zur Alkoholfrage, l. c., стр. 48 и далѣе.

расходуется самимъ обществомъ на нужды рабочихъ классовъ. Поэтому оно предпринимаетъ такія учрежденія, какъ пивоваренный заводъ въ одномъ, напримѣръ, городѣ для того, чтобы доставить народу по крайне дешевой цѣнѣ слабое, но хорошаго качества пиво, и тѣмъ еще болѣе ограничить потребленіе водки и рома; въ Бергенѣ, весьма оживленномъ торговомъ и рыбачьемъ городѣ, всегда славившемся пьянствомъ, особенно въ извѣстныя времена года, во время найма матросовъ и рыбаковъ, питейное общество устроило четыре обширныхъ помѣщенія для найма рабочихъ, гдѣ они могутъ проводить цѣлый день безплатно, имѣя притомъ чтеніе и нѣкоторыя развлеченія и дешевую ѣду. Благодаря лишь этому, по словамъ очевидцевъ, картина Бергена, въ смыслѣ благочинія, совершенно измѣнилась. Другое питейное общество установило за правило въ своихъ заведеніяхъ каждому потребителю отпускать въ теченіе трехъ часовъ времени не болѣе, какъ одинъ стаканчикъ ($^1/_{20}$ литра) спиртныхъ напитковъ. Извѣстные въ городѣ своимъ пьянствомъ люди рискуютъ попасть въ списокъ общества, какъ это бываетъ, наприм., въ томъ же Бергенѣ, и они нигдѣ не получатъ даже рюмки водки: всюду, по распоряженію общества, ихъ встрѣтитъ отказъ. Вообще дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ имѣетъ *двоякое* направленіе: по возможности отвратить и *отучить народъ отъ крѣпкихъ напитковъ* и *дать ему взамѣнъ другой, здоровый и дешевый напитокъ*, лишь съ самымъ слабымъ содержаніемъ алкооля. Поэтому, напр., въ настоящее время въ Норвегіи происходитъ усиленная агитація объ измѣненіи способа обложенія пива: вмѣсто того, чтобы облагать, какъ это донынѣ дѣлалось, солодъ, предполагается назначить налогъ на самое пиво, и притомъ пропорціонально содержанію въ немъ алкооля; пиво же, имѣющее менѣе 2% алкооля, совершенно освободить отъ налога какъ въ производствѣ, такъ и въ продажѣ.

Такова знаменитая готенборгская система, послѣднія двадцать лѣтъ обращающая на себя общее вниманіе, какъ удачный способъ разрѣшенія на практикѣ проблемы о пьянствѣ. Какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, конечно, и эта система имѣетъ свои недостатки и имѣетъ не мало противниковъ, какъ между лицами, заинтересованными прямо или косвенно въ питейномъ дѣлѣ, такъ и между крайними приверженцами абсолютнаго воздержанія, какими являются, напримѣръ, многіе члены англійскихъ обществъ трезвости, не допускающіе никакихъ компромиссовъ и считающіе единственнымъ способомъ разрѣшенія той же проблемы — полное воспрещеніе всякихъ хмельныхъ

напитковъ въ странѣ *). Комиссія изъ членовъ нѣмецкаго общества воздержанія, недавно посѣтившая Швецію и Норвегію, для провѣрки на мѣстѣ результатовъ готенборгской системы, пришла къ единогласному заключенію, что эта система является *«несомнѣнно плодотворнѣйшей мѣрой къ поднятію общественной нравственности и порядка, какую только знаетъ Европа»*. Ограничимся приведеніемъ еще только двухъ свидѣтельствъ изъ области шведской статистики. Число душевнобольныхъ отъ пьянства за 5 лѣтъ до 1865 года, т. е. до временъ готенборгской системы, составляло въ среднемъ 8,9%; съ 1876 по 1880 г. — уже спустилось до $6^1/_2$%; число самоубійствъ вслѣдствіе пьянства, за тѣ же два пятилѣтія, равнялось: до 1865 г.—26%, а за послѣднее—лишь 14% изъ общаго числа самоубійствъ **).

До сихъ поръ мы разсмотрѣли нѣкоторыя мѣры противъ пьянства, предпринятыя правительствомъ, такъ сказать, въ союзѣ со всѣмъ обществомъ и часто даже по частной иниціативѣ; затѣмъ мы должны перейти къ мѣрамъ чисто правительственной дѣятельности, направленнымъ противъ пьянства и сравнительно легко осуществимымъ во всякомъ государствѣ путемъ законодательства. Первымъ и важнымъ вопросомъ здѣсь являются—*самыя свойства и качества напитка*, наиболѣе употребляемаго въ странѣ. Не только замѣчено, но и научно удостовѣрено, что на усиленіе или ослабленіе пьянства имѣетъ прямое вліяніе родъ напитка и такъ-называемая степень концентраціи алкоголя и химическій составъ раствора. Цѣлый рядъ данныхъ, преимущественно изъ французской статистики, показываетъ, что всѣ вредныя послѣдствія, приписываемыя пьянству, какъ-то преступность, сумасшествіе и т. д., возростаютъ до нѣкоторой степени пропорціонально по отдѣльнымъ мѣстностямъ страны съ количествомъ алкоголя, т.-е. водки, выпиваемой тамъ на счетъ другихъ напитковъ. Точно также изъ двухъ странъ, Баваріи и Сѣверной Германіи, первая выпиваетъ пива въ 4 раза больше, нежели вторая, и почти настолько же меньше водки; между тѣмъ въ Пруссіи—въ четыре раза большее количество алкоголиковъ, нежели въ Баваріи. Такимъ образомъ, чѣмъ жиже рас-

*) Этимъ объясняется неблагопріятное мнѣніе о готенборгской системѣ членовъ комиссіи англійскихъ обществъ воздержанія, посѣтившихъ въ началѣ 70-хъ годовъ Готенборгъ. Съ тѣхъ поръ, впрочемъ, много произошло улучшенія въ организаціи самой системы.

**) См. VI. Internationaler Kongress für Hygiene u. Demographie zu Wien 1887. Arbeiten der Hygienischen Stationen. 7. Thema. *P. O. Flood*: Die Bekämpfung des Alkoholismus. Wien, 1887. Далѣе см. Zur Alkoholfrage, 1. c., стр. 51.

творъ алкооля, тѣмъ безвреднѣе его потребленіе, и страны, въ которыхъ національнымъ напиткомъ служатъ вино и пиво, гораздо болѣе гарантированы отъ пьянства, нежели мѣстности съ исключительнымъ или преимущественнымъ употребленіемъ водки. Въ первыхъ двухъ напиткахъ, рядомъ съ продуктомъ броженія, присутствуютъ въ различныхъ соединеніяхъ другія вещества, которыя оказываютъ постоянное взаимодѣйствіе другъ на друга; между тѣмъ водка, какъ продуктъ дистилляціи, есть только алкооль, и дѣйствуетъ гораздо сильнѣе на человѣческій организмъ. Кромѣ того, извѣстно также, что въ спиртныхъ напиткахъ присутствуютъ такъ-называемые тяжелые алкооли—«пропильный, бутильный и амильный», которые обладаютъ чрезвычайно ядовитымъ дѣйствіемъ на животный организмъ и нервную систему,—и въ то самое время, какъ въ виноградномъ винѣ, напр., или въ пивѣ присутствуетъ лишь такъ-называемый «этильный» алкооль, или малые слѣды остальныхъ видовъ его,—въ водкѣ, приготовляемой изъ хлѣба, картофеля и пр., заключается значительное количество самаго страшнаго яда—сивушнаго масла, или амильнаго алкооля. Цѣлый рядъ лабораторныхъ изслѣдованій надъ животными Ричардсона, Кро, Дюжарденъ-Бомецъ, Рабюто и другихъ ученыхъ, выяснилъ и поставилъ внѣ сомнѣнія фактъ различной степени ядовитости разныхъ алкоолей; изслѣдованія эти, сдѣланныя съ цѣлью опредѣлить отравляющую силу алкооля, показали, что амильный алкооль, напр., во много разъ сильнѣе, нежели этильный (по изслѣдованію Dujardin-Beaumetz—около 5 разъ, а по Rabuteau — даже въ 30 разъ). Понятнымъ становится отсюда, какую огромную разницу въ смыслѣ пьянства дѣлаетъ въ странѣ потребленіе тѣхъ напитковъ, которые наиболѣе содержатъ пропильнаго или амильнаго алкооля. Таковымъ является въ особенности водка, выдѣланная изъ картофеля, свекло-сахарной патоки и, наконецъ, хлѣбная, — въ которыхъ содержится весьма значительное количество сивушнаго масла, если только оно не удалено тщательной очисткой. Всѣ пагубныя послѣдствія для физическаго организма человѣка, вслѣдствіе злоупотребленія напитками, являются преимущественно при потребленіи водки. «Опытъ учитъ,—говоритъ профессоръ Розенталь,—что собственно болѣзни пьяницъ случаются тамъ, гдѣ пьютъ водку въ большомъ количествѣ; что, напротивъ, въ странахъ виноградаго вина и пива эти болѣзни сравнительно рѣдки и проявляются только въ крайне легкихъ формахъ». Нужно поглощать слишкомъ большое количество этильнаго алкооля и продолжительное время, чтобы придти къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какія бываютъ отъ сравнительно меньшаго

и непродолжительнаго потребленія какой-нибудь картофельной водки, особенно дурно очищенной *).

Отсюда становятся очевидными тѣ задачи, которыя должно взять на себя правительство, слѣдуя выводамъ науки. Первая изъ нихъ должна состоять въ ограниченіи, всѣми зависящими отъ него способами, употребленія массой народа всѣхъ видовъ водки и, если нужно, подстановки на ихъ мѣсто напитковъ съ болѣе слабымъ содержимымъ алкооля — вина и пива. Второй задачей долженъ быть строгій законодательный и административный контроль за очисткой спиртныхъ напитковъ. «Правительства обязаны,—постановлена была резолюція на международномъ парижскомъ конгрессѣ 1878 года,—не только противодѣйствовать злоупотребленію алкоольными напитками съ помощью законодательныхъ мѣропріятій и стараться ихъ подавить, но и употреблять также всѣ усилія къ тому, чтобы водка, предназначенная для потребленія, была очищена, по возможности, лучше и ректифицирована». Что касается до первой задачи, то относительно ея нынѣ согласны (по крайней мѣрѣ — въ теоріи) правительства почти всѣхъ странъ и, помощью различной степени обложеній, даютъ нѣкоторыя преимущества обыкновенно напиткамъ слабымъ передъ крѣпкими. Другое дѣло — относительно требованія очистки и ректификаціи. Въ этомъ отношеніи законодательства принимали за послѣднее время гораздо менѣе мѣръ, а еще менѣе того эти требованія исполнялись на практикѣ, и въ большинствѣ государствъ, гдѣ только пьютъ водку, значительное ея количество весьма дурно очищено. Готенборгская система и въ этомъ случаѣ сослужила добрую службу Швеціи и Норвегіи, и когда тамъ прошелъ законъ, требующій выпуска водки для продажи, лишь совершенно свободной отъ всякихъ примѣсей и достаточно очищенной, городскія питейныя общества употребили всѣ старанія удовлетворить этому требованію, и въ ихъ заведеніяхъ продаются лишь напитки, совершенно (насколько технически возможно) свободные отъ сивушнаго масла. Одинаково, конечно, правительство должно озабочиваться и преслѣдованіемъ всякихъ другихъ примѣсей къ напиткамъ, разъ они признаны вредными, что̀ дѣйствительно и дѣлается въ большинствѣ европейскихъ странъ.

---

*) См. Recherches expérimentales sur les alcools par fermentation. Par le docteur *Dujardin-Beaumetz* et le docteur *Audigé*. Paris, 1875, стр. 60.

Die Verunreinigungen des Trinkbranntweins, von *D-r A. Baer* (въ Wissenschaftliche Beiträge zum Kampf gegen den Alkoholismus. Heft 2, Bonn, 1885.

Къ вопросу о пьянствѣ и его леченіи, Д-ра *С. Минора*. С.-Петербургъ, 1887, стр. 14 и пр.

Вотъ главная и, по моему мнѣнію, серьезнѣйшая форма проявленія государственной дѣятельности, желательной въ видахъ предупрежденія пьянства или его особенно вредныхъ послѣдствій; всѣ остальныя предупредительныя мѣры, касающіяся, напр., устройства и правилъ производства напитковъ, или непосредственно вытекаютъ изъ прежде поставленныхъ положеній (винокуреніе въ крупныхъ размѣрахъ ради производства хорошо очищеннаго спирта), или же относятся къ подробностямъ питейной торговли, и въ такомъ случаѣ имѣютъ, большею частью, лишь мѣстное—или (напр., устройство лечебныхъ пріютовъ для алкоголиковъ) второстепенное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, обставлены ли питейные дома такъ или иначе, производится ли продажа въ тѣ или иные часы, сидятъ ли потребители на стульяхъ, или происходитъ, по остроумному выраженію Диккенса о современныхъ англійскихъ кабакахъ, лишенныхъ всякой мебели,—«пьянство перпендикулярное»—все это нисколько существенно не уменьшитъ зла, если вся система питейной торговли и самые поводы къ пьянству не потерпятъ измѣненія, какъ это произошло отъ готенборгскихъ мѣропріятій. Точно также мало значенія, по моему мнѣнію, для уменьшенія зла имѣютъ и всѣ уголовныя устрашенія. «Запрещается всѣмъ и каждому пьянство», гласитъ нашъ Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленія (Св. Зак., т. XIV, изд. 1857 г., ст. 241); къ глубокому сожалѣнію, всѣмъ и каждому извѣстно, однако, какъ мало наша дѣйствительность отвѣчаетъ этому требованію закона. Другія европейскія законодательства относятся къ пьянству еще строже, и одно даже появленіе пьянаго на улицѣ или иномъ публичномъ мѣстѣ признается за фактъ оскорбленія общественной нравственности и карается закономъ. Такъ это бываетъ въ Норвегіи, Голландіи, Англіи и Франціи; въ послѣдней — повтореніе этого проступка можетъ повлечь за собой даже очень тяжкое наказаніе и, не ограничиваясь штрафомъ, перейти въ тюремное заключеніе, съ ограниченіемъ гражданскихъ правъ. Точно также во всѣхъ этихъ странахъ подлежатъ штрафу кабатчики, которые продаютъ вино опьянѣвшимъ или малолѣтнимъ. Само собой разумѣется, что подобныя узаконенія не могутъ оказать серьезнаго вліянія на уменьшеніе пьянства и имѣютъ значеніе исключительно въ смыслѣ поддержанія общественнаго благочинія и дискредитированія самаго порока въ глазахъ народа фактомъ его осужденія. Одинаково малое значеніе, по моему мнѣнію, имѣетъ *въ смыслѣ уменьшенія пьянства* и устройство спеціальныхъ лечебницъ для пьяницъ, съ *обязательнымъ* ихъ туда *заключеніемъ*, какъ того желаютъ нѣкоторые врачи. Это—мѣра палліативная и можетъ разсчи-

тывать на успѣхъ лишь при добровольномъ леченіи, и главное—при измѣненіи всей обстановки пьянства въ странѣ, не иначе. По этимъ соображеніямъ, останавливаться долго на этой сторонѣ вопроса (уголовной) мы и считаемъ совершенно излишнимъ. Болѣе важной представляется намъ гражданская отвѣтственность кабатчиковъ по образцу нѣкоторыхъ штатовъ Сѣверной Америки; такъ, напр., въ Вермонтѣ Civil Domage Act, прошедшій въ 1869 году, постановляетъ, что продавецъ напитковъ отвѣчаетъ за всякій вредъ и ущербъ, который напившійся у него человѣкъ кому-либо причинитъ, что̀ кромѣ того продавца не избавляетъ и отъ уголовной отвѣтственности за продажу вина пьяному; мало того, въ другомъ штатѣ, Нью-Гэмпширѣ, пьяный, задержанный или арестованный на улицѣ раньше своего освобожденія изъ-подъ ареста, долженъ подъ присягой показать на то лицо, у котораго онъ напился, дабы можно было и его подвергнуть законному взысканію. Такимъ образомъ, по американскому законодательству, вездѣ главнымъ виновникомъ признается продавецъ напитковъ, а пьяница—лишь его жертвой, хотя и виновной.

Этимъ мы закончимъ изложеніе главнѣйшихъ мѣръ борьбы противъ пьянства—и перейдемъ, въ заключеніе, къ Россіи.

V.

Какъ мы видѣли изъ сдѣланнаго выше очерка исторіи пьянства, Россія не только всегда была извѣстна въ этомъ отношеніи, но и въ послѣднее даже время, если пьянство въ ней и не увеличилось, какъ утверждаютъ нѣкоторые, то нѣтъ, съ другой стороны, основанія думать, чтобы и уменьшилось — въ массѣ народа; во всей Европѣ, между тѣмъ, какъ извѣстно, пьянство значительно уменьшилось и — что̀ видно и изъ приведенныхъ примѣровъ нѣсколькихъ иностранныхъ государствъ—этотъ болѣе или менѣе благопріятный результатъ былъ достигнутъ *лишь съ помощью соединенныхъ усилій* всего общества и правительства. Такимъ образомъ, Россія отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей не только въ просвѣщеніи и общей культурѣ, но и въ борьбѣ съ своимъ старымъ внутреннимъ врагомъ, много лѣтъ подтачивающимъ народныя силы и здоровье и вызывающимъ насмѣшки иностранцевъ, начиная съ Олеарія и до современной «Kölnische Zeitung» включительно, которая недавно торжественно объявила, что «Россія сто-шестьдесятъ дней въ году пьетъ и сто-шестьдесятъ—опохмеляется!!»... Если мы обратимся къ вопросу о борьбѣ нашей противъ этого зла, то, нѣтъ сомнѣнія, мы найдемъ въ нашей исторіи,

особенно послѣднихъ ста лѣтъ, множество—со стороны правительства—благихъ начинаній и мѣръ съ этою цѣлью вплоть до самаго послѣдняго времени. Къ прискорбію, однако, слѣдуетъ сознаться, что, судя по настоящему развитію зла, вызывающаго ежедневныя повсюду жалобы противъ пьянства, предпринятыя мѣры и попытки оказывались, по тѣмъ или инымъ причинамъ, недостаточно успѣшными и сильными, чтобы достичь своей цѣли. Одна финансовая система мѣнялась на другую: государственное питейное управленіе замѣнялось откупами, откупа замѣнялись казенной монополіей, затѣмъ опять возвратились къ откупамъ, а въ новѣйшее время учредили акцизное управленіе съ регулированной и патентованной свободой питейной торговли и производства, и тѣмъ не менѣе, какъ всѣмъ извѣстно, само правительство въ настоящее время выражаетъ уже открытое недовольство этой новой системой и проектируетъ возвращеніе къ казенной монополіи, нѣсколько разъ бросаемой... Частная иниціатива въ Россіи въ этомъ вопросѣ, какъ во многихъ другихъ, повидимому, отстала отъ правительственной: случаи серьезныхъ попытокъ частныхъ мѣропріятій противъ пьянства, по крайней мѣрѣ со временъ покойнаго откупа *), встрѣчаются очень рѣдко, какъ единичныя явленія, и уже много лѣтъ у насъ, въ данномъ отношеніи, выражаясь биржевымъ жаргономъ, «слабо» и «безъ дѣлъ».

Спрашивается: въ чемъ же заключаются причины этого общаго неуспѣха въ борьбѣ съ пьянствомъ, и что̀ остается намъ дѣлать, чтобы помочь бѣдѣ? Наиболѣе всѣхъ въ сравнительно короткое время, какъ мы видѣли, противодѣйствіе пьянству принесло хорошіе плоды въ Соединенныхъ Штатахъ и Скандинавскихъ государствахъ, т.-е. тамъ, гдѣ правительство и общество дѣйствовали совмѣстно, соединенными усиліями, и гдѣ частная иниціатива шла рука-объ-руку съ законодательными мѣропріятіями. Лишь при такихъ условіяхъ дѣятельности множества обществъ воздержанія и энергичной поддержки ихъ стремленій правительствомъ, при всей разницѣ средствъ, сдѣлались возможными строгія запретительныя мѣры въ Америкѣ—и готенборгская система въ Швеціи и Норвегіи.

Другой причиной, которую часто приходится слышать, когда идетъ рѣчь о неуспѣхахъ нашихъ мѣръ и апатіи нашего общества въ этомъ вопросѣ, обыкновенно выставляется огромное фискальное значеніе пи-

*) См. *Шмелева*: «О мѣрахъ противъ пьянства», l. c., стр. 206—207, и *Прыжова*: «Исторія кабаковъ въ Россіи», стр. 290; а также объ одной современной попыткѣ, «Борьба куриловскихъ крестьянъ съ кабакомъ»: «Русское Дѣло», отъ 2 марта 1888 года, № 11.

тейнаго дохода для русскихъ финансовъ. До тѣхъ поръ—утверждаютъ нѣкоторые—Россія не можетъ принять никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ пьянства и установить для того прочный и надежный modus vivendi, пока этотъ доходъ не потеряетъ свое настоящее крупное значеніе въ общей системѣ финансовъ и пока не будутъ найдены другіе источники дохода, столь же изобильные и которые его замѣнятъ.

Возраженіе это весьма серьезно, и съ нимъ нельзя не согласиться, хотя только отчасти. Нѣтъ сомнѣнія, что питейный доходъ составляетъ для нашего государственнаго казначейства наиважнѣйшій источникъ: даже и въ Англіи, которая въ этомъ отношеніи стоитъ ближе другихъ европейскихъ странъ къ Россіи, акцизный доходъ отъ напитковъ, не считая таможенныхъ пошлинъ, составляетъ всего лишь 25% обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ; у насъ же до недавнихъ увеличеній и прибавокъ косвенныхъ налоговъ, питейный доходъ составлялъ 30% (тоже безъ таможенныхъ пошлинъ на напитки), т.-е почти треть всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ (236 милліоновъ изъ 793—за 1886 годъ). Понятно, что наше финансовое управленіе не только дорожитъ такимъ изобильнымъ источникомъ, но и должно относиться осторожно въ своихъ дѣйствіяхъ ко всѣмъ тѣмъ мѣрамъ или начинаніямъ, которыя могутъ значительно и пожалуй сразу сократить этотъ источникъ, что нельзя не признать, съ практически-финансовой точки зрѣнія, благоразумнымъ. Но однако потребленіе хмельныхъ напитковъ, какъ мы неоднократно указывали, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ ихъ злоупотребленіемъ: мы, русскіе, извѣстны своимъ пьянствомъ, вовсе не потому непремѣнно, чтобы мы потребляли много напитковъ; напротивъ, если перевести на градусы алкооля все количество пива и другихъ напитковъ, потребляемыхъ нѣмцами, и винограднаго вина — французами, то, допуская даже самые крупные размѣры контрабаднаго и корчемнаго спирта, ускользающіе отъ вычисленій, все-таки наше потребленіе хмельныхъ напитковъ не будетъ чрезмѣрнымъ и не превзойдетъ средней нормы; дѣло не въ томъ только, *сколько* мы пьемъ, но *какъ* мы пьемъ: то же самое количество спирта, потребляемое болѣе регулярно и разумно въ меньшемъ количествѣ единовременно, не дало бы тѣхъ острыхъ проявленій пьянства, которыя особенно пагубно дѣйствуютъ на общее благосостояніе,—между тѣмъ такая форма потребленія сохранила бы у насъ за государствомъ тотъ же самый доходъ, который получается теперь отъ напитковъ при ихъ нерегулярномъ и неумѣренномъ употребленіи. Отъ такого рода мѣръ, направленныхъ къ измѣненію привычки народа въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія потребле-

нія, правительству нѣтъ основанія отказываться или чуждаться по фискальнымъ соображеніямъ.

Но даже если предположить, что интересы фиска современемъ пострадаютъ отъ уменьшенія пьянства, то, во всякомъ случаѣ, это не можетъ произойти такъ внезапно, чтобы поставить финансы страны въ затруднительное положеніе. Наконецъ, нравственныя обязанности правительства даютъ намъ право ожидать, что оно не можетъ руководствоваться исключительно фискальными интересами данной минуты; оно должно вообще заботиться объ увеличеніи благосостоянія народа, которое, въ свою очередь, дастъ и новые источники для государственнаго дохода. Уменьшится пьянство въ странѣ—увеличатся быстро и заработки народа, сократятся непроизводительные расходы денегъ и времени, и слѣдовательно, въ общемъ результатѣ, увеличится тотъ фондъ—народное богатство, изъ котораго государство и черпаетъ нужныя ему средства. Нельзя также упускать изъ виду и отрицательныя выгоды сокращенія пьянства. По справедливому замѣчанію норвежскаго доктора Флуда на вѣнскомъ гигіеническомъ конгрессѣ прошлаго года, «въ потребленіи водки есть что-то лживое и обманчивое, и она постоянно представляется не тѣмъ, чѣмъ является въ дѣйствительности: кажется, что она подкрѣпляетъ человѣческое тѣло, а вмѣсто того она лишь ослабляетъ его; кажется, что она согрѣваетъ тѣло, а вмѣсто того быстрѣе охлаждаетъ; кажется иногда другомъ, а является врагомъ; точно тоже дѣлаетъ водка и въ системѣ государственныхъ доходовъ: чѣмъ больше ее пьютъ, тѣмъ больше причиняется бѣдности и деморализаціи и тѣмъ большія, прямыя и косвенныя, потери несетъ страна черезъ расходъ на поддержаніе бѣдныхъ, госпиталя или больницы, тюрьмы и т. п.» *).

Что же дѣлать и какія возможно принять мѣры у насъ для противодѣйствія пьянству или его вреднымъ послѣдствіямъ? Прежде всего мнѣ представляется безспорнымъ, что никакія коренныя мѣры, какъ бы онѣ ни были желательны и цѣлесообразны, — въ родѣ готенборгской системы,—въ настоящее время, *пока*, у насъ невозможны, потому что несвоевременны. Ихъ можно осуществить, разумѣется, въ законодательномъ смыслѣ, но отсюда нельзя ждать у насъ, по крайней мѣрѣ теперь, никакихъ полезныхъ разультатовъ. Во-первыхъ, всѣ подобныя попытки, какъ мы уже не разъ обращали вниманіе, приносили благіе плоды лишь подъ условіемъ соединенныхъ дружныхъ усилій правительства съ обществомъ въ данномъ направленіи; у насъ же пока въ

*) *L. O. Flood:* Die Bekämpfung des Alkoholismus, l. c., стр. 18.

обществѣ не проснулось даже серьезнаго и сознательнаго стремленія въ этомъ смыслѣ, не говоря уже о всѣмъ извѣстныхъ недостаткахъ нашего городского управленія, исключающаго до сихъ поръ изъ своей среды значительное количество образованныхъ обывателей. Вліятельная часть общества у насъ, по моему глубокому убѣжденію, не такъ сложилась, а кромѣ того и не подготовлена для того, чтобы выказать частную иниціативу или надлежащимъ образомъ поддержать въ такомъ вопросѣ предначертанія правительства, еслибы они появились. Сверхъ того, обратно съ Скандинавскими государствами, пьянство у насъ сосредоточено не въ однихъ городахъ, а распространено по селамъ и деревнямъ, гдѣ готенборгская система неприложима *).

Но если коренныя мѣры для противодѣйствія пьянству не осуществимы у насъ тотчасъ же, то необходимо приготовить имъ почву для будущаго и создать благопріятныя для того условія, дѣлая съ этою цѣлью все, что только возможно. Въ этомъ смыслѣ не только предстоитъ работы немало, но даже весьма много: нужны лишь доброе желаніе и готовность принести свой трудъ на пользу благого дѣла.

Со стороны правительства противодѣйствіе пьянству можетъ выразиться, прежде всего, въ общихъ мѣрахъ, направленныхъ къ поднятію образованія народа, ибо пока значительная часть нашего населенія безграмотна, нѣтъ сомнѣнія, никакая серьезная борьба противъ зла и никакое распространеніе привычекъ трезвости немыслимы. Эта истина такъ очевидна, что совершенно излишне на ней долѣе останавливаться. Спеціальныя же мѣры правительства должны быть направлены на выполненіе тѣхъ задачъ, которыя съ достаточной ясностью выставлены въ этомъ отношеніи наукой и опытомъ всѣхъ иностранныхъ государствъ. Первое, на что должно обратить вниманіе правительство, касается технической стороны производства спирта. Какъ уже было объяснено въ своемъ мѣстѣ, важнымъ условіемъ, способствующимъ пьянству и его гибельнымъ послѣдствіямъ, нынѣ указываютъ присутствіе сивушнаго масла въ водкѣ, и особенно картофельной и приготовленной изъ свекло-сахарной патоки; эти ядовитыя свойства устраняются лишь путемъ тщательной очистки

*) Впрочемъ считаю долгомъ оговориться: такъ-называемые „общественные кабаки“, которые пробовали у насъ устроивать въ нѣкоторыхъ селеніяхъ пермской и уфимской губ.,—близки по идеѣ къ готенборгской системѣ, и еслибы оказалось возможнымъ ихъ хорошо организовать (напр., удалить вліяніе кулаковъ), можетъ быть, они оказали бы пользу. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы испытать и помочь этой попыткѣ.

и ректификаціи. Что же мы видимъ, однако, на основаніи нашей оффиціальной статистики? Въ 1875—1876 году у насъ перекуривалось въ спиртъ хлѣба 56 мил. пудовъ, картофеля 31 мил. и патоки 1 мил. съ третью, а черезъ десять лѣтъ, за 1885—86 годъ, хлѣба перекуривалось 44 мил., картофеля уже 80 мил. и патоки безъ малаго 5 мил., т. е. производство самыхъ вредныхъ и наиболѣе опасныхъ сортовъ спирта ростетъ и увеличивается у насъ съ чрезвычайной быстротой, и нынѣ Россія потребляетъ вдвое болѣе картофельной водки, нежели хлѣбной. Въ то же время очистка спирта поставлена у насъ крайне слабо, и, по тѣмъ же источникамъ, потребляется спирта въ очищенномъ видѣ нѣсколько менѣе одной пятой части,—такимъ образомъ, опасность для народнаго благополучія, вмѣстѣ съ увеличеніемъ производства спирта изъ картофеля, продолжаетъ усиливаться и возростать *). Первой мѣрой правительства, и притомъ не терпящей отлагательства, должно, слѣдовательно, быть установленіе правилъ обязательной очистки спирта, предназначеннаго для потребленія человѣка. Образцомъ можетъ послужить недавній законъ, принятый въ нашей Финляндіи, по которому продажная водка «не только не должна заключать какихъ-либо вредныхъ примѣсей, но должна быть очищена отъ сивушныхъ маслъ». Черезъ эту мѣру, соблюдаемую на практикѣ, нѣтъ сомнѣнія, не только многія тысячи людей будутъ спасены отъ опоя, но и отъ самаго пьянства, вслѣдствіе устраненія искусственнаго позыва, создаваемаго, по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, именно присутствіемъ въ водкѣ сивушныхъ маслъ **). Одинаково важной можетъ оказаться дѣятельность правительства въ борьбѣ съ пьянствомъ и въ другомъ направленіи, также находящемъ указанія въ выводахъ современной науки. Къ несчастію, нашимъ національнымъ напиткомъ является водка, т. е. такое питье, въ которомъ алкооль наиболѣе сконцентрированъ, а этимъ обусловливается, какъ было объяснено раньше, его особенная зловредность. Народъ нашъ совсѣмъ почти не знаетъ винограднаго вина, кромѣ западной Россіи и столицъ; потребленіе пива также, сравнительно съ Европой, до крайности ничтожно. Въ Россіи, безъ Царства Польскаго, Финляндіи и Кавказа, потребляется пива не болѣе одиннадцати съ третью бутылокъ въ годъ на одно лицо, тогда какъ въ Германіи—105 бутылокъ,

*) См. Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1886 годъ. С.-Петербургъ, 1887, стр. 19 и 53.

**) Съ тѣхъ поръ правительствомъ уже было обращено вниманіе на этотъ вопросъ и нашъ акцизный законъ приступилъ къ обязательной очисткѣ спирта.

Великобританіи—160, и Бельгіи—даже 207 *). Потребленіе другихъ невинныхъ стимулянтовъ, какъ чай и кофе, извѣстно, у насъ также весьма незначительно, сравнительно съ огромными размѣрами его въ разныхъ странахъ западной Европы, уже благодаря ихъ относительной дороговизнѣ для массы народа и высокимъ налогамъ. Такимъ образомъ, привычка русскаго народа къ водкѣ искусственно поддерживается и укореняется; если не считать кваса, на который даже фискъ, по слухамъ, предполагаетъ наложить свою руку, то русскому человѣку скоро не останется никакого дешеваго напитка взамѣнъ водки. Очевидно, если наше финансовое управленіе искренно желаетъ уменьшенія нашего народнаго порока—пьянства, то необходимо должно всѣми мѣрами сокрушать исключительную привязанность и привычку народа къ водкѣ—и для того не только не увеличивать обложеніе на чай, пиво и пр. (какъ оно недавно сдѣлало относительно обоихъ **), но сокращать налоги и, такъ сказать, всячески популяризировать эти напитки. Всякая иная политика будетъ лишь на руку фальсификаторамъ этихъ продуктовъ и еще сильнѣе закрѣпитъ весь вредъ отъ пьянства для грядущихъ поколѣній.

Еще болѣе важнымъ въ данномъ вопросѣ является развитіе частной иниціативы, самодѣятельности общества съ цѣлью противодѣйствія пьянству. Если у насъ невозможно, какъ было сказано, испробовать, напр., готенборгскую систему, то прежде всего потому, что намъ недостаетъ главнаго—подготовки къ какой-либо серьезной питейной реформѣ... Чтобы имѣть успѣхъ, такая реформа необходимо должна пользоваться сочувствіемъ значительной части общества, и притомъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Образованные люди всѣхъ классовъ въ Готенборгѣ жертвуютъ своимъ временемъ, личнымъ трудомъ, частью деньгами и даже самолюбіемъ, принимая участіе въ какихъ-то «кабацкихъ» предпріятіяхъ, и все это потому, что сознаютъ высокую полезность и важность для общаго блага предпринятаго ими дѣла и святость поставленной ими цѣли! Непривычка къ самодѣятельности, недостатокъ гражданственности и солидарности въ русскомъ обществѣ, наконецъ отсутствіе общаго сознанія важности этого вопроса—навѣр-

*) См. докладъ А. П. Манухина: «О нуждахъ пивовареннаго искусства въ Россіи». 2-го сент. 1882 года.

**) Наши пошлины на чай—любимѣйшій напитокъ народа послѣ водки—превосходятъ по своей высотѣ всѣ страны на свѣтѣ: въ Германіи и Австро-Венгріи пошлина на чай составляетъ 5 р. 6 к. на пудъ, Великобританіи—5 р. 66 к., въ Франціи 8 р. 53 к., Соедин. Штатахъ—безпошлинно, у насъ же въ Россіи—*двадцать одинъ* (21) рубль съ пуда!..

ное затормозили бы у насъ всякую подобную мѣру въ самомъ же началѣ. Одно же правительство, въ свою очередь, если бы даже и вздумало, безсильно предпринять что либо серьезное противъ пьянства, не встрѣчая общей и сознательной поддержки, по крайней мѣрѣ, въ образованныхъ классахъ народа.

Въ чемъ же должна заключаться эта предварительная подготовка нашего общества къ тѣмъ или инымъ серьезнымъ мѣрамъ противъ пьянства? На это отвѣчаетъ уже извѣстный намъ опытъ многихъ иностранныхъ государствъ. Вездѣ, прежде чѣмъ сдѣлались возможными важныя реформы въ этомъ отношеніи, образовывались общества трезвости или воздержанія, которыя стремились распространить свои идеи въ народѣ, всѣми мѣрами противодѣйствуя и отвлекая народъ отъ пьянства. Какъ мы видѣли, съ этою цѣлью, устроивались и устраиваются тамъ собранія для обмѣна мыслей по данному вопросу, издаются во множествѣ различныя книжки для народа и летучіе листки съ однороднымъ содержаніемъ, т. е. прямо или косвенно направленные противъ этого порока; учреждаются для народа чайныя, кофейни, столовыя, различныя чтенія и увеселенія; поступаютъ къ правительству ходатайства, касающіяся спеціальной цѣли общества. Вообще, стоя на легальной почвѣ, такое общество противодѣйствія пьянству старается не только сдѣлать народъ болѣе трезвымъ, но и создавать, по мѣрѣ силъ, благопріятныя для того условія. Вездѣ, поэтому, подобныя общества были, какъ мы упоминали, предшественниками и иниціаторами серьезныхъ реформъ для искорененія пьянства.

Вотъ въ такихъ-то обществахъ противодѣйствія пьянству, мнѣ кажется, Россія и нуждается въ настоящее время. Давно уже пора намъ серьезно взглянуть на нашу народную слабость, а не стараться ее игнорировать или встрѣчать однѣми усмѣшечками. Необходимо дискредитировать пьянство въ глазахъ народа и постараться снять съ него покровъ удальства и молодечества, которыми любятъ прикрывать этотъ порокъ не одни наши предки! Необходимо постараться добиться, чтобы народъ не считалъ за пьянымъ «два угодья»!.. Но для достиженія этой ближайшей цѣли важно, чтобы нашъ образованный классъ взялъ на себя иниціативу этого дѣла и взглянулъ на него серьезнѣе. Ранѣе того—не можетъ быть и рѣчи о разрѣшеніи этого крупнаго вопроса....

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.